Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

XT16(3)

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА".

№ 1-й. ІЮНЬ 1900 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Чтобы дать россійскимъ и заграничнымъ товарищамъ возможность быстрѣе узнавать о текущихъ событіяхъ изъ русскаго и западно-европейскаго рабочаго движенія, мы приступаемъ къ изданію **Листковъ** „Рабоч. Дѣла", которые будутъ выходить по мѣрѣ накопленія матеріала. Въ эти „Листки" войдутъ: хроника революціонной борьбы, краткія, предварительныя свѣдѣнія о стачкахъ, демонстраціяхъ и другихъ проявленіяхъ социальдемократическаго движенія, о новыхъ, выходящихъ въ Россіи и заграницей, нелегальныхъ изданіяхъ, тайные документы и распоряженія правительства, свѣдѣнія о рабочихъ и аграрныхъ процессахъ, о цензурныхъ запрещеніяхъ газетъ и журналовъ и другія подобнаго же рода извѣстія газетно-справочнаго характера. Въ „Листкахъ" же будутъ печататься и ежемѣсячные отчеты Секретаря Росс. Кассира Союза Русск. Социальдемократовъ.

Изданіемъ „Листковъ" редакція желаетъ не только достичь болѣе скораго опубликованія извѣстій злободневнаго характера, но и освободить „Раб. Дѣло" отъ массы отрывочнаго текущаго матеріала, который имѣетъ лишь временный интересъ и загромождаетъ страницы журнала.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ РОССІИ
въ 1900 году.

Помѣщаемъ всѣ свѣдѣнія о праздновaніи Перваго Мая въ Россіи, какія дошли до насъ по настоящее время.

Наши россійскіе товарищи заблаговременно готовились къ предстоящему рабочему празднику. Но въ то же время къ этому празднику готовились жандармы и полиція... Во многихъ городахъ произведены были многочисленные аресты и обыски какъ до наступленія рабочаго праздника, такъ и въ самый день 1 Мая и послѣ него.

Въ Петербургѣ произошли аресты 13 марта (см. о нихъ въ Хрон. револ. бор., „Р. Д.", № 6): взято было болѣе 30 ч. 1 Мая по заграничному календарю Петербургскій Союзъ Борьбы выпустилъ прокламацію въ количествѣ 5.000 экз. Но празднованія организовать не удалось. Произошли новые крупные аресты —взято было около 100 чел.

Около 1 Мая рабочіе фабрики Паля объявили стачку, требуя повышенія заработной платы на 20% и уничтоженія нѣкоторыхъ злоупотребленій. Стачка затянулась и до отсылки намъ свѣдѣній, т. е. недѣли черезъ двѣ послѣ начала стачки, она еще не закончилась. Стачка объявлена въ неудачное время. Носятся слухи, что хотятъ разсчитать съ фабрики до 700 раб.

1 мая по русскому счету Петербург. Комитетъ снова выпустилъ прокламацію, также въ количествѣ 5.000 экз.

Приводимъ текстъ этой прокламаціи.

Ко всѣмъ Петербургскимъ рабочимъ.

[illegible]и всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Товарищи! Дождались мы и еще разъ [illegible]го свѣтлаго, великаго праздника Мая. Одинадцатый годъ празднуетъ его наши заграничные товарищи, [illegible]ая работу, устраивая уличныя ма[illegible]фестаціи и собранія, какъ мы это [illegible]исали въ первомъ листкѣ. Празднованіе 1 Мая—выраженіе единодушія и [illegible]лы рабочихъ. Ничего такъ не боится [illegible]ржуазія (фабриканты, купцы) и ея [illegible]вительство, какъ этого праздника. [illegible]раницей, гдѣ рабочіе стали могучей [illegible]й, буржуазія ничего подѣлать не [illegible]тъ; тамъ не разгонишь рабочихъ [illegible]ній штыками, не выгонишь ихъ [illegible]омовъ и казармъ на работу, какъ дѣлаютъ это въ Россіи. Но и у [illegible] фабриканты и ихъ услужливое пр[illegible]тельство страшно трусятъ каждый ра[illegible] когда приближается нашъ праздникъ. Недаромъ нынѣшній годъ Департаментъ Полиціи разослалъ фабрикантамъ секретныя распоряженія о предупрежденіи всякой попытки рабочихъ отпраздновать этотъ день. Не напрасно безпокоится правительство: по всему лицу земли русской встаетъ на борьбу раб. народъ, то тамъ, то здѣсь начинаемъ и мы праздновать нашъ свѣтлый день 1 Мая. Ужъ наши польскіе товарищи третій разъ празднуютъ его на заграничный ладъ, а еврейскіе и литовскіе въ прошломъ году устроили уличныя шествія и загородныя собранія. Будутъ праздновать они и теперь, какъ слѣдуетъ всякому сознательному рабочему.

„Докажемъ же и мы, товарищи, фабрикантамъ и ихъ подлому правительству, что и мы сил[illegible] что[illegible] петербургскій рабочій проснулся, понялъ необходимость борьбы, а лучшимъ доказательствомъ этого будетъ празднованіе 1 Мая. Не задавятъ растущее сознаніе и силу рабочихъ никакіе штыки и нагайки...

„Собирайтесь же съ силами, товарищи! Говорите, убѣждайте своихъ знакомыхъ отпраздновать великій праздникъ; подсчитайте, взвѣсьте свои силы и, смотря по ихъ величинѣ, отпразднуйте день 1 Мая соотвѣтственнымъ образомъ. Дружно откажемся отъ сверхурочныхъ работъ въ этотъ день, а тамъ, гдѣ можно, гдѣ рабочіе уже сознали необходимость борьбы, тамъ—забастуемъ.

„Будемъ устраивать въ этотъ день собранія, гдѣ только можно,—въ лѣсу, въ паркахъ, на квартирахъ. Будемъ говорить и читать на нихъ о значеніи майскаго праздника, обсуждать наши требованія и планы борьбы и организаціи.

„И пусть трепещутъ наши враги, пусть знаютъ они, что перестали мы считать хозяевъ „кормильцами", а правительство—„благодѣтелемъ"; мы бросаемъ имъ вызовъ на борьбу; пусть услышатъ они изъ устъ того самаго рабочаго, котораго они не считаютъ человѣкомъ, горячую обличительную рѣчь объ обираніи и угнетеніи, грабежахъ и насиліяхъ, о борьбѣ и свободѣ... Пусть увидятъ, что мы дружно, какъ одинъ, можемъ встать за наше общее рабочее дѣло... И словомъ и дѣломъ заявимъ нашимъ кровопійцамъ и угнетателямъ о нашемъ единеніи и силѣ.... Проведемте же, товарищи, нашъ великій рабочій праздникъ такъ, какъ проводятъ его сознательные борцы за лучшую долю и свободу.

„Да здравствуетъ нашъ свѣтлый праздникъ!

„Да здравствуетъ русское, да здравствуетъ международное рабочее движеніе!

Союзъ Борьбы за освоб. раб. класса.
Мѣстный Комитетъ Рос. Соц.-Демокр. Рабочей Партіи.

Спб., апрѣль 1900 г.

Типографія Союза."

Общее празднованіе Перваго Мая не состоялось, хотя и [illegible] многихъ заводахъ собирались отпраздновать по своему, гдѣ какъ можно.

Въ **Москвѣ** въ день 1-го Мая Комитетомъ была выпущена майская прокламація. Другихъ свѣдѣній о 1-мъ Мая изъ Москвы мы не имѣемъ.

Въ **Екатеринославѣ** Комитетъ выпустилъ 13 апрѣля (по ст. стил.) майскія прокламаціи и распространилъ ихъ по всему городу; вслѣдъ за этимъ съ 15-го на 16-е произошелъ крупный погромъ среди интеллигенціи и рабочихъ. Произведено было 120 обысковъ и 80 арестовъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Взята была въ Кременчугѣ типографія, затѣмъ печать Комитета, 500 прокламацій и флаги для предстоящей майской демонстраціи; арестованные были распредѣлены по тюрьмамъ Харькова, Кіева и Екатеринослава.

Несмотря однако на этотъ страшный погромъ, Комитетъ продолжалъ свою дѣятельность и 18 апрѣля (по ст. ст.), т. е. въ день 1-го Мая распространилъ 340 шт. красныхъ плакатовъ и болѣе 200 бѣлыхъ листовокъ. Въ этотъ день на Брянскомъ заводѣ стояли войска, а по улицамъ города была разставлена масса городовыхъ. Всѣ эти мѣры царскаго правительства помѣшали екатеринославскимъ рабочимъ отпраздновать Первое Мая такъ, какъ они приготовлялись. Отъ демонстраціи пришлось отказаться...

Харьковъ. Здѣшніе рабочіе въ день 1 Мая рѣшительно заявили всему міру о томъ, что и они выступили на сознательную борьбу и открыто примкнули къ арміи борющагося пролетаріата всего міра.

Недавно образовавшійся Харьковскій Комитетъ выпустилъ майскую прокламацію, одинаковаго содержанія съ выпущенной въ Одессѣ. 1 и 2 мая рабочіе, главн. обр. желѣзнодорожные и заводскіе, объявили общую забастовку въ числѣ до 11 тыс. раб.

Произошли аресты, взято было свыше 100 раб. Эти аресты сильно взволновали рабочихъ и они собрались огромной толпой, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, около тюрьмы и требовали освобожденія товарищей. Начались переговоры съ губернаторомъ. Губернаторъ требовалъ, чтобы рабочіе сначала взялись за работу, а потомъ онъ освободитъ арестованныхъ. Рабочіе же требовали обратнаго. Послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ губернаторъ уступилъ и освободилъ арестованныхъ; тогда рабочіе стали на работу.

Во время стачки между рабочими и солдатами произошли столкновенія. Губернаторъ расклеилъ прокламаціи, запрещающія сборища и въ случаѣ демонстраціи угрожающія военною силою. Массами высылаютъ рабочихъ.

Въ **Кіевѣ** Комитетъ распространилъ прокламаціи на красной бумагѣ, напечатанныя въ собственной типографіи.

Было собраніе свыше 100 чел. рабоч. Предполагалось устроить демонстрацію, но строгія полицейскія мѣры и военная охрана заставили отказаться отъ этой мысли. Съ 11 на 12-е мая произошли аресты.

Въ **Ростовѣ на Дону** въ день 1 Мая (18 апр.) были выпущены прокламаціи за подписью „Донского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи".

Онѣ были распространены по фабрикамъ и главн. образомъ по заводамъ, а также по берегу Дона. Въ прокламаціяхъ разъяснялся рабочимъ смыслъ празднованія 1 Мая и были выставлены слѣдующія требованія:

1. Свобода союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати, неприкосновенность личности и участіе въ изданіи законовъ;
2. Установленіе закономъ 8-ми часового рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ безъ исключенія;
3. Отмѣна сверхурочныхъ работъ;
4. Возстановленіе праздниковъ, уничтоженныхъ закономъ 2 іюня 1897;
5. Распространеніе фабричныхъ

новъ и инспекціи на казенныя и ремесленныя мастерскія;

6. Обязательное государственное страхованіе рабочихъ и отвѣтственность хозяевъ за несчастные случаи.

„Подобныя прокламаціи, — пишутъ намъ,—появились въ Ростовѣ впервые и вызвали, въ большинствѣ, сочувственные отзывы. Описывать ужасъ полиціи, который былъ очень великъ, мы отказываемся. Размѣры его были усугублены еще тѣмъ, что прокламаціи были приклеены къ дверямъ квартиры полицеймейстера, помощника его и полицейскихъ приставовъ съ ихъ помощниками“.

Въ **Одессѣ** были выпущены майскія прокламаціи. Жандармерія по своему приступила къ встрѣчѣ майскаго праздника и въ теченіе двухъ дней—16 и 17 апрѣля усердно шныряла по рабочимъ кварталамъ, переходя съ одного обыска на другой. Но поиски ея были неудачны и она осталась безъ жертвъ. Обыски были у интеллигентовъ и у рабочихъ. Несмотря на это, 18 апрѣля, хотя въ меньшемъ числѣ, чѣмъ предполагалось, состоялось тайное собраніе рабочихъ, на которомъ присутствовало около 100 чел., и праздникъ прошелъ благополучно. Но послѣ 1-го Мая произошли сильные аресты; взято около 120 чел.

Сѣверо-Западный Край.

Всеобщій Евр. Раб. Союзъ въ Россіи и Польшѣ издалъ и распространилъ во всѣхъ городахъ Польши и Литвы майскій номеръ газеты „Голосъ Рабочихъ“, воззваніе отъ имени Центральнаго Комитета Союза, воззваніе отъ имени мѣстныхъ Комитетовъ Союза (Лодзинскаго, Варшавскаго, Виленскаго, Бѣлостокскаго и Минскаго). Все это печаталось въ тайныхъ типографіяхъ въ Россіи.

Варшавскій Комитетъ „Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза“ распространилъ первомайскія воззванія и небольшіе листки, призывающіе еврейскихъ рабочихъ принять участіе въ общей съ польскими рабочими демонстраціи.

т Въ демонстраціи приняли участіе до п 000 еврейскихъ рабочихъ.

на Евр. Союзъ Щетинщиковъ издалъ № Ар его профессіональнаго органа „Бу- В ьникъ“.

нача ебованія, выставленныя въ воззва- нико Центр. Комит., слѣдующія:

анъ и часовой рабочій день,

Свобода собраній, союзовъ, стачекъ,
Свобода слова и печати,
Неприкосновенность личности,
Уничтоженіе полицейскаго произвола,
Конституція,
Гражданское равноправіе евреевъ.

Въ **Вильнѣ** 1 мая была демонстрація рабочихъ. Въ ней приняли участіе до 1.000 раб., евреевъ и христіанъ. Рабочіе шли рядами по главной улицѣ города — Большой. Демонстрація прошла спокойно, несмотря на присутсвіе массы полицейскихъ чиновъ всѣхъ разрядовъ.

Въ **Креславкѣ** была демонстрація въ 300 человѣкъ.

Въ **Двинскѣ** было собраніе рабочихъ въ 150 челов.

Въ **Витебскѣ** была всеобщая стачка; нигдѣ не работали.

Удачно прошелъ праздникъ и въ другихъ городахъ, гдѣ существуетъ еврейское рабочее движеніе.

Щетинщики праздновали 1 мая въ числѣ 600 человѣкъ.

Польша.

Корреспонденція изъ Варшавы.

(Свѣдѣнія взяты изъ № 5 „Przedswit'a“).

И въ этомъ году, какъ и въ прошлые годы, Польская Соціалистическая Партія рѣшила въ воскресенье передъ Первымъ Мая организовать уличную демонстрацію. Въ ночь съ среды на четвергъ, 13-го апрѣля (по русскому календарю) были расклеены и разбросаны повсюду листки. Въ листкахъ рабочіе приглашались собраться въ воскресенье, 16 апрѣля въ 5 часовъ дня въ Уяздовской аллеѣ; ровно въ 6 должно было начаться шествіе по направленію къ памятнику Мицкевича. При распространеніи прокламаціи никто не былъ арестованъ, утромъ у нѣкоторыхъ рабочихъ были обыски.

Въ субботу по городу, а въ особенности по фабричнымъ кварталамъ, проходили войска съ музыкой и барабаннымъ боемъ. То же повторилось и въ воскресенье передъ полуднемъ. Около 5 часовъ (погода была прекрасная) въ Уяздовской аллеѣ начали собираться группы рабочихъ и работницъ. Среди общей толпы число энергичныхъ, подвижныхъ фигуръ рабочихъ стало постоянно возрастать, рѣзко выдѣляясь

среди обычныхъ праздничныхъ фланеровъ.

Въ то же время около памятника Мицкевича и костела св. Александра выстроились конные жандармы, оренбургскіе казаки и полиція, а въ аллеѣ поставлена была рота Волынскаго полка и сотня казаковъ — это, кромѣ массы обычныхъ жандармовъ и полиціи.

Около 6 часовъ въ Уяздовской аллеѣ собралось около 20.000 человѣкъ. Ровно въ 6 ч. отдѣльные группы рабочихъ и работницъ—по нѣсколько сотъ человѣкъ — запѣли „Красное Знамя“ и „Варшавянку“, и шествіе тронулось, построившись въ ряды. Впереди шли три работницы, держась подъ руки и полнымъ голосомъ пѣли революціонный гимнъ. Среди тѣсныхъ рядовъ рабочихъ то тутъ, то тамъ виднѣлись студенты и другія лица изъ интеллигенціи. Обычные фланеры быстро уходили отъ толпы манифестантовъ.

Огромная масса собравшихся производила внушительное впечатлѣніе. Власти, желая раздѣлить на части манифестантовъ, поставили въ разныхъ мѣстахъ по пути шествія три сильныхъ кордона; этимъ значительная часть рабочихъ была вытѣснена въ боковыя улицы. На углу Пенкной улицы шествіе было остановлено казаками и сомкнутымъ отрядомъ полиціи подъ предводительствомъ помощника полицеймейстера Зейферта. Рабочіе и работницы, не переставая пѣть, повернули въ сторону Лазенокъ. Около церкви шествіе столкнулось съ солдатами Волынскаго полка, вооруженными ружьями со штыками. Шествіе снова повернуло по направленію къ памятнику Мицкевича, но возлѣ Уяздовскаго парка на рабочихъ набросились штурмомъ казаки съ нагайками. Рабочіе защищались палками и каменьями. Одинъ шпіонъ за попытку арестовать рабочаго былъ сильно избитъ палками. Тогда казаки обнажили шашки и стали махать ими надъ головами демонстрантовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ другая часть казаковъ съ большой быстротой и силой налетѣла на толпу, стоящую на другой сторонѣ аллеи и оттѣснила ее въ кандитерскую „Пательню“. Изъ кандитерской на казаковъ посыпался градъ чашекъ, стакановъ, блюдецъ и т. под. Произошла такая давка, что люди чуть не задыхались. Женщины, спасаясь, выскакивали изъ оконъ и бѣжали въ боковыя улицы, а оставшаяся часть толпы, выломавъ рѣшетку, ворвалась въ садъ „Швейцарская долина“, а оттуда черезъ другую рѣшетку попала уже на улицу.

Манифестанты, бывшіе возлѣ Уяздовскаго парка, были оттѣснены въ паркъ, заперты и окружены войскомъ; это однако не лишило ихъ отваги, и они продолжали пѣть революціонныя пѣсни. Нѣсколько разъ рабочіе пытались вырваться изъ парка, даже выломали съ этой цѣлью ворота, но каждый разъ войско оттѣсняло толпу.

Несмотря на всѣ старанія войска и полиціи, значительное число рабочихъ направилось черезъ Новый Свѣтъ къ памятнику Мицкевича, но не могли къ нему подойти, такъ какъ памятникъ былъ окруженъ жандармами и полиціей. По пути шествія балконы, окна, магазины, ворота, проходы въ боковыя улицы и костельныя паперти были густо покрыты народомъ.

Наконецъ, появился и самъ Имеретинскій въ одномъ экипажѣ съ оберъ-полицеймейстеромъ. Когда его узнали, поднялся свистъ и крики: „прочь“. Въ то же время взвилось красное знамя; рабочіе обнажили головы и привѣтствовали это знамя революціонными криками. Помощникъ оберъ-полицеймейстера Зейфертъ, бросившійся съ обнаженной саблей отнимать знамя, былъ сильно избитъ палками,—его увезли въ экипажѣ домой.

Въ это время казаки по данному сигналу съ дикими криками понеслись черезъ аллею въ сторону города, давя и избивая нагайками всѣхъ, попадавшихся имъ на пути. Такъ бушевали эти дикіе звѣри по всѣмъ улицамъ до 11 часовъ ночи.

Въ 10 часовъ вечера вывели изъ парка всѣхъ арестованныхъ, болѣе 2.000 человѣкъ, и отвели въ цитадель. На улицахъ, по которымъ вели арестованныхъ, не было ни одного прохожаго, ни трамвая, ни извощиковъ. Казаки, ѣхавшіе впереди конвоя, загоняли всѣхъ прохожихъ въ дворы и запирали за ними ворота.

Во 2-мъ часу ночи конвой прибы[л] въ цитадель. Кто не хотѣлъ вход[ить] спокойно и быстро, того казакъ по[го]нялъ нагайкой. Въ цитадели ар[есто]ванныхъ начали обыскивать. Раб[...]

ыхъ мес- щихъ ольше въ, поженіи,

помѣстили въ первомъ этажѣ, а въ партерѣ остались женщины и молодежь изъ учебныхъ заведеній.

Часть женщинъ и дѣтей была освобождена въ ту же ночь, а другихъ продержали до 1 ч. слѣдующаго дня, давая имъ только хлѣбъ и воду.

Многіе заболѣли, такъ что вынуждены были обратиться къ немедленной врачебной помощи. Большую часть арестованныхъ освободили впродолженіе пяти слѣдующихъ дней.

На слѣдующій день генералъ-губернаторъ Имеретинскій гулялъ по Новому Свѣту въ казацкомъ мундирѣ, а нѣсколько дней спустя въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ была опубликована „сердечная благодарность“ Имеретинскаго командующему Волынскимъ полкомъ генералъ-майору Комарову за его умѣніе и „расторопность“ при дѣйствіяхъ противъ манифестантовъ.

Демонстрація произвела на всѣхъ огромнѣйшее впечатлѣніе.

Изъ другихъ мѣстъ Польши пока мало извѣстій.

Домброво. Предъ Первымъ Маемъ произведены въ копяхъ обыски; нѣсколько рабочихъ было арестовано. Наканунѣ праздника во всемъ округѣ были расклеены прокламаціи. Манифестація прошла очень удачно; многотысячная толпа безпрепятственно прошла по улицѣ. Войска слѣдовали за толпой. Рѣчь оратора длилась четверть часа.

Лодзь. Мѣстный рабочій комитетъ еще не нашелъ возможнымъ выступить съ открытой уличной демонстраціей. Однако полиція была страшно встревожена, и были приняты всѣ мѣры къ предупрежденію рабочаго праздника; между прочимъ загородили ту улицу, на которой была взята польская типографія „Работника“. Однако весь городъ и его окрестности были украшены красными знаменами съ бѣлыми надписями.

Въ остальныхъ мѣстахъ рабочіе праздновали на отдѣльныхъ фабрикахъ.

СТАЧКИ.

Кіевъ. Въ началѣ текущаго года среди рабочихъ кіевскихъ булочныхъ возникла организація. Дѣло сразу пошло успѣшно. Къ февралю изъ взносовъ рабочихъ въ кассѣ собралось 62 руб. Общее настроеніе было приподнятое. Въ концѣ апрѣля рабочіе выработали и предъявили требованія хозяевамъ. Въ прокламаціяхъ Кіевскаго Комитета эти требованія формулированы въ слѣдующихъ 6 пунктахъ:

„1) Установленіе 12-часов. раб. дня съ перерывами въ полчаса для завтрака и въ полтора часа для обѣда (431 ст. уст. о пром.).

„2) Повышеніе платы мастерамъ до 40 руб., подмастерьямъ до 25 р.

„3) Повышеніе платы ученикамъ.

„4) Воскресный отдыхъ.

„5) Оздоровленіе помѣщеній для рабочихъ, улучшеніе пищи.

„6) Вѣжливое обращеніе“.

Эти требованія были предъявлены хозяевамъ, но хозяева ни одного изъ нихъ не захотѣли удовлетворить. Тогда (въ началѣ мая) въ одну ночь рабочіе бросили работы въ большинствѣ булочныхъ города и предмѣстій. Всѣ крупныя булочныя были закрыты. Число стачечниковъ доходило до 1.000 челов.

Внезапное вздорожаніе хлѣба, а потомъ и чувствительный недостатокъ этого главнѣйшаго предмета первой необходимости заставили имущіе слои населенія и мѣстныя власти обратить особенное вниманіе на начавшуюся борьбу рабочихъ-булочниковъ съ ихъ хозяевами.

Сначала администрація хотѣла и хозяевъ не обидѣть, и рабочимъ не уступить, и населеніе снабдить хлѣбомъ. Было запрещено хозяевамъ-булочникамъ дѣлать хакія-либо уступки рабочимъ; имъ „предложили выписать рабочихъ изъ другихъ городовъ, рыночныхъ торговокъ принуждали брать для продажи черный солдатскій хлѣбъ, въ нѣкоторыхъ мастерскихъ полиція силою загоняла рабочихъ, и хлѣбъ пекли подъ охраной взвода городовыхъ“. 57 рабочихъ было арестовано.

Но всѣ эти мѣры правительства плохо помогали, а къ стачечникамъ въ то же время примкнули и рабочіе, не имѣющіе постоянной работы.

Скоро затѣмъ недостатокъ хлѣба и давленіе общества заставили администрацію войти въ положеніе рабочихъ-булочниковъ. Губернаторъ распорядился немедленно же осмотрѣть всѣ булочныя и пекарни и многіе содержатели были привлечены потомъ къ судебной отвѣтственности. Кромѣ того губернаторъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ содержателей булочныхъ и пекарныхъ заведеній для переговоровъ о сокращеніи рабочаго времени, улучшеніи помѣщеній и пр.

Кіевскій Комитетъ выпустилъ 10 мая воззваніе съ призывомъ о помощи стачечникамъ. Союзъ Русскихъ Соціаль-демократовъ, немедленно же по полученіи свѣдѣній изъ Кіева, отправилъ изъ своего стачечнаго фонда 150 руб. и началъ заграницей сборъ для кіевскихъ стачечниковъ.

Уже въ теченіе первой недѣли стачки многіе хозяева сдались.

Въ результатѣ стачечники выиграли полную побѣду. Всѣ требованія рабочихъ были удовлетворены почти всѣми хозяевами, кромѣ того и санитарное положеніе въ мастерскихъ улучшилось. Въ тюрьмахъ сидятъ еще 25 стачечниковъ.

Во время стачки распубликовано было по городу объявленіе ген.-губ. Драгомирова, угрожающее энергичными мѣрами правительства противъ уличныхъ демонстрацій и сходокъ.

Москва. Въ февралѣ въ Москвѣ была стачка на золотоканительной фабрикѣ Алексѣева; началась она изъ-за того, что вывѣсили объявленіе о взиманіи штрафовъ, которые прежде на фабрикѣ не взимались. Кромѣ того рабочіе требовали удаленія нѣкоторыхъ мастеровъ. На фабрику пріѣхалъ хозяинъ (извѣстный артистъ и режиссеръ Художественнаго театра Станиславскій), сорвалъ объявленіе, которымъ рабочіе были недовольны, но разсчитать мастеровъ отказался. Рабочіе стали опять на работу. Стачка продолжалась одинъ день.

Въ первой половинѣ марта произошла стачка на *Вознесенской* мануфактурѣ „Берга и Кноппа“ (бумагопрядильной и ткацкой). Мануфактура эта находится въ 12-ти верстахъ отъ станціи „Пушкино“ Ярославской желѣзной дор., первой отъ Москвы. Рабочихъ на ней двѣ тысячи съ небольшимъ; стачка началась изъ-за недовольства существующимъ разцѣнкомъ; ткачи требовали повышенія разцѣнка на двѣ копѣйки. Стачка носила совершенно мирный характеръ, но тѣмъ не менѣе 12 марта явилась сотня казаковъ, которыхъ заставили даже пустить въ ходъ плети; двое рабочихъ были очень сильно избиты. Возмущенные рабочіе защищались, чѣмъ могли, и пробили голову одному казаку обломкомъ рельса. Казаки оставались на фабрикѣ до 19 числа. — Интересно отношеніе къ стачечникамъ казаковъ. На приказъ: „въ нагайки“ — казаки сначала не двинулись съ мѣста.—„Еслибъ они бунтовали, а то стоятъ смирно и просятъ прибавки; люди голодные просятъ хлѣба заработаннаго, — за что же ихъ бить“? — говорилъ одинъ казакъ. И только тогда, когда имъ самимъ пригрозили нагайкой, казаки стали повиноваться приказу начальства, стараясь все-таки больше „пужать лошадьми“, чѣмъ бить. — И все-таки въ результатѣ оказались избитые за то, что свободные люди мирно просили себѣ прибавки. За это ихъ били и истязали... Вотъ каковы у насъ нравы.....—12 человѣкъ было арестовано и увезено въ Москву. Остальные стали на работу. Стачка кончилась ничѣмъ.

Иваново-Вознесенскъ. На здѣшнихъ фабрикахъ происходилъ осенью разсчетъ рабочихъ, т. к. въ дѣлахъ былъ застой, причемъ отказано почти всѣмъ поднадзорнымъ, выпущеннымъ по дѣлу, о которомъ сообщено во 2-3 № „Раб. Д.“. Весной готова была вспыхнуть стачка на фабрикѣ Компаніи. Три мѣсяца на ней происходила самая беззастѣнчивая эксплуатація—обмѣривали въ мѣсяцъ на 7 арш. миткаля; стало быть каждаго рабочаго изъ 2000 обмѣрили на 21 аршинъ, итого 42.000 аршинъ или 350 кусковъ, а плата за выработку одного куска равняется 60 к., а 350 кусковъ—21.000 руб. Стало быть, у рабочихъ хотѣли отнять 7.000 р. въ мѣсяцъ. Благодаря одному рабочему, продѣлка эт наконецъ была раскрыта; рабочіе вы требовали фабричн. инспектора и бы установлено, что мѣрительная маш вретъ сотвѣтствующимъ образомъ, казывая прежнее число арш. въ ку 120. Былъ составленъ протоколъ рабочіе не сумѣли довести дѣл

конца и пошли на мировую, получивъ по 5 р. на человѣка. Такимъ образомъ, Компанія въ концѣ концовъ украла 11 тысячъ руб. Жены ткачей Компаніи, рабочіе другихъ фабрикъ, предъ тѣмъ предлагавшіе оказать свое содѣйствіе и поддержку, собравшись у воротъ фабрики, напряженно ждали появленія товарищей. Крики негодованія были отвѣтомъ на рѣшеніе ткачей. Рабочіе разошлись — одни недовольные, другіе пристыженные.

Въ теченіе недѣли господствовало въ Ивановѣ напряженное настроеніе, которымъ, къ сожалѣнію, Ив.-Возн. Комит. по недостатку средствъ не воспользовался. Отрадно одно—15.000-ая стачка воспитала солидарность здѣшнихъ рабочихъ, и вотъ по первому поводу товарищи готовы поддержать стачку.

Исторія эта привела все-таки къ удаленію директора фабрики Толоконникова, который, однако, нисколько не смутившись, выстроилъ кирпичный заводъ и вложилъ свою душу въ новое дѣло.

Шуя. На фабрикахъ введены полицейскіе; въ городъ приглашены на постоянное жительство казаки; на фабрики является періодически жандармъ. Какъ только соберутся пятеро, сейчасъ-же ихъ разгоняютъ. Да, дожили до того времени, что можно сказать: „гдѣ двое или трое соберутся во имя истины, тутъ и жандармъ посреди нихъ".

Кострома. Въ октябрѣ на одной изъ здѣшнихъ фабрикъ была стачка малолѣтнихъ. Требовали повышенія разцѣнковъ. Это была одна изъ жизнерадостнѣйшихъ стачекъ; молодежь ходила героями, поощряемая одобреніями взрослыхъ. Черезъ недѣлю требованія были удовлетворены.

Кинешма. Наступившій кризисъ сильно повліялъ на положеніе дѣлъ, вызвавъ массовые разсчеты рабочихъ, а съ 1-го октября было объявлено, что разцѣнки будутъ понижены на 10%. Это вызвало стачку на Елагинской мануфактурѣ. Черезъ недѣлю рабочіе стали на работу, не получивъ удовлетворенія. Это [illegible]раженіе уничтожило возбужденное [illegible]строеніе на фабрикѣ у Вазоренова. [illegible]стованные 17 ч. были освобождены.

[illegible]ъ **Вильнѣ** въ началѣ мая по ст. ст. [illegible]лась крупная стачка 1.200 сапожна[illegible]въ; въ этомъ числѣ 1.000 христіаник[illegible] 200 евреевъ.

Здѣсь теперь царитъ бѣлый терроръ. Полиція и жандармы хватаютъ по городу и въ предмѣстьи Ново-Городъ кого попало днемъ и ночью. Взято до 200 человѣкъ.

Все это происходитъ по поводу слѣдующаго знаменательнаго факта.

Недавно въ предмѣстьѣ Вильны Ново-Городъ двѣ работницы и одинъ рабочій расклеивали прокламаціи къ чулочницамъ. На нихъ донесъ здѣшній шпіонъ Лейбка Панбукъ и ихъ арестовали. Дѣло было вечеромъ часовъ въ 8, когда рабочіе собираются на биржѣ. Вѣсть объ арестѣ сейчасъ же прилетѣла на биржу. Толпа сильно возмутилась за арестъ на шпіона Лейбка и бросилась къ стану пристава, куда помѣстили арестованныхъ, и осадила станъ. Кто-то сейчасъ же оборвалъ телефонную проволоку и такимъ образомъ мѣстная полиція оказалась отрѣзанной отъ города. Толпа нѣкоторое время рѣшала, какъ поступить: поджечь-ли станъ или разрушить?

Обсудивъ дѣло, толпа отказалась отъ такихъ намѣреній и, простоявъ до 11-12 час. ночи, порѣшила выжидать, когда выведутъ арестованныхъ для отправки въ городъ. Всѣ попрятались по разнымъ переулкамъ, разставивъ сторожей. Такъ простояли до 4-5 час. утра. Въ это время вывели, наконецъ, арестованныхъ; ихъ сопровождали Лейбка, сотскіе и городовые. По знаку часовыхъ толпа вышла изъ засады и на конвой посыпалась туча камней. Камнями досталось всѣмъ, сопровождавшимъ арестованныхъ, попалъ камень даже въ одну арестованную. Городовые обнажили шашки и ранили двухъ рабочихъ въ голову, одного очень тяжело. Изъ толпы раздались выстрѣлы.... Конвой съ арестованными вернулся обратно и заперся въ участкѣ. Въ домъ полетѣли камни. Показавшійся на крышѣ одинъ сотскій былъ сбитъ камнемъ. Тогда приставъ приказалъ освободить арестованныхъ. Ихъ сейчасъ же увели и они скрылись. Но толпа не оставила участка и продолжала громить. Разгромили весь домъ: выбиты окна, двери, пострадали и стѣны...

Раненныхъ шашками арестовали; тяжело раненнаго помѣстили въ военный госпиталь, а легко раненнаго — въ еврейскую больницу. Но послѣдняго на второй же день освободили и онъ скрылся.

Съ слѣдующаго дня начались аресты. Берутъ по указанію Лейбка, съ которымъ ходятъ по улицамъ и мастерскимъ города. Говорятъ, что Лейбка знаетъ, съ какой враждой къ нему относятся рабочіе, чуетъ свою бѣду и рѣшилъ сдѣлать какъ можно больше имъ зла.

Населеніе въ общемъ сочувственно относится къ освобожденію арестованныхъ, но говорятъ, что „дѣло хорошее, но залито кровью".

Въ **Двинскѣ** за послѣднее время были стачки: шапочниковъ, кожевниковъ, жестянниковъ, щетинщиковъ, столяровъ (225 человѣкъ), коробочниковъ, чемоданщиковъ, каменщиковъ (500 челов.), желѣзнодорожныхъ рабоч. (85), маляровъ (150), кузнецовъ (125). Вездѣ почти требовали 10-часового рабоч. дня и почти вездѣ рабочіе выиграли.

Между рабочими, полиціей и жандармеріей происходили стычки. Недавно глава сыскной полиціи, Курляндскій, чуть не поплатился жизнью за то, что направилъ револьверъ на толпу.

Мѣстный Комитетъ Всеобщаго Еврейскаго Раб. Союза выпустилъ два воззванія по поводу послѣднихъ стачекъ — одно на еврейскомъ языкѣ, другое на русскомъ: въ Двинскѣ нѣтъ христіанскихъ организацій, несмотря на то, что тамъ имѣется большое количество рабочихъ не-евреевъ.

Сапожники въ **Ковно** также объявили стачку, выставивъ требованія, одинаковыя съ виленскими рабочими.

Въ томъ же городѣ стачка портныхъ.

Въ началѣ іюня мѣсяца начался въ *районѣ щетиннаго производства* рядъ стачекъ. Въ *Устиницѣ* забастовало около 60 чел., въ *Вильковишкахъ* 20, въ *Креславкѣ* 230, въ *Невелѣ* свыше 100 человѣкъ. Въ первыхъ двухъ мѣстечкахъ были выставлены требованія — правильная медицинская помощь и разсчетныя книжки. Стачки эти не долго продолжались и кончились побѣдой рабочихъ. Стачки въ Креславкѣ и Невелѣ еще продолжаются. Въ Креславкѣ рабочіе требуютъ повышенія платы.

Въ **Кайданахъ,** Ковенской губ. была недавно стачка на спичечной фабрикѣ. Рабочіе спичечной фабрики Закса въ Двинскѣ получили отъ неизвѣстныхъ имъ лицъ изъ Кайданъ открытое письмо слѣдующаго содержанія:

„Покажите это письмо всѣмъ рабочимъ вашей фабрики".

„Мы, рабочіе Кайдановской фабрики, заявляемъ вамъ, чтобы вы не смѣли ѣхать сюда на работу, а если вамъ надоѣла жизнь, то пріѣзжайте сюда — тутъ вы съ нею распроститесь.... Мы бы подписались, но на открыткѣ нѣтъ мѣста..."

По Россіи.

Новыя права хозяевъ и безправіе рабочихъ.

Газеты отъ 31-го марта сообщили, что 31-го декабря 1899 г. „удостоилось Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія" положеніе комитета министровъ о томъ, чтобы „*разрѣшить съѣзды* представителей горнопромышленныхъ, металлургическихъ, вагонно- и машиностроительныхъ и механическихъ заводовъ и предпріятій Сѣвернаго и Прибалтійскаго районовъ". Такимъ образомъ фабрикантамъ и заводчикамъ этихъ мѣстностей дается право безпрепятственнаго обсужденія своихъ дѣлъ, пользъ и выгодъ на публичныхъ съѣздахъ.

Этимъ правомъ, какъ и правомъ устраивать стачки для повышенія цѣнъ товаровъ, давно уже пользуются фабриканты, заводчики и желѣзнодорожники Юга, Урала, московскаго района и Польши.

Не такъ давно мы были свидѣтелями всероссійскаго съѣзда ремесленниковъ-хозяевъ, порѣшившихъ удлинить рабочій день подмастерьевъ съ 10 до 11½ часовъ.

Затѣмъ въ началѣ мая въ Харьковѣ былъ съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи, на которомъ хозяева удѣлили немало времени „рабочему вопросу", какъ они его сами понимаютъ. Тайныя мечтанія горнопромышленниковъ высказались передъ тѣмъ въ проэктѣ г. Штейнфельда „ввести крѣпостное право для рабочихъ горной промышленности".

Въ первой же половинѣ мая засѣдалъ въ Баку съѣздъ нефтепромышленниковъ. 15 мая начался съѣздъ представителей городскихъ банковъ.

А почему же не слышно о публичныхъ съѣздахъ заводскихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ **рабочихъ?**

Или у нихъ мало своихъ дѣлъ, общихъ интересовъ и нуждъ? У нихъ вѣдь больше основаній, чѣмъ у толстосумовъ-хозяевъ, подумать о своемъ бѣдственномъ положеніи,

средствахъ къ его улучшенію, необходимости добиваться законодательной охраны труда, гражданскихъ правъ и т. д.

Но русскіе министры и царь на этотъ счетъ другого мнѣнія, — отечески заботясь объ интересахъ наживы и расширеніи правъ хозяевъ, царское правительство считаетъ преступленіемъ всякую попытку *рабочихъ* сообща обсуждать и защищать свои интересы, наказываетъ тюрьмой и ссылкой участниковъ рабочихъ собраній, стачекъ и кассъ самообороны.

С—къ.

Покушеніе на Вольно-Экономическое общество.

„Быть или не быть, умереть или ожить" Вольно-Экономическому обществу? Такъ вопрошаетъ князь Мещерскій въ своемъ „Гражданинѣ". Эта старая ворона каркаетъ недаромъ. Она пронюхала, что „въ министерствѣ земледѣлія, въ вѣдѣніи коего пребываетъ Вольно-Экономическое общество, ставится вопросъ, что съ нимъ дѣлать: закрыть вовсе, какъ ненужное, или закрыть временно, съ тѣмъ, чтобы открыть его вновь послѣ передѣлки его, или оставить его открытымъ и заняться пересмотромъ его устава"?

Безъ труда можно себѣ представить, какъ будетъ выглядѣть общество, имѣющее громадныя историческія заслуги, послѣ этой „передѣлки".

Мы видѣли уже горькіе плоды такихъ „передѣлокъ", въ духѣ Побѣдоносцева и третьяго отдѣленія, на комитетахъ грамотности, вынужденныхъ прекратить свою полезную дѣятельность.

Но чѣмъ же провинилось Императорское Вольно-Экономическое общество? Да тѣмъ, что оно позволило себѣ быть не только „императорскимъ", а и „вольнымъ".

„Какъ согласовать эти два очень далекія одно отъ другого понятія"? — спрашиваетъ князь Мещерскій. Задача, дѣйствительно, трудная и прямо невозможная. „Императорское" и „вольное", произволъ и свобода, не только „очень далекія", но и взаимно исключающія другъ друга понятія.

Тѣмъ хуже для „императорскаго", если оно заграждаетъ путь къ „вольному".

Этимъ лишній разъ подтверждается, что свобода общественной самодѣятельности можетъ быть достигнута въ Россіи только путемъ борьбы съ царскимъ самовластіемъ.

С—къ.

НАМЪ ПИШУТЪ:

Изъ Кіева.

Въ 2-3 № „Рабочаго Дѣла" въ корреспонденціи изъ Кіева сообщалось за подписью „Кіевскаго Краснаго Креста" объ арестованныхъ прошлой весной. Быть схваченнымъ и обысканнымъ ночью жандармами безъ опредѣленія даже суда, брошеннымъ въ тюрьму безъ малѣйшаго намека на инкриминируемое дѣяніе арестованнаго, безропотно сидѣть въ ней 3 мѣсяца и болѣе безъ допроса въ числѣ болѣе 100 человѣкъ, — это-ли не унизительное и безпомощное положеніе для мало-мальски интеллигентнаго человѣка?

Но въ мѣстахъ дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ, къ какимъ относится Ю.-З. Край, всѣ политическіе отданы, въ виду „необходимости примѣнять быстрыя, энергичныя мѣры", въ безотчетное распоряженіе жандармскаго генерала и министра внутр. дѣлъ. Поэтому политическія дѣла въ Кіевѣ тянутся дольше, чѣмъ въ другихъ городахъ, и заключенные дольше томятся въ тюрьмѣ.

Какъ ни мрачно изображеніе суда надъ политическими въ неиспорченномъ цензурой изданіи „Воскресенья", какъ ни правдиво это изображеніе,—для районовъ дѣйствія положенія объ усил. охранѣ краски должны быть еще сгущены. Вмѣшательство министерства юстиціи въ политическія дѣла становится немыслимымъ, и арестованный можетъ находиться неопредѣленное время въ неизвѣстности, предъявятъ-ли ему какія-нибудь обвиненія, или безъ допроса освободятъ. „Въ дѣлахъ съ политическими не было и того подобія законности", которое соблюдалось съ уголовными, говоритъ Л. Н. Толстой. Но область административнаго безотчетнаго воздѣйствія, освящаемая потребностями государственной безопасности, беззастѣнчиво распространяется у насъ и на лицъ, подлежащихъ простой уголовной отвѣтственности.

Въ то время какъ, согласно указанной корреспонденціи, въ Кіевѣ болѣе 100 чел. настаивали на своемъ скорѣйшемъ привлеченіи къ допросу, исполняющій обязанность прокур. судебной палаты г. Деминъ обходилъ мѣста заключенія. Къ его удивленію въ кіевскомъ арестномъ домѣ оказалось болѣе 15 чел., сидящихъ по 2 недѣли и болѣе по положенію объ усиленной охранѣ за такіе проступки, какъ напримѣръ, за скорую ѣзду... Г. прокуроръ освободилъ ихъ, но постановленіе о незаконности дѣйствій администраціи составить побоялся. Одинъ изъ извощиковъ, нанимаемый помѣсячно проф. Иконниковымъ, просидѣвъ за быструю ѣзду 10 дней въ арестномъ домѣ по положенію объ усиленной охранѣ, былъ затѣмъ привлеченъ въ законномъ порядкѣ, т. е. въ мировомъ судѣ. Судьи присудили уже одинъ разъ наказаннаго человѣка ко второму наказанію за одинъ и тотъ же проступокъ, вопреки пословицѣ: „съ одного вола 2-хъ шкуръ не дерутъ". Какъ ни протестовалъ проф. Иконниковъ по разнымъ инстанціямъ, ничего изъ его протестовъ не вышло.

Случаевъ, подобныхъ нижеприведенному, за послѣднее время въ Кіевѣ было не мало. Вотъ цѣликомъ замѣтка изъ „Кіевлянина" (отъ 30 марта 1900).

„Административное наказаніе. Г. кіевскій губернаторъ, признавая крестьянина Кузьму Петрова и мѣщанку Гликерію Завадскую виновными въ нарушеніи объявленія г. Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора, изданнаго 31 марта 1899 г., на основаніи ст. 15 и 2 п. ст. 16 положенія объ усиленной охранѣ и обязательнаго постановленія, изданнаго Генералъ-Губернаторомъ 15 сентября 1881 г., постановилъ подвергнуть ихъ тюремному заключенію по одному мѣсяцу каждаго, считая срокъ со дня задержанія Петрова и Завадской при полиціи, т. е. съ 23 марта с. г. Какъ оказывается, Кузьма Петровъ профессіоналаный сутенеръ и его достойная подруга Гликерія Завадская, которая, къ слову сказать, въ свое время училась въ одной изъ гимназій и была уволена оттуда изъ 5 класса, провинились въ слѣдующемъ. Присутствуя при арестѣ на Крещатикѣ извѣстнаго сутенера и подкалывателя Петра Чоглакона, носящаго кличку „Петра Красавчика", который нанесъ на прошлой недѣлѣ, въ общей дракѣ между крещатицкими сутенерами, одному изъ нихъ Петру Пархоменко нѣсколько ранъ ножемъ, Петровъ и Завадская бросились спасать изъ рукъ полиціи „Красавчика", при чемъ Петровъ обнажилъ ножъ и намѣревался ударить имъ городового Кашульку, а Завадская ударила полицейскаго Кашульку кулакомъ. Но къ послѣднему подоспѣли на помощь и „Красавчикъ" былъ арестованъ со своими пособниками".

Очевидно, что въ расправахъ не только надъ политическими, но и надъ извощиками, сутенерами и проститутками въ Кіевѣ нѣтъ „подобія законности", и одинаково примѣнимо полож. объ усил. охранѣ.

Всѣмъ кіевлянамъ памятна та борьба за свои права, которую вела дума съ Драгомировымъ по поводу уличныхъ фонарей.

Даже редакторъ „Кіевлянина" г. Пихно на время, какъ домовладѣлецъ, перешелъ въ оппозицію, смѣло доказывая, что освѣщеніе города подлежитъ вѣдѣнію городского самоуправленія и не можетъ быть предписано г. генералъ-губернаторомъ на основаніи положенія объ охранѣ, такъ какъ отказъ тратиться на керосинъ не задѣваетъ основъ.

За то, что дума опротестовала въ сенатѣ его распоряженіе, Драгомировъ открыто выразилъ ей свое презрѣніе, показавъ публично на вокзалѣ кукишъ городскому головѣ г. Сольскому и отказавшись принимать участіе въ городскихъ торжествахъ.

Такъ, недавно онъ грубо принялъ депутацію отъ города съ г. Сольскимъ во главѣ и рѣзко отказался явиться на городской обѣдъ, даваемый ежегодно думой 6-го января всему чиновничеству Кіева, въ видѣ традиціонной взятки, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ — гласный города. Генералъ-губернатору было отвѣчено робкой демонстраціей, на какую лишь способны городское самоуправленіе въ его нынѣшнемъ составѣ и его „партіи".

Тостъ, произнесенный городскимъ головой во здравіе Драгомирова, былъ встрѣченъ шиканьемъ, стукомъ ложекъ и вилокъ...

Изъ подобныхъ, подчасъ незначительныхъ, какъ вся русская либерально-оппозиціонная жизнь, фактовъ, выясняется, до какой степени положеніе объ усиленной охранѣ служитъ на руку администраціи въ ущербъ законности, суду и началамъ самоуправленія.

—ъ.

Изъ Екатеринослава.

Носятся упорные слухи, что адвокаты, защищавшіе рабочихъ въ дѣлѣ о безпорядкахъ на Брянскомъ заводѣ, которое разбиралось въ послѣднихъ числахъ января сего года Харьковской судебной палатой, лишены права практики и отданы подъ надзоръ.

По поводу судебнаго процесса надъ брянцами вышла прокламація къ рабочимъ въ количествѣ 2.000 экземпляровъ. Въ прокламаціи разбирается самый фактъ бывшихъ безпорядковъ, указывается на нецѣлесообразность подобныхъ вспышекъ, рекомендуется воздерживаться отъ нихъ и рабочіе призываются къ сознательной, единственно успѣшной борьбѣ. Далѣе прокламація совѣту-

етъ организоваться въ группы, устраивать кассы. Въ послѣднее время появился цѣлый рядъ такихъ кассъ, подъ названіемъ: „Казакъ“, „Лучъ“, „Разсвѣтъ“ и др.

Въ мартѣ вышелъ № 1-й „Южнаго Рабочаго“ въ 1.000 экз., — оказалось мало. Готовился № 2-й въ количествѣ 2.000—3.000 экз.

Вскорѣ затѣмъ была выпущена брошюрка: „Сонъ подъ 1-ое мая“ въ 3.000 экз.; имѣла большой успѣхъ; 3 тыс. оказалось мало.

Къ 1 мая готовилось 12.000 экз. „Майскаго Листка“ и агитаціонная брошюра въ беллетристической формѣ.

Запросъ на литературу со стороны рабочихъ огромный. Послѣ работы на заводахъ они требуютъ себѣ другой „работы“.

Большая нужда въ деньгахъ. Литература распространяется и по другимъ городамъ юга.

Образовалась въ Россіи новая партія: —„Рабочая Партія политическаго освобожденія Россіи“ съ программой Народной Воли. Выпустила она брошюру и майское воззваніе. Недавно въ Минскѣ взята ея типографія.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ.

Незадолго до 8-го февраля **студенческія** организаціи нѣкоторыхъ университетскихъ городовъ нашли желательнымъ ознаменовать однодневной забастовкой этотъ памятный для руссмаго студенчества день.

Въ настоящее время мы имѣемъ свѣдѣнія только о петербургскихъ и кіевскихъ студентахъ.

Въ петербургскомъ университетѣ годовщина избіенія студентовъ нагайками совпадаетъ съ годовщиной основанія университета.

Несмотря на всѣ принятыя начальствомъ мѣры, торжественный актъ былъ прерванъ свистками и шумомъ во время чтенія отчета о состояніи университета въ истекшемъ году и затѣмъ закрытъ ректоромъ.

Возмущеніе студентовъ было вызвано тѣмъ, что въ отчетѣ не было упомянуто объ уволенныхъ въ прошломъ году студентахъ и профессорахъ.

Студенты на актѣ потребовали — возвращенія товарищей и профессоровъ. По закрытіи акта, оставшіеся въ залѣ протестующіе студенты были переписаны.

Въ Горномъ Институтѣ лекцій вовсе не было. На Бестужевскихъ курсахъ 7-го числа была большая сходка, на которой рѣшено бастовать ежегодно 8-го февраля. Въ кіевскомъ университетѣ занятія были лишь на нѣкоторыхъ курсахъ и при ничтожномъ количествѣ студентовъ (не болѣе 120 во всемъ университетѣ). Сравнительный неуспѣхъ забастовки объясняется тѣмъ, что наканунѣ не было устроено сходки, и публика была извѣщена лишь прокламаціями. Въ кіевскомъ Политехн. Институтѣ 7-го числа была сходка челов. 400 (изъ 500), которая высказалась (противъ 26) за забастовку. На слѣдующій день лекцій почти не читалось; въ политехникумъ явилось человѣкъ 50 студентовъ. Если принять во вниманіе отсутствіе общаго соглашенія между студентами, вліяніе прошлогоднихъ преслѣдованій и страхъ передъ „временными правилами“, можно считать демонстрацію — для перваго года — удачной. Нѣтъ сомнѣнія, что съ будущаго года „студенческій праздникъ 8-го февр.“ войдетъ у насъ въ обычай и станетъ одной изъ традицій русскаго студенчества.

Къ 19 февр. въ Кіевѣ появилась проклам.:

Къ Кіевскому студенчеству.

Товарищи! Завтра—19-ое февраля, тридцать девятая годовщина освобожденія русскаго народа отъ крѣпостной зависимости. Ежегодно чтимъ мы этотъ день, — день, въ который Россія сдѣлала первый шагъ по пути къ идеалу свободы.

Много трудовъ и усилій стоилъ этотъ день цѣлымъ поколѣніямъ, пока имъ удалось 19-го февраля 61 г. свергнуть уродливое зданіе крѣпостного права, которое прочно поддерживалось всѣмъ государственнымъ строемъ. Но, празднуя это великое событіе, мы должны помнить, что за первымъ шагомъ не послѣдовало второго. Почти за 40 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, развалины крѣпостного права какъ бы реставрировались въ мрачное зданіе современнаго бюрократическаго абсолютизма.

Товарищи! Много труда положено, много крови пролито нашими дѣдами и отцами для того, чтобы сдѣлать первый шагъ къ свободѣ и подготовить почву ко второму — къ *политическому* освобожденію русскаго народа отъ ига самодержавнаго абсолютизма. Преклоняясь передъ свѣтлой памятью великихъ страдальцевъ, кончившихъ жизнь на висѣлицахъ, въ рудникахъ и казематахъ, — мы обязаны продолжать начатое ими славное дѣло. Добиться политической свободы, добиться права свободнаго существо-

ванія для всѣхъ гражданъ Россіи безъ различія религій и національностей — вотъ въ чемъ наша задача, надъ которой работаетъ лучшая часть русскаго общества. Когда она будетъ выполнена, въ исторію впишется второе 19-ое февраля, еще одинъ день будетъ внесенъ въ небогатую праздниками лѣтопись Россіи.

Итакъ, впередъ! не смущаясь ни репрессіями, ни насиліями, помня, что

Тѣхъ, кто къ свѣту стремится упорно,
Не смутитъ засвистѣвшая плеть,
На заставитъ въ молчаньи, позорно
На сплошное насилье глядѣть!

К. С. С. О. З и О.

18 февр. 1900 г.

МѢРЫ ПРОТИВЪ ПЕЧАТИ.

„23 Марта 1900 г. № 2272.

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить на основаніи ст. 140 Уст. о ценз. и печат. перепечатку помѣщенной въ № 8650 „Новаго Времени“ въ отдѣлѣ „Хроника“ замѣтки объ отъѣздѣ въ Персію Члена Совѣта Министра Финансовъ Голубева и другихъ чиновъ Министерства, а равно оглашеніе въ печати какихъ бы то ни было свѣдѣній и извѣстій, касающихся командировокъ въ Персію агентовъ Министерства Финансовъ и результатовъ этихъ командировокъ. Объ этомъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, поставляетъ въ извѣстность г.г. редакторовъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ“.

„29 марта 1900. № 2331. Во избѣжаніе невѣрныхъ толкованій періодическою прессою вопросовъ внѣшней политики, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ нынѣ назначенъ особый чиновникъ, въ лицѣ Дѣлопроизводителя этого Министерства Статскаго Совѣтника Нератова, для непосредственныхъ объясненій съ редакторами столичныхъ газетъ, если-бы они пожелали получить достовѣрныя свѣдѣнія по отдѣльнымъ текущимъ политическимъ вопросамъ. Объ этомъ Главное Управленіе по дѣламъ печати по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, поставляетъ въ извѣстность гг. редакторовъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ. Подп. Исп. обяз. Нач. Гл. Упр. по дѣламъ печати

кн. Шаховской“.

„30 Марта 1900 г. № 2309. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить на основаніи ст. 140 Устава о ценз. и печ., печатаніе въ газетахъ и журналахъ всякаго рода приглашеній и статей о сборѣ пожертвованій на земледѣльческую артель крестьянъ деревни Малыхъ Святицъ, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ. Объ этомъ Главн. Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. Мин. Внутр. Дѣлъ, поставляетъ въ извѣстность гг. редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій. Под. Испр. обязанн. Нач. Гл. Упр. по д. печати

кн. Шаховской“

МАЙСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Въ одиннадцатый разъ международный пролетаріатъ показалъ господствующимъ классамъ всѣхъ странъ свое единодушіе и свою сплоченность. Боевой рабочій праздникъ съ прежней силой захватываетъ все новые слои пролетаріата, новыя страны и мѣстности. Если въ отдѣльныхъ странахъ, какъ во Франціи, майскій праздникъ не дѣлаетъ замѣтныхъ успѣховъ, зато онъ дѣлается все величественнѣе почти во всѣхъ другихъ странахъ. Всюду растетъ число участниковъ въ майскихъ демонстраціяхъ и собраніяхъ, а также число забастовщиковъ, празднующихъ Первое Мая отдыхомъ отъ работы.

Австрія, какъ всегда, занимаетъ первое мѣсто въ праздновании 1-го Мая отдыхомъ отъ работы. Въ Вѣнѣ и въ этомъ году забастовка была почти всеобщая во всѣхъ крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, не работали также во многихъ мелкихъ мастерскихъ. Какъ и въ прошлые годы, 1-го мая не вышла ни одна вечерняя газета, а 2-го мая ни одна утренняя: всѣ типографскіе рабочіе праздновали. Утромъ состоялось 46 собраній, изъ нихъ 29 общихъ, созванныхъ соціальдомокр. партіей, а 17 собраній по ремесламъ, созванныхъ отдѣльными рабочими союзами. Во всѣхъ утреннихъ собраніяхъ участвовало не меньше 25 тысячъ человѣкъ. Пополудни имѣла мѣсто демонстрація, направлявшаяся по главнымъ улицамъ въ Пратеръ (городской паркъ); въ ней при-

няли участіе, по меньшей мѣрѣ, 50—60 тысячъ рабочихъ. Демонстрація прошла вполнѣ спокойно, такъ какъ вѣнскіе рабочіе уже научили полицію вести себя смирно и не мѣшать массовымъ демонстраціямъ. — Точно также праздникъ прошелъ блестяще во всѣхъ промышленныхъ городахъ и мѣстностяхъ Австріи.

Въ **Венгріи** майскій праздникъ служитъ, по успѣшному примѣру Австріи, главнымъ средствомъ борьбы за всеобщее избирательное право. Столица *Будапештъ* отъ вечера 30-го апрѣля до полуночи 1-го мая принадлежала, такъ сказать, рабочимъ, которые устроили грандіозныя уличныя шествія съ 20 тысячами участниковъ и массовыя собранія. Въ Будапештѣ и въ крупныхъ городахъ провинціи не работали ни на одной фабрикѣ. Кромѣ того, въ Будапештѣ и Пресбургѣ праздновали всѣ типографскіе рабочіе безъ исключенія, такъ что ни одна газета не вышла.

Въ **Англіи** 1-е Мая этого года имѣло большій успѣхъ, чѣмъ когда-либо прежде. Въ Хрустальномъ Дворцѣ былъ устроенъ общій праздникъ, съ пѣніемъ, театральными представленіями и разными играми, продолжавшійся весь день и привлекшій до 20 тысячъ участниковъ. Въ уличномъ шествіи, надъ которымъ развивалось 57 знаменъ разныхъ организацій, насчитывается до 5 тысячъ манифестантовъ. Вечеромъ было международное собраніе, на которомъ говорили также представители германской и бельгійской соціальдемократіи.

Въ **Германіи** майскій отдыхъ отъ труда очень замѣтно распространился. Бойкій ходъ промышленныхъ дѣлъ даетъ рабочимъ возможность брать майскій отдыхъ съ бою, вопреки запрещенію хозяевъ. Лишь въ немногихъ городахъ капиталисты попытались наказать рабочихъ за майскій отдыхъ—закрытіемъ фабрикъ на нѣсколько дней или на недѣлю. Съ другой стороны, участіе въ первомайской забастовкѣ все большаго и большаго числа рабочихъ убавляетъ хозяйскую спѣсь, хозяева начинаютъ мириться съ неизбѣжнымъ фактомъ „самовольнаго“ празднованія рабочихъ. — Что касается собраній и народныхъ празднествъ, то Германія, разумѣется, стоитъ на первомъ мѣстѣ: нѣтъ ни одного городка или мѣстечка, гдѣ 1-е Мая такъ или иначе не праздновалось бы, потому что въ Германіи всюду есть сознательные рабочіе. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ были также массовыя демонстраціи, а именно тамъ, гдѣ власти не особенно реакціонны. Вообще же демонстраціи въ Германіи запрещены.

Во Франціи праздновали сознательные рабочіе въ крупныхъ городахъ провинціи. Мѣстами они также не работали. Въ столицѣ *Парижѣ* празднику еще болѣе обыкновеннаго помѣшало то обстоятельство, что въ этомъ году майскій праздникъ совпалъ съ муниципальной избирательной борьбой (выборы въ думы, происходившіе въ первое майское воскресенье). Всѣ силы ушли на эту борьбу, и не было даже ни одного чисто-майскаго собранія среди парижскихъ рабочихъ. —Было только два вечернихъ собранія, изъ которыхъ одно было созвано представителями Польской Соціалистической Партіи, а другое представителями „Всеобщаго Еврейскаго Раб. Союза въ Россіи и Польшѣ“. На послѣднемъ собраніи участвовали русскіе и русско-еврейскіе рабочіе въ очень значительномъ количествѣ и послѣ ряда майскихъ рѣчей было принято единодушными апплодисментами слѣдующее рѣшеніе:

„Собравшіеся 1-го мая въ Парижѣ русскіе и русско-еврейскіе рабочіе посылаютъ братскій привѣтъ героическимъ рабочимъ борцамъ, борющимся въ Россіи противъ капиталистическаго и царскаго гнета, и выражаютъ свое искреннее сочувствіе русскому соціальдемократическому рабочему движенію вообще и русско-еврейскому въ частности“.

Какъ уже сказано выше, за исключеніемъ **Франціи**, всюду праздникъ удался на славу и ежегодный смотръ рабочей арміи привлекъ громадное число борцовъ. За недостаткомъ мѣста приводимъ только слѣдующія извѣстія. Въ *Брюсселѣ*, столицѣ Бельгіи, было 10 тысячъ манифестантовъ, и вечеромъ былъ великолѣпно иллюминованъ не только Народный Домъ, но и многіе частные дома въ рабочихъ кварталахъ. Подобныя массовыя демонстраціи были въ другихъ бельгійскихъ городахъ и въ каменноугольныхъ районахъ. Праздновали тамъ и дѣти рабочихъ: многія школы были закрыты въ честь рабочаго праздника. Въ *Швейцаріи* самая большая демонстрація была въ *Цюрихѣ*—съ 10 тысячами участниковъ и 12 оркестрами музыки.

Майскую рѣчь произнесъ здѣсь членъ кантональнаго правительства (министръ Цюрихскаго кантона), соціальдемократъ Эрнстъ. Изъ итальянскихъ городовъ отличился въ особенности *Миланъ*; были забастовки и празднества во многихъ другихъ городахъ. Въ *Мадридѣ*, столицѣ Испаніи, состоялось собраніе изъ 7000 рабочихъ; крупныя собранія происходили также въ промышленныхъ городахъ провинціи. Въ *Христіаніи*, столицѣ Норвегіи, было до 6000 манифестантовъ, а въ *Нарвикѣ* была демонстрація, въ которой участвовало 2500 человѣкъ, все бѣдные рыболовы, научившіеся видѣть свое спасеніе въ соціализмѣ. Нарвикъ — наиболѣе отдаленный сѣверный городокъ, гдѣ чествовался международный рабочій праздникъ.

Съ Юга на Сѣверъ и съ Запада на Востокъ непрерывно движется и ширится великій праздникъ. И мы, русскіе соціальдемократы, особенно радуемся его поступательному движенію на Востокъ, въ предѣлы Россіи, въ страну царскаго деспотизма, гдѣ майскій день имѣетъ наиболѣе важное значеніе въ борьбѣ за свободу.

Хроника революціонной борьбы.

Петербургъ. По свѣдѣніямъ Общества Помощи полит. ссыльн. и заключ. 26, 27, 28 и 29 апр. арест.: Смидовичъ, лѣсн. Щеголева Елена, бест. Колотовъ Даніилъ, инж. Синева Над., бест. Шендриновъ, ст. Новиковъ. Жуковъ Инокентій. Пересвѣтовъ Павелъ. Симзенъ. Симонова Марія, бест. Савицкая Марія. Федоровичъ Марія, бестуж. Бушуевъ. Овчинниковъ, ст. ун. Землянушина, рожд. Васильева, рожд. Домрачевъ Сергѣй, рабоч. Никольская, бестуж. Корчевская. Челышевъ Ал-дръ. Романовъ Феодоръ, бывш. студ. Войнова, рожд. Рунина Анна, желдор. служ. Полянская. Іофъ, гимназ. Еленевскій, лѣсн. Половниковъ, горн. Масловскій. Гаринъ Ал-дръ. Раткевичъ Анна, лесг. Богдановичъ Михаилъ, раб. Петровъ, раб. Зварницкая, работн. Красиковъ, студ. Шилкинъ Матвѣй, раб. Тигденъ Ант., раб. Бараковъ, раб. Пирансъ, раб Егеревъ, раб. Гольдкинъ, раб. Рябининъ Анатолій, геологъ. Сверчевскій Алоръ, студ. Зворыкинъ Владиміръ, химикъ.

Въ концѣ мая арест. въ Петербургѣ Юлій Цедербаумъ, всего нѣсколько недѣль тому назадъ вернувшійся изъ ссылки, изъ Сибири.

Списокъ заключенныхъ въ С.-Петербургскихъ тюрьмахъ.

Въ Домѣ Предв. Заключ.: Авдѣевъ Петръ, раб., съ 99 г., 12. Архангельскій Ал-дръ, студ., 900, 3. Богдановичъ Петръ, раб., 99, 12. Барановичъ Ал-дръ, изъ Вильны. Вейсъ, студ., 99, 11. Величко Тимофей, раб., 900, 3 (Семян. заводъ). Герасимовъ Егоръ, раб. 900. 2. Головинскій Евгеній, лѣсн., 900, 3. Горчаковъ Николай, горн., 900, 3. Гринеръ Эдля, лесг. Глинкинъ Федоръ, раб., 99, 10. Гурари Вѣра, 99, 4. Душечкинъ Ал-дръ, 99, 12. Захаровъ-Козловъ Ал-дръ, раб., 99, 12. Завадскій Андрей, раб., 99, 12. Зыковъ Сергѣй, раб., 900, 3, въ лазаретѣ. Завойко Лидія, бест., 900, 3. Корчмарчикъ Францъ, раб., 99, 12. Канатчиковъ Сем., раб., 900, 2. Курцисъ Владиславъ, раб., 99, 12. Клевщинская Марія, 99, 12. Съ 3 марта 1900 г.: Кутаева Инна, работн. Кистяковская Марія. Леонтовичъ Любовь, лесг. Лебедевъ Петръ, студ. Мельницкая Ольга, раб. фаб. Максвеля. Маренковъ Иванъ, раб. Маракасовъ Христофоръ, раб. зав. Вилькенсъ. Митрофановъ Петръ, раб. Семен. зав. Назарьевъ Ал., ст. Обломовъ Никита, рабоч. Орловъ Михаилъ, раб. Педашенко Инна, бестуж. Педашенко Ал-дръ, горн. Пахарнаевъ, горн. Посталовскій, ст. вып. Ракшеевъ Викторъ, раб. Сухинъ Ал-дръ, студ. Урядовъ Степанъ, раб. Ларіонова Ольга, лесг., 99, 11. Лангельдъ Густавъ, 99, 12. Мацѣевскій Игнатій, раб., 99, 12. Петровъ Ал-дръ, раб., 99, 12. Толмачевъ Ал., раб., 900, 2. Ульманъ Анна, лесг., 900, 3. Щеголевъ Павелъ, студ., 99, 10. Феоктистовъ Павелъ, раб., 99, 7. Смирновъ Павелъ, 900, 2.

Въ Выборгской тюрьмѣ: Клобковскій Антонъ, Козинъ Иванъ, Овицкій Владиславъ, Штесель Абрамъ.

Въ Петропавлов. Крѣпости: Вейншенкеръ, 98, 7. Юліусъ Кокъ, 99, 4. Львовъ Сергѣй, Назарьевъ Мих., студ., 900, 3. Толмачевъ, петерб. раб., 900, 3.

Екатеринославъ. Въ ночь съ 15 на 16 апрѣля арестовано 60 чел. Изъ нихъ 25 ч. привезены въ Кіевъ, остальные сидятъ въ Екатеринославѣ и Харьковѣ.

Въ Кіевѣ сидятъ: Лалаянцъ, Берхинъ, Лавренковъ, раб. Носалевичъ. Крупиловскій, докторъ. Огузъ, Позняковъ, Мошицкій, Шинкаревская, Лукьянчикова, Менделевская, Ка-

ганъ, Митрофановъ, Сенжеровскій, Санжуръ, Бабкинъ, Зубковъ, Володинъ, Альтшулеръ, Хавскій, Черныхинъ, Маклаковъ, Майоровъ, Поляковъ и Корѣлый.

Въ Харьк. тюрьмѣ сидятъ: жена Лалаянца, Чуйко, Меерковъ, Микушевичъ, Пикеръ, Евгенія Рабиновичъ, Пружинина—всѣ интел.; кромѣ нихъ сидятъ еще рабочіе, но фамиліи ихъ намъ неизвѣстны.

Кіевъ. Въ ночь съ 11 на 12 мая были аресты. Сидятъ въ тюрьмахъ 25 стачечниковъ-булочниковъ. Фамиліи намъ неизвѣстны.

29 апр. въ частномъ домѣ состоялся рефератъ объ Ибсенѣ. Содержаніе реферата было самое невинное. Но въ 12 час. ночи домъ, гдѣ происходило собраніе, внезапно былъ окруженъ сотней казаковъ, во главѣ которыхъ находился Новицкій и 10 жанд. офицеровъ. Всѣ присутствовавшіе 65 чел. были арестованы и отведены въ Лукьяновку, гдѣ сидятъ и понынѣ. При нихъ ничего найдено не было, на домахъ при обыскахъ, которые производились весь слѣдующій день, тоже ничего не оказалось. Вообще много шума изъ-за пустяковъ.

Списокъ лицъ арестованныхъ въ Кіевѣ при чтеніи реферата объ Ибсенѣ: Водовозовы двое, Луначарскіе двое, Тарле, прив. доц. Кульченко, Полянскій, Михайловъ, Зелинскіе двое, Загурскіе двое, Галемскій, Громанъ, Бѣлокопытова, Борисова, Ротеръ, Шпейхерманъ, Свиринъ, Люминская, Залкиндъ, Вержбицкая, Соколова и др.

Харьковъ. 1 Мая арестов. до 200 раб., но по требованію собравшихся рабочихъ ихъ затѣмъ выпустили (см. „Первое Мая" стр. 3).

Одесса. Были аресты въ связи съ празднованіемъ Перваго Мая. Изъ взятыхъ изв. слѣд. фамиліи: Моисей Вайсфельдъ, Померанецъ, Бродскіе, Волошинъ, Шрифтейликъ (второй разъ), сестры Горовицъ (старшая во 2-ой разъ),—всѣ интел.

Пришелъ приговоръ Іосифу Бассовскому, арестованному въ сент. 1899 г. по обвиненію въ вредномъ вліяніи на одесскую интеллигенцію: высланъ на 3 г. подъ надзоръ въ Херсонъ. Бейзерманъ, привлекавшійся по тому же дѣлу, высланъ подъ надзоръ въ Кишиневъ.

Кишиневъ. Квита Петръ Ивановичъ (бывш студ. Моск. унив.), арест. въ янв. 1892(?) г. въ Москвѣ по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ,—получилъ пригов. въ Уфимскую губ. на 3 года; высылается этапнымъ порядкомъ.

Полтава. Въ концѣ апр. было 20 обысковъ; арестованы двое, изъ нихъ Сисарева, выслан. сюда по петерб. дѣлу.

Ялта. Некрологъ. 16 марта умеръ здѣсь студ. юридич. факул. Моск. Унив. Леонидъ Петровичъ Радинъ; привлекался по москов. дѣлу, былъ высланъ на 5 л въ Яранскъ (Вятской губ.). Затѣмъ ему было позволено поѣхать въ Ялту для лѣченія, нажитой въ тюрьмѣ и ссылкѣ чахотки; но здѣсь черезъ недѣлю на рукахъ товарищей онъ умеръ.

Въ концѣ апрѣля и въ маѣ были аресты въ *Ригѣ, Иваново-Вознесенскѣ* и *Луганскѣ.*

Литва и Польша.

Вильно. 1 Мая было арест. 20 ч., но ихъ скоро освободили.

Продолжаются аресты по поводу освобожденія толпой арестованныхъ. Взято уже 200 человѣкъ.

Ковно. Арест. 17 чел. Извѣстны фамиліи: Акимъ Бендеръ, б. ст. Петерб. унив., находился въ Ковнѣ подъ надзоромъ (вып). Хоне Лившицъ, раб.-ювелиръ. Шадовскій, фармац. и друг. Отправлены въ Москву. Взято нѣсколько гимназистокъ: Штейнъ, Эпштейнъ, Каценеленбогенъ — освобождены.

Домброво, 20-го марта*).

Аресты, которые прежде бывали въ нашей мѣстности сравнительно рѣдко и не влекли за собою многочисленныхъ жертвъ, въ послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ стали такимъ повседневнымъ явленіемъ, что къ нимъ стали привыкать и считать ихъ вполнѣ обычными не только вся рабочая масса, но даже непосредственно задѣтые этими арестами рабочіе. Еще 2-3 года тому назадъ среди рабочихъ ходили слухи о пыткахъ, которыя грозятъ арестованнымъ за стачки или за „подстрекательство къ бунтамъ", о спеціальныхъ машинахъ въ варшавской цитадели для казни пойманныхъ „на мѣстѣ преступленія" соціалистовъ. Теперь же, благодаря опыту, этимъ сказкамъ не вѣрятъ; людей сажаютъ въ тюрьмы цѣлыми дюжинами, часть изъ нихъ освобождаютъ послѣ нѣсколькихъ недѣль, остальныхъ—послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Отдохнувъ, вернувшіеся опять берутся за работу, обогащенные опытомъ и увѣренные, что о рискѣ жизнью тутъ нѣтъ и рѣчи.

Втеченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ прошлаго года арестовано, главнымъ образомъ, въ Сельцѣ до 30 рабочихъ и 3 работницы. Жандармы грозили тогда всѣхъ рабочихъ Гампера (владѣльца шахты), болѣе 2.000 человѣкъ, заковать въ кандалы и отвезти въ Петроковъ, т. к. „всѣ они соціалисты". Эта угроза, однако, до сихъ поръ не приведена въ исполненіе.

Въ половинѣ января арестовано нѣсколько рабочихъ въ Гутѣ Банковой. Въ февралѣ жандармы ѣздили по шахтамъ и фабрикамъ и распрашивали у начальства о многихъ рабочихъ. Послѣ этого опять были аресты въ Сельцѣ; въ Домбровѣ въ ночь съ 16-го на 17-ое взяли около 20 рабочихъ, 2 чиновниковъ: З. Родзевича и П. Пшемыцкаго и 3 учениковъ горнозаводской школы: Гембарка, Глазовскаго и Венгровскаго. 18-го февраля арестовали Тальвильскаго, штейгера шахты „Реденъ". 9-го марта—3. Ростовскаго, штейгера Селецкой шахты; послѣдняго черезъ 2 дня выпустили.

Въ послѣднее время было совершенно спокойно, но жандармы все грозятъ заковать въ кандалы уже не только рабочихъ Гампера, но всѣхъ рабочихъ нашей мѣстности.

Варшава. Арестов. при распространеніи прокламацій Евр. рабочаго Комитета Марія Желудская, раб.

---

*) Изъ № 3-го журнала „Przedświt" за мартъ 1900 г.

Отчетъ кассира Союза Русскихъ Соціальдемократовъ

съ 10 апрѣля по 25 іюня сего года.

Въ кассу Союза поступило:

Изъ К. для „Р. Д." 50 рубл., отъ Z фр. 9.34, за транспортъ 397.—, отъ М. 18.45, изъ Вѣны отъ М. 207.58, N. N. 19.93, Провинціалъ 12.50, черезъ Б. на конспират. цѣль 30.—, изъ Ліона для арестов. 26.75, Берна для арест. 11.60, изъ Спб. отъ неизвѣстн. товар. 145.—, изъ Вѣны на изданіе „Классовой борьбы" 46.—, изъ Ив.-Вознесенска 118.80, черезъ Трофимыча 200 *рубл.*, отъ Спб. Союза Борьбы 264.50, изъ Спб. „отъ предпріятій" 264.50, отъ К. изъ Х. 125.—, отъ Кіевскаго Комит. Парт. 431.75, черезъ Берница на типографію 266.—, К. Т. 50.—, Петръ 26.—, собрано въ Бернѣ 136.80. G. G. 24.25, Д. 13.60, въ стачечный фондъ отъ К. Т. 50.—, чер. G. G. для арестов. 16.60, отъ Спб. Союза Борьбы на литер. 265.50, на стачку пекарей въ Кіевѣ: изъ Женевы 41.70, Лозанны 50.—, Берна 100.—, Вѣны 53.95, Парижа черезъ Г. 100.—, и 81.—, Ліона 17.50, Монпелье 20.—, и 32.—, Дар—а 44.47, отъ О.—З.—Р. 2.—, Лазарева 5.—, Дейча 3.—, N. X. изъ Вѣны 1.05, изъ Цюриха 62.25, отъ N. X. изъ Вѣны за лит. 1.10, чер. К. отъ Л. 3.—, отъ Парижск. групп. за лит. 14.20, отъ Б. 12.—, отъ С. возвращено 20.—, экстренный сборъ въ Л. 18.—, майскій сборъ въ Л. 23.—, отъ Кіевскаго Ком. Партіи 399.—, отъ того же Комитета на типографію 266.—, изъ Спб. на типограф. 66.50, изъ Нью-Іорка за литер. 105.—, собрано американскими товар. 20.—, изъ Лозанны на раб. лит. 32.—, Кн. изъ Вѣны 35.25, изъ Цюриха отъ А. на тип. 25.—, изъ Монпелье 20.—, за литер. отъ Б. 25.—, на библіотоку для рабочихъ 478.80, изъ Питера на типографію 266.—, отъ Петерб. Комит. Партіи *за* литер. 532.—, отъ того же Комитета *на* литер. 532.—, на лит. и трансп. отъ Юж. 93.10, на издан. брошюры „Политич. строй Россіи и рабочіе" 66.50, изъ Льежа 75.50, изъ Вѣны *на* лит. 15 гульд. и *за* лит. 7.85, отъ Загр. Комит. Евр. Раб. Союза долгъ за бумагу 111,40, на конспир. цѣли отъ Нев. 6.—, Крич. 6.—, Ив. 9.—, изъ Берна за литер. 61.85, изъ Цюриха 16.50, изъ Монпелье 43.44 и 95.—, отъ с.-д. кр. „Впередъ" за лит. 26.60., отъ объед. с.-д. кружковъ „Впередъ" и „Einigkeit" 334.55, за литерат. 14.55, отъ Б. за кварт. 30.—, отъ кр. „К. Марксъ" для сборн. 100.—, кр. „Борьба" 30.5, сборъ за іюнь изъ Л. 20.—.

Всего за послѣдніе $2^1/_2$ мѣсяца поступило: **8.342.62.**

Подробный отчетъ кассира Союза Русскихъ Соціальдемократовъ и отчетъ кассира Заграничнаго Комитета Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ Листкѣ „Раб. Дѣла".

Отчетъ кружка Z для сбора въ пользу рабочей литературы, издаваемой С. Р. С.-Д. и Всеобщ. Евр. Раб. Союзомъ въ Россiи и Польшѣ.

Октябрь.

Приходъ: Съ реферата 8 фр. 89 с., изъ Россiи: изъ П. 56.20 и изъ В. 43.10, съ вечера въ память Чернышевскаго 92.13, собрано въ Z 24.18. Итого 224 ф. 50 с.
Расходъ: Союзу Р. С.-Д.*) 200 ф., расходы по вечеру памяти Чернышевскаго 24.50.
Итого 224 ф. 50 с.

Ноябрь.

Пр.: Изъ Россiи: отъ М. чрезъ К. 25 ф. 26 с., отъ П. черезъ Е. 6.94, отъ С — ва 10.65; пожертвовано 2.80. Итого 45 65.
Въ кассѣ оставалось къ 1 дек. 45.65.

Декабрь.

Пр.: Съ бала 171 ф., собрано въ Z 44.20. Итого 215.20.
Р.: Союзу Р. С.-Д. 214.20, почтовые расходы 1—. Итого 215.20.

Январь.

Пр.: Собрано въ Z. 28.40, по листу № 34 11.70, пожертвовано 5.—, по листу № 26 59.10. Итого 104 20.
Р.: Союзу 60 фр.
Въ кассѣ къ 1 февраля 89.85.

Февраль.

Пр.: собрано въ Z. 94.85, остатокъ съ бала 35.70, за проданную литературу 52.15, остатокъ отъ января 89.85. Итого 272.45.
Р.: Союзу Р. С.-Д. 250 ф.

За зимнiй семестръ всего отослано Союзу*) 724 ф. 20 с.
Въ кассѣ остается 22 ф. 45 с.

*) Вмѣстѣ съ входящимъ въ составъ его Комитетомъ Всеобщ. Евр. Раб. Союза.

Отчетъ кружка соцiалистической молодежи „Борьба“

съ апрѣля по 15-ое iюня 1900 г.

Продано литературы „Союза Р. С.-Д.“ на 35 фр. 80 с.

Приходъ:

Членскiе взносы 19.—, вечеринка 20.85, рефератъ 4.25, собрано на литературу 16.—, на стачку пекарей въ Кiевѣ 36.70, на стачку сапожниковъ въ Вильнѣ 42.75. Итого 139.55.

Расходъ:

Передано „Союзу Р. С.-Д.“ для кiевской стачки 36.70, „Загр. орг. Вс. Евр. Рабоч. С.“ для виленск. стачки 42.75, передано „Союзу Р. С.-Д.“ 30.5, „Всеобщ. Еврейск. Рабоч. Союзу“ 24.5, организацiонные расходы кружка 1.—.
Итого 134. 55.

Остается въ распоряженiи кружка на организацiонные расходы 5 фр.

Изданiе Союза русскихъ социальдемократовъ.

Цѣна 25 сант.

ЖЕНЕВА.
Типографiя „Союза“: Genève, chemin de la Cluse, № 7.
1900.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА“.

№ 2-й. АВГУСТЪ 1900 г.

Вильгельмъ Либкнехтъ.

Умеръ великій вождь германскихъ рабочихъ! Апоплексическій ударъ внезапно унесъ въ могилу (7 августа, 25 іюля) бодраго, еще полнаго силъ старика, который до послѣдней минуты продолжалъ бороться словомъ и перомъ въ первыхъ рядахъ соціальдемократической партіи. За какую-нибудь недѣлю до смерти В. Либкнехтъ произнесъ въ Дрезденѣ передъ многотысячнымъ рабочимъ собраніемъ громовую рѣчь противъ „міровой политики“ нѣмецкаго императора и всѣхъ правителей Европы, противъ завоевательныхъ плановъ въ Китаѣ, и призывалъ пролетаріатъ на борьбу съ ненасытнымъ милитаризмомъ и капитализмомъ. Кто могъ думать, что эта пламенная, дышащая юношеской энергіей рѣчь будетъ лебединой пѣснью великаго борца?..

Несмотря на преклонный возрастъ В. Л. (ему исполнилось 74 года), его смерть является неожиданнымъ и потрясающимъ ударомъ для германскаго и всего международнаго пролетаріата.

Не стало вождя, котораго немѣцкіе рабочіе любили какъ родного, какъ отца. Не стало „нашего старика“, какъ его любовно называли рабочіе, мощный голосъ котораго будилъ спящихъ, воодушевлялъ равнодушныхъ, ободрялъ робкихъ, воспламенялъ мужественныхъ, вдохновлялъ на борьбу весь пролетаріатъ. Не стало знаменосца, впродолженіе полустолѣтія высоко державшаго красное знамя пролетаріата. Не стало ветерана — старѣйшаго, со времени смерти П. Лаврова, изъ вождей международнаго соціализма. Не стало борца, жизнь котораго тѣсно срослась съ развитіемъ германской и международной соціальдемократіи.

Вильгельмъ Либкнехтъ родился 29-го марта 1[illegible] г. въ семьѣ мелкаго чиновника въ гор. Гисенѣ. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ университетъ. Родители прочили его въ чиновники, самъ онъ готовился къ профессорской дѣятельности, но событія революціоннаго 1848 г. и его боевая натура рѣшили иначе. При первой вѣсти о февральской революціи 48 года 22-лѣтній юноша бросаетъ университетъ и летитъ въ Парижъ, чтобы принять участіе въ баррикадной борьбѣ. Но онъ прибылъ туда уже послѣ побѣды, и онъ остается въ Парижѣ недолго. Его зоветъ германская революція, вспыхнувшая въ мартѣ 1848 г. Въ рядахъ нѣмецкаго легіона добровольцевъ, организованнаго въ Парижѣ поэтомъ Гервегомъ, онъ сражается въ Баденѣ за нѣмецкую республику. Послѣ пораженія легіона Либкнехтъ въ сентябрѣ присоединяется къ новому республиканскому возстанію подъ предводительствомъ Струве. Онъ чудомъ спасся отъ разстрѣла по приговору военнаго суда, отдѣлавшись только девятимѣсячнымъ предварительнымъ заключеніемъ. Тѣмъ временемъ прусское правительство успѣло подавить революцію и общегерманская имперская конституція находилась въ опасности. И вотъ Либкнехтъ снова борется въ рядахъ защитниковъ конституціи, борется перомъ и мечемъ, какъ журналистъ и *„воинъ революціи"*.

Послѣ побѣды прусскихъ войскъ Либкнехту удается спастись въ Швейцарію, гдѣ онъ занимается организаціей выселившихся туда нѣмецкихъ рабочихъ въ одинъ союзъ съ строго соціалистической программой. Но, по требованію пусскаго правительства, онъ въ 1850 г. былъ арестованъ и высланъ изъ Швейцаріи. Съ 1850 до 1862 г. онъ жилъ въ Лондонѣ горькой полуголодной жизнью изгнанника. Тамъ онъ тѣсно сблизился съ другими великими нѣмецкими изгнанниками Марксомъ и Энгельсомъ и усвоилъ себѣ взгляды научнаго соціализма.

Вернувшись въ Германію въ 1862 г., послѣ объявленія амнистіи, онъ сначала вступилъ въ редакцію новооснованной „Сѣверно-Нѣмецкой Газеты" (Norddeutsche Allgemeine Zeitung), имѣвшую демократическую и республиканскую программу. Но скоро главный редакторъ этой газеты продался Бисмарку, ставшему первымъ министромъ Пруссіи, и началъ мало по малу вести газету въ правительственномъ духѣ. Либкнехтъ, разумѣется, немедленно выступилъ изъ редакціи, обрекая себя этимъ снова на жизнь впроголодь. Попытки Бисмарка купить и Либкнехта были отвергнуты съ презрѣніемъ — и будущій „желѣзный канцлеръ" не имѣлъ болѣе жестокаго и опаснаго врага, чѣмъ Либкнехтъ.

Велики заслуги Либкнехта передъ германской соціальдемократіей. Онъ — одинъ изъ основателей этой наиболѣе сильной рабочей партіи. Послѣ Лассаля онъ — на ряду съ Бебелемъ — болѣе всего сдѣлалъ для организаціи нѣмецкаго пролетаріата въ самостоятельную политическую партію.

Описать его дѣятельность за послѣднія 30 лѣтъ значило бы написать исторію германской соціальдемократіи. Нѣтъ ни одного важнаго момента въ исторіи партіи, въ которомъ Либкнехтъ не игралъ бы выдающейся роли. Какъ журналистъ, обладавшій блестящимъ перомъ, онъ впродолженіе 30 лѣтъ былъ главнымъ редакторомъ центральнаго органа партіи. Могучій ораторъ, онъ не-

устанно агитировалъ въ пользу партіи на безчисленныхъ рабочихъ собраніяхъ, во всѣхъ избирательныхъ компаніяхъ. На всѣхъ съѣздахъ партіи его убѣжденное слово разъясняло важнѣйшіе вопросы программы и тактики, всегда охраняя классовую и революціонную точку зрѣнія. Въ параментѣ, гдѣ онъ засѣдалъ почти безъ перерыва съ 1867 г., онъ вмѣстѣ съ Бебелемъ выносилъ на своихъ плечахъ наибольшую долю тяжести въ борьбѣ противъ реакціонной политики правительства, прусскихъ юнкеровъ (дворянъ) и крупной буржуазіи съ Бисмаркомъ или Вильгельмомъ II во главѣ.

Въ особенности нужно отмѣтить его великія заслуги въ дѣлѣ объединенія сторонниковъ Лассаля и такъ называемыхъ „эйзенахцевъ", соціальдемократической организаціи, основанной имъ и Бебелемъ въ 1869 г. Онъ больше кого-либо способствовалъ успѣху объединительнаго конгресса въ Готѣ, въ 1875 году. И ему выпала завидная доля дожить до 25-тилѣтняго юбилея этого конгресса, обезпечившаго непрерывный ростъ и неизмѣнное единство германской соціальдемократіи, несмотря ни на какія преслѣдованія извнѣ и ни на какія тактическія разногласія внутри партіи.

Передовой вождь пролетаріата испыталъ на себѣ лично тяжелую руку прусско-германскаго правительства. Въ 1872 г. онъ съ Бебелемъ былъ присужденъ къ двумъ годамъ крѣпости за „государственную измѣну" — за то, что онъ протестовалъ противъ насильственнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи (послѣ франко-прусской войны). Во время существованія исключительнаго закона противъ соціалистовъ (1878 — 1890) онъ подвергся высылкѣ изъ г. Лейпцига. И уже 70-лѣтнимъ старикомъ онъ перенесъ четырехмѣсячное тюремное заключеніе за „оскорбленіе величества": на бреславльскомъ съѣздѣ партіи въ 1895 г. онъ въ смѣлыхъ выраженіяхъ защитилъ честь партіи отъ оскорбленій императора.

Либкнехта оплакиваютъ не только германскіе рабочіе, но и сознательные рабочіе всѣхъ странъ. Никто больше его не поработалъ ради живыхъ и тѣсныхъ связей между борющимся пролетаріатомъ разныхъ странъ. Онъ былъ своимъ, роднымъ человѣкомъ и въ Австріи, и въ Швейцаріи, и въ Бельгіи, и въ Англіи, и даже во Франціи, несмотря на вражду, которую раздуваютъ между Франціей и Германіей господствующіе классы этихъ странъ. Неутомимый борецъ принималъ живѣйшее участіе въ новомъ Интернаціоналѣ, возродившемся со времени международнаго Парижскаго конгресса 1889 г., какъ онъ же присоединился во главѣ еще слабыхъ тогда зародышей германской соціальдемократической организаціи къ старому Интернаціоналу 60-хъ годовъ. Представить себѣ международный конгрессъ безъ участія Либкнехта стало такъ же трудно, какъ и представить себѣ безъ его участія конгрессъ германской соціальдемократіи.

Пролетаріатъ всѣхъ странъ отозвался на вѣсть о смерти великаго борца единодушными выраженіями глубокой скорби. Его похороны были грандіозной манифестаціей не только берлинскихъ и германскихъ рабочихъ, но международной соціальдемократіи, которая была тамъ представлена безчисленными вѣнками и делегаціями*). Похороны Бисмарка или нѣмецкаго императора

*) Союзъ Русск. С.-Д. и Заграничный Комитетъ Евр. Раб. Союза также послали сочувственныя телеграммы и вѣнки на могилу В. Л.

были несомнѣнно пышнѣе, но никакого Бисмарка и никакого императора не проводили въ могилу столько сотенъ тысячъ людей съ такимъ искреннимъ благоговѣніемъ и съ такой неподдѣльной скорбью.

Вожди господствующихъ классовъ, живущихъ эксплуатацией и угнетеніемъ, всегда оставляютъ въ исторіи запятнанное имя, потому что они служатъ нечистыми средствами неправому дѣлу. О вождяхъ угнетенныхъ классовъ повѣствуютъ только чистые подвиги, безкорыстное служеніе идеалу свободы и правды; ихъ имя сіяетъ въ исторіи чистымъ свѣтомъ и ихъ слава растетъ вмѣстѣ съ великимъ дѣломъ, которому они посвятили всю свою жизнь.

Къ такимъ безсмертнымъ вождямъ принадлежитъ и Вильгельмъ Либкнехтъ.

Царскій походъ на Финляндію.

Задумавъ грубою силою окончательно поработить Финляндію, царское правительство естественно должно было обратить свое „благосклонное вниманіе" на средства самообороны, какими располагаетъ финляндскій народъ противъ грозящихъ ему насилій.

Въ Финляндіи существовала свобода слова, собраній и печати. Народъ могъ свободно и открыто обсуждать касающіеся его вопросы, могъ открыто—на собраніяхъ и въ печати—отстаивать свои права, искать средства для самообороны отъ покушеній царскаго правительства, онъ имѣлъ возможность свободно организовать общественные протесты, къ которымъ хотя и глухо оставалось правительство самодержца, но не глухъ былъ весь просвѣщенный міръ...

Рѣшивъ сдѣлать гнусное насиліе надъ маленькой Финляндіей, правительство Николая II въ то же время боится подойти къ ней, къ этой гордой негодующей красавицѣ, пока она еще не связана по рукамъ и ногамъ тяжелыми цѣпями, не лишена свободы владѣть собственными членами и имѣетъ возможность громко кричать о несправедливости и открытомъ насиліи надъ ней въ нашъ „просвѣщенный вѣкъ"... Такъ гнусный развратникъ подстерегаетъ свою жертву въ темномъ углу и ударами дубины старается лишить ее сознанія, чтобы потомъ *спокойно* овладѣть ею... Онъ сразу же лишаетъ ее возможности защищаться и не допускаетъ вырваться крику или стону изъ ея груди, чтобы не услышали чуткіе люди и не бросились на преступника съ негодованіемъ и местью...

1 (14) іюня с. г. „божіею милостью" Николай Второй лишилъ Финляндію *свободы собраній*. Отнята эта свобода у маленькаго народа откровенно-грубою силою. По закону такое измѣненіе въ основномъ законоположеніи страны должно быть сдѣлано сеймомъ—собраніемъ представителей всѣхъ сословій Финляндіи; законопроэктъ уже былъ выработанъ Финляндск. сенатомъ, но царское правительство не дождалось внесенія его въ сеймъ и новыя правила о публичныхъ собраніяхъ въ Финляндіи были введены административнымъ путемъ. Высочайшее постановленіе названо „временнымъ", но безъ указанія срока его дѣйствія.

Теперь всѣ публичныя собранія должны быть разрѣшены генералъ-губернаторомъ, самимъ или кому онъ это поручаетъ; при ходатайствѣ о разрѣшеніи собранія между прочимъ необходимо указать *лицъ*, устраивающихъ его. На самомъ собраніи будутъ присутствовать чины полиціи и могутъ быть *другія* „должностныя лица". Предсѣдательствующій и распорядители обязаны называть присутствующимъ полицейскимъ чинамъ и другимъ „должностнымъ лицамъ" фамиліи тѣхъ ораторовъ, на кого обратятъ вниманіе эти почтенные господа. Вообще царское правительство усиленно старается зажать ротъ всѣмъ, кто хотѣлъ бы говорить въ нежелательномъ для него духѣ. Для этого оно пускаетъ въ ходъ излюбленное россійское средство: оно старается изъ

общей массы народа выдѣлить наиболѣе дѣятельные элементы, зачислить ихъ въ число „неблагонадежныхъ", чтобы потомъ расправляться съ ними какъ съ людьми, стоящими внѣ всякихъ законовъ...

Еще въ прошломъ году при финляндскомъ генер.-губернаторѣ было учреждено особое совѣщаніе по дѣламъ печати. Опубликованная затѣмъ инструкція генер.-губернатора, данная этому совѣщанію, рѣзко отзывалась русскими цензурными порядками. Теперь генералъ-губернаторъ, „согласно заключеніямъ особаго по дѣламъ печати совѣщанія", безпрестанно обрушивается на финляндскую печать и старается запретить ей всякое самостоятельное, смѣлое слово.

16 (29) іюня с. г. въ финляндскихъ газетахъ напечатано слѣдующее распоряженіе финляндскаго генералъ-губернатора о закрытіи газеты „Nya Pressen":

„Вредное направленіе газеты „Nya Pressen" постоянно и упорно проявляется въ дерзкомъ порицаніи Верховныхъ предначертаній направленныхъ къ укрѣпленію на благо финскаго народа тѣсной связи между Имперіей и ея финляндской окраиной. Принимая во вниманіе, что такое противозаконное направленіе, несмотря на рядъ наложенныхъ на газету взысканій, вновь проявлено въ №№ 163 и 165 я, руководствуясь § 31 Высочайшаго постановленія о печати 18 іюня 1891 года и п. 8 § 12 того же постановленія въ редакціи 1900 года, прекращаю ея изданіе со всѣми къ ней прибавленіями навсегда".

Затѣмъ объявлены предостереженія газетамъ: „Uusi Maa" за статью, помѣщенную въ № 41, „Разные методы обученія"; „Abo Tidning" за статью въ № 154 объ одномъ изъ состоящихъ на службѣ штабъ-офицеровъ и „Aftonposten"—за статью, помѣщенную въ № 121—„Вопросъ объ отданіи чести". Цензоры, пропустившіе названныя статьи, подвергнуты взысканіямъ по усмотрѣнію Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Далѣе объявлено предостереженіе газетѣ „Päivälehti" за помѣщенную въ № 99 статью „Письмо изъ Гельсингфорса", и потребованы перемѣны отвѣтственныхъ редакторовъ газетъ „Viipuri" и „Uleåborgsbladet", подъ угрозой прекращенія изданія этихъ газетъ въ случаѣ неисполненія сего требованія въ теченіе двадцати дней со дня полученія его редакціей.

Первая изъ нихъ наказана за статью „Письмо изъ редакціи", помѣщенную въ № 18, а послѣдняя за статью въ № 3—„Губернскія газеты". Мѣру взысканія на цензоровъ названныхъ газетъ за сдѣланныя ими упущенія по неправильному пропуску сихъ статей предоставлено опредѣлить Главн. Управленію по дѣламъ печати.

Такимъ образомъ царское правительство затыкаетъ ротъ тѣмъ, кого оно само душитъ.

По поводу закрытія „Nya Pressen" многіе финляндскіе органы напечатали сочувственные отзывы о своемъ погибшемъ собратѣ и нѣкоторые изъ нихъ рѣзко протестовали противъ грубаго насилія.

Вотъ приблизительный подсчетъ правительственнымъ мѣрамъ для задушенія финляндской печати. За послѣдніе 1½ года шесть газетъ были запрещены, около тридцати временно закрыты, восемь принуждены перемѣнить редакцію. Число предостереженій возросло съ 45 въ 1897 году на приблизительно 90 въ 1898-г. и на 386 въ 1899 г.

Все ближе и ближе превращеніе свободной Финляндіи въ русскую губернію. Правительство окончательно сняло маску, потребовавъ введенія русскаго языка въ центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ Финляндіи, безъ согласія и воли сейма. Послѣ кратковременнаго сопротивленія, финляндскій сенатъ (6 іюля—23 іюня) опубликовалъ обрусительскій указъ. 12 сенаторовъ (изъ 20) подали въ отставку — вотъ и все, въ чемъ выразился протестъ противъ новѣйшаго насилія. Указъ о языкахъ расчищаетъ дорогу царскимъ опричникамъ: финляндскіе чиновники будутъ вытѣснены вѣрными холопами Николая II-го, и тогда будутъ вытравлены послѣдніе остатки былой финляндской свободы.

МАМОНТОВЪ и ВИТТЕ.

Русскій капитализмъ неустанно двигается по пути прогресса. Онъ уже доросъ до усовершенствованныхъ плутней своего заграничнаго собрата. И ес-

ли наши капиталисты что-то не добиваются права контролировать государственные доходы и расходы, за то они пользуются „неотъемлемымъ" и „неотчуждаемымъ" правомъ плутовать безъ всякаго контроля и безнаказанно воровать. Рука руку моетъ: капиталисты и царское правительство помогаютъ другъ другу обдѣлывать свои дѣлишки. Болѣе того, въ лицѣ министра финансовъ Витте правительство приняло прямое участіе въ долголѣтнихъ хищеніяхъ семейки крупныхъ капиталистовъ.

Таковъ общественно - политическій смыслъ недавняго скандальнаго процесса Мамонтовыхъ.

На судѣ было доказано, что Мамонтовы (братья и сыновья) съ 1895 до іюля 1899 г. обокрали пайщиковъ общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги на 6 милліоновъ рублей. Одновременно директоры этого общества и собственники Невскаго Завода и другихъ меньшихъ предпріятій, они обкрадывали пайщиковъ подъ видомъ „ссудъ" и „заказовъ", дѣлаемыхъ желѣзнодорожнымъ обществомъ, главнымъ образомъ, Невскому Заводу. Частныя желѣзныя дороги находятся подъ контролемъ министерства финансовъ, и Витте не разъ хвастался „строгостью" этого контроля! Хороша „строгость", позволяющая красть впродолженіе четырехъ лѣтъ! Мамонтовыхъ такъ мало стѣснялъ контроль Витте, что они прямо записывали въ книгахъ желѣзнодорожнаго общества: такое-то количество „поставленнаго" обществомъ желѣза, жести и проч. было употреблено въ *имѣніи г-на Мамонтова*, причемъ нигдѣ не нашли слѣда записи, что Мамонтовъ уплатилъ обществу за „поставленный" матеріалъ.

Но то, чего не замѣтилъ „строгій" контролеръ Витте, мало-по-малу дошло до свѣдѣнія публики. Пошли толки о милліонныхъ хищеніяхъ. Вы думаете, можетъ быть, что Витте тутъ, наконецъ, пустилъ въ ходъ свой „строгій" контроль? Какъ бы не такъ! Наоборотъ, онъ великодушно запустилъ руку въ *государственную казну* и изъ кровныхъ народныхъ денегъ помогъ Мамонтовымъ въ ихъ попыткѣ затушевать скандалъ. Началъ онъ съ того, что разрѣшилъ своимъ пріятелямъ выпустить новые паи Невскаго Завода на 6 милліоновъ руб. Этими паями Мамонтовы — собственники Невскаго Завода—„уплатили" долги желѣзнодорожному обществу, разумѣется, съ согласія Мамонтовыхъ — директоровъ общества. Но на биржѣ никто ломаннаго гроша не давалъ за дутые паи, такъ-что пайщики желѣзнодорожнаго общества опять остались въ дуракахъ. Снова пошли толки о скандальной плутнѣ, снова грозилъ скандалъ. Тогда Витте закупилъ изъ казенныхъ денегъ ничего не стоющія бумажки по курсу 30 копѣекъ за рубль!...

Но не помогло и казнокрадство министра финансовъ. Желѣзнодорожное общество обанкрутилось и пришлось начать слѣдствіе, которое, наконецъ, обнаружило плутни Мамонтовыхъ.

Если бы въ Россіи существовала свобода печати, плутни были бы раскрыты гораздо раньше. Если бы въ Россіи существовалъ парламентъ, честные депутаты, представители народа, потребовали бы преданія суду казнокрада Витте, и рядомъ съ Мамонтовымъ на скамьѣ подсудимыхъ очутился бы министръ финансовъ. Мы видѣли тому примѣръ во Франціи въ 1893 году, когда министръ Байо былъ осужденъ присяжными по панамскому дѣлу къ трехлѣтнему тюремному заключенію, а вѣдь Байо не обкрадывалъ казну, а воспользовался только взяткой отъ панамскаго общества. Но въ Россіи газеты должны молчать по приказу свыше, чтобы не мѣшать „строгому контролю" Витте и товарищей, и некому у насъ требовать отчета у царскихъ министровъ за ихъ самыя преступныя дѣйствія. Такимъ образомъ на скамью подсудимыхъ попали только Мамонтовы, а ихъ покровитель и компаньонъ — то-бишь „строгій контролеръ" Витте вышелъ сухимъ изъ воды и остается по прежнему правой рукой царя.

Присяжные оправдали Мамонтовыхъ, несмотря на то, что они сами признали обвиненія доказанными. Возможно, что они это сдѣлали просто потому, что ихъ капиталистическая „совѣсть" считаетъ мамонтовскія плутни дѣломъ вполнѣ позволительнымъ. Но очень возможно и то, что они не хотѣли осудить Мамонтовыхъ, когда главный виновникъ, министръ финансовъ, остается безнаказаннымъ. Какъ бы то ни было, судъ и приговоръ являются пощечиной всемогущему царскому министру и его „августѣйшему" повелителю.

Русскіе рабочіе скажутъ себѣ, что при самодержавныхъ порядкахъ нѣтъ даже управы на крупныхъ капиталистовъ, которые съ помощью министра обкрадываютъ пайщиковъ, капиталистовъ среднихъ и мелкихъ, и нѣтъ даже управы на министра-казнокрада. Тѣмъ менѣе можно ожидать отъ царскаго правительства, что оно будетъ защищать рабочихъ отъ грабительства капиталистовъ или крестьянъ отъ грабительства помѣщиковъ.

Нелегальный листокъ капиталистовъ.

По собщенію „Кіевскаго Слова", въ г. Черкассахъ Кіев. губ. предпринимателями - грабарями (землекопныхъ работъ) издается съ 1896 г. нелегальный „Черкасскій Листокъ". „Листокъ" заключаетъ въ себѣ простой перечень именъ и фамилій, напечатанныхъ въ 2 столбца: въ одномъ столбцѣ, жирнымъ шрифтомъ, напечатаны фамиліи капиталистовъ, а въ другомъ, мелкимъ шрифтомъ, цѣлый рядъ фамилій крестьянъ, занимающихся грабарной работой и „самовольно" оставившихъ работу у кого-либо изъ предпринимателей.

„Листокъ" служитъ излюбленной „черной книгой" западно-европейскихъ капиталистовъ; попавшій въ него рабочій уже не будетъ въ состояніи найти себѣ работу у мѣстныхъ грабарей-предпринимателей; попасть на страницы такого листка никому изъ крестьянъ не охота.

Этотъ *нелегальный* „Листокъ", издающійся уже съ 96 г., не грозитъ правительству „потрясеніемъ основъ" и оно можетъ смотрѣть на его „нелегальность" вполнѣ спокойно. Что ему за бѣда, если этотъ „Листокъ" дастъ капиталистамъ въ руки могучее средство противъ непокорства крестьянъ и для самой безпощадной эксплуатаціи ихъ!.. Вѣдь не приметъ же кто-нибудь въ серьезъ слова Витте, что царскому правительству одинаково дороги интересы капиталистовъ и рабочихъ!..

Одесскіе безпорядки.

Намъ пишутъ:

„Въ Одессѣ недавно произошли уличные безпорядки, выразившіеся въ разгромѣ нѣсколькихъ лавокъ и магазиновъ. Полиція, очевидно, постаравшаяся направить движеніе въ антисемитическое русло, въ то же время силится придать ему окраску политическо - соціальную. Двинуты были войска, прекратившія безпорядки. Подробности пока неизвѣстны."

По собщенію иностранныхъ газетъ, причиной безпорядковъ была безработица: отправка многочисленныхъ товарныхъ пароходовъ съ солдатами въ Китай лишила хлѣба многихъ портовыхъ рабочихъ

Въ „Одесскихъ Новостяхъ" (№ 5030) мы находимъ извѣстіе о крутой расправѣ царскихъ властей:

„Во время происшедшихъ въ городѣ Одессѣ 16 и 17 текущаго іюля уличныхъ бепорядковъ было задрежано 1041 человѣкъ.

„Всѣ задержанные по распораженію и. д. Одесскаго Градоначальника отправлены въ Одесскую тюрьму для точнаго установленія ихъ самоличности. Затѣмъ, согласно постановленію Его Сіятельства, изъ числа задержанныхъ: 1) рабочіе, принадлежащіе къ мѣстнымъ жителямъ и лица не рабочаго сословія, какъ виновные въ нарушеніи § 23 дѣйствующаго въ Градоначальствѣ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, обязательнаго постановленія, будутъ подвергнуты аресту при полиціи на три мѣсяца каждый, 2) пришлые же рабочіе будутъ высланы изъ Одессы въ мѣсто приписки съ первымъ отходящимъ этапомъ".

„Украинская Соціалистическая Партія".

По сообщенію Vorwärts'а, главнаго органа герман. соц.-дем., недавно возникла „Украинская Соціалистическая Партія" съ программой, которая въ общемъ стоитъ на почвѣ международной соціальдемократіи, а своей особенной политической цѣлью выставляетъ отдѣленіе Малороссіи отъ Россійской Имперіи и образованіе „самостоятельной демократической русинской республики". Новая

партія объявляетъ себя солидарной съ русинской социальдемократіей въ Галиціи и присоединяется къ требованію національной самостоятельности всѣхъ населенныхъ русинами мѣстностей,— требованію, изложенному русинскими делегатами на послѣднемъ конгрессѣ австрійской социальдемокр. въ Брюннѣ. Въ скоромъ времени долженъ выйти первый номеръ органа новой партіи „Робітныкъ".

Далѣе выражается въ напечатанномъ въ Vorwärts'ѣ сообщеніи надежда, что „извѣстныя великорусскія тенденціи", замѣчаемыя будто бы въ рядахъ русскихъ социалистовъ, мало по малу исчезнутъ по мѣрѣ объединенія всѣхъ организацій въ одну партію—и тогда станетъ возможнымъ братскій союзъ между украинской и русской партіями.

Мы выскажемъ свое отношеніе къ новой партіи, когда ознакомимся съ ея программой и изданіями.

Ткацкая мануфактура **М. Т. Скорынина**, *Костромской г., Нерехотскаго уѣзда, Горковской волости, села Горки Павлова.*

На нашей фабрикѣ работаетъ 130 мужч. 350 женщ. и 17 подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ, ниже 15 лѣтъ 3 ч.

Нашъ хозяинъ много выгоды получаетъ отъ того, что построилъ свою фабрику въ такомъ глухомъ мѣстѣ, какъ наше. Народъ здѣсь очень неразвитой, покорный, словцо сказать боится — работаетъ да молчитъ, чтобъ не прогнали съ фабрики, а хозяину эта покорность и на руку. Онъ знаетъ, что сколько ни заплати онъ своему рабочему, тотъ доволенъ будетъ, и плата здѣсь очень низкая. Кромѣ того, нашъ хозяинъ отдаетъ землю въ аренду рабочимъ, чтобы этимъ крѣпче привязать рабочихъ къ своей фабрикѣ и легче выжимать изъ нихъ соки.

Рабочій день продолжается у насъ 18 ч. въ двѣ смѣны по 9 часовъ. Въ обѣ смѣны входятъ мужчины, женщины и подростки.

Ткачи работаютъ на 2 станкахъ каждый; работаютъ сдѣльно; мѣра въ кускѣ ткани бываетъ на 3—4 арш. больше нормальной. Мужчины, женщины и подростки зарабатываютъ въ среднемъ 9 руб. въ мѣсяцъ.

Въ *приготовительномъ* отдѣленіи зарабатываютъ въ среднемъ по 15 руб. въ мѣсяцъ.

На *шпульной* машинѣ работаютъ большей частью малолѣтніе, зарабатываютъ въ средн. 5 р. въ мѣс.

На *шлихтовальныхъ* машинахъ получаютъ по 12 и 15 руб.

Пробойщики зарабатываютъ по 10 руб. Заработокъ *подавальщиковъ*—5 р.

Невелики заработки и нашего ближайшаго „начальства".

Подмастерья (ихъ 16 чел. и 2 запасн.) получаютъ по 20 р. въ мѣс.

Браковщикъ—старшій получаетъ 15 р., а младшій 12 р.

Расплата производится 2 раза въ мѣсяцъ. Штрафы берутъ, а куда идетъ штрафной капиталъ — неизвѣстно: никакихъ пособій рабочимъ не выдаютъ. Очевидно, этотъ капиталъ остается въ карманѣ фабриканта.

Есть два табельщика: старшій и младшій. Старшій страшно обираетъ рабочихъ. Кто ничего не даетъ ему, на того онъ наговариваетъ управляющему, а съ кого больше получаетъ, того переводитъ на хорошіе станки. Управляющій у насъ такая хитрая лисица, что придумалъ, какъ ему поудобнѣе взятки брать съ рабочаго, и придумалъ очень ловко. Познакомился онъ съ волостнымъ старшиной и какъ только кто изъ рабочихъ придетъ мѣста просить, такъ онъ и посылаетъ его къ старшинѣ, чтобы напоилъ старшину водкой, да еще далъ бы ему рубля три, тогда только мѣсто получишь.

Такъ старшина насобираетъ подачекъ съ нашего брата рабочаго, а потомъ и дѣлится съ управляющимъ. Вотъ еще одинъ рабочій разсказывалъ интересный случай. Приноситъ онъ однажды масло продавать управляющему и спрашиваетъ: „не купители?" Тотъ взялъ и говоритъ: „я тебя не забуду", а денегъ не отдалъ. Другой рабочій такимъ же образомъ принесъ сметаны. „Въ кредитъ" отдалъ.

Тифлисъ. Въ маѣ на табачной фабрикѣ Бозарджіянца была стачка. Забастовала вся фабрика, около 300 человѣкъ (большинство мужчины). Возникла стачка по слѣдующимъ причинамъ: при основаніи фабрики былъ установленъ такой порядокъ, что съ каждаго рубля заработной платы одна копейка отчислялась „въ эмеритальную кассу". До сихъ поръ пособія изъ этой „кассы" никому не выдавались и отчета также не было никакого. По разсчетамъ рабочихъ, за время существованія фабрики должна уже была накопиться порядочная сумма (средній заработокъ рабочаго на этой фабрикѣ 12-15 рубл. въ мѣсяцъ), и они прекратили работу, требуя представленія отчета и отказываясь платить копейку съ рубля. Стачечники держались пять—шесть дней, но когда хозяинъ пригрозилъ, что по телеграфу вызоветъ рабочихъ изъ Россіи, они вновь взялись за работу на слѣдующихъ условіяхъ: отчетъ кассы долженъ быть представленъ въ ближайшемъ времени, а копейку съ рубля будутъ платить по прежнему.

Во время стачки нѣсколько „зачинщиковъ" были арестованы но черезъ день-два выпущены.

Послѣ стачки хозяинъ въ отместку ввелъ слѣдующую мѣру: не явившіеся на работу въ понедѣльникъ не допускаются на фабрику втеченіе всей недѣли.

Въ стачкѣ участвовали грузины, армяне и русскіе. Къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать, каковы были въ это время взаимныя отношенія рабочихъ различныхъ національностей. Объ агитаціи во время стачки не было слышно.

Сибирь. **На олекминскихъ витимскихъ золотыхъ пріискахъ Приленскаго Т-ва были волненія и стачка шахтеровъ и чернорабочихъ. Управляющій Т-вомъ Грауманъ дралъ непомѣрно высокія цѣны при продажѣ продуктовъ рабочимъ. Столкновеніе произошло также по поводу празднованія масляницы: рабочіе требовали 3-хъ праздничныхъ дней. Предъявленныя требованія большей частью удовлетворены. Заслуживаетъ вниманія** ***спокойное, выдержанное*** **поведеніе рабочихъ, которые ничего не разрушали и не ломали.**

Въ *Москвѣ* вышелъ третій номеръ „Волны".

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТІИ.

Вышелъ № 8-9-й (ноябрь—мартъ 1899—1900 г.) кіевской газеты „Впередъ".

Объемистый номеръ въ 7 печатныхъ листовъ богатъ по содержанію и даетъ хорошій матеріалъ для чтенія рабочимъ. За передовицей о денежномъ кризисѣ въ Россіи („Кризисы") идетъ „Мѣстная Хроника"—корреспонденціи съ 15 фабрично-заводскихъ заведеній и мастерскихъ; далѣе статья: „Къ 35-лѣтн. годовщинѣ смерти Лассаля"; потомъ отдѣлъ „По Россіи"—корреспонд. изъ С.-Зап. Края, изъ Екатеринослава и Брянска Орлов. г., изъ Кременчуга, Полтавы, Николаева, Одессы, посада Злынки, „Крестьянскіе бунты" въ Волынской г. Затѣмъ „Въ Польшѣ", статья „10-час. раб день передъ судомъ хозяевъ-ремесленниковъ", „Изъ Заграницы", отчеты и хроника арестовъ.

Вышелъ второй номеръ „Южнаго Рабочаго". Съ содержаніемъ его мы не замедлимъ познакомить товарищей.

Въ ***Кіевѣ*** **и** ***Одессѣ*** **булочники снова объявили стачку.**

Въ мартѣ 1900 г. состоялся *9-й съѣздъ* Союза Еврейскихъ Щетинщиковъ въ Польшѣ и Литвѣ, входящаго во Всеобщій Еврейскій Союзъ. Объ успѣхахъ нашихъ товарищей-щетинщиковъ и о силѣ ихъ профессіональной организаціи можно судить по богатству и разнообразію обсуждавшихся этимъ съѣздомъ вопросовъ: 1) Отношеніе къ посредникамъ, 2) Ученическая работа, 3) Первое мая, 4) Празднованіе кассовыхъ юбилеевъ, 5) Возможность борьбы за 10 часовой рабочій день, 6) Изданіе брошюры по исторіи движенія щетинщиковъ, 7) Газета Wecker (Будильникъ) и нелегальная литература вообще, 8) Матеріальныя средства центральнаго комитета.

Въ началѣ мая вышелъ 5-й номеръ Wecker'а, органа Союза Щетинщ.

Недавно вышелъ и 6-й номеръ этого органа. Содержаніе его: 9-й съѣздъ союза щетинщиковъ, профессіональныя организаціи, 1-е мая 1900 г. у щетинщиковъ, стихотвореніе „Къ демонстрантамъ", корреспонденціи: изъ Креслальки, Вержболова, Вистинца, Двинска, Вильковишекъ, Новаго Мѣста, Трестиньи, Неволя Мезерички, стих. „Ломаемъ", фельетонъ: „Шпіонъ Зубатовъ", хроника арестовъ, отчетъ центр. комитета щетинщиковъ.

Гомель. Здѣсь образовался комитетъ Всеобщаго Евр. Раб. Союза въ Россіи и Польшѣ.

Лодзь. Тутъ былъ цѣлый рядъ стачекъ евреевъ-ткачей. Всѣ стачки кончились побѣдой рабочихъ.

Послѣ удачной стачки 600 евр. ткачей началась стачка еврейскихъ пекарей, которая тоже кончилась въ пользу рабочихъ.

На-дняхъ здѣсь происходили похороны рабочаго. Рабочіе-евреи и христiане устроили по этому поводу демонстрацію, въ которой приняли участіе 1000 человѣкъ. На улицѣ раздавались революціонные возгласы.

Мѣстнымъ комитетомъ Евр. Рабоч. Союза распространено въ концѣ іюля воззваніе по поводу стачекъ еврейскихъ ткачей. Печатано въ Россіи. 1400 экземпляр.

Въ началѣ августа комитетъ выпустилъ печатанное въ типографіи „Бунда" воззваніе ко всѣмъ евр. рабочимъ и работницамъ города Лодзи. Требованія, выставленныя въ этомъ воззваніи, слѣдующія: 10 ч. раб. день, увеличеніе платы, лучшее обращеніе, аккуратная еженедѣльная выплата. Распространено 3000 экземпляровъ.

Въ началѣ августа тутъ произошла опять демонстрація христ. и еврейскихъ рабочихъ. Арестовано 7 человѣкъ.

Въ *Варшавѣ* Комитетъ Евр. Раб. Союза, въ началѣ августа, выпустилъ два воззванія: одно ко всѣмъ еврейскимъ рабочимъ, другое къ пекарямъ, у которыхъ начинается стачка.

Вышелъ 3-й номеръ газеты „Warschauer Arbeiter" (Варшавскій Работникъ), издаваемой мѣстнымъ комитетомъ Всеобщаго Еврейскаго Рабоч. Союза въ Россіи и Польшѣ и напечатанной въ Россіи въ типографіи комитета. Весь номеръ посвященъ переживаемому теперь кризису и безработицѣ. На-дняхъ вышелъ и четвертый номеръ этой газеты, посвященный обзору майскаго праздника.

Вспыхнула стачка пекарей (христіанъ). Надежды на успѣхъ очень мало. — Въ началѣ августа при похоронахъ члена бывшей партіи „Пролетаріатъ" христ. и евр. рабочіе устроили демонстрацію. *Всѣ* участники арестованы.

Вильна. Въ іюнѣ здѣсь было выпущено воззваніе къ чулочницамъ отъ мѣстн. комитета Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза. Стачка сапожниковъ здѣсь кончилась успѣшно для рабочихъ. Послѣдніе добились удовлетворенія своихъ требованій, но немедленно послѣ стачки начались большіе аресты.

Минскъ. Мѣстнымъ комитетомъ Евр. Союза распространена прокламація по поводу арестовъ.

Двинскъ. Здѣсь происходила стачка на лѣсопильномъ заводѣ Закса, въ которой участвовало 200 рабочихъ—христіанъ и евреевъ. Большинство стачечниковъ—христіане. Стачка продолжалась цѣлую недѣлю и кончилась побѣдой рабочихъ.

Крынки (Гродн. губ.). Нѣсколько недѣль здѣсь продолжается стачка 800 кожевниковъ-евреевъ и христіанъ. Большинство—евреи. Требованіе рабочихъ—10 часовой рабоч. день (вмѣстѣ со временемъ на обѣдъ и завтракъ—12 час.).

Въ *Сморгони* стачка 180 кожевниковъ (евреевъ).

Заграницей Всеобщ. Евр. Рабоч. Союзомъ изданы: беллетристическій сборникъ „Im Kampf" (Въ борьбѣ), въ которомъ между прочимъ помѣщены очерки Короленко: „Чудная" и „Море", и „Jüdischer Arbeiter" (Еврейскій Рабочій), который, согласно рѣшенію послѣдняго съѣзда Евр. Союза, носитъ болѣе теоретическій характеръ.

Содержаніе его: 3-й съѣздъ Всеобщаго Еврейск. Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ, Новая эпоха въ евр. раб. движеніи, Задачи русскихъ соціальдемократовъ, Кризисъ, „Война въ южной Африкѣ" Каутскаго, „Французскій соціализмъ и Парижскій конгрессъ" Лагарделля, „Борьба углекоповъ въ Австріи" Каутскаго, Соціализмъ въ Финляндіи, фельетонъ: „Муравьевъ-Вѣшатель", Партійныя извѣстія, Изъ прессы, „Весь міръ": Россія, Финляндія, Германія, Австрія, Франція, Англія, Бельгія, Голландія, Италія, Америка, некрологъ: Петръ Лавровичъ Лавровъ, хроника арестовъ, отчетъ кассира Заграничнаго Комитета.

Выпущенъ также евр. переводъ брошюры „Кто чѣмъ живетъ".

Дополнительныя свѣдѣнія о праздновании 1-го Мая.

Въ *Гроднѣ* перваго мая состоялось собраніе 130 евреевъ-рабочихъ и работницъ въ лѣсу. На двухъ знаменахъ красовались надписи: „Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!" и „Да здравствуетъ 1-е мая!"

Въ *Лодзи* состоялось собраніе въ лѣсу изъ 300 евреевъ-рабочихъ и работницъ. При пѣніи еврейской революціонной пѣсни „Клятва" развернуто было красное знамя, на которомъ были написаны требованія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ.

Въ *Минскѣ* 1-го мая была демонстрація евреевъ-рабочихъ, въ которой принимало участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. Рабочіе кричали на улицѣ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!" и т. п.

Отъ Заграничнаго Комитета Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза въ Россіи и Польшѣ.

Въ виду замѣтки, появившейся въ ноябрѣ 1899 г. въ польской соціалист. газетѣ „Prsedswit", замѣтки, въ которой невѣрно представлены отношенія ко Всеобщ. Евр. Рабоч. Союзу со стороны его Варшавскаго Комитета, этотъ послѣдній въ № 16-мъ „Arbeiter Stimme" дѣлаетъ такое заявленіе:

„Въ послѣднее время въ Россіи и главнымъ образомъ заграницей распространились слухи, что Варшавскій евр. соц.-дем. Комитетъ присоединился къ Польской Соціалистической Партіи. Мы заявляемъ, что эти слухи совершенно ложны: мы принадлежимъ, какъ и прежде, къ „Всеобщ. Евр. Рабоч. Союзу въ Россіи и Польшѣ" *и вполнѣ согласны со всѣми пунктами его программы*".

Варшавскій
Соціальдемократ. Комитетъ.

ПОЛЬША.

Изъ Варшавы,

(Przedswit, № 6).

Изъ числа арестованныхъ во время манифестаціи 29-го апр. дольше всѣхъ сидѣли евреи, которые принимали въ этой манифестаціи самое усердное участіе. Ихъ не остановило даже то обстоятельство, что они должны были съ этой цѣлью уйти съ работы (польскимъ товарищамъ было удобнѣе, такъ какъ въ воскресенье они не работаютъ).

Въ маѣ мѣсяцѣ опять были два раза демонстративныя похороны, которыя прошли совершенно спокойно безъ грубого вмѣшательства полиціи. 1-го мая нѣсколько сотъ товарищей проводили на мѣсто вѣчнаго успокоенія трупъ кузнеца Францишка Дмовскаго, арестованнаго во время прошлогодней стачки и просидѣвшаго около 6 мѣсяцевъ въ цитадели. Вскорѣ послѣ освобожденія изъ тюрьмы онъ умеръ отъ чахотки. На его похоронахъ пѣли „Красное Знамя" (польская рабочая революціонная пѣсня).

Недѣлю спустя болѣе 500 товарищей приняли участіе въ похоронахъ сапожника Юзефа Яровскаго. Всю дорогу пѣли различныя революціонныя пѣсни, за городскими воротами гробъ подняли на плечи, а надъ могилой пропѣли „Красное Знамя".

А вотъ и еще отголоски манифестаціи 29-го апрѣля. Новицкій, хозяинъ кондитерской на углу Іерусалимской аллеи и Братской улицы, оштрафованъ генер.-губернаторомъ Имеретинскимъ на сумму въ 300 рублей за то, что преслѣдуемая казаками толпа въ памятный день манифестаціи искала убѣжища на верандѣ, устроенной передъ его кондитерской; на этой же верандѣ, кажется, былъ побитъ казакъ, причемъ виновника не удалось поймать. Дворникъ этого же дома, который впустилъ спасавшуюся отъ преслѣдованій казаковъ толпу на дворъ, — навсегда лишенъ права исполнять обязанности дворника и посаженъ на двѣ недѣли подъ арестъ при полиціи.

Другого дворника, тоже въ Іерусалимской аллеѣ—Соколовскаго—полиція лишила не только права, но и возможности исполненія какихъ бы то ни было обязанностей, потому что его такъ побили саблями и изувѣчили въ участкѣ, что онъ спустя нѣсколько часовъ умеръ. Это возмутительное убійство страшно взволновало всѣхъ варшавскихъ дворниковъ.

Въ среднихъ числахъ іюля арестовано въ Варшавѣ около 20 рабочихъ.

Въ *Влацлавкѣ* 6-го мая представители полиціи и военщины дошли уже до такого безобразія, что самъ Имеретинскій былъ вынужденъ нѣсколько сократить ихъ. Въ театрѣ во время антракта предъ послѣднимъ дѣйствіемъ пьяный полицеймейстеръ Лагуновъ велѣлъ оркестру играть царскій гимнъ. Трубачъ Левандовскій объяснилъ разгоряченному патріотизмомъ полицейскому, что гимнъ—это былъ табельный день — уже играли до представленія и что, наконецъ, никого почти изъ оркестра уже нѣтъ. Въ отвѣтъ на это Лагуновъ выругался „по-россійски" и ударилъ Левандовскаго тросточкой. Тотъ, недолго думая, ударилъ полицеймейстера по лицу, а когда этотъ пьяница съ бѣшенствомъ бросился на него, онъ сталъ отбиваться первымъ попавшимся пюпитромъ. Въ залѣ поднялся страшный шумъ, и публика стала разбѣгаться. Тогда два офицера, бывшіе въ театрѣ, бросились въ ближайшія казармы и привели отуда 32 солдата подъ командой фельдфебеля.

Солдаты влетѣли въ театръ съ обнаженными саблями и стали буйствовать, производя всеобщее избіеніе. Появились и жандармы. Жандармскій начальникъ приказалъ растворить всѣ двери и выпустить публику, а солдатамъ велѣлъ оставить театръ.

Черезъ 2 дня Левандовскій былъ арестованъ. Когда онъ уже сидѣлъ подъ арестомъ, къ нему въ камеру ворвался Ла-

гуновъ и страшно избилъ его.

Неизвѣстно, чѣмъ это кончится. Военное начальство получило вѣжливый выговоръ, а Лагуновъ получилъ отставку, но вѣроятно, поплатится Левандовскій, дѣло котораго ведетъ товарищъ прокурора, извѣстный своей ненавистью къ полякамъ.

Польская соціалистическая Партія выпустила 8 іюля 37 номеръ Robotnick'а (Работника), напечатанный въ новой тайной типографіи. Содержаніе этого номера: подробное описаніе послѣднихъ майскихъ демонстрацій въ Варшавѣ; статья о двухъ варварскихъ годовщинахъ царскаго правительства—массовой рѣзни, устроенной Суворовымъ при взятіи Праги, предмѣстья Варшавы, въ 1794 г., и отмѣны Уніи, т. е. насильственнаго присоединенія уніатовъ къ православію; корреспонденціи изъ всѣхъ центровъ польск. соціалистич движенія, свидѣтельствующія о большомъ ростѣ организаціи, и друг. извѣстія изъ Польши. Кромѣ того, при номерѣ имѣются 2 прибавленія: одно— для Варшавы, съ многочисленными корреспонденціями изъ разныхъ фабрикъ и мастерскихъ польской столицы, другое—для Лодзи.

Въ лондонской типографіи польской соціалистическ. партіи вышла брошюра: „*Польская Соціалистическая Партія въ послѣдніе пять лѣтъ.*", докладъ, представленный на 4-й съѣздъ партіи и дополненный свѣдѣніями о ея дѣятельности до послѣдняго времени. Кромѣ того, въ брошюрѣ помѣщены программа партіи, рѣшенія 3-го съѣзда о тактикѣ, замѣтки о партійной организаціи, а также взгляды П. С. П. на важнѣйшіе программные и тактическіе вопросы и на отношенія къ другимъ партіямъ и народностямъ въ Польшѣ и Россіи.

Отголоски Запада.

Король Гумбертъ застрѣленъ рабочимъ-ткачемъ Бреши: правители всѣхъ странъ въ траурѣ, буржуазныя газеты проливаютъ моря чернильныхъ слезъ. Онѣ открыли въ убитомъ итальянскомъ королѣ всевозможныя добродѣтели. Охотно вѣримъ, что Гумбертъ былъ образцовымъ семьяниномъ, добрымъ мужемъ, любящимъ отцомъ и даже щедрымъ раздавателемъ милостыни нищимъ, которыхъ въ Италіи такъ много. Но не въ томъ дѣло. Онъ былъ убитъ не какъ частный человѣкъ, а какъ король, высшій представитель и покровитель помѣщиковъ и фабрикантовъ. Подъ его правленіемъ итальянскій народъ былъ доведенъ почти до такой же нищеты, какъ русскій народъ подъ правленіемъ своихъ царей. Подати и налоги разорили народную массу, бремя военщины росло непомѣрно. Народъ голодалъ, а правительство Гумберта и парламентъ помѣщиковъ и фабрикантовъ тратили кровныя деньги народа на ружья и пушки, на броненосцы и колоніальныя войны. Хищенія, казнокрадство и подкупъ вошли въ порядокъ. Долголѣтній первый министръ Гумберта — Криспи стоялъ во главѣ воровской шайки и, когда онъ былъ пойманъ съ поличнымъ въ плутняхъ „римскаго банка", король спасъ его отъ суда и наказанія. Рабочіе и крестьяне бѣжали ежегодно десятками тысячъ изъ „благодатной Италіи", чтобы избавиться отъ голода. Остававшіеся на родинѣ въ отчаяніи бунтовали, и тогда король утолялъ ихъ голодъ пулями и штыками. У всѣхъ еще въ памяти избіеніе миланскаго населенія, возставшаго въ маѣ 1898 года изъза вздорожанія хлѣба. Послѣ кроваваго усмиренія бунтовъ происходили массовые аресты, сыпались градомъ судебные приговоры къ каторгѣ. Въ послѣдніе годы была введена, по примѣру царской Россіи, административная ссылка „неблагонадежныхъ". И только неутомимое сопротивленіе соціалистовъ и республиканцевъ въ парламентѣ помѣшало правительству Гумберта уничтожить право стачекъ, союзовъ, свободы печати и собраній...

Такова почва, на которой выросли итальянскіе анархисты: Казеріо, заколовшій французскаго президента Карно, Голли-Анджолилло, застрѣлившій испанскаго министра Кановаса, Луккени, заколовшій австрійскую императрицу Елизавету и, наконецъ, Бреши, застрѣлившій итальянскаго короля, на жизнь котораго уже въ 1897 году покушался анархистъ Аччарито.

Вмѣстѣ со всѣми соціалистическими партіями Западной Европы, вмѣстѣ съ итальянскими соціалистами мы признаемъ способъ дѣйствій анархистовъ не только безполезнымъ, но и вреднымъ. Выстрѣлы Бреши могутъ только усилить реакцію, враждебныя народу партіи. Итальянское правительство,

побитое на іюньскихъ выборахъ въ парламентъ, уже готовитъ новыя реакціонныя мѣры противъ народа подъ предлогомъ защиты отъ „анархистской опасности". Вспомнимъ еще, что Исполнительный Комитетъ партіи „Народной Воли", во время своего террористическаго похода противъ Александра II-го, въ 1880 г. протестовалъ противъ убійства американскаго президента Гарфильда безумцемъ Гито. Исполнит. Комит. протестовалъ потому, что тамъ, гдѣ существуетъ политическая свобода, всѣ партіи могутъ и должны бороться только силой слова, печати, организаціи, союзовъ и избирательныхъ голосовъ. Бреши убилъ короля, но тѣмъ усилилъ королевскую власть. Онъ мстилъ за угнетенный, ограбленный, голодающій и разстрѣливаемый народъ, но плодомъ его мести можетъ быть усиленіе гнета и грабежа.

Тѣмъ не менѣе, вой, плачъ и проклятія буржуазныхъ газетчиковъ всѣхъ странъ, а наемныхъ газетчиковъ — холоповъ русскаго самодержца въ особенности, внушаютъ отвращеніе. Почему они не проливаютъ хоть милліонной доли слезъ по безчисленнымъ кровавымъ жертвамъ капитализма и деспотизма? Развѣ тысячи жизней рабочихъ и крестьянъ не стоютъ одной жизни короля? Развѣ судьба вдовъ и сиротъ разстрѣлянныхъ и въ южной Италіи, и въ Сициліи, и въ Миланѣ не горше судьбы королевской вдовы и королевскаго наслѣдника, воцарившагося на мѣсто отца?.. Пули ткача Бреши были отлиты самимъ королемъ и господствующими классами Италіи во время миланской бойни — вотъ что надо помнить!

Это помнятъ итальянскіе рабочіе, загнанные нуждой и преслѣдованіями на чужбину. Въ Женевѣ они вычеркнули на печатныхъ афишахъ о смерти короля слово „убитъ" и замѣнили его словомъ „казненъ". Въ Билѣ (также въ Швейцаріи) итальянскіе рабочіе при извѣстіи о смерти Гумберта побросали работу и съ веселыми пѣснями прошлись по улицамъ города.

Это помнятъ рабочіе избиратели въ самой Италіи. 5-го августа, черезъ недѣлю послѣ смерти короля, происходили выборы депутатовъ въ Гонзагѣ и Будріо. Тамъ въ іюнѣ были уже выбраны соціалисты Коста и Ферри. Но они въ то же время были выбраны въ двухъ другихъ округахъ, такъ что необходимы были новые выборы. Правительство надѣялось, что убійство короля перемѣнитъ настроеніе избирателей и будутъ выбраны преданные „престолу" кандидаты—благо, правительственныя газеты сваливали всю вину въ убійствѣ на соціалистическую партію, а въ Римѣ вѣрноподданные, съ помощью переодѣтыхъ полицейскихъ и жандармовъ, устроили манифестацію противъ соціалистической газеты „Avanti" (Впередъ). И что же? Снова были выбраны соціалисты—Биссолати, главный редакторъ „Avanti", въ Будріо и Лоллини въ Гонзагѣ.

Итальянскіе выборы, назначенные правительствомъ преждевременно въ надеждѣ справиться съ оппозиціонными партіями и особенно съ соціалистами, доставили послѣднимъ блестящую побѣду. Правительственные кандидаты получили 611.425 голосовъ, а вся оппозиція 649.485 гол. Соціалисты одни получили 215.841 гол. вмѣсто 134.502 въ 1897 году и 76.359 въ 1895. Такимъ образомъ число соціалистическихъ голосовъ за пять лѣтъ почти утроилось. Выбрано было 32 соціалистическихъ депутата, вдвое больше, чѣмъ въ прежнюю палату депутатовъ.

Бельгійскіе выборы 27 мая показали дальнѣйшій ростъ соціалистической партіи. Наши товарищи получили 467 тысячъ голосовъ, на 140.000 больше, чѣмъ въ 1894 г., когда они впервые приняли участіе въ избирательной борьбѣ послѣ завоеванія ими общаго избирательнаго права. Выбрано было 33 соціалистическихъ депутата вмѣсто прежнихъ 28. Успѣхи нашей партіи были бы еще гораздо значительнѣе, если бы не „множественные" голоса, право на два и три голоса, которое имѣютъ преимущественно зажиточные и богатые избиратели буржуазныхъ партій, а особенно клерикальной (поповской) партіи. Господствующіе въ парламентѣ и въ правительствѣ клерикалы потеряли 27 депутатскихъ мѣстъ, у нихъ теперь 85 депутатовъ (изъ общаго числа 152) вмѣсто прежнихъ 112. Произошло это, благодаря введенію пропорціональнаго представительства, которымъ удѣляются депутатскія мѣста и меньшинству, достигающему извѣстнаго числа голосовъ. Бельгійскіе рабочіе неустанно бу-

дутъ бороться противъ „множественныхъ“ голосовъ, добьются *равнаго* избирательнаго права и положатъ конецъ клерикальному правленію.

Городскіе выборы во Франціи, происходившіе въ маѣ, рѣзко различаются по своимъ результатамъ въ столицѣ Парижѣ и въ провинціи. Муниципальный совѣтъ (дума) столицы перешелъ въ руки націоналистовъ (квасныхъ патріотовъ), антисемитовъ (жидоѣдовъ), клерикаловъ и монархистовъ (сторонниковъ возстановленія королевской власти), замаскированныхъ и откровенныхъ,—словомъ, въ руки злѣйшихъ враговъ рабочихъ и всего трудящагося народа. Большинство парижскихъ избирателей, правда, голосовало за соціалистовъ, радикаловъ и искреннихъ республиканцевъ, но большинство гласныхъ принадлежитъ соединеннымъ реакціонерамъ разныхъ толковъ, потому что избирательные округи распредѣлены несправедливо: въ рабочихъ округахъ вдвое, иногда втрое и вчетверо больше избирателей, чѣмъ въ буржуазныхъ округахъ. Всего было подано 394.627 голосовъ, изъ нихъ соціалисты, радикалы а искренніе республиканцы получили вмѣстѣ 224.962, а всѣ реакціонныя партіи только 169.665 голосовъ. Одни соціалисты получили 142.772 голоса. Гласныхъ же у первыхъ 44, а у послѣднихъ 36! Главнымъ образомъ успѣхъ реакціонеровъ объясняется тѣмъ, что парижскіе мелкіе буржуа (лавочники, трактирщики и проч.), очень многочисленный слой столичнаго населенія, недовольны своимъ положеніемъ, которое все ухудшается съ развитіемъ крупной торговли. А такъ какъ мелкая буржуазія обыкновенно слѣдуетъ за партіями, которыя обѣщаютъ спасти ея мелкую торговлю, и не понимаетъ истинной причины своего плохого положенія, то она на послѣднихъ выборахъ въ огромной массѣ голосовала за щедрыхъ на обѣщанія реакціонеровъ... Однако, соціалисты и въ Парижѣ получили больше голосовъ, чѣмъ на городскихъ выборахъ 1896 года и сохранили всѣ свои 20 мѣстъ.

Въ провинціи же соціалисты и республиканцы вообще одержали блестящую побѣду. Соціалисты, отчасти съ помощью радикаловъ, отчасти собственными силами получили много новыхъ мѣстъ, завоевали много новыхъ городскихъ и даже сельскихъ думъ и, за исключеніемъ городовъ Дижона и Калэ, сохранили господство въ такихъ крупныхъ городахъ, какъ Марсель, Лилль и Рубэ, снова завоевали Нарбонну и впервые, въ союзѣ съ радикалами получили большинство въ Ліонѣ (второй по величинѣ городъ Франціи), Сентъ-Этіеннѣ, Буржѣ и многихъ другихъ.

Городскіе выборы въ Вѣнѣ (въ концѣ мая) сильно напоминаютъ парижскіе. Но столица Австріи, конечно, гораздо глубже и прочнѣе увязла въ реакціонномъ болотѣ, чѣмъ столица Франціи. Въ Вѣнѣ уже давно господствуютъ антисемиты, дѣйствующіе въ союзѣ съ дворянами и католическими попами и травлей на жида привлекшіе къ себѣ все мѣщанство, которое тамъ значительно тупоумнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Кромѣ того тамъ нѣтъ общаго и равнаго избирательнаго права. Луэгеръ, божокъ вѣнскихъ жидоѣдовъ и городской бургомистръ (голова), вынужденъ былъ соціальдемократической партіей расширить избирательн. право, но онъ ввелъ, съ согласія реакціоннаго правительства, плутовскую „реформу“, которая только для виду даетъ избирательное право и рабочимъ. На дѣлѣ же реформа обезпечила заранѣе огромное большинство за антисемитами. Имущіе избиратели выбираютъ отдѣльно (въ трехъ куріяхъ, разрядахъ, смотря по суммѣ платимаго ими подоходнаго налога) 138 гласныхъ, а четвертая курія, въ которой всѣ имущіе выбираютъ *вторично* вмѣстѣ съ рабочими, имѣетъ право всего на 20 гласныхъ! Но и этого мало. Въ четвертую курію допускаются только тѣ рабочіе, которые неотлучно прожили въ Вѣнѣ три года, а извѣстно, что рабочимъ часто приходится мѣнять мѣсто жительства, чтобы имѣть постоянно работу. Такимъ образомъ многія тысячи рабочихъ лишены и призрачнаго избирательнаго права четвертой куріи. Далѣе, всѣ округи 4-й куріи выбираютъ по одному гласному, безъ всякаго вниманія къ количеству населенія округа, а это опять-таки крайне не выгодно рабочимъ. Такъ рабочій округъ Оттакрингъ съ 20.000 избирателей выбираетъ только одного гласнаго, какъ и округъ богачей и мелкихъ буржуа Деблингъ съ 5.000 избирателей. Наконецъ, старая антисемитская дума составила просто мошенническіе избирательные списки: „надежные“ избиратели были внесены

по нѣсколько разъ въ различныхъ округахъ, мертвые остались въ спискахъ и подъ ихъ именемъ голосовали живые антисемиты, зато тысячи рабочихъ были вычеркнуты или не внесены въ списки. Все это было раскрыто соціальдемократической партіей, по почину которой отъ избирателей поступило до 30.000 протестовъ противъ антисемитскихъ плутней.

При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ наша партія впервые вступила въ борьбу на почвѣ городскихъ выборовъ. Соціальдемократическіе кандидаты были выставлены, конечно, только въ четвертой куріи. И однако, наши товарищи получили 56.306 противъ 77.608 антисемитскихъ голосовъ. Выбрано же было 2 соціальдемократа и 18 антисемитовъ. Всего антисемиты имѣютъ 131 гласнаго, тогда какъ либералы, умирающая партія крупной буржуазіи, сохранила только 25 мѣстъ.

Соціальдемократы *впервые* проникли въ вѣнскую думу. Они и тамъ всѣми силами будутъ бороться за интересы рабочихъ противъ антисемитовъ, а вся наша партія не успокоится до тѣхъ поръ, пока не добьется настоящаго избирательнаго права для рабочаго класса.

Австрійскіе рабочіе союзы собрались въ половинѣ іюня въ Вѣнѣ на свой третій конгрессъ (съѣздъ). Отчетъ союзной коммисіи показываетъ отрадный ростъ организаціи. Въ 1892 г. она насчитывала (въ союзахъ по ремесламъ и въ рабочихъ союзахъ саморазвитія) 66.080 мужчинъ и 4.263 женщинъ, въ 1896 г. 112.185 мужчинъ и 5.761 женщ., въ 1899 г. 148.567 мужч. и 9.206 женщинъ. Съ 1892 г. организація увеличилась, стало быть, на 87.430 членовъ, болѣе чѣмъ удвоивъ число своихъ членовъ. Изъ общаго числа 157.773 членовъ въ 1899 г. промысловымъ союзамъ принадлежали 128.504 члена, а союзамъ саморазвитія 29.269. Всѣ союзы издаютъ 21 газету на нѣмецкомъ и 15 газетъ на другихъ языкахъ. Въ 1894 г. союзная печать выходила въ 77.550 экземплярахъ, въ 1896 году въ 119.850 экземплярахъ, а въ текущемъ году въ 385.358 экземплярахъ. Въ своихъ кассахъ союзы имѣютъ сумму около 800 тысячъ рублей, изъ которыхъ около 700 тысячъ принадлежатъ пяти наиболѣе сильнымъ союзамъ типографщиковъ, металлургистовъ, шляпочниковъ, гончарныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

Конгрессъ принялъ, между прочимъ, важныя рѣшенія для укрѣпленія связи между всѣми союзами, установилъ правила для оказыванія взаимной помощи при стачкахъ, высказался за то, чтобы союзы старались взять въ свои руки организацію спроса и предложенія работы, поручилъ соціальдемократическимъ депутатамъ въ парламентѣ потребовать закона о 8-часовомъ рабочемъ днѣ для горнорабочихъ и металлургистовъ.

Вѣнская „Рабочая Газета“ мѣтко пишетъ о конгрессѣ: „Только законъ о союзахъ дѣлаетъ у насъ различія между соціальдемократич. партіей и промысловыми союзами. На дѣлѣ это одно и то же. Въ Австріи промысловые союзы проникнуты соціальдемократическ. духомъ и созданы трудомъ соціальдемократовъ. Организованные въ союзы рабочіе — лучшая сила нашей партіи. Политическая и экономическая борьба пролетаріата для насъ *неразрывна*“...

Международный конгрессъ углекоповъ.

Отъ 25 до 29 іюня въ Парижѣ засѣдалъ одиннадцатый международный конгрессъ углекоповъ.

Въ немъ принимали участіе: Англія съ 50 делегатами отъ 630.000 горнорабоч., Франція съ 11 делегатами отъ 163.000, Германія съ 2 делегатами отъ 200000, Бельгія съ 8 делегатами отъ 132.000. Всего 71 делег. отъ 1.125.000 углекоповъ.

На очереди стояло много важныхъ вопросовъ; важнѣйшими являются вопросы о введеніи 8-часового рабочаго дня путемъ закона и о національзаціи угольныхъ копей и рудниковъ, т. е. ихъ переходѣ въ государственную собственность. Необходимость введенія 8-часового рабочаго дня ужъ раньше сознавалась горнорабочими, причемъ какъ въ прошломъ, такъ и въ этомъ году конгрессъ высказался за введеніе 8 часового рабочаго дня путемъ закона.

Важнымъ шагомъ впередъ является *единогласно* принятое рѣшеніе о національзаціи угольныхъ копей и рудниковъ. Кромѣ непосредственной пользы, которую дала бы національзація, облегчая борьбу за улучшеніе своего положенія, она явилась бы важнымъ шагомъ на пути къ обобществленію всего производства, на пути къ соціализму. Несомнѣнно, одной національзаціи недостаточно; необходима сильная рабочая партія, которая бы контролировала общественное

производство; но углекопы это прекрасно понимаютъ и, конечно, постараются содѣйствовать росту и усиленію рабочей партіи.

Далѣе были единогласно приняты 2 рѣшенія: требованіе, чтобъ расходы по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ несли одни только хозяева и требованіе обязательнаго страхованія рабочихъ на случай неспособности къ работѣ и на случай старости (считая съ 55 года).

Важно еще рѣшеніе о введеніи минимума заработной платы (размѣра платы, меньше которой нельзя было бы платить), хотя конгрессъ не высказался опредѣленно—путемъ ли закона.

Отмѣтимъ еще рѣшеніе о введеніи профессіональныхъ судовъ, которые бы рѣшали спорные вопросы между предпринимателями и рабочими, и рѣшеніе относительно борьбы за повышеніе заработной платы соединенными силами углекоповъ всѣхъ странъ.

Слѣдующій конгрессъ состоится въ 1901 году въ Лондонѣ.

Международные конгрессы, создающіе живыя и тѣсныя сношенія между представителями рабочихъ различныхъ странъ, безспорно служатъ могучимъ средствомъ для всемірной организаціи пролетаріата. Несомнѣнно, что въ этомъ смыслѣ между другими конгрессами международный конгрессъ горнорабочихъ занимаетъ крупное мѣсто. Съ каждымъ конгрессомъ солидарность горнорабочихъ растетъ, ихъ международный секретаріатъ (комитетъ) изъ представителей разныхъ странъ усиливается.

4-й международный конгрессъ рабочихъ прядильно-ткацкой промышленности засѣдалъ въ Берлинѣ отъ 16-го по 20 іюля.

На съѣздъ явилось всего 69 делегатовъ: 32 отъ Германіи, 28 отъ Англіи, 3 отъ Франціи, 3 отъ Австріи, 2 отъ Бельгіи и *1 отъ Россіи* (отъ еврейскихъ бѣлостокскихъ ткачей). Наканунѣ открытія съѣзда берлинскіе рабочіе союзы устроили въ своемъ собственномъ домѣ праздникъ въ честь гостей. Особенно интересна была рѣчь ветерана и вождя германской рабочей партіи В. Либкнехта, который въ блестящей рѣчи провелъ параллель между внѣшнимъ міромъ (внѣ дома рабочихъ) и внутреннимъ міромъ (внутри дома). Тамъ лживыя увѣренія въ желаніи мира, и въ то же время всеобщая погоня за пріобрѣтеніемъ новыхъ колоній, новые захваты, вслѣдствіе этого постоянная рознь, постоянныя кровавыя жертвы.... Здѣсь же искренняя потребность въ международной солидарности, въ мирѣ, дружбѣ и любви...

За недостаткомъ мѣста отмѣчаемъ только важнѣйшія постановленія. Конгрессъ громаднымъ большинствомъ (всѣ націи противъ Англіи) постановилъ, что *окончательное* искорененіе той нищеты, которая господствуетъ среди ткацкихъ рабочихъ, возможно только путемъ превращенія капиталистической частной собственности на орудія производства въ общественную и превращенія товарнаго производства въ соціалистическое. Но для немедленнаго улучшенія положенія прядильщиковъ и ткачей конгрессъ требуетъ развитія законодательства въ защиту рабочихъ, въ особенности его распространенія на домашнюю (кустарную) промышленность. Для достиженія этой цѣли конгрессъ считаетъ необходимымъ, чтобы рабочіе прядильно ткацкой промышленности всѣхъ странъ соединились съ другими рабочими въ одну классовую партію, принимали участіе въ парламентскихъ выборахъ, выбирая въ парламентъ представителей рабочихъ, а также добивались вліянія на законодательство силой своихъ организацій.

Конгрессъ единогласно постановилъ добиваться окончательной отмѣны поштучной платы, сверхурочныхъ работъ и ночной работы. Затѣмъ конгрессъ выработалъ условія международной помощи во время стачекъ.

Делегатъ отъ Бѣлостока не могъ въ силу полицейскихъ условій Россіи выступать открыто, а потому чрезъ предсѣдателя передалъ привѣтствіе отъ бѣлостокскихъ ткачей, которое было встрѣчено съ большимъ одушевленіемъ. Делегатамъ былъ розданъ докладъ бѣлостокскихъ ткачей на нѣмецкомъ языкѣ.

На третій день засѣданій конгрессъ получилъ привѣтственное письмо Союза Русскихъ Соціальдемократовъ заграницей отъ имени Россійской Соціальдем. Рабочей Партіи.

Въ этомъ письмѣ Союзъ знакомитъ конгрессъ въ общихъ чертахъ съ положеніемъ ткачей и прядильщиковъ въ Россіи, подробно останавливаясь на Иваново-Вознесенскомъ районѣ (на основаніи отчета Иваново-Вознесенскаго комитета), указываетъ на успѣшную борьбу этихъ рабочихъ, добившихся массовыми стачками двухъ важнѣйшихъ фабричныхъ законовъ (закона 1886 г. объ

отмѣнѣ штрафовъ и закона 2-го іюня 1897 года о сокращеніи рабочаго дня), описываетъ варварскія политическія условія Россіи, отсутствіе права союзовъ и стачекъ, полицейскія и судебныя преслѣдованія стачечниковъ... Въ заключеніи Союзъ выражаетъ надежду, что „рабочіе русской ткацко-прядильной промышленности, боровшіеся въ первыхъ рядахъ за фабричное законодательство, будутъ также передовыми знаменосцами въ рано или поздно неизбѣжной рѣшающей борьбѣ за права и свободу всего рабочаго народа". Отмѣтимъ еще, что Союзъ обѣщалъ *доставлять международному секретаріату ткачей и прядильщиковъ*, согласно рѣшенію конгресса, *періодическіе отчеты о положеніи этого слоя рабочихъ въ Россіи*. Наши русскія организаціи должны это имѣть въ виду и облегчить Союзу выполненіе даннаго имъ обѣщанія.

Въ заключеніе не можемъ не выразить сожалѣнія, что такіе крупные районы ткацкой промышленности, какъ петербургскій, не прислали на конгрессъ ни мандатовъ, ни отчетовъ. Чѣмъ больше мы будемъ знакомить нашихъ заграничныхъ товарищей съ положеніемъ нашего рабочаго движенія, тѣмъ легче будетъ наша борьба, потому что тогда намъ будетъ гарантирована и матеріальная, и нравственная поддержка западноевропейскихъ рабочихъ.

Международная солидарность рабочихъ растетъ изъ года въ годъ, и это доказалъ берлинскій конгрессъ.

Хроника революціонной борьбы.

Харьковъ. Въ іюлѣ здѣсь произведена масса арестовъ.

Одесса. 16 (29) іюня среди бѣла дня арестованы на дачѣ масса студентовъ и курсистокъ. Изъ Одесской тюрьмы выпущена Соня Горовицъ. Арестованная Берта Либерманъ найдена повѣсившейся.

Москва. Изъ Московской тюрьмы выпущенъ арестованный въ Ковнѣ ювелиръ Хоне Лифшицъ.

Николаевъ. Арестованъ Исаакъ Корнблюмъ.

Рига. Арестованъ студентъ-химикъ Л. Бройно.

Минскъ. Въ послѣднихъ числахъ іюня (ст. ст.) арестованы бывшій студентъ Залкиндъ Альбертъ (третій разъ), Хаимъ Эляшбергъ (?), Бережковская—отвезены въ московскую тюрьму; Гершуни Григорій, бактеріологъ, Махусевичъ, инт., щетинщики Футеръ, два брата Кишель, Хаимъ Овсянниковъ, Мосей Шифъ и еще двое. Пріѣхали изъ Москвы освобожденные совсѣмъ: Тюминъ, Черевинскій и нѣсколько щетинщиковъ. Ждутъ освобожденія Вильбушевичъ до конца слѣдствія. Выпущены раньше: Гурвичъ (реал.), Герцыкъ, сестры Бернштейнъ, Борисъ Фрумкинъ, Паулина Шахновичъ.

Варшава. Корсетница Герщеновичъ выпущена изъ тюрьмы и отправлена въ Либаву. Арестовано 7 евреевъ-рабочихъ.

Двинскъ. Арестованы Гольдинъ и Кенигсбергъ и произведено много обысковъ.

Ковно. Въ концѣ іюня здѣсь арестованъ одинъ щетинщикъ.

Бѣлостокъ. Здѣсь произвед. былъ обыскъ у рабочаго-еврея. Арестованъ переплетчикъ-еврей и отправленъ въ Москву. Въ іюлѣ арестовано 6 ткачей.

Красноярскъ. Арестованъ во второй разъ Красиковъ.

26-го іюня въ Иркутскѣ произведенъ обыскъ у возвращавшагося изъ Вилюйска въ Россію *Махайскаго*; у Махайскаго нашли много писемъ и по этому поводу были обыски у Бычкова, Софьи Доллеръ, Рыхневскаго и Козырева. У М. нашли 100 экз. „Эволюціи Соціальдемократіи", сочиненіе, написанное и гектографированное въ Сибири. М. арестованъ. Козыревъ*) (бывшій дьяконъ), старый каріецъ, только 2 года тому назадъ переѣхавшій въ Иркутскъ изъ Якутской области, тоже арестованъ, у него по слухамъ найденъ шрифтъ. Остальные свободны.

Въ *Эйдкуненѣ* арестованы въ 20-хъ числахъ іюля ветер. врачъ Дрейманъ съ женою и отправлены въ С.-Петербургъ. Арестованные—латыши изъ Курляндіи. При арестѣ взята литература и какія-то письма.

---

*) Въ 1880 г. былъ сосланъ административно, но, по приказу Лорисъ-Меликова, его и товарищей вернули и предали военно-окружному суду (въ Москвѣ), который за то же дѣло (пропаганда среди рабочихъ и солдатъ) приговорилъ Козырева и Бѣлоцвѣтова къ каторгѣ (Казыревъ—10 лѣтъ, Бѣлоцвѣтовъ — 5 лѣтъ), а другихъ къ ссылкѣ (въ 1880 году). Съ дороги на Кару Козыревъ бѣжалъ, но былъ пойманъ, причемъ былъ страшно избитъ, и прибавленъ ему срокъ.

НЕКРОЛОГИ.

Изъ Сибири.

8 мая с. г. скончался въ Верхоленскѣ **Николай Θедоровичъ Богдановъ.** Въ бытность свою студентомъ петербургскаго университета (по юридическому факультету), покойный неутомимо занимался организаціей кружковъ молодежи, ставя своей задачей развитіе революціонныхъ чувствъ и распространеніе революціонныхъ идей въ этой средѣ. Зимою 1896—97 г. г. онъ принималъ очень энергичное участіе въ С. П. Б. Обществѣ Краснаго Креста.

Въ августѣ 1897 года Богдановъ былъ арестованъ. Несмотря на предупрежденіе тюремнаго врача, что здоровье арестованнаго не выдержитъ долгаго тюремнаго заключенія, Б. продержали въ Домѣ Предварительнаго Заключенія болѣе года и затѣмъ больного, чахоточнаго осудили на 5 лѣтъ Вост. Сибири. Это жестокое наказаніе основывалось на обвиненіи его въ томъ, что онъ стоялъ во главѣ Петерб. Союза Борьбы.

Царское правительство его сознательно замучило. Когда его отправляли въ Сибирь, онъ уже стоялъ одной ногой въ могилѣ. Еле живого довезли его до Иркутска, и умирающему уже назначили въ видѣ особой милости мѣстопребываніемъ село Тунки, отличающееся хорошимъ климатомъ. По дорогѣ въ Тунки онъ умеръ въ Верхоленскѣ въ больницѣ.

До послѣдней минуты онъ не переставалъ думать о судьбахъ русскаго революціоннаго движенія и до конца сохранилъ непоколебимую вѣру въ великое дѣло, которому онъ отдалъ свою жизнь.

Проклятіе твоимъ мучителямъ и вѣчная память тебѣ, дорогой товарищъ!

Въ концѣ апрѣля въ Астрахани скончался отъ чахотки **Ювеналій Мельниковъ**, сосланный туда въ 1899 году на 3 года.

По окончаніи четырехъ классовъ реальн. училища Ю. М. выучился слесарному ремеслу и сталъ работать на фабрикахъ и заводахъ. Еще юношей онъ былъ арестованъ за распространеніе нелегальной литературы среди рабочихъ и заключенъ въ Харьковскую тюрьму. Но тюрьма не ослабила его энергіи, а наоборотъ. По освобожденіи изъ тюрьмы, онъ снова душой и тѣломъ отдался рабочему дѣлу. Послѣднее время до ареста покойный жилъ въ Кіевѣ, и можно сказать, что движеніе среди кіевскихъ рабочихъ тѣсно связано съ его именемъ. Кіевскія стачки 1896 г.—портныхъ, токарей пароходнаго общества,—а также устройство кассъ среди служащихъ на конкахъ и рабочихъ разныхъ заводовъ—все это совершалось при участіи Ю. М. Своими рѣчами на рабочихъ собраніяхъ онъ заставлялъ биться сердца и стариковъ, и юношей.

При провалѣ кружка рабочихъ на конкѣ былъ арестованъ и Ю. М. Здоровье его было надорвано еще на волѣ жизнью впроголодь. Бывало, обѣдомъ для цѣлой семьи (послѣ него остались жена и двое дѣтей) служили хлѣбъ, соль и вода. Тюрьма его убила. Онъ тамъ нажилъ чахотку, которая свела безвременно въ могилу преданнаго борца за рабочее дѣло.

Честь тебѣ, славный товарищъ, и позоръ твоимъ палачамъ!

27 іюня въ кіевской больницѣ для чернорабочихъ скончался отъ воспаленія слѣпой кишки **Илья Масловскій**, часовыхъ дѣлъ мастеръ.

Покойный былъ арестованъ въ Кіевѣ 14 апрѣля 1899 года, по указанію предателя Рубашевскаго, вмѣстѣ съ сотней другихъ товарищей и оставался въ тюрьмѣ до послѣдняго времени. Лишь за недѣлю до смерти, когда надежды на выздоровленіе Масловскаго не было уже никакой, жандармы отправили его въ больницу.

Масловскій умеръ одинокій, въ присутствіи одного только полицейскаго стража, охранявшаго „преступника“.

Покойный былъ юноша (лѣтъ около 20), полный силы и энергіи. Честный и искренній, онъ всею душой отдался рабочему дѣлу. Въ тюрьмѣ онъ всегда мечталъ о своей будущей дѣятельности и рвался на свободу. Никто изъ знавшихъ его не допускалъ и мысли, что эта молодая жизнь такъ рано будетъ подкошена царскими шпіонами и тюрьмами.

Добрая память юной жертвѣ ненасытнаго молоха-царизма!

Отчетъ кассира Союза Русскихъ Соціальдемократовъ заграницей

съ 10 апрѣля по 10 августа 1900 г.

Приходъ: **Оставалось въ кассѣ 1048.58, изъ К. для „Рабочаго Дѣла“ (50 р.) 132.50, отъ Z. 9.34, за транспортъ отъ Р. З. 397.—, отъ М. 18.45, изъ Вѣны отъ М. 207.58, N. N. 19.93, Провинціалъ 12.50, чрезъ Б. на конспиративн. цѣль 30.—, изъ Петербурга отъ неизв. тозарища 145.—, изъ Вѣны на изданіе „Классовой Борьбы“ 46.—, изъ Иваново-Вознесенска 118.80, черезъ Трофимыча (200 руб.) 532.—, отъ Спб. Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго кл. 264.50, изъ Петербурга отъ предпріятій 264.50, отъ К. изъ Х. (100 м) 125.—, отъ Кіевскаго Комитета Партіи 431.75; на типографію: черезъ Бернца 266.—, К. Т. 50.—. Петръ 26.— и собрано въ Бернѣ 136.80: отъ G. G. 24.25, Д. 13.60. изъ Питера на литературу 265.50, N. X. за литературу изъ Вѣны 1.10, отъ Нев. 6.—, черезъ К. отъ Л. 3.—, отъ Б. въ пользу рабочаго движенія 12.—, за наборъ отъ С. 20.—, сборъ въ Л. 18.—, сборъ въ Л. 69.20, отъ Кіевскаго Комитета Партіи 399.—, отъ Кіевск. Ком. Партіи на типографію 266.—, изъ Питера на типограф. 66.50, изъ Нью-Іорка за литературу 105.—, американскіе товарищи 20.—, изъ Лозанны на рабоч. литературу 32.—, Кн. изъ Вѣны 35.25, изъ Цюриха отъ А. на типограф. 25.—, изъ Монпелье (черезъ Бернъ) 20.—, за литературу отъ Б. 25.—, на библіотеку для рабочихъ 478.80, изъ Питера на типографію 266.—, отъ Петербургскаго Комитета Партіи *на* литературу 532.—, отъ того же Комитета *за* литер. 532.—, на литературу и транспортъ отъ Юж. 93.10, на брошюру „Политическ. строй Россіи и рабочіе“ 66.50, изъ Льежа 75.50, изъ Вѣны *на* литературу 30.30 и *за* литературу 7.95, отъ Заграничнаго Ком. Еврейскаго Рабочаго Союза долгъ за бумагу 111.40. съ реферата въ Бернѣ 20.—, К. Б. Ф. 42.43, Е. М. 39.98. Б. 13.50, П. 10.72, Провинціалъ (на тип.) 15.—, П. (на типографію) 13.—, отъ Гейдельбергск. кружка 59.76. изъ Лейпцига за литерат. 3.60, отъ Б. за кварт. типогр. 30.—, отъ кр. „Карлъ Марксъ“ 100.—, круж. „Борьба“ 30.05, изъ Цюриха на типографію 65.59; за литературу: отъ Бера 16.93. Ліендталя 5.82, О. 58.13 и Москвича 25.—; на конспират. расходы 23.40, на рабочую литературу изъ Женевы 4.—, черезъ Э. отъ М. Н. 10.—, изъ Саратова 282.50, на транспортировку отъ Петербургскаго Союза Борьбы 463.75, изъ Дармштадта 19.70, Цюриха 16.50, Монпелье 138.44, изъ Цюриха за литературу 1.—, за литерат. изъ Берлина 1.75, за литературу 3.60, изъ Женевы за литературу 50.55, изъ Берна за литературу 81.61, отъ парижской группы за лит. 23.50. отъ объединенныхъ группъ „Впередъ“ и «Einigkeit» за лит. 112.85, на конспиратив. цѣль отъ Кр., Ив. и Вит. 54.—, отъ „Впередъ“ и «Einigkeit» 628.55.**

Всего 10.367.39.

На стачки **получено:**

Изъ Гейдельберга 6.76, листокъ № 8 (изъ Женевы) 12.65, Парижъ 181.—, изъ Дар — а 44.43, К. Т. 50.—, изъ Женевы 41.70. Ліонъ 17.50, Лозанна 50.—, Бернъ 100.—. Вѣна 53.95, Монпелье 52.—, О. 3.—, Лазаревъ 5.—, Р. 2.—, Деичъ 3.—, N X. изъ Вѣны 1.05, Цюрихъ 62.25, Лондонъ (листъ № 9) 75.—, отъ „Впередъ“ и „Einigkeit“ 215.43.

Всего на стачки 976.72.

Для *арестованныхъ:*

П. 18.57. К Б. Ф. 42.43, Ліонъ 26.75, Бернъ 11.60, G. G. 16.60, изъ Гейдельберга 7.93.

Всего для арестованныхъ 123.88.

Всего въ кассу поступило: 11.467.99.

Расходъ: **Типографскіе расходы (наборъ. печатаніе, брошюровка) 2.858.52, покупка новаго шрифта и матеріала для типограф. 1.958.93, бумага 195.—, транспортировка въ Россію 2.326.42, разсылка литератур. 136.64, почтовые расходы по администраціи. типографіи, редакціи и сношенію съ Россіей 289.64, телеграммы 57.66, конспиративн. расх. 4.—, другой конспиративный расходъ 591.13, третій конспиративный расходъ 454.35. за чужую литературу 288.96, литература рабоч. 15.—, расходы по администраціи 350.—, расходы по редакціи 857.05. поѣздки 255.20, складъ 75.—, разные 112.31, старый долгъ 267.—.**

Всего 11.092.81.

Въ Сибирскую Кассу въ Цюрихъ отослано 118.72.

На *стачки* **израсходовано.**

Въ Кіевъ отослана 558.43, почтовые расходы по стачкѣ пекарей 16.10.

Израсх. всего на стачку 574.53.

Всего Союзъ израсходовалъ: 11.786.06.

Итакъ, по суммамъ, вступившимъ на стачки, излишекъ въ 402.19, для арестованныхъ 5.16, а дефицитъ въ Союзной кассѣ равняется 725.42.

Общій дефицитъ въ кассѣ 318.07.

Отчетъ Кассира Заграничнаго Комитета Всеобщ. Еврейск. Рабоч. Союза въ Россіи и Польшѣ

съ 15 янв. до 1 іюля 1900 г.

Приходъ:

Остатокъ отъ прежн. счета фр. 83.08; за литературу: 72.30; за литературу: изъ Берлина 11.65, Берна 50.30 и Вѣны 2.83; отъ кружка „Einigkeit" на изданія 307.50; отъ кружк. „Einigkeit" и „Впередъ" за лит. 12.10; отъ объедин. кружк. „Einigkeit" и „Впередъ" 395.—; Парижъ 60.—; отъ Цюрих. Сиб. Кассы для арест. и сосл. 535.77; изъ Вильны 183.95; на двинскую стачку: рефератъ Плеханова 80.—, изъ Лондона 112.90, Берлина 47.80, Льежа 16.—, Берна 3.50, Парижа 17.—, Парижа по листку № 24 8.—, Вѣны по листку № 26 16.50; отъ Jüdischer Arbeiterbildungsverein въ Парижѣ 125.— и отъ Д. 2.66; пожертв. изъ Женевы 20.—; отъ польки 11.05; Г. —.60; Цюрихъ 135.—; изъ Нью-Іорка отъ Russischer Revolution Unterst. Verein 100.—; Z. изъ Монпелье 17.50; на лит. изъ Россіи 13.30; сборы въ Бернѣ 84.36; балъ въ Бернѣ 33.75; отъ Кіевскаго Комитета Партіи за литерат. 52.90; отъ „Братской Помощи" изъ Ньюіорка 447.—; Союзъ Щетинщиковъ Польши и Литвы 118.75; отъ П. изъ Россіи 186.90; изъ М. 43.55; Ліонскій кружокъ 80.—; Мюнхенъ 45.60; Льежъ 85.26; О. и Л. изъ Вѣны 10.25; Л. 3.25; Б. К. Ф. 67.43; жаргон. спектакль 14.55; Х. К. 11.—; Г. 15.—; изъ П. 39.90; на печати изъ Россіи 7.95; изъ К. (25 руб.) 66.25; отъ тети 79.80; Z. 9.34; Монпелье 151.66; N. N. 19.92; провинціалъ 12.50; по листку № 50 28.25; К. 19.95; Д. 13.60; К. Т. 100.—; G. G. 35.92; отъ Центр. Ком. Евр. Рабоч. Союза 26.60; Е. М. 59.97; Б. 13.—; П. 24.32; М. 133.50; на стачку сапожн. въ Вильнѣ: изъ Берна 100.—, 17.35, изъ Берна (лоттерея, сборы, балъ) 75.—, Парижа 41—, Вѣны 30.30, Дармштадта 37.— и отъ Литвинки 66.50; отъ Ковенск. рабочихъ въ Лондонѣ для арест. 25.60; за лит. изъ Парижа чер. I. 30.—; отъ кружка „Борьба" 24.50.

Всего фр. 5.030.52

Расходъ:

Типографск. расх. фр. 2.088.55; транспортировка 25.30; разсылка лит. 21.65; почт. расх. 46.55; нѣмецкая литер. для Бѣлостока 12.45; печати 14.25; переносъ склада 5.10; телегр. 5.15; вѣнокъ на гр. Лаврова 40.—; Центр. Ком. Евр. Рабоч. Союза 79.80; бумага 235.40; въ Ковно для стачечн.-сапожн. 53.20; разн. 2.35; конспират. расходы 37.30; чужая лит. 5.50; литер. раб. 12.50; двинск. стачеч. 69.25; арест. изъ-за двин. стачки 125.—; почт. расх. по двин. и виленск. стач. 7.15; книги для сослан. и арест. 10.25; бѣжавшему изъ Сибири 51.75; бѣжавшимъ (одолжено) 43.15; сосланнымъ въ Могил. губ. 186.90; Центр. Комит. для арест. 53.20; для ссыл. и заключ. чер. М. 133.50; ковенскимъ арест. 29.30; виленскимъ арест. чер. Центр. Ком. 106.80; почт. расх. для арест. 5.10; стачечникамъ-сапожн. въ Вильнѣ чер. Централ. Комит. „Бунда" 338.10.

Всего фр. 3.844.70
Осталось въ кассѣ фр. 1.185.82

Всего фр. 5.030.52

Отъ нѣмецкой Соціальдемокр. Партіи получена нами агитаціонная нѣмецкая литература для распространенія среди нѣмецкихъ рабочихъ гор. Бѣлостока и окрестностей его.

Отчетъ этотъ былъ приноровленъ къ выходу „Евр. Рабочаго". Поэтому суммы, поступившія послѣ 1-го іюля, будутъ отмѣчены въ слѣдующемъ отчетѣ.

Изданіе Союза русскихъ социальдемократовъ.

Цѣна 30 сант.

Типографія „Союза"

Genève, chemin de la Cluse, № 7.

ЖЕНЕВА.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА".

№ 3-й. **ОКТЯБРЬ.** **1900 г.**

Военный судъ надъ польскими рабочими.

Въ августѣ мѣсяцѣ появилась въ СПБ., Харьковѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, а потомъ и во многихъ другихъ городахъ прокламація, совсѣмъ не похожая на тѣ, которыя обыкновенно выпускаютъ комитеты нашей партіи. И оказалась она особенной не случайно, а потому, что и самое событіе, по поводу котораго она напечатана, было совсѣмъ особенное.

Дѣло шло о рѣшеніи правительства предать военному суду девять польскихъ рабочихъ по обвиненію въ убійствѣ предателей и шпіоновъ. Царское правительство, какъ извѣстно, не отступаетъ ни передъ какими средствами, для того чтобы уничтожить рабочее движеніе. Массовые аресты и высылки, казацкія нагайки, солдатскіе штыки и пули — все пускается въ ходъ, чтобы устранить смѣлыхъ борцовъ, устрашить рабочую массу и уничтожить тайныя соціальдемократическія организаціи, которыя успѣшно помогаютъ рабочему классу въ его борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ. Но самымъ подлымъ средствомъ въ рукахъ правительства является шпіонство и самый вредный видъ его — провокаторство. Шпіонъ-провокаторъ—въ отличіе отъ простого шпіона, который только выслѣживаетъ „подозрительныхъ" и доноситъ жандармамъ, — самъ принимаетъ якобы участіе въ рабочемъ движеніи, чтобы выдать жандармамъ какъ можно больше людей. Онъ притворяется соціальдемократомъ, врагомъ капиталистовъ и правительства, и начинаетъ самъ уговаривать рабочихъ устроить тайное общество, печатать запрещенныя книжки, прокламаціи и т. п. Между тѣмъ самъ же обо всемъ доноситъ жандармамъ, и когда его „товарищи" примутся за дѣло, то жандармы сейчасъ всѣхъ арестуютъ на „мѣстѣ преступленія". Ясно, какой ужасный вредъ приносятъ намъ эти Іуды-предатели. Они не только губятъ нашихъ самыхъ смѣлыхъ товарищей, но, что всего хуже, создаютъ между нами самими недовѣріе другъ къ другу.

Понятно поэтому и справедливое негодованіе сознательныхъ рабочихъ противъ провокаторовъ и всякаго рода шпіоновъ и доносчиковъ вообще. Звѣрскія правительственныя преслѣдованія вызываютъ все усиливающееся раздраженіе въ рядахъ рабочихъ и это раздраженіе время отъ времени обращается противъ самыхъ грязныхъ орудій правительства.

За послѣдніе годы поплатились жизнью нѣсколько царскихъ шпіоновъ и провокаторовъ. Въ Вильнѣ въ 1895-и 1896 годахъ рабочіе убили двухъ шпіоновъ и облили сѣрной кислотой одного доносчика, въ Бѣлостокѣ въ 98 г. былъ убитъ во время стачки еврейскими же рабочими еврейскій ланкетникъ (посредникъ въ ткацкой промышленности)—доносчикъ. Польскіе рабочіе въ октябрѣ 1899 г. убили въ Ченстоховѣ провокатора—фабричнаго мастера Шварценберга, въ Сельцѣ (около Домброва) въ ноябрѣ 1899 г. доносчика — машиниста угольной копи Мазура, и

наконецъ въ февралѣ 1900 г. провокатора Антона Гржешака.

Послѣднія событія дали правительству поводъ прибѣгнуть къ совершенно новому средству устрашенія рабочихъ. Арестовавъ истинныхъ или мнимыхъ виновниковъ убійства, оно рѣшило предать ихъ *военному* суду. Значеніе этого жестокаго рѣшенія для рабочихъ всей Россіи превосходно выясняется въ слѣдующей прокламаціи, которую мы и перепечатываемъ цѣликомъ:

Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи.

Товарищи!

„Во всѣхъ газетахъ напечатанъ приказъ варшавскаго генералъ-губернатора отъ 14 іюля о томъ, что варшавскіе рабочіе Францъ Свидерскій и Валентинъ Вознякъ предаются военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени по обвиненію въ томъ, что во время стачки въ Варшавѣ въ началѣ этого года убили предателя-рабочаго Антона Гржешака. А семь другихъ польскихъ рабочихъ преданы такому же военному суду: рабочій Червинскій за то, что, принадлежа къ Польской Социалистической Партіи, убилъ шпіона на фабрикѣ, а горнорабочіе Езіоровскій, Мрозикъ, Карчъ, Кравчикъ, Глинскій и Рудковскій за то, что убили машиниста, желавшаго донести жандармамъ, что они принадлежатъ къ соціалистической партіи польскихъ рабочихъ. Объ этомъ судѣ варшавскій генералъ-губернаторъ оповѣщаетъ заранѣе всѣхъ и каждаго; всѣ русскіе рабочіе должны знать о томъ, что девять польскихъ товарищей будутъ судиться особымъ военнымъ судомъ. Всѣ русскіе рабочіе должны понять и оцѣнить, что значитъ эта новая ласка русскаго правительства.

„Вы знаете, товарищи, что такое военный судъ по законамъ военнаго времени. Это значитъ, что нѣсколько грубыхъ офицеровъ постановятъ приговоръ, не слушая объясненій обвиняемыхъ, не давая имъ говорить все, что они захотятъ, не вызывая всѣхъ свидѣтелей, которые могли бы установить правду въ пользу обвиняемыхъ. Обвиняемые не будутъ вольны выбирать себѣ защитника, имъ не дано будетъ право обжаловать въ сенатъ неправильный приговоръ военнаго суда. А приговоръ этотъ будетъ кровавый: по ст. 279 воинскаго устава, о которой говорится въ приказѣ, нашимъ польскимъ товарищамъ грозитъ смертная казнь черезъ повѣшеніе. Смертная казнь! Вотъ ради чего правительство рѣшило предать военному суду Свидерскаго и другихъ. Обычнымъ судомъ у насъ за убійство не назначается смертная казнь. И обыкновенный судъ не удобенъ для правительства въ такомъ дѣлѣ. Тутъ обвиняемые смогли бы выставить своихъ свидѣтелей, смогли бы доказать свою невиновность, если не они убили предателей, а если они участвовали въ ихъ убійствѣ, то они смогли бы объяснить, за какія дѣла убиты предатели, и судъ оправдалъ бы ихъ, или назначилъ меньшее наказаніе. Если бы дѣло разбиралось окружнымъ судомъ, то раскрылись бы всѣ обстоятельства дѣла, а это не по душѣ правительству,—ему нужно рѣшить дѣло въ тиши, такъ чтобы ни одна хозяйская или правительственная подлость не выплыла на свѣтъ божій. Вотъ почему назначается военный судъ. Правительству нужно, чтобы обвиняемые рабочіе были повѣшены. Ему это затѣмъ нужно, чтобы запугать васъ, товарищи, чтобы устрашить всѣхъ васъ, которые не несутъ покорно своей нищеты и борются за лучшую жизнь. Противъ насъ, противъ всѣхъ направлены эти кровавыя угрозы русскаго правительства, и вотъ почему уже загодя правительство хвалится тѣмъ, что хочетъ пролить кровь нашихъ братьевъ и всей русской землѣ объявляетъ, что назначенъ судъ военныхъ палачей для совершенія этого гнуснаго дѣла. Трупами нашихъ польскихъ товарищей хотятъ остановить рабочее движеніе. Чтобъ наши фабриканты и всякіе предатели могли спокойно спать и не боялись за свою шкуру, нужно беззаконно убить нашихъ товарищей, а для этого ихъ предаютъ такому суду, предъ которымъ они лишены тѣхъ правъ, что даются всякому вору и убійцѣ.

„Правительство не знаетъ, какъ справиться съ рабочимъ движеніемъ и въ бѣшеной ярости оно хочетъ кровью залить его. Не за то повѣсятъ нашихъ товарищей, что они убили шпіона, а для того, чтобы отомстить варшавскимъ рабочимъ за ихъ дружную и упорную борьбу за рабочее дѣло. Свирѣпому царскому правительству недостаточно ужъ общихъ законовъ для борьбы съ нами, такъ вотъ

—оно сочиняетъ новые, чрезвычайные, особенно гнусные законы спеціально противъ рабочаго класса.

„Товарищи! Дѣло польскихъ рабочихъ —наше общее дѣло. Если мы дадимъ правительству осудить нашихъ товарищей военнымъ судомъ, то оно всегда и вездѣ будетъ этимъ средствомъ расправляться съ нами. Дайте только звѣрю безнаказанно полакомиться свѣжей кровью, — и онъ разохотится и будетъ жаждать еще и еще крови. Если мы смолчимъ, слыша, что повѣсили рабочихъ за преданность общему дѣлу, то никто не будетъ увѣренъ, что его за стачку, за раздачу листковъ, или за побои шпіону или измѣннику не станутъ судить военнымъ судомъ. Теперь правительство хочетъ кровавой жертвой угодить польскимъ фабрикантамъ, завтра оно захочетъ дать такой же подарокъ русскимъ фабрикантамъ.

„Товарищи! Наши несчастные братья томятся теперь въ варшавской крѣпости и знаютъ, что уже строятся для нихъ висѣлицы: они знаютъ, что не будетъ отъ правительства пощады, что никто не вызволитъ ихъ изъ бѣды, никто, какъ ихъ же братья-рабочіе. Если обвиняемые и впрямь участвовали въ убійствѣ, то не для своей пользы они это сдѣлали, а потому что думали, что помогутъ общему дѣлу. И мы не можемъ равнодушно смотрѣть, какъ ихъ беззаконно казнитъ военный судъ. Товарищи! Мы призываемъ васъ всѣми силами, всѣми средствами протестовать противъ военныхъ судовъ, протестовать противъ кровавыхъ замысловъ царскаго правительства. Если во всѣхъ городахъ мы заявимъ массовой общій протестъ и выразимъ свое негодованіе, то правительство увидитъ, что рабочій людъ не дастъ безнаказанно убивать своихъ братьевъ. Мы зовемъ васъ выступить, какъ одинъ человѣкъ, за несчастныхъ варшавскихъ товарищей. Никто, кто сохранилъ душу живую, не можетъ спать спокойно, зная, что его братья по труду находятся въ смертельной опасности. Если мы что-нибудь можемъ сдѣлать, чтобъ отвратить смерть, мы обязаны это сдѣлать какъ можно скорѣе. Только мы—весь рабочій народъ—можемъ сдѣлать это, не проливая крови: если же мы не вмѣшаемся въ дѣло, то за гибель товарищей станутъ мстить на свой страхъ отдѣльные пылкіе люди, которые не захотятъ снести такого надругательства надъ закономъ и правдой и тогда будетъ пролито много крови съ обѣихъ сторонъ. Нѣтъ, товарищи, мы не должны допустить до этого! У насъ есть могучія мирныя средства для борьбы и мы должны ими воспользоваться; гдѣ только можно, какъ только можно, заявляйте о томъ, что вы присоединяетесь къ нашему протесту противъ кровавыхъ мѣръ нашего правительства. Пусть правительство увидитъ, что всѣ рабочіе затронуты за живое приказомъ о военномъ судѣ и тогда оно испугается раздражать милліоны рабочихъ и не посмѣетъ утвердить крово̀ваго приговора. Въ нашихъ рукахъ, быть можетъ, находится участь нашихъ товарищей и кто изъ насъ возьметъ на себя грѣхъ молчать, когда отъ нашего слова, можетъ быть, зависитъ, жить имъ или нѣтъ. Смѣлѣе, товарищи! Протестуйте противъ военнаго суда въ Варшавѣ! Всѣхъ не перевѣшаютъ!

1. Устраивайте забастовки и требуйте отмѣны военныхъ и чрезвычайныхъ судовъ и пересмотра дѣла Свидерскаго и Возняка судомъ присяжныхъ.
2. Собирайте большія собранія для составленія протеста и разрѣшайте комитетамъ партіи дѣйствовать отъ вашего имени.
3. Собирайте средства для помощи семействамъ осужденныхъ.“

Российская Соціальдемократ. Рабочая Партія.

Военный судъ, разумѣется, покорно выполнилъ свою задачу: всѣ обвиняемые (въ двухъ отдѣльныхъ процессахъ) были приговорены къ *смертной казни через повѣшеніе!..* Однако правительство не осмѣлилось привести кровавые приговоры въ исполненіе. Оно устроило комедію „помилованія“, послѣ того какъ противозаконно подвело обвиняемыхъ подъ висѣлицу. Вознякъ и Свидерскій были „помилованы“ къ безсрочной каторгѣ, такая же царская милость выпала на долю Езіоровскому; изъ остальныхъ обвиняемыхъ Червинскій, Рудковскій и Глинскій были „помилованы“ къ 20 годамъ, а Карчъ, Кравчикъ и Мрозикъ къ 15 годамъ каторги. Другими словами, царь замѣнилъ быструю смерть медленной смертью и пыткою. Вѣдь для честныхъ и сознательныхъ рабочихъ

будетъ невыносимою пыткою жизнь среди уголовныхъ преступниковъ въ кандалахъ, въ сибирскихъ рудникахъ... Поэтому наши товарищи, выпустившіе прокламацію, были вполнѣ правы, призывая всѣхъ русскихъ рабочихъ „выступить, какъ одинъ человѣкъ, за несчастныхъ варшавскихъ товарищей“.

О процессѣ *Червинскаго, Езіоровскаго* и товарищей, происходившемъ 22 и 23-го сентября с. г. въ Варшавѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Дѣло разбиралось, конечно, при закрытыхъ дверяхъ. Даже матери обвиняемыхъ, хотя онѣ не понимаютъ русскаго языка, на которомъ велось судебное разбирательство, были допущены лишь послѣ долгихъ просьбъ. Кромѣ того, въ качествѣ публики присутствовали только офицеры и прокуроры, редакторъ варшавской жандармской газеты, да еще отецъ обвиняемаго Глинскаго. Свидѣтелями были молодые углекопы, большинство которыхъ сидитъ подъ слѣдствіемъ въ варшавской цитадели въ ожиданіи административнаго приговора по обвиненію въ принадлежности къ Польской Социалист. Партіи.

Обвиненіе въ убійствѣ Мазура на судѣ *не было доказано*. Наоборотъ, изъ всѣхъ данныхъ слѣдуетъ съ очевидной ясностью, что обвиняемые не имѣли намѣренія убить Мазура, а хотѣли только поколотить его.

Пятеро изъ обвиняемыхъ съ Езіоровскимъ во главѣ вели себя на судѣ мужественно. Кравчикъ и Глинскій гнусно выдавали, особенно первый, который выдалъ больше 200 человѣкъ. Езіоровскій смѣло бралъ всю вину на себя, желая спасти товарищей. Онъ былъ руководителемъ движенія въ домбровскомъ округѣ, стоялъ во главѣ всѣхъ стачекъ, основалъ, по его собственнымъ показаніямъ, больше 50-ти соціалистическихъ кружковъ. — Одинъ изъ свидѣтелей-углекоповъ отказался присягать. На вопросъ предсѣдателя о его религіи онъ отвѣтилъ: „Моя религія—это я самъ“. —Но законъ требуетъ присяги. — „Мой законъ — это моя совѣсть“, отвѣтилъ смѣлый рабочій.

Езіоровскій держалъ самъ защитительную рѣчь, продолжавшуюся цѣлый часъ. Изъ оффиціальныхъ защитниковъ очень смѣло говорилъ присяжный повѣренный Патекъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ его рѣчи: „Можетъ-ли горсть честныхъ и мирныхъ людей быть столь вредной государству, чтобы надо было пускать противъ нихъ въ ходъ военный судъ? Развѣ правительство чувствуетъ себя такъ безсильнымъ и въ такой опасности, что оно хочетъ запугать населеніе смертными приговорами? Почему обыкновенные суды въ подобныхъ дѣлахъ, когда **нѣтъ преднамѣреннаго убійства**, осуждаютъ на *три мѣсяца тюрьмы*, а тутъ хотятъ примѣнить *смертную казнь?* Развѣ это не преступленіе—наказать непреднамѣренное убійство убійствомъ на законномъ основаніи?...“

Когда, въ половинѣ перваго ночи, судъ вынесъ семь смертныхъ приговоровъ, въ залѣ поднялась тревога. Езіоровскій и другіе товарищи дали пощечины измѣннику Кравчику... Шумъ въ залѣ настолько усилился, что его услышали рабочіе, ожидавшіе на улицѣ судебнаго приговора...

Матери осужденныхъ рыдали. Плакалъ и измѣнникъ Глинскій. Наши товарищи сохранили полное спокойствіе. Никто изъ нихъ не подалъ прошенія о помилованіи. Это сдѣлали безъ ихъ вѣдома ихъ матери. Впрочемъ, мы уже знаемъ, какова была царская „милость“...

Прибавимъ еще, что отецъ Червинскаго умеръ за нѣсколько дней до суда отъ удара.

* * *

Перепечатанная выше прокламація по заслугамъ заклеймила варварское правительство и мы ее привѣтствуемъ, какъ одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ политическихъ протестовъ нашихъ организацій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она отличается, по нашему мнѣнію, двумя недостатками, которые заключаютъ въ себѣ два важныхъ урока.

Прокламація звала рабочихъ устраивать забастовки. Но извѣстно, что нигдѣ забастовокъ по этому поводу не произошло и, по нашему мнѣнію, не могло произойти. Вѣдь для того, чтобы забастовка удалась, надо, чтобы въ ней приняли участіе всѣ рабочіе какой-нибудь фабрики или завода, или хотя большая часть изъ нихъ; между тѣмъ, къ несчастью, еще только меньшинство русскихъ рабочихъ сознаетъ, какой ужасный врагъ рабочаго класса царское правительство и какъ необходимо бороться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока мы не свергнемъ его и не установимъ иное правительство

-выборныхъ отъ народа людей—Земскій Соборъ, какъ это уже заведено во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Поэтому забастовки, которыя принесли намъ такъ много пользы въ борьбѣ за наши экономическіе интересы и для развитія политическаго сознанія среди рабочей массы, далеко не всегда пригодны, какъ средство политической борьбы рабочихъ.

Въ борьбѣ съ правительствомъ наиболѣе подходящимъ средствомъ въ настоящее время является *манифестація*.

На манифестацію приходятъ рабочіе съ разныхъ фабрикъ и заводовъ, а потому, если бы съ нихъ пришло и по немногу, то вмѣстѣ они все же составили бы порядочную силу.

Однако манифестаціи средство хотя и отличное, но не легкое, и устраивать ихъ надо умѣючи. По поводу военнаго суда надъ польскими рабочими намъ надо было бы устроить манифестаціи; но мы этого не смогли сдѣлать, потому что не были къ тому достаточно подготовлены. И вотъ намъ первый урокъ: мы должны непрестанно готовиться къ манифестаціямъ, стараться заранѣе обезпечить ихъ успѣхъ на всякій такой случай, когда намъ понадобится заявить свой протестъ, свои требованія. Многому мы можемъ научиться въ этомъ отношеніи у нашихъ польскихъ и еврейскихъ товарищей, которые страдаютъ отъ того же самаго правительства, какъ и мы, и уже научились отлично устраивать свои манифестаціи.

Второй урокъ, можетъ быть, еще болѣе важный. Прокламація выпущена отъ имени Россійской Соціальдемокр. Рабочей Партіи. Но составлена она была однимъ комитетомъ партіи по совѣту съ другимъ, а прочіе узнали о ней, когда она была уже напечатана и прислана имъ. Отсюда разныя недоразумѣнія. Прокламацію распространить, пожалуй, и нетрудно, но вѣдь она призываетъ рабочихъ къ забастовкѣ, а мѣстный комитетъ партіи какъ разъ къ этому не приготовился. Поэтому произошло разногласіе; судили-рядили и рѣшили каждый по своему. Въ Екатеринославѣ разбросали прокламацію по городу; въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ раздали по рукамъ, затѣмъ изъ Харькова она была разослана въ 17 городовъ, но во многихъ мѣстахъ ея вовсе не распространяли.

Тоже и насчетъ печатанія. Прокламація предназначалась для всей Россіи, а печатать ее пришлось въ типографіи „Южнаго Рабочаго“, которая разсчитана только для мѣстныхъ нуждъ. Поэтому приготовлено было только 14 тысячъ экземпляровъ, да изъ нихъ многіе напечаны были очень неразборчиво и потому не годились для распространенія.

Вообще такое трудное дѣло, какъ обращеніе къ рабочимъ всей Россіи, не подъ силу одному мѣстному комитету, —за него долженъ взяться Центральный Комитетъ нашей партіи. Это лишній разъ напоминаетъ намъ, что каждая мѣстная организація, работая въ своемъ городѣ на пользу общаго дѣла, есть только часть единой Россійской Соц.-д. Раб. Партіи и что сильный Центральный Комитетъ нуженъ нашей партіи, какъ нуженъ въ каждомъ городѣ свой мѣстный комитетъ.

Пусть же не пропадутъ для нашихъ комитетовъ эти два важныхъ урока и пусть товарищи во всей Россіи отъ Петербурга до Тифлиса и отъ Варшавы до Урала подготовляютъ рабочихъ къ манифестаціямъ и приложатъ всѣ старанія къ созданію сильнаго Центральнаго Комитета нашей партіи!

Сибирякъ.

Привѣтъ отъ ссыльныхъ Международному Конгрессу.

Союзъ Русскихъ Соціальдемократовъ получилъ и Б. Кричевскій прочелъ на Международн. Соціалистическомъ Конгрессѣ въ нѣмецкомъ и французскомъ переводѣ слѣдующее привѣтствіе:

„Сосланные русскимъ царскимъ правительствомъ за соціалистическую дѣятельность въ одни изъ наиболѣе далекихъ угловъ Сибири революціонеры и сочувствующіе имъ изъ мѣстныхъ жителей — поляки, евреи, русскіе—собрались въ день 1-го Мая тѣснымъ кружкомъ. Въ день 1-го Мая, этотъ праздникъ международной солидарности пролетаріата, они желаютъ душою слиться съ нимъ въ его борьбѣ за уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ; они единодушно съ восторгомъ рѣшили послать свой сердечный привѣтъ предстоящему Всемірному Соціалистическому Рабочему Съѣзду и по-

желать ему отъ души полнаго успѣха въ его работахъ. Да здравствуетъ демократическій соціализмъ! Да здравствуетъ Всемірн. Соціалистическій Конгрессъ!“

Представители международнаго пролетаріата приняли это трогательное привѣтствіе единодушными громкими аплодисментами.

Передаемъ еще просьбу нашихъ ссыльныхъ товарищей о напечатаніи ихъ привѣтствія „въ русскихъ и польскихъ газетахъ, которыя выйдутъ тотчасъ послѣ конгресса“.

Отвѣтъ царя на петицію финляндскаго сейма.

„...Ужъ тѣмъ ты виноватъ,
Что хочется мнѣ кушать.“

За время послѣ выхода въ свѣтъ № 2 Листка „Раб. Дѣла“ намъ приходится отмѣтить новое проявленіе грубаго насилія царскаго правительства надъ маленькой Финляндіей.

Высочайшее повелѣніе отъ 14 (27) августа, вмѣстѣ съ поясненіемъ къ нему генералъ-губернаторской „Финляндской Газеты“, съ поражающей откровенностью говоритъ о томъ, что царское правительство уже и не пытается прикрывать своего насилія надъ Финляндіей какими-либо „приличными“ мотивами. Зачѣмъ это ему? Достаточно одного желанія отнять у маленькаго народа всѣ его вольности. Съ слабымъ противникомъ, котораго уже остается только добить, другихъ мотивовъ и не требуется.

Финляндскій сеймъ, собраніе земскихъ чиновъ всѣхъ сословій, вполнѣ естественно сталъ на защиту тѣхъ правъ, какими уже давно пользовался финляндскій народъ. Въ борьбѣ съ клятвопреступленіемъ Николая II и съ грубымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи со стороны царскихъ опричниковъ онъ сталъ на чисто законную почву и на этой почвѣ пытался отстоять права народа противъ несравненно сильнѣйшаго врага.

Сеймъ подалъ царю уже нѣсколько петицій по поводу нарушенія царскими чиновниками тѣхъ или другихъ законныхъ правъ финляндскаго народа. Въ нынѣшнемъ году онъ подалъ петицію уже общаго характера—о системѣ управленія краемъ. Въ этой петиціи сеймъ указалъ цѣлый рядъ беззаконій, совершенныхъ въ послѣдніе годы представителями царскаго правительства, въ частности начальникомъ края, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Сеймъ не забылъ упомянуть и про знаменитыхъ „коробейниковъ“, которыми одно время царское правительство наводнило Финляндію: при помощи этой арміи шпіоновъ правительство хотѣло создать нужное „народное мнѣніе“ среди финляндцевъ*).

Петиція указывала, „что вообще начальникъ края управляетъ имъ не согласно законамъ страны, а по системѣ, ведущей къ постояннымъ уклоненіямъ отъ существующаго правового порядка.“

Своимъ „высочайшимъ повелѣніемъ“ въ отвѣтъ на эту петицію Николай II росписался во всѣхъ противозаконіяхъ, въ какихъ обвиняли генералъ-губернатора земскіе чины финляндскаго сейма; онъ одобрилъ даже борьбу съ финляндской свободой при помощи шпіоновъ—„коробейниковъ“! Онъ писалъ генералъ-губернатору: „дѣйствія ваши признаны правильными и *соотвѣтствующими полученнымъ вами Высочайшимъ указаніямъ*“. Самая петиція сейма признана противозаконной и дерзкой и „оставлена безъ послѣдствій“. Въ то же время уставъ сейма признанъ очевидно дающимъ законное право земскимъ чинамъ сейма подавать такія, непріятныя его величеству петиціи, такъ какъ этотъ уставъ найденъ несоотвѣтствующимъ и требующимъ пересмотра. Царское правительство не стѣсняется такими противорѣчіями!

Чтобъ волку справиться съ ягненкомъ, ума особаго не надо.

Послѣ рѣшеннаго пересмотра устава сейма въ духѣ желательномъ правительству Николая II, отъ финляндской свободы, можно сказать, ничего не останется: по своему безправію Финляндія сравняется со всѣми губерніями Россійской имперіи, и все финляндское самоуправленіе сведется къ земскому и городскому „самоуправленію“ въ нашихъ земскихъ губерніяхъ.

*) Замѣтимъ, что финляндскія власти повели съ этими „коробейниками“ смѣлую и рѣшительную борьбу и быстро освободили страну отъ этихъ господъ. Причемъ средства для борьбы съ ними они взяли изъ суммъ, назначенныхъ на борьбу съ вредными животными.

Съ этого времени для финляндскаго народа закрывается почти всякая возможность легальной борьбы за свободу, противъ русскаго деспотизма. Но болѣе чуткія и искреннія сердца изъ финляндцевъ, конечно, не помирятся съ судьбой, продиктованной цѣлому народу правительствомъ Николая II. И они поведутъ рѣшительную борьбу противъ грубаго произвола, пока не достигнутъ цѣли. Но эта борьба теперь приметъ безъ сомнѣнія уже другую форму: она будетъ вестись на нелегальной почвѣ и революціонными средствами.

И въ этой борьбѣ за свободу и счастье Финляндіи трудящійся народъ, на которомъ съ особенной тяжестью отразятся новые порядки, пойдетъ подъ краснымъ знаменемъ соціализма впереди движенія, какъ мы это видимъ во всѣхъ частяхъ раздѣленной Польши. И онъ не прекратитъ борьбы, пока вмѣстѣ съ пролетаріатомъ всей Россіи не уничтожитъ царскаго деспотизма, а вмѣстѣ съ пролетаріатомъ всего міра не добьется всеобщаго счастья и свободы на землѣ!

М. Ф.
Департаментъ Торговли
и Мануфактуръ.
Отдѣленіе I.
Столъ 4.
30 мая 1900 г.
№ 21056.

Секретно
Циркулярно.

Г. г. чинамъ фабричной инспекціи и губернскимъ механикамъ.

Въ послѣднее время нѣкоторыя изъ распоряженій Министра Финансовъ, издаваемыя циркулярно на имя чиновъ фабричной инспекціи и губернскихъ механиковъ, сдѣлались достояніемъ повременной печати.

Въ виду сего Департаментъ считаетъ необходимымъ разъяснить г.г. фабричнымъ инспекторамъ и губернскимъ механикамъ, что не только секретныя, но и всякія вообще циркулярныя предписанія и другія распоряженія по фабричной инспекціи отнюдь не должны быть сообщаемы чинами инспекціи для помѣщенія въ повременныя изданія.

Директоръ Ковалевскій.
Начальникъ Отдѣленія К. Зыковъ.

* * *

Правительство боится опубликованія даже „не секретныхъ“ циркуляровъ, потому что всѣ они направлены противъ рабочихъ и народной массы вообще, усугубляютъ гнетъ вопреки закону, а то и прямо фактически сводятъ законъ на нѣтъ. Законъ публично вводитъ нѣкоторыя ограниченія эксплуатаціи и гнета, а циркуляръ втихомолку ихъ отмѣняетъ.

Послѣ того какъ мы опубликовали „секретный циркуляръ“ г. г. Ковалевскаго и Зыкова, имъ остается издать еще одинъ „наисекретнѣйшій“ циркуляръ, запрещающій предавать гласности циркуляры, свидѣтельствующіе о боязни правительства передъ гласностью. Напередъ обѣщаемъ помочь имъ съ своей стороны также въ распространеніи и этого циркуляра.

Министерство
Внутреннихъ Дѣлъ
N. N. Губернаторъ
по Губернскому Присутствію.

Циркулярно.
Секретно.

Въ Уѣздные Съѣзды и г.г. Земскимъ Начальникамъ N-ской губерніи.

По имѣющимся въ Министерствѣ Финансовъ свѣдѣніямъ, за послѣднее время замѣчается стремленіе нѣкоторыхъ учрежденій, завѣдывающихъ пенсіонными, эмеритальными и иными спеціальными казенными и общественными капиталами, къ помѣщенію сихъ капиталовъ не въ государственныя процентныя бумаги, а въ закладные листы частныхъ земельныхъ банковъ, и даже къ замѣнѣ послѣдними государственныхъ процентныхъ бумагъ, уже находящихся въ составѣ вышеозначенныхъ капиталовъ.

Закладные листы частныхъ земельныхъ банковъ и облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ, представляя въ общемъ солидное обезпеченіе, подвержены тѣмъ не менѣе довольно значительнымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, а потому не могутъ считаться вполнѣ пригод-

ными для помѣщеній, требующихъ безусловно вѣрнаго обезпеченія.

Помѣщеніе таковыхъ капиталовъ въ частныя цѣнности могло бы быть допустимымъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и при условіи особаго соглашенія съ Министерствомъ Финансовъ.

Сообщая объ этомъ, Статсъ-Секретарь Витте предупреждаетъ, что Министерство Финансовъ во всякомъ случаѣ не принимаетъ на себя какой-либо отвѣтственности по означеннымъ цѣнностямъ и не будетъ входить въ разсмотрѣніе ходатайствъ о выдачѣ воспособленій въ случаѣ убытковъ, могущихъ быть понесенными вышеозначенными капиталами отъ колебаній цѣнъ или отъ иныхъ причинъ.

Увѣдомляя объ изложенномъ, согласно циркуляру Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 30 мая сего года за № 13, имѣю честь предложить Уѣзднымъ Съѣздамъ и г.г. Земскимъ Начальникамъ доставить подробныя свѣдѣнія о томъ, имѣются-ли въ составѣ капиталовъ, находящихся въ завѣдываніи Съѣздовъ, Земскихъ Начальниковъ и волостныхъ правленій указанные Министромъ Финансовъ закладные листы частныхъ земельныхъ банковъ, городскія облигаціи и другія негарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и, въ утвердительномъ случаѣ, показать—какого онѣ вида и на какую сумму въ отдѣльности. Свѣдѣнія о капиталахъ, находящихся въ завѣдываніи волостныхъ правленій, должны быть собраны г. г. участковыми Земскими Начальниками.

Губернаторъ N. N.

* * *

Смыслъ настоящаго документа понятенъ. Правительство, усиленно рекомендуя государственныя процентныя бумаги, вовсе не имѣетъ въ виду интересовъ населенія. Если бы, дѣйствительно, государственныя процентныя бумаги представляли изъ себя лучшее обезпеченіе, то объ этомъ правительство могло бы объявить *открыто*, но оно не можетъ сдѣлать этого, ибо госуд. бумаги наравнѣ съ закладными листами земельныхъ банковъ и облигаціями городскихъ кредитныхъ обществъ одинаково подвергаются колебаніямъ въ цѣнѣ. За послѣднее время паденіе государственныхъ бумагъ сдѣлалось слишкомъ ощутительнымъ для государственной казны, и вотъ правительство, желая повысить стоимость своихъ бумагъ, намѣрено принуждать населеніе вкладывать свои деньги въ государственныя бумаги. Такое принужденіе особенно удобно произвести надъ крестьянствомъ, которое *по закону* можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, но *въ дѣйствительности* лишено этого права, находясь въ полномъ подчиненіи у земскихъ начальниковъ. Настоящій циркуляръ и имѣетъ въ виду воспользоваться услугами земскихъ начальниковъ, чтобы заставить крестьянъ вложить свои деньги въ государ. бумаги. За послѣдніе годы нѣкоторыя крестьянскія общества получили громадныя суммы за руду, оказавшуюся въ ихъ землѣ, и теперь правительство желаетъ, чтобы на эти деньги были пріобрѣтены исключительно государственныя бумаги. Прибавимъ къ сказанному, что государствен. бумаги даютъ $3^1/_2$—4 %, а листы земельныхъ банковъ и облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ—отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ %.

Изъ Кіева.

Хроника кіевскихъ арестовъ обогатилась новымъ крупнымъ фактомъ: въ ночь съ 2-го на 3 октября, въ послѣдніе дни еврейскихъ праздниковъ, на Подолѣ въ одномъ изъ домовъ, отдававшихся въ наемъ подъ молитвенныя собранія и празднества, было арестовано около 180 рабочихъ—женщинъ и мужчинъ. Кромѣ рабочихъ, на собраніи захвачено 2-3 интеллигента (полит. Мицкунъ Бродскій и Файнбергъ). Всѣ почти арестованные—евреи; исключеніе составляютъ 10-15 русскихъ рабочихъ. Громадное большинство арестованныхъ принадлежитъ къ ремесленникамъ разныхъ цеховъ (портняжнаго, заготовочнаго, сапожнаго и пр.), сравнительно незначительнымъ является число фабрично-заводскихъ рабочихъ. Арестъ былъ произведенъ въ 11-мъ часу ночи въ присутствіи жандармскаго генерала Новицкаго и его помощника Преферанскаго. Рабочіе были окружены городовыми и казаками и отведены въ подолскій участокъ, гдѣ они и провели ночь. Въ послѣдующіе дни 3-го и 4-го ихъ отводили, раздѣливъ на 3 партіи, по 60 человѣкъ въ каждой, въ Лукяновскую тюрьму. Въ первыхъ двухъ партіяхъ вели мужчинъ, въ третьей были женщины. Для чего понадобилось такое раздѣленіе, совершенно непонятно. Наша полиція, всегда раздувающая по своей безтактности и глупости всякія ничтожныя даже событія и любящая изъ мухи дѣлать слона—осталась вѣрной себѣ и въ данномъ случаѣ.

Подолъ въ эти дни пріобрѣлъ видъ города, подвергшагося нашествію иноплеменныхъ полчищъ: всюду разъѣзжаютъ патрули, скачутъ казаки въ мохнатыхъ шапкахъ съ пиками на готовѣ, рыскаетъ полиція тайная и явная по улицамъ и квартирамъ... Самыя процессіи отвода рабочихъ въ тюрьму имѣли (благодаря дѣйствіямъ полиціи) торжественно-демонстративный характеръ, привлекая значительное число публики, возбуждая среди нея толки и разговоры...

Процессію открываетъ верховой казакъ, на пикѣ котораго развѣвается красный значекъ, служа своеобразнымъ предзнаменованіемъ будущихъ временъ, когда красное знамя соціализма будетъ развѣваться надъ рабочимъ населеніемъ нашего города; за нимъ въ коляскѣ ѣдетъ полицеймейстеръ Цихоцкій, наблюдая за правильностью дѣйствій всей своры околоточныхъ, казаковъ, окружающихъ небольшую кучу рабочихъ и городовыхъ съ шашками на-голо, оттѣсняющихъ толпу народа, идущую слѣдомъ за необычайнымъ шествіемъ, привлекающимъ всеобщее вниманіе.

Причиной ареста, какъ говорятъ, послужилъ доносъ хозяевъ-портныхъ, замѣтившихъ якобы какое-то броженіе среди рабочихъ и предположившихъ, что причина этого броженія — желаніе устроить стачку, которой рабочіе грозили еще лѣтомъ. Доносчики извѣстили Новицкаго о предстоящемъ собраніи 2 октября, цѣлью котораго, по ихъ предположенію, и должно было быть обсужденіе вопроса о стачкѣ. Такимъ образомъ жандармы были извѣщены заранѣе и успѣли заготовить въ участкѣ двѣ сотни казаковъ.

Нечего и говорить, что предположенія хозяевъ лишены какого бы то ни было основанія; они опровергаются хотя бы тѣмъ фактомъ, что арестованные заняты въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ ремесленнаго и даже фабричнаго труда, и что портные составляютъ сравнительно небольшую ихъ часть. Сверхъ того общность религіи арестованныхъ и обычность такихъ собраній на Подолѣ въ молитвенныхъ домахъ, въ праздничное время, дѣлаетъ излишними всякія предположенія и вполнѣ выясняетъ истинный характеръ собранія. Совершенно неизвѣстно, какое значеніе придается данному собранію властями.

Какъ бы то ни было, кіевская тюрьма, освободившаяся было въ послѣднее время (всего осталось 7 человѣкъ), теперь опять заполнилась. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что въ настоящее время дѣла „Краснаго Креста" очень плохи: кромѣ долговъ у него ничего нѣтъ и получекъ въ ближайшее время не предвидится, деньги же теперь, понятно очень нужны.

—ъ.

Изъ Красноярска.

8-го мая с. г. въ Красноярскѣ, въ желѣзно-дор. мастерскихъ, гдѣ рабочихъ насчитывается до 1000 человѣкъ, вспыхнула стачка. Причиной было желаніе администраціи заставить рабочихъ работать въ этотъ день до 6 ч. веч., а не до 2 ч. дня, какъ бы слѣдовало, такъ какъ день 8-го мая былъ кануномъ праздника. Рабочіе соглашались работать и до 6 час., но только при условіи, что зараб. плата будетъ выдана имъ за полтора дня; но такъ какъ на это не согласилась администрація мастерскихъ, то рабочіе дружно всѣ оставили мастерскія. Придя 10-го мая въ мастерскія и видя, что въ табеляхъ имъ выставлена плата лишь за полдня, они вызвали для объясненій начальника мастерскихъ. Послѣдній отвѣтилъ общими словами о послушаніи и подчиненіи и въ концѣ концовъ распорядился закрыть мастерскія до 15-го числа, чтобы тѣмъ лишить рабочихъ возможности собираться въ зданіи и дворѣ мастерскихъ. Ведя переговоры, начальникъ ссылался на циркуляръ Мин. Путей Сооб., которымъ нѣкоторые праздники исключались изъ числа тѣхъ, наканунѣ которыхъ работы прекращались въ два часа; этотъ циркуляръ, по его словамъ, былъ полученъ и вывѣшенъ въ мастерскихъ въ ноябрѣ мѣс., но рабочіе заявили на это, что многіе о немъ даже не знали и его не видѣли, да и

все равно, циркуляръ этотъ до 8-го мая не примѣнялся. Въ промежутокъ времени между ноябремъ и 8 мая приходились такіе праздники, которые исключаются упомянутымъ циркуляромъ, однако работа наканунѣ ихъ бросалась въ 2 часа дня, а не въ 6 час. вечера.

10-го мая въ мастерскихъ были расклеены двѣ прокламаціи, которыя произвели огромное возбуждающее впечатлѣніе, чѣмъ только можно было объяснить такую дружную стачку; затѣмъ въ промежутокъ между 10 и 15 была расклеена 3-ья прокламація въ ж. д. депо, которой рабочіе послѣдняго также приглашались къ стачкѣ, но рабочіе депо къ стачкѣ не пристали. Прокламаціи были общаго соц.-дем. характера, было требованіе о томъ, чтобъ выборные для переговоровъ не забирались и не высылались, не лишались мѣста. Это требованіе раздѣлялось всѣми рабочими. Такъ, когда пріѣхавшій жандармскій полковникъ заявилъ, что онъ не можетъ говорить со всей толпой, пусть пришлютъ ему выборныхъ, ему напомнили, что въ прошлыхъ волненіяхъ пострадали именно выборные и что потому теперь они всѣ будутъ стоять, хоть говорить будутъ отдѣльные голоса. Губернская и желѣзнодор. администраціи тоже пустили въ ходъ всѣ силы и средства, чтобы запугать рабочихъ, во что бы то ни стало подавить стачку. Повсюду въ районѣ мастерскихъ было расклеено объявленіе, изданное губернаторомъ, въ которомъ послѣдній грозилъ всѣхъ подстрекателей рабочихъ выслать въ отдаленныя губерніи подъ надзоръ полиціи (чисто сибирское превышеніе власти); затѣмъ къ 15 мая къ мастерскимъ были стянуты мѣстныя рота солдатъ и сотня казаковъ, внутри же мастерскихъ ходили жандармы и казаки, силою не давая сходиться рабочимъ въ кучки. 13-го мая на воротахъ мастерскихъ былъ вывѣшенъ списокъ 50 рабочихъ, которые подлежатъ увольненію. Рабочіе эти 15 числа не были пущены во дворъ мастерскихъ, а за разсчетомъ должны были являться къ мѣстному желѣзнодорожному жандарму.

Вскорѣ были произведены аресты, арестовано было до 20 человѣкъ, послѣ чего работы возобновились безъ уступокъ.

Но настроеніе рабочихъ таково, что можно надѣяться, что сознаніе ихъ выросло и будетъ расти съ развитіемъ у насъ производства. Теперь строится у насъ рельсопрокатный заводъ. Конечно, движеніе у насъ очень молодо.

Прилагаю здѣсь прокламацію 98 года. Она была расклеена на городскихъ телеграфныхъ столбахъ и на дворахъ конторы того же желѣзно-дор. участка, гдѣ произошло данное событіе. Несмотря на свою наивную форму, она совершено вѣрно передаетъ положеніе работника буквально на всѣхъ станціяхъ и конторахъ. Вездѣ изнурительный трудъ, вездѣ безобразное задерживаніе жалованья и поденной платы, всюду грубое обращеніе съ рабочими. Такое задерживаніе въ выдачѣ платы является цѣннымъ источникомъ дохода для дороги, такъ какъ извѣстна масса случаевъ, когда рабочіе отступаются отъ своихъ кровныхъ денегъ; не будетъ же въ самомъ дѣлѣ человѣкъ изъ-за одного заработнаго дня терять двѣ и три недѣли, или сидѣть на одномъ мѣстѣ: вѣдь въ томъ и другомъ случаѣ онъ долженъ голодать.

Вотъ эта прокламація:

Объявленіе.

„Всѣмъ объявляется чернорабочимъ— не поступать къ нач. VIII уч. жел. дор. Рельичу и къ его дор. мастерамъ Думбровскому и Жилкѣ на работы, подъ клятвою, кто поступитъ послѣ сего объявленія къ нимъ на работу, Анафема проклятъ! Ибо чернорабочіе работали у нихъ прошлой зимой укладку черезъ рѣку Енисей времянки, платою Рельичъ проморилъ послѣ окончанія работы болѣе двухъ недѣль, жаловались жанд. начальн. и тогда только получили. Съ 28 прошлаго марта по 5 апр. 72 человѣка убирали съ Енисея времянку, плату обѣщали произвести 7 апрѣля по 60 к. въ день, работа была хуже каторжной, большая часть людей нарушили животы, бросили работу, страдаютъ желудками, — морили голодомъ на одномъ обѣдѣ изъ чаю и хлѣба; работу начинали съ 5 часовъ утра до 7 и 8 час. веч.; подгоняя рабочихъ, ругали Жилка и старшій Михаилъ матерными словами; 7-го и 8-го апрѣля платы не получили, съ оскорбленіемъ были выгнаны, жаловались губернатору, полков. жанд. и миров. судьѣ 1-го уч. и все же платы не получили, отложено до 5 мая; сдѣлалъ варваръ праздникъ христовъ: сами, жены и дѣти много

пролили слезъ, ибо время потеряли, ходивши болѣе двухъ недѣль за получкою, работы прекратили, много ушло братіи по міру. Не ходите же, братья, къ этимъ варварамъ, Иродамъ, Савламъ, Неронамъ и антихристамъ, да будутъ Рельичъ и Думбровскій, Жилка и старшій раб. Михаилъ силою святого псалма царя и пророка Давида 108-го прокляты, изгнаны изъ мѣстъ своихъ, дома ихъ, все да будетъ расхищено, да овладѣетъ ими дьяволъ и молитвы ихъ да не примутся Богомъ, ибо они угнетали бѣдныхъ, аферою убрали времянку и у нищихъ отняли послѣднюю суму и въ праздникъ заставили плакать."

Посторонній.

* * *

Мы печатаемъ эту прокламацію, какъ любопытный и въ своемъ родѣ цѣнный документъ, свидѣтельствующій о самопроизвольномъ, такъ сказать, зарожденіи потребности въ боевыхъ листкахъ въ средѣ даже наиболѣе отсталыхъ рабочихъ. Конечно, форма протеста совершенно первобытная: рабочій, составившій „объявленіе", можетъ выразить всю силу накипѣвшаго недовольства только религіознымъ языкомъ, религіозными заклинаніями — это единственный доступный ему небудничный способъ выраженій. Но дѣтскій лепетъ пробудившагося къ борьбѣ рабочаго легко превратить въ разумную рѣчь сознательнаго социальдемократа, и тогда взыванія къ псалмамъ Давида и къ божескимъ карамъ уступятъ мѣсто требованіямъ во имя правъ рабочаго класса и его революціонной силы.

Редакція.

Воронежская губернія.—Въ Землянскомъ уѣздѣ нашей губ. имѣется стекляный заводъ, принадлежащій еврею Когану и члену Совѣта Министерства Финансовъ Охотникову. Порядки на заводѣ ужасные: ни одно требованіе фабричнаго законодательства тамъ не соблюдается. Въ послѣднее время директоръ завода привезъ изъ Могилевской губ. 100 мальчиковъ съ платою по 30 руб. въ годъ каждому. Обращеніе съ несчастными дѣтьми самое возмутительное: ихъ часто бьютъ, а одного на-дняхъ такъ избили, что онъ оглохъ. При дѣтяхъ нѣтъ документовъ, удостовѣряющихъ ихъ возрастъ, между тѣмъ они имѣютъ видъ 7-8 лѣтнихъ малютокъ. Недавно на заводъ пріѣзжалъ врачебный инспекторъ и по наружному осмотру опредѣлилъ, что значительная часть этихъ дѣтей не достигла даже 8-9 лѣтняго возраста. Послѣ осмотра заводъ отослалъ на родину 35 мальчиковъ. Нарушеній на заводѣ такъ много, что даже мѣстная инспекція, во главѣ которой стоитъ взяточникъ — старшій фабричный инспекторъ Веретенниковъ, принуждена была оштрафовать заводъ сначала на 550 р., а потомъ на 250 р. Вотъ каковы порядки на заводѣ, одинъ изъ собственниковъ котораго состоитъ членомъ Совѣта Министерства Финансовъ!

Тифлисъ. Съ 1 авг. была въ общемъ успѣшная забастовка рабочихъ на главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо Тифлисъ-Закавказской жел. д. Требовали сокращенія рабочаго дня съ 10 час. до 8 часовъ, соотвѣтственнаго повышенія разцѣнокъ и человѣчнаго обращенія со стороны мастеровъ и станціоннаго начальства. Въ стачкѣ приняли участіе всѣ 4.000 рабочихъ. Забастовка прошла совершенно спокойно. Подробная корреспонденція будетъ помѣщена въ № 8 „Р. Д."

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТІИ.

Въ Петербургѣ вышелъ листокъ отъ имени Комитета „Рабочей Организаціи": „Что такое экономическая и политическая борьба и какъ надо бороться".

Мы перепечатываемъ цѣликомъ слѣд. воззваніе Екат. Комитета по поводу сверхурочныхъ работъ, потому что она имѣетъ общій интересъ для рабочихъ многихъ и многихъ россійскихъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ такъ широко практикуются сверхурочныя работы:

Къ рабочимъ машиностроит. завода.

„Товарищи! Не далѣе какъ три-четыре мѣсяца тому назадъ въ газетахъ былъ напечатанъ циркуляръ министра финансовъ о сверхурочныхъ работахъ. Этотъ циркуляръ разъяснялъ, что сверхурочныя работы для рабочихъ не обязательны, и что рабочіе вправѣ отказываться отъ нихъ во всякое

время, а фабричные инспектора обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы хозяева не принуждали рабочихъ къ этому ни штрафами, ни угрозами увольненія. Какъ же исполняютъ этотъ циркуляръ у насъ? Наша администрація и знать его не хочетъ. Да и что значатъ всѣ такіе циркуляры для нашихъ капиталистовъ, которымъ и фабричные инспектора, и сами министры друзья-пріятели! Наши эксплуататоры отлично понимаютъ, что всѣ такія правила остаются на бумагѣ до тѣхъ поръ, пока мы сами не постоимъ за себя и не добьемся права принимать участіе и въ выборахъ фабричныхъ инспекторовъ, и въ изданіи какъ самихъ постановленій, такъ и карательныхъ мѣръ за ихъ нарушеніе. Не по доброй волѣ у насъ работаютъ по три-четыре ночи въ недѣлю, а угрозами штрафовъ и удаленія съ завода принуждаютъ насъ губить свое здоровье за работой въ неурочное время; не съ нашего согласія также обкрадываютъ насъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, уплачивая намъ за сверхурочныя работы часъ за часъ, а не полтора часа за часъ, какъ оно водится всюду. Только боязнь быть вышвырнутымъ изъ завода заставляетъ насъ сносить всѣ эти беззаконія. Но страшенъ сонъ да милостивъ Богъ: насъ штрафуютъ и увольняютъ за отказъ отъ сверхурочныхъ работъ только потому, что мы дѣйствуемъ въ одиночку, каждый на свой страхъ, а стоитъ только намъ сговориться и всѣмъ сразу заявить нашъ отказъ, и наша администрація смирится. Пора намъ, товарищи, понять, что ни циркуляры, ни фабричные инспектора намъ не помогутъ, если мы сами будемъ идти въ разбродъ—кто въ лѣсъ, а кто по дрова. Пора намъ самимъ стать на защиту нашихъ законныхъ правъ. А теперь заявимъ нашей администраціи:

1) Чтобы она не смѣла принуждать насъ къ сверхурочнымъ работамъ ни штрафами, ни угрозами увольненія.

2) Чтобы согласившимся на такую работу уплачивали полтора часа за часъ.

3) Чтобы не заставляли работать по 3-4 ночи въ недѣлю, а если работы такъ уже много, то пусть вводятъ ночную смѣну слесарей.

Присоединимъ къ этому еще слѣдующія требованія:

Чтобы разцѣнки назначались по соглашенію съ рабочими до начала работы.

Чтобы удалили грубіяна мастера Гессе и доносчиковъ слесарей Яшина и Ословскаго.

Екатериносл. Ком. Рос. С.-Д. Раб. Партіи.
Іюнь 1900 г.“

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о праздновании 1-го Мая 1900 г. помѣщаемъ слѣд. прокламацію Екатеринославскаго Комитета:

Ко всѣмъ екатеринославскимъ рабочимъ.

„Товарищи! Желая насъ запугать и не дать намъ отпраздновать день Перваго Мая, полиція въ ночь на 16 апрѣля произвела массу обысковъ и арестовала болѣе 40 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. На Чечелевкѣ, въ Кайданахъ, въ Нижнеднѣпровскѣ, Амурѣ и Каменскомъ было увеличено число полицейскихъ, и войска стояли въ казармахъ, готовыя по первому приказу идти проливать рабочую кровь. Такъ готовилось правительство встрѣтить нашъ праздникъ. Но помѣшать празднованію полиціи не удалось: сотни рабочихъ не вышедшихъ на работу и прогулка по бульвару на виду у собравшихся тамъ полицейскихъ и жандармовъ—еще разъ показали нашимъ врагамъ, что арестами и обысками нельзя остановить борьбы рабочихъ за ихъ интересы и за освобожденіе отъ гнета царскаго самодержавнаго правительства. Мы отпраздновали 1 Мая въ этомъ году, и въ будущемъ году, быть можетъ, отпразднуемъ его открыто и съ большими силами. Распространяемые же жандармами слухи о томъ, что имъ удалось арестовать Комитетъ — ложны: Комитетъ цѣлъ и будетъ продолжать свою работу.“

Екатерин. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

24 апрѣля 1900.“

Изъ Одессы.

По поводу еврейскихъ погромовъ, происходившихъ въ Одессѣ въ срединѣ іюля, Одесскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. издалъ и распространилъ въ 3000 экз. отпечатанную въ Россіи прокламацію, въ которой указывается на весь вредъ и всю безсмысленность еврейскихъ погромовъ и другихъ подобныхъ вспышекъ безсознательной толпы. Приводимъ изъ прокламаціи наиболѣе характерныя мѣста:

„...Мы, рабочіе, выносимъ на своихъ плечахъ весь міръ и сами занимаемъ самое жалкое положеніе. Неудивительно поэтому, что временами мѣра терпѣнія рабочихъ истощается и, не зная истиннаго средства поправить зло, они отдѣльными вспышками, бунтами, грабежемъ и насиліемъ стараются выразить свое недовольство, сорвать на комъ-нибудь свою злобу. Мѣстами они ломаютъ фабрики и машины, стараясь отомстить своему непосредственному грабителю-хозяину, а мѣстами эти вспышки проявляются въ формѣ еврейскихъ погромовъ, причемъ евреи являются козломъ отпущенія за чужіе грѣхи, какъ это было у насъ въ Одессѣ въ срединѣ іюля. Толпа рабочихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней громила и била ни въ чемъ неповинныхъ еврейскихъ бѣдняковъ; какъ разъяренныя животныя, толпа неслась по городу съ крикомъ: „бей жидовъ!“ Грустно и больно было смотрѣть, какъ озвѣрѣвшіе бѣдняки, не зная истинныхъ своихъ враговъ, били, разоряли такихъ же бѣдняковъ, какъ они. Пусть весь стыдъ и позоръ за это безсмысленное звѣрство падетъ на головы капиталистовъ и ихъ прислужниковъ-правительства, полиціи и поповъ, которые своей политикой, рѣчами и подкупленными газетами натравливаютъ толпу на еврейскихъ бѣдняковъ, чтобы затемнить истинную причину бѣдственнаго положенія рабочихъ и отвратить ея гнѣвъ отъ себя. И дѣйствительно, во время погрома полиція совершенно не препятствовала толпѣ разорять бѣдняковъ; и только, когда толпа направилась на богатые магазины Дерибасовской улицы, она напрягла всѣ силы для ихъ защиты и пустила въ ходъ свои любимыя усмирительныя средства: нагайку и беззаконные аресты. Въ результатѣ тысячи разоренныхъ бѣдныхъ семействъ, съ одной стороны, и тысячи арестованныхъ, высланныхъ и преданныхъ суду—съ другой! Кто же отъ всего этого выигралъ? Выиграла одна полиція, которая получила царское спасибо за то, что она не дала грабить богачей и позволяла разорять бѣдняковъ. Мы же только лишній разъ дали правительству поводъ показать, что мы громилы и разбойники, которыхъ необходимо усмирять кнутомъ, а полиціи дали возможность вдоволь потѣшиться надъ нами, бить на ъ и оскорблять. Вотъ все, что далъ этотъ погромъ и что намъ даютъ подобныя вспышки вообще.... **Братья-товарищи!**

Наше положеніе невыносимо тяжелое и намъ дѣйствительно необходимо добиться лучшей доли, но не погромами и вспышками мы этого достигнемъ. Намъ раньше всего нужно понять, кто дѣйствительно является причиной нашего бѣдственнаго положенія, кто нашъ истинный врагъ. Вѣдь не еврейскіе бѣдняки въ потѣ лица, какъ и мы, добывающіе свой хлѣбъ, повинны въ нашей нищетѣ, а наши же хозяева, богатѣющіе отъ нашего труда. Хозяинъ—будь онъ еврей, нѣмецъ или русскій—одинаково старается выжать изъ насъ побольше труда за меньшую плату, потому что изъ нашего труда создается его богатство и такимъ образомъ всѣ хозяева-капиталисты являются нашими врагами и съ ними-то, а не съ еврейскими бѣдняками, и нужно бороться. Для болѣе успѣшнаго веденія своей борьбы съ эксплуататорами, всѣ сознательные рабочіе въ Россіи объединились въ одинъ союзъ, который называется Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіей.

„Присоединимся же, товарищи, и мы къ этой партіи! Бдуемъ также основывать союзы, устраивать стачки, будемъ крѣпко стоять другъ за друга и всегда помнить, что всѣ рабочіе — братья, всѣ рабочіе, христіане и евреи, одинаково страдаютъ подъ игомъ всѣхъ капиталистовъ, и потому должны вмѣстѣ рука объ руку вести свою борьбу за лучшую жизнь. Только такимъ образомъ мы можемъ себѣ помочь, только совмѣстная, стойкая и сознательная борьба приведетъ насъ къ лучшему будущему. Пусть всякій понимающій рабочій разъяснитъ это своимъ товарищамъ! Пусть забудутъ еврейскіе рабочіе зло, причиненное имъ по невѣдѣнію ихъ товарищами христіанами; будемъ всѣ помогать другъ другу отстаивать свои интересы, ибо въ единеніи наша сила!

Одесскій Комитетъ Россійской
Соціальдемократ. Рабочей Партіи.“

Ростовъ на Дону.

10 августа здѣсь по фабрикамъ и заводамъ была распространена прокламація „Ко всѣмъ донскимъ рабочимъ“ за подписью Донского Комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, въ количествѣ 800 экземпля-

ровъ. Прокламація указывала на противоположность интересовъ хозяевъ и рабочихъ и призывала послѣднихъ къ борьбѣ при помощи мирныхъ забастовокъ, союзовъ и кассъ борьбы.

Прокламація произвела огромное впечатлѣніе на начальство. Жандармерія и полиція наводнили фабрики и заводы и отбирали листки у рабочихъ. На табачной фабрикѣ Асланиди остановили даже работу на 20 минутъ. Среди рабочихъ были обыски, но „корень зла" не отысканъ. Жандармскій ротмистръ Лосевъ призывалъ жел.-дорожныхъ рабочихъ къ себѣ и уговаривалъ ихъ не читать этихъ „вредныхъ" листковъ, причемъ называлъ рабочихъ своими „друзьями". Онъ совѣтовалъ имъ спокойно продолжать работу—Лосевъ ожидалъ всеобщей забастовки.

3 октября Донской Комитетъ выпустилъ новую прокламацію къ рабочимъ. Описывая тяжелое положеніе рабочихъ, прокламація говоритъ между прочимъ:

„...Захворать у насъ очень нетрудно. Помѣщенія для работы вездѣ тѣсныя и грязныя. У Кайлиха, напримѣръ, отбросы всякіе не убираются и оставляются гнить и заражать воздухъ. У Пастухова въ модельной находится насосъ, распространяющій сырость. Сортировочное отдѣленіе у Асмолова находится въ сыромъ и темномъ подвалѣ, который весною даже заливаетъ. Машины вездѣ расположены очень тѣсно и опасныя части не ограждены, почему недавно на заводѣ „Аксай" былъ изувѣченъ болторѣзнымъ станкомъ мальчикъ. Въ машинныхъ отдѣленіяхъ табачныхъ фабрикъ рѣдко встрѣтишь рабочаго со всѣми пальцами. При такихъ условіяхъ рабочіе часто увѣчатся и болѣютъ, а это гибельно отражается на ихъ жалкомъ благосостояніи. Больницъ нигдѣ нѣтъ, хотя по закону на каждые 600 рабочихъ должна быть больница съ 10 кроватями. Фабричные и заводскіе врачи посѣщаютъ фабрики и заводы очень неаккуратно и относятся къ больнымъ совсѣмъ невнимательно: врачъ Галкинъ, служащій у Чирикова, Кайлиха и Немирова, посовѣтовалъ одному больному глазами рабочему пить касторку. Да насъ не только не лѣчатъ, но даже увольняютъ за то, что былъ боленъ. Такъ, напримѣръ, одинъ рабочій съ фабрики Кушнарева, прослужившій тамъ около 15 лѣтъ, былъ уволенъ за прогулъ нѣсколькихъ дней по болѣзни. Одновременно съ этимъ у Кушнарева заболѣла собака и къ ней былъ приглашенъ докторъ, кормили ее цыплятами, а у уволеннаго рабочаго, можетъ быть, не было и куска хлѣба.

„Да и здоровому рабочему становится все труднѣе и труднѣе жить! Хозяева и мастера всѣми силами стараются урѣзать и безъ того нищенскій заработокъ...

„...Чтобы были дешевле рабочія руки, мастеръ электрическаго цеха Поплавскій нанимаетъ неопытныхъ рабочихъ, почему и былъ недавно убитъ нашъ товарищъ-маляръ, прикоснувшійся къ электрическому" проводу...

Прокламація призываетъ рабочихъ къ дружной борьбѣ съ хозяевами.

Приводимъ выдержку изъ *майской прокламаціи* распространенной въ нынѣшнемъ году въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону и въ Москвѣ.

„...Заграницей только упорной борьбой постояннымъ отстаиваніемъ своихъ интересовъ изо дня въ день добились рабочіе лучшей доли.

„И мы, русскіе рабочіе, тоже не впервые выступаемъ на борьбу съ нашими угнетателями—хозяевами и правительствомъ. И у насъ было много стачекъ, волненій, безпорядковъ. Наша сила растетъ съ каждымъ днемъ, плотнѣе смыкаются наши ряды, и все болѣе и болѣе грозными становимся мы и правительству, и хозяевамъ. Правительство растерялось въ борьбѣ съ нами, оно дѣлаетъ намъ уступку за уступкой, но мы не удовлетворимся грошовыми подачками! *Намъ нужно полное освобожденіе рабочаго класса отъ ига капиталистовъ.*

„Но чтобы наша борьба была плодотворна, чтобы мы даромъ силъ не растрачивали, намъ надо ясно понимать, чего слѣдуетъ добиваться раньше и чего позднѣ. Присоединимся, товарищи, къ требованію 8-ми часового рабочаго дня, которое въ день 1-го мая выставляютъ рабочіе другихъ странъ и многихъ русскихъ городовъ.

„Но въ то время, какъ заграничные рабочіе могутъ отстаивать свое требованіе и въ законодательныхъ собраніяхъ, могутъ свободно устраивать и стачки, и демонстраціи, мы, русскіе рабочіе, лишены всякихъ правъ, мы законовъ не издаемъ, намъ запрещаютъ устраивать стачки, союзы и кассы, сходиться на собранія, издавать свои рабочія газеты. А вѣдь стачки и союзы, товарищи, наше единственное орудіе въ борьбѣ съ нашими эксплуататорами. И вотъ въ этотъ торжественный день, въ этотъ великій праздникъ труда, когда всѣ отдѣльные голоса недовольныхъ рабочихъ сливаются въ одинъ могучій кличъ, заставляющій трепетать сердца капиталистовъ и ихъ защитниковъ, когда забывается рознь, и всѣ рабочіе проникаются чувствомъ единенія и братства, мы, всѣ русскіе, польскіе и еврейскіе рабочіе, фабричные, заводскіе и ремесленные, всѣ какъ одинъ человѣкъ дружно заявляемъ, что

мы требуемъ:

1) Свободы союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати, неприкосновенности личности и участія въ изданіи законовъ;
2) Установленія закономъ 8-ми часов. рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ безъ исключенія;
3) Отмѣны сверхурочныхъ работъ;
4) Возстановленія праздниковъ, уничтоженныхъ закономъ 2-го іюня 1897 года;
5) Распространенія фабричныхъ законовъ и инспекціи на казенныя и ремесленныя мастерскія;
6) Обязательнаго государственн. страхованія рабочихъ и отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи."

Кругомъ прокламаціи напечатано: „Товарищи, помните 1-е мая!", „Не работайте въ день 1-го мая!", „8 часовъ работы, 8 часовъ отдыха, 8 часовъ сна!", „Свободы стачекъ, собраній, союзовъ, слова и печати!"

Стачка еврейскихъ щетинщиковъ въ Россіи и Польшѣ, продолжавшаяся цѣлыхъ 4 мѣсяца, кончилась полнымъ успѣхомъ. Они отстояли десятичасовой рабочій день и прежнюю плату. Ихъ союзъ выходитъ изъ борьбы съ новыми силами. Хозяевамъ и царской полиціи не удалось разрушить рабочую организацію. Среди щетинщиковъ не нашлось ни одного измѣнника. Несмотря на полицейскія преслѣдованія и на голодовку, всѣ рабочіе стойко боролись до конца, какъ одинъ человѣкъ. А голодать приходилось имъ крѣпко, такъ какъ союзная касса могла выдавать семейнымъ только по рублю въ мѣсяцъ, а холостымъ и того меньше. Со стороны помощь стачечникамъ была оказана изъ Петербурга и Кіева. Союзъ берлинскихъ рабочихъ по дереву оказалъ стачечникамъ значительную помощь.

Шавли (Ков. губ.). За послѣднее время у насъ произошелъ рядъ стачекъ у заготовщиковъ, каменщиковъ, на гильзовой фабрикѣ и у слесарей. Причины, вызвавшія эти стачки, были самыя разнообразныя. Заготовщики добивались 10 час. рабочаго дня и правильной расплаты съ рабочими; требованія ихъ удовлетворены. Слесари добились сокращенія рабочаго дня на $^{1}/_{2}$ часа. Каменщики добились сокращенія рабочаго дня съ 13-14 часовъ на 12 часовъ; работницы съ гильзовой фабрики отстояли свою прежнюю заработную плату, которую хозяинъ хотѣлъ понизить. Полиція пыталась вмѣшаться въ пользу хозяевъ, но ея попытки разбились о стойкость рабочихъ.

Въ *Лодзи* опять возобновилась стачка евр. ткачей. Кромѣ того бастуютъ и евр. портные.

Рузаны. Здѣсь произошла стачка 11-ти кожевенниковъ. Требовали 12 ч раб. дня вмѣсто 14 час., и повышенія платы. Побѣдили рабочіе послѣ 3 дней. Стачка вызвана отказомъ отъ работы одного рабочаго. Требованіе принять обратно рабочаго не удовлетворено, но ему выдано вознагражденіе въ 10 рублей.

Сморгонь. Здѣсь 10 Апрѣля произошла въ первый разъ демонстрація, сильно поразившая сморгонскихъ обывателей. Въ первый разъ сморгонскіе рабочіе показали, что и они не отстаютъ отъ общаго рабочаго движенія. Демонстранты прошли рядами по главной улицѣ. Полиція не знала, что и предпринять. Демонстрацію вызвали похороны молодого рабочаго, умершаго отъ чахотки. Кромѣ рабочихъ, шествіе сопровождали и много постороннихъ лицъ. На могилѣ два товарища выступили съ рѣчами, въ которыхъ указывали, что эксплуататоры обращаются съ рабочими, какъ съ машинами; они ими пользуются, какъ имъ заблагоразсудится, и затѣмъ выбрасываютъ ихъ какъ негодный хламъ. Торжественная тишина господствовала во время рѣчей; собравшіеся рабочіе отвѣтили на рѣчи единодушнымъ „ура!". По

окончаніи похоронъ одинъ рабочій, воспользовавшись моментомъ, произнесъ рѣчь о значеніи 1-го мая, послѣ чего всѣ рабочіе снова отправились процессіею по той же главной улицѣ домой.

Появился 18-й номеръ Arbeiterstimme, центральнаго органа Всеобщ. Евр. Рабочаго Союза въ Рос. и Польшѣ.

Содержаніе: Наши ближайшія задачи; 1 мая 1900 г. въ Россіи, Польшѣ и Литвѣ; 1-е мая заграницей; Русскій государственный бюджетъ; Съѣздъ ремесленниковъ въ Петербургѣ; Новыя средства правительства противъ рабочаго движенія; Корреспонденціи изъ Одессы, Минска, Гродно, Вильны, Лодзи, Шавель (Ковен. губ.); Что слышно у кожевенниковъ и пр; Некрологъ Либкнехта и Хроника арестовъ. Въ статьѣ „Наши ближайшія задачи" рекомендуется рабочимъ, какъ средство политич. борьбы, устройство демонстрацій.

На дняхъ появился № 19-й Arbeiterstimme.

24 октября (н. ст.) заграницей вышелъ № 10 Jüdischer Arbeiter.

Вильно. По рѣшенію третьяго съѣзда Евр. Рабоч. Союза, газета „Klassenkampf" (Классовая борьба) сдѣлалась органомъ Виленскаго Комитета Союза. На дняхъ вышелъ 2-й номеръ, печатанный въ тайной типографіи Евр. Раб. Союза. Содержаніе: Къ читателямъ; Первомайская демонстрація; Кто виноватъ? (По поводу столкновенія въ предмѣстьѣ Новгородъ между полиціей и рабочими при насильственномъ освобожденіи послѣдними арестованныхъ товарищей); Что новаго въ Вильнѣ: Чулочная фабрика Брюна; Воззваніе къ чулочницамъ: Стачка сапожниковъ; Стачка портныхъ. Демонстрація въ Сморгони при похоронахъ товарища. Хроника арестовъ и др.

Вышелъ 5-й номеръ „Варшавскаго Рабочаго" (Warschauer Arbeiter), органа Варш. Ком. Евр. Раб. Союза.

Содержаніе: Фабричная инспекція: Корреспонденціи изъ разн. ремеслъ: отъ портныхъ, коробочниковъ, жестянниковъ; Послѣднія демонстраціи; Послѣднія извѣстія—Военный судъ надъ Свидерскимъ и Возняковъ; Стачка у портныхъ и на фабрикѣ Флейтера; Голодныя „стачки" арестован. за послѣднюю демонстрацію; Отчетъ кассы Комит.; фельетонъ—„Письма изъ 10-го павильона" (цитадели). Печатано въ Россіи въ количествѣ 1000 экз.

Бѣлостокъ. Появился 2-й номеръ „Бѣлостокскаго Рабочаго" (Bjalostoker Arbeiter), органа Бѣлост. Ком. Всеобщ. Евр. Раб. Союза. Первый номеръ былъ напечатанъ заграницей, второй въ самой Россіи.

Въ *Гомелѣ* недавно вышелъ *первый* номеръ газеты Kampf (Борьба). Изд. мѣстнаго комитета Всеобщ. Еврейск. Раб. Союза. Печатано на гектографѣ, по-еврейски.

ПОЛЬША.

Варшава.

6 августа здѣсь произошла демонстрація на похоронахъ Ярославскаго, бывшаго члена партіи „Пролетаріатъ". Процессія двинулась отъ угла Холодной и Зеленой. Было около 2000 участниковъ. У шлагбаума сняли съ гроба красныя ленты и вѣнки и понесли ихъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Полиція сопровождала процессію; несмотря на это, пѣніе продолжалось. На кладбищѣ красныя ленты были разорваны на куски и розданы участникамъ. Скоро появилась масса казаковъ, которые окружили кладбище. Часть ихъ проникла на самое кладбище и начала свою работу... Многимъ манифестантамъ удалось скрыться. Арестовано было около 500 человѣкъ, изъ нихъ больше 40 евреевъ. Всѣхъ повели на дворъ городской думы. Шпіоны прохаживались по рядамъ рабочихъ, указывая на болѣе дѣятельныхъ участниковъ, которые и были отдѣлены отъ остальныхъ и отправлены въ одну изъ казармъ цитадели.

Въ первой половинѣ сентября получились приговоры по дѣлу объ участія въ демонстраціи на похоронахъ Ярославскаго. Наказанія назначены административною властью. Мѣстные жители приговорены къ 3 мѣсяцамъ тюрьмы и 2 годамъ гласнаго надзора, иногородніе къ 1 1/2 мѣсяцамъ тюрьмы и 2 годамъ надзора въ мѣстахъ приписки. Всего подвергнуто наказаніямъ около 100 чел.; время предварительнаго заключенія засчитано. Болѣе продолжительному тюремному заключенію подверглась Стефанія Стеньчикъ; Причиной исключительной строгости къ ней было то, что она вела себя съ властями „дерзко" и разъ плюнула жандармскому офицеру въ лицо, когда тотъ позволилъ себѣ обратиться къ ней грубо.

По поводу этихъ приговоровъ была распространена прокламація отъ имени „Социальдемократіи Польши и Литвы".

Въ концѣ сентября *Соціальдемократія Польши и Литвы*" распространила въ Варшавѣ польское воззваніе въ количествѣ 2000 экземпляровъ по поводу похоронъ соціальдемократа Эдуарда Венгжыновича. Печатано въ тайной типографіи. Это — первое печатное воззваніе вновь образовавшейся польской соціальдемократической партіи— Появился и первый номеръ газеты этой партіи „Przeglad Robotniczy" (Рабочее обозрѣніе), напечатанный заграницей

Въ сентябрѣ Центральный комитетъ „Соціальдемократ. Польши и Литвы" выпустилъ печатн. прокламацію по поводу приговоровъ военнаго суда надъ 9 рабочими.

По поводу стачки сапожниковъ въ Вильнѣ польскіе соціальдемократы выпустили слѣдующее воззваніе:

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Товарищи! Стачка сапожниковъ выиграна. Мастера уступили требованіямъ рабочихъ и повысили заработную плату. Царская полиція оказалась безсильной въ борьбѣ съ рабочими, несмотря на всѣ усилія, которыя она прилагала, чтобъ сломить солидарность стачечниковъ. Лучшимъ доказательствомъ стараній полиціи были аресты на Новомъ Свѣтѣ и Завальной улицѣ. Однако всѣ попытки нашихъ враговъ были разбиты солидарностью и стойкостью рабочихъ-стачечниковъ. Онѣ и не прошли безслѣдно, мало того, онѣ принесли пользу только намъ, рабочимъ. Мы еще разъ убѣдились, какихъ враговъ мы имѣемъ въ лицѣ царскаго правительства и его опричниковъ. И еще разъ они намъ доказали необходимость уничтоженія царской власти и замѣны ея нашей рабочей властью. Съ другой стороны, стачка была очень поучительна для насъ: она намъ доказала, какъ важна для рабочаго движенія солидарность всѣхъ рабочихъ. Хотя стачка выиграна нами, мы однако обязаны товарищамъ разныхъ профессій, оказавшихъ намъ денежную поомщь въ борьбѣ. И не только польскіе, литовскіе и еврейскіе товарищи поддержали стачку; даже нѣмецкіе товарищи-сапожники прислали нашей организаціи черезъ центральный комитетъ порядочную сумму.

„Они этимъ доказали, какъ сильно единеніе рабочихъ всѣхъ странъ и націй,—единеніе, котораго не преодолѣетъ ни одинъ изъ нашихъ враговъ и которое дастъ намъ возможность достигнуть улучшенія условій нашей жизни, политической свободы и соціалистическаго строя.

„Итакъ, братья-рабочіе, пойдемъ по стопамъ товарищей-сапожниковъ и будемъ продолжать усиленную борьбу за улучшеніе нашихъ условій. А чтобы борьба эта была успѣшна, будемъ организовываться въ кассы помощи и присоединимся къ Соціальдемократической Рабочей Партіи въ Польшѣ и Литвѣ, задачей которой является борьба за экономическіе и политическіе интересы рабочаго класса и за освобожденіе его отъ эксплуатаціи и гнета. Она ведетъ борьбу, солидарную со всѣми рабочими, безъ различія національностей.

„Да здравствуетъ Соціальдемократическая Партія въ Польшѣ и Литвѣ! Да здравствуетъ Международная Соціальдемократія!"

Въ *Москвѣ* была распространена нардовольческая прокламація.

Отголоски Запада.

Истекшіе два мѣсяца были для рабочаго движенія преимущественно временемъ конгрессовъ, международныхъ и національныхъ, конгрессовъ соціалистическихъ партій и рабочихъ союзовъ. Въ Парижѣ засѣдали многочисленные, французскіе и международные, конгрессы рабочихъ союзовъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, общій конгрессъ французскихъ рабочихъ союзовъ и общій же международный конгрессъ рабочихъ союзовъ, конгрессъ гедистовъ, Международный Соціалистическій Конгрессъ, второй конгрессъ французской соціалистической партіи, международные конгрессы соціалист. студентовъ и соціалистическихъ журналистовъ. Отмѣтимъ далѣе конгрессъ германской соціальдемократіи, конгрессы австрійско-нѣмецкой и чешской соціальдемократіи, конгрессы итальянской соціалистической партіи, англійскихъ рабочихъ союзовъ, англійской Соціальдемократической Федераціи и друг.

О важнѣйшихъ изъ этихъ конгрессовъ будутъ даны отчеты въ готовящемся къ печати 8-мъ номерѣ „Раб.

"Дѣла". Здѣсь мы только скажемъ нѣсколько словъ о Международномъ Соціалистическомъ и второмъ французскомъ конгрессѣ.

Международный Соціалистическій Конгрессъ засѣдалъ въ Парижѣ отъ 24 по 27 сентября. Наиболѣе важнымъ и благотворнымъ изъ его рѣшеній является учрежденіе *постояннаго Международнаго Комитета*, который будетъ служить живой связью между соціалистическими партіями всѣхъ странъ и, такъ сказать, ихъ общимъ исполнительнымъ органомъ во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ, касающихся всемірнаго пролетаріата. На равныхъ правахъ съ Комитетомъ, состоящимъ изъ двухъ представителей отъ каждой націи, учреждена *Межпарламентская Комиссія* изъ представителей соціалистическихъ депутатовъ каждой страны, которая совмѣстно съ Комитетомъ должна будетъ заботиться о томъ, чтобы объединить парламентскую дѣятельность соціалистовъ всѣхъ странъ, особенно по отношенію къ милитаризму (военщинѣ) и законодательству для охраны труда. Мѣстомъ Комитета назначенъ Брюссель.

Отмѣтимъ далѣе единодушный протестъ конгресса противъ милитаризма и противъ кровавой политики завоеваній: делегаты всѣхъ странъ этимъ лишній разъ засвидѣтельствовали, что сознательные рабочіе всего міра не имѣютъ ничего общаго съ завоевательной политикой и квраснымъ патріотизмомъ господствующихъ классовъ, что соціалистическій пролетаріатъ стоитъ за всеобщій братскій миръ между народами и свободное развитіе всѣхъ націй.

Столь же единодушно конгрессъ снова формулировалъ общіе принципы международнаго соціализма—необходимыя условія освобожденія пролетаріата. Не только цѣль, но и главныя средства соціалистическихъ партій всѣхъ странъ одни и тѣ же: полное освобожденіе пролетаріата путемъ его самостоятельной и организованной классовой борьбы—политической и экономической,—которая приведетъ къ переходу всѣхъ средствъ производства въ общую собственность.

Оживленные споры вызвалъ только вопросъ объ *участіи соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ*. Какъ извѣстно, этотъ вопросъ въ настоящее время имѣетъ жгучій интересъ для Франціи, гдѣ вступленіе Мильерана въ министерство раздѣлило соціалистовъ на два враждебныхъ лагеря. *Жюль Гедъ* предложилъ резолюцію, запрещающую участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ при всѣхъ условіяхъ, тогда какъ резолюція *Карла Каутскаго* допускаетъ участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ въ исключительныхъ случаяхъ и подъ условіемъ согласія на это значительнаго большинства партіи, уполномоченнымъ которой соціалистическій министръ и долженъ оставаться. Конгрессъ принялъ резолюцію Каутскаго 29 голосами противъ 9 (голосовали по націямъ и каждая нація имѣла два голоса). Противники министерства Мильерана вотировали противъ резолюціи Каутскаго, хотя послѣдняя, отвергая догматическіе взгляды Геда, частнаго вопроса о Мильеранѣ не касается, а косвенно высказывается очень ясно противъ того, что Мильеранъ до сихъ поръ оставался въ министерствѣ. Какъ бы то ни было, резолюція Каутскаго, объявляющая „министерскій вопросъ"—„вопросомъ тактики, а не принципа", могла проложить путь къ примиренію французскихъ соціалистовъ. И если примиренія, какъ увидимъ ниже, не произошло, то это не вина международнаго конгресса...

Подробную оцѣнку Парижскаго конгресса, превосходящаго по своей важности прошлые четыре международныхъ конгресса, мы дадимъ въ 8-мъ номерѣ „Раб. Дѣла". Тамъ же мы подробно сообщимъ о составѣ *россійской делегаціи*, явившейся въ числѣ 24 делегатовъ съ 30 мандатами, которые всѣ были признаны дѣйствительными.

По порученію Союза Русскихъ Соціальдемократовъ, редакція „Раб. Дѣла" представила конгрессу (на нѣмецкомъ языкѣ) отчетъ о русскомъ соціальдем. движеніи, который вскорѣ будетъ нами изданъ и на русскомъ языкѣ.

Второй конгрессъ французской соціалистической партіи (Парижъ, отъ 28 по 30 октября) принесъ мало отраднаго. Вмѣсто того, чтобы закрѣпить объединеніе всѣхъ соціалистическихъ организацій, которому было положено начало на первомъ объединительномъ конгрессѣ (въ декабрѣ 1899), онъ привелъ —по крайней мѣрѣ, на ближайшее время — къ выступленію „французской рабочей партіи" (гедистовъ) изъ состава обще-соціалистической организаціи. Гедисты, составлявшіе меньшинство, удалились изъ конгресса на третій день и на особомъ собраніи отказались признать его рѣшенія. За то бланкисты (организація Вальяна), которые все время шли рука объ руку съ гедистами въ борьбѣ противъ такъ называемыхъ „министерскихъ" соціалистовъ, одобрившихъ вступленіе Мильерана въ министерство, остались на конгрессѣ до конца и выбрали также своихъ делегатовъ въ новый генеральный (общій) комитетъ партіи. По рѣшенію конгресса, этотъ комитетъ обязанъ не позже, чѣмъ черезъ полгода созвать новый конгрессъ, задачей котораго будетъ выработать *единую организацію* всѣхъ французскихъ соціалистовъ, взамѣнъ существующихъ нынѣ самостоятельныхъ организацій, объединеныхъ лишь общимъ комитетомъ. Съ исчезновеніемъ самостоятельныхъ организацій изчезнетъ главная причина вѣчныхъ раздоровъ и расколовъ среди французскихъ соціалистовъ. Никакія тактическія разногласія не могутъ и не должны мѣшать соціалистамъ дружно работать въ одной партіи ради одной общей цѣли. Этому насъ въ особенности учитъ славная исторія и великіе успѣхи германской соціальдемократіи, праздновавшей въ этомъ году двацати-пятилѣтіе своего объединенія и оставшейся крѣпкою и единою, несмотря на очень серьезныя тактическія разногласія.

Англійскіе выборы въ Палату Общинъ („Нижнюю" палату, отъ которой зависитъ все управленіе государствомъ), какъ слѣдовало ожидать, кончились побѣдой министерства Сольсбери. Большинство англійскихъ избирателей одобрило „имперіалистскую" политику, политику завоеваній, грубое насиліе, совершенное правительствомъ надъ южно-африканскими республиками. Соціалисты, самые смѣлые и искренніе противники имперіализма, все еще имѣютъ очень незначительное вліяніе на рабочую массу. Огромное большинство англійскихъ рабочихъ тащится въ хвостѣ буржуазныхъ партій, консерваторовъ и либераловъ. Болѣе того, „имперіалистская" горячка такъ сильно обуяла рабочихъ, что консерваторы, сторонники министерства, были выбраны во многихъ чисто рабочихъ округахъ, гдѣ раньше выбирались либералы. Впрочемъ, большинство либераловъ старается „выть съ волками", потворствовать квасному патріатизму избирателей, а есть между ними даже „имперіалистскіе либералы", которые ужъ только по одному названію отличаются отъ консерваторовъ.

Соціалисты выставили около 15 кандидатовъ. Изъ нихъ выбрано трое: *Кэръ Гарди*, вождь „Независимой Рабочей Партіи", *Джонъ Бернсъ*, бывшій уже депутатомъ въ старой палатѣ, *Беллъ*, представитель союза желѣзнодрожныхъ рабочихъ. При этомъ Бернсъ и Беллъ были выбраны съ помощью либераловъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Списокъ лицъ, сидящихъ въ Кіевской тюрьмѣ къ 1-му сентября 1900 г. по политическимъ дѣламъ.

Андреевъ Яковъ. Бабинъ Инокент., раб. Берлинъ Шмерка, студ. Берлинъ Залманъ, раб. Гринеръ Люба, раб. Залкиндъ Розалія, студ-ка. Зубко Θеодоръ, раб. Іосифовъ Алексѣй. Карасикъ Файвель, раб. Карпиловскій Авраамъ, раб. Карѣлый Θеодоръ, раб. Лавреновъ Иванъ, раб. Лалаянцъ Исаакъ, инт. Логвинскій, пом. прис. пов. Лукьяничикова Варв., учит-ца. Маіоровъ Василій, раб. Матлаковъ Егоръ, раб. Митрофановъ Павелъ, раб Машицкій Александръ, инт. Менделевская Вѣра, раб. Огузъ Мосей, студ. Силинская Эмма, акушерка. Хавскій Ник., раб. Санжуравскій Терентій, раб. Санжуръ Иванъ, инт. Черныхинъ Иванъ. раб. Шенкаревская Рахиль, раб. Шерманъ Гися, раб.

Въ Кіевской крѣпости:

Урицкій Мосей, высл. курсъ юр. наукъ.

Студентъ Орловъ съ женой, привлеченные въ 98 году по дѣлу кіевскихъ соц.-революціонеровъ, получили приговоръ — оба на 4 года въ Восточную Сибирь.

Выпущены 20 VII: Коганъ, инт. и Носолевичъ, инт.

На дняхъ изъ Кіева перевезены въ Москву 16 человѣкъ, привлеченныхъ по Екатеринославскому дѣлу.

По отчету „Кіевской кассы помощи политич. ссыльн. и заключ.", опубликованному въ сентябрѣ с. г., мы можемъ привести слѣдующія данныя о 54 „кіевлянахъ, получившихъ приговоры по политич. дѣламъ съ 1 янв. по 1 сент. 1900 г."

Время *предварительнаго* заключенія продолжалось до 1 мѣс. для 8 чел., свыше 1 м. до $^1/_2$ г. для 27 чел., свыше $^1/_2$ г. до

1 г. для 9 ч., свыше 1 г. до 2 лѣтъ для 4 чел. и свыше 2 л. для 6 чел. (по 2 г. 1 м.). Общая сумма предвар. заключенія 25 лѣтъ 6¼ мѣс.

Приговоры. Сосланы: въ Вост. Сибирь 5 чел. на сроки отъ 5 до 8 лѣтъ (общяя сумма лѣтъ 32), въ Вологдскую г. 14 чел. на сроки отъ 2 до 5 л. (общая сумма 44 года), въ Вятскую 1 чел. на 2 г.; приговорены къ тюремному заключенію 5 чел. на сроки отъ 3 до 10 мѣс.; отданы подъ надзоръ полиціи 25 чел. на сроки отъ 1 года до 3 лѣтъ (общая сумма 35 л.); подъ надз. университ. начальства 3 чел. (4 года).

Около 1 мая 1900 г. въ кіевск. тюрьмахъ были заключены:

Арест. 29 апр. въ Кіевѣ на рефератѣ 57 чел. Арест. 13 апр. по дѣлу Кіев. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 14 человѣкъ. Арестованные по другимъ дѣламъ 10 чел. Отбывали наказаніе по дѣлу Кіев. Ком. 3 чел. Арест. 15 апр. въ Екатеринославѣ по дѣлу Екат. Комит. Р. С.-Д. Р. П. 24 чел. Всего 108 ч.

Списокъ сидящихъ въ Харьковской тюрьмѣ.

Арестов. 16 апрѣля въ Екатеринославѣ: Кулагинъ, инт. Рахмановъ, инт. Чуйковъ, пом. прис. пов. Крушель, студ. техн. Женщины: Лалаянцъ, инт., Рабиновичъ, акуш.

Арестов. 6 іюля въ Екатеринославѣ (около 50 челов.): Степановъ, инт. Корецкій, инт. Кубановъ, раб. Григоровскій, раб. Лебедевъ, рабоч. Волошкевичъ, инт. Аршавская, акуш. Полонская, инт. Пруссъ, инт. Тихоміровъ, инт. Левковичъ, инт. Лавренковъ, раб.

Выпущены: 9 VII Микулевичъ, 13 VII Пружинина, 25 VII Меерковъ, 20 VII Пиккеръ.

Вопреки распространившимся слухамъ, въ іюлѣ въ Харьковѣ никакихъ арестовъ не было.

Екатеринославъ. 3 іюля были новые аресты. Арестованы: Тихоміровъ, Семеновъ, Левковичъ, Чуйко (жена ранѣе арестованнаго), одинъ инженеръ (фамилія неизв.). Всѣ интеллигенты. Кромѣ нихъ еще 25 рабочихъ.

Одесса. 16 іюня арест. собраніе 11 студ., а именно: Синявинъ, Рудневъ, Спорѣдневъ, (студ. Москов. унив.), Носовичъ (изъ Петербурга), Домбровскій, Гринштейнъ, Воловъ (изъ Одессы), Антоновичъ (изъ Харькова), Школьникъ, Мигуликъ (изъ Кіева) и, наконецъ, Мемировскій, хозяинъ квартиры. Послѣдній скоро выпущенъ (7 іюля).

Участники собранія обвиняются какъ устроители и участники всероссійскаго студенческаго съѣзда. Всѣ они теперь уже освобождены.

Въ *Москвѣ* сидитъ литераторъ П. Тепловъ.

Красноярскъ. Красиковъ былъ арестов. по поводу стачки жел.-дор. рабочихъ.

Иркутскъ. Станція Инна-Кантьевская. Арест. раб. Воронцовъ.

Мы получили слѣдующія подробности объ арестахъ и обыскахъ въ Иркутскѣ:

Лѣто настоящаго года ознаменовалось для Иркутска небывалыми здѣсь раньше массовыми обысками, совпавшими съ водвореніемъ въ Иркутскѣ новаго генералъ-губернатора Пантелѣева (бывшаго жандарма) на мѣсто прежняго Горемыкина. Дѣло загорѣлось съ того, что при обыскѣ, сдѣланномъ *случайно*, у Махайскаго было найдено около 300 экз. брошюры: „Эволюція Соціальдемократіи". Обыскъ былъ сдѣланъ у Махайскаго заодно съ г-жей Нахамкисъ, относительно которой иркутской полиціи было дано предписаніе изъ Петербурга отъ Деп. Полиціи. Очевидно Д. П. принялъ эту мѣру въ виду побѣга ея мужа г. Нахамкиса (въ концѣ прошл. года). Оба ѣхали вмѣстѣ изъ Якут. обл. и остановились въ одномъ мѣстѣ. Обыскъ былъ произведенъ въ ночь ихъ пріѣзда въ Иркутскъ.

Махайскій (Людвигъ) арестованъ и сидитъ. Онъ возвращался въ Россію изъ Сибири — изъ Вилюйска (по отбытіи ссылки); Махайскій привлекался по дѣлу Варш. „Пролетаріата" (въ посл. группѣ 92 г.), былъ приговоренъ къ 2 годамъ Креста и 6 г. Якутск. области.

Въ ту же ночь произведены обыски у старыхъ ссыльныхъ г. Иркутска: Бычкова, Софіи Доллеръ, Козырева. При этихъ случайныхъ обыскахъ найдено 30 ф. шрифта и арестованъ старикъ Козыревъ (потомъ выпущенъ на поруки за 5.000 р.). Черезъ 3-4 недѣли произведены новые, уже массовые, обыски, захватившіе почти всѣхъ ссыльныхъ, а также нѣкоторыхъ обывателей гор. Иркутска. Въ денежной кассѣ одной конторы найдена нелег. литерат. и арестованъ старый ссыльный Ал. Бычковъ (рецедивистъ, привлекавш. въ 91 г. за побѣгъ изъ Сибири и приговорен. къ 4 г. каторги — въ настоящее время отбывшій ссылку). Онъ сидитъ. Въ то же время были произведена единичные обыски въ Верхоленскѣ, Балаганскѣ, въ селѣ Листвиничномъ (у Натансона) и еще въ нѣсколькихъ селахъ близъ г. Иркутска.

Жена Нахамкиса была вскорѣ выпущена.

Литва и Польша.

Минскъ. Въ сентябрѣ опять начались аресты. Зубатовъ и его шпіонская компанія не бездѣйствуютъ. Арестована, между прочимъ, Евгенія Гурвичъ. Въ 1898 г. она была арест. по дѣлу Всеоб. Евр. Союза и весною нынѣшняго года освобождена до окончанія дѣла.

Изъ арестованныхъ съ конца февраля до конца іюня почти всѣ выпущены. Еще сидятъ: Роткинъ, Машкеллейсонъ, Роза Шорсеръ, Мотке, щетин., Григорій Гершуни, провизоръ, Хаимъ Овсяникъ, Мейше Фишъ, щет. Борухъ, сапожн. Борухъ, кожевен. Борухъ, приказчикъ, Францъ Матревичъ, чиновникъ. Гиршъ, маляръ. Ховзе высланъ на 3 г. въ Могил. губ. подъ надз.

Витебскъ. Въ сентябрѣ были крупные аресты. Подробности еще неизвѣстны

Гродно. 4 марта арест. Маня Любашевичъ, 22-го—Гершуни, бухгалт. Бурштейнъ, Шерлинъ, курсистка, Яковъ Лейзеръ, Лейбчикъ, машинистъ, Мейше Кацъ, муж. порт. и еще двое рабоч.; почти всѣ освобождены.

Крынки. Арестов. 14 кожевенниковъ. 2 освобожд.

Варшава. Арест. инжен. Войцѣховскій и какой-то господинъ, гостившій у него.

Бѣлостокъ. Арест. Юдель Швейдель, два ткача (братья) и одинъ сигарочникъ. По дѣлу объ убійствѣ посредн.-ткача два евр. рабочихъ сосланы на 6 лѣтъ, а остальн. рабочіе на 3 г. въ Вост. Сибирь.

Въ *Пинскѣ* весною были аресты въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Они произошли, благодаря слесарю *Мысливецъ*, который продолжаетъ слѣдить за рабочими до сихъ поръ. Недавно Мысливецъ получилъ мѣсто инструментальщика.

Однако, въ мастерскихъ часто появляются нелегальныя изданія (польскія и русскія) и читаются съ большимъ интересомъ.

ПРІЮТОВА, о неудачномъ побѣгѣ котораго вмѣстѣ съ Гожанскимъ было уже сообщено въ 4—5 номерѣ „Раб. Дѣла" оправдали, объясняя его выстрѣлъ и побѣгъ ненормальнымъ состояніемъ. Товарищъ его—Гожанскій сосланъ въ дальніе улусы.

От Харьковскаго Комитета помощи политическимъ заключеннымъ.

Послѣ 3½ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, харьковскіе рабочіе, арестованные по дѣлу 1-го мая въ Харьковѣ, наконецъ дождались рѣшенія своей участи. Для 12-ти изъ нихъ послѣдовалъ суровый приговоръ—ссылка въ Вятскую губернію на три года (Звѣревъ, Зоткинъ, Зассъ, Воейковъ, Матросовъ, Бибикъ, Черный, Малаховъ, Барановскій, Коломійцевъ, Годынскій и Бурдаковкій); для 21-го—ссылка на родину и въ другія мѣста Европейской Россіи (въ Полтаву на два года: Лелюкъ В., Лелюкъ А., Гончаровъ, Бутовскій, Середа, Гречка, Есинъ; на 1 годъ: Виниченко; въ Кременчугъ на 2 года: Погребецкій, Новохацкій и Молчановъ. Въ Пензу: Кнышевскій на 2 года, Въ Казань: Труновъ на 2 года. На родину: на 2 года Ключинскій, Павловъ, Коробченко, Квитко; на 3 года Усовъ, на 1 годъ Соколовъ и Купріяновъ. Гуръ остается въ Харьковѣ). Въ общемъ для всѣхъ ссылка на 78 лѣтъ.

Тяжело было рабочимъ сидѣть въ тюрьмѣ, но не менѣе тяжело имъ будетъ въ ссылкѣ безъ работы, съ ограниченіями въ правахъ, подъ бдительнымъ окомъ администраціи. А семьи... онѣ остаются на произволъ судьбы, обреченныя на полуголодное существованіе.

Полагая, что борьба и поведеніе харьковскихъ рабочихъ въ майскіе дни можетъ вызвать въ каждомъ только уваженіе къ ихъ стойкости, благородству (среди нихъ совершенно не было предательствъ), Харьковскій Комитетъ помощи заключеннымъ и ссыльнымъ увѣренъ, что каждый интеллигентный гражданинъ отнесется съ горячимъ сочувствіемъ къ жертвамъ благородной борьбы за идею.

Принимая на себя съ настоящаго дня заботу о сосланныхъ и ихъ семьяхъ, Харьковскій Комитетъ искренно увѣренъ, что харьковское общество и студенческая молодежь поддержатъ его въ эти тяжелые для него дни, когда при громадномъ дефицитѣ необходима помощь немедленная въ нѣсколько сотъ рублей, и усиленными пожертвованіями помогутъ Комитету облегчить участь сосланныхъ харьковскихъ рабочихъ.

Харьк. Ком. помощи полит. заключ.

6 сент. 1900 г.

Отъ Комитета „Сибирской Кассы". (Цюрихской).

„Сибирская Касса" имѣетъ цѣлью оказывать матеріальную помощь политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ въ Россіи, безъ различія національности и политическихъ убѣжденій. Въ силу русскихъ политическихъ

условій, функціонирующія въ Россіи учрежденія подобнаго рода очень часто теряютъ связи съ отдѣльными колоніями политическихъ ссыльныхъ и не всегда имѣютъ возможность оказывать имъ помощь. Въ этомъ отношеніи „Сибирская Касса“, какъ заграничная организація, имѣющая болѣе или менѣе легальное положеніе и постоянный адресъ,—поставлена въ лучшія условія. Съ комитетомъ „Сибирской Кассы“ можно сноситься изъ Россіи непосредственно по конспиративному адресу или же черезъ посредство находящихся заграницей, какъ соціалистическихъ организацій, такъ и отдѣльныхъ товарищей. Для того, чтобы распредѣленіе помощи между ссыльными совершалось возможно равномѣрнѣе, комитету, завѣдующему распредѣленіемъ денегъ, необходимо имѣть подробныя свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи политическихъ ссыльныхъ во всѣхъ мѣстахъ ссылки; получить же эти свѣдѣнія онъ можетъ только отъ ссыльныхъ товарищей, къ которымъ и обращается съ просьбой сообщать указаннымъ выше способомъ свѣдѣнія по слѣдующей программѣ:

1) Городъ (село) и губернія, гдѣ собраны свѣдѣнія.
2) Число политическихъ ссыльныхъ (по возможности имена и фамиліи ссыльныхъ, когда сосланы и на какой срокъ).
3) Размѣръ пособія, получаемаго отъ казны, или средствъ отъ заработковъ.
4) Сколько получается съ воли денегъ для распредѣленія между ссыльными?
5) Сколько человѣкъ получаютъ пособія съ воли и имѣютъ занятіе, обезпечивающее имъ существованіе?
6) Какова средняя сумма, необходимая для сноснаго существованія въ данной мѣстности?
7) Сколько человѣкъ не дополучаютъ этой суммы и сколько не дополучаетъ каждый?
8) Черезъ какіе города могутъ быть доставлены деньги для ссыльныхъ данной мѣстности?

Свѣдѣнія эти комитетъ проситъ пересылать не рѣже, чѣмъ каждые 2 мѣсяца; если же по истеченіи 2-хъ мѣсяцевъ условія существованія не измѣнились, то необходимо сообщить объ этомъ, чтобы комитетъ зналъ, что онъ можетъ и далѣе руководиться прежними указаніями. Свѣдѣнія эти будутъ передаваться для опубликованія во всѣ выходящія заграницей россійскія соціалистическія изданія и пересылаться находящимся въ Россіи организаціямъ для помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Въ виду того, что настоящее изданіе можетъ не попасть или попасть нескоро въ руки ссыльныхъ товарищей,—мы обращаемся съ просьбой ко всѣмъ товарищамъ, имѣющимъ знакомыхъ среди ссыльныхъ, переслать имъ вышеприведенную программу собиранія свѣдѣній и взять на себя аккуратное доставленіе ихъ. Не имѣя власти, какъ „Сибирская Касса“, такъ и подобныя организаціи, находящіяся въ Россіи, не въ состояніи сколько-нибудь равномѣрно распредѣлять денежную помощь, и отдѣльныя мѣста ссылки, несмотря на ужасную нужду, часто остаются безъ всякой товарищеской помощи. Только тогда, когда сами ссыльные товарищи будутъ аккуратно доставлять вышеупомянутыя свѣдѣнія, возможно будетъ сколько-нибудь равномѣрное распредѣленіе средствъ, поступающихъ въ организаціи для помощи ссыльнымъ и заключеннымъ; поэтому мы убѣдительно просимъ съ возможною аккуратностью доставлять намъ эти свѣдѣнія.

Адресъ „Сибирской Кассы“ для писемъ *изъ-заграницы*:

Zürich V, Herrn Emil Hug. Reinacherstrasse, 17.

Комитетъ.

Отчетъ „Сибирской Кассы“

съ 15 мая 1899 г. по 1 іюня 1900 г.

Приходъ: Въ кассѣ къ 15 мая 99 г. было 176.75. Изъ Цюриха: по листкамъ № 3 64.—**), № 4 20.50, № 35 47.23***), № 36*) 1.50, № 37 24.—, № 38 72.20. № 39*) 61.—. № 40 10.50, № X*) 5.50. Всего 306.43.

Сборъ спеціальный для эмигранта 27.50, доходъ съ вечера 214.40. отъ предпріятія 45.58, остатокъ отъ сборовъ на вѣнокъ Лаврову 2.20, за марки 5.—.
Итого 601.11.

Изъ Женевы по листкамъ № 61 (ст.) 16.50, № 62 (ст.) 10.20, № 63 (ст.) 20.30, № 5 7.—, № 6 11.70. № 7 8.50, №№ X*) 152.25. Итого 226.45.

По подписному листу для эмигранта 33.50, ²/₃ дохода съ бала 205.75, возвращена часть ссуды эмигрантомъ 10.—, получено кассиромъ Женевск. Отд. „С. К.“ 54—.
Всего 529.73.

Изъ Берна: по листкамъ № 13 14.75***). № 10 4.50. № 11 10.30. № 62 10.—. №№ X*) 24.60. Итого 64.15.

Отъ разныхъ лицъ*) 63.40. За проданныя контромарки 7—, по подписн. листу для эмигранта 32.95, отъ G. G. 16.60.
Всего 184.10.

Изъ Льежа: по листкамъ № 27 30.—, № 28 6.50, № 30 25.50, № 86 27.75, № 87 32.50. № 88 56.50. Итого 178.75.

Изъ Ліона: собрано у разныхъ лицъ*) 57.75.

Изъ Брюсселя: по листкамъ фр. № 9 15.95, русск. № 89 15.55. Итого 31.50.

Изъ Берлина: оставшіеся отъ сбора на вѣнокъ Лаврову 135.—.

Изъ Вѣны отъ разныхъ лицъ*) 42.05.

Изъ Нью-Іорка отъ общества „Братская Помощь“ за прод. м. 100.—.

Изъ Л. отъ разныхъ лицъ*) 40.60.

Изъ Мюнхена отъ разн. лицъ*) 50.—.

Изъ Шпица: по листку № 57 черезъ Г. 17.50, черезъ М. 40.—. Итого 57.50.

Отъ француз. соціалиста черезъ „Союзъ Русск. Соц.-Дем.“ 548.85, отъ загран. Соц.-Дем. Кружка „Впередъ“ 555.56, отъ Б. К. Ф. 25.—, отъ Ліонки черезъ Бернца 5.—, собрано въ Б — ѣ 1 марта для арестованныхъ 13.—.
Итого 3332.25

Примѣчаніе. Листки и отчеты ко времени составленія настоящаго отчета не были доставлены изъ Лейпцига, Фрейберга, Миттвейды, Монпелье, Дармштадта, Карлсруэ и Шафгаузена.

Расходъ: Въ Восточную Сибирь черезъ А. высланнымъ изъ Петербурга 43.40 и 37.40, выслан. Шлиссельбуржцу 40.—. для распредѣленія черезъ И. 333.50. Въ Вятскую губ. для распредѣленія 267.—, ссыльнымъ рабочимъ латышамъ черезъ С. 50.—. Въ Уфимскую губ. двумъ ссыльнымъ рабочимъ 80.05. Въ Вологодскую губ. тремъ ссыльнымъ рабочимъ 66.75. Въ Архангельск. губ. одному ссыльному 53.40, другому—40.05. Арестованнымъ: заключеннымъ въ Н. 53.54, черезъ „С. С. Д.“ 133.50, заключеннымъ въ Петропавловской кр. черезъ „Союзъ Соц.-Рев.“ ежемѣсячно пос. 129.49, заключ. въ Москвѣ 40.—. Ссыльнымъ и заключенн. черезъ „Евр. Рабочій Союзъ“ 18.75, 65.—, 267.—, 133.50, 75.—, 80.— и 100.—. Всего 739.25. Въ Уфимскую губернію двумъ ссыльнымъ рабочимъ 66.50. Въ Черниговскую губернію ссыльнному, выпущенному изъ Петропавловской крѣп. черезъ „Союзъ Соціал.-Рев.“ 30.—. Въ Кіевъ Комитету „Кіевскаго Краснаго Креста“ черезъ Женевское Отдѣленіе „Сибирск. Кассы“ 160.—. Эмигрантамъ безвозвратное пособіе 93.95, ссуда 35.—, ссуда, выданная черезъ „Женевск. Отдѣленіе Сибирской К.“ 100.—. Всего 228.95. Вѣнокъ на гробъ Петру Лавровичу Лаврову отъ „Сибирской Кассы“ и телеграмма 25.40. Для побѣга одной работницѣ 80.10. Печатаніе воззваній и письменныя принадлежности 28.—. Почтовые расходы 35.27. Итого 2755.55.

Въ кассѣ къ 1-му іюня 576.70.

P. S. Со всѣми письменными заявленіями и запросами, равно какъ и съ денежными посылками для „Сиб. К.“ просятъ обращаться къ комитету по адресу: Herrn Stadtrath Emil Hug. Zürich, V. Reinacherstrasse, 17.

Комитетъ.

*) Листки не были доставлены своевременно.

**) Въ томъ числѣ 41 фр. отъ W изъ Давоса.

***) Тарелочный сборъ на рефератѣ г. Плеханова.

Побѣги: Заграницу прибыли *Кремеръ* и *Левинсонъ*, арест. 26 іюля 98 г. по дѣлу Всеобщ. Евр. Раб. Союза и освобожденные до приговора 8 апрѣля 900 г. Сидѣли въ Москвѣ.

Розенбаумъ бѣжалъ изъ Чернигова, изъ подъ надзора полиціи въ ожиданіи приговора. Сидѣлъ около 2-хъ лѣтъ въ Петерб. Арестов. въ 97 г. съ транспортомъ литер.

Отъ имени кружка русскихъ товарищей насъ просятъ напечатать слѣдующее **Заявленіе**, „основанное на точныхъ и тщательно провѣренныхъ данныхъ“:

Чертежникъ дорожнаго отдѣла Тамбовскаго губернскаго земства *Сергѣй Александровичъ Даниловъ*, арестованный въ январѣ мѣсяцѣ 1900 года въ городѣ Тамбовѣ, оговорилъ рядъ лицъ, тщательно выгораживая себя и возводя ложныя обвиненія на другихъ. Исключительно по его указаніямъ былъ произведенъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года въ городѣ Тамбовѣ цѣлый рядъ обысковъ и арестовъ среди ремесленниковъ и интеллигентовъ.

Сергѣй Александровичъ Даниловъ продолжаетъ служить въ земствѣ, тогда какъ другія „заподозрѣнныя“ лица лишены всякой возможности заработка.

Отчетъ Кассира Союза Русскихъ Социальдемократовъ будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ номерѣ Листка „Раб. Дѣла“.

Кассиръ.

Въ Женевск. Отдѣл. Цюрих. Сиб. Кассы поступило 10 фр. 10 с. „въ память В. Либкнехта“.

Изданіе Союза русскихъ социальдемократовъ.

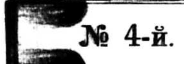
Цѣна 40 сант.

Типографія „Союза“ Genève, route de la Cluse, 7.

Женева 1900.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА".

№ 4-й. ДЕКАБРЬ. 1900 г.

Рабочіе и полиція.

По мѣрѣ роста рабочаго движенія въ Россіи царское правительство проявляетъ особо оживленную дѣятельность по части фабричнаго законодательства. Если раньше фабричные законы 20 лѣтъ подготовлялись и 10 л. разрабатывались прежде, чѣмъ „удостоиться высочайшаго утвержденія", то теперь законы изготовляются съ лихорадочной быстротой, а всякаго рода распоряженія, циркуляры, наказы сыплются, какъ изъ рога изобилія. Изъ цѣлаго ряда послѣдовавшихъ за послѣднее время распоряженій остановимся на одномъ, весьма любопытномъ для пониманія „отеческаго попеченія" правительства надъ рабочими. Это — „инструкція чинамъ полиціи по надзору за благоустройствомъ и порядкомъ на фабрикахъ и заводахъ", изданная главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ 14 авг. 1900 г. и распубликованная во всеобщее свѣдѣніе въ „Вѣстникѣ Финансовъ", въ № отъ 8 октября настоящаго года. Инструкція эта любопытна еще и потому, что она — одно изъ первыхъ дѣтищъ недавно учрежденнаго главнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія (смотр. „Фабричная инспекція въ Россіи", „Р. Д." № 4-5).

Упомянувъ о томъ, что по общимъ россійскимъ законамъ на полицію возложена почтенная задача принятія мѣръ „къ возстановленію нарушеннаго наружнаго порядка и благочинія въ случаяхъ буйства, насилія, противозаконныхъ сборищъ и нарушеній общественной тишины и спокойствія", а также мѣръ „къ устраненію неблагонамѣренной среди рабочихъ агитаціи", инструкція прямо переходитъ къ опредѣленію обязанностей полиціи по надзору за фабриками и заводами. Знакомые со взглядами царскаго правительства на рабочее движеніе и отношеніе къ нему полиціи, вы ожидаете, конечно, встрѣтить въ инструкціи указанія на необходимость „пресѣченія", „искорененія", „немедленнаго ареста" и столь же быстраго „препровожденія въ распоряженіе чиновъ корпуса жандармовъ". На этотъ разъ вы ошибаетесь! Напротивъ, инструкція больше говоритъ о томъ, чего полиція не должна дѣлать, чѣмъ о томъ, что она дѣлать обязана. Такъ, въ случаѣ готовящихся или уже совершившихся нарушеній на фабрикѣ порядка полиція обязана немедленно сообщить объ этомъ чинамъ фабричной или горной инспекціи по принадлежности; „при этомъ, — сказано въ инструкціи, — чины полиціи *не дѣлаютъ никакихъ отъ себя распоряженій*, такъ какъ ближайшій надзоръ за внутреннимъ благоустройствомъ на фабрикахъ возложенъ исключительно на чиновъ фабричной и горной инспекціи." Далѣе, „полиція *не входитъ* въ разсмотрѣніе заявленій и жалобъ рабочихъ на фабрикантовъ и заводчиковъ по предметамъ, касающимся договора найма", а направляетъ въ этихъ случаяхъ рабочихъ къ фабричнымъ инспекторамъ; точно также чины полиціи *не входятъ* въ разсмотрѣніе заявленій и жалобъ на служебныя дѣйствія чиновъ фабричной или горной инспекціи", а указываютъ

рабочимъ, куда имъ слѣдуетъ направлять свои жалобы. До сихъ поръ, вѣрнѣе — въ послѣднихъ двухъ случаяхъ полиціи, пожалуй, не резонъ „входить", хотя, если инструкція находитъ нужнымъ упомянуть объ этомъ, то вѣроятно, были такіе примѣры, когда городовой или полицейскій урядникъ („по принадлежности", конечно!) считали себя вправѣ разбирать споры между фабрикантами и рабочими и даже принимать жалобы на фабричныхъ инспекторовъ. Но какъ же въ случаѣ стачекъ, волненій и другихъ послѣдствій „преступной среди рабочихъ агитаціи"? Неужели и здѣсь полиція „не входитъ"? Оказывается, что да или почти да. Въ инструкціи значится: *„по сообщенію полиціи чинами фабричной инспекціи или горнаго надзора* о такихъ нарушеніяхъ закона въ промышленныхъ заведеніяхъ, волненіяхъ среди рабочихъ или иныхъ обстоятельствахъ, которыя угрожаютъ нарушеніемъ внѣшняго порядка и благоустройства, или, представляя явную опасность для чьей-либо (фабриканта, конечно!) жизни и здоровья, требуютъ экстренныхъ мѣропріятій, — полиція обязана немедленно приступить къ принятію зависящихъ мѣръ къ охраненію внѣшняго порядка и личной безопасности".

Такимъ образомъ, только по требованію фабричнаго инспектора, а не по собственному соизволенію, полиція обязана приступить къ возстановленію „порядка". Конечно, отъ этого рабочимъ не становится теплѣе, такъ такъ инспекторъ, вѣрный слуга правительства, не только сообщитъ, но и попроситъ полицію поспѣшить придти на помощь капиталисту. Но дѣло въ томъ, что очень часто бываетъ, что полиція сама приступаетъ къ излюбленнымъ ею способамъ прекращенія безпорядковъ, либо, сообщая о послѣднихъ инспектору, *одновременно* вызываетъ войска и жандармовъ. Теперь инструкція какъ будто ставитъ фабричнаго инспектора выше полиціи, признаетъ, что на перваго, а не на вторую, возложенъ „исключительно" надзоръ за фабриками и заводами.

Въ изложенномъ почти все содержаніе инструкціи. Имѣются въ ней еще нѣсколько пунктовъ,—о возбужденіи полиціей преслѣдованій въ случаяхъ несчастій съ рабочими, о надзорѣ за вновь возникающими фабриками и т. д.,—но они лишены существеннаго значенія и не ими опредѣляется отношеніе полиціи къ рабочимъ.

Итакъ, какъ нужно понимать новую инструкцію? Если полиція „не входитъ", „не приступаетъ", „не дѣлаетъ никакихъ отъ себя распоряженій", то значитъ-ли это, что она не играетъ самостоятельной роли въ фабричной жизни и надзоръ за фабриками, дѣйствительно, врученъ исключительно чинамъ фабричной инспекціи? Мы ставимъ вопросъ такъ, потому что заграницей осуществлено такое отдѣленіе фабричной инспекціи отъ полиціи; тамъ инспектора пользуются большою самостоятельностью, полиція не вправѣ вмѣшиваться въ фабричную жизнь; инспекторъ наблюдаетъ за исполненіемъ закона и въ то же время законъ предоставляетъ рабочимъ свободу, путемъ стачекъ, отстаивать самимъ свои интересы. Но царское правительство не настолько глупо, чтобы всенародно, гласно признаться, что фабричной инспекціи, какъ ее нужно понимать и какъ ее понимаютъ заграницей, въ Россіи не существуетъ, что фабричный инспекторъ у насъ, — тотъ же городовой только безъ полицейскаго мундира, что надзоръ за фабриками врученъ не одному инспектору, но и полиціи, и войскамъ, и жандармамъ. Наловчившись надувать рабочихъ, постоянно кривля душою, правительство и теперь хочетъ показать, что фабричный инспекторъ „исключительно" надзираетъ за фабриками, что, если русскіе порядки и хуже заграничныхъ, то не настолько, насколько иные думаютъ. На дѣлѣ царское правительство поступаетъ иначе, и *тайно*, когда оно надѣется, что никто, кромѣ вѣрныхъ слугъ, его не услышитъ, оно высказываетъ свой истинный взглядъ на рабочее движеніе и на ту роль, которую должна играть и играетъ полиція въ искорененіи „вредной крамолы", т. е. борьбы рабочихъ за права человѣческой жизни.

Секретнымъ циркуляромъ отъ 23 іюля 1896 г. министръ финансовъ „считаетъ долгомъ увѣдомить" фабричныхъ инспекторовъ, что о всякомъ замѣченномъ ими „явленіи, указывающемъ на преступную пропаганду среди рабочихъ, какъ и вообще о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ" они обязаны *„немедленно* сообщать не только департаменту торговли и мануфактуръ, но и *мѣстной полиціи"*. (Циркуляръ этотъ напечат. въ № 3-4 (ноябрь 1897 г.) Листка „Работника"). Такимъ образомъ, этимъ циркуляромъ надзоръ за фабриками врученъ въ такой же мѣрѣ фабричнымъ инспекторамъ, какъ и полиціи, ибо первый обязанъ немедленно сообщать второй о всякихъ безпорядкахъ. А между тѣмъ въ законно изданномъ и во всеобщее свѣдѣніе опубликованномъ наказѣ фабричнымъ инспекторамъ (1894 г.) сказано: „Чины фабричной инспекціи *имѣютъ право* требовать отъ мѣстной полиціи содѣйствія при исполненіи возложенныхъ на инспекцію обязанностей." Наказъ предоставляетъ инспекторамъ *право* приглашать полицію, а тайный циркуляръ вмѣняетъ это имъ *въ обязанность*. Такъ можно вѣрить россійскимъ законамъ!

Идемъ, однако, далѣе! 12 августа 1897 г., т. е. всего только черезъ два мѣсяца послѣ изданія „благодѣтельнаго" закона о сокращеніи рабочаго дня,—министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ губернаторамъ съ обширнѣйшимъ и опять-таки секретнымъ циркуляромъ (см. тотъ же № 3-4 Листка „Работника"). Сообщая „его превосходительству" о томъ, что „забастовки фабричныхъ, заводскихъ и даже (этого, конечно, министръ никакъ не ожидалъ!) цеховыхъ рабочихъ сдѣлались зауряднымъ явленіемъ во многихъ городахъ съ болѣе или менѣе значительнымъ рабочимъ населеніемъ", и отмѣчая, что „всякаго рода дѣйствія скопомъ являются весьма опасными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія", министръ предлагаетъ губернаторамъ цѣлый рядъ мѣръ къ обузданію рабочихъ. Мѣры эти рекомендуются уже прямо, независимо отъ фабричныхъ инспекторовъ, полиціи, такъ какъ губернаторъ—высшая полицейская власть въ губерніи. Какова же программа царскаго министра?

Прежде всего онъ предлагаетъ губернаторамъ „войти въ ближайшее сношеніе съ мѣстными чинами фабричной и горной инспекціи, съ начальствомъ казенныхъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ прокурорскимъ надзоромъ, съ начальниками жандармскихъ управленій, губернскихъ и желѣзнодорожныхъ полицейскихъ" и „установить *живое общеніе* этихъ лицъ между собою и съ чинами полиціи для полнаго согласованія дѣятельности правительственныхъ властей во всѣхъ случаяхъ проявленія какихъ-либо признаковъ волненія въ рабочей средѣ". Яснѣе, кажется, чѣмъ это сказано въ тайномъ циркулярѣ, сказать нельзя! Отъ „исключительнаго" надзора фабричной инспекціи не остается и слѣда. Противъ рабочихъ стягиваются всѣ силы правительства, къ борьбѣ съ ними привлекается всякій, кто можетъ что-нибудь сдѣлать: губернаторъ, фабричный инспекторъ, прокуроръ, жандармы губернскіе и желѣзнодорожные, полиція и даже начальники казенныхъ заводовъ и желѣзнодорожн. мастерскихъ—всѣ должны войти въ живое общеніе и достигнуть полнаго согласованія дѣятельности въ случаяхъ волненія рабочихъ.

„Одинъ умъ—хорошо, а два—лучше" и правительство, не довольствуясь однимъ умомъ фабричнаго инспектора, даже такого, каковъ онъ въ настоящее время, соединяетъ умы всѣхъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ. Но начальствующія лица, какого бы чина они не были, могутъ проявить свою дѣятельность и общими силами подавить безпорядки только тогда, когда эти безпорядки обнаружились. Задача же царскаго правительства шире—оно должно „пресѣчь и предупредить" всякія рабочія волненія, чтобы о нихъ не слышно было на широкой Руси. Здѣсь выступаетъ на сцену исключительно полиція и мѣсто министра финансовъ съ его фабричными инспекторами занимаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ съ городовыми, урядниками и надзирателями. Мы приведемъ нѣсколько совѣтовъ, преподанныхъ министромъ губернаторамъ. Полиція обязана:

строго наблюдать за фабриками, заводами и мастерскими и своевременно доносить о проявленіи тревожнаго настроенія въ рабочей средѣ; подвергать немедленному аресту и препровождать въ распоряженіе жандармовъ лицъ образованныхъ классовъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ рабочими или въ распространеніи воззваній и брошюръ;

безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ, а зачинщиковъ подвергать аресту;

всѣмъ мѣстнымъ рабочимъ объявлять, что всякое нарушеніе порядка будетъ тотчасъ подавлено;

всѣхъ рабочихъ, оказывающ...

какой-либо формѣ сопротивленіе, губернаторъ, арестовавъ ихъ, имѣетъ право съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ выслать изъ даннаго района,—и т. д.

Кажется, достаточно выдержекъ изъ циркуляра. Роль полиціи по надзору за фабриками выступила совершенно ясно. Ей принадлежитъ самая обширная дѣятельность въ мирное на фабрикахъ время, такъ какъ она высматриваетъ, выслѣживаетъ и вырываетъ изъ рабочей среды все свѣжее и здоровое; она принимаетъ самое главное участіе въ подавленіи волненій, въ массовыхъ арестахъ, высылкахъ и прямо насильственныхъ дѣйствіяхъ. Гдѣ же фабричный инспекторъ? Онъ тамъ, гдѣ и надлежитъ быть ему, чиновнику царскаго правительства. За него все дѣлаетъ явная и тайная полиція, и въ полицейской средѣ онъ самъ — полицейскій, дѣйствующій заодно, въ согласіи и въ „живомъ общеніи“ съ полиціей. Такъ было съ самаго момента учрежденія у насъ фабричной инспекціи, хотя правительство тогда, какъ и теперь, говорило, что оно вручаетъ „исключительный“ надзоръ инспектору, который долженъ быть лишь посредникомъ между предпринимателями и рабочими,—такъ оно и по настоящій день, съ тѣмъ только отличіемъ, что, вопреки всякимъ инструкціямъ, все больше увеличивается сила полиціи и все больше на нее возлагается правительствомъ борьба съ рабочими.

Съ начала 1899 г. министръ внутреннихъ дѣлъ усилилъ полицейскій надзоръ, создавъ 60 новыхъ должностей полицейскихъ надзирателей и 2.320 городовыхъ; эту шпіонскую армію шефъ россійскихъ шпіоновъ и провокаторовъ въ тайномъ циркулярѣ предписалъ распредѣлить такимъ образомъ, чтобы каждый городовой приходился на 50 рабочихъ и одинъ надзиратель на 3.000 рабочихъ! Находя и это недостаточнымъ, министры Николая II обязали фабрикантовъ содержать на свой счетъ шпіоновъ по одному на 200 раб. А осенью 1898 года министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было отпущено полмилліона рублей на учрежденіе новыхъ должностей фабричной полиціи и 200.000 руб. спеціально на увеличеніе петербургской полиціи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что скоро и это будетъ признано „недостаточнымъ“, еще больше народныхъ денегъ будетъ затрачено на закрѣпощеніе народа, еще больше усилится фабричная стража. И продолжаться такъ будетъ до тѣхъ поръ, „пока не подымется мускулистая рука рабочаго“ и не укажетъ царскимъ опричникамъ ихъ настоящаго мѣста.

Инструкція, о которой мы говорили въ началѣ замѣтки, такая же ложь, какъ и все, что исходитъ изъ устъ правительства и его чиновниковъ. На бумагѣ, на страницахъ составленныхъ ими законовъ они могутъ сколько угодно толковать объ исключительномъ надзорѣ фабричнаго инспектора и о подчиненномъ положеніи полиціи. Изъ тайныхъ циркуляровъ и изъ тяжелыхъ уроковъ повседневной жизни мы знаемъ, каково отношеніе полиціи къ рабочимъ и каковъ въ дѣйствительности ея надзоръ за фабриками.

По одному городовому на 50 рабочихъ, по одному шпіону на 200 и по одному надзирателю на 3000 рабочихъ въ первой инстанціи, „живое общеніе“ губернатора съ жандармами, прокуроромъ, полиціей и фабрикантами — во второй и „возстановленіе порядка“ войсками и казаками—въ третьей—такова отечественная опека царскаго правительства надъ рабочими, таковъ дѣйствительный надзоръ за фабриками и заводами. Если бы въ настоящее время вычеркнуть изъ свода законовъ всѣ статьи, относящіяся къ дѣятельности фабр. инспекціи, то отъ этого положеніе вещей нисколько не измѣнилось бы, потому что фаб. инспекторовъ, самостоятельныхъ, независимыхъ отъ полиціи, у насъ не существуетъ. Фабр. инспекторъ, съ одной стороны, созданъ для вида, для временнаго успокоенія рабочихъ, съ другой — постепенно превращенъ въ полицейскаго агента, причемъ трудно сказать, имъ-ли усиливается полиція, или послѣдняя служитъ для усиленія фабр. инспекціи. Въ качествѣ примѣра достаточно напомнить, что недавно старшій фабр. инспекторъ Петербург. губ. Лебедевъ обратился къ фабрикантамъ съ просьбой прислать ему списки замѣченныхъ въ неблагонадежности рабочихъ для передачи ихъ въ охранное отдѣленіе при петерб. градоначальникѣ (см. корресп. изъ Петерб. въ № 6 „Р. Д.“). Г. Лебедевъ нѣсколько переусердствовалъ, т. к. охранное отдѣленіе и безъ его помощи раздобудетъ нужныя свѣдѣнія. Но онъ вѣрно понялъ,

что отъ него требуется: фабр. инспекторъ долженъ содѣйствовать полиціи, но полиція еще въ большей степени должна поддерживать инспекцію. А правительство въ своей инструкціи твердитъ, что надзоръ врученъ „исключительно“ фабр. инспектору и полиція „не входитъ“, „не приступаетъ“, „не дѣлаетъ никакихъ отъ себя распоряженій“. Увы, теперь этому никто не повѣритъ!

Положеніе и условія борьбы русскихъ рабочихъ многимъ отличаются отъ положенія ихъ заграничныхъ товарищей. На Западѣ рабочіе давно раздѣлались съ правительствомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ Россіи. Хорошо знакомыя намъ дѣйствія полиціи, — шпіонство за свободно мыслящими рабочими, аресты и ссылка за стачки,— тамъ невозможны. Больше того, рабочіе сами, правда, пока не въ сильной степени, участвуютъ въ управленіи государствомъ, т. к. выбранные ими представители засѣдаютъ въ парламентахъ, издающихъ законы. Борьба съ капиталистами ведется совершенно свободно и шагъ за шагомъ заграничные рабочіе добиваются все лучшихъ условій жизни. У насъ рабочіе также прежде всего сталкиваются съ фабрикантами. Съ ними, кажется, не трудно бы справиться, нужно только выдержать и дружно провести стачку. Здѣсь-то на помощь фабриканту и противъ рабочихъ выступаетъ царское правительство со всѣми своими полицейскими и военными силами. Рабочимъ не даютъ возможности подготовиться къ борьбѣ, а разъ борьба началась, ее подавляютъ самыми жестокими, самыми звѣрскими средствами. Здѣсь правительство не думаетъ ни о деньгахъ, ни о способахъ; оно затрачиваетъ милліоны, проливаетъ человѣческую кровь, только бы спасти себя и капиталистовъ, только бы не дать рабочимъ вырваться изъ рабскаго состоянія.

На полѣ битвы рабочіе сталкиваются съ двумя врагами: съ капиталистомъ, высасывающимъ изъ рабочаго соки, и съ правительствомъ, охраняющимъ это грабительство. Выступая противъ фабриканта, рабочіе тѣмъ самымъ сталкиваются съ полиціей, и если они выходятъ изъ борьбы побѣжденными, то не капиталистами, а правительствомъ. Къ сожалѣнію, еще не всѣ рабочіе понимаютъ эту связь между фабрикантами и правительствомъ, не всѣ знаютъ, что царское правительство—злѣйшій врагъ рабочихъ. Дѣйствія полиціи многіе объясняютъ своеволіемъ городовыхъ и губернатора и не подозрѣваютъ, что жестокая расправа съ рабочими предписана министрами съ согласія царя. Если бы они это поняли, тогда мы такъ же скоро раздѣлались бы съ самодержавіемъ, какъ и на Западѣ, и такъ же успѣшно повели бы борьбу съ капиталомъ, какъ она ведется заграничными рабочими.

Только съ низверженіемъ царско-полицейскаго строя, только съ завоеваніемъ свободы, свободы стачекъ, союзовъ, собраній, печати, съ завоеваніемъ права народнаго участія въ законодательствѣ —начнется правильная борьба за полное экономическое и политическое освобожденіе рабочаго класса.

Сибирякъ.

Программа и уставъ СПБ. Союза Борьбы за освоб. рабоч. класса.

Мы получили напечатанные въ Россіи въ октябрѣ 1900 г. программу и уставъ реорганизованнаго СПБ. Союза Борьбы, Комитета Росс. Соц.-дем. Рабоч. Партіи. Перепечатываемъ программу цѣликомъ:

„Союзъ Борьбы за освоб. раб. класса составляютъ всѣ лица, принявшія изложенную ниже программу и входящія въ составъ фабричныхъ и заводскихъ организацій или группъ, выполняющихъ функціи по пропагандѣ, изданію, по доставкѣ и храненію литературы, по сбору денегъ, по сношеніямъ съ другими городами и съ заграницей.

„Принимая во вниманіе, что конечной цѣлью рабочаго движенія является политич. и экономич. освобожденіе рабочаго класса и что такое освобожденіе можетъ быть достигнуто только соціальдемократ. движеніемъ широкихъ рабочихъ массъ,—СПБ. Союзъ Борьбы за осв. рабочаго класса ставитъ своей задачей развитіе сознанія этихъ массъ помощью пропаганды и агитаціи по всевозможнымъ конкретнымъ поводамъ окружающей рабочаго жизни.

„Считая, что отстаиваніе своихъ насущныхъ интересовъ, какъ бы они мелки ни были, воспитываетъ рабочія массы въ соціалистическомъ сознаніи и по[illegible]товляетъ группы активныхъ [illegible]

рабочее дѣло,—Союзъ оказываетъ такой борьбѣ всяческое содѣйствіе, стараясь придать всякому неорганизованному движенію форму организованной сознательной борьбы противъ капиталистической эксплуатаціи и царскаго произвола.

„Средствами активной борьбы Союзъ признаетъ частичныя забастовки, общія забастовки и политическія демонстраціи, организованныя при широкомъ участіи рабочихъ.

„Признавая, что самодѣятельность рабочихъ является единственной гарантіей успѣха рабочаго дѣла, Союзъ настоятельно рекомендуетъ организацію рабочихъ въ боевые союзы.

„Со всѣми соц.-дем. группами Союзъ идетъ рука объ руку, признавая прочное объединеніе ихъ дѣломъ первостепенной важности.

„Общность врага — правительства — выдвигаетъ на очередь вопросъ о временныхъ союзахъ съ прочими революціонными фракціями по поводу отдѣльныхъ частныхъ случаевъ.

„Къ изложеннымъ въ программѣ цѣлямъ Союзъ идетъ тремя путями: а) организуя рабочихъ по заводамъ и фабрикамъ для дружной защиты ихъ общихъ интересовъ въ виду соединенныхъ враговъ ихъ—капиталистовъ и правительства; б) выясняя въ сознаніи всѣхъ рабочихъ ихъ общіе интересы; в) руководя самой борьбой рабочихъ“.

Изъ организаціоннаго устава приводимъ наиболѣе существенные пункты.

Ячейку „союзной рабочей организаціи“ составляетъ *центральная группа* на каждомъ заводѣ или фабрикѣ, группирующая вокругъ себя рабочіе кружки (не больше 10 чел. въ каждомъ), причемъ кружки могутъ выбирать въ „ц. груп.“ собственныхъ представителей. Условія пріема въ центр. гр. и въ кружки: рекомендація 2-хъ членовъ и ни одного голоса противъ. Ц. гр. организуетъ заводскую (фабричную) кассу, въ которую всѣ организованные рабочіе вносятъ двѣ копейки съ заработаннаго рубля. Половина мѣсячныхъ взносовъ поступаетъ въ стачечный фондъ, кромѣ того касса оказываетъ помощь платящимъ членамъ. Ц. гр. ежемѣсячно даетъ отчетъ всѣмъ плательщикамъ о состояніи кассы. Дѣла, имѣющія значеніе для всѣхъ рабочихъ завода, рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ кассы. Ц. гр. устраиваетъ библіотеки, руководитъ занятіями въ кружкахъ, доставляетъ нелегальную литературу.

Выборные (на годъ) представители центральныхъ группъ всѣхъ районовъ города (или ихъ замѣстители) составляютъ *районную организацію*, завѣдующую всѣми дѣлами цѣлаго района и служащую связью между отдѣльными заводскими организаціями. Новый представитель допускается съ общаго согласія всѣхъ старыхъ представителей. Собраніе представителей, происходящее еженедѣльно, самостоятельно рѣшаетъ только тайныя и экстренныя дѣла, касающіяся всего района; всѣ другія дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ района.

Комитетъ СПБ. Союза, служащій связью между всѣми районными организаціями города, составляется изъ выборныхъ каждаго района города (или ихъ замѣстителей) и представителей отъ исполнительныхъ группъ, а именно: группы пропагандистовъ, для сношенія съ провинціей, для сношенія съ заграницей, для завѣдыванія складами, издательской и кассовой. Новый членъ комитета принимается только съ согласія всѣхъ остальныхъ. Для завѣдыванія агитаціей и организаціей рабочихъ по фабрикамъ и заводамъ изъ состава комитета выдѣляется особая *агитаціонная группа*, („*Комитетъ рабочей организаціи*“), состоящая изъ выборныхъ отъ всѣхъ районовъ и одного выборнаго отъ представителей исполнительныхъ группъ. Комитетъ старается вызвать къ жизни рабочія организаціи въ другихъ городахъ. Онъ завѣдуетъ стачечнымъ фондомъ, давая отчеты каждые 3 мѣсяца. Фондъ этотъ составляется изъ указанныхъ взносовъ организованныхъ рабочихъ и изъ суммъ, поступающихъ въ кассу Союза съ спеціальнымъ назначеніемъ „на помощь стачечникамъ“. При забастовкѣ въ Петербургѣ помощь изъ стачечнаго фонда оказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда стачка была одобрена агитаціонной группой комитета. Всѣ общесоюзныя дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ Союза; тайныя и экстренныя дѣла рѣшаются комитетомъ самостоятельно. Комитетъ издаетъ рабочую газету, а также брошюры, листки и пр.

* * *

Ни для кого не тайна, что наше движеніе въ Петербургѣ за послѣднее время сильно страдало отъ отсутствія крѣпкой общей организаціи и опредѣленной, связывающей всѣ группы, программы дѣятельности (см. статью Б—ва въ № 6-мъ „Раб. Д.“). Тѣмъ отраднѣе новый шагъ нашихъ петербургскихъ товарищей къ серьезному, тактическому и организаціонному, объединенію соціальдем. силъ столицы.

Передъ нами именно *программа дѣятельности*, устанавливающая непосредственныя практическія задачи СПБ. Союза. Только съ этой точки зрѣнія и можно правильно оцѣнить ея значеніе, ея достоинства и недостатки. Къ ней нельзя прикладывать мѣрку партійной программы, мотивирующей и устанавливающей общія цѣли партіи. Это было сдѣлано въ „Манифестѣ“ перваго съѣзда Росс. Соціальдем. Рабоч. Партіи и СПБ. Союзъ, признающій себя Комитетомъ нашей Партіи, тѣмъ самымъ стоитъ на почвѣ „Манифеста“. Программа дѣятельности отдѣльной организаціи при нынѣшнемъ состояніи нашего движенія должна въ предѣлахъ общепартійной программы намѣчать тѣ практическія задачи, которыя выдвинуты на очередь ростомъ движенія и непосредственное осуществленіе которыхъ необходимо для его дальнѣйшаго роста и скорѣйшаго достиженія общепартійныхъ цѣлей.

Съ этой точки зрѣнія мы и разсматриваемъ программу СПБ. Союза.

Главнымъ *новымъ* пунктомъ въ ней являются *политическія демонстраціи*, и въ этомъ отношеніи Союзъ идетъ навстрѣчу одной изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей нашего движенія въ данный моментъ. Затѣмъ всякій соціальдемократъ долженъ съ радостью отмѣтить, что программа подчеркиваетъ „первостепенную важность“ прочнаго объединенія всѣхъ соціальдем. группъ, являющагося необходимымъ предварительнымъ условіемъ какъ успѣшной дѣятельности мѣстныхъ организацій, такъ и въ особенности *общепартійной* активной борьбы съ самодержавіемъ. Наконецъ, въ виду борьбы съ общимъ врагомъ — правительствомъ программа справедливо считаетъ очереднымъ вопросомъ „временные союзы съ прочими революц. фракціями“.

Но *общій* характеръ программы, преобладающіе ея элементы въ сущности лишь отражаютъ дѣятельность Союза за все время его существованія. Если новая программа впервые ставитъ на очередь политическія демонстраціи, то она имъ и неразрывно съ ними связанной политической агитаціи среди массы не отводитъ того мѣста, которое онѣ по своей важности должны занимать. Она ограничивается однимъ упоминаніемъ объ этомъ средствѣ активной борьбы, не указывая на необходимость широкой политической агитаціи среди массы, этого предварительнаго условія политическихъ демонстрацій. Вообще политическіе элементы программы недостаточно ясно выступаютъ на общемъ фонѣ. Что соціальдемократія дѣйствуетъ на основѣ массового движенія, что она должна руководить борьбой массы за ея насущные интересы и придать этой борьбѣ сознательный характеръ — это руководящее правило соціальд. тактики уже давно сдѣлалось общимъ достояніемъ и примѣняется повсемѣстно. Не имъ опредѣляются задачи даннаго момента и потому не оно должно стоять въ центрѣ программы, желающей намѣтить непосредственныя практическія задачи. Наше движеніе стоитъ теперь, какъ мы уже не разъ подробно доказывали, передъ задачей — *вовлечь рабочую массу въ активную политическую борьбу.* Программа дѣятельности *всякой* мѣстной организаціи, заручившейся вліяніемъ на массу, должна выдвигать на первый планъ именно эту задачу; тѣмъ болѣе можно предъявить это требованіе къ программѣ СПБ. Союза, работающаго среди наиболѣе передовыхъ и культурно развитыхъ слоевъ русскаго пролетаріата.

Что касается организаціоннаго устава, то возможно, что на практикѣ онъ окажется слишкомъ сложнымъ при русскихъ полицейскихъ условіяхъ, что нѣкоторые его пункты, въ особенности строго проведенное въ немъ выборное начало, придется измѣнить въ интересахъ конспиративности. Во всякомъ случаѣ, основной характеръ устава, тѣсная связь между комитетомъ и рабочими организаціями отдѣльныхъ заводовъ и фабрикъ соотвѣтствуетъ испытанному уже типу соціальдем. организаціи въ Россіи, типу, естественно созданному всей постановкой соціальдем. дѣятельности.

Самымъ плодотворнымъ

устава мы считаемъ *изданіе газеты*. Газета вѣрнѣе всего обезпечиваетъ вліяніе социальдем. организации на широкую массу и только съ помощью газеты можно дѣйствительно съ успѣхомъ работать надъ политическимъ воспитаніемъ массы, расширять содержаніе политической агитации и ускорить моментъ сознательной политической борьбы пролетаріата. Само собою разумѣется, что для этого будущій органъ СПБ. Союза долженъ прежде всего отвѣчать политическимъ запросамъ передовыхъ слоевъ петербургскихъ рабочихъ. „Рабочая Мысль" въ своемъ теперешнемъ видѣ, какъ это обнаруживается и ея послѣдній (9-й) номеръ, этой задачи рѣшительно выполнить не можетъ.

Редакція.

Союзу Русскихъ Соціальдемократовъ, Комитетамъ и организаціямъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Во 2-мъ номерѣ „Рабочаго Знамени" (мартъ 1900 г.), органа „**Русской** Соціальдемократической Партіи", помѣщено заявленіе объ участіи Кіевскаго Комитета Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи въ изданіи газеты „Рабочее Знамя".

Кіевскій Комитетъ считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія товарищей нижеслѣдующее:

1) Комитетъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ Союзомъ Русскихъ Соціальдемократовъ заграницей, Комитетами Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи и Всеобщимъ Еврейскимъ Рабочимъ Союзомъ (автономной частью партіи). Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, дѣлу укрѣпленія и развитія **Россійской** Соц.-Дем. Рабоч. Партіи, въ созданіи которой онъ принималъ самое непосредственное участіе, и о переходѣ подъ другое знамя никогда и не помышлялъ.

2) Комитетъ признаетъ крайне неудобнымъ для правильнаго развитія рабочаго движенія въ Россіи образованіе самостоятельныхъ социальдемократич. группъ, дѣйствующихъ параллельно съ организаціями Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи, и вполнѣ раздѣляетъ тѣ пожеланія, которыя высказаны въ редакціонной замѣткѣ №№ 1-го и 2-го „Рабочаго Знамени" (1898 г. и мартъ 1900 г.).

3) Въ цѣляхъ дальнѣйшаго объединенія соціальдемокр. организацій, Комитетъ въ ноябрѣ 1899 года обѣщалъ свою поддержку **группѣ** „Рабочаго Знамени", подъ условіемъ полнаго присоединенія „Рабоч. Знам." къ **Россійской** Соц.-Дем. Рабоч. Партіи съ согласія и другихъ партійныхъ органзацій (Евр. Рабочаго Союза., Петербугскаго Комитета и др.), послѣ того какъ группа изложитъ предъ ними свои программные и тактическіе взгляды.

4) Такъ какъ до настоящаго времени эти условія выполнены не были, то Комитетъ былъ крайне удивленъ появленіемъ въ № 2 „Раб. Знам." заявленія объ участіи Кіевскаго Комитета въ изданіи этой газеты, тѣмъ болѣе, что участіе это фактически ни въ чемъ не выразилось.

5) Поэтому Комитетъ заявленіе издателей „Рабочаго Знамени" объявляетъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности и снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за статьи, появившіяся и могущія появиться на страницахъ „Р. З." (и другихъ изданій той же группы), въ редактированіи которыхъ онъ никакого участія не принималъ и не принимаетъ.

6) Комитетъ считаетъ необходимымъ, для предотвращенія всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній, возможно шире распространить настоящее заявленіе и проситъ Союзъ Русскихъ Соціальдемократовъ и Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ опубликовать его на страницахъ ихъ органовъ.

Кіевскій Комитетъ Россійской Соціальдем. Рабочей Партіи.

Кіевъ, 2 декабря 1900 г.

Отголоски русской жизни.

Съѣздъ южныхъ горнопромышленниковъ. — Два рабочихъ процесса. — Изъ царскихъ насилій надъ Финляндіей.

Въ ноябрѣ сего года состоялся 25-й съѣздъ южныхъ горнопромышленниковъ. Да, уже 25-й съѣздъ! А слыхали-ли вы когда-нибудь о съѣздѣ горнорабочихъ или какихъ-либо другихъ рабочихъ въ Россіи?.... Только капиталистамъ царское правительство позволяетъ собираться на съѣзды. Капиталисты вѣдь ничего „неблагонамѣреннаго" дѣлать не могутъ. Все, что они говорятъ и рѣшаютъ на съѣздахъ, имѣетъ цѣлью увеличеніе собственныхъ барышей, усиленіе эксплуатаціи рабочихъ, преграждение всякихъ попытокъ борьбы рабочихъ, а все это въ царской Россіи — дѣло самое „благонамѣренное" и самое угодное правительству, которое и само очень усердно занимается тѣмъ же дѣломъ.

Прочитанный на съѣздѣ докладъ о „жилищахъ рабочихъ" на южныхъ горныхъ промыслахъ, коротенькія извѣстія о которомъ попали и въ нашу легальную печать, даютъ нѣкоторое представленіе о степени эксплуатаціи рабочихъ на этихъ промыслахъ.

Рабочіе, какъ сообщаетъ докладъ, живутъ при самыхъ заводахъ въ „спеціально" устроенныхъ для нихъ хозяевами помѣщеніяхъ. Для семейныхъ устроены землянки и такъ называемыя „каютки", т. е. надземныя зданія изъ тонкихъ досокъ, *безъ потолковъ и безъ половъ*. Отличіе ихъ отъ жилищъ холостыхъ заключается въ ихъ обособленности, что сдѣлано г.г. горнопромышленниками, очевидно, изъ уваженія къ „семейному началу". Холостые же живутъ всѣ вмѣстѣ въ „казармахъ" — сараяхъ, тоже безъ потолковъ и половъ. Спальня, столовая, кухня — все соединено въ этихъ казармахъ воедино. Кроватей нѣтъ, а вмѣсто нихъ — несъемныя нары, даже безъ раздѣленій между мѣстами. Объ умывальникахъ и другихъ „удобствахъ" и говорить, конечно, нечего. Въ этихъ казармахъ отсутствуютъ даже.... отхожія мѣста (въ одномъ рудникѣ для цѣлой колоніи съ тысячей рабочихъ не было такового).

Въ такихъ „залахъ"*) живутъ, т. е. *гніютъ*,—потому что въ такихъ зданіяхъ можно только гнить,—у горнопромышленниковъ „ихъ" рабочіе. Скотина въ бѣдномъ крестьянскомъ хозяйствѣ содержится лучше. Бѣднякъ крестьянинъ, хоть изъ соломы, но все же покроетъ навѣсомъ стойло своей исхудалой, грошевой лошаденки, ибо, какъ бы дешева она ни была, она дорога ему. А для нашихъ богачей-горнопромышленниковъ цѣна рабочему—грошъ. Изморятъ они его на непосильномъ трудѣ, умретъ онъ, сгніетъ отъ такихъ вотъ жилищъ — что за бѣда! Наймутъ они другого рабочаго, а за убійство этого никто ихъ къ суду не привлечетъ. Вѣдь это убійство для „образованія капитала", слѣдовательно, для „національнаго благосостоянія", а за *такія* убійства у насъ идутъ въ „совѣтники" и получаютъ ордена...

И нашимъ горнопромышленникамъ до того милы такие порядки, что они рѣшили защищать ихъ дажс вооруженной силой отъ всякихъ посягательствъ и намѣреній рабочихъ измѣнить ихъ.

Выслушавъ докладъ о „безчинствахъ бунтующихъ шахтеровъ" и о тѣхъ „ужасахъ, которые приходится отъ нихъ испытывать заводской и рудничной администраціи", г.г. горнопромышленники приняли рѣшеніе нанять на свои средства *вооруженную охрану* изъ льготныхъ казаковъ, согласившись тратить на это ежегодно 130—140 тысячъ руб. Расходъ немалый — но что же подѣлаешь съ „бунтовщиками"? Къ тому же горнопромышленники надѣются, что казаки окупятъ этотъ расходъ, ибо, тратясь на нихъ, не придется тратиться на рабочихъ.

Помогутъ-ли однако г.г. горнопромышленникамъ нанятые ими казаки? Покровительствующій имъ царь имѣетъ много, очень много войска, въ томъ числѣ и немало казаковъ, онъ не жалѣетъ посылать ихъ на помощь промышленникамъ и былъ бы очень радъ навсегда усмирить эту бунтующую чернь; однако не проходитъ и дня, чтобы его вѣрнымъ слугамъ,—Витте, Сипягину и др. — не доносили о новыхъ и новыхъ „бунтахъ" рабочихъ. И ни жандармерія, ни полиція, ни войско, ни казаки, ни сами Витте и Сипягины со своимъ „возлюбленнымъ монархомъ" ничего не могутъ сдѣлать противъ этого. Рабочіе сильнѣе всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Наступитъ день... и всѣ они познаютъ эту силу,—это будетъ въ тотъ день, когда всѣ рабочіе Россіи, объединенные въ одинъ могучій союзъ, сломятъ силу царскаго правительства. По-

*) На всемірной чикагской выставкѣ были выставлены описанія жилищъ русскихъ рабочихъ, въ которыхъ сообщалось о „просторныхъ залахъ", имѣющихся въ рабочихъ помѣщеніяхъ.

ка же, для повседневной борьбы за свои частичные интересы, рабочіе имѣютъ вѣрное средство,—организованныя стачки, — и даже въ этой разрозненной борьбѣ никакая защита казаковъ не поможетъ г.г. промышленникамъ.

Для характеристики горнопромышленниковъ и ихъ заботъ о рабочихъ приведемъ еще слѣдующій интересный фактъ. Съѣздъ засѣдалъ въ Харьковѣ, и предсѣдатель мѣстныхъ курсовъ для рабочихъ, существующихъ при тамошнемъ отдѣленіи императорскаго русскаго техническаго общества, пользуясь этимъ случаемъ, обратился къ нему съ просьбою оказать какое-либо пособіе этимъ курсамъ, „въ виду того, что средства курсовъ ничтожны, алчущихъ же знаній рабочихъ множество и курсы переполнены". Съѣздъ оставилъ просьбу безъ послѣдствій, не передавъ даже этого вопроса въ комиссію для обсужденія. Замѣтимъ, что дѣло шло не о какой-нибудь большой суммѣ, вродѣ назначенной съѣздомъ для найма казаковъ. Было бы съ благодарностью принято самое ничтожное пожертвованіе и, какъ справедливо замѣтила одна газета, „съѣздъ, хотя бы ради приличія", долженъ былъ что-нибудь вотировать. Но наши толстосумы находятъ еще возможнымъ не стѣсняться, „играть въ открытую", а оказаніе помощи даже такому невинному обществу, какъ упомянутое, разъ оно занимается образованіемъ рабочихъ, не согласно съ ихъ понятіями объ обязанностяхъ промышленниковъ.

Въ началѣ ноября въ г. Минскѣ разбиралось дѣло по обвиненію 4-хъ рабочихъ-евреевъ въ „сопротивленіи властямъ" при арестахъ во время первомайской демонстраціи въ упомянутомъ городѣ. Двое изъ этихъ рабочихъ, М. Екельчикъ и И. Аксельродъ, оказались почему-то единственными жертвами изъ всей толпы демонстрантовъ. Какъ это всегда бываетъ при демонстраціяхъ, полиція арестовала ихъ, такъ сказать, слѣпо, не имѣя никакихъ доказательствъ для установленія ихъ принадлежности къ манифестантамъ, хотя она пыталась выставить ихъ на судѣ, какъ главныхъ зачинщиковъ. Сопротивленіе городовымъ при арестѣ, въ чемъ, по показаніямъ обвинительнаго акта, имъ оказывали особенное содѣйствіе арестованные позже рабочіе, М. Гранъ и Ю. Вольперъ, привело всѣхъ 4-хъ на скамью подсудимыхъ. Но полиція не могла также привести никакихъ уликъ противъ нихъ и въ этомъ отношеніи и потому судебная палата, слушавшая это дѣло, несмотря на требованія прокуроромъ наказанія тюрьмой и ссылкой съ лишеніемъ правъ, приговорила одного только Грана къ шестинедѣльному аресту при полиціи, а остальныхъ 3-хъ рабочихъ оправдала.

Мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ о томъ, какъ велось по этому дѣлу судебное слѣдствіе и сколько времени провели подсудимые въ предварительномъ заключеніи.

Полнымъ оправдательнымъ приговоромъ закончилось дѣло по обвиненію 9-и рабочихъ за участіе въ стачкѣ на заводѣ никополь-маріупольскаго общества въ г. Маріуполѣ въ іюлѣ 1899 г. Дѣло это находится въ связи съ общими забастовками и волненіями рабочихъ въ то лѣто и является, очевидно, лишь вступленіемъ къ цѣлому ряду процессовъ. Интересно, что обвинительный актъ по этому дѣлу молчаливо признаетъ законными возмутительно-ужасныя насилія надъ рабочими во время этихъ забастовокъ (см. о нихъ въ брошюрѣ „Раб. Движеніе въ Екатеринославѣ"). Не говоря ничего о вмѣшательствѣ жандармеріи, о залпахъ, объ убитыхъ рабочихъ и т. д., обвинител. актъ передаетъ лишь, что исправникъ, запасшись предварительно военной силой, приказалъ солдатамъ «оцѣпить собранныхъ по распоряженію же полиціи рабочихъ», собранныхъ для разсчета, въ виду ихъ отказа отъ работы, и державшихся совершенно мирно, «а затѣмъ этихъ рабочихъ (80 челов.) арестовалъ и отправилъ въ тюрьму».

Но сколько беззаконія и насилія даже въ этой урѣзанной, неполной передачѣ событій тѣхъ дней. Нечего говорить, что даже оправдательный приговоръ, вынесенный по этому дѣлу, является беззаконіемъ, ибо на скамьѣ подсудимыхъ должны были сидѣть не рабочіе, а всѣ мѣстныя власти, совершившія надъ рабочими эти насилія.

Мы надѣемся еще вернуться ко всему этому болѣе подробно, когда начнутся другіе связанные съ этимъ дѣломъ процессы.

Царское правительство не унимается. . . . Съ все возрастающимъ нахальствомъ оно продолжаетъ вводить въ маленькой, привыкшей къ свободѣ, Финляндіи свои варварскіе порядки. Читатели „Раб. Дѣла" знаютъ уже о сотняхъ предостереженій, воспрещеній и пріостановленій, градомъ сыплющихся на финляндскую прессу со времени начала звѣрскаго похода русскаго царя на Финляндію. „Лакей долженъ молчать", и царское правительство, соблаговоливъ поставить финляндцевъ въ одинаковое со всѣми „вѣрноподданными" лакейское положеніе, хочетъ во что бы то ни стало пріучить ихъ къ лакейскому молчанію.

По царскимъ законамъ, когда по „царской волѣ" грабятъ и душатъ цѣлый народъ, то можно только барахтаться въ предсмертныхъ судорогахъ, но защищаться, кричать о помощи, даже никнуть—нельзя.

Въ теченіе августа сего года за „вредное направленіе" были приняты по отношенію къ финляндской печати слѣдующія мѣры:

Газета „Hango" пріостановлена на 2 мѣсяца.

Объявлено 4-ое предостереженіе газетѣ „Uusi Suo metar" за помѣщеніе статьи „Губернаторская должность и финскій языкъ" и замѣтки „По случаю оспы".

За перепечатаніе упомянутой замѣтки пріостановлено на два мѣсяца изданіе газеты „Wiipurin Sanomat" со всѣми къ ней приложеніями.

За помѣщеніе статьи „Школы" газета „Kotku Nyheter" пріостановлена на два мѣсяца.

За статью „Въ дни испытаній" газета „Bergabladet" пріостановлена на 2 мѣсяца.

Причемъ „на цензоровъ, разрѣшившихъ напечатать перечисленныя замѣтки, наложены соотвѣтствующія наказанія".

Въ сентябрѣ:

1) Газета „Aftenposten" прекращена навсегда со всѣми къ ней приложеніями,

2) Газета „Wiborgsbladet" пріостановлена на 1 мѣсяцъ.

3) Изданіе „Koitar" пріостановлено на 2 мѣсяца.

Дальше, въ началѣ октября, совершенно запрещена газета „Wasa Kyheter", подвергшаяся до этого многочисленнымъ взысканіямъ, и пріостановлена на 3 мѣсяца газета „Päibälesti", издающаяся въ Тавастгусѣ.

Въ половинѣ декабря получили предостереженіе 5 другихъ газетъ.

Еще осталось 5 лѣтъ до времени обязательнаго введенія въ Финляндіи русскаго языка, а мѣстный генералъ-губернаторъ, какъ было сообщено на дняхъ въ газетахъ, „озабочиваясь благовременнымъ принятіемъ мѣръ къ точному осуществленію настоящей монаршей воли" уже издалъ циркуляръ, въ которомъ „предлагаетъ" (читай: „приказываетъ") финляндскому сенату:

1) Не принимать больше на службу въ главныхъ губернскихъ правленіяхъ и экспедиціяхъ хозяйственнаго департамента чиновниковъ, не знающихъ русскаго языка, иначе говоря, назначать туда только „вѣрныхъ царевыхъ слугъ" — царскихъ шпіоновъ и опричниковъ.

2) „Усилить надзоръ за точнымъ исполненіемъ высочайшихъ предначертаній"—ускорить введеніе русскаго языка въ перепискѣ и дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ учрежденій,—„такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ въ настоящее время узаконенія эти примѣняются не съ требуемою точностью".

3) „Усилить надзоръ за преподаваніемъ въ школахъ русскаго языка".

„Нагаечка" такъ и чувствуется въ каждомъ словѣ этихъ невинныхъ якобы „предложеній". Спѣшитъ, спѣшитъ наше правительство со своими беззаконіями, точно боясь какихъ-то событій, которыя могутъ остановить такъ долго затянувшійся процессъ царскихъ безобразій и насилій.

Очерки столичнаго настроенія.

Письмо изъ Петербурга.

Передъ началомъ каждаго петербургскаго „сезона" всякій гадаетъ о томъ, будетъ-ли сезонъ этотъ скучнымъ или веселымъ, дѣятельнымъ или вялымъ. Нынѣшней осенью слышались очень мрачныя предсказанія; петербургская интеллигенція только тогда и чувствуетъ себя хорошо, когда есть поводъ къ „безмысленнымъ мечтаніямъ", а теперь такихъ поводовъ дѣйствительно не имѣлось. Въ верхнихъ чиновничьихъ слояхъ не пахло никакими либеральными ароматами; каж-

дый изъ министровъ, похитивъ у богопомазанника часть его самодержавныхъ правъ, старался употребить ее на расширеніе своего значенія, и единственною преградой въ этомъ отношеніи было такое же стремленіе другихъ министровъ. За послѣдніе годы то и дѣло приходилось наблюдать, какъ „отдѣленія“ превращались въ „департаменты“, департаменты въ „главныя управленія“; нерѣдко чуть не цѣлыя вѣдомства учреждались съ единственною цѣлью создать положеніе тому или другому лицу. Батыево нашествіе на Китай, въ которомъ русскій царь-„миротворецъ“ принимаетъ столь доблестное участіе, потребовало массы денегъ, и несмотря на то, что министръ финансовъ громогласно заявляетъ, что денегъ въ казначействѣ хоть отбавляй—по всѣмъ вѣдомствамъ разсылаются циркуляры о томъ, чтобы никакихъ расширеній въ этомъ году не затѣвать и даже не приводить въ исполненіе задуманныхъ раньше расширеній. Такимъ образомъ въ чиновничьемъ мірѣ оживленія нѣтъ, никакихъ назидательныхъ проэктовъ не возникаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находится и пищи для безсмысленныхъ мечтаній либераловъ, основательно не чающихъ никакого движенія воды въ своей собственной средѣ.

Немудрено, что на такомъ сѣромъ и скучномъ фонѣ выступаютъ яркими пятнами нѣкоторые эпизоды, сосредоточившіе на себѣ, за отсутствіемъ другого матеріала, общественное вниманіе. Эпизоды эти любопытны главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, они опредѣляютъ до извѣстной степени линію борьбы между либеральной оппозиціей и правительствомъ; а съ другой—прекрасно характеризуютъ качества этой самой оппозиціи.

Одинъ извѣстный адвокатъ (Д. В. Стасовъ) пригласилъ къ себѣ человѣкъ сто гостей (среди которыхъ почти не было учащейся молодежи) и М. И. Туганъ-Барановскій сдѣлалъ имъ сообщеніе по поводу вышедшей недавно въ русскомъ переводѣ книги Бернштейна. О томъ, что будутъ гости, хозяинъ заранѣе предупредилъ дворника и былъ увѣренъ, что никакихъ осложненій съ полиціей по поводу вечера не выйдетъ. Тѣмъ не менѣе полиція явилась и всѣ гости были переписаны. На другой день весь городъ возмущался произволомъ полиціи. На третій день распространилось извѣстіе, что среди переписанныхъ оказалась одна княгиня, которая черезъ одного графа подняла исторію, что градоначальника кто-то распушилъ и что полиція извинилась передъ хозяиномъ квартиры за причиненное безпокойство. Дальше уже говорили въ городѣ не о произволѣ полиціи, а о томъ, какъ ей здорово досталось. Благодаримъ тебя, господи, что ты сотворилъ князей и графинь!..

„Союзъ писателей“ захотѣлъ устроить съѣздъ дѣятелей печатнаго слова. Извѣстно, что писатель уже потому врагъ правительства, что онъ пишетъ, а другіе его читаютъ, и коли такіе люди съѣдутся, то навѣрно начнутъ говорить о томъ, что правительство мѣшаетъ имъ свободно писать то, что они думаютъ. На прошеніе „Союза“ устроить съѣздъ министръ внутр. дѣлъ отвѣтилъ отказомъ безъ всякихъ мотивовъ. Попросили еще разъ—министръ отказалъ на томъ основаніи, что уже одинъ разъ было отказано. Тогда рѣшили подать на министра жалобу въ сенатъ. По этому поводу тоже довольно много говорили въ обществѣ, но никто не надѣется, что сенатъ министра „распушитъ“, а напротивъ, слышались даже такіе голоса, что напрасно молъ раздражаете министра, отъ котораго зависитъ существованіе „Союза“.

Тѣмъ временемъ Союзъ рѣшилъ устроить рядъ обыкновенныхъ засѣданій, посвященныхъ обсужденію нуждъ провинціальной и столичной печати. Такъ какъ на засѣданія съѣхалось нѣсколько провинціальныхъ членовъ Союза, то собранія эти называли другъ другу на ухо „съѣздомъ“ и думали, что перехитрили всѣхъ министровъ. Въ числѣ докладовъ, которые собирались прочесть, было шесть, касавшихся цензуры и безправнаго положенія печати. Передъ самымъ „съѣздомъ“ отъ министра приходитъ приказъ: шесть страшныхъ докладовъ не читать, а если прочтете, то Союзъ будетъ закрытъ. Не знаю, возмущались ли по этому поводу члены Союза произволомъ и безправіемъ или, не возмущаясь, просто почесали затылки; но доклады прочитаны не были.

А вотъ еще фактъ, характеризующій гражданское мужество редакторовъ петербургскихъ газетъ. 15 ноября происходило чествованіе Н. К. Михайловскаго

по поводу 30-тилѣтія его литературной и общественной дѣятельности. Министръ Сипягинъ, который залѣчиваетъ въ Крыму послѣдствія бурно проведенной молодости, прислалъ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати телеграмму съ просьбой предупредить агитацію по поводу юбилея Михайловскаго. Шаховской призвалъ редакторовъ газетъ и сообщилъ имъ о желаніи Сипягина. Опасаясь, что каждое слово о Михайловскомъ будетъ сочтено за агитацію, редакторы ни наканунѣ юбилея, ни въ самый день его ни словомъ не промолвились даже о томъ, что Михайловскій существуетъ на бѣломъ свѣтѣ; только на третій день появились выдержки изъ московскихъ и провинціальныхъ газетъ, въ которыхъ Михайловскому посвящены были цѣлы столбцы. Такимъ образомъ, редакторы оказались лучшими цензорами сами надъ собой и не только исполнили желанія правительства, но и значительно превысили ихъ своими дѣйствіями.

Я ограничиваюсь въ этомъ письмѣ приведенными фактами съ цѣлью показать лишь, насколько слаба наша либеральная оппозиція въ борьбѣ съ самодержавнымъ чиновничествомъ. И слабость эта не кажущаяся, она — не результатъ силы бюрократіи. Эта слабость вытекаетъ изъ того факта, что для борьбы съ произволомъ либералы обращаются лишь къ тѣмъ средствамъ, которыя даетъ имъ въ руки этотъ самый произволъ. Они защищаютъ неприкосновенность домашняго очага и права личности графскими „распушеніями“ градоначальника, свободу собраній они завоевываютъ наивнымъ обходомъ произвольнаго распоряженія министра; свободу слова и совѣсти они надѣются достигнуть, шепча другъ другу на ухо „страшныя“ слова; наконецъ, къ свободѣ печати они стремятся, наполняя газетные столбцы извѣстіями о возносимыхъ моленіяхъ за здравіе чуть было не послѣдовавшаго въ Ливадіи по стопамъ родителя Николая II.

Кстати, небезынтересно сравнить, какъ относится общество къ болѣзни Николая (о серьезности которой ходили весьма упорные слухи) съ тѣмъ отношеніемъ, какое наблюдалось шесть лѣтъ назадъ къ болѣзни его благополучно почившаго родителя. Ожиданіе тогда было страшно напряженное, извѣстія изъ Ливадіи съ жадностью прочитывались, всякій старался, какъ только выходилъ изъ дому, добыть послѣднія вѣсти. „Безсмысленныя мечтанія“ зарождались въ головахъ, но еще шептались другъ другу на ухо, а не говорились во всеуслышаніе. Все сосредоточилось на личности царя: обрадуетъ или обманетъ? Теперь совсѣмъ другое. Если въ публикѣ и говорятъ о болѣзни царя, то интересуются при этомъ не столько тѣмъ, выживетъ онъ или нѣтъ, сколько тѣмъ—какая болѣзнь скрыта въ бюллетеняхъ подъ именемъ тифа. Говорятъ, что ему пилили голову и голова оказалась „свѣжа“, что у него въ мозгу туберкулезъ, что туберкулезъ въ почкахъ,—но о томъ, какихъ можно ждать перемѣнъ съ воцареніемъ Михаила—никто не говоритъ. Всѣ великолѣпно понимаютъ, что русскій царь „невліятельный человѣкъ“ въ государствѣ, какъ говорилъ покойный министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ о себѣ по отношенію къ своему вѣдомству. Вѣрноподданные Николая II забыли о своемъ царѣ и даже на офиціальныхъ торжествахъ нерѣдко забываютъ теперь выпить за его здоровье или пропѣть гимнъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ тѣ безчисленныя молебствія, которыя возносятся царю небесному за здравіе бога земного, по предписанію министровъ и митрополитовъ. Идутъ на эти молебствія чиновники, чтобы угодить начальству, и расходятся равнодушные по своимъ департаментамъ, чтобы завтра, быть можетъ, такъ же равнодушно помолиться за упокой души.

Альтъ.

Студенческія сходки въ Петербургѣ.

18-го и 20-го октября состоялись при петербургскомъ университетѣ студенческія сходки. Поводомъ ихъ послужилъ возмутительный фактъ педагогическо-жандармскаго произвола.

Слушательница Высшихъ Женскихъ Курсовъ Гусева была исключена директоромъ за „непочтительное отношеніе“ къ администраціи курсовъ. Когда же за нее заступились слушательницы, то директоръ донесъ обо всемъ **охранному отдѣленію**, выставивъ Гусеву въ роли агитатора, вызывающаго волненія на курсахъ, — и Гусева была въ 24 часа выслана административнымъ *по-*

рядкомъ на родину!...

На первой сходкѣ была выбрана Организаціонная Комиссія для обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла. Очевидно, студентамъ не вѣрилось, чтобы директоръ В. Ж. К. унизился до роли доносчика, подобно любому предпринимателю, при малѣйшемъ волненіи среди рабочихъ обращающемуся къ своей вѣрной заступницѣ—полиціи. Но пришлось повѣрить: комиссія безспорно установила фак тъ доноса и высылки. Тогда, на второй сходкѣ, 20 окт., всѣ присутствовавшіе, около 900 чел. (за исключеніемъ 2-3-хъ), открытымъ голосованіемъ высказались за необходимость протеста. Мотивировка протеста, усматривающая въ данномъ фактѣ „*частичное проявленіе господствующаго режима*“, была принята въ особомъ голосованіи, причемъ противъ нея высказалось ничтожное количество голосовъ. Затѣмъ были предложены двѣ формы протеста: 1) широкая и мотивированная огласка факта, 2) такая же огласка, подкрѣпленная серьезной демонстраціей. Первое, менѣе рѣшительное, предложеніе получило перевѣсъ надъ вторымъ, хотя только ничтожнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ исполненіе постановленій сходки Организаціонная Комиссія при СПБ. университетѣ издала за своей подписью и штемпелемъ (О. К. П. У.) 1-й № своего бюллетеня.

Приведенныя свѣдѣнія заимствованы нами изъ этого бюллетеня.

Далѣе бюллетень сообщаетъ, что сходка одобрила „общіе способы дальнѣйшихъ дѣйствій, выработанные Орг. Ком.“, не опредѣляя характера этихъ дѣйствій. До сихъ поръ никакихъ извѣстій о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не получено.

Мы радуемся новому признаку гражданской жизни и борьбы въ средѣ студенчества, но не можемъ скрыть, что студенты слишкомъ ужъ осторожно протестовали противъ возмутительнаго факта. Конечно, либеральные „отцы“ вообще и въ частности Редакторы либеральныхъ газетъ, по мановенію Шаховского сами себѣ затыкающіе ротъ (см. выше „Очерки столичнаго настроенія“), могутъ поучиться гражданскому мужеству у „дѣтей“; но и на самомъ протестѣ „дѣтей“ отражается вліяніе „отцовской“ атмосферы. Къ чему этотъ полу-эзоповскій оборотъ: „частичное проявленіе господств. режима“? Почему бы не сказать прямо, что виною всему царское самодержавіе, подчинившее учебныя заведенія, какъ и всякую другую не-казенную дѣятельность „поданныхъ“, всемогущей шпіонской охранѣ и наполнившее ряды учебнаго начальства агентами жандармскаго сыска, шпіонами и доносчиками?... Затѣмъ слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что нашлось хотя бы и ничтожное большинство голосовъ, высказавшееся противъ демонстраціи. Русскіе рабочіе не разъ уже дѣломъ протестовали противъ ареста стачечниковъ, требуя и добиваясь освобожденія арестованныхъ.

Высылка Гусевой есть плодъ того же грубаго произвола, который примѣняется къ стачечникамъ. И студентамъ слѣдовало придать своему протесту противъ такого возмутительнаго факта именно характеръ демонстраціи, открыто направленной противъ общей системы самодержавнаго произвола.

Студенческія волненія въ Кіевскомъ Университетѣ.

(Письмо изъ Кіева).

Все текущее осеннее полугодіе университетскихъ занятій ознаменовано цѣлымъ рядомъ студенческихъ сходокъ, принимавшихъ подчасъ небывало шумный, демонстративный характеръ. Начались безпорядки на чисто академической почвѣ помимо какого-либо воздѣйствія со стороны или руководительства Союзнаго Совѣта, принимающаго обыкновенно ближе къ сердцу движенія, могущія получить болѣе общую, политическую окраску. „Исторія“ эта, начавшаяся съ отказа слушать лекціи одного проф. (Эйхельмана), выдающагося своимъ невѣжествомъ, даже изъ числа прочихъ профессоровъ, ничѣмъ не отличалась бы отъ массы „исторій“ такого-же типа, повторяющихся изъ года въ годъ, если бы не крайне любопытный конфликтъ между университетскимъ начальствомъ и администраціей, вызванный вмѣшательствомъ ген.-губернатора Драгомірова, запретившаго пр. Эйхельману чтеніе лекцій. Конфликтъ этотъ, который при болѣе высокомъ чѣмъ у насъ уровнѣ гражданственности могъ бы легко перейти въ острую борьбу между сторонниками законности и произвола, на дѣлѣ превратился лишь въ препирательство между двумя бюрократическими вѣдомствами, и лишь органъ студенчества, Союзный Совѣтъ, придалъ этому столкновенію, приковавшему къ себѣ вниманіе всего

города,—идейную окраску, давъ ему надлежащее освѣщеніе въ своихъ всюду распространенныхъ въ громадномъ количествѣ и разосланныхъ листкахъ. Вмѣшательство Драгомірова въ университетскія дѣла Союзный Совѣтъ представилъ какъ проявленіе мести со стороны этого сатрапа-самодура—профессору Эйхельману, ставшему въ качествѣ одного изъ дѣятелей городского самоуправленія въ оппозицію къ администраціи по вопросу „о фонаряхъ“ (см. Листокъ „Р. Д.“, № 1). Рѣзко осудивъ образъ дѣйствій Драгомірова, несмотря на его кажущуюся для студентовъ полезность, С. Сов. восклицаетъ: „....Вотъ почему мы возмущаемся вмѣшательствомъ администраціи. Мы хотимъ законности, справедливости и истинной свободы науки, а не зависимости отъ капризовъ и прихотей всякаго самодура. Мы не желаемъ бороться рука объ руку съ тѣми, кто вчера высылалъ на насъ казаковъ и солдатъ, съ тѣми, кто, быть можетъ, вышлетъ ихъ завтра“. Въ заключеніе, говоря о демонстративномъ выходѣ въ отставку двухъ далеко не „уважаемыхъ“ профессоровъ, С. Совѣтъ напоминаетъ всѣмъ профессорамъ, что „не такъ давно они сами воспѣвали прелесть нагайки и силы, которая-де „солому ломитъ“, и совѣтуетъ въ будущемъ, когда снова загорится борьба студентовъ противъ притѣсненій, — вспомнить, какъ „въ инцидентѣ съ Эйхельманомъ они безсильно кусали губы —и оттолкнуть пріятельски протянутую имъ руку помощи, вооруженную нагайкой и положеніемъ объ усиленной охранѣ“. Считать Эйхельмановскую эпопею уже законченной нельзя до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстенъ исходъ жалобъ, поданныхъ профессорами въ Петербургъ на самовольныя и противозаконныя распоряженія администраціи.

Какъ бы то ни было, для студентовъ временно инцидентъ оказался исчерпаннымъ и продолжавшееся броженіе вылилось въ другую форму. На происходившихъ 13 и 15 ноября общестуденческихъ сходкахъ оказался до нѣкоторой степени, все растущій въ нашемъ студенчествѣ, узко-корпоративный духъ, уступившій, впрочемъ, мѣсто болѣе широкимъ радикально-политическимъ стремленіямъ. Корпоративный духъ сказался какъ въ выборѣ темы для сходки, такъ и въ отдѣльныхъ рѣчахъ. Говорили объ уличныхъ безобразникахъ, пачкающихъ студенческій мундиръ и о мѣстной прессѣ, которая изъ желанія угодить издателямъ-капиталистамъ и подорвать престижъ студенчества въ глазахъ общества распространяетъ на все студенчество грязные поступки отдѣльныхъ лицъ. Обсудивъ всесторонне эти вопросы, сходка постановила уполномочить С. С. опубликовать и оформить рѣшенія, къ которымъ она пришла. Рѣшенія же эти сводятся къ слѣдующему. Студенты какъ „отдѣльные посѣтители“ университета не имѣютъ возможности бороться со зломъ, о которомъ идетъ рѣчь, а потому не отвѣтственны за поведеніе своихъ товарищей. Бороться же съ нимъ можно было бы только путемъ товарищескаго воздѣйствія, оживленія „студенческаго духа“ и пр. А для этого не имѣется подходящихъ условій, такъ какъ всѣ мѣры правительства направлены къ тому, чтобы уничтожить возможность всякаго единенія среди студенчества, а слѣдовательно, и нравственнаго воздѣйствія другъ на друга. *Въ борьбѣ съ нашимъ азіатскимъ правительствомъ за болѣе свободныя формы жизни (студенческой въ частности) и должны заключаться ближайшія задачи студенчества;* для успѣшности этой борьбы необходимо устройство боевыхъ студенческихъ *организацій*. Развивая болѣе подробно мысль объ этихъ организаціяхъ, нѣкоторые подчеркивали *необходимость ихъ устройства на соціальдемократическихъ началахъ*, такъ какъ студенчество само по себѣ безсильно и можетъ завоевать себѣ и другимъ лучшее будущее, лишь ставъ въ ряды могучаго движенія народныхъ массъ. Такія рѣчи, впервые произносившіяся у насъ на общестуденческихъ сходкахъ, имѣли *наибольшій успѣхъ* и были встрѣчены шумными аплодисментами. Подъ конецъ кто-то изъ присутствовавшихъ предложилъ въ виду запрещенія, наложеннаго власть имущими на юбилейное чествованіе въ Кіевѣ Михайловскаго — почтить юбиляра крикомъ „ура“, что тотчасъ съ необычайнымъ одушевленіемъ и было выполнено. Сходка разошлась при дружномъ пѣніи студенческой пѣсни: „Смѣло, впередъ, не теряйте бодрость въ неравномъ бою“... и рабочей марсельезы со словами Лаврова:

„Отречемся отъ стараго міра,

Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ
ногъ!
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ!"

Нельзя въ заключеніе не отмѣтить крайней неорганизованности всего движенія. Исключенныхъ покамѣстъ нѣтъ.

—ъ.

Кіевъ, 22 ноября.

Объ инцидентѣ съ Эйхельманомъ намъ еще пишутъ:

Сенсацію въ Кіевѣ, особенно въ профессорскихъ кругахъ, произвело вмѣшательство Драгомірова въ инцидентъ съ Эйхельманомъ: призвавъ къ себѣ ректора, Драгом. въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ потребовалъ, чтобы „дуракъ—Эйхельманъ", во избѣжаніе болѣе близкаго знакомства съ положеніемъ объ усиленной охранѣ, прекратилъ чтеніе лекцій, являющихся причиной студенческихъ безпорядковъ. Вмѣшательство это вызвано, конечно, не столько сочувствіемъ къ студентамъ, сколько старыми счетами между Эйхельманомъ и ген.-губернаторомъ на почвѣ существовавшаго всегда антагонизма, хотя и слабаго, между городскимъ самоуправленіемъ и администраціей вообще.

Этимъ вторженіемъ произвола администраціи въ университетскія дѣла вся профессура сильно взволнована, но ожидать отъ этихъ трусливыхъ чиновниковъ энергичнаго отстаиванія своихъ правъ, понятно, нечего. Положеніе дѣлъ осложняется еще тѣмъ, что за смертью нашего городского головы — Сольскаго, при избраніи его замѣстителя дума легко можетъ остановить свой выборъ на Эйхельманѣ, бывшаго всегда первымъ кандидатомъ на эту должность.

Изъ Ростова на Дону.

Недавно мы получили изъ Россіи новую подробную корреспонденцію: „*Положеніе ростовскихъ на Дону рабочихъ*"; но послѣ напечатанной уже нами статьи въ № 8 „Раб. Д.": „Положеніе рабочихъ въ Ростовѣ и Нахичевани" и помѣщенныхъ въ № 3 Листка „Рабочаго Д." свѣдѣній изъ Ростова на Дону было бы излишне печатать эту корреспонденцію цѣликомъ, такъ какъ она даетъ мало новаго нашимъ читателямъ. Приводимъ изъ нея только очеркъ прошлаго Ростова и заключительныя строки.

Въ исторіи революціоннаго движенія прошлое г. Ростова на Д. не блестяще. И объ этомъ прошломъ мы можемъ судить почти только по карамъ царскаго правительства за политическія преступленія.

Вотъ почти все, сюда относящееся:

1797 г. есть начало оффиціальнаго существованія Ростова, и черезъ 3 уже года на улицахъ города появился кровавый призракъ царскаго деспотизма. Въ 1800 г. канцеляристъ Барановъ и Щербаковъ „за сочиненіе критическихъ стиховъ и за ихъ храненіе" и священникъ Петровъ были наказаны на площади кнутомъ и послѣ наложенія клейма съ вырванными ноздрями сосланы въ Сибирь. Въ томъ же году засѣчены кнутомъ поручикъ Грузиновъ съ братомъ, полковникомъ гвардіи.

Въ 1820 г. во всей Донской Области были большіе безпорядки, которые, вѣроятно, задѣли и Ростовъ*); всѣ зачинщики безпорядковъ были сосланы въ Сибирь.

Затѣмъ до 1879 г. этотъ многообѣщающій теперь городъ не обращалъ на себя никакого особеннаго вниманія. Развѣ только грабежи и убійства время отъ времени волновали мѣстное общество, которое побаивалось коренныхъ обывателей, разныхъ бѣглыхъ, каторжанъ и прочаго сомнительнаго люда.

Но вотъ наступили 60-ые годы и промышленная горячка задѣла и этотъ медвѣжій уголокъ Приазовья: Ростовъ былъ соединенъ желѣзными дорогами съ Воронежомъ, Кавказомъ и Харьковомъ. Рѣка Донъ и три желѣзныя дороги сдѣлали свое дѣло и скоро Ростовъ на Дону превратился въ промышленный центръ Приазовья и Кавказа.

Росла промышленность, росло населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ Ростовъ пріобрѣталъ особый специфическій характеръ южнаго города. Хлѣбная торговля вскорѣ создала многочисленный слой спеціальныхъ береговыхъ рабочихъ и „босяковъ" или „босявокъ", грозную, буйную массу, которая вскорѣ дала себя знать и на которую съ упованіемъ смотрѣли даже нѣкоторые современные революціонеры. Въ 1879 г. въ Ростовѣ вспыхнули сильные безпорядки, кончившіеся полнѣйшимъ разгромомъ полиціи, бѣгствомъ властей и объявленіемъ города въ осадномъ положеніи (подробно у Плеханова: „Русскій рабочій въ революц. движеніи").

Приблизительно около этого же времени террористы начали свою дѣятельность убійствомъ шпіона въ Ростовѣ на Дону.

Съ тѣхъ поръ правительство стало обращать сугубое вниманіе на Ростовъ: въ 1881 г. онъ былъ объявленъ подъ усиленной охраной, которая съ тѣхъ поръ постоянно существуетъ.

Въ 1883 году городъ былъ потрясенъ колоссальными по размѣрамъ антиеврейскими безпорядками.

Въ 1884 году въ Ростовѣ арестованы Добрускина, Богданъ Маркевичъ, Рафаилъ Чернышевъ (въ 1885 году, вскорѣ послѣ освобожденія, умеръ) и извѣстная писательница Барыкова, родственница капиталиста-табачника Асмолова (выпущена черезъ мѣсяцъ).

Въ 1885 г. разрѣшилось дѣло Власова и его сослали въ каторгу, а 29 августа того же года арестованъ нелегальный Бартеневъ, который выдалъ позднѣе таганрогскую типографію Народной Воли.

Въ 1886 году былъ выпущенъ изъ тюрьмы Дональдо и вскорѣ умеръ.

Въ маѣ 1890 году были арестованы Богоразъ, Сабунаевъ и еще 22 челов.

Къ этому времени Ростовъ уже настолько выросъ экономически, что можно было подумать и о пропагандѣ среди рабочихъ, которая, впрочемъ, еще не носила соціальдемократическаго характера.

Въ 1894 г. въ мартѣ были арестованы Алабышевъ и еще 30 челов., и въ результатѣ получилось 200 челов. сосланныхъ (изъ нихъ Шамуровъ сошелъ съ ума). Это — памятная страница въ жизни ростовскихъ рабочихъ: въ это именно время была извѣстная стачка рабочихъ мастерскихъ Владикавказской жел. дороги въ 1894 г. (см. № 8 „Раб. Дѣла.")...

...Въ 1898 г. были арестованы Марія Зеликманъ, Франкфуртъ, Залѣсская, Бѣлоусова и одинъ солдатъ. Зеликманъ и Залѣсская приговорены къ ссылкѣ.

....Въ началѣ соціалистическая пропаганда и агитація среди ростовскихъ рабочихъ встрѣчала огромныя затрудненія: всеобщая забитость и запуганность рабочихъ были китайской стѣной. Но время взяло свое. Желѣзнодорожная стачка (1894 г.), несмотря на громадное количество жертвъ, показала рабочимъ, что они сила, и въ этомъ отношеніи сослужила имъ большую службу. Послѣ стачки рабочіе замѣтно потянулись къ свѣту, а тутъ какъ разъ появились и нужные люди. Кое-гдѣ завелись кружки, рабочіе стали почитывать, праздновали Новый Годъ и 1 Мая. Но все это носило чисто семейный характеръ, не выходило за предѣлы тѣсныхъ кружковъ до самого послѣдняго времени. Въ 1899 г. произошли аресты: были взяты наборщики Чурмизовъ, Чернявскій, Терновой и Люблинскій (вып.); въ августѣ были обыски у Фофанова (высланъ сюда по саратовскому дѣлу), Тимохина, Бѣличенко и Юзвяна. Весной были высланы: Ястребовъ на родину, студ. Снѣжко въ Вологодскую губ. и Нефедовъ въ Уфу (по Московскому дѣлу изъ Новочеркаеска) и масса лицъ находилась подъ надзоромъ.

Болѣе успѣшно пошло дѣло въ 1899 г. послѣ того, какъ было организовано празднованіе Перваго Мая. Въ слѣдующемъ 1900 г. 1 Мая были распространены прокламаціи, общія съ майскими прокламаціями, распространенными въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Москвѣ. Прокламаціи навели прямо панику на полицію. Секретарь полиціи, прежде всего узнавшій о нихъ, отъ страха не могъ даже написать донесенія жандарму Артемьеву и въ концѣ концовъ обратился за помощью къ поднадзорнымъ.

Затѣмъ въ августѣ и октябрѣ были выпущены *Донскимъ* комитетомъ новыя прокламаціи (о нихъ см. Листокъ „Р. Д." № 3). Изъ нихъ первая прокламація: „Ко всѣмъ донскимъ рабочимъ" была распространена въ Ростовѣ, Нахичевани и Таганрогѣ. Послѣ прокламацій замѣчается подъемъ духа среди рабочихъ: послѣ августовской прокламаціи рабочіе устроили небольшую сходку (челов. 60) и стали образовываться совершенно самостоятельные кружки.

Въ октябрѣ были новые аресты (см. въ хроникѣ арестовъ настоящ. Листка).

Серьезнымъ недостаткомъ Ростова въ

---

*) Ростовъ присоединенъ къ Донск. Обл. только въ позднѣйшее время.

настоящее время является отсутствіе своего рабочаго органа или, по крайней мѣрѣ, правильно выходящихъ листковъ, тѣмъ болѣе, что Ростовъ является центромъ довольно обширнымъ.

Изъ Одессы.

Послѣ прокламаціи, выпущенной по поводу еврейскихъ погромовъ (см. № 3 Листка), въ Одессѣ были выпущены еще двѣ прокламаціи.

Одна прокламація къ рабочимъ слесарно-механическаго завода Литовскаго, гдѣ работаетъ 80 человѣкъ. Въ ней были выставлены слѣдующія требованія: 1) человѣческое обращеніе со стороны администраціи. 2) Право придти на работу 10 минутами позже (опоздавшіе не допускались на работу и теряли полдня). 3) Поставить колпакъ надъ моторомъ (онъ ужасно дымилъ). 4) Выставить часы въ мастерской на видномъ мѣстѣ (незадолго до того они перенесены были въ контору). 5) Устроить огражденія при станкахъ. 6) Удалить мастера.

На другой день рабочіе бросили работу и добились удовлетворенія всѣхъ требованій, кромѣ послѣдняго. И рабочіе результатами остались очень довольны, такъ какъ послѣ забастовки обращеніе съ ними администраціи рѣзко измѣнилось къ лучшему. А главное недовольство ихъ вызывалось именно скверным обращеніемъ съ ними особенно со стороны мастера.

Вторая прокламація была выпущена къ рабочимъ кожевеннаго завода Радоканаки, гдѣ работаетъ 250 чел. Кромѣ различныхъ прижимокъ, на заводѣ въ одномъ отдѣленіи понизили разцѣнки на 25%. Прокламація призывала всѣхъ рабочихъ къ стачкѣ и формулировала ихъ общія требованія. Тотчасъ послѣ появленія прокламаціи на заводѣ администрація поспѣшила уничтожить новые разцѣнки и до стачки дѣло не дошло.

Изъ Рязани.

(Изъ частнаго письма).

„....Пишущій эти строки принадлежитъ къ интеллигенціи города Рязани, города до сихъ поръ ничемъ не заявившаго о себѣ въ хроникѣ революціоннаго движенія на Руси. Однако могучія волны соціалистическаго движенія начинаютъ мало по малу колыхать и малокультурную еще массу рязанскихъ рабочихъ. Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить хотя бы фактъ ареста въ концѣ января нын. года трехъ рабочихъ по обвиненію въ печатаніи нелегальной литературы. Хотя обвиненіе не было доказано, одинъ изъ арестованныхъ до сихъ поръ еще находится въ тюрьмѣ и, по слухамъ, будетъ выпущенъ на свободу теперь, въ концѣ сентября ст. ст., на самое короткое время, чтобы затѣмъ быть сосланнымъ на житье въ одну изъ сѣверн. губерній Европ. Россіи; двое же другихъ отданы подъ гласный надзоръ полиціи"... Далѣе авторъ указываетъ на сильную потребность въ нелегальной литературѣ и проситъ обратить на это вниманіе соціальдемокр. комитетовъ, находящихся невдалекѣ отъ Рязани.

Изъ Донского каменноугольнаго района сооощаютъ: Въ копяхъ Прохорова вспыхнула *стачка углекоповъ*, сопровождавшаяся серьезными безпорядками. Толпа рабочихъ, во главѣ которой находился ночной машинистъ, проникла въ машинное отдѣленіе копій Якоблевскаго, пустила во весь ходъ подъемную машину и затѣмъ удалилась. Полетѣвшія вслѣдствіе этого подъемныя клѣти произвели цѣлый рядъ разрушеній внутри шахты. Вся толпа послѣ этого ворвалась въ квартиру директора и въ бюро. Служащіе въ бюро принуждены были спастись бѣгствомъ.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТІИ.

Петербургъ. СПБ. Союзъ Борьбы, Комитетъ Росс. Соціальд. Раб. Партіи напечаталъ (въ Россіи) свою программу и уставъ. См. выше.

„*С.-Петербургская Рабочая Организація*", составляющая часть С.-Петербургскаго Союза, издала нѣсколько воззваній „Къ рабочимъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ" съ призывомъ, чтобы „каждый честный и смѣлый рябочій" собралъ около себя 7-8 своихъ товарищей и составилъ изъ нихъ кружокъ съ общей кассой изъ взносовъ по 2 к. съ заработаннаго рубля. Одна половина денегъ пойдетъ въ стачечный фондъ, изъ другой половины выдается помощь товарищамъ въ случаѣ какой-либо нужды, покупаются книги и газеты для

общаго пользованія и т. д. „Начинайте это дѣло, друзья, смѣло! Если васъ 7-8 челов., никто васъ открыть не можетъ. Мы же васъ найдемъ — не бойтесь. Мы встрѣтимъ васъ радостно, какъ братьевъ своихъ. Вашъ кружокъ войдетъ въ нашу организацію, и рабочая организація станетъ сильнѣе — станетъ сильнѣе рабочее дѣло и рабочимъ станетъ легче жить"...

Вышелъ 9 № „Рабочей Мысли" (сентябрь 1900 г.). Содержаніе: Воззваніе ‚Спб. Раб. Организаціи".—Чему учитъ насъ палевская стачка, призывъ къ организаціи, необходимой, „чтобы побѣждать нашихъ сильныхъ враговъ, фабрикантовъ и правительство". — Второй судъ надъ максвельцами, описаніе суда 14—16-го февр. 1900, прерваннаго по приказу министра юстиціи, какъ только обнаружилось, что даже суду сословныхъ представителей придется оправдать рабочихъ,—Корреспонденціи изъ пяти петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, о стачкахъ желѣзнодор. раб. въ Тифлисѣ, на спичечной фабрикѣ Закса въ Двинскѣ и папиросницъ на фабрикѣ Шерешевскаго въ Гродно. — Изъ-заграницы: вопросъ о Мильеранѣ, бельгійскіе выборы, некрологъ Либкнехта и Парижскій Международный Конгрессъ. — Денежный отчетъ Спб. Союза Борьбы съ дек. 99 по сентябрь 1900: приходъ 6.644 р. 76 к., расходъ 4.858 руб. 86 к. Стачечный фондъ: приходъ 1.898 р. 76 к., расходъ 750 р.

Комитетъ рабочей организаціи Спб. Союза Борьбы выпустилъ воззваніе (на ремингтонѣ) къ рабочимъ на фабрикѣ Торнтона съ слѣд. требованіями: „Чтобы разцѣнокъ не понижался безъ согласія всѣхъ рабочихъ; чтобы платили намъ за всѣ раб. дни, которые мы не работаемъ по распоряж. конторы; чтобы не брали съ улицы людей на меньшій заработокъ, чѣмъ тотъ, который получаютъ старые рабочіе; чтобы квартиры рабочихъ не были похожи на скотный дворъ; чтобы не пускалась въ ходъ гнилая, негодная пряжа и чтобы насъ считали за людей, а не за рабочій скотъ". Въ заключеніе воззваніе вспоминаетъ успѣшную стачку 1897 г., давшую рабочимъ сокращеніе раб. дня на $1^1/_2$ часа безъ уменьшенія платы: „Теперь рабочіе всего Петербурга соединились вмѣстѣ и вмѣстѣ пойдутъ впередъ. Мы вмѣстѣ будемъ стараться улучшить нашу жизнь и вмѣстѣ внимательно будемъ слѣдить за тѣмъ, чтобы хозяинъ снова не сѣлъ намъ на шею. Такъ готовьтесь же, товарищи, къ трудной и славной борьбѣ. Наступаютъ новыя времена".

Въ декабрѣ вышелъ 5 Листокъ Краснаго Креста, печатанъ въ типографіи Союза Русск. Соціальд.

Въ Россіи напечатаны 1-й и 2-й выпускъ „*Соц.-д. Рабочей Библіотеки*", изд. петерб. группы „Соціалистъ" (бывшей „Группы 20-ти"), носящіе рѣзко-политическій характеръ.

Изъ дѣятельности Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза въ Россіи и Польшѣ (автономной части Партіи).

Центр. Ком. Всеобщ. Евр. Союза распространилъ въ концѣ сентября воззванія, въ числѣ 5.400 экз., о военныхъ судахъ въ Варшавѣ.

Въ концѣ сент. Варшав. Ком. Ев. Союза распростр. воззванія къ заготовщикамъ.

Вышли 19-й № Arbeiterstimme (Голосъ Рабочаго), 3-й № Klassenkampf (Классовая Борьба), 2 №№ Flugblätter (Летучіе Листки) Минскаго Комитета и Der Kampf (Борьба), гектограф. листотъ Гомельскаго Комитета.

Вильна. Стачка сапожниковъ.

Ковно. Стачка 9-ти ювелировъ, продолжавшаяся 12 дней, кончилась 13/26 окт. побѣдой.

Въ *Витебскѣ* около 150 сапожниковъ устроили стачку и добились повышенія платы; переплетчики (40 ч.) и мебельщики (50 ч.) добились сокращенія рабочаго дня до 12 часовъ и повышенія платы. Кромѣ того была стачка 80-ти кожевниковъ.

Въ *Бѣлостокѣ* былъ цѣлый рядъ стачекъ ткачей. Во время кризиса положеніе ткачей ухудшилось, и цѣлью стачекъ было вернуть тѣ улучшенія, которыхъ они добились до кризиса. Они вполнѣ достигли своей цѣли. Теперь тамъ происходитъ стачка дамскихъ и мужскихъ портныхъ, требующихъ увеличенія поштучной и часовой платы.

Лодзь. Стачка 107 евр. ткачей, результатъ—почти общее повышеніе платы на 60—70 коп. въ недѣлю. На другой фабрикѣ устроили стачку 13 ткачей, но потерпѣли неудачу. Въ Лодзи же произошла стачка портныхъ, которые добились повышенія платы на 1 руб. въ недѣлю.

ПОЛЬША.

Изъ корреспонденцій „Przedswit“'а.

Отмѣчаемъ факты, имѣющіе отношеніе къ „памяти“ недавно умершаго Имеретинскаго. Свое управленіе краемъ Варшавскій генералъ-губернаторъ началъ съ того, что при помощи либеральныхъ мѣръ пытался пріобрѣсти расположеніе и популярность среди польскаго народа. Но, „либеральный сатрапъ“, конечно, потерпѣлъ полную неудачу и привлекъ къ себѣ сердца лишь и безъ того холопски настроенной знати. Скоро затѣмъ онъ мѣняетъ свою политику. На польскую интеллигенцію градомъ посыпались удары. Въ декабрѣ 1899 г. по доносу клерикальнаго вожака Радзивила произведены были массовые аресты среди членовъ управленія безплатныхъ читаленъ. „Хватали массами—школьниковъ, барышенъ, студентовъ, старичковъ, даже чуть не младенцевъ изъ пеленокъ“. Въ концѣ іюня произведены были новые аресты среди интеллигенціи, главн. образ. среди студентовъ, теперь уже по всей Польшѣ. Арестованныхъ свезли въ Варшаву и размѣстили въ тюрьмѣ „Павіака“ и городской ратушѣ. Ихъ понемногу освобождаютъ, но изъ провинціи приходятъ вѣсти, что тамъ берутъ новыхъ.

Въ половинѣ сентября въ Варшавѣ арестованы писатели Слоньскій и Смочинскій, чиновникъ банка Чарновскій, директоръ фабрики Лашкевичъ, машинистъ Тарновичъ, инженеры Адольфъ, Войцѣховскій, Суроскій и Доманиновскій. Кромѣ того былъ цѣлый рядъ обысковъ, между прочимъ у литератора Ст. Пеньковскаго.

Что же касается рабочихъ, то Имеретинскій никогда не оставлялъ ихъ своимъ вниманіемъ. Арестовываемые сотнями во время стачекъ, „рабочіе уже *привыкли*“ къ массовымъ арестамъ. „Аресты у насъ каждый день,—берутъ рабочихъ, берутъ и интеллигентовъ. Мы уже къ этому вполнѣ привыкли и потому они не производятъ на насъ большого впечатлѣнія,“ — пишутъ также изъ Варшавы.

Во время майской демонстраціи противъ манифестантовъ выставили два полка гвардіи, два полка казаковъ, всю жандармерію и большую часть полиціи. Самыхъ мирныхъ обывателей били нагайками и ружейными прикладами. 2000 арестованныхъ демонстрантовъ провели по городу, причемъ били прохожихъ.

Наконецъ Имеретинскій умеръ, пославъ на каторгу рабочихъ, преданныхъ имъ военному суду по дѣлу объ убійствѣ шпіоновъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Петербургъ.

Списокъ заключенныхъ въ Домѣ предварительнаго заключенія.

Гурари Вѣра съ 899/4. Гутовскій Ник., лит. 900/4. Домрачевъ Серг., раб. 900/4. Ивановъ Мих. 900/4. Іофъ, гимн. больн. св. Николая 900/4. Карчевская, акуш. 900/4. Кливчинская Марія 899/12. Клячко Люба, жена провиз. 900/4. Колотовъ Даніилъ 900/4. Конопасевичъ Ал-дръ, студ. 900/4 Лебедевъ Петръ, студ. 900/3. Литвинъ Зиновій, раб. 900/4. Мельчарскій Ромуальдъ 900/6. Митрофановъ Петръ, раб. 900/3. Рябининъ Анат., инж. 900/4. Рябининъ Ив., раб. 900/4. Рябовъ Вас., раб 900/4. Савицкая Антон. 900/4. Симонова Марія, бест. 900/4. Синева Над., бестуж. 900/4. Сладкопѣвцевъ Алексѣй 900/4. Смидовичъ Ник., лѣсн. 900/4. Смирновъ Мих., раб. 900/4. Спиридоновъ Ник., рабоч. 900/4. Стессель Самуилъ, типогр. 900/4. Сухинъ Ал-дръ, студ. 900/2. Тидгенъ Ант., раб. 900/4. Федоровичъ Флор. студ. 900/7. Хансонъ Викт., рабоч. 900/4. Шендриковъ Илья, студ. 900/4. Щеголева Елена 900/4.

Въ Петропавл. Крѣпости.

Кокъ Юліусъ, фельдш. уч. съ 899/4. Кудрявцевъ Алексѣй 900/4. Львовъ Сергѣй, студ. 900/3. Назарьевъ Мих., студ. 900/3. Романовъ Федоръ 900/4. Сверчевскій, Ал-дръ Д. Н. З. 900/4. Сладкопѣвцевъ, Мих. 900/4. Толмачевъ Петръ, раб. 900/4.

Въ Выборгской тюрьмѣ.

Козинъ Ив.

Освобождены въ іюлѣ.

Блиновъ Павелъ. раб. 900/4. Гаринъ Ал-дръ 900/4. Горчаковъ Ник., горн. 900/3. Душечкинъ Ал-дръ 899/12. Егеревъ Степ., раб. 900/4. Величко Тим., раб. 900/4. Зыковъ Серг., рабоч. 900/3. Ильенко Вас., рабоч. 900/4. Красиковъ Мих., студ. 900/4. Мытковскій Давидъ, раб. 900/4. Маракасовъ Христ., раб. 900/3.

Меренковъ Ив., раб. 900/3. Орловъ Мих., раб. 900/3. Мельницкая Ольга, работн. 900/3.

Арестованы Гарфинкель и 10 рабоч. Позже, въ ноябрѣ, были новые аресты, подробности неизвѣстны.

Въ *Петербургъ* привезенъ изъ провинціи техникъ Носковъ.

Списокъ лицъ, арестованныхъ по политическимъ дѣламъ и заключенныхъ въ Кіевскихъ тюрьмахъ къ 1-му ноября 1900.

Въ Лукьяновской тюрьмѣ: Айзикъ Сима. Аксельродъ Зельманъ-Гиршъ, сапожникъ. Аксельродъ Моисей, переплетчикъ. Байчъ Малка, ф-рица. Байчъ Гитля, ф-рица, Басовъ Нахманъ-Давидсталъ. Беснина Любовь, шляпочница. Биндеръ Фейга. Бойдеръ Софія ф-рица Буди. Зискиндъ. Булкинъ Илья, сапожн. Бунина Софія, бѣлошв. Бѣльскій Авраамъ заготовщикъ. Бѣльская Хана. Вассертрегеръ Юдко, загот. Воробьевская Фейга. Гешгарнъ Хононъ. Гиссельвуртъ Іосифъ, переплетчикъ. Горкина Фейга, модистка. Гореликъ Хана, мод-ка. Горзинъ Аронъ. Готлибъ Пейсахъ, портной. Готальфъ Мойсей, слесарь. Граудаль Іосифъ, перепл. Гулеръ Мошко, столяръ. Давидовичъ Сима, м-ка. Дубинскій Мордко, слесарь. Эзлинъ Лейба, столяръ. Загоринъ Гирша, маляръ. Зюкова Авдотья, прислуга. Каганъ Михля, мод-ка. Калинскій Давидъ, сапожн. Капланъ Ента, чулочница. Карпицкая Хая-Лея, ф-ца. Кацъ Шлема, галстучн. Киршенбаумъ Хононъ, столяръ. Клейманъ Нодель, портной. Кремечъ Мойсей, загот. Куне Пейсахъ, заг. Левинъ Бальманъ. Левинъ Мойша, заготовщ. Левина Рейза м-ка. Левіовъ Зеликъ-Гирша, столяръ. Лившинъ Мееръ, сапожникъ. Лозданъ Хоненъ, слесарь. Лозовикъ Хаимъ. Лонкинъ Израиль, портной, Лувинъ Мойсей, загот. Люневъ Лазарь, загот. Майзминъ Авраамъ, кровельщикъ. Макаревичъ Іеронимъ, перепл. Матейко Гитля. Матейко Неиса, Мень Боня, ф-рица. Мовеновичъ Ева, ф. р. Нахутинъ Ефимъ, портной. Нодельманъ Давидъ, сап. Пассикъ Мееръ, загот. Позевикъ Елизавета, ф-рица. Покусъ Шевахъ. Пустовойтовская Геня м-ка. Рабиновичъ Израиль, ювелиръ. Радомысльскій Шмуль, заг. Рахиль Мордухъ-Шлема. Риверъ Малка. Ривикъ Куне. Родинъ Абраамъ, слесарь. Родинъ Айзикъ, столяръ. Родинъ Лейба, слесарь. Рудерманъ Мойсей, слесарь. Рудерманъ Малка. Сапожникъ Мандель, заг. Сладковъ Гершъ, слес. Слободникъ Айзикъ-Мовша, столяръ. Слободина Э теръ. Стробинскій Хаимъ, пер. Санкина Р века, акушерка. Соломонъ Исаакъ, загот. Таубенъ Давидъ, слесарь. Тейтельбаумъ Гершъ, слес. Тимофѣева Прасковья ф. р. Усишкинъ Давидъ, слес. Файвустовичъ Либа. Фалковскій Гершель. Фрейдинъ Нохимъ, пер. Финкельштейнъ Янкель, портн. Хазановъ Илья, портн. Хайкинъ Илья, портн. Хайкинъ Вульфъ, стен. Хейфецъ Ицко, переплетчикъ. Цѣхановскій Залманъ, перепл. Черновскій Лейба, портной. Чернинъ Бальманъ. Чертокъ Зельманъ, портной. Чертокъ Айзикъ, портн. Шапиро Рухля-Лея, бѣл-ка. Шапиро Хая, ф. р-ца. Шейникъ Іосифъ, столяръ. Шеръ Нехама, м-ка. Шлакъ Хаимъ, позументщ. Шнитцеръ Эстра, ф. р. Штумакова Рухля. Шустеръ Моисей, заг. Шуферъ Лейба, портн. Шуферъ Сора, ф. р. Эдельманъ Вульфъ, столяръ. Эстринъ Мордухъ, портной. Берлинъ Шмеркъ, студ. Залкиндъ Розалія, ст-дка. Іосифовъ Алексѣй. Логвинскій, пом. прис. пов. Силинская Эмма, акушерка, съ доч. 11-ти мѣс. Всего 117 чел.

Въ арестантскихъ ротахъ сидятъ 55 арестованныхъ въ ночь 2/3 октября (см. списокъ ниже).

Въ Кіевской крѣпости.: Урицкій Мойсей, оконч. юрид. фак.

Итого 173 человѣка.

Кіевская Касса Помощи Политическимъ Ссыльнымъ и Заключеннымъ.

Изъ сидѣвшихъ въ арест. ротахъ 50 ч. рабочихъ въ первыхъ числахъ ноября высланы этапнымъ порядкомъ на мѣста жительства, а остальные, въ томъ числѣ интеллигенты, переведены въ Лукьяновку.

Кіевъ. Мы получили слѣдующій списокъ арестованныхъ въ Кіевѣ въ ночь со 2-го на 3 октября на собраніи (см. 3-й Листокъ „Р. Д.“). Евреи: Саулъ Масленко, Давидъ Царфинъ, Шлемка Кавалерчикъ, Нахманъ Талинскій, Лейба Дененбургъ, Аба Тевлокъ, Іосифъ Муцмахеръ, Зейдель Зеленецкій, Зеликъ Хацкелевичъ, Генахъ Каганъ, Мендель Гареликъ, Янкель Рудковъ — заготовщики; Хаимъ Чернухинъ, Гана Гринбергъ, Моше Беръ Курницкій, Сендеръ Эренбургъ, Шлема Тесминъ, Замка Гольдштейнъ, Іосифъ Стешинъ, Исаакъ Эпштейнъ, Исаакъ Котикъ, Соломонъ Левицкій, Шепшель Унякинъ—портные; Аронъ Левицкій, Маня Линецкій, Хаимъ Лейбинъ, Борухъ Осавчій, Мойсей Шейнцветъ — кроватчики; Наумъ Голубъ, Илья Хацкелевичъ, Шулимъ Гальперинъ—слесари; Израиль Шариновъ (2-ой разъ), Ицко Жигалинъ. Давидъ Берковскій, —столяры; Сендеръ Голубъ—живописецъ; Аронъ Бройда—переплетчикъ; Ицка Гершъ Фрейманъ — сапожникъ; Мандель Басъ — обойщикъ; Ицка Шлосбергъ—маляръ.

Русскіе рабочіе: Эдуардъ Эбергардъ- Ан-

дрей Сускій, Дмитрій Кузьминъ, Иванъ Древжинскій, Акимъ Нестеровъ — булочники; Иванъ Заблоцкій, Григорій Яренко—токари Южно-Рус. завода; Авраамъ Шпиливенко—слесарь. Кромѣ того были взяты еще слѣдующіе интеллигенты: Виньяминъ Файнштейнъ — фармацевтъ, Бродскій—провизоръ (второй разъ), Хаимъ Мень, Израиль Гельфготъ, Натанъ Боровицкій—учителя, Рувимъ Мицкунъ, студентъ политехникъ, Рудяновъ, Вельвель Шаръ. Всего 55 человѣкъ. Арестованные сидятъ въ арестантскихъ ротахъ. Какъ передаютъ, они сильно голодаютъ, такъ какъ у нихъ денегъ нѣтъ, и много терпятъ отъ холода.

Въ серединѣ октября въ Кіевѣ арестов. ученица зубоврачебной школы Свѣтъ. 23-го окт. реалистъ VI класса Иванъ Озембловскій.

Въ концѣ ноября въ Кіевскую тюрьму перевезена изъ одесской акушерка Гитникъ, арест. въ Одессѣ по возвращеніи своемъ изъ заграницы.

Къ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ 3-мъ Листкѣ о приговорахъ по кіевскому дѣлу 1898 г., нужно прибавить, что по этому дѣлу привлекалось больше 150 человѣкъ.

Харьковъ. Въ ночь 27/28 и 28/29 октября были произведены массовые обыски, причемъ арестовано 50 человѣкъ: 2 брата Поповыхъ (1 выпущенъ, 2-ой, канд. правъ, служилъ въ упр. жел. дор., на-дняхъ пришелъ ему приговоръ въ Восточн. Сибирь). Радзевичъ, акушерка. Левинъ, докторъ. Шумовъ, ст. техн. Кожевниковъ, ж. дор. служ. Шепеленко, студ. Дрыбина, интелл. Шестаковы 2, инт—ки, 1 выпущена. Бельке, ст. техн. Яхоцъ, ст. Горвицъ, ст. Дудаевскій, интелл. Файнбергъ, докт., служ. въ Земск. статистич. бюро. Марковъ, ст. Линицкая, Ивановъ докторъ, служ. въ Земск. санит. бюро. Николаева, интелл. Бобровскій, вет. вр. Алексѣевъ, ст. Крумзе, служ. въ судѣ. Зеликсонъ, инт—ка. Шкловскій, студ. Котлярова, бестужевка, сл. въ Зем. сан. бюро. Бабковъ, студ. Шполянскій, студ. Захаровъ, ст. Прибытковъ, ст. Раскина, инт. Казарновская, интел. Подкуйко, сл. въ К. Х. С. жел. дор. управ., выпущенъ. Яковлевъ, ст. Чайченко. Хоружинская. Шустова.

Рабочіе: Желабинъ, Скрынниковъ, Марковъ (пар. стр. зав.). Сушильниковъ, Корбутъ, Гомалько, Матросовъ, Каменевы (3 брата — адм. высланы). Тейковъ, Алпуховъ, Трезинъ, Новиковъ (папиросникъ), Никитинъ, Борисенко (паров, стр. завод.), Перекудовъ, Мамонтовъ.

У рабочаго Борисенко найдено подъ подушкой 500 прокламацій, только-что приготовленныхъ для распространенія, по поводу окончанія дѣла о майской демонстраціи, за которую приговорено къ ссылкѣ около 35 чел. По другимъ извѣстіямъ, тѣ же прокламаціи найдены у большинства арестованныхъ.

Съ 16 на 17 ноября арестов. раб. Богдановъ, при обыскѣ ничего не нашли.

На одинъ благотворительный балъ (въ пользу бѣднаго семейства), разрѣшенный полиціей, явилась полиція и конфисковала кассу. Ночью же были произведены обыски.

Высланы за майскую демонстрацію (всѣ въ Вятск. губ., по 2 человѣка въ городъ, большей частью на 3 года): въ гор. Малмыжъ — Воейковъ и Матросовъ, въ Нолинскъ — Бибикъ (по слухамъ, боленъ тифомъ) и Барановскій, въ Нырянскъ — Бордюковскій и Малаховъ, въ Уржумъ — Зоткинъ и Звѣревъ, въ Котельничи—Коломейцевъ и Черкасовъ, въ Орловъ — Годынскій и Зассъ. Поѣхали жены къ Вейкову, Матросову и Зассу. Послѣдніе трое вытребованы назадъ по новому дѣлу.

По поводу арестовъ 28/29 окт. Харьк. Комитетъ помощи и пр. выпустилъ слѣд. воззваніе:

Комитетъ благодаритъ за поступившія пожертвованія, но въ виду недостаточности послѣднихъ вынужденъ вновь напомнить о томъ, что въ нашемъ городѣ не все „благополучно". Въ тюрьмахъ томится интеллигентная молодежь обоего пола за то, что она не сумѣла отрѣшиться отъ своихъ лучшихъ стремленій и приспособиться къ нашей неприглядной дѣйствительности, томятся рабочіе за то, что смѣли помышлять о лучшей долѣ. Наше общество не можетъ относиться равнодушно къ судьбѣ тѣхъ, кто готовитъ ему лучшее будущее, жертвуя во имя истины и свободы и самими собою, и счастьемъ близкихъ лицъ. Если общество не оказываетъ поддержки Комитету въ достаточной мѣрѣ, то это отчасти потому, что оно не имѣетъ яснаго представленія о размѣрахъ его нуждъ; а нужды эти велики. Правда, ближайшія потребности заключенныхъ могутъ быть удовлетворены и безъ широкой общественной поддержки: одному помогутъ родственники, другому друзья и товарищи. Но дѣло въ томъ, что у насъ политическіе аресты рѣдко оканчиваются кратковременнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Что ожидаетъ арестованныхъ въ послѣднее время въ Харьковѣ, этого, конечно, мы не знаемъ, но надо быть готовымъ къ тому, что послѣ долгихъ мѣсяцевъ тюремнаго за-

ключенія пойдутъ административные высылки. А административно высланный, интеллигентъ-ли онъ или рабочій, обрекается на нищету и голодовку въ буквальномъ смыслѣ этого слова, если онъ не имѣетъ собственныхъ средствъ или помощи со стороны. И теперь на попеченіи Харьковскаго Комитета остались высланные въ Вятку рабочіе, которымъ Комитетъ за неимѣніемъ средствъ ничего не можетъ послать. Пусть же харьковское общество не жалѣетъ денегъ на такое прекрасное и честное дѣло, какъ помощь страдающимъ за идею, и пусть учащаяся молодежь, изъ среды которой вырвано много жертвъ, приметъ самое широкое участіе въ сборѣ пожертвованій, чтобы облегчить участь своихъ товарищей и тѣхъ, кто вмѣстѣ съ ними страдаетъ. Каждый желающій внести свою лепту найдетъ способъ черезъ своихъ знакомыхъ направить деньги куда слѣдуетъ.

Харьковскій Комитетъ помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Харьковъ, 5 ноября 1900.

Считаемъ нужнымъ разъяснить, что мнѣніе — якобы кромѣ нашего Комитета существуетъ какое-то другое учрежденіе для сбора пожертвованій — *невѣрно*. Поводомъ къ такому мнѣнію могло послужить появившееся воззваніе, которое было издано *не* Комитетомъ, а лицами, собиравшими деньги для Комитета.

Москва. Литераторъ П. Тепловъ сосланъ на 5 лѣтъ въ Вост. Сибирь.

Нижній-Новгородъ. Въ ночь на 6-ое октября арестовано 15 рабочихъ, 4 выпущены.

Ростовъ на Дону. Арестованы: С. Фофановъ съ женой, Серебряковъ, В. Удовиченко, послѣдній выпущенъ 15 октября.

Кременчугъ. Въ ночь съ 16 на 17 апрѣля арестованы (въ связи съ взятіемъ типографіи Екатеринославск. Комитета): Маркъ Бовшеверъ, учитель, и его жена Фанни Бовшеверъ-Каганъ, Акушерка Гранъ и четвертое лицо, фамилія котораго неизвѣстна. Фанни Каганъ неожиданно была переведена въ роменскую (Полт. губ.) тюрьму, гдѣ съ ней вначалѣ обращались безчеловѣчно. Путемъ протестовъ пришлось просвѣтить тюремнаго смотрителя, что онъ не имѣетъ права сгноить въ тюрьмѣ политическихъ арестантовъ.

Иркутскъ. Вновь арестованы, по распоряженію Департамента Полиціи, Бычковъ, который (по дѣлу Махайскаго) былъ уже выпущенъ на поруки.

Вилюйскъ. Обыскъ у Розенблюма въ связи съ дѣломъ Махайскаго. Ничего не нашли, кромѣ какой-то тетрадки.

Якутскъ. Въ августѣ прибыло 3 ссыльныхъ: Гельдманъ, наборщикъ тип. „Рабоч. Зн.", взятый съ типографіей въ Бѣлостокѣ, въ Якутскій округъ, Намскій улусъ, на 5 лѣтъ; Полякъ, наборщикъ, взятый въ тип. „Раб. Газеты" въ Екатеринославѣ, въ Верхоянскъ на 5 лѣтъ; Лудинъ тоже на 5 л. въ Верхоянскъ.

Литва и Польша.

Варшава. Сообщаютъ, что арестовано 50 студентовъ политехникума. Причины еще неизвѣстны.

Витебскъ. Арестовано 100 (по другимъ свѣдѣніямъ 50) человѣкъ. Большинство не рабочіе. Изъ фамилій извѣстны: Тетяевъ, студентъ, поднадзорный. Борисъ Цейтлинъ (второй разъ). Аронъ [illegible]збургъ и сестра его Софья, студ., у нихъ нашли много нелег. литерат. Конюховъ, прикащикъ. Кисельгофъ, учитель еврейскаго училища. Лурье, частный учитель. Бруссеръ. Ревека Капланъ, акушерка. Гольдманъ Ольга (второй разъ), выпущена. Гуревичъ Рохля, работница (второй разъ), поднадзорная. Свержанская. Абрамова, работница (второй разъ). Яхнинъ Зеликъ, купецъ. Александровъ, прикащикъ. Богорадъ, прикащикъ. Двое рабочихъ арестовано при разбрасываніи прокламацій на евр. языкѣ по поводу арестовъ. Ихъ задержалъ синагогальный служка.

Минскъ. Въ концѣ августа арест. Евгенія Гуревичъ, Рабиновичъ, Гиршъ Рудерманъ. Послѣдніе 2 освобождены.

Въ *Гроднѣ* аресты.

Въ *Оршѣ* арестованы 8 чел. (евр. раб.), въ *Шкловѣ* 2, въ *Могилевѣ* 1.

Ковно. Арест. 3 щетинщика.

Вильно. Прикащ. Биржальскій и раб. И. Шустеръ за участіе въ майской демонстр. высланы подъ надзоръ полиціи—Б. на 2 г., Ш. на 3.—Изъ вил. тюрьмы бѣжалъ Винокуръ, попавшійся въ столкновеніи съ полиціей при освобожденіи арестов. товарищей. Былъ тогда раненъ. Въ сент. арест. сапожн. Кисель.

Сморгонь. Арест. учит. Шлосбергъ.

Отчетъ Центральнаго Комитета Всеобщ. Евр. Раб. Союза въ Рос. и Пол.

До 15 іюня поступило 718 р. 43 к. (и около 6 пудовъ бумаги); для стачекъ, арестованныхъ и ссыльныхъ 171.20; Одолжено для спец. цѣли 50.—. Израсходовано до 20 іюня 679.91; на стачки 96.20; для спец. цѣли 50.—. Осталось 38 р. 52 к. и 75 р.

Съ 20 іюня до конца сент. поступило 357 р. 37 к., вмѣстѣ съ остаткомъ 395 р. 89 к.; для стачекъ, арест. и сосланныхъ 10.—; вмѣстѣ съ остаткомъ 85 р. Израсходовано 409.19; дефицитъ въ 13.35; на арест. 20.—; на сослан. 10.—; всего 30.—; осталось 55 р.

Отчетъ Бѣлостокскаго Комитета.

Съ января до августа.

Остатокъ 16 р.; поступило 544 р. 50 к. Итого 560 р. 50 к. Израсходовано 191 руб. 22 к.; на стачки 261 р. 75 к.; на проѣзжихъ 13 р. 50 к.; на сосланныхъ 33 р. 70 к.

Изъ отчета Спб. Краснаго Креста.

съ 1 іюня по 1 іюля 1900. Приходъ 329 р. 50; остатокъ 260 р.; всего 589 р. 50. Расходъ 403 р. 55. Съ 1 іюля по 1 авг. Приходъ 384 р. 45; остатокъ 185 р. 95 к. Всего 570 р. 40. Расходъ 372 р. 20 к.

Отчетъ Одесскаго Краснаго Креста.

Съ дек. 899 по сент. 900.

Приходъ. Декабрь: получ. отъ прежней кассы 65 р., чл. взносы 31 р. 50. Январь: чл. взн. 51 р. 75. Февраль: чл. взн. 154 р. 25, отъ NN 140 р. 30, билеты лоттереи 29 р. 15. Мартъ: чл. взн. 193 р., отъ X. 80 р. Апрѣль: чл. взн. 33 р. 50. Май: 83 р. Іюнь: 76 р. Августъ: отъ аккерманской организ. 50 р. Сентябрь: чл. взнос. 1 р., отъ лоттереи 57 р. 25. Всего 1086 р. 70.

Расходъ. Пособіе на изд. литературы 200 р., помощь ссыльнымъ въ Сибири 80 р., на литерат. для Одессы 100 р., вышедшимъ изъ тюрьмы 151 р., сидящимъ въ тюрьмѣ 501 руб. 60. Всего 1.032 р. 60 к.

Остатокъ 54 р. 10 к.

Обиліе матеріала заставляетъ насъ отложить до 5-го Листка корреспонденціи и сообщенія изъ Сормова, Саратова, Трубчевска, Средне-Колымска и др., а также отчетъ союзнаго кассира. 5-й Листокъ выйдетъ въ январѣ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 40 сант.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

Женева 1900.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА“.

№ 5-й. ЯНВАРЬ. 1901 г.

Зубатовъ и его тактика.

Эта статья первоначально появилась въ 19-мъ № Arbeiterstimme (Голосъ Рабочаго), органѣ Всеобщ. Евр. Раб. Союза въ Россіи и Польшѣ. Она знакомитъ насъ съ шпіонско-дипломатическими пріемами Зубатова на основаніи опыта еврейскихъ товарищей. Нечего говорить о томъ, что Зуб. употребляетъ тѣ же пріемы и по отношенію къ русскимъ соціальдемократамъ. Перепечатывая эту статью къ свѣдѣнію русскихъ товарищей, мы (помимо одного оговореннаго ниже второстепеннаго пункта) выражаемъ свое полное согласіе съ ея выводами. Сообщаемые въ ней факты лишній разъ доказываютъ, что отказъ отъ дачи показаній, рекомендуемый въ изданной нами брошюрѣ В. Бахарева: „Какъ держать себя на допросахъ“, болѣе чѣмъ когда-либо необходимъ въ интересахъ нашего дѣла. *Ред.*

* * *

Начиная съ 1898 г., почти всѣ болѣе или менѣе значительные аресты связаны съ именемъ Зубатова. Но въ послѣднее время онъ пересталъ довольствоваться одними массовыми арестами и началъ искать новыхъ средствъ для того, чтобы парализовать нашу дѣятельность. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ указать на тѣ средства, которыми Зубатовъ пользуется въ настоящее время, чтобы опутать своими сѣтями слабохарактерныхъ и менѣе опытныхъ изъ арестованныхъ и тѣмъ уничтожить нашу солидарность.

Біографія Зубатова представляетъ обыкновенную исторію подлаго карьериста, не брезгающаго ничѣмъ для достиженія своей цѣли.

Въ юношескомъ возрастѣ онъ считался либераломъ и за либеральныя свои идеи былъ исключенъ изъ 6-го класса гимназіи. Послѣ этого онъ нѣкоторое время вращался въ революціонныхъ народовольческихъ кружкахъ, гдѣ онъ изъ честолюбія стремился занять первое мѣсто. Но болѣе способные и дѣятельные члены кружка помѣшали ему въ этомъ.

Тогда онъ становится *провокаторомъ*. Вскорѣ послѣ выступленія изъ гимназіи онъ входитъ въ тѣсныя сношенія съ жандармеріей, не переставая въ то же время разыгрывать роль революціонера.

Но недолго ему удалось играть такую двойственную роль: товарищи скоро узнали про его сношенія съ жандармеріей и прекратили съ нимъ всякія сношенія. Однако ему удалось выдать 40 чел. своихъ бывшихъ товарищей. Нѣкоторое время спустя, З. уѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ подъ руководствомъ опытныхъ шпіоновъ совершенствуется въ своемъ искусствѣ. Окончивъ свое шпіонское „образованіе“, онъ снова возвращается въ Москву. Тамъ, въ 90-хъ годахъ, онъ уже стоитъ во главѣ московскаго охраннаго отдѣленія.

До 97 года З. дѣйствовалъ только въ Москвѣ. Въ этомъ же году, т. е. послѣ того, какъ рабочее движеніе охватило всю Россію и нагнало страхъ на правительство, Департаментъ Полиціи поручилъ Зубатову произвести массовые аресты „подстрекателей“ по всей Рос-

сіи. Съ тѣхъ поръ З. примѣняетъ новую тактику—тактику *массового шпіонства по всей Россіи.*

Новые пріемы Зубатова были очень просты и имѣли слѣдующее основаніе. По донесеніямъ провинціальной администраціи всѣ главные центры Юга находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ, тоже и въ Западномъ краѣ. Это въ связи съ нѣкоторыми другими фактами давало возможность заключить почти съ достовѣрностью, что весь Югъ и Западъ состоятъ въ связи между собою, а также съ Сѣверомъ и навѣрно съ Москвой, какъ съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ фабричныхъ центровъ. Если же такія сношенія дѣйствительно существуютъ, то очень легко выслѣдить и изловить всѣхъ вожаковъ рабочаго движенія. Стоитъ только намѣтить одного революціонера, имѣющаго непосредственныя связи съ Москвой, чтобы по его слѣдамъ открыть всѣхъ другихъ. Только бы побольше шпіоновъ да денегъ! Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, вѣрны-ли были разсчеты Зубатова и каковъ былъ ихъ успѣхъ. Замѣтимъ только, что, получая на борьбу съ „крамолой" неограниченныя средства, З. наводнилъ шпіонами весь Югъ, Западъ и Польшу. З. постоянно ставитъ себѣ 3 задачи: 1) открыть тайную типографію, являющуюся наиболѣе важной уликой; 2) выслѣдить извѣстное число людей, которыхъ можно было бы, на основаніи шпіонскихъ показаній, обвинить въ сношеніяхъ съ типографіей и выставить „центромъ" организаціи; 3) намѣтить еще большее число людей, которыхъ можно было бы обвинить въ сношеніяхъ съ „центромъ".

Эта тактика Зубатова всѣмъ достаточно извѣстна и поэтому мы считаемъ лишнимъ распространяться о ней.

Система массового шпіонства кажется страшной только на первый взглядъ; на самомъ дѣлѣ она опасна только при сохраненіи прежней нашей организаціи, которая разсчитана на случайное, неорганизованное шпіонство за отдѣльными личностями. Но разъ измѣнилась тактика нашихъ враговъ, то ясно, что для успѣшной борьбы съ ней надобно соотвѣтственно измѣнить и наши пріемы, подобно тому, какъ мы приспособляемся къ другимъ неблагопріятнымъ полицейскимъ условіямъ.

Болѣе всего опасны пріемы Зубатова, стремящіеся уничтожить то, что составляетъ основу всякой организаціи: *довѣріе ея членовъ другъ къ другу.*

Зная, какое вліяніе оказываетъ на каждаго арестованнаго обращеніе съ нимъ въ тюрьмѣ, З. ведетъ такую политику: въ своихъ сношеніяхъ съ арестованными онъ тщательно скрываетъ свои гнусныя чувства стараго шпіона, надѣваетъ личину добраго друга; онъ любезно предлагаетъ стулъ, угощаетъ папиросой, заводитъ дружескій разговоръ, сообщаетъ послѣднія новости, читаетъ протоколы шпіоновъ съ цѣлью, какъ онъ увѣряетъ, дать арестованному возможность познакомиться со своимъ „дѣмомъ" и какъ можно лучше подготовиться къ отвѣтамъ на допросахъ, даетъ дружескіе совѣты, предлагаетъ деньги взаймы и т. д. При этомъ З. старается убѣдить арестованнаго, что онъ нисколько не заинтересованъ въ томъ, какъ тотъ или другой будетъ держать себя на допросахъ. Его дѣло, говоритъ онъ, только арестовать (?!), вести же слѣдствіе и допрашивать—это дѣло жандармеріи. Поэтому, показывая арестованнымъ протоколъ и знакомя ихъ съ дѣломъ, онъ-де не извлекаетъ никакой выгоды; наоборотъ, ему даже приходится-де выслушивать за это упреки отъ производящихъ дознаніе. Но, вретъ онъ далѣе, неся тяжелую обязанность арестовывать людей, онъ не перестаетъ быть человѣкомъ и сочувствовать чужимъ страданіямъ...

Убѣдившись въ томъ, что онъ успѣлъ внушить довѣріе, З. дѣйствуетъ дальше сообразно уму, характеру и чувствамъ попавшей къ нему жертвы. Однихъ онъ убѣждаетъ въ необходимости сознаться: товарищамъ это нисколько не можетъ повредить, если только не оговаривать ихъ прямо, себѣ же можно только помочь и сократить срокъ заключ ія. Другимъ онъ доказываетъ, что отрицаніе всего вызываетъ только озлобленіе жандармеріи; это считается упорствомъ и потому ведетъ къ усиленію наказанія. Если же этотъ пріемъ, расчитанный на чувство самосохраненія, на шкурные инстинкты, оказывается безуспѣшнымъ, то З. начинаетъ играть на другой стрункѣ: онъ доказываетъ арестованному, что отъ его показаній зависитъ участь менѣе виновныхъ или совсѣмъ невиновныхъ товарищей, невиновность которыхъ нельзя установить,

потому что виновные все скрываютъ. Но когда и эта наглая уловка не удается, З. прибѣгаетъ къ своему послѣднему средству: онъ сводитъ тѣхъ, которыхъ онъ считаетъ главарями и предлагаетъ компромиссъ, могущій, по его мнѣнію, удовлетворить обѣ стороны, арестованныхъ и производящихъ дознаніе жандармовъ. При этомъ Зуб. пространно разъясняетъ, что ему, какъ лицу постороннему, въ дознаніи не участвующему, нѣтъ никакого дѣла до того, какъ порѣшатъ между собою аретованные; онъ только по добротѣ сердечной беретъ на себя роль посредника, искренно желающаго примирить обѣ стороны и облегчить судьбу обвиняемыхъ.

Наговоривъ такимъ образомъ съ три короба о своей роли „честнаго маклера", онъ предлагаетъ арестованнымъ сговориться въ его присутствіи на какомъ-нибудь неизвѣстномъ ему языкѣ (наприм., на еврейскомъ жаргонѣ), распредѣлить между собою роли и непремѣнно сознаться хоть въ чемъ-нибудь: самый фактъ признанія, независимо отъ того, что и сколько показали о себѣ арестованные, произведетъ, молъ, хорошее впечатлѣніе на жандармовъ и приведетъ къ 2-мъ результатамъ: 1) всѣ будутъ освобождены, 2) всѣмъ будетъ произнесенъ болѣе легкій приговоръ.

Невозможно перечислить всѣ пріемы, которыми пользуется Зуб., чтобы сломить упорство арестованныхъ и кое-что у нихъ вывѣдать. Между прочимъ онъ пускаетъ въ ходъ и лесть. Въ послѣднее время онъ прибѣгаетъ къ слѣдующей уловкѣ, а именно, когда по одному дѣлу арестовано много лицъ. Зная, что въ такихъ случаяхъ всякій держится крайне осторожно, чтобы какъ-нибудь случайно не повредить своимъ товарищамъ, З. увѣряетъ арестованнаго, что никакого общаго дѣла нѣтъ, что всякій арестованъ самъ по себѣ и потому каждый можетъ говорить о себѣ что угодно, нисколько не вредя этимъ своимъ товарищамъ.

Мы уже знаемъ, что Зубатовъ началъ свою провокаторскую дѣятельность въ 18 лѣтнемъ возрастѣ, въ томъ возрастѣ, когда житейская грязь обыкновенно еще не наложила печати на человѣческую душу и не заглушила человѣческихъ чувствъ. Это одно показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ испорченной въ корнѣ натурой, съ отброскомъ человѣчества, который ничѣмъ не брезгаетъ, чтобы достигнуть цѣли — личнаго господства. Восемнадцатилѣтнимъ юношей не задумался онъ выдать своихъ товарищей, съ которыми онъ вмѣстѣ воспитывался. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своей службы въ Москвѣ онъ погубилъ сотни людей, разорилъ десятки семействъ и сплелъ себѣ вѣнокъ изъ слезъ, крови и проклятій. И тѣмъ не менѣе, къ стыду нашему, въ нашихъ рядахъ находятся наивные люди, вѣрящіе въ порядочность этого негодяя!.. Этимъ послѣднимъ мы приведемъ 2 факта, говорящихъ сами за себя.

Узнавъ отъ своихъ шпіоновъ, что среди служащихъ Полѣсской желѣзной дороги есть „неблагонадежные" элементы, З. сейчасъ же послалъ начальнику дороги приказъ „очистить" составъ служащихъ, т. е. уволить всѣхъ тѣхъ, которыхъ шпіоны почему-либо считаютъ подозрительными.

Укажемъ затѣмъ на поведеніе агентовъ самого Зубатова при обыскахъ. Всѣмъ извѣстно, что они ведутъ себя по звѣрски: ломаютъ двери и окна, портятъ все, что попадается имъ подъ руку, заставляютъ женщинъ одѣваться въ своемъ присутствіи и т. п. И все это несомнѣнно дѣлается съ разрѣшенія Зубатова, иначе его прислужники не позволили бы себѣ дойти до такой подлости. Дѣло объясняется очень просто: увѣренный въ своей безнаказанности, З., гдѣ только можно, свободно отдается своимъ звѣрскимъ инстинктамъ.

Въ самое послѣднее время З. не довольствуется уже своими мелкими хитростями на допросахъ, а пытается внести смуту въ наши ряды, подкопаться подъ самую основу нашей дѣятельности. Выставляя себя другомъ рабочихъ, онъ старается привлечь на свою сторону менѣе свѣдущихъ арестованныхъ, убѣждая ихъ въ возможности „легализировать" рабочее движеніе въ Россіи, т. е. придать ему такой характеръ, чтобы оно было терпимо и при самодержавномъ строѣ. „Противъ экономической борьбы, противъ стачекъ, — говоритъ Зубатовъ, — правительство ничего не имѣетъ, лишь бы рабочіе не вмѣшивались въ политику..." Въ то же время З. проситъ арестованнаго не забывать его на свободѣ, обѣщаетъ помогать „легализатору" деньгами и совѣтами для того, чтобы повернуть дви-

женіе на новый путь,—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы „легализаторъ" постоянно присылалъ ему свѣдѣнія о борьбѣ рабочихъ съ хозяевами, проще говоря, чтобы тотъ ему сообщалъ обо всемъ, что происходитъ въ движеніи.

Излишне доказывать, что легализація рабочаго движенія въ Россіи при существующихъ политическихъ условіяхъ—вещь немыслимая. Подтвержденіемъ этого можетъ служить бѣлостокская стачка 98-го года; за эту стачку, въ которой не было даже и тѣни политической борьбы, десятки людей были сосланы въ Сибирь безъ суда, по приказу министра внутреннихъ дѣлъ. А въ очень недавнее время въ Сморгони, Крынкахъ и другихъ мѣстахъ за стачку же было арестовано много рабочихъ*). Думать, что рабочіе въ Россіи могутъ бороться на законномъ основаніи — это фантазія, которою могутъ тѣшиться только слабоумные или люди, у которыхъ не хватаетъ мужества участвовать въ борьбѣ, требующей часто тяжелыхъ личныхъ жертвъ. При первомъ же ударѣ такіе люди позорно бѣгутъ съ поля битвы, утѣшая себя прекрасными мечтами. Не желая порвать совершенно съ рабочимъ классомъ, они хватаются за „законно дозволенную" дѣятельность, которая не связана съ личной опасностью и въ то же время можетъ доставить почетъ. Въ одномъ „легализаторы" не ошибаются: они останутся цѣлы и невредимы, но напрасно они надѣются на почетъ.

Не нужно большого ума, чтобы понять, что подъ красивыми фразами Зубатова о „легализаціи" раб. движенія скрываются низкія мысли хитраго шпіона. З. преслѣдуетъ этимъ путемъ двѣ цѣли. Во-первыхъ, онъ стремится пріобрѣсти преданныхъ ему людей въ средѣ нашей организаціи и такимъ образомъ втереться въ наши ряды, чтобы во всякое время знать о томъ, что думаютъ и дѣлаютъ рабочіе, каковы ихъ стремленія, кто изъ нихъ дѣйствуетъ наиболѣе энергично и т. п. *) З. будетъ потомъ пользоваться свѣденіями, доставляемыми ему „корреспондентами", для все болѣе и болѣе страшныхъ массовыхъ арестовъ. Во-вторыхъ, онъ надѣется внести такую смуту во взаимныя отношенія членовъ нашей организаціи, что тѣ перестанутъ понимать другъ друга.

И, дѣйствительно, уже одинъ фактъ существованія въ нашей организаціи людей, сносящихся съ начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія, показываетъ, что провокаторство и предательство пустили глубокіе корни въ нашей организаціи. Если часть Зубатовскихъ „корреспондентовъ", можетъ быть, и не станетъ доставлять такихъ свѣдѣній, которыя могутъ кому-либо повредить, то несомнѣнно, что среди нихъ найдутся и настоящіе предатели.

Впрочемъ, поддерживая постоянныя сношенія съ З., и самый честный человѣкъ рискуетъ въ концѣ концовъ стать предателемъ. Эти сношенія мало-по-малу притупляютъ нравственныя чувства; скоро теряется способность различать, какія свѣдѣнія можно сообщать и какія—нѣтъ. Начавъ съ мелкихъ фактовъ, „корреспондентъ" мало-по-малу станетъ сообщать и о важныхъ фактахъ, пока онъ не сдѣлается настоящимъ предателемъ.

Наконецъ, если допустить, что иные не будутъ скрывать своихъ сношеній съ З., то вѣдь найдутся и такіе, которые по различнымъ причинамъ будутъ скрывать это. И такъ какъ не будетъ возможности знать, кто сносится съ З. и кто—нѣтъ, то среди членовъ нашей рабочей организаціи возникнетъ взаимное недовѣріе и подозрѣніе: каждый начнетъ обращать вниманіе на мелочи, которыя раньше не возбуждали никакихъ подозрѣній; всякая мелочь будетъ казаться уликой въ шпіонствѣ. Вездѣ и во всемъ будутъ видѣть предательство, не замѣчая настоящаго предательства, —и общая дѣятельность организаціи

*) Аресты среди стачечниковъ, высылка ихъ на родину и въ Сибирь и увольненіе ихъ съ фабрикъ по приказу властей—заурядный фактъ по всей Россіи. Если правительство не арестуетъ всѣхъ стачечниковъ, то только потому, что не хватило бы тюремъ и хозяйскій барышъ отъ этого пострадалъ бы. *Ред.*

*) Необходимо замѣтить, что З. очень интересуется Союзомъ еврейскихъ щетинщиковъ. Въ разговорахъ съ арестованными онъ часто разспрашиваетъ про этотъ союзъ. Онъ предлагалъ одному выпущенному изъ тюрьмы 20.000 р. для „легализаціи" Союза щетинщиковъ и *этотъ субъектъ обѣщалъ агитировать въ этомъ смыслѣ.*

станетъ невозможной.

Что касается того, какъ держаться на допросахъ, то мы пришли къ заключенію, что самое лучшее—*не давать никакихъ показаній.*

Наше мнѣніе основывается на слѣдующемъ. Благодаря массовому характеру движенія, политическія дознанія въ настоящее время оченъ сложны и запутаны, захватывая массу лицъ, связанныхъ между собою безчисленными нитями. Поэтому никогда нельзя знать, какъ показанія одного отразятся на всѣхъ другихъ товарищахъ.

Начать давать какія-либо показанія—значитъ стать на такой скользкій путь, на которомъ устоять могутъ немногіе. Можетъ быть, что очень опытнымъ и удалось бы удержаться въ должныхъ границахъ; но, разумѣется, этого нельзя ожидать отъ всѣхъ. Чѣмъ больше ростетъ рабочее движеніе, тѣмъ чаще происходятъ аресты и тѣмъ сильнѣе увеличивается число арестованныхъ, а среди послѣднихъ процентъ ненадежныхъ элементовъ, не умѣющихъ держаться на допросахъ, разъ только они начнутъ давать показанія. Для нихъ необходимъ примѣръ старыхъ и опытныхъ товарищей, отказывающихся отъ дачи показаній.

Въ заключеніе замѣтимъ, что тактика Зубатова не представляетъ ничего новаго. Ею пользовался уже и пользовался даже гораздо успѣшнѣе знаменитый петербургскій жандармскій полковникъ — *Судейкинъ* (убитый въ декабрѣ 1883 г. по рѣшенію Исполнит. Комитета Партіи „Народной Воли"). Этотъ Судейкинъ разыгривалъ роль человѣка, сочувствующаго революціонному движенію, и внушилъ довѣріе нѣкоторымъ членамъ партіи „Народной Воли". Чтобы еще больше привлечь ихъ, онъ имъ давалъ деньги на расходы партіи, иногда предупреждалъ о прдстоящихъ арестахъ и т. п. Благодаря своимъ связямъ съ революціонерами, Судейкинъ узнавалъ и про партію, и про ея членовъ. Съ своей стороны, революціонеры старались поддерживать съ нимъ сношенія, чтобы черезъ него узнавать полицейскія тайны, напр. объ арестахъ. Чѣмъ же все это кончилось? Да тѣмъ, что скоро стало *совершенно невозможно различить*, кто *настоящій революціонеръ*, поддерживающій сношенія съ Судейкинымъ для блага партіи, и кто—*настоящій провокаторъ.*

Поэтому, если мы не желаемъ вернуть времена Судейкина, мы должны:

1) Исключать изъ нашихъ рядовъ всякаго, кто по какимъ бы то ни было причинамъ войдетъ въ сношенія съ Зубатовымъ безъ вѣдома организаціи, къ которой онъ принадлежитъ; объявлять такого человѣка провокаторомъ и опубликовать его имя во всѣхъ нашихъ газетахъ.

2) Оттазываться давать какія бы то ни было показанія на допросахъ.

3) Отрицать всякое знакомство между собой, даже въ томъ случаѣ, если шпіоны неопровержимо докажутъ противное *).

—

Еще о зубатовщинѣ.

Одинъ товарищъ сообщаетъ намъ изъ „безусловно достовѣрнаго истотчника", за достовѣрность котораго мы однако поручиться не можемъ, слѣд. свѣдѣнія:

„Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ теперь разсматривается по предложенію Зубатова рядъ мѣропріятій для борьбы съ ростущимъ соціальдем. движеніемъ. Предполагается между прочимъ разрѣшить основаніе рабочихъ кассъ взаимопомощи и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, далѣе — признать съ извѣстными ограниченіями право стачекъ, расширить кругъ вѣдомства фабрично-ремесленной инспекцій, ввести обязательное обученіе малолѣтнихъ рабочихъ, учредить безплатныя юридическія бюро для рабочихъ и т. п.

„Спеціально для евреевъ предполагается отмѣна нѣкоторыхъ ограниченій правъ, какъ-то: разрѣшеніе вновь селиться въ деревняхъ и пріобрѣтать зем-

*) Послѣдній пунктъ мы считаемъ по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Онъ находится въ противорѣчіи съ тактикой отказа отъ дачи показаній, которая включаетъ и отказъ отъ показаній по вопросу о знакомствѣ. *Отрицать* же знакомство—значитъ дать показаніе, а это иногда можетъ увлечь допрашиваемаго на путь „доказыванія" незнакомства и тѣмъ, пожалуй, свести на нѣтъ всю тактику отказа. Не говоримъ уже о томъ, что отрицать знакомство, когда есть „неопровержимыя" доказательства противнаго, болѣе чѣмъ непріятно.

Ред. „Р. Д."

лю внѣ городовъ и мѣстечекъ, разрѣшеніе евреямъ-рабочимъ повсемѣстнаго жительства внѣ черты еврейской осѣдлости по рабочимъ книжкамъ, отмѣна нѣкоторыхъ цензурныхъ стѣсненій для еврейской (жаргонной) печати, разрѣшеніе ежедневной газеты на еврейскомъ нарѣчіи и т. п.

„Этими мѣропріятіями правительство надѣется ослабить революціонное движеніе и направить рабочее движеніе по легальному руслу.“

Приведенное сообщеніе такъ мало вѣроятно, что мы его не опубликовали бы, еслибы оно не соотвѣтствовало извѣстной тактикѣ Зубатова. Уже въ „тайномъ“ докладѣ отъ 8 апрѣля 1898 г. (см. 1-й № „Раб. Дѣла“) З. заявлялъ, что для борьбы съ социальдем. рабочимъ движеніемъ „однѣхъ репрессивн. мѣръ мало“, и рекомендовалъ внести „законность въ сферу фабрично-заводскихъ отношеній“. Съ расширеніемъ своей шпіонской власти, съ недавнимъ повышеніемъ своимъ въ шпіонской іерархіи (З. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ Полиціи) онъ все болѣе и болѣе входитъ въ роль „государственнаго мужа“, спасителя царизма отъ рабочаго движенія. Возможно поэтому, что всероссійскій обершпіонъ мечтаетъ теперь о „легализаціи“ рабочаго движенія путемъ нѣкоторыхъ грошевыхъ уступокъ, послѣ того, какъ рекомендованная имъ „законность“ выразилась въ насажденіи на фабрикахъ и заводахъ усиленнаго надзора спеціальной, явной и тайной, фабрично-заводской полиціи. Но не менѣе возможно и то, что приведенное сообщеніе основано просто на ложномъ слухѣ, пущенномъ самимъ Зубатовымъ съ той же цѣлью, съ какой онъ на допросахъ проповѣдуетъ „легализацію“ рабочаго движенія.

Какъ бы то ни было, обершпіонъ жестоко ошибается въ своихъ разсчетахъ. Предполагаемыя мѣропріятія столь же мало остановили бы дальнѣйшій ростъ *революціоннаго*, классового и политическаго, рабочаго движенія Россіи вообще, какъ облегченіе положенія евреевъ остановило бы ростъ еврейскаго рабочаго движенія. Двойственная политика кнута и ласки, полицейскихъ преслѣдованій и законодательныхъ льготъ не удалась ни Наполену III, ни его подражателю Бисмарку. *Тѣмъ менѣе* она можетъ удаться обершпіону Николая II, потому что, — не говоря уже о *ничтожности* предполагаемыхъ реформъ,—въ *самодержавной* Россіи всякій законъ, ограждающій права „подданыхъ“, неизбѣжно долженъ остаться мертвой буквой. За то самый фактъ уступокъ царскаго правительства, сдѣланныхъ *изъ страха* передъ ростущей силой рабочаго движенія, вдохнетъ сознательнымъ рабочимъ новую *революціонную* энергію для борьбы противъ своего смертельнаго врага—царскаго самодержавія.

Если Зубатовъ дѣйствительно хочетъ „легализировать“ рабочее движеніе, то пусть онъ предложитъ правительству только одно, но за то несомнѣнно ведущее къ цѣли „мѣропріятіе“—*уничтоженіе самодержавія*, созывъ Земскаго Собора, который выработаетъ демократичекую конституцію и обезпечитъ за пролетаріатомъ всѣ тѣ права, которыя необходимы ему для „легальной“, открытой и безпрепятственной борьбы за свое полное освобожденіе, за торжество соціализма.

Адресъ Н. К. Михайловскому *).

От сотрудниковъ и друзей двухъ прекращенныхъ журналовъ „Нов. Слова“ и „Начала“.

Уважаемый Николай Константиновичъ!

Мы нижеподписавшіеся, какъ лица, принадлежащія къ общественному направленію, рѣзко разошедшемуся съ Вами во многихъ руководящихъ идеяхъ и въ литературѣ заявившему себя рѣшительной полемикой съ Вами, вполнѣ сознательно, съ опредѣленнымъ настроеніемъ, а отнюдь не ради соблюденія приличій, приносимъ Вамъ наше привѣтствіе. Вы выступили на литературное поприще, какъ вполнѣ сложившаяся величина, въ концѣ 60-хъ гг., когда ряды передовой русской журналистики оказались сильно порѣдѣвшими: не стало Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева. Вмѣстѣ съ другими крупными дѣятелями русской литературы Вы въ „Отечественныхъ Запискахъ“ создали органъ, явившійся вполнѣ достойнымъ преемникомъ „Современника“.

Семидесятые годы и начало восьмидесятыхъ годовъ были временемъ крайняго общественнаго возбужденія, когда литературѣ выпала трудная и отвѣтственная роль словомъ, а подчасъ и молчаніемъ, болѣе выразительнымъ чѣмъ всякое слово, истолковывать событія и дѣла. Русская журналистика въ это время имѣла передъ собой не мелкую, будничную дѣйствительность, а крупное общественное движеніе, не только видное его участникамъ, но приковывавшее къ себѣ напряженное вниманіе всего русскаго общества и даже всего міра. Вы принадлежали къ числу тѣхъ журналистовъ, писательская работа которыхъ питалась этою возбужденною общественною мыслью и въ свою очередь питала послѣднюю. Какъ блестящій писатель, соціологъ, публицистъ и литературный критикъ, Вы, вслѣдъ за П. Л. Лавровымъ, въ Вашихъ широкихъ обобщеніяхъ выражали думы самыхъ лучшихъ и самоотверженныхъ русскихъ людей и въ то же время налагали на ихъ общественную мысль свой отпечатокъ и толкали ее впередъ. Такова Ваша историческая во всѣхъ смыслахъ роль и заслуга, которую мы, при всемъ глубокомъ нашемъ разногласіи, считаемъ нашимъ долгомъ открыто признать и почтить.

Въ этотъ день Ваши друзья и почитатели чествуютъ въ Вашемъ лицѣ самаго яркаго и лично имъ дорогого выразителя своихъ завѣтныхъ идей и чаяній. Мы же, не раздѣляя ни этихъ соціологическихъ идей, ни большинства вытекающихъ изъ нихъ практическихъ выводовъ и упованій, а, наоборотъ, рѣшительно съ ними порывая, привѣтствуемъ въ Васъ одного изъ литературныхъ выразителей достопамятной эпохи русской общественной мысли, эпохи, съ дѣятелями которой насъ связываетъ неразрывная двойная связь: единства дѣйственнаго настроенія и идейной солидарности въ конечныхъ цѣляхъ.

*) Намъ доставленъ воспроизведенный на ремингтонѣ оттискъ этого адреса. Считаемъ нужнымъ перепечатать его въ виду молчанія, которымъ цензура окружила юбилей Н. К. Михайловскаго. *Ред.*

Студенческія волненія въ Кіевѣ.

Студенческія волненія въ Кіевѣ, направленныя исключит. лишь противъ университетскихъ порядковъ и профессоровъ-шарлатановъ, въ своемъ логически-естественномъ развитіи привели студентовъ къ невольному столкновенію съ жандармеріей, высшими мѣстными административными и даже военными властями и въ необычайно наглядной формѣ лишній разъ подтвердили ту мысль, что всѣ прогрессивные классы, и пролетаріатъ, и либеральная интеллигенція, оставаясь даже на почвѣ своихъ узкихъ, повседневныхъ интересовъ, неминуемо наталкиваются на борьбу съ темными силами царскаго правительства.

7-го декабря произошло событіе положительно безпримѣрное: университетъ былъ наводненъ жандармами, полиціей, казаками и войсками разнаго рода оружія (исключая, пожалуй, одну лишь артиллерію). Не въ переносномъ только смыслѣ, а на дѣлѣ унив. превратился въ какую-то казарму, гдѣ съ шашками на-голо, звякая шпорами и стуча прикладами, въ ногу, по командѣ офицеровъ маршировалъ отрядъ за отрядомъ, готовясь къ серьезнымъ дѣйствіямъ противъ студентовъ. Вспоминая всѣ эти событія, положительно не знаешь, чему больше удивляться, колоссальной-ли трусости нашихъ властей предержащихъ, готовыхъ муху превратить въ слона и во всякомъ мелкомъ недоразумѣніи готовыхъ видѣть уже начатки грознаго общественнаго движенія, или-же той колоссальной наглости и грубости, съ которыми наши самодержавные сатрапы простираютъ свой кулакъ, вооруженный нагайкой, надъ всѣмъ и всѣми, не безъ основанія считая себя хозяевами даже въ „храмѣ науки“.

Событія эти, далеко оставляющія за собой то хозяйничанье полиціи въ стѣнахъ петербургскаго универс., которое имѣло мѣсто въ забастовкѣ 1898 года, развились въ слѣдующей послѣдовательности. При отъѣздѣ изъ Кіева 2-хъ студентовъ, исключенныхъ изъ унив. за нежеланіе подчиниться хитроумному рѣшенію синедріона нашихъ университетскихъ фарисеевъ и отсидѣть въ карцерѣ, на вокзалѣ ихъ товарищами была устроена шумная и эффектная демон-

страція. Собравшись задолго до отхода поѣзда (въ числѣ 700 чел.), студенты заняли залу перваго класса, усѣлись за столъ, стали пить пиво и говорить рѣчи на политическія темы. Вокзальный жандармскій офицеръ также произнесъ рѣчь: онъ убѣждалъ студентовъ разойтись и угрожалъ въ случаѣ отказа оцѣпить вокзалъ войсками и арестовать всѣхъ провожающихъ. Ему отвѣтили, что проводы товарища не представляютъ ничего незаконнаго—„не запрещаютъ вѣдь проводы свадебныхъ поѣздовъ или же уѣзжающихъ офицеровъ или чиновниковъ—проводы столь же многолюдные съ тостами и шампанскимъ! И никого при этомъ не арестуютъ.“ А потому студенты отказались разойтись и продолжали говорить рѣчи. *Пріѣзжалъ полиційм. Цихоцкій, но не рѣшившись войти въ залу, покрутившись въ нерѣшительности по вокзалу, убрался во-свояси. Послѣ второго звонка герой торжества былъ поднятъ на руки взволнованными коллегами и перенесенъ въ вагонъ.* Провожавшія дѣвицы забросали его цвѣтами. *Послѣ прощальнаго слова уѣзжающаго студенты пѣли рабочую Марсельезу* и другія революц. пѣсни. *Никто не былъ арестованъ, говорятъ только, въ одинъ вагонъ съ уѣзжавшими сѣло три жандарма.*

Въ этотъ самый вечеръ жанд. ген. Новицкій былъ въ гостяхъ у Бродскихъ, знакомствомъ съ которыми, несмотря на свое юдофобство онъ очень дорожитъ. *По телефону съ вокзала ему было дано знать, что студенты бунтуютъ. Тотчасъ онъ по телефону обратился къ губернатору ген. Трепову съ просьбой послать полицію и оцѣпить вокзалъ. Треповъ отвѣтилъ, что не согласенъ. Тогда Новицкій поѣхалъ къ Трепову и затѣмъ, вернувшись къ Бродскимъ, сообщилъ гостямъ, что арестовъ не будетъ, но что агентамъ сыскной полиціи поручено переписать присутствующихъ.*

Черезъ день послѣ проводовъ 7 числа въ 12 часовъ дня состоялась въ унив. сходка, созванная Союзнымъ Совѣтомъ. Безъ особыхъ разногласій скоро всѣ присутствовавшіе (около 600 чел.) порѣшили вызвать ректора и заявить ему требованія: 1) возвращеніе 2-хъ товарищей, уволенныхъ за отказъ сидѣть въ карцерѣ и 2) отмѣну впредь наказанія карцеромъ. Такъ какъ ректоръ отказался прійти, то сходка постановила не расходиться и оставаться въ унив., пока ректоръ все-таки не явится. Часовъ въ 8 вечера, когда стемнѣло и громадная аудиторія слабо освѣщалась лишь двумя свѣчками *(университетская полиція предусмотрительно перерѣзала проволоки электрическихъ фонарей)*, двери съ шумомъ распахиваются и *въ аудиторію входятъ жанд. ген. Новицкій, губерн. Треповъ, вице-губ. бар. Штакельбергъ и полиційм. Цихоцкій съ адъютантами и почти всѣмъ жанд. корпусомъ.* Ихъ окружала толпа спѣшившихся казаковъ. За ихъ спинами *въ корридорѣ видна вооруженная рота солдатъ подъ ружьемъ, расположившихся шпалерами съ барабанщикомъ и офицеромъ во главѣ, кромѣ нихъ большое число городовыхъ и жандармовъ. Въ нижнемъ этажѣ другая рота солдатъ безъ ружей — при однихъ лишь шашкахъ.* Передъ унив. и въ университетск. дворахъ *двѣ сотни верховыхъ казаковъ, отряды конныхъ городовыхъ, пѣхоты* и, несмотря на поздній часъ, довольно много публики. Ген. Новицкій со всей своей свитой былъ встрѣченъ свистками и криками негодованія, такъ что крики его: „молчать!“ не были слышны. Тогда *офицеръ изъ свиты скомандовалъ караулу изъ 60 казаковъ:* **„шашки на-голо!“** Ген. Новицкій произнесъ рѣчь, въ которой требовалъ уваженія *къ своему караулу, данному ему начальникомъ края: господинъ, молъ, начальникъ края далъ ему всѣ полномочія, такъ что всѣ студенты въ его власти: „Что захочу, то съ вами и сдѣлаю: вотъ этотъ караулъ по моему приказу употребитъ для вашего усмиренія холодное и огнестрѣльное оружіе“, обѣщалъ выслать тысячи студентовъ, засадить бунтовщиковъ въ тюрьмы* etc. Предсѣдательствовавшій обратился къ генералу со словами, что незаконнаго сходка ничего не добивается, что они хотятъ лишь видѣть свое прямое начальство, которое не обнаруживаетъ желанія прійти, что силой шашекъ генералъ ничего не сдѣлаетъ, хотя студенты не вооружены и сопротивляться не будутъ. Самъ генералъ, офицеры всѣхъ родовъ оружія и казаки были въ фуражкахъ, *однако Нов. сдѣлалъ выговоръ какому-то студенту, стоявшему въ шапкѣ; студентъ указалъ на тотъ фактъ, что сами пришедшіе*

фуражекъ не сняли, почему и онъ считаетъ себя вправѣ фуражки не снимать. Тутъ кто-то воскликнулъ: *„Коллеги, подайте этимъ халуямъ примѣръ вѣжливости“ и студ. шапку снялъ. Публика принялась кричать: „Долой шапки, вы не въ конюшнѣ!.. долой шашки!“ Новицкій снялъ шапку и отдалъ приказъ вложить шашки въ ножны.* Рѣчь свою онъ велъ, стоя на кафедрѣ, съ которой профессора читаютъ лекціи, окруженный казаками—картина вышла возмутительная и дѣйствовала на нервы очень сильно, приводя въ негодованіе даже самыхъ робкихъ. Разобравъ, чего хотятъ студенты, Новицкій опѣшилъ и удивился: *„Только-то! Я вамъ ректора приведу“*! И тутъ же съ вицомъ отправился за ректоромъ и вскорѣ его привезъ. Поднявшійся шумъ тотчасъ былъ прекращенъ предсѣдателемъ, замѣтившимъ генералу, что чего онъ не въ силахъ сдѣлать шашками, то можно достигнуть словомъ предсѣдателя. Ректоръ на требованія студентовъ отвѣтилъ, что *все постановленное правленіемъ имъ отмѣнено быть не можетъ.* Предсѣдатель отъ имени сходки иронически поблагодарилъ ректора, какъ представителя профессуры и высшей интеллигенціи за то, что тотъ только при подобной имъ вызванной обстановкѣ пожелалъ бесѣдовать со студентами. Послѣ этого всѣ были переписаны. Оказалось, *что всѣ эти власти были призваны ректоромъ*, сообщившимъ въ 7 час. вечера губернатору, что онъ складываетъ съ себя всѣ полномочія и передаетъ ихъ Новицкому, такъ какъ, несмотря на приложенныя имъ усилія (?), онъ студентовъ успокоить не въ состояніи. И дѣйствительно, первой фразой Новицкаго было: *„ректоръ передалъ мнѣ свои полномочія, теперь я вашъ ректоръ!“*

Сегодня, 8-го, у ген.-губ. Драгомірова совѣтъ нечестивыхъ (военное начальство, университетское, администрація и прокуратура) для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствій. Въ городѣ теперь только и разговоровъ, что объ этомъ нелѣпомъ военномъ походѣ на студентовъ, передъ которымъ меркнутъ подвиги градоначальника города Глупова. Иллюстрируя наглядными для всѣхъ фактами истинное соотношеніе общественныхъ силъ, возбуждая толки и разговоры во всѣхъ слояхъ населенія и среди рабочаго класса въ особенности, описанныя событія способствуютъ накопленію духа недовольства и протеста.

—ъ.

Кіевъ, 8 декабря.

* * *

Приводимъ еще заключеніе другого письма изъ Кіева:

...Когда ректоръ явился, предс. сходки обратился къ нему съ слѣдующ. словами: „Мы, наконецъ дождались васъ, но вы явились не на нашъ зовъ, а на зовъ жандарма. Но все равно. Мы объявляемъ вамъ: если наши требованія не будутъ удовлетворены, то мы послѣ Рождества начинаемъ забастовку. Предупреждаемъ, забастовка не ограничится лишь кіевск. унив., нѣтъ, она охватитъ всѣ высшія учебныя заведенія Россіи, —словомъ, повторится 99 годъ, еще съ большей настойчивостью и энергіей съ нашей стороны...“

Послѣ длинной внушительной рѣчи Новицкаго, прерываемой восклицаніями: „молчать, довольно, подлецъ, мерзавецъ!“ и пр.,—студентовъ оставили въ аудиторіи одних. Теплая напутственная рѣчь предсѣд. съ просьбой не бросать, а довести послѣ его ареста дѣло до конца, была послѣдней въ этотъ вечеръ.

На улицѣ готовилась цѣлая демонстрація. Масса народа, привлеченная необычайнымъ явленіемъ—осадой войсками унив., толпилась на тротуарахъ мостовыхъ, пыталась проникнуть во дворъ. Запоздавшіе студенты, не проникнувшіе въ зданіе, сочувствующіе изъ слушателей публичн. лекцій Аничкова (не состоявшихся въ этотъ вечеръ) готовились провожать сходку до тюрьмы. Весь унив. съ клиниками и Ботанич. садомъ былъ оцѣпленъ войсками и полиціей. У фасада вырисовывается черная масса—силуэты сотни казаковъ. Къ нашему выходу публика была разогнана, войска почти всѣ удалены. Говорятъ, было до 800 чел. пѣхоты, кромѣ полиціи и казаковъ. Насъ отпустили по домамъ. Арестовъ не было. По городу масса толковъ.

Въ тотъ же вечеръ въ 5 ч. и на слѣдующій день состоялась сходка (600 ч.) у политехниковъ, высказавшихся за забастовку.

Настроеніе поднятое. Впечатлѣніе громадное. Забастовка предполагается къ 20 января. Лекціи прекращены.

О „судѣ“ надъ студентами намъ пишутъ изъ Кіева:

По телеграммѣ Мин. Нар. Просвѣщ. надъ переписанными студентами наряжается судъ, въ который войдутъ: Совѣтъ Университета, одинъ генералъ — членъ военнаго суда, прокуроръ Кіевск. судебн. палаты и Новицкій. Послѣдній, какъ говорятъ, опасается, чтобы къ волненіямъ не примкнули рабочіе. Кромѣ того, онъ очень настоятельно нѣсколько разъ въ день по телефону предлагаетъ директору Кіев. Политехникума полицію и войска для успокоенія студентовъ, но на это пока получаетъ отказъ.

Въ городѣ говорятъ, что всѣ студенты будутъ отданы въ солдаты; на самомъ же дѣлѣ, несмотря на то, что судъ окончательно еще не сформировался, студенты уже раздѣлены на 4 категоріи: 1-я—около 20 чел.—будетъ отдана въ солдаты, 2-ая будетъ исключена безъ права поступленія во всѣ высш. учебн. заведенія Россіи, 3-я будетъ исключена на годъ изъ Кіевск. унив., 4-я получитъ строгій выговоръ. Это подготовленіе будущаго приговора лишь увеличиваетъ трагикомедію еще не совершившагося суда.

Изъ Кіева.

Щедринскому генералу, который, выйдя прогуляться по Невскому со своей дочерью, запасся всѣмъ нужнымъ, чтобы, въ видѣ partie de plaisir, переночевать въ III-мъ Отдѣленіи, пришлось къ его досадѣ вернуться здравымъ и невредимымъ домой. Болѣе счастливыми въ этомъ отношеніи оказались двое кіявлянъ—окончившій универс. Михайловъ и его двоюродный братъ студентъ Синеоковъ; впрочемъ, они, выйдя прогуляться днемъ, не только (въ отличіе отъ генерала) не запаслись чѣмъ-либо для ночевки на казенной квартирѣ, но и вообще, очевидно, не были приготовлены къ знакомству съ нашими „блюстителями общественной и личной безопасности“.

Дѣло, какъ разсказываютъ въ городѣ, произошло слѣдующимъ образомъ. Въ воскресный, солнечный день, 26 ноября часа въ три дня, сидѣвшіе уже раза по-два, по-три при массовыхъ арестахъ, по подозрѣнію въ особомъ „образѣ мыслей“—оба они захотѣли прогуляться по городу. Взявъ съ собой комнатную собаку, они отправились на Печерскъ, самую живописную и оригинальную часть города, откуда открывается прекрасный видъ на Днѣпръ. Больше домой они не возвращались. Такое неожиданное исчезновеніе среди бѣла дня двухъ интеллигентныхъ людей, отправившихся гулять по городу, имѣло бы во всякой другой странѣ не малую дозу таинственности, у насъ же оно вскорѣ разъяснилось далеко не таинственнымъ, специфически-русскимъ образомъ. Въ восемь часовъ вечера на квартиру исчезнувшихъ нагрянула жандармерія и произвела безрезультатный, какъ это часто бываетъ, обыскъ.

Оказалось, что оба, непонятно по какимъ соображеніямъ арестованные, ночь провели въ печерской крѣпости, а на слѣдующій день были перевезены въ Лукьяновку. Собака, какъ говорятъ, осталась задержанной въ крѣпости.

Такова любопытная картинка изъ кіевской жизни, являющаяся по сопровождавшимъ ее обстоятельствамъ нѣсколько необычайной варіацией на тему о томъ, какъ русскій человѣкъ можетъ нежданно-негаданно „нырнуть“ да вынырнуть на другой день лишь въ... тюрьмѣ *).

* * *

Ген.-губерн. Драгоміровъ продолжаетъ самодурствовать. Медики 5-го курса пожелали почтить факельцугомъ проф. Тритшеля по случаю его 30-ти лѣтняго юбилея. Понадобилось, конечно, разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что недавно полиція оцѣпила проф. Армашевскаго со студентами, совершавшими геологическую экскурсію. Заручившись согласіемъ губернатора, медики по его совѣту обратились за разрѣшеніемъ къ Драгомірову. И что же? Самодуръ, не выслушавъ, по обыкновенію, студентовъ, выкрикнулъ: „Убирайтесь вонъ!.. Чего вы ко мнѣ лѣзете?.. Развѣ у васъ нѣтъ своего начальства?..“

По этому поводу Союзный Совѣтъ объединенныхъ землячествъ и организацій выпустилъ воззваніе, въ которомъ между прочимъ сказано: „Ну, скажите, какъ относиться къ выходкамъ подобныхъ бурбоновъ, не умѣющихъ сдерживать своихъ дикихъ порывовъ, не имѣющихъ никакого уваженія къ человѣческой личности?! Люди эти, ослѣпленные самовластіемъ, не встрѣчая ограниченія ни въ контролѣ закона, ни со стороны общества, естественно теряютъ образъ и подобіе человѣка... Они не признаютъ въ другихъ чувства собственнаго достоинства, ибо сами лишены его...“

Медики старшихъ курсовъ, числомъ около 100, ходили все-таки поздравлять Тритшеля и подали ему хорошо написанный адресъ. Предполагавшагося хорового пѣнія и факельцуга не было.

На дняхъ за подписью „еврейскіе интеллигенты“ появилось воззваніе, обращающееся къ русскому обществу съ упрекомъ въ томъ, что оно равнодушно относится къ угнетенію евреевъ. Въ связи съ упреками по адресу даже болѣе передовой части общества въ томъ, что она лишена чувства собственнаго достоинства, сознанія своихъ правъ и проч.,—воззваніе производитъ странное, противорѣчивое впечатлѣніе. Вѣдь что удивительнаго, если люди, не умѣющіе и не желающіе защищать себя, не защищаютъ и другихъ? Еще болѣе странно, что подписавшіеся „бросаютъ русскому обществу гордый вызовъ на борьбу“. Какой смыслъ въ подобной борьбѣ? Не лучше-ли бороться съ истинными виновниками угнетенія еврейскаго народа?

—ъ.

Кіевъ, 27 ноября.

Расправа надъ петербургскими студентами.

Въ царской Россіи все гнусное священно и всякій протестъ противъ гнусности подлежитъ жестокой карѣ. Священна даже личность такого гнуснаго борзописца, какъ Суворинъ. За протестъ противъ этого газетнаго холопа царскаго правительства университетскіе холопы того же правительства жестоко расправились съ петербургскими студентами.

Объ этомъ намъ пишутъ изъ Петербурга:

Послѣ эпизода въ суворинскомъ театрѣ во время представленія пьесы „Сыны Израила“ („Контрабандисты“ *) въ университетѣ 25, 26, 27, 28 ноября были сходки, которыя пришли къ рѣшенію подать въ „Союзъ Писателей“ мотивированную просьбу объ исключеніи Суворина изъ числа членовъ названнаго „Союза“ за его отзывы о студенчествѣ, помѣщенные въ „Новомъ Времени“. Правленіе у—та послѣ долгихъ совѣщаній, закончившихся 16/29 декабря, раздѣлило „виновныхъ“ студентовъ на 8 разрядовъ и приговорило ихъ къ слѣдующимъ наказаніямъ:

1. За участіе въ безпорядкахъ 25-28 ноября и совершеніе насильственныхъ дѣйствій надъ чинами инспекціи при исполненіи ими служебныхъ обязанностей на основ. § 31 исключить изъ у—та и на основ. § 34 *передать вѣдѣнію подлежащей судебной власти* студ.: Офраницкаго Николая и Фридмана Владиміра.

2. За участіе въ безпорядкахъ... уволить безъ прошенія и безъ права обратнаго поступленія въ СПБ. у—тъ, но безъ воспрещенія поступленія въ др. у—ты студ.: Маслова Ник., Погодицкаго Влад., Попова Георгія, Райкова Бор., Тагѣева Мих.

3. За участіе... и въ виду участія въ безпорядкахъ весною 99 г. уволить и т. д. студ.: Грушевецкаго Ал., Иванова Алексѣя, Лекаета Ал., Минервина Конст. и Таскина Сергѣя.

4. За участіе... и въ виду участія... уволить до августа 1902 г.: Вологдина Бор., Сольца Арона и Шапшала Илью.

5. За участіе и проч. уволить до августа 1901 г.: Венгерова Ал., Веселовскихъ Ал. и Серг., Воейкова Ал., Гончарова Валент., Дорошевскаго Бор., Писарева Ал. и Яковенко Конст.

6. За участіе... и въ виду участія... уволить до авг. 1901 г.: Аблова Ал., Жукевича, Кашеварскаго Влад. и Рабиновича Филиппа.

7. За участіе... сдѣлать выговоръ и подвергнуть аресту въ *карцерѣ* — отъ 1 до 4 недѣль—12 студентовъ, „съ объявленіемъ имъ всѣмъ, что виновные въ случаѣ новаго проступка будутъ немедленно уволены изъ у—та.

8. Уволить по прошенію на основ. § 31 за нарушеніе запрещенія ректора

---

*) Жандармскій ротмистръ утверждаетъ, что арестованные ходили на Печерскъ для свиданія съ „важнымъ политическимъ преступникомъ“, заключеннымъ въ крѣпости.

*) Эта бездарная антисемитская пьеса была освистана, между прочимъ, и студенческой публикой.

посѣщать зданіе у — та ст. Булгакова Евгенія."

Нужно думать, что послѣ Рождества безпорядки возобновятся.

СПБ. 23 декабря 1900 г,

Изъ Харькова.

По поводу послѣднихъ арестовъ (см. 4-й Листокъ „Р. Д.") Харьк. Комитетъ издалъ въ декабрѣ гектогр. прокламацію „Ко всѣмъ харьк. рабочимъ", которая раздавалась по рукамъ. Приводимъ ея существенное содержаніе:

Товарищи! Мы многое пережили за послѣдніе полгода. Въ славные дни 1-го мая мы впервые заявили о своей ненависти къ давящему насъ гнету капиталистовъ и правительства. Мы присоединили свой слабый голосъ къ боевому кличу рабочихъ всѣхъ странъ. Но тутъ и обнаружилась разница въ положеніи нашемъ и нашихъ братьевъ въ Западной Европѣ. Тѣ могутъ открыто выставлять свою цѣль—освобожденіе рабочаго класса. Мы же, какъ только откроемъ ротъ, чтобы заявить о нуждахъ,—тотчасъ наталкиваемся на казаковъ, жандармовъ и полицію. За то, что мы мирно заявили о своемъ требованіи 8-час. раб. дня на наши головы обрушились жестокія преслѣдованія. 17-го мая дикія полчища жандармовъ бросились ночью въ мирныя жилища нашихъ братьевъ, вырвали ихъ изъ круга близкихъ людей и заточили въ тюрьмы. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, 12 нашихъ товарищей безъ суда и слѣдствія сосланы на 3 г. въ Вятскую губ., а 20 высланы въ разныя мѣста. Этимъ однако не удовлетворились царскіе башибузуки: они видѣли, что харьковскій рабочій не перестаетъ помышлять объ освобожденіи, и вотъ 27 и 28 окт. опять свирѣпствуютъ жандармы: производятъ множество обысковъ, арестовываютъ 20 раб. и 30 интел. Не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, ни пола, ни возраста —всю ночь до утра они жадно ловили и врачей, и студентовъ, юношей и дѣвицъ, напрасно стараясь поймать Харьк. Ком. Рос. С.-дем. Раб. Партіи. И чего же они достигли? Комитетъ цѣлъ и невредимъ. Помирить насъ съ неправдой удалось еще меньше. Наоборотъ, дикія преслѣдованія зажгли въ насъ еще болѣе сильное пламя ненависти къ угнетателямъ...

...Развѣ прямой пользы не принесла намъ наша борьба? Въ самомъ дѣлѣ. Гельф. Садэ принужденъ былъ удовлетворить многія наши требованія. Въ жел.-дор. мастерскихъ уничтожены стѣсненія по части входныхъ марокъ, удаленъ сторожъ входной будки, шпіонившій за нами, стали шабашить въ половинѣ 3-го наканунѣ праздниковъ, стали выдавать полную поденную плату за дни болѣзни, улучшилось обращеніе мастеровъ съ нами. Тоже было и въ другихъ городахъ: послѣ дружной борьбы нашихъ петербургск. и московск. товарищей въ 1896 и 97 гг. даже азіатское правительство царя-батюшки испугалось и вынуждено было издать законъ объ ограниченіи раб. дня...

...Только у насъ еще осталась варварская власть царя-деспота. Только у насъ царскій тронъ еще покоится на порабощеніи голоднаго народа, въ которомъ душится всякое пробужденіе сознанія. Только у насъ возможно заточеніе въ тюрьмы десятковъ и сотенъ интеллигентовъ и рабочихъ за малѣйшее стремленіе къ свободѣ. Такъ намъ-ли отказаться отъ борьбы, намъ-ли бояться жертвъ? Нѣтъ, товарищи, русскіе рабочіе уже доказали свою способность къ дружной борьбѣ. Окажемся же и мы достойными своихъ товарищей! Поклянемся выставлять новыхъ борцовъ на смѣну выбывшихъ изъ строя товарищей, будемъ бороться до конца, пока не побѣдимъ, пока отъ дружнаго напора объединенныхъ рабочихъ не рушатся наши Бастиліи, не разлетится въ прахъ ярмо деспотизма...

Товарищи! Насъ преслѣдуютъ за то, что мы достойно отпраздновали день 1-го мая. Такъ начинайте же теперь готовиться къ еще болѣе достойному празднованію слѣдующаго 1-го мая...

Харьковскій Комитетъ Росс. Соц.-дем. Раб. Партіи.

Изъ Ростова на Дону.

Съ давнихъ поръ, еще со временъ славнаго народовольческаго движенія, установилось мнѣніе о Ростовѣ, какъ о крупномъ революц. центрѣ.

Въ Ростовѣ на Д. дѣйствительно были во время оно революціонные поселки, но только поселки. Пріѣзжала сюда интеллигенція, устраивала поселки, вела мирную пропаганду и сносилась съ другими болѣе крупными пунктами. Въ началѣ 80-хъ годовъ страшный вихрь александровской реакціи задѣлъ Ростовъ, и этотъ городъ надолго заснулъ, сохраняя только кличку революціоннаго пункта. Отсутствіе интеллигенціи, высшихъ учебныхъ заведеній и сравнительная обезпеченность рабочихъ (рабочіе въ большинствѣ мелкіе собственники, жены-коровницы, огородницы, торговки)—всѣ эти мѣстныя условія не благопріятствовали возникновенію и росту революціонныхъ силъ. Однако развитіе промышленности, обѣднѣніе окружнаго крестьянства и усиливавшееся предложеніе труда мало по малу обострили борьбу за существованіе среди ростовскихъ рабочихъ и понемногу подготовляли рабочихъ къ воспріятію новыхъ вѣяній. Недостовало только толчка.

Въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ гг. образовался небольшой кружокъ интеллигентной молодежи. Кружокъ этотъ сперва занимался самообразованіемъ, потомъ перешелъ къ пропагандѣ, но исключительно кружковой. Были организованы два кружка рабочихъ, въ которыхъ этихъ послѣднихъ учили разбираться въ тонкостяхъ высшей философіи, но не научили смотрѣть на массу, какъ на единственный объектъ экономической и политической агитаціи и идти въ эту массу. Кружокъ этотъ долго не просуществовалъ. Арестованный рабочій Вѣтровъ, подпоенный жандармеріей, выдалъ кружокъ. Произведены были аресты: нѣкоторыхъ сослали, многихъ выслали изъ города. Вѣтровъ, мучимый угрызеніями совѣсти, отравился, и все затихло опять.

Стачка въ жел.-дор. мастерскихъ 1894 года (см. 8-й № „Раб. Дѣла") прошла безъ всякаго участія интеллигенціи. Сознат. же рабочіе, уцѣлѣвшіе отъ погрома, оказались непригодными къ агитац. дѣятельности среди массы и остались безмолвными зрителями.

Послѣ стачки опять потянулись годы затишья.

Наконецъ, съ 1900 г. Ростовъ на Д. сталъ ареною дѣятельности Донского Комитета Росс. Соц. Раб. Партіи.

Въ теченіе 1900 г. Комитетъ выпустилъ:

18 апрѣля майск. прокалм. ко всѣмъ рабочимъ, 800 шт., 10 августа прокламац. ко всѣмъ рабоч. 500 шт., 4 окт. прокл. ко всѣмъ рабоч. 800 шт., 24 окт. прокл. къ раб. Влад. мастерскихъ 300 шт., 16 ноября прокл. по поводу арестовъ 500 шт. *) 16 ноября брошюры „Пауки и Мухи", свое гект. изд. 250 шт.

Обезумѣвшее начальство бросилось на поиски. Не зная, что предпринять, за что взяться, жандармерія похватала поднадзорныхъ, хватала по малѣйшему подозрѣнію и теперь держитъ многихъ въ тюрьмѣ, не имѣя никакихъ уликъ противъ арестованныхъ.

Желающіе работать найдутъ въ Ростовѣ дѣло, а работники нужны. Нужно надѣяться, что теперь прошло для Ростова время затишья. Если изсякнутъ теперешн. силы, брошенн. сѣмена быстро дадутъ богатые ростки и на подмогу явятся другія.

Арестованы: Ив. Ставскій, выпущенъ черезъ три мѣсяца. С. Фофановъ (сидитъ съ 1 окт.) его жена (выпущена черезъ мѣсяцъ). М. Серебряковъ (сидитъ съ 1 окт.). В. Удовиченко (вып. черезъ 2 недѣли). Рабочіе: П. Ставскій (сидитъ), Якоби, Татариновъ (сидитъ), Богдановъ (сидитъ) Кузнецовъ, Якущенко. Бѣляевъ, Соколовъ (сидитъ), Полина Чайченко (сидитъ) Щербининъ (сидитъ), Менделевъ (выдавалъ, отнынѣ шпіонъ и избитъ за это возмущенной его поступками кучкой рабочихъ).

Были обыски: у Мочалова, Фофанова. Мелешко, Ступникова, Толмачева, Татаринова, Богданова, Ставскаго, братьевъ Тимофѣевыхъ, Куньшина и мн. др.

Мы имѣемъ самыя достовѣрн. свѣдѣнія, что въ **маст. Влад. ж. д.** приняты на службу **10 чел. провокаторовъ.** Предостерегаемъ поэтому товарищей противъ разставленныхъ ловушекъ.

Не довольствуясь массовыми арестами среди рабочихъ и обысками, жандармерія отдала приказъ на фабрики и заводы разсчитывать мало-мальски подозрительныхъ рабочихъ.

Въ *Новороссійскѣ* арест.: И. И. Ковпнъ, руководитель стачки 1894 г., для котораго съ тѣхъ поръ тюрьма и ссылка стали постоянн. мѣстопребываніемъ, И. Ступниковъ и С. Кулагинъ („Рыжій").

Изъ Сормова
(Нижегород. губ.).

Въ дополненіе нашей корреспонденціи, помѣщенной въ № 8 „Раб. Дѣла", спѣшимъ сообщить, что приговоръ по

*) Прокламаціи иллюстрированы исполненнымъ на цинкографѣ сатирич. рисункомъ „Трудъ и Капиталъ".

дѣлу о безпорядкахъ среди сормовскихъ рабочихъ 1899 года кассированъ прокурорской властью и дѣло должно снова разбираться въ Сенатѣ (24 ноября ст. ст.).

Какъ извѣстно, въ качествѣ обвиняемыхъ было привлечено 16 человѣкъ, но самому же тов. прокурора Соболеву, въ виду полнаго отсутствія какихъ бы то ни было уликъ, пришлось волей-неволей отказаться (уже въ залѣ суда) отъ обвиненія одного изъ посаженныхъ имъ на скамью подсудимыхъ—рабочаго Дмитрусенко. Сама судебная палата, никогда не грѣшившая снисходительностью къ обвиняемымъ, не нашла никакой возможности примѣнить наказаніе къ шестерымъ изъ подсудимыхъ, а остальныхъ присудила къ заключенію при арестномъ Земскомъ Домѣ срокомъ отъ 1 мѣсяца до 3-хъ недѣль, ни мало не убѣдившись неуклюжими доводами представителя обвиненія, будто привлеченныхъ къ дѣлу сормов. рабочихъ безусловно необходимо запрятать на годъ и больше (и притомъ съ лишеніемъ правъ) въ арестантскія роты или тюрьму. Рѣчь тов. прок. Соболева, человѣка еще молодого, дышала такой старческой шамкающей злобою противъ сормовскихъ рабочихъ вообще и сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ въ особенности, такъ была безсодержательна и топорна, что ни у кого не оставалось и тѣни сомнѣнія, что рѣшеніе суда никоимъ образомъ не можетъ состояться въ томъ смыслѣ, въ какомъ это такъ страстно хотѣлось бы представителю обвиненія.

Подсудимаго Северинова церберъ-прокуроръ назвалъ въ своей рѣчи „нахаломъ и наглецомъ" за то только, что подсудимый осмѣлился положить свою руку на рѣшетку, за которой стоялъ, и тѣмъ высказалъ якобы неуваженіе къ „высокому" суду. И для всѣхъ было прекрасно видно, почему прадставитель обвиненія такъ злобствуетъ противъ этого подсудимаго. Дѣло въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи раб. Севериновъ ложно оговорилъ своего товарища раб. Дмитрусенко. Но голосъ совѣсти не давалъ Северинову покоя, и вотъ, къ великой досадѣ товар. прокурора, передъ всѣмъ судомъ и многочисленной публикой Севериновъ торжественно и громогласно отказывается отъ своего предварительнаго показанія, объясняя, что онъ сдѣлалъ этотъ оговоръ только благодаря вымогательству полиціи, и так. образ. лишаетъ г. Соболева прокурорскаго удовольствія упрятать еще одного лишняго человѣка въ тюрьму. „Inde ira" (отсюда гнѣвъ) тов. прокурора противъ раб. Северинова.

Впрочемъ, г. Соболевъ держался такъ безцеремонно не только съ одними обвиняемыми. Свидѣтели, вызванные со стороны защиты, также не избѣжали ругательствъ по своему адресу. Расхваливъ выше всякой мѣры свидѣтелей обвиненія, въ числѣ которыхъ главнымъ образомъ фигурировали жандармы, полицейскіе и урядники со шпіономъ Китаевымъ во главѣ, и находя всѣхъ ихъ „свидѣтелями 84 пробы", г. Соболевъ поставилъ вопросъ: „Но что такое свидѣтели защиты?" и далъ на него замѣчательный съ юридической точки зрѣнія отвѣтъ: „Это тѣ же сормовскіе рабочіе, которые живо чувствуютъ свою кровную связь съ подсудимыми. Да вѣдь и то сказать: въ безпорядкахъ принимало участіе, по крайней мѣрѣ, челов. 400, а на скамьѣ подсудимыхъ—всего 16. Гдѣ же остальные буяны? Я, конечно, не хочу этимъ сказать,—хитро добавляетъ прокуроръ, подмигивая въ сторону свидѣтелей защиты, — что всѣ допрошенные свидѣтели были въ бунтующей толпѣ, принимали участіе зъ безпорядкахъ; но я утверждаю, что довѣрять такимъ свидѣтелямъ невозможно."

И вотъ теперь, когда, несмотря на всѣ старанія полиціи и слѣдователей, несмотря на всѣ совершенно непозволительныя злобныя выходки прокурора противъ обвиняемыхъ и свидѣтелей защиты, не удалось все-таки добиться даже отъ Палаты судебнаго приговора, достаточно жестокаго, по мнѣнію представителя обвинительной власти,—эта власть начинаетъ вновь дѣло въ Сенатѣ (быть можетъ, не безъ внушенія со стороны высшаго начальства), требуя новыхъ болѣе тяжелыхъ каръ на головы сорм. рабочихъ, и безъ того уже выдержавшихъ тюремное заключеніе, испытавшихъ на себѣ всѣ прелести нашего предварительнаго слѣдствія съ добавленіемъ энергическихъ полицейскихъ вымогательствъ по части „нужныхъ" показаній и перенесшихъ большія нравственныя мученія во время полуторадневнаго судебнаго разбирательства.

Но нашимъ палачамъ всего этого мало. Они, какъ шекспировскій Отелло, готовы

каждую минуту вопіять: „Крови, Яго, крови!!" Но пусть они поберегутся и припомнятъ уроки исторіи, гдѣ почти нѣтъ исключенія изъ правила: „Какъ аукнется, такъ и откликнется".

Изъ Трубчевска (Орловск. губ.).

Рабочее движеніе въ Трубчевскѣ началось лишь въ 1900 г., хотя существующая тамъ промышленность ужъ давно имѣетъ тѣ же размѣры и тѣ же порядки, что и теперь. Трубчевскъ находится въ самомъ центрѣ пеньковаго производства, и на его пенькотрепальняхъ занято болѣе 1.000 чел., что для крошечнаго уѣзднаго городка представляетъ значительную цифру. Пенькотрепальни находятся въ рукахъ купцовъ, владѣющихъ кромѣ нихъ еще лавками, лѣсными конторами и пр.—въ рукахъ бр. Курындиныхъ, Соколовыхъ, Гамовыхъ, Сорокина и друг. не столь крупныхъ предпринимателей. Порядки въ пенькотрепальняхъ, конечно, самые „патріархальные": трепачи работаютъ при полномъ отсутствіи вентиляціи; громадное количество пеньковой пыли, летающей въ воздухѣ, заставляетъ раскрывать всѣ двери, что вызываетъ сквозняки и притомъ мало достигаетъ цѣли. Въ нѣкоторыхъ трепальняхъ помѣщенія не имѣютъ потолка, крыши лѣтомъ накаляются, и приходится работать въ невозможной жарѣ: рабочіе работаютъ нагишомъ и часто на смерть простуживаются отъ сквозняковъ. Это, въ соединеніи съ пеньковой пылью, заставляетъ рабочихъ по справедливости говорить: „У насъ до 30 лѣтъ поработаешь, а тамъ крышка: чахотка и могила!" Большею частью на трепальняхъ работаютъ женщины и дѣвушки. Не говоря уже о томъ, что ихъ, что называется, походя бьютъ на работѣ, ихъ еще растлѣваютъ. Хозяева, хозяйскіе сынки, мастера, приказчики—всѣ имѣютъ цѣлыя толпы наложницъ. „Эй, иди къ Курындину полы мыть!" слышитъ несчастная дѣвушка. И не можетъ не пойти: прогонятъ, а если удастся поступить на другую трепальню, то все равно, черезъ нѣсколько дней раздастся то же: „Эй, иди къ Соколову полы мыть!" И бѣдняга идетъ на вѣрный позоръ! Теперь она можетъ быть увѣрена, что ее не прогонятъ до тѣхъ поръ, пока султану—какому-нибудь Ильѣ Никанорычу—не надоѣстъ имѣть ее наложницей. Тогда ее выбрасываютъ на улицу, чаще всего беременную, какъ негодную ни для одной изъ своихъ обязанностей. Нѣтъ ни одной сколько-нибудь красивой дѣвушки или женщины изъ работницъ, которая не была бы наложницей кого-либо изъ имѣющихъ надъ ней власть.

На трепальняхъ работаетъ много малолѣтнихъ — мальчиковъ и преимущественно дѣвочекъ ниже законнаго возраста; работаютъ они столько же, сколько и взрослые, получаютъ удивительно ничтожную плату, подвергаются побоямъ постоянно. Старички-купцы лишаютъ невинности маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ выбираютъ угодливые приказчики—хозяйскіе прихвостни.

Когда пріѣзжаетъ „фабричный" (инспекторъ), — объ этомъ всегда знаютъ заранѣе—то объявляется распоряженіе —„малолѣтнимъ не приходить" въ этотъ день. Собственно, хозяева смѣло могли бы и этого не дѣлать: фабр. инспекторъ — свой человѣкъ! Пріѣдетъ, попьетъ чайку у Курындина, пообѣдаетъ у Гамова, развѣситъ „бумажки" (объявленія и правила), которыя рѣдкій рабочій можетъ прочесть и никто не можетъ понять *), попьетъ опять чайку у какого-нибудь Сорокина и укатитъ въ Орелъ! А штрафы по прежнему налагаютъ громадные за всякій пустякъ, расчетныхъ книжекъ нигдѣ нѣтъ, обсчитываютъ рабочихъ страшно, обязываютъ покупать въ своихъ лавкахъ всѣ продукты, причемъ дерутъ вдвое, обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ и даютъ дрянь.

Рабочіе до этого года терпѣли, но когда ихъ всѣхъ хотѣли оставить безъ работы, они, наконецъ, зашевелились. Дѣло было такъ: весной этого 1900 г. нѣкоторые изъ владѣльцевъ трепаленъ, обладающіе, разумѣется, и большими участками конопли, нашли, что при усиленномъ спросѣ на сырецъ выгоднѣе отправлять сырецъ заграницу, чѣмъ обрабатывать самимъ. Сразу все прекратить трудно. Для начала понизили разцѣнки на 30 проц. Рабочіе на это не согласились. Купцы обрадовались такому предлогу и прекратили производство. Тогда рабочіе, собравшись громадной толпой, двинулись къ полицейскому

*) Трубчевскъ находится въ 50 вер. отъ жел. д., уровень культуры трубч. рабочихъ очень низокъ, грамотныхъ очень мало.

управленію и потребовали къ себѣ исправника. Тотъ перепугался и долго не выходилъ, но, наконецъ, по настоятельному требованію рабочихъ, вышелъ и распросилъ рабочихъ, что имъ надо. Рабочіе, видя, въ простотѣ душевной, въ немъ своего защитника и блюстителя справедливости, изложили ему причины своего недовольства. Исправникъ думалъ сначала запугать и грозно закричалъ: „Разойдитесь!“ — обычное восклицаніе всѣхъ чиновъ полиціи во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Тогда рабочіе рѣшительно заявили, что, если купцы будутъ вывозить сырецъ и понижать разцѣнки, то они „купцамъ кишки выпустятъ!“ Исправникъ обѣщалъ имъ уговорить купцовъ, но при этомъ велѣлъ приставу переписать всѣхъ, кого только могъ замѣтить въ толпѣ. Хозяева, очевидно, почуяли, что трепачи шутить не будутъ, открыли фабрики и повысили разцѣнки, хотя все-таки не до прежняго уровня.

Рабочіе вновь стали на работу, но это происшествіе взволновало какъ ихъ умы, такъ и умы „начальства“: исправникъ былъ вызванъ губернаторомъ, слѣдователю было поручено произвести тайное дознаніе, прискакалъ фабр. инспекторъ, причемъ велъ себя, какъ всегда (см. выше). Слѣдователь говорилъ нѣкоторымъ рабочимъ, что за ихъ „бунтъ“ можно по такимъ-то статьямъ понести тяжелую отвѣтственность. Очень характеренъ отвѣтъ рабочихъ: „Всѣхъ въ каторгу не сошлютъ, ежели что, купцовъ все-таки всѣхъ передушимъ!“

Въ теченіе лѣта разцѣнки были очень неустойчивы и каждое ихъ пониженіе вызывало глухое волненіе среди рабочихъ. 6-го ноябри, въ понедѣльникъ, работницамъ фабрики И. Н. Курындина было объявлено, что теперь вмѣсто 1 р. 50 к. въ недѣлю будутъ платить 1 р. 20 к., а подросткамъ вмѣсто 90—60 к. Въ этомъ году, по случаю неурожая, цѣны на обычные пищевые продукты повышены, такъ что и прежняя плата еле-еле позволяла существовать; теперь же приходилось прямо умирать съ голоду. „Одного хлѣба въ день на гривенникъ съѣшь,—какъ же работать за гривенникъ?!“—заявили несчастныя дѣвушки. „А не хотите, ступайте къ чорту!“—закричалъ хозяинъ и, пользуясь тихимъ временемъ, закрылъ фабрику. Уже черезъ 3 дня изголодавшіяся работницы пришли вновь проситься на работу; только самыя твердыя продержались недѣлю, а потомъ и онѣ пришли.

Весенній „бунтъ“ и ноябрьская забастовка женщинъ были первыми ласточками раб. движенія въ Трубч. Поэтому вполнѣ понятно, что глухое недовольство, существующее у всѣхъ рабочихъ, принимаетъ такія формы, которыя характеризуютъ совершенную неподготовленность рабочихъ, отсутствіе представленія о цѣляхъ ихъ движенія, отсутствіе организаціи и руководителей. Если бы въ Трубч. попалъ какой-нибудь умѣлый агитаторъ, онъ нашелъ бы почву для агитаціи и могъ бы придать болѣе правильныя и цѣлесообразныя формы рабочему движенію въ Трубчевскѣ. Безъ этого же тамъ врядъ-ли можетъ скоро исчезнуть „кишки выпустимъ“ или срываніе забастовки.

Изъ Саратова.

13 ноября нѣкто Тимофѣевъ (брюнетъ, довольно красивый, ростъ выше средняго) зашелъ къ Иванову, Давыдову, Костровскому, Егорову, Шепелеву, Трусову, Фишеру и къ нѣкоторымъ другимъ и всѣмъ имъ предлагалъ нелегальную литературу; въ ту же ночь у всѣхъ были произведены обыски, но ничего ни у кого не нашли, кромѣ Егорова. Его Тимофѣевъ не засталъ дома и положилъ ему подъ тюфякъ пачку нелегальной литературы, при обыскѣ ее нашли и арестовали Егорова. На допросѣ онъ заявилъ, что нелегальная литература прислана ему изъ жандармскаго управленія, и былъ сейчасъ же выпущенъ.

На-дняхъ выпустили Воронина, онъ обвинялся въ принадлежности къ Ив.-Вознесенской организаціи.

Полиція здѣсь свирѣпствуетъ. Она арестовала адресъ Н. К. Михайловскому съ 1.000 подписями, по этому поводу была выпущена прокламація. Жандармы старались создать дѣло, но неудачно.

Кромѣ вышеуказанныхъ были обыски у Лебедева, Титова, Тарновской, Буянова, Цурьязова, Фомичева, Арефьева, на заводахъ Беринга, Гальске (?) и сталелитейномъ, а также въ депо Ряз.-Ур. жел. дор.

Изъ дѣятельности Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза въ Россіи и Польшѣ (автономной части Партіи).

Вильно. Стачка 40 шапочниковъ, треб. $10^{1}/_{2}$ час. раб. дня. Послѣ 8 дней рабочіе выиграли.—Стачка красильщиковъ, 20 евр. и 6 христ. Выиграли. Требовали удаленія солдатъ отъ работы. Хозяинъ хотѣлъ уплатить за пропущенные дни только евр. рабочимъ, но тѣ потребовали, чтобы и христ. рабочимъ было уплачено. Это требов. также было удовлетворено.—Стачка 72 евр. прикащиковъ, требов. сокращ. раб. дня на два часа. Выиграли.

Кромѣ того произошелъ за послѣднее время цѣлый рядъ другихъ крупныхъ и мелкихъ стачекъ у жестянниковъ, дамск. портныхъ, булочниковъ, въ типографіи Ромма (12 дѣвушекъ) и др. Всѣ стачки имѣли успѣхъ.

Виленскій комитетъ В. Е. Р. С. распространилъ воззванія: на фабрикѣ Брауна, во всѣхъ типографіяхъ и на фабр. Шишмана. Всѣ воззванія печатаны въ Россіи.

Гомель. Маленькія успѣшныя стачки у столяровъ и слесарей.

Недавно „профессіональный союзъ еврейскихъ столяровъ“ праздновалъ тутъ 4-ую годовщину своего основанія. Въ лѣсу было устроено собраніе, на которомъ участвовало около 100 чел. Пѣли революц. пѣсни, произнесены были рѣчи о положеніи рабочихъ, сокращеніи раб. дня, экономич. и политич. борьбѣ, исторіи евр. раб. движенія.

Борисовъ, Минск. губ. Стачка 60 портныхъ-евреевъ. Результатъ еще неизвѣстенъ.

600 еврейскихъ рабочихъ праздновали въ г. Вильнѣ 75-лѣтіе памяти декабристовъ.

Вышли: „Бѣлостокскій рабочій“ (Bjalostoker Arbeiter) № 3, „Варшавскій Рабочій“ (Der Warschawer Arbeiter) № 6 и „Минскій Рабочій“ (Minsker Arbeiter) № 3.

ПОЛЬША.

Въ концѣ августа въ Польшѣ состоялся **съѣздъ „Соціальдемократической Парліи въ Польшѣ и Литвѣ“.**

Собравшіеся на съѣздъ представители польскихъ рабочихъ занимались главнымъ образомъ тремя вопросами: 1) организація партіи, 2) ея программа и 3) объ отношеніи партіи къ рабочему движенію въ Россіи.

По вопросу объ организаціи съѣздъ рѣшилъ предоставить полную автономію обѣимъ частямъ партіи — Польской и Литовской, на которыя она дѣлится. Для руководства дѣятельностью обѣихъ частей избраны: „Польскій Центр. Комит. Соц.-дем. Партіи въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ“ и „Литовскій Центр. Комит. Соц.-дем. Партіи въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ“. Въ качествѣ же представителя всей партіи учреждена „Главная Администрація Соціальдемократіи Цар. Польскаго и Литвы“.

По вопросу о программѣ съѣздъ рѣшилъ, что партія продолжаетъ считать своей главной задачей подготовку польскихъ рабочихъ къ соціалистическому перевороту; ближайшей же задачей она ставитъ борьбу, совмѣстно съ рабочими всей Россіи, за улучшеніе экономич. положенія и за политическую свободу.

По вопросу объ отношеніи къ рабочему движенію въ Россіи съѣздъ рѣшилъ войти въ самыя тѣсныя организаціонныя отношенія съ организаціями рабочихъ русскихъ, еврейскихъ, латышскихъ и др., стоящими на классовой точкѣ зрѣнія.

Въ началѣ декабря были объявлены приговоры для 36 участниковъ демонстраціи на похоронахъ Венгржиновича: 35 чел. отданы на два года подъ надзоръ полиціи и высланы въ Одессу и ея окрестности; портниха Квятковская сослана на 3 г. въ Архангельск. губ.

По поводу этихъ приговоровъ Польск. Центр. Ком. С.-Д. Партіи выпустилъ прокламацію, призывающую польскихъ рабочихъ къ солидарной борьбѣ вмѣстѣ съ рабочими всей Россіи за демократическую конституцію.

Въ половинѣ декабря была издана Варшавск. Ком. Польск. С.-Д. Партіи и распространена въ варшавскихъ булочныхъ прокламація къ рабочимъ, подписанная Администраціей профессіон. Союза Булочниковъ. Прокламація призывала противодѣйствовать сліянію смѣнъ и требовать 3-хъ дневнаго праздничнаго отдыха въ мѣсяцъ.

Бѣлостокъ. Здѣсь Соціальдем. Партія въ Польшѣ и Литвѣ выпустила въ окт. и ноябрѣ двѣ прокламаціи. Первая прокламація была обращена къ рабочимъ машиностроит. завода Вечорка и касалась того произвола, который царитъ на заводѣ, а также злоупотребленій и безчеловѣчнаго обращенія съ рабочими 3-хъ

мастеровъ и директора (Соммера); въ ней указывалось на безконтрольное распоряженіе фабричной кассой и на затрудненія при пользованіи даровымъ лѣченіемъ, на что отпускаются средства изъ кассы. Прокламація призывала рабочихъ организоваться и готовиться къ борьбѣ за учрежденіе контроля рабочихъ надъ кассой и за требованіе удалить ненавистныхъ мастеровъ.

Вторая прокламація, сходная по содержанію съ прокламацией, выпущенной Еврейскимъ Союзомъ, призывала бѣлостокскихъ ткачей организоваться и бороться за 10 час. раб. день (за 12 час. раб. день съ 2-хъ часовъ перерывомъ).

*Изъ Варшавы**). Съ 1892 г. въ Литвѣ дѣйствуютъ „временныя правила", по которымъ „за основаніе и содержаніе безъ разрѣшенія правительства какой бы то ни было школы виновные подвергаются денежному штрафу суммой до 300 рубл. или аресту срокомъ до 3 мѣсяцевъ". Этому же наказанію подвергается всякій, кто только находится въ какой бы то ни было, хотя бы самой отдаленной связи съ такой тайной школой, хотя бы онъ только давалъ ребятамъ учебники или карандаши.

Теперь эти „временныя правила" распространены и на Польшу. „Новый ударъ, пишутъ изъ Варшавы, обрушился на наше общество и именно на ту его часть, которая занималась тихой, муравьиной культурной работой. Указъ „о тайномъ обученіи" сравнялъ Польшу съ Литвой и серьезно угрожаетъ развитію у насъ первоначальнаго просвѣщенія, такъ какъ, чтобы дѣлать то же, что дѣлалось прежде безъ большой боязни, лишь съ соблюденіемъ кое-какихъ предосторожностей, теперь потребуется значительная доля гражданскаго мужества какъ со стороны учителей, такъ и со стороны родителей учениковъ".

Эта новая „ласка" царскаго правительства должна бы многихъ польскихъ культурниковъ толкнуть на путь революціонной борьбы съ общими политическими условіями или, по крайней мѣрѣ, вызвать среди нихъ большее сочувствіе и поддержку существующей революціонной соціалистической партіи.

Пребываніе арестованныхъ за демонстр. на похорон. Венгржиновича въ Алексѣевской цитадели было непрерывнымъ рядомъ столкновеній съ военными властями. Заключеннымъ приходилось бороться за лучшее содержаніе, болѣе сносныя условія заключенія и болѣе человѣческое обращеніе съ ними со стороны офицеровъ; солидарное поведеніе заключенныхъ рабочихъ и работницъ, христіанъ и евреевъ, доводило „начальство" прямо до отчаянія.

*) Изъ Przedswit'a.

Похоронныя демонстраціи, повторяющіяся все чаще и не только въ самой Варшавѣ, а и въ провинціи (недавно была демонстрація при похоронахъ въ Жирардовѣ),— вызвали спеціальныя мѣры со стороны полиціи. Теперь, если только полиція подозрѣваетъ въ умершемъ рабочемъ соціалиста, то спѣшитъ тотчасъ же запретить хоронить его днемъ и устраиваетъ похоронное шествіе ночью съ факелами, чѣмъ вызываетъ всеобщую сенсацію. Въ Жирардовѣ запретили выставлять возлѣ квартиры крышку гроба, если покойникъ былъ рабочимъ. Въ Лодзи полицмейстеръ приказалъ доводить до его свѣдѣнія о смерти всѣхъ старше 15 лѣтъ, а кромѣ того полиція энергично разгоняетъ публику, интересующуюся похоронной процессіей.

Въ 37-мъ № „Работника" заключается нѣсколько подробностей объ арестѣ польской революціонной типографіи въ Лодзи. Тѣми „Домбровскими", въ квартирѣ которыхъ взяли типографію, оказались Юзефъ Пилсудскій съ женой Марьей. Въ концѣ 1892 г. Пилсудскій вернулся въ Польшу послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Сибири, куда онъ былъ сосланъ за участіе въ дѣлѣ покушенія на Александра III. Полицейскій надзоръ, постоянные жандармскіе обыски принудили его вскорѣ уѣхать заграницу, гдѣ онъ жилъ газетнымъ трудомъ. Осенью прошлаго года, по приглашенію Центральнаго Рабочаго Комитета, онъ взялся редактировать „Работникъ" и жилъ при типографіи въ Лодзи.

*Въ Домбровѣ**) съ 1895 года начало сильно развиваться рабочее движеніе. Наступила эпоха стачекъ, стали появляться невиданныя до тѣхъ поръ соціалистическія книжки, началъ выходить „Gornik" (Шахтеръ). Въ 1897 году стрѣляли въ рабочихъ во время достопамятной стачки въ Гутѣ Банковой, затѣмъ стали устраиваться майскія демонстраціи и демонстраціи при похоронахъ, наконецъ убили шпіона. Все это вызвало невиданное до тѣхъ поръ вниманіе къ Домброво царскаго правительства. И вотъ уже три года, какъ у насъ безпрерывно увеличивается жандармско-полицейскій персоналъ и возникаютъ новыя организаціи „общественной безопасности". Создана спеціальная „фабричная полиція", которая дѣлится на тайную и явную. Внутри зданія фабрики постоянно находится нѣсколько полицейскихъ въ формѣ; они ходятъ изъ угла въ уголъ, заглядываютъ въ каждую щелку и выпытываютъ разныя мелочи. Въ помощь себѣ они имѣютъ тайныхъ агентовъ; работающихъ вмѣстѣ съ рабочими и размѣщенныхъ такимъ образомъ, что каждое небольшое отдѣленіе имѣетъ своего шпіона. Вся эта свора, имѣющая своихъ десятниковъ и „старшину", слѣдитъ за всякимъ шагомъ, за каждымъ словомъ „подозрительныхъ", а особенно старается зорко смотрѣть за распространеніемъ литературы.... Кромѣ того возникли три жандармскія канцеляріи съ самостоятельными начальниками и особымъ персоналомъ: въ Домбровѣ, въ Сосновцѣ и въ Бендинѣ. А затѣмъ вся обыкновенная полиція сорганизована въ вспомогательные отдѣлы для жандармеріи и увеличена на 50 „стражниковъ" (городовыхъ).

*) Изъ Napzzod'a.

Такъ преобразованная „охрана общественной безопасности" все шире распространяетъ свою дѣятельность. Не удовлетворяясь явнымъ и тайнымъ надзоромъ на фабрикахъ, правительство производитъ нападеніе на рабочій людъ въ квартирахъ, на улицахъ, даже по дорогѣ въ церковь. Царскіе опричники подходятъ на улицѣ ко всякой группѣ разговаривающихъ, подслушивая, о чемъ идетъ разговоръ. Пусть только въ квартирѣ рабочаго нѣсколько поздно свѣтится огонь, — непрошенный гость стучитъ въ двери и суетъ свой носъ, — не происходитъ-ли тамъ какое-нибудь собраніе. Послѣ 10 час. вечера задерживаютъ на улицѣ прохожихъ, требуя отъ нихъ паспорта. Жизнь прямо не милой становится подъ такимъ постояннымъ надзоромъ. Но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что отъ увеличенія полиціи населеніе хоть выигрываетъ косвеннымъ образомъ, получая защиту отъ воровъ. Какъ бы не такъ! Кражи и грабежи не только не прекращаются, но принимаютъ еще все большіе размѣры; прогрессъ однако въ томъ, что крадутъ теперь средь бѣла дня и изъ подъ носу полиціи, занятой теперь всецѣло разыскиваніемъ соціалистовъ. Да и полиція не стѣсняется помогать ворамъ.

По тюрьмамъ и ссылкамъ.

Изъ Средне-Колымска.

Здѣсь разыгралась **кровавая драма**, не первая въ Якутской области. **Калашниковъ** (одесситъ, мичманъ дальняго плаванія, прибылъ въ Вост. Сибирь въ 1896 г.) жилъ на заимкѣ „Жиркова", въ 80 верстахъ отъ Средне-Колымска, занимаясь рыбной ловлей. Однажды онъ замѣтилъ на рѣкѣ пау окъ (судно), шедшій съ казеннымъ грузомъ въ Нижне-Колымскъ. На паузкѣ плылъ н.-колымскій засѣдатель Ивановъ съ тремя казаками и двумя поселенцами. Калашниковъ подъѣхалъ на лодкѣ къ паузку справиться, нѣтъ-ли для него писемъ изъ города. Тутъ у него съ засѣдателемъ вышла крупная ссора, послѣ или во время которой К. бросился на паузокъ. **По приказанію Иванова К. былъ связанъ, брошенъ на полъ, а Ив. топталъ его ногами по лицу.** К. вернулся на заимку совершенно больнымъ.

Съ заимки онъ отправился въ городъ, но на „Среднемъ" (заимка въ 40 верст. отъ Ср.-Колым.) встрѣтилъ товарищей: Яновича, Л. В. Ергину и А. П. Орлова. К. разсказалъ имъ подробности дѣла и **застрѣлился**. Это произошло 28 іюля. Товарищи привезли тѣло К. въ Ср.-Колымскъ.

Мѣсяцъ спустя, Ивановъ былъ вызванъ исправникомъ обратно въ Ср.-Кол. для допроса.

Въ понед. 4 сентября Александръ Ал. **Ергинъ** отправился на работу (онъ дѣлалъ кирпичи), имѣя при себѣ заряженное ружье: въ это время начинается летъ гусей и лебедей, а провизія была у всѣхъ на исходѣ. По дорогѣ Ергинъ встрѣтилъ Иванова. Тутъ его охватилъ такой глубокій порывъ негодованія и злобы, что онъ **выстрѣлилъ**

въ виновника смерти товарища. Засѣдатель на другой день умеръ.

Ергина арестовали и содержали въ караульномъ домѣ, а по первому зимнему пути, 15 окт., должны были отправить въ Якутскъ.

Ергинъ здоровъ. Что касается его жены, то ея нервы настолько потрясены, что дальнѣйшее ея пребываніе въ Колымскѣ невозможно; между тѣмъ добиться перевода нельзя скоро...

Ерг. просилъ, чтобы его родныхъ до поры до времени не знакомили съ происшедшимъ.

Ал. Ал. Ергинъ вятскій уроженецъ, окончилъ въ 1893 г. ест. факультетъ СПБ. Университета, въ 1893-94 г. отбывалъ воинскую повинность въ Севастополѣ. Арестованъ въ Петербургѣ, гдѣ служилъ, въ 1895 г. по пустякамъ, но затѣмъ на него падали одно обвиненіе за другимъ, такъ что онъ вырвался изъ одиночки только въ сент. 1898 г., чтобы быть осужденнымъ еще на 8 л. жизни въ ужасныхъ колымскихъ условіяхъ.

Изъ якутской ссылки.

...Особенно трудно живется въ Колымскѣ. Казенное пособіе для семейныхъ не должно превышать 19 р. 16 к. въ мѣс., независимо отъ того, сколько получаютъ одинокіе. Въ Колымскѣ одинокимъ даютъ 18 р., а на жену слѣдуетъ прибавка въ 1 р. 16 к. въ мѣс. Это при колымской дороговизнѣ. Получать деньги изъ Россіи нельзя—конфискуютъ въ счетъ пособія, не конфискуются только тѣ деньги, которыя присылаются на имя добровольно слѣдующихъ женъ. Жизнь становится тамъ выносимой лишь благодаря тому, что есть много книгъ, газетъ, журналовъ и симпатичныхъ товарищей.

Яновичъ и Суровцевъ, оба шлиссельбуржцы, этой осенью должны получить право приписки къ крестьянскому обществу съ правомъ переѣхать въ болѣе южные округа Як. обл. Но Дмитрій Як. Суровцевъ ни за что не хочетъ подать требуемаго закономъ прошенія о припискѣ, а потому врядъ-ли получитъ право выѣзда. Ему уже за 45 лѣтъ. Занимается огородничествомъ. Людвигъ Фомичъ Яновичъ моложе Суровцева лѣтъ на 6. Это очень образованный человѣкъ, много занимавшійся въ Шлиссельбургѣ. Теперь въ Колымскѣ и участковый врачъ и фельдшерица (единственные на весь округъ) наши товарищи. Врачъ Сергѣй Ивановичъ Мицкевичъ, изъ Москвы, былъ назначенъ въ Олекминскъ, но добровольно переѣхалъ въ Кол. на мѣсто участковаго врача. Послѣ самоубійства Калашникова вышелъ въ отставку. Съ нимъ добровольно слѣдующая жена Олимпіада Николаевна. Фельдшерица, жена Борейши добровольно слѣдующая изъ Одессы. Позже всѣхъ окончатъ срокъ Егоровъ и Тасія Мих. Акимова — до 1909 г. По ихъ московск. дѣлу тамъ же живетъ Распутинъ, женившійся на Шулятиковой, но съ ними колонія не сносится, а также съ Мельниковымъ изъ Харькова. Въ Средне-Колымскѣ же Стрыжецкій, Полинскій, Цыперовичъ, Цыценка и Даниловъ (бывшій каріецъ). Ал-дръ Петровъ. Орловъ—старикъ 75 л., много лѣтъ проведшій по отдаленнымъ мѣстамъ, въ послѣдній разъ арест. въ Константинополѣ въ 1890 г. Срокъ ему кончится въ 1905 г.

Въ Вилюйскѣ чуть было не разыгралась исторія, подобная колымской, но пока дѣло ограничилось жалобами и есть надежда, что не случится еще болѣе тяжелаго.

Въ Олекмѣ жизнь сложилась лучше, благодаря лучшимъ климатическимъ условіямъ. Большинство политич. поселенц.—евреи изъ Вильно, тамъ же Браудо, окончилъ юрид. фак. СПБ. Унив., метеорологъ, Михаилъ Степ. Александровъ, оконч. СПБ Унив.

Изъ второй лѣтней партіи, прошедшей чер. село Александровское (подъ Иркут.), въ Як. обл. назначены 7 ч., изъ нихъ 4 въ Олекму, именно: 1) Рувимъ Наумовичъ Фридманъ, рабоч 25 лѣтъ изъ Вильны, папиросн. Онъ работалъ не только въ Россіи, но и въ Берлинѣ и въ Глазго (Шотландіи), знаетъ языки. Въ тюрьмѣ сходилъ съ ума, въ больницѣ повѣсился, но былъ приведенъ въ чувство. Сосланъ на 5 л. 2) Его жена Раиса Яковлевна, портниха изъ Вильны на 4 г. Взяты они въ Бѣлостокѣ при типографіи, въ кот. печаталась газета „Рабочее Знамя“. 3) Павелъ Степ. Сухановъ, былъ въ П.-Разумов. акад. въ 80-хъ гг.. 1-й разъ сосланъ на 3 г. въ Ирк. г., вторично арест. въ СПБ. по дѣлу Вознесенскаго. Сосланъ на 5 л. 4) Жена Суханова Любовь Ал-дровна, фельдш.-акуш., тотчасъ получила въ Олекмѣ въ больницѣ мѣсто на 55 р. въ мѣс., у нихъ ребен. 3-хъ лѣтъ.

Въ Якут. обл. отправляютъ три раза въ годъ: въ маѣ, іюлѣ сплавомъ по Ленѣ, да въ концѣ декабря на тройкахъ. Лѣтняя партія идетъ подъ начальствомъ обыкновеннаго офицера и свиданія съ проѣзжающими даются легко, большинство офицеровъ пускаютъ нашихъ челов. по 10 подъ надзоромъ одного солдата; зимнія же партіи ѣдутъ подъ начальствомъ жанд. унтеръ-офиц. и

лошадей мѣняютъ не въ городѣ, а въ деревнѣ верстъ за 12. Къ проѣзду партіи нарочно высылаютъ въ деревню лошадей съ городской почтовой станціи. Тоже практикуется и въ другихъ попутныхъ городахъ—Верхоленскѣ и Киренскѣ.

Въ первой лѣтней партіи въ этомъ году нашихъ никого не было. На другой день послѣ того, какъ вторая лѣтняя партія вышла изъ Александ., туда прибыли новые и изъ-за одного дня опозданія имъ приходится провести въ 4-хъ стѣнахъ лишніе 1/2 года. Къ началу октября въ Александр. слѣдующія лица ожидаютъ отправки въ декабрѣ: Зеликманъ (женщ.), Франкфуртъ, Бѣлоусова, Солодуха, Померанецъ—всѣ въ сѣверные окр. Иркут. г. Кромѣ того въ Як. обл.: Швабскій съ женой, Карчмарчикъ, Теслеръ, Эдельманъ съ женой, трое рабочихъ и жена одного изъ нихъ.

Въ „Таганкѣ“.

Царское правительство умѣетъ показать товаръ лицомъ. Оно не разъ щеголяло передъ представителями европейскаго „тюрьмовѣдѣнія“ якобы образцовыми порядками нѣкоторыхъ своихъ тюремъ. А вотъ напр. „Таганку“, московскую губ. тюрьму, оно никому не рѣшится показать. О возмутительной обстановкѣ этой тюрьмы пишетъ одинъ изъ полит. заключенныхъ:

...Вы не можете себѣ представить, что за ужасная здѣсь обстановка въ гигіеническ. отношеніи. Камеры очень маленькія и страшно низкія, **полы никогда не моются**, но когда мѣняются жильцы то полы натираются какимъ-то чернымъ составомъ, который быстро высыхаетъ, и все, что есть въ камерѣ, покрывается черной сажей. Мѣнять бѣлье совершенно безполезно: къ вечеру все оно дѣлается грязнымъ. Подъ дверью устроена большая отдушина, ведущая въ коридоръ—и во время уборки, два раза въ день, черезъ нее распространяется такой **ужасный смрадъ**, что приходится буквально задыхаться въ своей каморкѣ. Можно, правда, открыть фортку, но камера такъ мала, что сразу охватывается холоднымъ воздухомъ и нѣтъ возможности никуда спрятаться. 14 часовъ въ сутки горитъ старая жестянная лампа, которая постоянно течетъ, и часто ночью приходится встать и открыть форточку, ибо спать нѣтъ никакой возможности. При всемъ этомъ только 20 мин. прогулки въ сутки! Въ результатѣ у меня непрерывныя головныя боли, и занятія, конечно, теряютъ всякій смыслъ, когда садишься за книгу, стиснувъ руками голову...

Наумъ Лившицъ.

3-го декабря нов. стиля въ кишиневской земской больницѣ умеръ рабочій Наумъ Лившицъ.

Покойный обучился слесарному ремеслу въ виленскомъ ремесленномъ училищѣ, гдѣ, будучи еще 15 лѣтнимъ мальчикомъ, сорганизовалъ стачку учениковъ противъ грубости и произвола учителей. За этакую „дерзость“ онъ былъ исключенъ и лишь съ большимъ трудомъ ему удалось получить право сдать общій экзаменъ на аттестатъ. Эта уступка была сдѣлана ему въ виду его блестящихъ способностей.

Къ движенію онъ примкнулъ очень молодымъ, но, благодаря своей энергичности, способности и большой начитанности, онъ скоро выдвинулся какъ одинъ изъ лучшихъ агитаторовъ изъ рабочихъ. Послѣ 1-2 лѣтъ работы въ Вильнѣ, оставивъ по себѣ самую лучшую память какъ среди массы, такъ и въ передовыхъ рабочихъ кружкахъ, онъ, вмѣстѣ съ еще нѣсколькими агитаторами, уѣхалъ въ Бѣлостокъ. Тамъ, какъ одному изъ наиболѣе надежныхъ членовъ организаціи, ему поручили конспиративную квартиру, на которой онъ вскорѣ былъ арестованъ. Полиція застала его при работѣ на гектографѣ, причемъ былъ найденъ цѣлый складъ жаргонной и русской литературы. Вмѣстѣ съ Любой Айзенштадтъ, Гожанскимъ, Залкиндами и мн. др., онъ былъ привлеченъ по первому крупному соц.-дем. еврейскому процессу. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ 14 мѣс. и затѣмъ былъ сосланъ на 3 г. въ Восточн. Сибирь. Ему еще тогда не минуло 20-ти лѣтъ. По возвращеніи оттуда, въ серединѣ 1900 года, онъ былъ водворенъ въ Кишиневъ, гдѣ заболѣлъ скоротечной чахоткой.

Это не первая жертва царскаго деспотизма изъ малочисленнаго кружка товарищей Лившица, окончившихъ съ нимъ ремесленное училище *). Другой товарищъ изъ этого

*) Интересно отмѣтить участь всего этого кружка „ремесленниковъ“. Кромѣ этихъ двухъ преждевременно погибшихъ, товарищъ ихъ М. Франкфуртъ сосланъ въ Вост. Сибирь на 3 г., гдѣ онъ теперь и находится. Остальные трое товарищей этого кружка привлекались по тому же бѣлостокскому евр. соц.-

кружка, Ефимъ Гехтъ, послѣ освобожденія изъ тюрьмы былъ отданъ въ солдаты и кончилъ на службѣ самоубійствомъ, не будучи въ силахъ вынести двойного гнета — военной дисциплины и политич. надзора.

Добрая память преждевременно погибшимъ борцамъ за рабочее дѣло въ Россіи!

Отголоски Запада.

Интернаціональный Комитетъ, учрежденный парижескимъ международнымъ конгрессомъ 1900 г., выбралъ своимъ секретаремъ *Виктора Серви* (Зео), секретаря союза бельгійскихъ потребит. и производит. товариществъ и редактора ежемѣсячнаго журнала рабочей партіи „Avenir Social", кассиромъ—*Анселя* и третьимъ членомъ бюро (исполнительной комиссіи)—*Вандервельда*.

Комитетъ рѣшилъ издавать періодическій *Международный Бюллетень*, который въ сжатой формѣ будетъ отмѣчать всѣ факты и событія рабочаго движенія всѣхъ странъ, а также факты, характеризующіе ходъ экономическаго развитія всего капиталистическаго міра: стачки, выборы, дѣятельность кооперативовъ, попытки коммунальнаго соціализма, развитіе трестовъ и т. д. Такимъ образомъ Бюллетень будетъ давать сжатую, но полную и живую картину классовой борьбы международнаго пролетаріата во всѣхъ ея проявленіяхъ и развитія современнаго строя по направленію къ соціализму.

Мы привѣтствуемъ плодотворное начинаніе Исполнительнаго Комитета и желаемъ ему полнаго успѣха.

Австрійскіе выборы происходили при крайне неблагопріятныхъ для соціальдемократіи условіяхъ. Національная вражда между нѣмцами и чехами отодвинула на задній планъ классовую борьбу внутри этихъ націй. Національныя страсти овладѣли и значительной частью менѣе созиательныхъ рабочихъ —особенно въ Богеміи, гдѣ нѣмцы и чехи ведутъ борьбу на жизнь и на смерть. И соціальдемократія, единственная изъ австрійскихъ партій, написавшая на своемъ знамени миръ между націями и объединяющая пролетаріевъ всѣхъ народностей, естественно должна были вызвать къ себѣ вражду шовинистовъ всѣхъ націй.

Тѣмъ не менѣе классовая солидарность пролетаріата выходитъ съ честью изъ страшно трудной борьбы. Только въ Богеміи она отступила подъ натискомъ бѣшенаго шовинизма нѣмцевъ и чеховъ. Изъ семи мандатовъ мы тамъ потеряли шесть.

За то мы впервые одержали блестящую побѣду надъ антисемитами въ Вѣнѣ, въ столицѣ, которую тѣ считали своей неприступной крѣпостью. Несмотря на обычныя мошенничества антисемитскихъ городскихъ властей при составленіи избирательныхъ списковъ и во время самихъ выборовъ, мы отняли у нихъ два мандата (изъ пяти) въ самой столицѣ, одинъ мандатъ (изъ четырехъ) въ Нижней Австріи (около Вѣны). А въ перебаллотеровкѣ изъ-за третьяго вѣнскаго мандата Викторъ Адлеръ, вождь австрійской партіи, получилъ только на 1307 голосовъ меньше антисемита, 25248 противъ 26555 голосовъ. Вообще же наши голоса въ Вѣнѣ въ сравненіи съ выборами 1897 г. увеличились съ 88350 на 95.000, тогда какъ антисемиты спустились съ 117.102 на 102.000 голосовъ. Иначе говоря, въ 1897 г. мы получили меньше антисемитовъ на 29.000 голосовъ, а въ этомъ году всего на 7.000 голосовъ меньше. Еще нѣсколько лѣтъ, еще одно усиліе—и мы разобьемъ на-голову партію средневѣковаго мрака, партію поповъ, дворянъ и выродившагося вѣнскаго мѣщанства.

Нужно еще отмѣтить, что въ Вѣнѣ всѣ,—впрочемъ, очень жалкіе—остатки прогрессивныхъ элементовъ буржуазіи голосовали за соціальдемократовъ противъ антисемитовъ.

Во всей Австріи наши товарищи получили 10 мандатовъ вмѣсто прежнихъ 14-ти, въ томъ числѣ одинъ мандатъ, впервые завоеванный въ городской куріи, среди разряда избирателей, платящихъ 4 гульдена (болѣе 3 рублей) прямыхъ налоговъ.

Другіе 9 депутатовъ были выбраны, разумѣется, въ „пятой куріи", разрядѣ избирателей, избирающемъ 72 депутатовъ (изъ общаго числа 425) всеобщимъ

дем. процессу. Изъ нихъ М. Огузъ вторично теперь арестованъ и находится въ тюрьмѣ, Лехемъ—подъ гласнымъ надзоромъ, а Шлоссбергъ, во избѣжаніе вторичнаго ареста въ Екатеринославѣ, вынужденъ былъ эмигрировать заграницу.

и—въ меньшинствѣ округовъ — прямымъ голосованіемъ. Изъ остальныхъ курій соціальд. даже въ городской можетъ росчитывать на побѣду лишь въ исключительномъ случаѣ. Тамъ различныя буржуазно-національныя партіи грызутся между собою. Эта безсмысленная грызня привилегированныхъ избирателей привела государство на край гибели.

Новые выборы ослабили клерикаловъ (поповскую партію) и ихъ союзниковъ —антисемитовъ, но за то усилили крайніе шовинистскіе элементы среди нѣмцевъ и чеховъ. Поэтому новый парламентъ не спасетъ Австрію отъ смертельнаго кризиса. Если это сшитое изъ разныхъ кусковъ государство еще можетъ быть спасено, то только введеніемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права для всѣхъ выборовъ, т. е. уничтоженіемъ привилегированныхъ курій, какъ того настойчиво требуетъ соціальдемократическая партія.

Бельгія. Чрезвычайный *конгрессъ рабочей партіи* (въ ноябрѣ 1900 г.) значительнымъ большинствомъ высказался за сохраненіе въ программѣ требованія пропорціональнаго представительства, при которомъ и меньшинство, получившее извѣстное число голосовъ, получаетъ депутатское мѣсто въ парламентѣ. Этотъ порядокъ уже введенъ въ Бельгіи, но меньшинство нашей партіи хотѣло, чтобы вмѣстѣ съ борьбой за равное избират. право, т. е. за устраненіе „множественныхъ" голосовъ имущихъ избирателей, партія требовала также устраненія пропорц. представительства, такъ какъ послѣднее въ концѣ концовъ можетъ замедлить побѣду партіи: при немъ одной партіи труднѣе получить большинство мѣстъ въ парламентѣ. Споры по этому вопросу приняли было такой рѣзкій характеръ, что можно было опасаться разрыва. Но крѣпкій духъ единенія одержалъ верхъ: меньшинство подчинилось рѣшенію большинства.

На Рождествѣ состоялся второй ежегодный *конгрессъ бельгійскихъ рабочихъ союзовъ* при участіи делегатовъ отъ 150 союзовъ; кромѣ того присутствовали многіе соціалист. депутаты, весь генеральный совѣтъ рабочей партіи и представитель центральной комиссіи германскихъ рабочихъ союзовъ, соціальдем. депутатъ германскаго рейхстага Легіенъ. Изъ отчета секретаря объединенныхъ союзовъ видно, что всѣ бельгійскіе союзы насчитываютъ 62,251 члена, изъ которыхъ 54.000 въ то же время члены рабочей партіи. Изъ рабочихъ организованы въ союзы 9,21 процентъ (немного больше 9 чел. на 100), а изъ работницъ всего 1,07 на сто. Этого очень мало для успѣшной борьбы съ хозяевами, и конгрессъ главнымъ образомъ занимался выработкой мѣръ къ усиленію рабочихъ союзовъ. Между прочимъ было рѣшено ввести учебные курсы для членовъ и оплачивать трудъ секретарей союзовъ, чтобы тѣ могли отдать все свое время дѣлу организаціи. —Затѣмъ по предложенію Вандервельда конгрессъ высказался за участіе рабочихъ союзовъ въ борьбѣ за равное избирательное право.

Политическая стачка въ Генуѣ (Италія). Стачка эта была направлена не противъ хозяевъ, а противъ правительственнаго произвола и кончилась она скорой и полной побѣдой, такъ какъ въ ней приняли участіе рабочіе всѣхъ главнѣйшихъ отраслей промышленности.

Въ Генуѣ существуетъ биржа труда, гдѣ засѣдаютъ правленія рабочихъ союзовъ, имѣются справочныя бюро, доставляющія работу безработнымъ, засѣдаетъ третейскій судъ въ случаѣ столкновеній между рабочими и хозяевами, устраиваются рабочія собранія. На одномъ изъ такихъ собраній соціалистическіе и республиканскіе ораторы произнесли рѣчи, въ которыхъ власти усмотрѣли „возбужденіе къ классовой ненависти". Префектъ (губернаторъ), давно уже косо смотрѣвшій на усиленіе рабочихъ союзовъ въ Генуѣ и на ихъ биржу труда, воспользовался этимъ случаемъ и, съ согласія перваго министра, закрылъ биржу, запретилъ новые выборы правленія биржи и даже конфисковалъ (забралъ въ пользу казны) деньги вспомогательныхъ кассъ союзовъ.

Вѣсть объ этомъ насиліи распространилась среди рабочихъ 17-го декабря въ полдень, а къ вечеру того же дня большая гавань какъ бы вымерла: забастовали носильщики, разгрузчики, нагрузчики, кочегары... Къ вечеру 18-го забастовщиковъ уже было 10.000 чел. Правительство поспѣшило стянуть въ Генуя войска изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ, но при спокойномъ и единодушномъ поведеніи стачечниковъ сол-

датамъ не пришлось „возстановлять порядокъ“ штыками и пулями. Не помогло и присланное панцырное судно. Еще день—и стачка стала всеобщей: забастовали рабочіе всѣхъ верфей, литейныхъ и машиностроительныхъ заводовъ, плотники, каменщики, цементщики и всѣ служащіе конно-желѣзныхъ дорогъ. Число стачечниковъ дошло до **20.000.**

Тутъ завопили всѣ промышленники въ генуэзской торговой палатой во главѣ. Да и было отъ чего! Каждый день приносилъ имъ милліоны убытковъ. Прекратился подвозъ угля и стачка грозила остановить промышленую жизнь во всей сѣверной Италіи.

Однимъ словомъ, правительству пришлось съ позоромъ отступить передъ единодушнымъ протестомъ рабочихъ. Биржа труда снова была открыта и возстановлена во всѣхъ своихъ правахъ, а префектъ былъ смѣщенъ.

Данія. На *муниципальныхъ выборахъ* въ половинѣ сельскихъ общинъ (въ ноябрѣ и декабрѣ 1900 г.) было выбрано 170 соціальдемократовъ вмѣсто 30 на выборахъ 1894 г. На городскихъ выборахъ въ началѣ 1900 г. наша партія получила 56 гласныхъ вмѣсто 10 въ 1894 г. и побѣдила, т. е. получила большинство во всѣхъ крупныхъ мѣстечкахъ и во многихъ мелкихъ. Въ столицѣ Копенгагенѣ было выбрано 4 новыхъ соціальдем. гласныхъ и одинъ прежній, а въ другихъ городахъ на дополнительныхъ выборахъ 74 соц.-дем. гласныхъ. Въ общемъ счетѣ число соціальдемократич. гласныхъ возросло за 1900 г. съ 280 на 556, т. е. почти удвоилось.

Въ германскихъ ландтагахъ, парламентахъ отдѣльныхъ входящихъ въ составъ имперіи государствъ, (а именно въ 15 изъ 24 ландтаговъ), соціальдемократія имѣетъ 78 депутатовъ: въ Баваріи 11, Саксоніи 4, Вюрттембергѣ 5, Баденѣ 7, Гессенѣ 6, Веймарѣ 2, Ольденбургѣ 1, Мейнингенѣ 6, Альтенбургѣ 5, Кобургѣ и Готѣ 10, Шварцбургъ-Рудольштадтѣ 2, обоихъ Рейсахъ 4, Липпе-Детмольдѣ 4 и въ Бременѣ 11.

Напомнимъ, что въ германскомъ рейхстагѣ, обще-имперскомъ парламентѣ, теперь сидятъ 58 соц.-демократ. депутатовъ, послѣ того какъ въ октябрѣ прошлаго года на мѣсто консерватора былъ выбранъ соціальдемократъ Пеусъ, а на мѣсто покойнаго Либкнехта—Ледебуръ.

Рабочіе союзы въ Германіи. Приводимъ нѣсколько цифръ, показывающихъ ростъ рабочихъ союзовъ въ Германіи, притомъ только тѣхъ союзовъ, которые примыкаютъ, если не юридически, то фактически къ соціальдемократической партіи. Въ 1897 году было въ Германіи 55 союзовъ (охватывающихъ цѣлую отрасль промышленности) съ 413.863 рабочими, въ 1898 56 союз. съ 493.742 рабочими, въ 1900 57 союз. съ 580.473 рабочими, т. е. за 2 года прибавилось 166.610 организованныхъ рабочихъ. Изъ общаго количества организованныхъ рабочихъ въ 1899 г. было 561.193 мужч. и 19.280 женщинъ. Общій доходъ рабочихъ союзовъ за 1899 годъ достигъ $7.687.154^{71}/_{00}$ марокъ (марка равняется $46^{1}/_{2}$ коп.), расходъ $6.450.876^{20}/_{00}$ мар., въ наличности $5.577.546^{96}/_{00}$ марокъ. Изъ отдѣльныхъ союзовъ отмѣтимъ союзъ рабочихъ по дереву (62.570 член.), союзъ рабочихъ по металлу (85.013 чл.), союзъ каменщиковъ (74.534 члена), союзъ ткацко-прядильныхъ раб. (37.617 членовъ), союзъ горнорабочихъ (33.000 членовъ) и т. д. По процентному отношенію организованныхъ рабочихъ ко всему числу рабочихъ данной отрасли стоятъ на первомъ мѣстѣ скульпторы ($68^{0}/_{0}$), наборщики ($64,28^{0}/_{0}$), стекольщики ($29,75^{0}/_{0}$), кузнецы ($45^{0}/_{0}$), штукатуры ($28,96^{0}/_{0}$), переплетч. ($23,14^{0}/_{0}$) и т. д.

Главный расходъ союзовъ заключается въ поддержкѣ рабочихъ во время стачекъ, на что въ 1899 г. израсходовано 2.121.918 марокъ, на изданіе газетъ израсходовано 603.559 марокъ, на помощь безработнымъ 304.667 марокъ, на помощь больнымъ 952.825 марокъ, на агитацію 201.020 марокъ и т. д.

Аресты.

Петербургъ. 22 дек. захваченъ полиціей № 10 „Рабочей Мысли“. Арестовали получившаго транспортъ на вокзалѣ. Всего арестовано по этому дѣлу 5 чел.; лесгафтники—Массалитинова, Койнинъ, Дубравина, Хозякевичъ и бывш. бестужевка Зеньковичъ.

Минскъ, Арест. въ декабрѣ: Виленкинъ, бывшій студ. политехникума (второй разъ), Вольманъ, экономка ремесл. училища, Шкловская, Драбкина, мастерицы ремесл. уч., 13 рабочихъ и 2 частныхъ учителя.

Гомель. Въ дек. произведено до 50 обысковъ и арестовъ. Извѣстны слѣд. фамиліи арестованныхъ: Соломонъ Цейтлинъ, оконч. юридич. факультетъ, у него найдено нѣск. брошюръ, отправленъ въ Вилейку: Ш. Вольфсонъ, частн. учитель, Н. Розенцвейгъ купецъ, Ш. Ашпизъ, бывш. студ. кіевскаго ун., Іоффе, масаж., Глобусъ, аптек. ученица, Горцъ, интеллигентка, Драбкинъ, инт., солдатъ въ отпуску,

Въ *Вильнѣ* также начались аресты.

Лодзь. Арест. 6 челов.

Отчетъ Кассира Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

(съ 10 авг. по 25 нояб. 1900).

Приходъ:

Получено изъ Россіи **4.747 фр. 90 с.**

На литер. и транспорт. изъ Петерб. 530 фр.; отъ Спб. Кр. Креста за печат. и трансп. 4 „Листка“ 121.62: на трансп. отъ Мед. 26.94; на трансп. отъ Карл. 66.25; отъ кружка изъ М... на литерат. 406.95; изъ Москвы 39.75; изъ Н.-Новгорода 540.60; отъ Х... Комитета 265.—; изъ М... за лит. черезъ Б. 100.—; изъ Россіи 26.60; изъ Яр—ля 159.15; изъ Россіи (3 руб.) 8.10; изъ Кіева 265.—; отъ С... изъ Спб. за литер. 530.—; отъ Спб. Комитета Партіи 795.—; отъ Ж. М. И. 132.50; отъ Назарота 228.94; етъ Екатериносл. Комитета Партіи 185.50; за литер. изъ одного южно-русск. города 34.—; собрано въ городѣ Р. 21.—; отъ М. И. 265 фр.

Итого 4.747 фр. 90 с.

Получено заграницей **1.774 фр. 09 с.**

Отъ кружка „Борьба“ за лит. 13.—; отъ Париж. Соц.-дем. Группы 180.—; отъ соц.-дем. кружковъ „Впередъ“ и „Einigkeit“ 127.62; отъ этихъ же кружковъ за литер. 45.24; съ одного бала въ г. N. 77.87; изъ Цюриха: 28.92, за лит. 46.60, на типогр. 25.—; изъ Дармштадта 20.32; изъ Парижа: собрано 35.65, черезъ К. 100.—, съ вечеринки 68.25, за лит. 67.80; изъ Мюнхена: 55.—, за лит. 20.—; изъ Брюсселя на стачку по листку № 12—52.50; изъ Берна за лит. 54.50; изъ Берлина за лит. 1.15; изъ Женевы за лит. 16.25; изъ Фрб. за лит. и на литер. 40.50; отъ брата Б. Н. Ч. 15.—; отъ Ц. К. 108.—; отъ Б. Н. Ч. 98.90; отъ М. 130.—; отъ О. 15.90; отъ П. Л. за лит. 20.—; пожертовано 14 сент. 11.30; Возвращены расходы 3.—; отъ французск. наборщ. —.50; на поѣздку 22.15; за лит. (8 гульд. 25 кр.) 17.20; собрано (10 гульд.) 20.17; за картину (5 гульд. 25 кр.) 11; на конспир. расходы 27.05; отъ Карлюв. 26.95; чер. К. отъ М. и Н. 3.40; отъ Ш. за портр. 2.50; отъ Б. К. Ф. 17.20; отъ Г. Г. 21.66; за литер. 98.75; взносы: Кр. 9.—, Ив. 6.—, Ар. 3.75, Ак. 4.—, Ел. 4.—.

Всего **6.521 фр. 99 с.**

Расходъ:

Дефицитъ по прежнему счету 318.07; типограф. расходы (печатаніе, наборъ, брошюровка, бумага, квартира и проч.) 2.176.05; печатаніе отчета къ Парижск. Интернац. Соц. Конгр. на нѣмецк. яз. 270.—; уплата за новый шрифтъ 300.—; расходы по редакціи 529.65; транспорт. 1.115.87; складъ 56.25; разсылка литер. 29.24; чужая литер. 46.23; ящикъ для продажи книгъ въ Парижѣ 10.—; расходъ по мимеогр. и пр. 19.05; расходы по администраціи 449.75; почт. расходы по админ. и ред. и пр. 325.15; телегр. 31.58; поѣздка А. 40.—; поѣздки В. 95.—; вызовъ С. 70.—; конспират. расходъ 265.—; разные 68.10; вѣнокъ на гробъ Либкнехта 50.—; ошибка въ предыдущ. счетѣ: на типографію отъ Бернца получено не 266, а 116 фр.—150 фр.

Всего **6.415 фр. 05 с.**

Осталось въ кассѣ **106 фр. 94 с.**

Отчетъ Кіевской Кассы Помощи Полит. Ссыльнымъ и Заключеннымъ

за ноябрь 1900 г.

Приходъ 571 р. 62 к.

Расходъ: Мелкіе расходы 5 р. 25 к., въ тюрьмы г. Кіева 404 р. 37, въ московск! тюрьму 10 р., на обувь въ тюрьму 10 р., выслан. рабочимъ 75 р., больной высл. работницѣ 25 р., ссыльнымъ 25 р.

Всего 554 р. 62 к. Остатокъ къ 1 дек. 17 р.

Отчетъ Кассы Лозанскаго Отдѣленія „Краснаго Креста" имени П. Л. Лаврова.

Съ 1 мая 900 по 1 янв. 901.

Приходъ.

Собрано на арест. студентовъ и передано въ Лоз. Отд. „Кр. Кр." 60 фр., остатокъ суммы собр. на вѣнокъ П. Л. Лаврову 18 ф., вступ. чл. взнос. 15 ф., ежемѣс. чл. взнос. 31 ф., съ вечеринки 30 ноября 33 ф., съ рефератовъ 18 ф. 20 с., частныя пожертвов. отъ продажи контрмарокъ Лоз. Отд. 198 фр. 70 с. Итого 373 фр. 90 с.

Расходъ.

Послано на арест. студентовъ черезъ Е. Л. 60 ф., переслано: въ Якутскъ 66 ф. 50 с., въ Харьковъ 31 ф. 90 с., въ Кіевскій Кр. Кр. черезъ Женев. Комит. 50 фр. Итого 208 ф. 40 с.

Остат. къ 1 янв. 901 165 ф. 50 с.

Собрано подъ Новый Годъ въ пользу ссыльныхъ стачечниковъ:

Отъ: Ю Л. 10 ф., больной 10 ф.. А. Л. 5 ф. Ф. Э. 30 ф.. А. П. 5 ф., А. I. 5 ф., G. G. 10 ф., X. 5 ф! Итого 80 ф.

Изданіе Союза русскихъ социальдемократовъ.

Цѣна 40 сант.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

Женева 1901.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА".

№ 6-й. АПРѢЛЬ. 1901 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПОВОРОТЪ.

14 іюля 1789 г., когда возставшій парижскій народъ штурмовалъ Бастилію, Людовикъ XVI воскликнулъ съ сердитымъ недоумѣніемъ: „Да вѣдь это бунтъ!" — „Нѣтъ, Ваше Величество", отвѣчалъ недогадливому королю придворный, *„это революція!.."*

А что думаетъ нашъ малоумный Людовикъ — Николай II о совершающихся въ Россіи событіяхъ? И нашелся ли царедворецъ, который разъяснилъ бы ему ихъ истинный смыслъ? Это безразлично. Если Николай II, точнѣе — думающіе за него министры по старой привычкѣ видятъ, можетъ быть, въ февральскихъ и мартовскихъ событіяхъ простой „бунтъ", „безпорядки скопомъ", — тѣмъ хуже для царизма! Близорукость деспотовъ всегда служила дѣлу свободы.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи зародилось революціонное движеніе, царизму *никогда* еще не угрожала такая опасность, какъ нынѣ. Мѣсяцы февраль и мартъ снова оправдали свою старую революціонную славу. Они кладутъ *начало новой эпохѣ*.

Событія разразились „внезапно", съ непреодолимой силой стихіи, какъ все исторически-великое, рѣзко отличающееся отъ обыденной, сѣрой жизни, какъ всякій революціонный взрывъ, въ одно мгновеніе разрывающій оболочку, подъ которой скрываются глубокіе внутренніе процессы, какъ всякій *историческій поворотъ*, въ одну минуту обнаруживающій результаты долгой, незамѣтной работы молекулярныхъ силъ, въ одну минуту преобразующій цѣлую страну. Медленный, болѣе или менѣе скрытый эволюціонный процессъ при первомъ поводѣ выступилъ наружу въ формѣ революціоннаго взрыва. Накопившійся горючій матеріалъ вспыхнулъ могучимъ пламенемъ отъ одной искры. И если въ эту минуту нельзя сказать ничего опредѣленнаго о *ближайшемъ* ходѣ событій, если и возможно, что сейчасъ наступитъ *временное* затишье, то во всякомъ случаѣ наша родина выходитъ изъ февральскихъ и мартовскихъ событій другою, чѣмъ она была раньше. *Многія, если не всѣ революціи*

въ Западной Европѣ начинались менѣе грозными событіями.

Словомъ, если еще и не пробилъ часъ революціи въ собственномъ смыслѣ слова, то несомнѣнно Россія вступила въ періодъ небывалаго еще напряженія революціонныхъ силъ, въ періодъ, непосредственно подготовляющій *рѣшительную битву съ самодержавіемъ.*

Переживаемый Россіей новый подъемъ революціонныхъ силъ далеко оставляетъ за собою революціонный размахъ конца 70-хъ годовъ. Тогда боролась горсть героевъ, „разночинныхъ“ интеллигентовъ и столь же оторванныхъ отъ широкой массы сознательныхъ рабочихъ; теперь, по почину студентовъ и революціонныхъ организацій, вступаетъ въ активную борьбу съ самодержавіемъ сама *масса городскихъ рабочихъ*—вступаетъ въ борьбу въ буквальномъ смыслѣ—и къ ней присоединяется, какъ это всегда бываетъ въ революціонные моменты, широкій слой въ классовомъ отношеніи расплывчатаго „простонародья“, всѣ низы городского населенія, всѣ „униженные и оскорбленные“ существующими порядками. Тѣ тысячи и десятки тысячъ рабочихъ и простонародья, которыя демонстрировали и, въ отвѣтъ на нагайки, бились на смерть съ казаками и городовыми въ Харьковѣ, Москвѣ и Кіевѣ; тѣ тысячи и десятки тысячъ петербургскихъ рабочихъ, которыхъ правительство 4 (17) марта предусмотрительно оцѣпило войсками и противъ которыхъ оно 11 (24) марта выставило на обоихъ концахъ Невскаго Проспекта шесть пушекъ *), зная, что они рвутся на Казанскую площадь, на мѣсто демонстраціи и боя — эти тысячи и десятки тысячъ борцовъ являются только передовымъ отрядомъ революціонной арміи.

Рабочіе Петербурга, Москвы, Харькова и Кіева обнаружили *политическій смыслъ* и *революціонное чутье*, какихъ сейчасъ навѣрно не ожидалъ отъ нихъ ни одинъ соціальдемократъ и ни одинъ революціонеръ вообще. Особенно поражаютъ московскія событія. Въ отсталой Москвѣ, гдѣ все населеніе, въ томъ числѣ и рабочіе, по многимъ причинамъ, казалось, должны были отличаться консервативнымъ настроеніемъ, глубокой приверженностью къ самодержавному „престолъ-отечеству“,—въ той самой „вѣрной“ Москвѣ, куда Александръ III для укрѣпленія трона думалъ было перенести столицу, — именно тамъ произошелъ наиболѣе могучій взрывъ народнаго протеста. Съ другой стороны, ни для кого не тайна печальное состояніе сознательнаго соціальдемократическаго движенія среди московск. рабочихъ. И что же? Тысячи или даже десятки тысячъ рабочихъ, мало или точнѣе, вовсе не подвергавшихся соціальдемократическому воздѣйствію, участвуютъ въ *политическомъ* протестѣ, не связанномъ съ ихъ непосредственными интересами и направленномъ противъ высшаго представителя самодержавія въ Москвѣ, противъ царскаго намѣстника, великаго князя Сергѣя!

Не менѣе знаменательна кіевская демонстрація 11 (24) марта съ ея 15-20 тысячами участниковъ, откликнувшихся на совмѣстный призывъ Кіевскаго Комитета Росс. Соц.-дем. Раб. Партіи и Союзнаго Совѣта кіевскихъ студентовъ. Это *первая* чисто и рѣзко политическая демонстрація въ Кіевѣ. Впервые кіевскіе рабочіе многотысячной толпой демонстрировали подъ краснымъ знаменемъ, на которомъ былъ начертанъ смертный приговоръ самодержавію: „*За политическую свободу!..*“

*) Сообщеніе Петерб. Комитета нашей Партіи.

Мы не желаемъ обманывать себя иллюзіями. Конечно, протестъ массы не всюду былъ вполнѣ сознательнымъ, не всѣ „*посторонніе*“ участники демонстрацій — такъ лживое и пугливое правительственное сообщеніе именуетъ рабочихъ и мастеровыхъ—ясно понимали смыслъ историческаго событія, которое они сами творили. Но когда же и гдѣ *революціонное творчество массы* было вполнѣ сознательнымъ? И развѣ повелительное революціонное *чувство*, толкнувшее многотысячную массу на улицу, недостаточно ясный и сильный признакъ ея революціонной зрѣлости? Развѣ тотъ фактъ, что рабочіе, по призыву революціонныхъ организацій, такъ близко приняли къ сердцу царскія насилія надъ студентами, не свидѣтельствуетъ объ ихъ политической зрѣлости?

Да, эти „посторонніе“ не только *взяли въ свои руки* дѣло студентовъ какъ свое *собственное, кровное дѣло*; они также углубили и расширили студенческія волненія, возникшія на академической почвѣ, до размѣровъ *общеполитическаго протеста противъ самодержавія.* Благодаря этимъ „постороннимъ“, произошелъ въ пылу борьбы противъ общаго врага отнынѣ неразрывный *революціонный союзъ рабочихъ съ интеллигенціей*, запечатлѣно кровью жертвъ Казанской площади нерушимое взаимное довѣріе и пониманіе двухъ важнѣйшихъ революціонныхъ элементовъ Россіи: главной, *классовой* силы пролетаріата и *идеологической* силы революціонной интеллигенціи.

Пусть содрогается царское правительство передъ „посторонними“, настоящее имя которыхъ оно боится произнести! Это „сила нездѣшняя“ для него: передъ нею не устоятъ „врата адовы“ самодержавія!

Такими же „посторонними“ были тѣ массы парижскаго рабочаго народа, которымъ революціонное чутье подсказало разрушить крѣпость Бастилію, — Петропавловку или Шлиссельбургъ французскаго самодержавія—куда заключали не рабочихъ, а „постороннихъ“ имъ „государственныхъ преступниковъ“.

Пусть содрогается самодержавіе и передъ тѣмъ, что политическія демонстраціи совершались и будутъ совершаться подъ *краснымъ знаменемъ* международнаго соціалистическаго пролетаріата, символомъ непобѣдимой революціонной силы, которую не одолѣть звѣрскими преслѣдованіями и не задобрить грошевыми уступками. Да, „посторонніе“ дали *свое родное*, классовое знамя и студентамъ! Теперь на красномъ знамени кровь работниковъ слилась съ кровью студентовъ—отнынѣ пролетарское знамя будетъ развѣваться въ передних рядахъ всѣхъ борцовъ за свободу, удесятеряя ихъ силу, ведя ихъ къ побѣдѣ. Подъ *знаменемъ соціализма* будетъ дана самодержавію рѣшающая битва...

* * *

Скоро ли пробьетъ часъ этой битвы? Никто этого сказать не можетъ. Несомнѣнно одно: революціонныя организаціи всѣхъ направленій, въ томъ числѣ наиболѣе сильныя изъ нихъ, наши соціальдемократическіе Комитеты, были застигнуты врасплохъ разразившейся бурей—застигнуты врасплохъ и вслѣдствіе хроническихъ массовыхъ арестовъ, и вслѣдствіе внезапности и стре-

мительно быстраго хода событій, а отчасти (зачѣмъ это скрывать?) и вслѣдствіе извѣстной косности, свойственной всякой организаціи, приноровившейся къ опредѣленному роду и темпу дѣятельности. Повторяемъ, многія, если не всѣ революціи въ Зап. Европѣ начинались менѣе грозными событіями. Обладай наша Партія крѣпкой боевой организаціей и соотвѣтственными силами, она *уже* нашла бы твердую почву для *прямой* и *массовой* аттаки на самодержавіе.

Есть у насъ въ Россіи хорошій термометръ для измѣренія теплоты революціонной температуры, термометръ, который всего менѣе можетъ внушить преувеличенныя, черезчуръ оптимистическія представленія, такъ какъ онъ всегда запаздываетъ и осторожно показываетъ на нѣсколько градусовъ теплоты ниже дѣйствительной. Мы говоримъ о настроеніи либеральной части „общества", старшаго поколѣнія интеллигенціи, такъ туго воспринимающаго революціонныя впечатлѣнія. И что же? Въ концѣ концовъ зашевелилось, заволновалось и либеральное общество. Мощное дыханіе революціи оживило, ободрило и нашихъ либераловъ. Они опять, какъ во всѣ періоды подъема революціонныхъ силъ, заговорили о конституціи,—болѣе того, они по своему, въ формѣ петицій, начинаютъ устраивать политическіе протесты; ихъ настроеніе настолько повысилось, что они опять ждутъ конституціи.

Да, революціонная температура высока и, быть можетъ, она уже близка къ точкѣ кипѣнія. Къ сожалѣнію, силы революціонныхъ организацій оказались еще недостаточными для того, чтобы превратить теплоту въ энергію. Есть почва революціоннаго настроенія рабочей массы, но нѣтъ у насъ организованной силы, способной повести массу на *немедленную* аттаку противъ самодержавія.

Но мы можемъ и должны *кореннымъ образомъ измѣнить нашу тактику*, и чѣмъ скорѣе и безповоротнѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше! Старый „воинъ революціи"—Вильгельмъ Либкнехтъ говорилъ: „Если обстоятельства измѣняются въ 24 часа, то нужно и тактику измѣнить въ 24 часа". Дѣятельность, разсчитанная на сѣрую, мирную обстановку, на періодъ всеобщаго упадка революціоннаго духа, на медленный, эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитываніе ея, такъ сказать, путемъ перехода отъ простого къ сложному, отъ близкаго къ болѣе далекому, — такая дѣятельность была бы *роковой ошибкой* въ моментъ быстраго прилива революціонныхъ силъ, когда каждый день начавшейся активной борьбы съ самодержавіемъ революціонизируетъ массу гораздо быстрѣе, чѣмъ цѣлые годы мирной пропаганды и агитаціи.

Рабочіе Петербурга, Москвы, Кіева и Харькова выросли за февраль и мартъ на цѣлую голову, они *качественно преобразились*, они *жаждутъ революціоннаго дѣла*. А вмѣстѣ съ ними преобразятся всѣ русскіе рабочіе, какъ только до нихъ дойдетъ благая вѣсть о революціонныхъ подвигахъ первыхъ застрѣльщиковъ пролетаріата. Если наша Партія хочетъ быть и остаться выразительницей пролетаріата, его организованнымъ авангардомъ, — то она не должна медлить ни минуты съ кореннымъ измѣненіемъ своей тактики, съ ея приспособленіемъ къ рѣзко измѣнившимся условіямъ. *Всѣ* Комитеты и группы нашей Партіи должны немедленно отозваться на новое, революціонное и политическое настроеніе широкой массы, *уяснять* и *усиливать* это настроеніе.

Никогда не было болѣе благопріятнаго момента для широкой революціонной политической агитаціи въ массѣ и въ частности для политическихъ манифестацій.

Мы съ восторгомъ констатируемъ, что Харьковскій и Кіевскій Комитеты нашей Партіи вѣрно оцѣнили положеніе, обратившись къ рабочимъ съ призывомъ къ политическимъ манифестаціямъ. Вѣрно оцѣнили положеніе и объединенныя петербургскія группы „Рабочее Знамя" и „Соціалистъ", призвавшія рабочихъ къ манифестаціи 11 (24) марта. И мы имѣемъ основаніе утверждать, что Комитеты, которые до сихъ поръ не отозвались на событія, постараются наверстать потерянное время.

Съ радостью отмѣчаемъ и прокламацію Харьковскаго Комитета „Къ обществу": въ ней ясно выступаетъ согласный со всѣмъ духомъ соціальдемократіи взглядъ на нашу Партію какъ на *авангардъ всѣхъ оппозиціонныхъ силъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ*.

Наша обязанность, обязанность *всѣхъ* нашихъ Комитетовъ и группъ — своей *дѣятельностью* доказать вѣрность этого взгляда. Достигнемъ же мы этого, если пойдемъ *впереди* революціонно настроенной рабочей массы, откликаясь на каждое событіе бурнаго времени, рѣзко критикуя каждый актъ правительственнаго произвола и насилія, *связывая всѣ событія и правительственныя мѣры съ корнемъ зла, самодержавіемъ*, всегда и вездѣ выясняя массѣ историческое, революціонное значеніе настоящаго момента, неустанно призывая ее къ *политическимъ дѣйствіямъ, къ уличному протесту противъ всякаго царскаго насилія*.

Историческій моментъ выдвинулъ также передъ нашей Партіей совершенно новый вопросъ. *Выстрѣлы Карповича и Логовскаго* и то горячее сочувствіе, которое они встрѣтили въ рядахъ молодежи и всѣхъ революціонныхъ элементовъ вообще, ясно показываютъ, что *бѣлый терроръ* царскаго правительства снова, съ неотвратимой силой закона природы, создаетъ почву для *краснаго террора* революціонеровъ. Наши партійныя организаціи не могутъ и не должны игнорировать этого факта, обходить его молчаніемъ. Они должны *сообща* рѣшить, какое положеніе имъ *всѣмъ* занять по отношенію къ террору.

Укажемъ, наконецъ, на самую настоятельную, не терпящую отлагательства, задачу—на *подготовленіе майскаго праздника*. Ходъ событій, ускоренный близорукой, чисто азіатской жестокостью правительства уже давно—время летитъ теперь такъ быстро!—перенесъ центръ тяжести изъ движенія за академическую свободу въ политическое движеніе, направленное противъ самодержавія, и важнѣйшимъ активнымъ носителемъ этой политической борьбы уже на дѣлѣ является пролетаріатъ. При такихъ условіяхъ наступающій *майскій праздникъ* имѣетъ совершенно исключительное значеніе. Всѣ Комитеты и группы нашей Партіи должны напрягать всѣ силы для устройства уличныхъ майскихъ манифестацій рѣзко политическаго характера. А въ виду исключительнаго положенія, въ виду подъема революціонной энергіи въ средѣ интеллигенціи и проявившагося революціоннаго настроенія *всѣхъ* трудящихся

слоевъ городского населенія,—наши партійныя организаціи должны на этотъ разъ *призывать къ участію въ майской манифестаціи не только пролетаріатъ, но и всѣ революціонныя, антиправительственныя силы*, — отъ учащейся молодежи до всей массы городского „простонародья". Въ этомъ году классовой праздникъ пролетаріата можетъ и долженъ объединить всѣ революціонныя силы, сдѣлаться днемъ общаго политическаго протеста враговъ самодержавія, *днемъ союза всѣхъ революціонныхъ силъ подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата!*

Новыя времена—новыя задачи. Историческій поворотъ въ жизни нашей родины требуетъ поворота и во всей нашей тактикѣ. Все будущее Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи зависитъ отъ того, сумѣетъ ли она проявить необходимую для даннаго момента революціонную энергію, а ея нужно очень много, чтобы справиться со всѣми новыми задачами. Иначе поднявшаяся волна революціоннаго движенія не вынесетъ нашу Партію наверхъ, а наоборотъ, отброситъ ее далеко внизъ.

Положимъ же всѣ силы на то, чтобы соціальдемократія оказалась и удержалась на пѣнящемся гребнѣ революціонной волны!

Въ настоящее время благоразумна одна только смѣлость!

Будемъ помнить, что революція отвергаетъ тѣхъ, кто издалека не узнаетъ ея грознаго шага. Идите ей на встрѣчу, товарищи, и вы ускорите ея шаги!

То новый и—впервые—массовой штурмъ противъ крѣпости деспотизма: стройтесь же въ штурмовыя колонны!

Наша Бастилія еще не разрушена, но штурмъ противъ нея уже начался: спѣшите же въ первые ряды штурмовыхъ колоннъ!

Редакція „Рабочаго Дѣла".

Апрѣль 1901.

Студенты и самодержавіе.

Университеты — одно изъ неизбѣжныхъ золъ, которыя приходится терпѣть нашему многострадальному самодержавному правительству. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала государствомъ въ современномъ смыслѣ слова, наше правительство, вынужденное одновременно защищать интересы и самодержавія, и государства, оказывается всегда въ противорѣчіи съ самимъ собою. Интересы современнаго государства заставляютъ его усиленно покровительствовать развитію промышленности; но вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно растетъ и пролетаріатъ—этотъ мятежный классъ, который не способенъ склонять голову и покоряться чужой опекѣ, а на этой покорности держится самодержавіе. Интересы современнаго государства, потребовавшіе уничтоженія опеки дворянскаго сословія надъ милліонами крѣпостныхъ крестьянъ; интересы государства, въ которомъ хозяйственная жизнь все болѣе и болѣе усложняется, вынудили правительство дать Россіи городское и земское самоуправленіе, — а это идетъ въ разрѣзъ съ интересами самодержавія, которому нужно, чтобы царево око проникало во всѣ мелочи жизни россійскаго обывателя, и т. д.

Но изъ всѣхъ бѣдъ, которыя вынуждено было накликать на себя русское правительство, первой бѣдой было учрежденіе университетовъ въ Россіи. Это воистину „земное первое мученіе и слезы первыя" его. Для того, чтобы уничтожить зависимость русскаго государства отъ умственнаго руководства иностранцевъ, наше правительство, начиная съ 18-го столѣтія, по необходимости принимало мѣры къ развитію самостоятельной русской науки и для этого стало основывать университеты.

Чтобы уяснить себѣ невыгодность этого учрежденія для самодержавія, нужно понять коренное различіе между университетской наукой и той наукой, которая преподается въ низшихъ и среднихъ школахъ. Тамъ ученики усваиваютъ вѣрные или невѣрные, но во всякомъ случаѣ готовые выводы науки; имъ не объясняютъ, путемъ какихъ исканій ученые дошли до этихъ выводовъ. Другое дѣло—университетская наука, которая имѣетъ цѣлью двигать знаніе впередъ и открывать новыя истины. Для того, чтобы научиться открывать новыя истины, нужно узнать, какимъ способомъ люди додумались до старыхъ. Поэтому въ университетѣ никакая научная истина не принимается просто на вѣру. Студенты должны знакомиться, путемъ какихъ сомнѣній ученые дошли до современныхъ научныхъ выводовъ, и для дальнѣйшаго развитія науки они въ свою очередь и установленные уже выводы должны подвергать всесторонней критикѣ. Такимъ образомъ главное условіе университетскаго преподаванія есть полная свобода критическаго изслѣдованія. Это первое. Затѣмъ, чтобы эта свобода изслѣдованія существовала, необходимо оградить университетъ отъ такихъ людей, интересы которыхъ ничего общаго не имѣютъ съ интересами научной истины, необходимо предоставить профессорамъ право самостоятельно выбирать университетскихъ руководителей (ректоровъ и декановъ), самостоятельно оцѣнивать успѣхи учащихся и выдавать имъ дипломы, словомъ, необходимо дать университетамъ автономію—самоуправленіе. Вы видите уже, что *университетская наука по своему существу противорѣчитъ самодержавію: эта наука требуетъ свободной критики, а самодержавіе держится именно на отсутствіи критики, на слѣпомъ довѣріи къ царю*, какъ къ „помазаннику божію"; *университеты требуютъ самоуправленія, а самодержавіе, напротивъ того, требуетъ безграничной опеки царскихъ чиновниковъ надъ мыслями и чувствами обывателей.*

Самодержавное правительство понимало особенности университетской науки, а потому оно всегда относилось со страхомъ и непріязнью къ университетамъ. Но сознавая, что существованіе университетовъ крайне необходимо въ интересахъ русскаго государства, оно до поры до времени не осмѣливалось разрушать самыхъ основъ университетской жизни. Оно отъ времени до времени дѣлало чисто татарскія набѣги на университеты, но даже въ самое глухое время николаевской реакціи университеты не были лишены права самостоятельнаго выбора университетскаго начальства. Въ 1863 году, послѣ крупныхъ университетскихъ безпорядковъ,

былъ изданъ уставъ, давшій университетамъ сравнительно широкое самоуправленіе.

Но съ этой поры, со времени освобожденія крестьянъ, университеты стали играть особенную роль въ русской жизни и потому стали особенно мозолить глаза правительству. Послѣ освобожденія крестьянъ, послѣ того, какъ пала стѣна, отдѣлявшая привилегированное дворянское сословіе отъ массы русскаго народа, въ средѣ молодежи разныхъ чиновъ и званій пробудилась неутолимая жажда къ свѣту и знанію. Въ виду того, что количество низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній у насъ было крайне недостаточно, да и теперь еще далеко не удовлетворяетъ спросу, небогатая розночинная молодежь, жаждавшая знанія, должна была выдерживать жестокую борьбу для достиженія своей цѣли. Юноши и дѣвушки бросали родительскій кровъ и, иногда сопровождаемые проклятіями отцовъ и матерей, поступали въ учебныя заведенія, гдѣ имъ зачастую приходилось жить впроголодь, пробиваться грошевыми уроками и подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ. Знаніе, завоеванное такими громадными жертвами, естественно было слишкомъ дорого для молодежи и вслѣдствіе этого она не останавливалась на полпути и прилагала всѣ старанія къ тому, чтобы окончить свое образованіе и поступить въ высшія учебныя заведенія.

Благодаря этимъ условіямъ, составъ русскихъ университетовъ рѣзко отличается отъ теперешняго состава университетовъ западно-европейскихъ. Въ Западной Европѣ молодежь необезпеченныхъ классовъ заканчиваетъ свое образованіе въ очень легко доступныхъ низшихъ и профессіональныхъ школахъ; въ высшихъ же учебныхъ заведеніяхъ обучаются почти исключительно дѣти буржуазныхъ классовъ, не испытывавшіе никогда ни нужды, ни лишеній. Напротивъ, *въ русскихъ университетахъ громадный процентъ студентовъ — люди, уже закаленные въ борьбѣ за существованіе и испытавшіе всѣ прелести нужды.* Въ концѣ 80-хъ годовъ, благодаря, между прочимъ, искуственнымъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ, благодаря повышенію платы въ учебныхъ заведеніяхъ и ограниченію доступа въ нихъ, въ университетахъ значительно увеличился процентъ дѣтей изъ богатыхъ классовъ, процентъ такъ называемыхъ „бѣлоподкладочниковъ“. Но и до сихъ поръ еще студенты нуждающіеся, какъ наиболѣе энергичный элементъ, оказываютъ главное вліяніе на весь строй университетской жизни. Вслѣдствіе этого *русское студенчество всегда отличалось сравнительно большей независимостью, большей любовью къ трудящемуся населенію и большей отзывчивостью* на всякія движенія, которыя совершались подъ соціалистическимъ знаменемъ свободы и равенства людей. Русскіе студенты въ гораздо меньшей степени, чѣмъ западно-европейскіе, давали себя отуманивать поддѣльными истинами казенной или буржуазной науки *). Покуда они сидѣли на студенческой скамьѣ, покуда ихъ еще не успѣла опошлить и затянуть тина буржуазной жизни съ ея тепленькими мѣстечками, они чрезвычайно чутко отзывались на всѣ общественныя и революціонныя движенія въ Россіи. Поэтому положительно можно сказать, что *русскій университетъ есть лучшій барометръ всѣхъ демократическихъ и революціонныхъ движеній въ Россіи: какъ только у насъ усиливалось революціонное движеніе, пульсъ университетской жизни ускорялся; какъ только революціонная волна спадала, университетская жизнь сейчасъ же начинала мелѣть.*

Вотъ эта-то особенность русской учащейся молодежи заставляла правительство всегда держать ее въ черномъ тѣлѣ. Уже вскорѣ послѣ того, какъ былъ введенъ уставъ 63-го года, министерство народнаго просвѣщенія было отдано въ руки графа Димитрія Толстого. Этотъ мракобѣсъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ старался притуплять мысль нашей гимназической молодежи. Для этой благородной цѣли онъ ввелъ въ гимназію систему классическаго образованія, т. е. преподаваніе мертвыхъ — греческаго и латинскаго — языковъ: въ теченіе восьми лѣтъ каждый ученикъ долженъ зубрить грамматику такихъ языковъ, на которыхъ теперь никто не говоритъ. Цѣль графа Д. Толстого не была достигнута. Такъ какъ большинство нашей учащейся молодежи привыкло съ юныхъ лѣтъ воевать съ семейнымъ деспотизмомъ, то она естественно неспособна была проникнуться довѣріемъ и любовью къ своимъ гимназическимъ деспотамъ — учителямъ; поэтому латинская кухня имѣетъ послѣдствія какъ разъ противоположныя тѣмъ, которыя она преслѣдовала: вмѣсто того, чтобы притупить учениковъ, она вызываетъ еще больше ненависти ко всякой казенной наукѣ. Какъ только ученикъ покидаетъ гимназическую скамью, онъ предаетъ полному забвенію все, чѣмъ его пичкали въ гимназіи и празднуетъ выходъ свой изъ гимназіи, какъ выходъ изъ Египетскаго плѣненія. Вы видите, что министръ Д. Толстой не успѣлъ своими косвенными средствами вытравить крамолу изъ университетовъ, а разрушать непосредственно уставъ 63-го года онъ не осмѣливался.

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ свое время и западно-европейская университетская молодежь играла политическую роль.

За это дѣло взялось правительство уже въ слѣдующее царствованіе. Когда „царь-миротворецъ“ Александръ III убѣдился, что революціонное движеніе ослабѣло, онъ послѣ трехлѣтняго гатчинскаго плѣненія рѣшился выглянуть нас вѣтъ божій и первое дѣло, за которое онъ взялся, было искорененіе крамолы; между прочимъ онъ обратилъ свою монаршую милость и на университеты. Министерство народнаго просвѣщенія было отдано въ руки ничтожнаг графа Делянова, который исполнялъ, „что прикажутъ“. Для роли университетскаго палача нашелся подходящай молодецъ Леонтьевъ—одинъ изъ редкторовъ „Москов. Вѣдом.“. Этотъ господинъ, питавшій личную злобу противъ московскаго университета, явился въсовѣтъ университета и въ присутствіи всѣхъ заявилъ: „Вы лизнули моей крови но, я вамъ отомщу“ и онъ отомстилъ. При его содѣйствіи былъ выработанъ новый проэктъ университетскаго устава, утвержденный въ 1884 году. По новому уставу назначеніе профессоровъ стало зависѣть не отъ выбора, а отъ произвола администраціи. Подъ видомъ инспекціи университеты были наводнены цѣлой арміей педелей и шпіоновъ; программа университетскаго курса была отдана подъ контроль министерства, экзамены стали производиться утвержденной правительствомъ комиссіей, студенческія столовыя и читальни были закрыты, для всѣхъ студентовъ была введена обязательная форменная одежда для большей возможности наблюденія за ними и т. д. Къ концу 80-хъ годовъ студенческая жизнь была самая пошлая, безцвѣтная. Реакціонеры радовались этому и объясняли это тѣмъ, что уставъ 84 года и строгія полицейскія мѣры искоренили наконецъ крамолу изъ университетовъ. Но въ дѣйствительности дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ: *не потому крамола въ университетахъ въ 80-хъ годахъ исчезла, что правительство ее искоренило, а наоборотъ, полиціи такъ легко удалось опутать по рукамъ и ногамъ студентовъ, что прежнее революціонное движеніе въ Россіи давно пришло къ тому времени въ упадокъ.*

Какъ мы уже говорили, университеты служатъ самымъ точнымъ барометромъ революціоннаго движенія въ Россіи. Поэтому, *какъ только въ девяностыхъ годахъ у насъ возникло соціальдемократическое рабочее движеніе, жизнь университетская опять пробудилась и начались студенческія движенія,* при чемъ можно было легко замѣтить, что *даже на фактахъ студенческаго движенія отразились тогдашнія формы рабочаго движенія.* Тяжелый университетскій режимъ никоимъ образомъ не могъ помѣшать этому движенію или остановить его, потому что никогда нашему правительству не удавалось еще нравственно развратить студенчество. Никогда ему не удавалось внушить студенчеству довѣріе и любовь къ тому начальству, которое его душитъ, а покуда рабъ не полюбитъ своихъ цѣпей, онъ не рабъ.

Мы не станемъ здѣсь описывать извѣстнаго студенческаго движенія, охватившаго всю Россію въ 1899 г. Читателей, недостаточно знакомыхъ съ нимъ, мы отсылаемъ къ брошюрѣ Сибиряка, изданной въ томъ же году Союзомъ Русскихъ Соціальдемократовъ. Но мы хотимъ здѣсь отмѣтить совершенно *новый характеръ этого студенческаго движенія, которое, благодаря отзывчивости нашихъ студентовъ, отразило въ себѣ косвенно новое явленіе въ русской общественной жизни—классовую борьбу, именно борьбу рабочаго класса за свое освобожденіе.*

Вы помните побоище, учиненное 8 февраля 1899 года надъ петербургскими студентами. Кто же былъ истин-

нымъ виновникомъ этого безобразія. Грубый поручикъ, скомандовавшій бить студентовъ? Или, можетъ быть, ректоръ петербургскаго университета профессоръ Сергѣевичъ, который безъ всякаго основанія накунунѣ 8-го февраля вывѣсилъ оскорбительное для студентовъ объявленіе, былъ освистанъ на актѣ и этимъ подалъ поводъ къ принятію усиленныхъ полицейскихъ мѣръ? Всѣ хорошо знали, что истинный виновникъ побоища не поручикъ и не ректоръ, а самодержавное правительство, которое искони привыкло смотрѣть на университетъ, какъ на „гнѣздо крамолы", не упуская случая, чтобы показать студентамъ свои ежовыя рукавицы; поручикъ же и Сергѣевичъ были только покорнымъ орудіемъ въ рукахъ высшей самодержавной власти. Это и высказалъ ректоръ петербургскаго университета В. Сергѣевичъ въ своей рѣчи, обращенной къ петербургскимъ студентамъ: „Я только передаточный телеграфный столбъ... Вы смѣстили меня, но за мною стоитъ попечитель, а за нимъ... Вы выбросили меня, назначеннаго по указу его величества, и я считаю долгомъ предупредить васъ о послѣдствіяхъ"...

Студенты понимали такъ же хорошо, какъ и Сергѣевичъ, что безобразія, которыя надъ ними производятся, неизбѣжно вытекаютъ изъ сущности самодержавнаго строя. Меньшинство наиболѣе энергичныхъ студентовъ, руководившихъ движеніемъ, по указаннымъ уже нами причинамъ, чутко прислушивалось къ тому революціонному движенію, которое съ середины 90-хъ гг. охватило Россію,—къ рабочему движенію, и рѣшило примѣнить тактику рабочаго движенія къ студенческому. Рабочіе до того времени вели еще только классовую борьбу въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. они устраивали стачки во имя ближайшихъ экономическихъ требованій. Для того, чтобы студенческое движеніе охватило всю массу студенчества безъ различія взглядовъ и общественнаго положенія, руководители студенчества рѣшили выставить тоже такія требованія, которымъ могутъ сочувствовать всѣ студенты безъ различія, какъ извѣстный классъ людей, имѣющихъ свои спеціальные академическіе и насущнѣйшіе человѣческіе интересы; для осуществленія же этихъ требованій они прибѣгли къ тому пріему, который уже давно практиковался рабочими, т. е. къ забастовкѣ, къ общему отказу посѣщать университетъ и слушать лекціи. Стоитъ прочитать воззваніе тогдашнихъ студенческихъ комитетовъ, для того чтобы убѣдиться, насколько они были похожи на обычныя въ то время прокламаціи соціальдемократическихъ комитетовъ, обращенныя къ рабочимъ. Наприм., въ воззваніи Организац. Комитета Петерб. Унив. отъ 30 марта 1899 г. мы читаемъ: „Будьте спокойны, товарищи! Умѣйте подавлять въ себѣ личныя раздраженія; помните, что мы не одни: за насъ, какъ и въ первомъ движеніи, стоятъ *всѣ* высшія учебныя заведенія. Своей вспыльчивостью, излишней горячностью мы можемъ лишь изгладить то впечатлѣніе внушительной осмысленной силы, которое мы успѣли за эти два мѣсяца произвести *и на общество, и на администрацію*. Корректность поведенія, отличавшее все наше движеніе, пусть и теперь не покидаетъ насъ, и мы этимъ только лишній разъ докажемъ свое умѣніе стойко и выдержанно добиваться своихъ правъ. Несомнѣнно, что *полиція*, судя по ея поведенію въ понедѣльникъ, *будетъ вести себя вызывающимъ образомъ* (курсивъ нашъ), но мы надѣемся, что и на этотъ разъ она ошибется въ своихъ разсчетахъ..." Требованія, которыя выставили въ то время студенты всѣхъ учебныхъ заведеній, были: неприкосновенность личности студентовъ и отвѣтственность полиціи за ея дѣйствія передъ безпристрастнымъ судомъ. Студенты въ своей политикѣ слѣдовали примѣру рабочихъ. Но нужно имѣть въ виду коренныя особенности требованій, которыя выставили студенты отъ тѣхъ, которыя обычно выставляли рабочіе. Рабочіе до того времени обыкновенно боролись за ближайшія экономическія требованія, сокращеніе раб. дня, увеличеніе зараб. платы, отмѣну штрафовъ и т. д. Формально, для виду наше самодержавное правительство можетъ еще мириться съ такими экономическими уступками рабочему классу. Другое дѣло — тѣ требованія, которыя выставили студенты. Они хотя частичныя, но по существу противорѣчатъ всему самодержавному режиму. Можетъ-ли самодержавное правительство мириться съ неприкосновенностью личности, да еще по отношенію къ студентамъ, которыхъ оно считаетъ источникомъ всякой крамолы? Можетъ-ли самодержавное правительство допускать публичный судъ надъ полиціей, которая свирѣпствуетъ по приказанію самого правительства? Конечно—нѣтъ, и объ этомъ предупреждалъ студентовъ ректоръ Сергѣевичъ: „Я нисколько не удивлюсь, сказалъ онъ студентамъ, если мнѣ сообщатъ вскорѣ, что поручикъ (прика авшій бить студентовъ) получилъ чинъ штабсъ-капитана!.. Требовать можно всего, вы могли бы требовать даже райскихъ птицъ, но какова ихъ судьба въ нашемъ климатѣ?" Слова профессора Сергѣевича оказались пророческими и мы теперь хорошо знаемъ, какова была судьба этихъ требованій, которыя были выставлены студентами въ 1899 году.

Благодаря тому, что эти требованія касались насущныхъ интересовъ всѣхъ студентовъ безъ различія ихъ политическаго направленія и общественнаго происхожденія, они сумѣли вызвать небывалое въ Россіи по размѣрамъ студенческое движеніе: за эти требованія возстали двадцать пять тыс. человѣкъ, почти все русское студенчество. Но чѣмъ же правительство отвѣтило на это движеніе? Чтобы помазать студентовъ по губамъ, большинство исключенныхъ было принято обратно и назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ Ванновскаго, быв. военнаго министра, для разслѣдованія причинъ безпорядковъ. Наивные и легковѣрные люди возлагали надежды на эту комиссію, пока наконецъ самъ Николай II послѣ долгихъ и тяжкихъ думъ не разразился мудрой резолюціей, разсѣявшей всѣ „безсмысленныя мечтанія". Пожуривши слегка полицію, которой онъ предлагалъ „поставить на видъ неумѣлыя распоряженія", онъ затѣмъ со всей своей отеческой строгостью обрушивается на студентовъ, которыхъ полиція била, на общество, которое студентамъ сочувствовало, и на профессоровъ за то, что они потеряли вліяніе на студентовъ, между тѣмъ какъ въ этомъ виновато само правительство, превратившее ихъ въ полицейскихъ чиновниковъ.

Но это еще цвѣтики, ягодки были впереди. 29 іюля было издано „высочайшее" повелѣніе о временныхъ правилахъ, по которымъ студенты за безпорядки, вопреки всѣмъ т. наз. россійскимъ законамъ, отдаются въ солдаты, не взирая даже на несовершеннолѣтній возрастъ, причемъ они лишаются права пользоваться закономъ установленными льготами по семейному положенію и по образованію; къ этому уголовному наказанію они присуждаются не судомъ, а административнымъ совѣщаніемъ, которое судитъ по своему произволу безъ гласнаго разбирательства, безъ защиты обвиняемыхъ и даже безъ допроса *). Словомъ, студенты за безпорядки судятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ воры и убійцы. Эти временныя правила въ нынѣшнемъ году уже были примѣнены, такъ что мы теперь уже хорошо знаемъ, какъ были удовлетворены требованія студентовъ.

Надо замѣтить, что студенты, руководившіе движеніемъ въ 99 году, уже послѣ первой забастовки предвидѣли участь выставленныхъ ими требованій. Вотъ тѣ замѣчательныя слова, которыя мы читаемъ въ прокламаціи, изданной Кассой Взаимопомощи студентовъ петербургскаго университета 4-го марта 99 года: „Мы прекрасно понимаемъ, что въ Россіи на указанной почвѣ можно только протестовать, но получить удовлетвореніе, тѣмъ болѣе усиліями одной только учащейся молодежи, конечно, нельзя... Мы не только не питали на этотъ счетъ никакихъ иллюзій, но были увѣрены съ самаго начала, что правительство не поцеремонится произвести разгромъ въ университетахъ..." Далѣе прокламація разсказываетъ о результатахъ, достигнутыхъ движеніемъ: „Намъ удалось въ двѣ, три недѣли добиться фактическаго закрытія всѣхъ безъ исключенія высшихъ учебныхъ заведеній Россіи... Этотъ небывалый фактъ поразилъ общество и правительство... Практическимъ результатомъ нашего движенія... было назначеніе чрезвычайнаго слѣдствія съ генераломъ Ванновскимъ во главѣ. Даже этихъ результатовъ мы не ждали. Однако студенческая масса, увлеченная толкованіемъ, даннымъ этому разслѣдованію либеральной частью нашихъ профессоровъ, надѣясь съ помощью нѣкоторыхъ изъ нихъ получить кой-какіе практическіе результаты, о которыхъ мы не заботились, забыли совершенно о первоначальномъ значеніи своего протеста... Она избрала новый, скользкій путь ходатайствъ и выпра-

*) Подробную критику „временныхъ правилъ" см. № 4-5 „Раб. Дѣла".

шиванія милости... Мы поняли, что останемся дальше въ меньшинствѣ... и потому мы прекратили свою дѣятельность еще 23-го февр... Намъ говорятъ, что мы сильны сочувствіемъ общества. Да, мы надѣялись на него, но въ значительной степени ошиблись, и та либеральная труха, которая поднялась на встрѣчу намъ, только запорошила намъ глаза, и мы потеряли изъ виду ту звѣзду, которая свѣтила намъ впереди. Общество намъ сочувствуетъ, но сочувствуетъ исподтишка и громко говорить о своемъ сочувствіи не смѣетъ." Окончательный выводъ, къ которому приходятъ авторы прокламаціи, слѣдующій: „Наука и просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ ними и носители ихъ—университеты — не могутъ существоватъ рядомъ съ такимъ строемъ. Между ними постоянно будетъ происходить глухая борьба, сопровождаемая частыми взрывами, пока этотъ строй не измѣнится".

Итакъ, *выводъ изъ студенческаго движенія 99г.* слѣдующій: *Для того, чтобы университетская наука могла свободно развиваться и чтобы студенты могли свободно дышать, необходимо, чтобы погибло самодержавіе. Но объединеніе всего студенчества на почвѣ борьбы съ самодержавіемъ невозможно потому, что въ теперешнихъ университетахъ есть весьма значительное количество студентовъ — бѣлоподкладочниковъ, которые уже на школьной скамьѣ мечтаютъ только о карьерѣ, теплыхъ мѣстечкахъ; а еслибы это даже было возможно, то для такой задачи силы студенчества недостаточны; разсчитывать же на серьезную поддержку студенчества трусливымъ буржуазнымъ обществомъ при настоящихъ условіяхъ нѣтъ надежды.*

Какой же выходъ изъ этого положенія? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ тѣ знаменательныя событія, которыя совершаются теперь въ Россіи. Подробно читатель можетъ познакомиться съ ними изъ корреспонденцій и хроники, помѣщаемыхъ въ этомъ же Листкѣ. Мы постараемся только вкратцѣ освѣтить смыслъ этихъ событій. Уже немедленно послѣ того, какъ правительство рѣшилось примѣнить къ кіевскимъ студентамъ временныя правила 29-го іюля, ясно стало, что разсчитывать на движеніе, какое было въ 99 году, невозможно. Правительство сдѣлало вызовъ студенчеству, и легко было предвидѣть, что извѣстная часть тѣхъ студентовъ, которые два года тому назадъ принимали участіе въ движеніи, теперь отступятся отъ общаго дѣла, потому что у нихъ не хватитъ мужества на прямую борьбу съ правительствомъ. Бѣлоподкладочники готовы были въ мирной формѣ отстаивать свои элементарнѣйшія права, но рисковать своей карьерой для борьбы съ правительствомъ они не были склонны. Этимъ объясняется временное затишье студенческаго движенія и та робость студенчества, за которую ихъ упрекаютъ прокламаціи и стихотворенія, появившіяся сейчасъ послѣ 20-го января. Но въ то время, какъ одна часть студенчества спасовала въ рѣшительную минуту, другая, лучшая часть, настраивалась все болѣе и болѣе революціонно. Съ того дня, какъ стали отправлять студентовъ въ солдаты, движеніе принимаетъ чисто политическій характеръ. Въ Кіевѣ при проводахъ студентовъ, отправляемыхъ на военную службу, не прекращаются демонстраціи, сопровождаемыя пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы. 14 февр. раздается выстрѣлъ Карповича. Послѣ выстрѣла гроза разразилась. 19-го февр. происходитъ студенческая демонстрація, но не по студенческому уже поводу.

И тутъ обнаруживается новое, почти небывалое въ Россіи явленіе, которое имѣетъ значеніе для всей будущей судьбы Россіи,—политическое знамя, поднятое кучкой смѣлыхъ студентовъ, ихъ протестъ противъ самодержавнаго произвола находитъ себѣ откликъ у многихъ тысячъ людей изъ рабочихъ. Не первый годъ наши рабочіе борются уже за освобожденіе отъ гнета всякаго рода. Въ рабочей массѣ все больше пробуждалось сознаніе насущной необходимости для нея политической свободы. Расширеніе и объединеніе рабочаго движенія побуждало рабочихъ въ ихъ майскій праздникъ все сильнѣе и сильнѣе подчеркивать общія политическія требованія. Наконецъ, въ этомъ году впервые тысячи рабочихъ въ Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ принимаютъ участіе въ чисто политическихъ демонстраціяхъ, предпринятыхъ нашей молодежью.

Въ тѣсномъ союзѣ рабочаго класса

съ лучшей частью интеллигентной молодежи для борьбы за свободу мы видимъ разрѣшеніе того вопроса, вопроса борьбы съ самодержавіемъ, на который неизбѣжно натолкнулось и рабочее и студенческое движеніе.

Товарищи! Мы обращаемся къ вамъ, къ тысячамъ и сотнямъ тысячъ рабочихъ, у которыхъ тяжелый трудъ и каторжныя условія жизни не сумѣли заглушить стремленія къ свободѣ и къ лучшей долѣ. Вы видите, что борьба между студентами и правительствомъ не есть борьба за частные интересы студенчества, къ которому ни вы, ни ваши дѣти не будутъ принадлежать. Это по существу борьба между свѣтомъ и тьмой, между честной и свободной мыслью и царскимъ кнутомъ. Вся тяжесть самодержавнаго гнета ложится именно на васъ, товарищи! Вы наиболѣе обдѣленные за тѣмъ столомъ, за которымъ пируютъ богатые и знатные. Никто сильнѣе васъ не задыхается въ душной атмосферѣ самодержавія. Откликнитесь же дружно, вслѣдъ за своими петербургскими, московскими, харьковскими и кіевскими товарищами, на протестъ студентовъ противъ самодержавнаго произвола. Правительство нагайками бьетъ не студентовъ, а тѣ честные порывы къ свободѣ, которые обнаруживаютъ студенты. Не въ томъ суть, что правительство двѣсти молодыхъ людей отдало не въ срокъ въ солдаты, а въ томъ, что оно хочетъ казарменной дисциплиной задушить гордую и свободную мысль этихъ людей.

Рабочіе должны поддерживать студенческое движеніе, потому что это есть борьба противъ дикаго самодержавнаго произвола, борьба за поруганную свободу. Вспомнимъ пророческія слова, сказанныя еще въ 77 г. на судѣ нашимъ товарищемъ рабочимъ Петромъ Алексѣевымъ: „Наша интеллигентная молодежь одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока не подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ".

Мартыновъ.

Начало Конца.

ХРОНИКА ПОСЛѢДНИХЪ СОБЫТІЙ.

(По свѣдѣніямъ нашихъ корреспондентовъ).

Наковальней, на которую опустился тяжелый молотъ Романовыхъ и окружающей ихъ челяди, оказался, какъ извѣстно, кіевскій университетъ. Русскій императоръ и его вѣрный холопъ, „сложившій свои кости на службѣ царю и отечеству“, Боголѣповъ осуществилъ достойную ихъ задачу поставить нашей наукѣ „фельдфебеля въ Вольтеры“. Боголѣповъ „утвердилъ“ постановленіе кіевской жандармско-профессорской коммиссіи о сдачѣ 183 кіевскихъ студентовъ въ солдаты, „утвердивши“ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оказалось, и собственный смертный приговоръ... Первое впечатлѣніе отъ такого безпримѣрнаго издѣвательства императорскаго правительства надъ мыслью, надъ наукой, надъ человѣческою личностью было ошеломляющимъ, но вскорѣ студенчество, интеллигенція, пролетаріатъ, революціонеры всѣхъ фракцій, все и вся стало приходить въ себя и движеніе, происходившее въ Кіевѣ на чисто академической почвѣ, разрослось чуть не во всероссійскій пожаръ, перепугавшій не на шутку царя, его московскаго дядюшку и всю ихъ дворню. Боголѣповъ палъ жертвою своихъ злодѣяній, студенчество заволновалось во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи,—въ Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ поднялись за свои давно поруганныя права, по ставшему нынѣ безсмертнымъ выраженію синклита московскихъ профессоровъ, люди всѣхъ націй и сословій, при огромномъ участіи, — обстоятельство, упорно замалчиваемое въ правительственномъ сообщеніи г. Сипягинымъ, —русскихъ рабочихъ, русскаго пролетаріата!!...

* * *

„Маска сброшена! Свѣтъ погашенъ! Хилый мозгъ Николая превратилъ университеты въ казармы. Едва мерцалъ у насъ этотъ свѣтъ и раньше. Николай рѣшилъ совсѣмъ затмить этотъ свѣтъ науки блескомъ отточенной сабли... Мы, рабочіе, для которыхъ знаніе —высшая сила, съ чувствомъ глубокаго возмущенія смотримъ, какъ школу знанія обращаютъ въ казарму, въ сыскное отдѣленіе участка. Мы привѣтствуемъ васъ, студенты, выгнанные изъ университета, за то, что вы не могли подчиниться гнуснымъ порядкамъ“.

Такъ говорится въ воззваніи „Кіевскимъ студентамъ-солдатамъ“, подписанномъ „Центральнымъ Рабоч. Комитетомъ Русской Соціальдемократической Партіи“.

Прокламація эта, какъ намъ пишутъ изъ Кіева, произвела на кіевское населеніе очень хорошее впечатлѣніе. „Кіевляне расклеивали ее по улицамъ, разбрасывали въ театрѣ и совершенно открыто распространяли въ университетѣ. Одинъ экземпляръ этой прокламаціи былъ приклеенъ на номерѣ „Кіевской Газеты“, вывѣшенномъ на Фундуклеевской улицѣ, около театра Соловьева. Публика, всегда толпящаяся около газеты, прочитывала, понятно, и прокламацію. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока прокламація не была замѣчена проходившимъ мимо сотрудникомъ „Кіевской Газеты“ и не была разорвана имъ въ куски въ порывѣ хамско-вѣрноподданническаго чувства. Порывъ этотъ, впрочемъ, имѣлъ неожиданныя послѣдствія. На другой день вѣрноподданнаго газетчика призвалъ къ себѣ жандармскій генералъ Новицкій и накричалъ на него за то, что тотъ порвалъ прокламацію вмѣсто того, чтобы представить ее по начальству. „Если я васъ еще въ чемъ-нибудь замѣчу, вы будете высланы изъ Кіева“, закончилъ свою рѣчь не по разуму усердный генералъ“.

17 января Кіевскій Союзный Совѣтъ

выпустилъ съ своей стороны письмо къ сданнымъ въ солдаты студентамъ, въ которомъ подчеркивалъ громадное значеніе ихъ мужественнаго поведенія и призывалъ товарищей продолжать начатую ими борьбу.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ выпустила также къ „учащейся молодежи“ печатную прокламацію, изъ которой мы приведемъ слѣдующія строки: „Насъ трудно чѣмъ-либо удивить. Для этого нужно, чтобы совершилось нѣчто поразительно-безобразное, чтобы совершилась необычайная гнусность, которой трудно было бы ожидать даже отъ такой безумно-жестокой и разнузданной власти, какою является русское правительство... За вами слово теперь, студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній! Ведите борьбу до конца, протестуйте противъ этого дикаго произвола во всѣхъ его видахъ и формахъ и помните. что ваша сила въ стойкости и единодушіи“.

События въ Кіевѣ.

Кто слѣдилъ въ это время хотя бы только за сообщеніями легальныхъ газетъ, сообщеніями, проходившими черезъ цѣлый строй цензурныхъ рогатокъ, тотъ знаетъ, что въ Кіевѣ проживаютъ не одни только жандармы-взяточники Новицкіе да публичные мужчины въ родѣ ректора кіевскаго университета Фортинскаго. Перепуганный сатрапъ Драгоміровъ—„око и ухо царево“— издавалъ прокламаціи одну другой свирѣпѣе, грозя оружіемъ своей дикой орды „нарушителямъ общественной тишины и спокойствія“, обращаясь къ царю съ просьбою о дарованіи ему права обратить двѣсти солдатъ въ полицейскую опричину и придавши всему Кіеву тотъ видъ, какого не имѣла „мать русскихъ городовъ“ со времени осады ея печенѣгами... И всѣ эти дикія мѣры царскаго холопа не произвели устрашающаго дѣйствія. Вотъ что сообщали намъ въ это время изъ Кіева:

„Въ университетѣ до 20 января занятій не было. Отданные въ солдаты начали уѣзжать только съ 19 января. Ежедневно стали призывать по 40 человѣкъ къ воинскому начальнику, гдѣ они получали инструкціи, какъ, куда и когда ѣхать, проходное свидѣтельство, 16 коп. кормовыхъ въ сутки, желтые сапоги съ большой фіолетовой печатью, ѣдущіе далеко—и бѣлый полушубокъ. Отсюда всѣ они, сопровождаемые товарищами, знакомыми и толпой сочувствующихъ имъ лицъ, отправлялись гурьбой черезъ Крещатикъ домой, чтобы вечеромъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ встрѣтиться на вокзалѣ.

„Уже къ 9 ч. веч. на перронѣ замѣтно движеніе. Форменное студенческое пальто является преобладающимъ. Отправляютъ двѣ партіи: одну въ 11 ч., другую въ $12^1/_2$ ч. ночи. За полчаса до отхода поѣзда платформа запружена провожающими. Матери съ заплаканными глазами, блѣдными и измученными лицами, товарищи, отъѣзжающіе съ бодрымъ видомъ, увѣренные въ успѣхѣ начатаго дѣла, безъ тѣни сожалѣнія о происшедшемъ, воинскій начальникъ, офицеры, жандармы — жандармы безъ конца,—такова картина вокзала.

„Огромная толпа у вагона новобранцевъ сдержанно молчитъ. Слышны только всхлипыванія матерей да позвякиваніе шпоръ жандармовъ... Первый звонокъ! Новобранцы устремляются въ середину толпы попрощаться съ остающимися. Поцѣлуи, рыданія, истерическій хохотъ, пожеланія и напутствія смѣшиваются въ общій гулъ. Третій звонокъ! Желтые сапоги замелькали на площадкахъ вагона... „До свиданія!“— несется со всѣхъ сторонъ. Толпа еле сдерживается... Раздается громкое „ура“, и поѣздъ трогается. Кричатъ всѣ—товарищи и родители, и братишки, и сестренки — всѣ воодушевлены однимъ чувствомъ, однимъ настроеніемъ. Сотни фуражекъ, сотни носовыхъ платковъ мелькаютъ въ воздухѣ и долго, долго видны они на темномъ фонѣ вокзала, пока поѣздъ окончательно не скрывается изъ глазъ.

„Извѣстны фамиліи слѣдующихъ высланныхъ: Гендельманъ—въ Скопинъ Рязанской губ., Рыбаковъ—въ Проскуровъ, Гучковъ, Райхенштейнъ, Хавкинъ, Шендрикъ, Гудимъ-Левковичъ, Кудрявцевъ (предсѣдатель сходки) — на 3 года въ село Ахалкамыки Карсской области, Минкевичъ (пустившій „подлеца“ Новицкому) — въ село Сорокамышъ Карсской области на 3 года.

„20-го января должны были начаться лекціи. Еще въ ночь наканунѣ на стѣнахъ университета были развѣшаны

объявленія Драгомірова о томъ, что въ виду осаднаго положенія въ Кіевѣ всякія сборища будутъ разгоняться военною силою. Около университета масса публики. Въ самомъ зданіи обструкція во всей силѣ. Націоналисты въ количествѣ 25-30 человѣкъ составляютъ оппозицію, но они прямо теряются въ громадной толпѣ обструкціонистовъ. На предложеніе прекратить чтеніе лекцій большинство профессоровъ соглашается. Въ виду удавшейся обструкціи университетъ закрытъ до 1-го марта“.

Отмѣтимъ тутъ же какъ всегда хитроумную, но и какъ всегда въ высшей степени презрѣнную „политику“ въ этомъ дѣлѣ Витте. Демократъ и устроитель подкоповъ противъ земства, сторонникъ гласности (вспомните его фокусъ съ брошюрой Ціона „Г. Витте и русскіе финансы“)и иниціаторъ беззаконной казни, обличавшей всѣ его темныя дѣла, шараповской газеты „Русскій Трудъ,“ „честный взяточникъ“ и престидижитаторъ финансоваго вѣдомства, г. Витте быстро скрылъ свои волчьи зубы подъ овечьей шкурой. Онъ прислалъ телеграмму не на имя директора политехническаго института, какъ это обыкновенно дѣлается,—о, нѣтъ!—онъ слишкомъ для этого демократъ,—а на имя студенчества политехникума и умолялъ ихъ не увеличивать собою число жертвъ. Мало того, по распоряженію Витте, въ институтъ явился самъ Владиміръ Ивановичъ Ковалевскій, тотъ самый Ковалевскій, который въ молодости сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по Нечаевскому дѣлу, тотъ самый Ковалевскій, къ которому во время его заключенія ходила на свиданіе Вѣра Ивановна Засуличъ, тотъ самый Ковалевскій, который, не взирая на такія приключенія юныхъ лѣтъ, проползъ ужемъ до почти министерскаго кресла... И вотъ этотъ-то господинъ и давалъ честное слово безчестнаго человѣка, что „въ ихъ вѣдомствѣ“ не можетъ быть ничего подобнаго тому, что происходитъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, что ни одинъ студентъ не будетъ сданъ въ солдаты и что учащимся въ политехникумѣ слѣдуетъ идти рука объ руку съ „либеральной частью правительства.“ При этомъ Владиміръ Ивановичъ упомянулъ и о собственныхъ грѣхахъ молодости и обѣщалъ, что они съ Сергѣемъ Юрьевичемъ студентовъ въ обиду не дадутъ. Характерно во всемъ правительственномъ развратѣ нашихъ дней именно это сваливаніе вины за происходящія безобразія однимъ „вѣдомствомъ“ на другое, характерно это третированіе министерствомъ финансовъ министерства народнаго просвѣщенія, характерно, въ виду явной цѣли этихъ, не задумывающихся ни о чести, не останавливающихся ни передъ чѣмъ „вѣдомствъ“, сохранить „спокойствіе“ въ „ввѣренныхъ“ имъ участкахъ и тѣмъ заслужить мѣстечко, чинишки, крестишки, высочайшее потрепаніе по брюшку. Кому же неизвѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что Витте былъ однимъ изъ авторовъ знаменитыхъ „временныхъ правилъ“ для студенчества!

Но оставимъ пока Кіевъ и посмотримъ, что происходило въ это же время въ другихъ городахъ.

Событія въ Харьковѣ.

Союзный Совѣтъ объединенныхъ землячествъ и организацій выпустилъ 14 января прокламацію „Къ товарищамъ“, въ которой высказалъ убѣжденіе, что „харьковское студенчество по примѣру прошлыхъ лѣтъ единодушно примкнетъ къ общестуденческому протесту“. Организаціонный комитетъ харьковскихъ технологовъ выпустилъ 17 января съ своей стороны большое воззваніе „Съ какими мыслями мы вступаемъ въ XX вѣкъ“. Въ воззваніи этомъ комитетъ приглашалъ интеллигенцію выразить единодушный протестъ противъ насилія, совершеннаго надъ кіевскими студентами. Настроеніе въ Харьковѣ вообще было бодрое и приподнятое. Интеллигенція живо помнила майскую манифестацію харьковскихъ рабочихъ 1900 г., знала, какъ глубоко проникли идеи свободы въ среду рабочаго класса, она чувствовала твердую почву подъ ногами и не ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ. Припомнимъ, съ какимъ живымъ сочувствіемъ отнеслись харьковскіе рабочіе къ студенческимъ волненіямъ 1899 г. (см. „Рабочее движеніе въ Харьковѣ“, отчетъ Харьков. Комитета Росс. Соц.-дем. Рабочей Партіи).

Понятно, что харьковская интеллигенція чувствовала себя и въ 1901 году далеко не одинокою и не „оторванною отъ почвы“.

Сходки и всякаго рода „безпорядки“ не прекращались въ теченіе всего января и февраля какъ въ университетѣ, такъ и въ ветер. и технолог. институтахъ. Общественное сочувствіе было явно на сторонѣ студенчества. 19 февраля, по окончаніи панихиды въ кафедральномъ соборѣ по Александрѣ II, студенты и масса посторонней публики двинулись къ университету съ пѣніемъ „Дубинушки“. Немедленно же всѣ ворота въ университетъ были заперты; толпа двинулась по направленію къ Сумской улицѣ, но тутъ на нее налетѣли казаки и, разсыпая направо и налѣво удары нагайками, отрѣзали человѣкъ 40—60 студентовъ отъ остальной массы. Приводимъ выдержку изъ письма очевидца: „Удары плетьми сыпались безпощадно. Били, не разбирая никого и ничего. Одного студента плеть захватила за волосы и мы видѣли на этой плети его волосы. Отъ нестерпимой боли студентъ этотъ кричалъ всю дорогу, пока его везли въ больницу Медицинскаго Общества. Другому студенту казакъ нанесъ плетью два удара въ лицо. Дамы падали въ обморокъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ вносили въ соборъ. Между тѣмъ оцѣпленныхъ повели по Николаевской площади. Масса публики слѣдовала за ними, но проѣздъ и проходъ по Университетской улицѣ отъ Купеческаго до Бурсацкаго переулка былъ сплошь занятъ казаками. Тѣмъ не менѣе около полицейской части вновь собрались студенты и посторонняя публика въ ожиданіи отвода забранныхъ въ тюрьму. Это было во второмъ часу. Черезъ нѣсколько времени, обошедши толпу сзади, казаки отрѣзали еще человѣкъ 60 студентовъ и четырехъ дамъ. Среди публики начался сборъ въ пользу арестованныхъ. Тутъ же купили провизію и поспѣшили передать ее и оставшіяся деньги, несмотря на сопротивленіе полиціи, забраннымъ. Всѣхъ забранныхъ въ участокъ переписали въ присутствіи суба Горкушевскаго и педелей. Въ шестомъ часу студенты, а еще больше посторонняя публика стали собираться на Сумской противъ театра въ разстояніи одного квартала отъ вышеназванной части. Снова запѣли „Дубинушку“. Въ 6½ часовъ показались казаки. Публика встрѣтила ихъ отчаяннымъ свистомъ и шиканьемъ. Все это, вмѣстѣ съ пѣніемъ, ржаніемъ лошадей и жалобнымъ воемъ ночныхъ рожковъ смѣшалось въ какой-то адскій концертъ. Толпа заполнила буквально всѣ тротуары и мостовыя. Движеніе экипажей совершенно прекратилось. Казакамъ удалось отрѣзать отъ толпы еще человѣкъ 70, съ которыми они и направились въ части. Публика за ними. Свистки и шиканье не прекращались ни на минуту. Отведя забранныхъ въ часть, казаки разбились на нѣсколько частей: одна изъ нихъ направилась по Сумской улицѣ, а другая остановилась около дома Юзефовича, извѣстнаго реакціонера, издателя газеты „Южный край“. (Надо замѣтить, что около дома этого Баркова вѣрноподданнической поэзіи дежурили съ утра городовые подъ предводительствомъ 4 околодочныхъ. Замѣтимъ также кстати, что разбиравшееся 17 февраля у городского судьи дѣло о штурмѣ этого дома во время юбилея Юзефовича окончилось оправданіемъ всѣхъ обвиняемыхъ; изъ отчета „Харьк. Губ. Вѣд.“ видно, что штурмовавшихъ домъ Юзефовича было около 400 человѣкъ). Въ семь часовъ вечера на Сумскую улицу прибыла съ барабаннымъ боемъ рота пѣхоты, но тутъ же стало извѣстно, что паровозостроительный заводъ забастовалъ и рабочіе идутъ защищать отъ правительственной опричины дѣло свободы. Къ восьми часамъ все пространство между банкомъ, домомъ Юзефовича и театральнымъ скверомъ было заполнено многотысячной толпой. Рабочіе преобладали до такой степени, что студенты между ними были едва замѣтны. Интеллигентной публики также было очень много. Рабочіе запѣли „Дубинушку“. Вдругъ изъ двора дома Юзефовича вылетѣлъ отрядъ казаковъ и снова засвистали нагайки. Били всѣхъ: рабочихъ, студентовъ, женщинъ, но натискъ храбраго съ безоружными людьми воинства встрѣтилъ на этотъ разъ хорошій отпоръ. Рабочіе бросились къ изгороди сквера, моментально ее разломали и, вооружившись дрекольями, двинулись противъ казаковъ. Казакамъ поданъ былъ приказъ вынуть шашки. Произошла схватка, во время которой казаки дѣйствовали шашками, но толпа и не думала расходиться. Казаки отступили и били нагайками лишь отдѣльныя, попадавшіяся имъ на пути, группы безоружныхъ и беззащит-

ныхъ людей. Къ театру вызвана была другая рота пѣхоты. Телеграфировали въ Чугуевъ прислать оттуда драгунъ. Городъ принялъ видъ военнаго лагеря. Власти распускали слухъ, будто бы студенты пѣли „Дубинушку“ въ церкви, но это—наглая ложь, имѣющая видимою цѣлью настроить благочестивую часть харьковцевъ противъ студенчества и рабочихъ“.

А вотъ выдержка изъ другого письма: „Наканунѣ 19 февраля студенты ветеринары выпустили прокламацію, въ которой въ общихъ чертахъ указывалось значеніе этого дня для русской интеллигенціи. Между прочимъ въ той же прокламаціи приглашали всѣхъ, кому дорогъ день 19 февраля, собраться въ соборѣ на панихиду. Лично я не былъ подлѣ собора и поэтому дальше буду писать со словъ другихъ (за достовѣрность же я ручаюсь). По окончаніи панихиды, толпа чел. въ 100-150 (главнымъ образомъ студенты) съ пѣніемъ „Дубинушки“ направилась къ университету. Минутъ черезъ 5 явились казаки. Толпу оцѣпили. Казаки лошадьми давили людей. Оцѣпленные сначала протестовали противъ этой ничѣмъ не вызванной жестокости, а когда казаки не обратили вниманія на эти протесты, толпа руками и палками начала отбиваться отъ наѣзжавшихъ лошадей. Офицеръ первый ударилъ плетью по лицу студента технолога, послѣ чего казаки врѣзались въ толпу и началось избіеніе. Избитыхъ въ числѣ 40-50 чел. забрали въ участокъ. Вѣсть о казачьей расправѣ быстро собрала около участка тысячную толпу народа. Снова выѣхали казаки и увели въ участокъ еще около 50 чел. На этотъ разъ не били. Это было часовъ около 2-хъ.

„Свидѣтетелемъ дальнѣйшаго былъ я. Съ 2-хъ до 6 час. веч. подлѣ участка стояло около тысячи человѣкъ (студентовъ, рабочихъ, интеллигенціи). Въ 6 час. 20 минутъ небольшая кучка студентовъ съ пѣніемъ „Дубинушки“ двинулась на Сумскую улицу. Моментально образовалась тысячная толпа (тыс 4-5), пѣніе было подхвачено возвращавшимися съ работы рабочими, грозное море головъ зашумѣло, заволновалось... Было что-то величественное, грозное въ этомъ ревѣ многотысячной толпы. Это было шествіе народа, протестъ общества. Скоро появились казаки и безъ разговоровъ начали бить. Картина-ужасная—о ней разскажу послѣ. На этотъ разъ казакамъ удалось забрать въ участокъ только 31 чел. (не студентовъ не брали). Толпа успокоилась. Снова и снова двигались процессіи съ пѣніемъ и криками: „Долой войска“!.. „Долой живодеровъ, кровепійцъ!“ Войска не въ силахъ были справиться съ народнымъ волненіемъ. Казаки скучились на углахъ улицъ и притихли. Часовъ въ 9, когда демонстранты направились къ редакціи „Южнаго Края“, изъ воротъ послѣдней выскочила сотня казаковъ съ шашками на-голо. Били плашмя, били жестоко, звѣрски. Одному студенту разрубили голову; говорятъ, что онъ умеръ въ тюремной больницѣ. Я могу привести десятки фактовъ для того, чтобы иллюстрировать звѣрскую расправу; я могу показать собственную спину, на которой красуется огромный синякъ, тѣмъ, кто не можетъ себѣ представить, какъ бьютъ казаки. Я помню, какъ скептически относились къ слухамъ объ избитыхъ въ Петербургѣ 2 года тому назадъ. Лично самъ я думалъ, что всѣ ужасы, о которыхъ тогда говорили, были по большей части выдумкой. Поэтому-то теперь я стараюсь увѣрить тебя, что ничего выдуманнаго здѣсь, въ этомъ письмѣ, нѣтъ. Все — дѣйствительность, омерзительная, ужасная! Вчера было тихо. Городъ объявленъ на положеніи усиленной охраны. Сумская улица переполнена народомъ, но криковъ не было. Войска разбросаны по всему центру города. Сегодня въ технологическомъ институтѣ объявлена забастовка; въ университетѣ то же самое.

„Положеніе заключенныхъ ужасное. Они спятъ на полу. Сегодня только позволили передавать имъ постели. Попечитель возмущенъ расправой. Онъ не хочетъ примѣнять „временныхъ правилъ“. Въ высшей администраціи — смута и нерѣшительность“.

Читатель, который сравнитъ это описаніе харьковскихъ событій, исходящее отъ очевидцевъ, съ напечатаннымъ въ „Прав. Вѣстникѣ“ сообщеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, легко убѣдится, до какой степени изолгалось наше правительство, до какой степени трепещетъ оно передъ первымъ призракомъ глянувшей ему въ лицо грозной рабочей революціи. Оно умышленно избѣгаетъ произносить самое слово „рабочій“, замѣняя его чѣмъ угодно, словами: „люди разнаго званія“, „любопытные“, „посторонніе“ и пр., только не называя рабочихъ настоящимъ именемъ...

Харьковскій Комитетъ нашей Партіи выпустилъ 19-го февраля прокламацію къ рабочимъ по поводу 40-лѣтія освобожд. крестьянъ. И, какъ пишетъ тотъ же комитетъ въ прокламаціи „Къ обществу“ число харьковскихъ рабочихъ, участвовавшихъ въ демонстраціи 19-го февраля, „несомнѣнно было бы еще больше, если бы не была задержана администраціей значительная часть прокламацій“.

Отмѣтимъ еще сообщеніе, что на паровозостроительномъ заводѣ (за городомъ) всѣ *рабочіе были задержаны и не пропускались въ городъ войсками.* Съ этого завода могли прійти на демонстрацію только около 200 рабочихъ, избѣжавшихъ задержанія.

По другимъ свѣдѣніямъ, рабочіе пытались прорвать цѣпь солдатъ, произошли кровавыя стычки между рабочими и войсками, были убитые и раненые.

Въ харьковской демонстраціи участвовало болѣе 6000 чел. Были подняты красныя знамена. Раздавались крики: „*Да здравствуетъ социальдемократія!* Да здравствуетъ 8-часовой раб. день!“ Эти возгласы покрывались громкимъ „ура“...

По сообщенію другого корреспондента, „21 февраля большую часть забранныхъ выпустили. Оставили только 22 студентовъ и нѣсколько другихъ лицъ, по требованію жандармеріи.

„Говорятъ, что *одинъ изъ избитыхъ технологовъ уже умеръ*“.

* * *

Извѣстіе о харьковскихъ событіяхъ облетѣло съ страшной быстротой всю Россію.

Вотъ что сообщаютъ намъ изъ Одессы.

„**Въ Одессѣ** немедленно произошла въ университетѣ сходка, на которой собралось изъ сравнительно очень небольшаго числа всего одесскаго студенчества до 200 человѣкъ. Сходка продолжалась до 5 часовъ въ присутствіи ректора, инспектора и субовъ. Возбужденіе было такъ велико, что предсѣдатель сходки просилъ инспекцію разойтись, иначе онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія. Затѣмъ ректору была подана резолюція съ требованіями: 1) уничтоженіе временныхъ правилъ; 1) возвращеніе 183 студентовъ, сданныхъ въ солдаты; 3) уничтоженіе инспекціи; 4) свобода сходокъ; 5) свобода слова; 6) свобода союзовъ; 7) уничтоженіе вмѣшательства полиціи въ студенческія дѣла. Сверхъ того составленъ протестъ противъ звѣрства харьковской полиціи. То и другое вручено ректору, который долго колебался принять оба документа, но въ концѣ концовъ принялъ ихъ. Рѣшена забастовка и обструкція. Студенты совершенно не посѣщаютъ университета. Организаціонный комитетъ выпустилъ 18 прокламацій и разослалъ телеграммы по всѣмъ университетскимъ городамъ съ просьбой поддержать общій протестъ. Ждутъ грандіозныхъ, небывалыхъ манифестацій.“

Изъ **Казани** намъ писали слѣдующее: „Въ Казани были двѣ сходки студентовъ университета. Рѣшили устроить забастовку и примѣнять обструкцію. Одновременно со студенческимъ движеніемъ въ Казани на Алафузовскихъ фабрикахъ происходятъ волненія. Рабочіе одной типографіи устроили стачку. Всѣ наборщики въ этой типографіи арестованы. Взято 50 студентовъ и нѣсколько частныхъ лицъ — интеллигентовъ (аресты послѣднихъ находятся въ связи съ рабочимъ движеніемъ)“.

А вотъ что пишутъ въ другомъ письмѣ изъ Казани:

„Въ Казани были сходки студентовъ, послѣ чего произведены многочисленные обыски и аресты среди студентовъ и рабочихъ. Арестованы студенты: Петцольдъ, Казанскій, Рыковъ, Мамаджанъ, Рѣдкозубовъ, Пальчикъ, Кулешъ, Смирновъ, Дашперовъ и мн. др. Изъ рабочихъ Алафузовскаго завода арестованы: Алексѣеевъ, Табейкинъ, Андреевъ и др. Кромѣ того были аресты на механическомъ заводѣ, а также среди наборщиковъ губернской типографіи газеты „Казанскій Телеграфъ“, въ типографіяхъ Антонова и Харитонова.

Въ **Дерптѣ** послѣ разныхъ перипетій огромное большинство студенчества высказалось за забастовку. Нашлись мужественные профессора (именъ ихъ мы не называемъ по понятнымъ причинамъ),

которые вполнѣ одобрили такой образъ дѣйствій студенчества. Университетъ закрытъ.

Событія въ Москвѣ.

Несравненно грандіознѣе произошли событія въ Москвѣ.

Со времени сдачи въ солдаты кіевскихъ студентовъ сходки, воззванія, предложенія самыхъ разнообразныхъ мѣръ для выраженія протеста противъ правительственныхъ безобразій не прекращались ни на минуту во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выстрѣлъ Карповича въ столь знакомаго Москвѣ своимъ хамскимъ угодничествомъ передъ сильными міра Боголѣпова чрезвычайно повысилъ революціонное настроеніе среди молодежи и сильно смутилъ властей. Необходимо замѣтить, что еще во время сходки въ университетѣ, происходившей 29 января, 308 студентовъ было переписано и надъ ними назначенъ, съ позволенія сказать, „судъ". Боголѣповъ прислалъ въ судебную комиссію приказаніе примѣнять къ виновнымъ „временныя правила", но послѣ казни этого палача свободной мысли бывшимъ московскимъ студентомъ Карповичемъ, власти увидѣли, что идти по указанной Боголѣповымъ дорожкѣ дальше нельзя и потому къ 308 „виновнымъ", вмѣсто „временныхъ правилъ", была примѣнена „отческая мѣра": университетъ разослалъ родителямъ 308 виновныхъ студентовъ приглашеніе прибыть въ Москву и подѣйствовать на ихъ блудныхъ сыновей словами увѣщанія. Достойная синклита московскихъ профессоровъ, смѣхотворная мѣра эта, разумѣется, не привела ни къ какимъ результатамъ.

На 23 февраля организаціонный комитетъ московскаго университета назначилъ сходку съ цѣлью добиться отмѣны „временныхъ правилъ". Какъ только на сходку явилось до 300 человѣкъ, ворота университета заперли и тѣмъ стали препятствовать прибывающимъ присоединиться къ ихъ товарищамъ. Такъ какъ послѣдніе требовали пропуска, то вмѣшалась полиція, которая, арестовавши 170 человѣкъ, отправила ихъ въ манежъ. По окончаніи сходки (на которой ректоръ отказался ходатайствовать объ отмѣнѣ „временныхъ правилъ"), выходившіе изъ университета также арестовывались и отправлялись въ манежъ. Тамъ очутилось къ этому времени 660 студентовъ, 102 курсистки и 22 человѣка изъ посторонней публики.

Курсистокъ освободили въ ту же ночь, а остальныхъ забранныхъ рано утромъ погнали въ бутырскую тюрьму.

Всѣ эти событія произвели на московское населеніе замѣчательное впечатлѣніе. Правительственное сообщеніе, по обыкновенію, извратило всѣ факты. На самомъ дѣлѣ, массы народа, по собственной иниціативѣ, хотѣли взломать двери манежа и освободить заключенныхъ тамъ лицъ. Лишь вмѣшательство казаковъ, ставшихъ передъ народомъ съ пиками на перевѣсъ, воспрепятствовало собравшейся толпѣ исполнить свое намѣреніе. Воздухъ оглашался сочувственными студентамъ кликами. На слѣдующій день буквально тысячныя толпы ходили по улицамъ Москвы, приводя своимъ грознымъ видомъ и совсѣмъ недвусмысленными по отношенiюкъ властямъ кликами, въ крайнее недоумѣніе московскихъ властей. Сколько разъ писалъ начальникъ московской опричины Сергѣй телеграммы его величеству отъ имени преданной ему Москвы, и, вдругъ, эта самая Москва явно выказываетъ свое революціонное настроеніе! Среди толпы находился только-что отлученный нашими „смиренными" фарисеями оберъ-попами Л. Н. Толстой и,—характерный фактъ,—гдѣ только ни появлялась величественная фигура великаго русскаго писателя и гражданина, тамъ раздавались обращенныя къ нему безконечныя привѣтствія со стороны толпившагося по улицамъ народа. Левъ Николаевичъ неоднократно обращался къ толпѣ съ подобающими случаю словами и рѣчи великаго русскаго человѣка производили потрясающее впечатлѣніе на слушателей.

Возбужденіе становилось все грознѣе и грознѣе. Вездѣ разъѣзжала конная полиція, казаки, драгуны. То тамъ, то здѣсь свистали нагайки.

Чтобы задержать свободный проѣздъ кавалеристовъ, толпа срывала скамейки и загораживала улицу на манеръ баррикадъ. Въ одномъ мѣстѣ пытались загородить улицу омнибусами. Со всѣхъ сторонъ стекались по направленію къ Тверской улицѣ и Страстному бульвару рабочіе съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ разгромить дворецъ Сергѣя (на Тверской) и редакцію „Московск. Вѣдомостей" (на Страстномъ). Эти два пункта и особенно защищались войсками.

Разсыпавшіеся по всей Москвѣ студенты высшихъ учебныхъ заведеній, курсистки и вообще интеллигенція обращались къ народу съ рѣчами, призывая къ возстанію и вездѣ получая сочувственный откликъ. Этотъ фактъ принуждено было констатировать даже правительственное сообщеніе. Въ эти приснопамятные дни не было ни одного, рѣшительно ни одного случая задержанія „подстрекателей" со стороны самого населенія. Напротивъ, вездѣ слышались рѣчи, что давно пора покончить съ настоящими правительственными порядками. Не охраняй войско такъ тщательно велико-княжескій дворецъ и редакцію „Московскихъ Вѣдомостей", Сергѣю Романову, а вмѣстѣ съ нимъ и г.г. Грингмуту, Льву Тихомирову и прочей палачующей братіи пришлось бы удостовѣриться на дѣлѣ въ наличности „патріотическихъ чувствъ" въ „вѣрноподданной Москвѣ".

Волненія не затихали 26 и 27 февраля.

Вслѣдъ за тѣмъ забастовали рабочіе трехъ самыхъ крупныхъ фабрикъ: Цинделя, Прохоровскаго ($7^1/_2$ тыс.) и Даниловской мануфактуры.

Появились прокламаціи соціалистовъ-революціонеровъ, выясняющія смыслъ событій.

Приводимъ полученныя нами еще два описанія московскихъ событій очевидцами:

„25 февраля (10 марта), въ воскресенье, сходка у манежа и шествіе по Никитской и Тверскому бульв. съ пѣніемъ запрещенныхъ пѣсенъ. На этотъ разъ къ студентамъ и курсисткамъ присоединились рабочіе. Въ демонстраціи приняли участіе десятки тысячъ народа (по преимуществу учащіеся, рабочіе, мастеровые, приказчики и т. п.).

На Тверск. бульв. на толпу вскачь пустились жандармы. Но наскоро построенныя и ъ скамеекъ баррикады преградили имъ дорогу; жандармы опѣшили. Но потомъ соскочили съ лошадей и разобрали скамейки, а затѣмъ начали напирать на толпу и разгонять ее. Въ это же время полицейскіе оцѣпили часть курсистокъ и студентовъ и грубо-варварски посадили на извощиковъ и отвезли въ участокъ.

Черезъ часъ снова собралась громадная толпа и съ пѣніемъ пѣсенъ шествовала по Никитской, бульварамъ и Мясн. ул. Возбужденіе толпы было страшное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казаки и жандармы позволяли себѣ удары нагайками: одному интеллигенту разсѣкли ухо, другому выбили глазъ и т. п. Толпа тоже не оставалась въ долгу: одного казака стащили съ лошади и чуть не разорвали на клочки, здорово побили одного пристава. Весь вечеръ толпа гуляла демонстративно по бульварамъ и освистывала жандармовъ и казаковъ. Полиція растерялась, не знала, что предпринять. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на Никитской, казаки по командѣ пустились въ галопъ на толпу и раздавили около 20 челов. Я своими глазами видѣлъ, какъ два жандарма манежа раздавили 3-хъ чел.

Въ понедѣльникъ 26, около 3-хъ час. полиція схватила кучку студентовъ, мирно шедшихъ по улицѣ. Это страшно возмутило публику. Одинъ господинъ подошелъ къ полицейскимъ и что-то сказалъ; за это и его схватили. Собралась въ этомъ мѣстѣ толпа (около Охотнаго ряда), прискакали казаки,—ихъ освистали. Затѣмъ начали разгонять толпу, причемъ изрѣдка пускали въ ходъ нагайки. 25-го на Мясн. ул. студенты встрѣтили Л. Н. Толстого и устроили ему овацію. Онъ сообщилъ студентамъ, что по достовѣрнымъ источникамъ „временныя правила" отмѣнены, но обнародованіе этого отложено.

Говорятъ, что въ Петербургѣ 19-го февр. во время избіенія полиціей студентовъ присутствовалъ полтавскій губернаторъ. Онъ далъ студентамъ свою карточку съ обѣщаніемъ быть свидѣтелемъ при дачѣ показаній. Особенно возмутило **галопированіе казаковъ по спинамъ раздавленныхъ**. Лазаретныя линейки Краснаго Креста и кареты скорой медицинской помощи не стояли безъ дѣла".

Другое письмо очевидца изъ Москвы (отъ 28 февраля):

„Въ воскресенье утромъ 25 февраля толпа въ 1500—2000 человѣкъ (рабочіе, студенты и просто интеллигенція), демонстративно шедшая съ пѣніемъ по Тверскому бульвару, направляясь

на Тверскую къ дому ген.-губ., строила баррикады изъ скамеекъ и заставила роту казаковъ, мчавшихся во главѣ съ офицеромъ во весь опоръ по бульвару по направленію къ толпѣ, остановиться передъ самой толпой, которая громкимъ свистомъ и ругательствами выражала свое презрѣніе къ казакамъ. Вдругъ раздались крики, что сзади оцѣпила толпу масса городовыхъ. Толпа бросилась обратно и разорвала цѣпь. Здѣсь произошло прямо-таки побоище. Городовые пытались задерживать отдѣльныхъ лицъ; толпа отбивала ихъ и только благодаря казакамъ, уже успѣвшимъ подоспѣть, городовые смогли задержать около 10 человѣкъ, но не больше. Толпа разошлась (иными словами—она была разсѣяна). Исполнительный Комитетъ въ этотъ день издалъ прокламацію, приглашавшую студентовъ не учавствовать въ уличныхъ демонстраціяхъ, для того, молъ, чтобы сохранялись силы для обструкціи въ университетѣ. Исполнительный Комитетъ проявилъ здѣсь, по моему, то же дикое непониманіе значенія уличныхъ манифестацій, какое проявлялъ и раньше (въ 1899 г.) по другимъ вопросамъ. Присутствіе студентовъ въ толпахъ народа придавало опредѣленную окраску демонстраціи. Студенты могутъ пѣть революціонныя пѣсни, которыхъ масса не знаетъ, но къ которымъ она со вниманіемъ прислушивается, какъ это было на предыдущихъ манифестаціяхъ, когда пѣлись „Марсельеза“, „Укажи мнѣ такую обитель“ и др. Присутствіе студентовъ даже радовало толпу, какъ указатель серьезности манифестаціи. Толпа понимала, что полиція и публика иначе смотрятъ на нее, если во главѣ ея идутъ студенты. Исполнительный Комитетъ объявлялъ, что манифестаціи ясно показали сочувствіе общества и приглашалъ студентовъ не принимать абсолютно никакого участія въ нихъ.

„Въ 4 часа я подошелъ къ Иверской. Театральная площадь была вся буквально залита. Толпа двигалась по Тверской къ дому генер.-губерн. Прискакавшіе казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку направилась на Неглинный проѣздъ. Оттуда на Кузнецкій. Надо Вамъ сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбѣгалась при видѣ городовыхъ и казаковъ, а встрѣчала ихъ единодушнымъ шиканьемъ, свистомъ и ругательствами. Она или слѣдовала единодушно указаніямъ вожаковъ (сплотись! направо! впередъ!), которые, между прочимъ, всегда находились среди интеллигентныхъ рабочихъ (студенты *почти* совсѣмъ не принимали участія), или ясно давали знать свое несогласіе съ вожаками и заставляли ихъ перемѣнять направленіе. На Неглинномъ казаки разъединили толпу на 3 части. Я имѣю свѣдѣнія только про одну часть. Другія совершали демонстраціи по другимъ улицамъ. Первая часть двинулась къ политехническому музею, гдѣ, какъ толпа слышала, должна была быть сходка студентовъ. На Лубянской площади толпа приняла грандіозные размѣры. Идти къ политехническому музею отказались (не видя, очевидно, цѣли, такъ какъ сходки тамъ не было) и какъ ны убѣждали, какъ ни просили ее вожаки, она не двигалась. Потомъ и сами вожаки рѣшили, что можно и другимъ путемъ, болѣе близкимъ, выйти на Мясницкую, куда толпа охотно пошла. Каждаго студента, котораго толпа встрѣчала, она привѣтствовала киданіемъ шапокъ, криками сочувствія и приглашеніемъ присоединиться. Въ случаѣ согласія (которое, кстати, бывало *очень рѣдко)* толпа поднимала его на ура, апплодировала и т. д., а въ противномъ случаѣ она провожала его смѣхомъ и свистомъ.

„Если толпа видѣла издали другую, тоже демонстрирующую толпу, то онѣ встрѣчали другъ друга громкими криками сочувствія, бросаньемъ шапокъ и т. д. Приставовъ, даже отдѣльно идущихъ, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать. Постовые городавые прямо убѣгали со своихъ постовъ. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки или трактира, но если мальчишки позволяли себѣ разбивать фонари, толпа не пускала ихъ, причемъ раздавались крики: „Потомъ будутъ писать про насъ, что мы просто „буянили“, „Все равно съ насъ потомъ налогами сдерутъ“ и т. д.

„Въ этомъ отношеніи *поведеніе было безукоризненное.* Пройдя Мясницкую, толпа двинулась на бульваръ. Тутъ она росла и росла, и когда была недалеко отъ Тверской (одинъ бульваръ отдѣлялъ), народу было не меньше 8.000 ч. Студентовъ было, можетъ быть, нѣсколько чел., не больше. Передъ редакціей „Моск. Вѣдомостей“ толпа остановилась. Рабочіе рѣшили разрушить редакцію. Но тутъ прискакали казаки и городовые. Казаки съ нагайками и пиками разъединили толпу на 4 части, а городовые начали избивать (въ буквальномъ смыслѣ слова) отдѣльныхъ лицъ изъ толпы, замѣченныхъ, какъ вожаковъ. Толпа забрасывала снѣжками и льдинами казаковъ, заставила офицера уѣхать на самый задъ, но городовые подъ защитой казаковъ буквально избивали толпу, встрѣчая, положимъ, и хорошій отпоръ. На Тверской улицѣ и Страстной площади въ воздухѣ стоялъ свистъ отъ нагаекъ. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. Въ этотъ же день былъ устроенъ кошачій концертъ большой толпой передъ домомъ ген.-губернатора. Во дворѣ дома ген.-губ. до сихъ поръ день и ночь сидитъ масса казаковъ и городовыхъ. Въ воскресенье же толпы ходили и по другимъ улицамъ. Около университета цѣлый день стояла тысячная толпа. Въ понедѣльникъ въ общемъ было довольно тихо. На Охотномъ ряду произошло столкновеніе съ полиціей: на одной сторонѣ студенты и охотнорядцы (за студентовъ), на другой — полиція. Тюрьмы и участки всѣ переполнены. На Лубянской площади во время манифестаціи въ понедѣльникъ вечеромъ появился Л. Н. Толстой. Въ этотъ день было объявлено его отлученіе отъ церкви. Толпа (въ нѣсколько тыс. ч.) устраивала ему грандіозныя оваціи. Онъ сказалъ студетамъ, окружавшимъ его, что какъ старожилъ онъ не видалъ никогда подобнаго движенія и въ этой толпѣ видитъ что-то новое. Пригласилъ студентовъ къ себѣ и совѣтовалъ продолжать забастовку и манифестаціи:

„Какъ мнѣ извѣстно изъ высшихъ сферъ, вы достигнете, по крайней мѣрѣ, одного пункта вашихъ требованій—отмѣны „временныхъ правилъ“ о солдатчинѣ“.

„По Москвѣ распространяются прокламаціи отъ имени *„Комитета Общественнаго Протеста“* слѣдующ. содержанія:

„Народная сходка въ воскреснье 4 го марта на Тверскомъ бульварѣ и у памятника Пушкина. Долой нагайки! Да здравствуетъ свобода!“

„Другая прокламація объясняетъ событія и студенческіе безпорядки. Вчера вечеромъ я видѣлъ проѣзжающую по Тверской сотню казаковъ съ пиками, оружіемъ и т. п. съ офицерами во главѣ. Ѣздили они, очевидно, къ фабрикамъ.

„Исполнительн. Комитетъ выпустилъ отвѣтъ профессорамъ. Въ Университетѣ почти полная забастовка. Все-таки нѣкоторые профессора читаютъ. Вчера наприм. Тимирязевъ (?) читалъ передъ 6-ю студентами лекцію.

„Въ манежѣ сидятъ войска. Около манежа и университета городовые, казаки и солдаты. Въ университетъ доступъ только по особымъ билетамъ. Арестовано свыше 1.000 студентовъ въ общемъ“.

Отмѣтимъ еще одно изъ происшедшихъ въ это время въ Москвѣ событій.

При громѣ совершающихся повсемѣстно революціонныхъ движеній возникла одновременно въ нѣсколькихъ городахъ *въ средѣ либераловъ мысль о петиціи* (копія одной изъ нихъ намъ доставлена, но мы не можемъ помѣстить ее здѣсь за недостаткомъ мѣста). На сѣверѣ и югѣ петиціи, адресованныя непосредственно къ царю *„о прекращеніи репрессалій и дарованіи возможности общественному мнѣнію свободно высказаться“* покрывались многочисленными подписями. Въ это именно время синклитъ московскихъ профессоровъ выпустилъ приведенное въ газетахъ обращеніе къ студентамъ, проникнутое типичнымъ настроеніемъ русскихъ пискарей. Профессорское воззваніе получило соотвѣтствующую отповѣдь не только отъ студентовъ, распространившихъ отвѣтное письмо къ жрецамъ науки, но и отъ нѣкоторыхъ профеесоровъ. Намъ сообщаютъ, что „профессоръ Тимирязевъ выругалъ своихъ коллегъ подлецами и предложилъ на собраніи всѣхъ профессоровъ московскаго университета подписаться подъ петиціей. Благодаря столь энергичному образу дѣйствій г. Тимирязева, петиція была подписана даже тѣми профессорами, которые еще такъ недавно подписывали приведенное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ воззваніе къ студентамъ...“

События въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ событія также шли съ чрезвычайною быстротою. По распоряже-

нію Боголѣпова, 27 студентовъ петербургскаго университета, именуемыхъ, какъ водится, „зачинщиками“, были осуждены и сданы въ солдаты. Обращались съ ними страшно грубо. Приведемъ полностью текстъ полученной нами прокламаціи за подписью „Союза Справедливыхъ“. Замѣтьте, что прокламація эта появилась еще *до* выстрѣла Карповича.

„Товарищи! 10 февраля мы были свидѣлями возмутительнаго насилія и наглаго произвола полицейской сволочи. Какъ извѣстно, 27 товарищей, сданныхъ въ солдаты согласно рѣшенію пресловутой комиссіи, состоявшей наполовину изъ полиціи, наполовину изъ профессоровъ, были до отправки въ мѣста назначенія посажены въ Нарвскую часть. Считая это насиліемъ и желая выяснить, на какомъ основаніи правительство засадило ихъ въ часть, наши товарищи отказались отъ легальныхъ свиданій и объявили 10 февраля *голодовку*. 10 фев. въ 8 час. вечера во дворѣ Нарвской части собралась небольшая кучка родственниковъ, знакомыхъ и друзей заключенныхъ; мы сообщили имъ новыя извѣстія, разузнавали объ ихъ положеніи, ободряли ихъ, обѣщали завтра снова встрѣтиться, наконецъ, разсчитывали съ ними проститься. Здѣсь среди насъ была старуха—мать одного студента,—она не прощалась со своимъ сыномъ, не рыдала надъ погубленнымъ, она вмѣстѣ съ нимъ готова была раздѣлить его участь и страдать за правое дѣло; она была увѣрена, что мать-то допустятъ сказать послѣднее прости своему сыну, дать ему на дорогу хоть денегъ, теплую одежду. Напрасно! Съ наглостью, естественной у царскихъ опричниковъ, полиція велѣла очистить дворъ. Но приставъ (Архангельскій), желая очевидно поглумиться надъ ними, далъ „честное слово благороднаго человѣка“ (какъ будто эта сволочь можетъ давать честное слово и быть благороднымъ человѣкомъ!), что черезъ 1½ ч. впуститъ во дворъ 4-хъ выбранныхъ нами лицъ для сообщенія о результатахъ переговоровъ съ прокуромъ. Къ сожалѣнію, нашлись люди, которые повѣрили этому подлецу. Мы (насъ было 50 чел.) разошлись, выставивъ предварительно сторожевыхъ. Не прошло и часа, какъ къ воротамъ участка подъѣхали три большія санитарныя кареты, запряженныя шестеркой лошадей, сотня казаковъ, а черезъ нѣсколько мин. въ участокъ были доставлены грязные солдатскіе полушубки. Немедленно извѣщенные, мы потребовали у полиціи, чтобы она насъ впустила къ товарищамъ, но она съ наглостью и злорадствомъ отказала намъ въ этомъ. Черезъ полчаса въ окнѣ заключенныхъ появилась лампа, условный знакъ—ихъ увозятъ! Товарищи! Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни, убійцамъ и ворамъ, ссылаемымъ на каторгу, даютъ проститься съ родными! Но тутъ, съ жестокостью, съ издѣвательствомъ, нашимъ товарищамъ, повиннымъ только въ томъ, что они возстали противъ беззаконія, запретили въ послѣдній разъ пожать руку матерямъ, братьямъ и сестрамъ. *На насиліе мы должны отвѣтить насиліемъ!* Мы остались ждать: намъ хотѣлось видѣть, какъ ихъ повезутъ, мы надѣялись встрѣтиться взглядомъ съ дорогими намъ людьми. Оцѣпленные полиціей, мы стойко держались, мы не обращали вниманія на угрозы полицейскихъ и, воодушевленные желаніемъ хоть издали проститься съ друзьями, мы выносили и грубость городовыхъ, и насмѣшки подосланныхъ шпіоновъ... Наконецъ, съ шумомъ и гикомъ, съ быстротой неимовѣрной изъ воротъ выѣхала первая карета, за ней казаки. Не успѣла она поровняться съ нами, какъ одинъ изъ находящихся тамъ товарищей крикнулъ, что везутъ на Балтійскій вокзалъ; толпа съ крикомъ „ура“ и „да здравствуетъ революція!!“ кинулась къ каретѣ и извозчикамъ, чтобы на вокзалѣ хоть увидѣть друзей. Но полиція гналась за нами, она останавливала извозчиковъ, била ихъ, записывала номера; посторонняя публика, возмущенная этимъ насиліемъ, примкнула къ нашей небольшой кучкѣ. Въ это время, испуганныя крикомъ и свистками полицейскихъ, лошади тюремной кареты остановились. Мы бросились къ ней, старались проткнуть руки въ рѣшетчатыя окна кареты и пожать, можетъ быть, въ послѣдній разъ пожать руки друзей. Тогда полиція пустила въ дѣло кулаки, стала бить кого попало: женщинъ, прохожихъ, студентовъ... Но мы все-таки видѣли нашихъ друзей, мы все-таки простились съ ними! Мы ободряли ихъ и клялись, что они только передовой отрядъ, за которымъ послѣдуютъ все новые и новые

отряды такихъ же смѣлыхъ и стойкихъ борцовъ. Мы ихъ видѣли уже въ вагонахъ, мы видѣли ихъ лица, кивавшія намъ, они говорили намъ—что,—не слышали, но мы чувствовали, что это призывъ къ борьбѣ, къ отмщенію! И мы въ душѣ обѣщали бороться, бороться во имя закона, во имя правды, во имя свободы, бороться до послѣдняго вздоха. Пусть гибнутъ десятки, сотни, тысячи изъ насъ, пусть гибнутъ наши семьи, пусть царь торжествуетъ побѣду, мы все же будемъ бороться. Мы знаемъ, что не одни останемся на полѣ брани, что за нами стоитъ болѣе могучая сила, что въ рѣшительный моментъ и она двинетъ свои отряды и погибнетъ тогда произволъ, разлетится въ прахъ шатающійся тронъ тирана, и на развалинахъ сокрушеннаго абсолютизма мы провозгласимъ: „Свободу, братство и законность!“

„Союзъ Справедливыхъ“.

Въ это время вообще по Петербургу была распространена масса прокламацій и всякаго рода воззваній. Среди нихъ особенно выдѣлялось переизданное во многихъ городахъ воззваніе за подписью „Мать“.

Выстрѣлъ Карповича чрезвычайно повысилъ революціонное настроеніе въ Петербургѣ и смутилъ властей. *Временныя правила больше ни къ кому не примѣнялись.* Возбужденіе нашло себѣ исходъ въ устроенной учащейся молодежью 19 февраля демонстраціи. Толпа молодежи отправилась въ Казанскій соборъ, откуда рѣшено было начать демонстративное шествіе по Невскому и другимъ главнымъ улицамъ Петербурга. Хотя демонстрація носила вполнѣ мирный характеръ, но на манифестантовъ, въ числѣ которыхъ была масса молодыхъ дѣвушекъ, набросилась полиція и началось избіеніе до такой степени звѣрское, что гостинодворскіе приказчики отбивали ихъ у разсвирѣпѣвшей полицейщины. Забранныхъ отвели на думскій дворъ и тамъ переписали. Масса посторонней публики требовала составленія протоколовъ о звѣрствахъ полиціи и предлагала свои услуги для подписей подъ протоколами.

Это событіе въ связи съ пришедшими въ Петербургъ извѣстіями о происшедшемъ въ Харьковѣ и Москвѣ—окончательно взволновало населеніе Петербурга, и 4 (17) марта Невскій проспектъ представлялъ собою картину, напоминающую развѣ только 14 декабря 1825 г. Но пусть говорятъ корреспонденты и очевидцы.

Бойня 4-го марта.

Петербургъ, 5 (18) марта.

„Съ 11 часовъ утра весь амфитеатръ Казанскаго собора чернѣлъ отъ сплошной толпы демонстрантовъ. Къ 12 они заняли собой всю площадь и крыльями съ лѣвой и правой стороны протянулись до самаго Невскаго и почти подали руку толпѣ публики, которая также въ несмѣтномъ количествѣ собралась по другую сторону улицы. Многотысячная толпа демонстрантовъ состояла изъ лицъ разныхъ сословій и ранговъ, рабочихъ также было не мало.

„Ровно въ 12 проѣхалъ черезъ толпу молча Клейгельсъ—гробовое молчаніе и только нѣсколько свистковъ и „мерзавецъ“ пролетѣло за нимъ.

„Черезъ пять минутъ изъ центра поднялся красный шаръ—знакъ начала, а на ступенькахъ собора появилось *красное знамя* съ надписью: „Отмѣна временныхъ правилъ“.

„На возвышеніи началось громкое чтеніе обращенія къ обществу. Отвѣтомъ было громогласное „ура“.

„Затѣмъ обратились съ вопросомъ ко всѣмъ участвующимъ въ демонстраціи не учащимся: присоединяются-ли они къ намъ и къ нашимъ требованіямъ?—„Да, да, присоединяемся!“ И какъ разъ, совершенно случайно, раздался въ этотъ моментъ звонъ всѣхъ колоколовъ собора — эта минута была величественна и никогда столица не видала ничего подобнаго.

„Къ небу плавно вмѣстѣ съ краснымъ шаромъ поднимается громкій звонъ колоколовъ, а внизу многотысячная толпа, надъ которой, словно мотыльки, летаютъ „обращенія къ обществу“ и колышется красное знамя.

„Еще нѣсколько словъ къ толпѣ, еще „ура“, но вотъ съ разныхъ сторонъ появились и другіе участники: изъ разныхъ улицъ въ полномъ порядкѣ показались сотни уральскихъ, донскихъ, оренбургскихъ казаковъ, а затѣмъ огромные отряды конной и пѣшей полиціи и жандарміи.

„Сначала донцы разрѣзали толпу параллельно амфитеатру собора, но вотъ они повернули лошадей по перпенди-

куляру и началась страшная аттака, которая шла прямо въ центръ собора. Безъ всякой надобности и безъ предупрежденія казаки получили приказаніе идти въ нагайки. Минуту даже они колебались примѣнять это ужасное оружіе противъ толпы, *далекой отъ совершенія какихъ бы то ни было насилій.* Но раздалась новая команда и они, опьяненные, очевидно, заранѣе водкой, а теперь видомъ толпы, ринулись какъ звѣри. Раздался свистъ нагаекъ, дикіе крики побитыхъ и затоптанныхъ и оглушительные крики протеста противъ этого возмутительнаго насилія. Началась битва, нагайкамъ противопоставили палки и кастеты, *но выстрѣла ни одного!* Вотъ казаки достигли ступенекъ собора, они моментально спѣшились и началась другая, еще болѣе ужасная аттака. Знамя колыхалось и отступало все дальше и дальше въ глубь колоннады. Толпа разступилась, часть отброшена направо, часть налѣво и, наконецъ, часть избитыхъ и придавленныхъ была втиснута въ соборъ, въ которомъ по прежнему продолжалась служба..

„Къ этому описанію начала еще добавлю только, что толпа, уменьшенная массой арестованныхъ, но пополненная публикой, то снова стягивалась, то разбивалась на части и вплоть до 6 час. вечера пускались въ ходъ нагайки...“

Другой петербургскій корреспондентъ намъ пишетъ о 4-мъ мартѣ:

„Уличныя демонстраціи въ Харьковѣ и Москвѣ, гдѣ къ студентамъ-демонстрантамъ присоединялись тысячныя толпы простого люда, — показали, на чьей сторонѣ находятся симпатіи публики...

„Потому, когда въ Петербургѣ учащеюся молодежью была назначена демонстрація на воскресный день 4-го марта, правительство приняло всѣ мѣры, чтобы не допустить рабочихъ до центра города, чтобы изолировать и подавить демонстрацію въ самомъ началѣ. Была поставлена на ноги вся полиція, явная и тайная; съ ночи по дворамъ главныхъ улицъ были расположены отряды казаковъ, жандармовъ, конныхъ полицейскихъ. Нѣкоторые полки, какъ наприм. Финляндскій, получили приказъ весь день 4 марта находиться на готовѣ въ казармахъ, и солдатамъ были выданы боевые патроны. Нѣкоторые заводы, — какъ Путиловскій,—фабричные районы были оцѣплены войсками, изолированы отъ города.

Приготовленія учащихся были не такъ сложны: они вооружились только готовностью повѣдать людямъ, во что бы то ни стало, тѣ чувства, что гнетутъ и давятъ ихъ и отрываютъ отъ научныхъ занятій... Къ полдню у Казанскаго собора стала собираться публика, по преимуществу учащаяся молодежь обоего пола. На площади, на паперти церкви расположилось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Полиція пока не вмѣшивалась, и только градоначальникъ съ вызывающимъ видомъ объѣхалъ зачѣмъ-то толпу въ экипажѣ. Демонстранты выкинули флаги съ надписью: „Отмѣна временныхъ правилъ“! Кое-то крикнулъ „ура“, и процессія готова была двинуться къ Невскому проспекту. Но въ эту минуту отрядъ казаковъ, вынесшійся въ карьеръ съ сосѣднихъ дворовъ, отрѣзалъ толпу отъ Невскаго пр. и, наступая на нее съ нагайками въ рукахъ, заставилъ ее отхлынуть назадъ къ собору. А тѣмъ временемъ другіе отряды городовыхъ и солдатъ окружили площадь сплошной цѣпью, стараясь прикрыть отъ толпы, запрудившей всѣ сосѣднія улицы, то, что происходило на площади... „Въ нагайки!“ скомандовалъ спѣшившемуся отряду казачій офицеръ (сейчасъ же послѣ команды свалившійся отъ удара камнемъ по лицу), и дикіе донцы, какъ голодные звѣри (да ихъ и въ самомъ дѣлѣ не кормили съ 3 час. ночи), набросились на толпу. Произошло нѣчто ужасное. Казаки били безъ разбору всѣхъ, кто подвертывался подъ руку, старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей; били чѣмъ попало и какъ попало; били кулаками, били нагайками, рубили шашками, топтали ногами, сбрасывали съ высокой паперти. Публика въ ужасѣ бросилась съ паперти на улицу, въ соборъ, гдѣ въ это время, не обращая вниманія на стоны и крики избиваемыхъ, лицемѣрный пастырь служилъ обѣдню во имя того, кто умеръ за людей. Но храмъ божій не остановилъ казаковъ. Молящіеся хлынули въ боковыя двери вмѣстѣ съ частью студентовъ, пастырь благоразумно скрылся и подъ сводами полутемнаго собора остались лицомъ къ лицу солдаты, группы молодыхъ людей, да тяжело раненые, сложенные по угламъ собора, которыхъ не успѣвали отвозить

въ больницы въ каретахъ „Кр. Креста“. Тутъ произошла уже не свалка, не драка, а прямо бойня! Темные лики мучениковъ первыхъ временъ христіанства, глядѣвшіе со стѣнъ собора на эту картину, вспоминали, казалось, дни своей жизни, а ветхія знамена—трофеи русскихъ побѣдъ,—украшавшія церковныя колонны, видѣли то, чего имъ еще не приходилось переживать за ихъ бурную жизнь: они бывали въ сраженіяхъ, гдѣ вооруженные люди сходились съ вооруженными, сильные съ сильными; а теперь имъ пришлось быть свидѣтелями того, какъ дюжіе молодцы набрасывались на слабыхъ дѣвушекъ, юныхъ людей; какъ вооруженный нападалъ на безоружнаго; какъ на одного наваливались нѣсколько разомъ, какъ били бѣгущаго, били лежачаго, били до потери сознанія, били до смерти!!... Стулья, древки знаменъ, церковныя кружки пускались въ ходъ въ самозащитѣ. Картина звѣрскаго избіенія была такъ ужасна, что тѣ, кто видѣлъ ее, не забудетъ никогда! Многіе при одномъ видѣ ея теряли сознаніе, впадали въ истерику, сходили съ ума; многіе, не помня себя, бросались съ голыми руками на вооруженныхъ солдатъ—и были жестоко избиты сами. Такъ пострадали, между прочимъ, и извѣстные русскіе литераторы и ученые—Петръ Струве, Туганъ-Барановскій, Анненскій, Агафоновъ и др. Убито по слухамъ отъ 4 до 7 чел., а раненыхъ—масса (свыше 30 женщинъ и 60 мужчинъ). Есть выломанныя ребра, вытекшіе глаза, разсѣченныя головы, лица! Уже если ранено 24 солдата, то можете себѣ представить, сколько народу изувѣчено среди демонстрантовъ! Въ соборѣ, на паперти, на площади у собора — вездѣ лужи и пятна крови, вездѣ валяются обрывки одежды, галоши, шляпы, обломки палокъ, стульевъ, служившихъ оружіемъ самозащиты. До поздняго вечера соборъ былъ окруженъ войсками, скрывавшими отъ публики слѣды преступленія, до поздняго вечера толпы народа—и любопытствующаго, и сочувствующаго — ходили по Невскому, а отряды казаковъ разгоняли ихъ, время отъ времени проѣзжая шеренгой по тротуарамъ... Въ этотъ день арестовано свыше 1.000 человѣкъ.

„Ну, а онъ, Самодержецъ Всерос., громко вѣщавшій Европѣ идеи мира, несущій „свѣтъ цивилизаціи и культуры“ на Дальній Востокъ, а втихомолку у себя дома такъ нагло издѣвающійся надъ всѣми этими идеями цивилизиціи и культуры,—какъ онъ отнесся къ событіямъ 4 марта? Какъ и слѣдовало ожидать, „мы“ сперва испугались и удалились въ Царское, а потомъ, успокоившись нѣсколько, отблагодарили повышеніемъ эсаула Исѣева, одного изъ героевъ побоища (смотри „Россію“, 7-го марта).

„За то побоище это глубоко взволновало все студенчество и теперь закрыты всѣ высшія учеб. завед. въ Петербургѣ; за то возмутилось все, что было живого, чувствующаго и мыслящаго въ обществѣ, и внѣшними проявленіями этого общественнаго возбужденія является множество прокламацій, писемъ, адресовъ, петицій, циркулирующихъ во всѣхъ слояхъ общества, безконечные разсказы, разговоры на злобу дня и отдѣльные револьверные выстрѣлы со стороны наиболѣе впечатлительныхъ и нервныхъ людей...

P. S. Въ дополненіе укажу на тѣ требованія, которыя выставили демонстранты, которыя они распространяли путемъ прокламацій: отмѣна „врем. правилъ“; возвращеніе отданныхъ въ солдаты товарищей; гарантія личной неприкосновенности отъ произвола полиціи, перемотръ студенческихъ уставовъ въ духѣ реформы 63-го года.

„Арестованные сидятъ вотъ уже недѣлю въ тюрьмахъ, дѣло передано прокурорскому надзору; письма, книги арестованнымъ проходятъ черезъ руки прокурора палаты, свиданія даются съ трудомъ, только близкимъ родственникамъ“.

Въ письмѣ изъ СПБ. отъ 6 (19) марта дается слѣдующее описаніе бойни:

„Эсаулъ скомандовалъ: „въ нагайки!“ и самъ первый ринулся, показывая примѣръ своимъ подчиненнымъ; со всего размаха онъ ударилъ перваго попавшагося студента, который покачнулся и упалъ. За эсауломъ двинулся вахмистръ, нанося удары правой рукой, а лѣвой хватая за шиворотъ студентовъ и бросая ихъ подъ ноги. Сотня послѣдовала за ними. Сначала все стихло, всѣ какъ будто бы не вѣрили, что бьютъ нагайками совершенно беззащитныхъ людей. Страшный голосъ нарушилъ тишину: какая-то женщина упала въ истерикѣ. Отрѣзанная и отгороженная частью ка-

заковъ публика рыдала, кричала, но помочь не могла. Свистѣли нагайки, стучали дубины городовыхъ по головамъ не сопротивлявшихся, опѣшившихъ студентовъ. „Да не можетъ быть!" крикнулъ находившійся въ толпѣ полковникъ, „что это бьютъ нагайками,—это стукъ копытъ по мостовой!" Молча раздвинулась публика, и полковникъ очутился лицомъ къ лицу съ расправой. Въ ужасѣ полковникъ схватился за голову и, какъ безумный, побѣжалъ по улицѣ. Между тѣмъ студенты, окруженные со всѣхъ сторонъ противъ входа въ колонны, стали отступать къ Казанскому собору, гдѣ въ это время какъ разъ совершалось богослуженіе и священникъ выносилъ св. дары. И вотъ у выхода изъ церкви, между колоннами, гдѣ написано: „Грядый во имя Господне!" совершился послѣдній актъ гнуснѣйшаго насилія. **Свистѣли нагайки, подъ ударами которыхъ студенты падали рядъ за рядомъ. Слышался свистъ и трескъ обрушавшихся на головы дубинъ.** Казакамъ отданъ былъ приказъ отступить и за дѣло принялись спѣшившіеся городовые. Не знаю, что было лучше: казаки хоть въ кровь разбивали, а городовые на смерть били; били прямо по лицу и головамъ. **Одному упавшему съ разбитой головой студенту, видно, наступили на шею,—онъ страшно бился и хрипѣлъ, очевидно, въ предсмертной агоніи.** Толпой овладѣла паника, и она бросилась въ храмъ. Озвѣрѣли и студенты, выломали перила.—„Коли бить, такъ на смерть!" Самозащита удесятерила ихъ силы и городовые принуждены были отступить. Страшно становится за человѣка, когда онъ доведенъ до безумія невозможностью что-нибудь противопоставить ударамъ дубины, кромѣ рукъ, которыя также легко разбивать, какъ и черепа, раскалывавшіеся отъ здоровыхъ ударовъ трехаршинныхъ городовыхъ. Одинъ изъ наиболѣе свирѣпыхъ городовыхъ, съ налитыми кровью глазами, съ громадной дубиной оступился о лежащаго студента. Къ городовому подлетѣлъ студентъ-медикъ, мелькнулъ въ воздухѣ обломокъ оглобли, и рухнулъ городовой... А въ соборѣ между тѣмъ **городовые били смертнымъ боемъ несчастныхъ курсистокъ**, думавшихъ найти защиту у священниковъ, которые, вмѣсто того, чтобъ остановить съ крестомъ въ рукахъ эту бойню, заперлись въ алтарѣ. **Городовые хватали курсистокъ за волосы и били ихъ о стѣны головами.** Туда врывались студенты и высвобождали несчастныхъ избиваемыхъ. Одинъ технологъ, отрѣзанный отъ этой кучки казаками, пытался прорваться сквозь цѣпь; наконецъ, **видя, какъ подъ опустившейся дубиной упалъ его братъ и брызнула не то кровь, не то мозгъ, сошелъ тутъ же съ ума. Страшно было видѣть его безумные глаза; еще страшнѣе было, когда онъ въ ярости откусывалъ куски мяса съ рукъ и бросалъ ими въ казаковъ...**

„Всѣ студенты, бывшіе на сходкѣ (также изъ Инстит. инжен. путей сообщ.) рыдали и плакали, со многими сдѣлалась истерика. Ни одинъ очевидецъ не могъ отъ слезъ окончить разсказъ.

Арестовано 1080 челов.: большинство специалисты; университантовъ 200 челов., множество курсистокъ. По донесенію генерала Клейгельса убито 6: 2 реалиста, 1 гимназистъ, нѣсколько курсистокъ и и одна гимназистка (нужно все удвоить)."

По другимъ свѣдѣніямъ раненыхъ 90, въ томъ числѣ 31 женщина, а *40 курсистокъ пропали безъ вѣсти.*

Изъ другого письма приводимъ слѣд. ужасныя подробности:

„Бѣжитъ 5 дѣвушекъ, за ними конные казаки, слышенъ свистъ нагайки, дѣвушки кричатъ, одна падаетъ...

Шатаясь, спиной къ собору и лицомъ къ публикѣ идетъ студентъ, окруженный 4-мя казаками, работающими надъ нимъ нагайками Студентъ шатается, вотъ-вотъ онъ упадетъ. Лицо онъ закрываетъ руками, руки въ крови, шинель въ крови, кровь сочится изъ головы. Онъ безъ шапки, курсистки кричатъ: „заступитесь, заступитесь за несчастнаго!" Проходитъ офицеръ. Дѣвушки хватаютъ его за рукавъ и просятъ заступиться за студента. Офицеръ молча проходитъ мимо...

Дѣвушкѣ сдѣлалось въ свалкѣ дурно. Ее буквально выбросили изъ толпы и, когда она лежала на голой землѣ, то казакъ пхнулъ ее ногой...

Крови была такая масса по разсказамъ, что просто волосы дыбомъ становятся. Когда мы переходили черезъ Неву, то шли черезъ переходъ (это деревянные мостики). Этотъ переходъ самое меньшее надо идти 10 минутъ, и вотъ, идя по нему, видѣли капли крови; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти кровавые слѣды крупнѣе, въ другихъ мельче, въ одныхъ два такихъ слѣда. Мы съ ужасомъ смотрѣли на эту кровь, такъ какъ знали, что это кровь возвращающихся на островъ съ демонстраціи. Говорятъ, что въ соборѣ лежатъ раненые, въ безпамятствѣ. Есть будто бы и убитые, которые лежатъ тамъ же. Въ соборъ никого не пускаютъ, что и кто тамъ, никто вѣрно не знаетъ. Всѣ поголовно говорятъ, что согласны на *все...*"

* * *

Такъ расправилось азіатское правительство съ манифестантами. Но день 4 марта останется въ Россіи историческимъ днемъ и не напрасно пролилась у казанскаго собора кровь борцовъ за свободу. Правительство увидѣло передъ собою врага лицомъ къ лицу, оно узнало, какъ широко разлилось негодованіе противъ его дѣйствій во всей странѣ, оно знаетъ теперь, что число его враговъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и каковы бы ни были непосредственные результаты манифестаціи 4 марта, но день этотъ, повторяемъ, подвинулъ на много лѣтъ впередъ побѣдоносное шествіе революціи.

Проклятіе палачамъ разнеслось по всей русской землѣ, повсюду слышатся призывы къ мщенію. Вслѣдъ за выстрѣломъ Карповича въ Боголѣпова просвистѣли воровски утаиваемые правительствомъ отъ русскаго общества выстрѣлы Логовскаго въ Побѣдоносцева.

Печать всего міра клеймитъ дѣйствія современныхъ Аттилъ, митинги въ Парижѣ, Брюсселѣ, Римѣ, Неаполѣ, Женевѣ и многихъ другихъ городахъ Европы спѣшатъ выразить свое горячее сочувствіе жертвамъ деспотизма и осужденіе палачамъ; профессора многихъ европ. университетовъ „разрываютъ всякія отношенія съ русскими коллегами, не протестовавшими противъ примѣненія „временныхъ правилъ"; умѣренно либеральныя газеты заявляютъ, что пріобрѣвшій было популярность, благодаря гаагской конференціи, русскій царь быстро потерялъ ее своей татарско-византійской политикой...

Таковы уже сказавшіеся нравственные результаты харьковскихъ, московскихъ, петербургскихъ и кіевскихъ событій.

Въ самой Россіи прямо или косвенно, но противъ правительственныхъ безобразій протестуетъ рѣшительно все живое и мыслящее среди общества.. Указываемъ на протестъ русскихъ писателей, помѣщенный въ иностранныхъ газетахъ и въ то же время изданный нелегально въ Россіи.

* * *

Что скажете теперь вы, господа московскіе профессора, осмѣлившіеся написать въ своемъ воззваніи къ студентамъ такія строки: „Вамъ печатаютъ и разсказываютъ о вымышленныхъ злодѣяніяхъ, которыя возбуждаютъ ужасъ и трепетъ"!!!

Нѣтъ, обманщики не тѣ, кто „печаталъ и разсказывалъ" молодежи истинную правду, а вы, вы—обманщики, вы —лицемѣры и фарисеи, отъ которыхъ со справедливымъ негодованіемъ отвернулся весь европейскій ученый міръ!.. По заслугамъ бичуетъ васъ и отвѣтъ кіевскихъ студентовъ! Только часть позора сняли съ себя тѣ изъ васъ, которые, по требованію Тимирязева, подписали петицію объ отмѣнѣ „временныхъ правилъ".

* * *

Въ моментъ, въ который мы заканчиваемъ настоящую хронику, уже извѣстно, что среди лицъ, собравшихся на мирную манифестацію, оказалось много убитыхъ и раненыхъ жандармеріей и казаками (студ. мед. академіи Анненскій и Тимофѣевскій, студ. лѣсн. инст. Доковъ, слушат. жен. кур. Бѣляева и мн. др.). Кромѣ Струве и Анненскаго получили удары писатель Пѣшехоновъ и др. Убійства, убійства среди бѣла дня безоружныхъ и беззащитныхъ людей за то только, что они мирно манифестировали и требовали отмѣны драконовки-свирѣпыхъ и беззаконно изданныхъ „временныхъ правилъ",—это ли еще не предѣлы чудовищнаго самовластія царскаго деспотизма?... Правительство дѣйствуетъ противъ насъ средствами, достойными шайки разбойниковъ, оно пускаетъ въ ходъ бѣлый терроръ, думая этимъ парализовать наше движеніе; такъ нѣтъ же, товарищи, удвоимъ энергію, и выведемъ нашу родину на широкую дорогу свободы!..

P. S. Чѣмъ болѣе приходитъ подроб-

ностей о московскихъ и петербургскихъ событіяхъ, тѣмъ ярче выступаетъ азіатская свирѣпость царскихъ опричниковъ. Этотъ Клейгельсъ, съ улыбкой подающій казакамъ и полиціи сигналъ начать кровавое побоище, это хватаніе дѣвушекъ за волосы, это сбрасываніе съ высокой площадки Казанскаго собора беззащитныхъ людей на кулаки стоящихъ внизу городовыхъ, это буквальное раздавливаніе подъ копытами лошадей цѣлой массы людей, это стеганье нагайками, раздробленіе череповъ, выбиваніе глазъ,—какое человѣческое слово можетъ выразить всю боль, всю злобу, всю ненависть, вызываемую этимъ звѣрскимъ разгуломъ?! Какое слово можетъ выразить всю глубину нанесеннаго Клейгельсами, Сипягиными и Романовыми оскорбленія человѣческому достоинству всей мыслящей Россіи?!..

Мы знаемъ, что почуявшій запахъ крови звѣрь расходится окончательно, но мы знаемъ и то, что колесница революціи приближается быстрымъ ходомъ къ Россіи и вѣсть о ея приближеніи одинаково ясно можно читать и на лицахъ мучениковъ Казанской площади и на лбу палачей Зимняго дворца.

Боголѣповъ—Треповъ.

Около 25 лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ раздался выстрѣлъ Вѣры Ивановны Засуличъ въ петербургскаго градоначальника Трепова, который звѣрски расправился съ беззащитнымъ узникомъ Боголюбовымъ, подвергши его истязанію розгами въ домѣ предварительнаго заключенія. 14 февраля 1901 года раздался выстрѣлъ студента Петра Карповича въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, который примѣнилъ на дѣлѣ дикія „временныя правила“ и отдалъ въ солдаты свыше 200 студентовъ.

Въ лицѣ Трепова царское правительсво нашло подходящее для себя орудіе, гнуснаго палача самоотверженныхъ борцовъ за счастье и свободу всего народа, такъ наз. „политическихъ преступниковъ“.

Въ лицѣ Боголѣпова оно нашло такого же палача и гонителя всей мыслящей и чувствующей учащейся молодежи.

Треповъ искоренялъ политическую „крамолу“ всѣми силами своей полицейской души. Столь же ревностно искоренялъ „крамолу“ Боголѣповъ въ профессорской и студенческой средѣ. Доносы на „неблагонадежныхъ“ профессоровъ и безпощадное „очищеніе“ московскаго университета отъ „вредныхъ элементовъ“ среди студенчества,—вотъ излюбленныя занятія Боголѣпова во время ректорства его въ университетѣ и попечительства въ московскомъ учебномъ округѣ; вотъ средства, благодаря которымъ, да покровительству его родителей по женѣ, князей Ливенъ, онъ проползъ до министерскаго портфеля. На министерскомъ посту Боголѣповъ явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ знаменитыхъ „временныхъ правилъ“ о сдачѣ студентовъ въ солдаты. Справедливость заставляетъ однако упомянуть, что *истинными иниціаторами* „временныхъ правилъ“ былъ не Боголѣповъ, не Витте, и даже не Сипягинъ съ Муравьевымъ и Побѣдоносцевымъ, а великіе князья Сергѣй и Владиміръ; но Боголѣповъ съ неслыханнымъ цинизмомъ „примѣнилъ“ эти драконовскія правила въ Кіевѣ и Петербургѣ, онъ посылалъ въ Москву свои приказы „не стѣсняться“ примѣненіемъ правилъ къ „замѣченнымъ“ въ сходкахъ студентамъ московскаго университета. На посту министра онъ сталъ во весь ростъ не только въ качествѣ типичнаго министра народнаго просвѣщенія, но и въ качествѣ Николая Павловича Боголѣпова съ спеціально принадлежащей ему индивидуальностью...

Для палача Трепова нашлась своя Немезида въ образѣ Засуличъ.

Для палача Боголѣпова нашлась своя —въ образѣ Карповича.

Но, можетъ быть, читатель найдетъ слово „палачъ“ непримѣнимымъ къ Боголѣпову. Нѣтъ, читатель, оно примѣнимо но въ переносномъ, а въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Вѣдь не могъ же не знать Боголѣповъ, что ожидаетъ посылаемыхъ имъ въ солдаты студентовъ, не могъ онъ не знать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ посылаетъ *на смерть*... Такъ-ли это? Слушайте...

Девятаго марта былъ **разстрѣлянъ** въ Кіевѣ **Пиратовъ**, одинъ изъ студентовъ-солдатъ, а двое другихъ ждутъ своей участи въ крѣпости.

Выстрѣлъ Засуличъ былъ отвѣтомъ на расправы царскаго правительства съ „государственными преступниками“ и встрѣтилъ широкое сочувствіе среди революціонеровъ и вообще среди передовой части русскаго общества. Выстрѣлъ Карповича былъ отвѣтомъ на расправы правительства со студентами, на его мѣры противъ всего мыслящаго и живого. И онъ также встрѣтилъ широкое сочувствіе въ интеллигентной и рабочей средѣ.

Судъ присяжныхъ оправдалъ Засуличъ за ея выстрѣлъ въ Трепова; правительство побоялось судить Карповича обыкновеннымъ судомъ, судомъ присяжныхъ, и отдало его суду сословныхъ представителей, суду съ нарочито подобраннымъ составомъ.

Собравшаяся у суда толпа народа вырвала оправданную Засуличъ изъ рукъ жандармовъ, когда тѣ хотѣли ее арестовать. Въ открытыхъ демонстраціяхъ въ Петербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ и Кіевѣ тысячи и десятки тысячъ народа выступили съ рѣшительнымъ протестомъ противъ того же самого, противъ чего былъ направленъ выстрѣлъ Карповича.

Горячее сочувствіе, вызванное самоотверженнымъ поступкомъ Карповича, наиболѣе ярко выражено въ имѣвшей большой успѣхъ рижской прокламаціи: „Судъ присяжныхъ для Карповича“. Она заканчивается словами изъ „Пѣсни о соколѣ“ Горькаго:

„А по отношенію къ тебѣ, товарищъ Карповичъ, у насъ всѣхъ изъ глубины души вырывается мучительно-болящій крикъ: „О смѣлый соколъ, въ бою съ врагами истекъ ты кровью; но будетъ время и капли крови твоей горячей какъ искры вспыхнутъ во мракѣ жизни, и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта! Пускай ты умеръ!..., но въ пѣснѣ сильныхъ и смѣлыхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!..“

Послѣднія вѣсти.

Какъ готовилось правительство къ демонстраціи, ожидавшейся въ Петербургѣ 11 (24) марта, видно изъ слѣдующаго сообщенія Петербургскаго Комитета нашей Партіи:

Въ субботу, наканунѣ 11 марта, съ 6 часовъ вечера пѣхота заняла подвалы домовъ по Невскому проспекту; на дворахъ были размѣщены многочисленные отряды городовыхъ; за Казанскимъ соборомъ стояла конница. У Невской Лавры, которая находится у дальняго конца Невскаго пр. и въ началѣ рабочаго Шлиссельбургскаго тракта, были поставлены четыре пушки; у биржи, у другого конца Невскаго проспекта, поставлены еще двѣ пушки.

* * *

Кіевъ, 10 (23) марта.

„...У насъ въ Кіевѣ творится, быть можетъ, нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ все, что вы могли слышать. Вчера, 9 марта, въ 10 ч. утра былъ **разстрѣлянъ Пиратовъ** — одинъ изъ студентовъ-солдатъ, давшій пощечину въ строю офицеру, когда этотъ выругалъ его неприличными словами. Въ крѣпости сидятъ и ждутъ своей участи еще двое студентовъ-солдатъ — Рыбаковъ и, кажется, Ланцетникъ.

...Завтра манифестація у насъ,— если буду живъ, то напишу...“

* * *

О кіевской демонстраціи мы получили слѣдующее сообщеніе отъ Кіевскаго Комитета:

Союзу Русскихъ Соціальдемократовъ.

Сегодня, 11 марта, въ третью годовщину разгрома первой соціальдемократической организаціи (11 марта 1898 г.) въ Кіевѣ произошла уличная манифестація, организованная Кіевскимъ Комитетомъ Россійской Соціальдемократической Рабоч. Партіи совмѣстно съ союзной студенческой организаціей. Цѣль демонстраціи—протестъ противъ преступ-

ной политики царскаго правительства. Было поднято красное знамя съ надписью: „За политическую свободу!“ Въ манифестаціи, происходившей въ 2 час. дня на главной улицѣ города—Крещатикѣ и продолжавшейся $1^3/_4$ часа, принимало участіе около 15-20 тыс. чел. Присутствіе рабочихъ рѣзко бросалось въ глаза. Демонстрація удалась вполнѣ, особенно если принять во вниманіе, что это первая въ Кіевѣ чисто политическая манифестація, устроенная революціонной организаціей. Прошла она на западноевропейскій манеръ. Дѣйствіями полиціи руководилъ губернаторъ Треповъ. Поведеніе его было сравнительно корректно.

Полиція оцѣпила всего лишь 75-80 ч.; среди нихъ нѣсколько рабочихъ, студентовъ, женщинъ, учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній. Всѣ выпущены. Первый опытъ удался.

Кіевскій Комитетъ
Росс. Соц.-дем. Раб. Партіи.

Кіевъ, 11 марта.

Описаніе демонстраціи пришлемъ. Помѣстите эту замѣтку въ иностран. газетахъ.

(Описаніе демонстраціи мы получили. оно будетъ напечатано въ 7 № Листка. Сообщеніе было нами разослано въ главныя соціалист. газеты. Ред.).

Отъ редакціи. *Чтобы ускорить выходъ этого Листка, мы вынуждены отложить до 7-го №-ра значительное количество матеріаловъ, относящихся къ февральскимъ и мартовскимъ событіямъ: описаніе кіевской демонстраціи 11 (24) марта, прокламаціи Кіевскаго и Харьковскаго Комитетовъ, протестъ писателей, петицію либераловъ, студенческія прокламаціи и др.*

Мы получили за послѣднее время изъ Россіи около 200 разныхъ документовъ, корреспонденцій и сообщеній. Изъ всего этого матеріала мы, конечно, можемъ напечатать только наиболѣе интересное и характерное.

7-ой № Листка выйдетъ тоже въ апрѣлѣ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 50 сант.

ЖЕНЕВА.

Типографія „Союза“: Genève, route de la Cluse, № 7.

1901.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА“.

№ 7-й. АПРѢЛЬ. 1901 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ И РЕВОЛЮЦІОННАЯ БОРЬБА ВЪ РОССІИ.

Русскому революціонному движенію выпала на долю честь дать поводъ къ первому акту дѣятельности Международнаго Социалист. Комитета, учрежденнаго на парижскомъ конгрессѣ 1900 г.

Русскіе делегаты этого Комитета обратились къ его постоянному секретаріату въ Брюсселѣ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

Женева, 5 апрѣля 1901 г.

Дорогіе товарищи!

Февральскія и мартовскія событія въ Россіи знаменуютъ историческій поворотъ въ русскомъ революц. движеніи и, можно сказать, въ исторіи самодержавной имперіи.

Тотъ фактъ, что студенческія волненія вызвали настоящій революціонный и политическій взрывъ противъ царизма, что въ борьбу вмѣшались тысячи и тысячи рабочихъ и тѣмъ самымъ превратили первоначальное чисто университетское столкновеніе въ революц. движеніе, направленное противъ самодержавія,—этотъ фактъ, превзошедшій самыя оптимистическія надежды русскихъ соціалистовъ, показываетъ, что Россія вступила въ революціонный періодъ, имѣющій огромное историческое значеніе не только для соціалистическаго и революц. движенія въ Россіи, но и для международнаго соціализма.

Если уличныя манифестаціи въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Кіевѣ происходили подъ *краснымъ знаменемъ* международнаго пролетаріата, то это объясняется тѣмъ, что русскій пролетаріатъ, подготовленный годами пропаганды и агитаціи Россійской Соціальдемократич. Рабочей Партіи, составляетъ передовой отрядъ въ битвѣ, которая теперь дается самодержавію.

Вы знаете, товарищи, что буржуазная печать всѣхъ странъ, — со включеніемъ даже французской буржуазной печати, обычно столь холопской по отношенію къ царизму, — была вынуждена открыть свои столбцы потрясающимъ описаніямъ и передовымъ статьямъ, которыя раскрываютъ какъ азіатское варварство царскаго правительства, такъ и важное значеніе революціоннаго взрыва всѣхъ живыхъ силъ страны и особенно пролетаріата.

Вы знаете также, товарищи, что всюду, а особенно во Франціи, устраиваются многочисленные сочувственные митинги и циркулируютъ списки протестующихъ. Въ *первомъ* фазисѣ движенія, пока столкновеніе не выходило еще изъ академическихъ рамокъ, — съ русскими студентами заявляли свою солидарность академическіе же слои, студенты и профессора. Съ тѣхъ поръ движеніе приняло рѣзко политическій и революціонный характеръ — и вотъ соціалисты и рабочіе въ свою очередь начинаютъ протестовать противъ звѣрствъ царизма и поднимать свой голосъ въ пользу освободительной борьбы русскаго пролетаріата.

По этой же причинѣ мы, нижеподписавшіеся русскіе делегаты въ Международномъ Соціалистическомъ Комитетѣ, приглашаемъ постоянный секретаріатъ этого Комитета воспользоваться однимъ изъ полномочій, ввѣренныхъ ему международнымъ парижскимъ конгрессомъ 1900 г., и обратиться къ международному пролетаріату съ манифестомъ или воззваніемъ по поводу революціоннаго положенія дѣлъ въ Россіи.

Излишне подчеркивать великое значеніе, которое имѣло бы воззваніе Международнаго Комитета, приглашающее пролетаріатъ всѣхъ странъ громко заявить свое сочувствіе русскому пролетаріату и вообще всѣмъ революціоннымъ элементамъ, борющимся противъ царизма.

Б. Кричевскій. Г. Плехановъ.

* * *

Призывъ русскихъ делегатовъ былъ опубликованъ брюссельскимъ секретаріатомъ въ газетѣ „Peuple“ (Народъ), органѣ бельгійской рабочей партіи. Нечего говорить о томъ, что онъ встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе въ соціалистическомъ мірѣ. Воззваніе Международнаго Комитета не заставитъ себя долго ждать.

Въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, уже извѣстно, что Генеральный Комитетъ французской соціалистической партіи (въ засѣданіи отъ 10-го апрѣля) поручилъ французскимъ делегатамъ Международнаго Комитета Вальяну и Жоресу, съ своей стороны, предложить этому Комитету обратиться къ международному пролетаріату съ воззваніемъ — въ *первомайскихъ* собраніяхъ выражать свое сочувствіе „русскому народу, борющемуся противъ самодержавія“. Съ той же цѣлью Генеральный Комитетъ назначилъ собраніе въ Парижѣ на 18/5 апрѣля. Тамъ же состоялось уже нѣсколько соціалистическихъ собраній, выражавшихъ сочувствіе нашей борьбѣ противъ самодержавія и клеймившихъ по заслугамъ азіатскій деспотизмъ царскаго правитель-

ства. Кампанія такихъ митинговъ распространяется по всей Франціи и также въ Англіи.

Да, столица „дружественной“ Франціи одна изъ первыхъ огласилась проклятіями царизму, — та самая столица, гдѣ Николай II въ октябрѣ 1896 г. былъ встрѣченъ опьяненной отъ шовинизма толпой какъ тріумфаторъ!..

Безвозвратно минули эти времена, наступаетъ вообще конецъ престижу самодержавнаго правительства въ Западной Европѣ. Февральскія и мартовскія событія показали цивилизованному міру, что царское самодержавіе далеко не такъ прочно, какъ это казалось поверхностному и постороннему наблюдателю. И на Западѣ начинаютъ сквозь тяжелую кольчугу царизма различать живую, рвущуюся изъ оковъ Россію; и тамъ начинаютъ понимать, что *самодержавіе и Россія, царское правительство и русскій народъ — двѣ различныя, другъ другу смертельно враждебныя силы*. Западно-европейская буржуазія пресмыкалась передъ царизмомъ до тѣхъ поръ, пока онъ ей казался всесильнымъ, незыблемымъ. Первыя трещины самодержавной кольчуги пошатнули вѣру въ незыблемость царизма даже въ наиболѣе консервативныхъ слояхъ европейской буржуазіи; а вмѣстѣ съ этимъ царизмъ теряетъ ту часть силы, которую онъ несомнѣнно черпалъ въ своемъ блестящемъ „міровомъ“ положеніи, въ атмосферѣ преклоненія, которою его окружало общественное мнѣніе буржуазной Европы.

Такъ упадокъ внутренней силы самодержавія сопровождается и *ускоряется* упадкомъ его внѣшней силы. Ускоряется не только потому, что „міровой“ престижъ царизма увеличиваетъ его авторитетъ внутри Россіи и усиливаетъ такимъ образомъ робость и холопскія чувства среди либеральныхъ слоевъ общества, но и потому, что „невѣсомая“ сила престижа опытными дѣльцами царскаго правительства размѣнивается на увѣсистую звонкую монету иностранныхъ займовъ. У насъ нѣтъ парламента, который могъ бы отказать правительству въ бюджетѣ, — но революціонная борьба противъ царизма урѣзываетъ одну изъ важнѣйшихъ доходныхъ статей его бюджета, „чрезвычайные доходы“ отъ иностранныхъ займовъ. Когда революціонеры бьютъ царизмъ въ голову, они въ то же время бьютъ его по карману, по очень чувствительному мѣсту, — неправда ли, господинъ Витте?..

Падаетъ престижъ самодержавія въ глазахъ буржуазной Европы, поднимается престижъ Россіи, революціонныхъ силъ русскаго народа въ глазахъ всего цивилизованнаго міра и особенно соціалистическаго пролетаріата.

Пролетарская и соціалистическая Европа, всегда видѣвшая въ царизмѣ послѣдній оплотъ международной реакціи, естественно привѣтствуетъ первые шаги русской революціи какъ свое родное дѣло, какъ новый залогъ и предвѣстникъ своей собственной побѣды. Вотъ почему одновременно среди французскихъ и англійскихъ соціалистовъ *) возникла мысль о *международной первомайской манифестаціи пролетаріата противъ царизма*, — мысль, на которую безъ сомнѣнія съ восторгомъ откликнутся соціалистическія партіи всѣхъ странъ. Первое Мая, день общеклассового протеста международнаго

*) Отмѣтимъ еще, что Независимая Рабочая Партія Англіи на своемъ годовомъ съѣздѣ въ резолюціи, принятой восторженными апплодисментами, выразила горячее сочувствіе рабочимъ и студентамъ, ведущимъ героическую борьбу противъ царизма.

пролетаріата, въ настоящій моментъ естественно зоветъ пролетаріевъ всѣхъ странъ и на протестъ противъ самодержавія, „этого общаго врага соціализма и демократіи“, какъ снова заклеймила его одна изъ резолюцій послѣдняго международнаго соціалистическаго конгресса.

Революціонная Россія борется не только за освобожденіе русскаго народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ за ускореніе побѣды международнаго соціализма. За нею обезпечены активная поддержка соціалистическаго пролетаріата и горячее сочувствіе демократическихъ и либеральныхъ элементовъ всѣхъ странъ. Сознаніе этого удвоитъ силы борцовъ, ихъ смѣлость и самоотверженіе, ихъ увѣренность въ побѣдѣ.

ТОВАРИЩАМЪ-РАБОЧИМЪ *).

(ОТЪ СТУДЕНТА).

Работникъ,—труда неустанный герой,
Грядущаго строя кузнецъ,—
Вручи ты своей загрубѣлой рукой
Такому жъ герою задачи святой
Заслуженной славы вѣнецъ!
Ты знаешь: на Западѣ люди давно
Добыли свободу въ борьбѣ...
Въ Россіи покуда печально, темно,
Но все же къ побѣдѣ прійти суждено
По тѣмъ же дорогамъ тебѣ...
Когда произволъ разорить допустилъ
Народныя гнѣзда у насъ,—
Принесъ изъ деревни отъ милыхъ могилъ
На фабрику ты—сохранившихся силъ,
Надеждъ уцѣлѣвшихъ запасъ!
Но, если и бѣдность, и голодъ терпѣлъ
Тамъ, дома, по избамъ роднымъ,
Отдавъ ихъ грабителямъ, сдѣлался смѣлъ
Ты сразу—и счастья, и правъ захотѣлъ:
Разсѣялась робость, какъ дымъ!
Товарищъ сердито ревущихъ машинъ —
Не прежній забитый мужикъ:
Ты, другъ-пролетарій, теперь—не одинъ,
А братствомъ всемірнымъ, боецъ-исполинъ,
Растешь—и могучъ, и великъ!
Къ сознательной цѣли ты прямо идешь,
Лукавыхъ враговъ не страшась:
Не сломитъ тебя ни насилье, ни ложь!
Какъ предана честно тебѣ молодежь,—
Съ ней крѣпнетъ завѣтная связь.
Она, презирая безжалостный гнетъ,
Изгнанье, тюрьму и Сибирь,
Отважно стремится съ тобою впередъ,—
Плати жъ ей любовью, рабочій народъ,
Поддержкой своей, богатырь!
Здѣсь юность выноситъ не мало кругомъ
Гоненій и мукъ и обидъ:
Ей шествовать велѣно рабскимъ путемъ,
Но путь страстотерпчества мы изберемъ,—
Лишь трусовъ опасность страшитъ!
„Ученый“, „наука“—пустыя слова:
Россійскій профессоръ—жандармъ,
Мысль бодрая глохнетъ, родившись едва,
И только идея лакейства жива
Средь школъ—ненавистныхъ казармъ!
Порядочный юноша тутъ—кандидатъ
На Сѣверъ, въ солдаты, въ тюрьму...
Шпіонство за то процвѣтаетъ—развратъ:
Всегда „патріотикъ“ учащійся радъ
За деньги предаться ему ..
Студентамъ подобнымъ дозволено власть
Таскаться въ притонъ и въ кабакъ,
Не грѣхъ проститутку шутя обокрасть!
Чужда имъ стремленій возвышенныхъ власть,
Любителямъ уличныхъ дракъ.
Но мститель за этотъ всеобщій позоръ
Нашелся въ отчизнѣ моей:
Виновника бѣдъ покаралъ онъ въ упоръ!
Холоповъ испуганныхъ слышится хоръ:
„Будь проклятъ, ужасный злодѣй!“
Эхъ, рабскія души, не изверги—тѣ,
Кто въ жертву приноситъ себя,
Служа благородной и смѣлой мечтѣ!
Распяли бъ охотно вы ихъ на крестѣ,
О собственныхъ шкурахъ скорбя.

11-го марта 1901.

*) Это стихотвореніе издано Кіевскимъ Комитетомъ Россійской Соц.-дем. Рабоч. Партіи оттискомъ изъ готовящагося имъ къ печати „Летучаго Листка“, посвященнаго покушенію Карповича на Боголѣпова. Оно было распространено пока въ гектографированномъ видѣ въ колич. 500 экз. Въ студенческихъ кругахъ, пишутъ намъ изъ Кіева, оно произвело фуроръ, рабочимъ оно также нравится. Ред.

Кіевская демонстрація.

Кіевъ, 11 (24) марта.

Демонстрація. Ея характеръ. Красный флагъ и требованія. Появленіе казаковъ и пѣхоты. Арестъ 80 человѣкъ. „Бей прикладами!“ Осада зданія городской полиціи. Угроза стрѣлять. Частичныя демонстраціи.

Безстыдно-реакціонная политика нашего правительства—этого „тайнаго общества заговорщиковъ противъ народнаго блага“, завершившаяся въ послѣдніе дни такими нелѣпыми и гнусными распоряженіями, какъ отдача студентовъ въ солдаты, отлученіе отъ церкви Толстого и побоища на улицахъ Петербурга и Харькова—получила въ Кіевѣ надлежащую оцѣнку въ видѣ очень внушительной, враждебной правительству манифестаціи, устроенной сознательной частью кіевскаго населенія.

Своими послѣдними распоряженіями правительство дискредитировало себя въ самыхъ широкихъ слояхъ кіевскаго общества. Отлученіе Толстого вызвало бурю негодованія; въ первый же день изъ Кіева ему было послано болѣе 300 телеграммъ съ выраженіемъ сочувствія и въ настоящее время отправленъ „по случаю его выздоровленія“ адресъ съ 1000 подписей приблизительно. Выстрѣлъ Карповича былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ; такъ напр. самая разношерстая толпа, ожидавшая у кассы театра выдачи билетовъ, привѣтствуетъ сообщеніе о покушеніи на Боголѣпова радостнымъ „ура!“. Радикальная часть студенчества, вытѣсненная изъ стѣнъ университета полной невозможностью устроить хотя бы сходку, была готова во всякую минуту выйти на улицу, такъ какъ у нея не оставалось никакого другого способа для выраженія своего протеста. Кіевскіе рабочіе также давно ужъ ждали случая для того, чтобы принять участіе въ политической манифестаціи...

И вотъ въ воскресенье 11-го марта на Крещатикѣ, главной улицѣ Кіева, состоялась наконецъ враждебная правительству демонстрація. Наши власти, давно ужъ ожидавшія ее, успѣли къ ней заблаговременно приготовиться: по всему городу были расклеены объявленія ген.-губерн. Драгомірова, заключавшія угрозу дѣйствовать противъ манифестантовъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; начиная съ 1-го марта, въ разныхъ частяхъ города были запрятаны войска, которыхъ держали все время подъ ружьемъ. Въ своей изобрѣтательности по части устройства засадъ начальство дошло до того, что засадило роту солдатъ и нарядъ городовыхъ даже въ подвалы Софіевскаго собора, гдѣ тѣ просидѣли болѣе 3-хъ сутокъ, получая пищу черезъ слуховыя окна...

Демонстрація была назначена „Союзнымъ Совѣтомъ“ студенческихъ организацій, выпустившимъ приглашеніе и листокъ („Нашъ образъ дѣйствій“), въ которомъ описывался планъ демонстраціи, рекомендовалось—не отвѣчать на вызывающія выходки полиціи, разойтись по окончаніи мирнаго шествія по домамъ и въ заключеніе манифестанты призывались къ спокойствію и самообладанію. Кіевскій соціальдемократич. Комитетъ съ своей стороны выпустилъ печатную прокламацію, обращенную „Къ кіевскимъ работницамъ и рабочимъ“, призывавшую ихъ принять участіе въ мирной демонстраціи—какъ одномъ изъ способовъ борьбы „за права человѣка и гражданина“ и „за политичекую свободу“.

Прокламаціи были разосланы по городу, расклеены на столбахъ, распространены по фабрикамъ и среди студентовъ.

Около часу дня 11 марта толпы демонстрантовъ, состоявшія изъ рабочихъ, работницъ, студентовъ и самой разнообразной интеллигентной публики, двинулись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по Крещатику отъ Фундуклеевской къ думѣ. Сначала шли густой толпой по тротуарамъ, но на полпути къ Думской площади, около Прорѣзной, все разроставшаяся толпа сошла на мостовую и заняла всю улицу. Громадные отряды городовыхъ, конныхъ и пѣшихъ, нѣсколько разъ тщетно пытались оцѣпить манифестантовъ и арестовать самыхъ дѣятельныхъ изъ нихъ. Но однихъ отбивала толпа, другіе же, схваченные и втиснутые въ прихожую думы, сами черезъ нѣкоторое время вышли и смѣшались съ толпой, такъ какъ двери оказались открытыми, и городовые, арестовав-

шіе ихъ, отправились выискивать себѣ новыхъ плѣнниковъ. Этой попыткой, напоминающей черпаніе воды рѣшетомъ, и закончились старанія полиціи захватить центръ демонстраціи. Толпа въ это время все разросталась и разросталась; запрудивъ весь Крещатикъ, она остановила всякое движеніе. Тутъ были развернуты бѣлый и красный флаги съ надписями: „отмѣна временныхъ правилъ“, „за политическую свободу!“. Шпіонъ, сорвавшій знамя съ древка, былъ избитъ палками. Нѣсколько манифестантовъ было арестовано. Казаки и пѣхота, показавшіеся изъ-за думы, оттѣснили толпу, которая живымъ потокомъ съ пѣніемъ двинулась въ обратномъ направленіи и, окончательно перемѣшавшись съ публикой, заняла сплошной стѣной весь Крещатикъ. Раздавались крики: „да здравствуетъ свобода!“, „долой нагайку!“, „къ редакціи Кіевлянина!“, „идемъ бить Пихно!“ и проч. Около Фундуклеевской губ. Треповъ обратился къ толпѣ съ рѣчью, убѣждая ее разойтись. Толпа стала требовать освобожденія арестованныхъ и губернаторъ далъ честное слово исполнить это требованіе. Сверхъ того онъ отослалъ казаковъ такъ какъ къ нему со всѣхъ сторонъ, неслись жалобы на ихъ грубое обращеніе. Первые ряды, преимущественно студенты, рѣшили разойтись, тогда какъ вся взволнованная толпа демонстрантовъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, не разслышавъ, понятно, обѣщанія губернатора, повернула обратно, прошла вновь сплошной массой черезъ весь Крещатикъ и вторично заняла Думскую площадь. Здѣсь около думы солдаты выхватили изъ толпы 80 человѣкъ и повели ихъ къ зданію городской полиціи.

Насколько былъ произволенъ выборъ арестованныхъ, видно изъ того, что въ числѣ ихъ случайно оказался низкопробный дѣлецъ—присяжный повѣренный Яцуновъ, горничная вице-губернатора, нѣсколько дамъ, пришедшихъ на Крещатикъ за покупками, какая-то дѣвочка, нѣсколько совсѣмъ юныхъ гимназистокъ, учениковъ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, студентовъ—всего 11 челов. и довольно значительное число политехниковъ, бывшихъ на Крещатикѣ, очевидно, лишь въ качествѣ любопытствующихъ, такъ какъ наканунѣ въ Политехн. Инст. была рѣшена забастовка и всѣ голосовавшіе за нее обязались честнымъ словомъ не принимать активнаго участія въ демонстраціи.

Въ то время, какъ арестованныхъ вели по страшно узкой (Мало-Житомір.) ул., переполненной, несмотря на кордоны, публикой, желавшей присоединиться къ этимъ случайнымъ жертвамъ полицейскаго усердія,—произошла такая давка, что двигаться впередъ не было никакой возможности... Раздалась команда: **„въ приклады“!**—и арестованныхъ, застрявшихъ въ тѣсномъ проулкѣ, стали бить прикладами ружей. Въ концѣ улицы, около зданія городской полиціи, партія арестованныхъ была встрѣчена громаднѣйшей толпой народа, успѣвшей обогнать ее по боковымъ улицамъ и заполнившей всю площадь передъ Софіевскимъ соборомъ и прилегающія къ городской полиціи улицы. Здѣсь была сдѣлана попытка освободить арестованныхъ. Произошло столкновеніе съ войсками и полиціей. Въ городовыхъ и въ зданіе полиціи изъ толпы полетѣли булыжники. Городовые стали вталкивать арестованныхъ во дворъ полиціи и уже тутъ, чувствуя себя дома и не стѣсненные взорами публики, устроили настоящее побоище. Нѣкоторыхъ арестованныхъ прогоняли сквозь строй городовыхъ, которые били ихъ по чемъ попало—палками, ножнами шашекъ и кулаками... Говорятъ, одного избитаго политехника повалили на землю и продолжали бить ногами. Желавшихъ присоединиться также били до крови и выгоняли вонъ. Опасныхъ увѣчій никому нанесено не было, но до крови было избито нѣсколько человѣкъ. Эти сцены насилія еще болѣе возмутили толпу. Нѣсколько дамъ упали въ обморокъ и были отнесены въ ближайшую аптеку. Столкновеніе приняло болѣе острый характеръ. Войскамъ былъ отданъ приказъ—готовиться стрѣлять.—„За каждый выстрѣлъ вамъ въ глаза плевать будутъ!“ крикнулъ кто-то офицеру въ упоръ изъ толпы рабочихъ. Трижды пробилъ барабанъ, солдаты прицѣливались, а толпа все не расходилась.... Такъ угроза стрѣлять и не была приведена въ исполненіе. Пріѣхалъ губернаторъ и, повторивъ обѣщаніе—немедленно освободить арестованныхъ, успокоилъ толпу.

Арестованныхъ выпускали до вечера; говорятъ, освободили всѣхъ.

Около 4-хъ часовъ дня происходили еще частичныя демонстраціи; вокругъ памятника Богдана Хмѣльницкаго собралась толпа рабочихъ человѣкъ въ 600 и двинулась съ пѣніемъ марсельезы по Большой Владимірской съ тѣмъ, чтобы спуститься къ Крещатику, но разошлась съ криками: „да здравствуетъ политическая свобода!“,—когда узнала по дорогѣ, что на Крещатикѣ уже все кончено. Незначительныя стычки рабочихъ съ полиціей и казаками происходили на Подолѣ и въ другихъ частяхъ города. До поздняго вечера на улицахъ было замѣтно необычайное оживленіе.

Успѣхъ демонстраціи превзошелъ всѣ ожиданія. Среди рабочихъ возникаютъ разговоры о политической свободѣ, демонстраціяхъ, забастовкахъ... Многіе изъ нихъ поговаривали о продолженіи демонстраціи вечеромъ или на слѣдующій день. Особенно настаивали на необходимости повторить демонстрацію фабрично-заводскіе рабочіе, которые не могли принять участіе въ сегодняшней демонстраціи, такъ какъ всѣ крупные заводы, гдѣ работа продолжается и по воскресеньямъ, были оцѣплены войсками. Соціальдемократ. Комитетъ убѣдилъ всѣхъ разойтись по домамъ.

Необычайное сочувствіе демонстрантамъ и общій подъемъ чувства видоизмѣнили даже внѣшній обликъ города: всюду царитъ необычайное возбужденіе. Какъ устроители, такъ и участники демонстраціи въ восторгѣ отъ сегодняшняго дня.

Опредѣлить численность демонстрантовъ трудно, главнымъ образомъ потому, что громадныя шествія образовывались одновременно въ разныхъ частяхъ города. Самыя большія толпы достигали, вѣроятно, 15-20 тысячъ человѣкъ. Рабочіе составляли весьма значительную, если не преобладающую часть демонстрантовъ.

Сегодняшній день знаменателенъ не только какъ день выступленія кіевскаго рабочаго на открытую борьбу за политическую свободу, но и какъ день, служащій залогомъ самаго тѣснаго единенія нашей учащейся молодежи и интеллигенціи съ пролетаріатомъ, залогомъ того, что близко уже время, когда

„всѣ сознательныя силы
Россія соберетъ подъ знаменемъ
труда“

и сброситъ съ себя ненавистное иго деспотизма.

—ъ.

P. S. Въ университетѣ и въ Политехн. Инстит. съ понедѣльника 12 марта объявлена забастовка и всѣ лекціи прекращены.

Изъ числа переписанныхъ во время кіевской демонстраціи 11 марта арестованы слѣд. 12 чел.: Чердышенко, Блувштейны (2), Мыслинская (быв. курс.), студенты: Календа, Свѣшниковъ, Клейновичъ, Туркевичъ, политехники: Лавриновичъ и Заславскій, акуш. Брилліантъ и Баракиръ.

* * *

Дополняемъ письмо нашего кіевскаго корреспондента сообщеніемъ изъ частнаго письма очевидца, описывающаго звѣрскій разгулъ полицейскихъ и солдатъ надъ отрѣзанной отъ демонстрантовъ частью толпы и затѣмъ въ участкѣ надъ арестованными:

„...Били не только рабочихъ и студентовъ, били дѣтей, барышенъ и гимназистовъ. Одному СТУДЕНТУ ПРИКЛАДОМЪ РАЗБИЛИ ГОЛОВУ, БАРЫШНЮ ЗАТОПТАЛИ ПОЧТИ ДО СМЕРТИ, МОЕГО ЗНАКОМАГО ЗАБИЛИ ДО ПОТЕРИ СОЗНАНІЯ; кровь съ его лица лилась ручьями, шинель его—одни лохмотья. Насъ трое человѣкъ отправилось къ Старо-Кіевскому участку, куда привезли арестованныхъ студентовъ и рабочихъ. И снова пѣхота, и снова конная полиція, засвистѣли нагайки, и опять бьютъ, бьютъ и бьютъ. На нашихъ глазахъ РАЗБИЛИ ГОЛОВУ МАЛЬЧИКУ 13-ти ЛѢТЪ, ученику Ком. училища, ЗАБИЛИ БАРЫШНЮ. Мы къ губернатору, къ вице-губернатору. Одинъ студентъ началъ кричать: „Чего вы смотрите! Вѣдь это варварство: бейте хотя взрослыхъ, но не женщинъ и дѣтей!..“ Губернаторъ жметъ намъ руки и говоритъ: успокойтесь, господа студенты, ради Бога, успокойтесь, все узнаемъ, все разберемъ...“

КІЕВСКІЯ ПРОКЛАМАЦІИ.

I. Призывъ къ демонстраціи.

КО ВСѢМЪ РАБОТНИЦАМЪ И РАБОЧИМЪ.

Событія смѣняются съ головокружительной быстротой; каждый занимающійся день приноситъ съ собой все новые и новые ужасы. Они заставляютъ содрогаться отъ негодованія самыя черствыя сердца. Царское правительство сбросило маску лицемѣрія, съ наглымъ безстыдствомъ выступаетъ оно теперь передъ глазами всего міра.

По необъятному простору Россіи съ бѣшеной яростью бушуетъ вихрь произвола и насилія. Задушены народности, стонутъ милліоны разоряемаго крестьянства, ссылаютъ на каторгу борцовъ за рабочее дѣло, разстрѣливаютъ стачечниковъ на улицахъ Домброва, Лодзи, Серпухова, Ярославля, Маріуполя; преслѣдуется свобода совѣсти и убѣжденій, карается свободное слово, школы превращаются въ казармы, сотни честныхъ студентовъ отданы въ солдаты, въ грязь затоптано достоинство человѣческой личности.

Кровь закипаетъ отъ негодованія при видѣ совершаемыхъ злодѣяній. Прошли вѣка покорнаго рабства, настаетъ время дѣйствія. Среди общаго поруганія и позора можетъ молчать лишь тотъ, въ комъ спитъ совѣсть и умерла честь.

Въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ уже произошли массовыя демонстраціи, волнуется народъ въ Одессѣ, Казани и Томскѣ: въ Екатеринославѣ заводы и фабрики оцѣплены войсками...

„Отъ пролитой крови заря заалѣла,
Могучая всюду борьба закипѣла“...

Подымаются русскіе граждане и смѣло возвышаютъ свой голосъ противъ преступнаго правительства. Въ рядахъ самоотверженныхъ борцовъ видна мощная фигура рабочаго. Вчерашній рабъ —онъ сегодня сталъ гражданиномъ; закаленный годами труда и нужды, онъ идетъ на борьбу съ гнетомъ и беззаконіемъ. Въ Харьковѣ и Москвѣ онъ занимаетъ центральное мѣсто въ загорѣвшейся схваткѣ... Очередь за Кіевомъ. Рабочіе и работницы! Присоединяйтесь къ общему протесту! Въ воскресенье 11 марта въ 1 часъ дня назначена демонстрація на Крещатикѣ. Мирнымъ шествіемъ по улицамъ города будемъ выражать негодованіе русскому правительству за совершенныя имъ преступленія. Докажите же, что и въ васъ сильны гражданскія чувства и готовность бороться за свободу!

„Идите и дѣлайте“!

Да здравствуетъ свобода!

Да озаритъ она своими лучезарными крыльями истрадавшіеся народы Россіи!

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетутъ...
Въ бой роковой мы вступаемъ съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ!
Но мы поднимаемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ,
За лучшій міръ, за святую свободу!

Кіевскій Комитетъ
Россійской Соц.-д. Раб. Партіи.

8 марта 1901 г.

II. Послѣ демонстраціи.

КО ВСѢМЪ РАБОТНИЦАМЪ И РАБОЧИМЪ.

Три года тому назадъ—11-го марта 1898-г.—въ Кіевѣ произошелъ разгромъ соціалдемократической организаціи. Одновременно производились аресты и въ другихъ городахъ. Это было вскорѣ послѣ образованія Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Свирѣпствовала полиція и жандармы, хватали рабочихъ и интеллигентовъ, происходили массовые обыски, тюрьмы были переполнены... Рука царскаго правительства нанесла, казалось, смертельный ударъ рабочему движенію въ Россіи. Въ робкія сердца закрадывалось сомнѣніе о возможности дальнѣйшей борьбы.

Но живое и правое дѣло не умерло. На смѣну пришли новыя поколѣнія бойцовъ; съ свѣжими силами они бодро принялись за ту же работу—за великое дѣло освобожденія рабочаго класса.

Шли годы. Все шире и шире разливалась волна рабочаго движенія, все ярче становилась его политическая окраска. Загорѣлись грозныя стачки въ Варшавѣ, Бѣлостокѣ, Вильно, Иваново-Вознесенскѣ, Тифлисѣ. Въ Польшѣ, на Сѣверозападѣ и въ Харьковѣ въ день перваго мая уже гремѣла рабочая марсельеза. Рабочіе Россіи безъ различія національностей — поляки, евреи и русскіе торжественно отрекались отъ стараго міра насилій, слезъ и угнетенія и подъ краснымъ знаменемъ международнаго соціализма шли въ бой съ экономическимъ порабощеніемъ и политическимъ безправіемъ

„За 8-часовой рабочій день!“ „За свободу слова, печати, союзовъ, собраній!“ „За свободу вѣроисповѣданій и равноправность народностей!“ раздавался ихъ боевой кличъ... „За политическую свободу! За освобожденіе рабочаго класса!“ отвѣчали мы имъ на своихъ тайныхъ собраніяхъ, не имѣя еще достаточно силъ выступить съ открытымъ призывомъ.

Времена перемѣнились. Годы упорной подготовительной работы не прошли для насъ даромъ. Въ тиши окрѣпла наша духовная связь, непрестанная борьба за улучшеніе экономическаго положенія сплотила разрозненныя силы, она раскрыла намъ глаза на окружающую дѣйствительность и поставила насъ лицомъ къ лицу съ заклятымъ врагомъ—съ царскимъ правительствомъ. Мы соединялись въ союзы и кружки—мы слышали свободную рѣчь; мы читали листки, газеты и книжки, изданныя въ тайныхъ типографіяхъ,—до насъ доходило правдивое слово. Лучи знанія проникли въ массы рабочаго люда и разорвали окутывающій ихъ мракъ. При свѣтѣ истины ярко выступили всѣ язвы современнаго общества и государства—сказочныя богатства, довольство, царская роскошь имущихъ классовъ, пользующихся всѣми благами жизни, и рядомъ—нищета и необезпеченность трудящагося класса; необходимость борьбы съ экономическимъ гнетомъ и трудность этой борьбы въ странѣ, гдѣ государственная власть сосредоточена въ рукахъ бездушныхъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ у капиталистовъ, гдѣ гонится свободное слово убѣжденія, беззащитна личность и царитъ одинъ лишь произволъ! Намъ сталъ понятенъ каждый общественный фактъ. Долгіе годы униженія и насилій надъ нами сдѣлали насъ чуткими ко всякому притѣсненію и обидѣ. Мы научились горячо чувствовать, пылко желать — мы стали гражданами.

Тогда наступило время дѣйствія, ОТКРЫТОЙ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА, за права человѣка и гражданина. И кіевскій рабочій вышелъ на улицу и развернулъ красное знамя съ вышитыми золотомъ словами: „За политическую свободу“!

11 марта—въ третью годовщину погрома соціальдем. организаціи—въ Кіевѣ происходитъ первая рабочая демонстрація — грозный протестъ рабочаго класса противъ звѣрской политики царскаго правительства, въ частности—противъ дикой расправы царскихъ опричниковъ надъ демонстрантами въ Харьковѣ, Москвѣ и особенно въ Петербургѣ, гдѣ именемъ русскихъ законовъ произведено избіеніе беззащитной толпы. Отнынѣ кіевскій рабочій вступаетъ въ ряды передового отряда рабочей арміи и выходитъ на широкое поле политической борьбы. Тамъ, близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда въ волнахъ Днѣпра крестилась Русь, залитый потоками весенняго солнца, онъ принялъ теперь другое, ГРАЖДАНСКОЕ КРЕЩЕНІЕ.

День 11 марта. Улицы заполнены народомъ. Подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ, прерываемыхъ криками „ура“, строго—спокойно двигаются тысячныя толпы демонстрантовъ, здѣсь сошлись всѣ безъ различія профессій, пола, возраста, національностей—ремесленники, фабрично-заводскіе и чернорабочіе, мужчины и женщины, старики и подростки, русскіе, поляки и евреи. На всѣхъ лицахъ—одушевленіе, въ глазахъ—восторженный порывъ къ свѣту и справедливости, страстное желаніе жить, жить такъ, какъ подобаетъ жить человѣку, а не придавленному рабу.

Это не бурная вспышка, не безформенный бунтъ, движимый слѣпой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движеніе къ инымъ порядкамъ, къ новой жизни, основанной на началахъ свободы, равенства и справедливости. Въ одухотворенности — его мощь. Въ организованности — залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Товарищи! Намъ предстоятъ еще долгіе годы упорной борьбы, но мы владѣемъ теперь сильнымъ орудіемъ — массовымъ протестомъ, демонстраціей. При каждомъ новомъ злоупотребленіи царскаго правительства мы будемъ громко

протестовать противъ беззаконія во имя человѣчности и справедливости.

Туда же, на широкія улицы, залитыя солнечнымъ свѣтомъ, мы будемъ сходиться **ВЪ ДЕНЬ ПЕРВАГО МАЯ**, въ день великаго праздника рабочихъ всѣхъ странъ и народностей и на глазахъ у своихъ враговъ производить смотръ своимъ батальонамъ.

То, что казалось недосягаемымъ—достигнуто. Подадимъ же другъ другу руки и смѣло пойдемъ впередъ къ новымъ побѣдамъ.

Да здравствуетъ наше молодое движеніе!

Кіевскій Комитетъ
Россійской Социальдем. Раб. Партіи.

17 марта 1901 г.

Прокламація Харьковскаго Комитета.

КЪ ОБЩЕСТВУ.

„19-го февр. н. г. мы были свидѣтелями знаменательнаго событія въ Харьковѣ—политической демонстраціи, въ которой приняли участіе студенты, интеллигенція и рабочіе. И день демонстраціи, и ея обстановка, и составъ демонстрантовъ—все это останавливаетъ на себѣ вниманіе того, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть факты дѣйствительности...“

Изложивъ причины и послѣдствія освобожденія крестьянъ и указавъ на темныя стороны этой реформы, прокламація продолжаетъ:

„Едва однако началось проведеніе въ жизнь вышеуказаннаго цикла реформъ, какъ онѣ оказались принципіально противорѣчащими крупнѣйшему наслѣдію крѣпостной эпохи, перешедшему и въ пореформенную Россію—царскому самодержавію. И вотъ начался періодъ извѣстныхъ контръ-реформъ, послѣдовательно безпощадно старавшихся вытравить изъ русской общественной жизни всякое начало свободы, гласности, самодѣятельности, даже простой законности. — періодъ, тянущійся и по сію пору и какъ будто не встрѣчающій преградъ. Самодержавное правительство, казалось, бгистательно рѣшило свою задачу, соединило несоединимое: отношенія вольнонаемнаго труда и капитала, какъ основу экономической и государственной жизни Россіи, съ системой азіатскаго деспотизма, построенной на этой основѣ. Спокойствіе Митрофанушки и его министровъ однако скоро было нарушено. Основное противорѣчіе пореформенной Россіи вызвало страшныя общественныя судороги, указывавшія на нездоровый организмъ. Мы говоримъ о революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній это движеніе скоро отыскало въ самодержавіи своего главнаго врага, въ немъ нашло точку, на которую слѣдовало направить революціонную энергію Самую же энергію движеніе 70-хъ годовъ стремилось черпать изъ пламени воодушевленія, горѣвшаго въ груди передовыхъ интеллигентныхъ русскихъ людей. Началась всѣмъ памятная безпримѣрная въ исторіи борьба конца 70-хъ и начала 80-хъ гг., полная героической силы, удивительнаго самопожертвованія, поразительнаго организаціоннаго и конспираторскаго таланта,—борьба не на животъ, а на смерть небольшой горсти героевъ съ всесильнымъ полицейско-самодержавнымъ режимомъ. Всѣмъ извѣстенъ исходъ этой борьбы: 1-го марта 1881 г. былъ убитъ *царь* Александръ II, но не уничтоженъ *царизмъ*. Самый отчаянный героизмъ немногихъ личностей не могъ сломить самодержавія, вооруженнаго организованной силой милитаризма, бюрократіи, полицейскаго произвола и опирающагося на культурную и политическую отсталость народныхъ массъ. Обезсиленная героической борьбой, „Народная Воля“ скоро совсѣмъ сошла со сцены.

Перепуганное было на смерть самодержавное правительство пришло въ себя и принялось бороться противъ духа современности, желая обезпечить себя въ будущемъ отъ повторенія катастрофы 1-го марта 1881 года. Начались гоненія на народное образованіе и школу, на судъ и самоуправленіе, на гласность и печатное слово. Пошли институты земскихъ и всякихъ иныхъ начальниковъ. Потянулось, словомъ, тяжелое, какъ кошмаръ, царствованіе Алекс. III. Реакція, казалось, торжествовала побѣду по всей линіи. Въ верхнихъ слояхъ интеллигенціи воцарились пессимизмъ, отчаяніе и общественный индифферентизмъ. Спасенія, казалось, не откуда было ждать. Некому было влить новое вино въ старые мѣхи революціонныхъ чаяній и надеждъ. Но не прошло и десятка лѣтъ, какъ болѣе дальновидные люди замѣтили наростаніе новаго фактора общественной жизни: изъ нѣдръ городской трудящейся массы поднималась волна неопредѣленныхъ пока очертаній, но грозная по своей силѣ и роковая по своей неизбѣжности. Въ началѣ и срединѣ 80-хъ годовъ новый великанъ началъ лишь расправлять свои могучіе члены. Въ Московскомъ районѣ въ 82 г. и въ Владимірскомъ въ 85 г. началось безпорядочное броженіе фабрично-заводскихъ рабочихъ. Уже и это стихійное движеніе вырвало у азіатскаго режима самодержавія законы въ защиту труда женщинъ и дѣтей. Но на первыхъ порахъ центръ тяжести поднимающейся волной самосознанія русскаго рабочаго класса лежалъ не въ борьбѣ, а въ удовлетвореніи *жажды знанія*. Не характерно ли, въ самомъ дѣлѣ, что ни въ какой другой періодъ русской исторіи мы не видали такихъ массовыхъ и интенсивныхъ запросовъ на знаніе со стороны трудящагося населенія, какъ въ періодъ 13-ти лѣтняго свинцоваго режима Алекс. III? Именно за эти 13 лѣтъ широкой волной разлились по русскимъ градамъ и весямъ многочисленныя воскресныя школы, библіотеки, читальни, народныя чтенія и т. д. Этого культурнаго подъема не могла остановить даже тяжелая рука „царя миротворца“. За истекшія послѣ его смерти 6-7 лѣтъ картина движенія промышленнаго пролетаріата существенно измѣнилась. Въ своемъ соціальномъ положеніи и пріобрѣтенныхъ зачаткахъ знанія рабочій классъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, почерпнулъ энергію для *активной борьбы* за освобожденіе Россіи. Знаменитыя петербургскія, московскія и бѣлостокскія стачки 1896-97 гг. обнаружили въ русской рабочей массѣ неожиданную для многихъ способность солидарно отстаивать свои интересы и высокій уровень сознательности и дисциплинированности. Стачечная борьба скоро охватила самый широкій районъ и воспитала въ рабочемъ классѣ духъ самодѣятельности и боевой готовности. Встревоженное появленіемъ на аренѣ общественной жизни новаго массоваго борца, самодержавіе поспѣшило сдѣлать попытку усмирить его, выбросивъ ему жалкій по своимъ практическимъ результатамъ, но крайне важный въ смыслѣ симптома, законъ 2 іюня 97 г. Что этимъ не достигнуто было замиреніе мятежнаго духа пробудившагося рабочаго класса—извѣстно всякому. Въ самомъ стачечномъ движеніи наступилъ естественный временный отливъ. Но революціонное движеніе пролетаріата не прекратилось. Послѣ короткаго времени неопредѣленности въ путяхъ и направленіяхъ дальнѣйшей борьбы, рабочая масса различныхъ районовъ имперіи стала выступать на арену борьбы съ господствующимъ *политическимъ режимомъ*. Сначала въ Польскомъ краѣ, затѣмъ въ средѣ еврейскаго рабочаго населенія Западн. губ., а затѣмъ повсемѣстно въ Россіи отъ Петербурга до Тифлиса сознательные рабочіе стали все болѣе и болѣе недвусмысленно выступать на путь борьбы за политическую свободу, сознаніе необходимости которой выработалъ періодъ массоваго стачечнаго движенія. Политическія требованія, массовые протесты и демонстраціи россійскихъ рабочихъ стали совсѣмъ нерѣдкимъ явленіемъ за послѣдніе нѣсколько лѣтъ.

Появленіе массоваго и рѣшительно *растущаго* политическаго врага самодержавія—вотъ главнѣйшій *активъ* политическаго баланса Россіи на зарѣ 20-го вѣка. Могутъ ли политически зрѣлые элементы русскаго общества не привѣтствовать отъ всей души появленіе и ростъ этого наиболѣе серьезнаго врага ихъ врага, могутъ ли они не протянуть руку помощи этому могучему союзнику? А въ наличность политически зрѣлыхъ слоевъ въ русскомъ обществѣ мы вѣримъ твердо. Режимъ Николая II въ отношеніи беззастѣнчивости азіатскихъ формъ гнета превосходитъ предшествовавшія царствованія. Гоненіе на свѣтскую школу, на самоуправленіе и на печать никогда еще не принимало такого остраго характера. Крестьянскія голодовки, рабочія и студенческія волненія вотъ уже нѣсколько лѣтъ не сходятъ съ очереди. Правительство Николая II дѣлаетъ всѣ усилія вернуть „доброе старое время“ *крѣпостныхъ* порядковъ. Если по отношенію къ крестьянской массѣ это стремленіе особенно рѣзко выразилось въ проектѣ закона о наймѣ на сельскохозяйственныя работы, а по отношенію къ рабочимъ—въ приравненіи адми-

нистративно сосланныхъ рабочихъ-стачечниковъ къ лицамъ, сосланнымъ за порочное поведеніе, то въ отношеніи студенчества здѣсь рѣзко выступаетъ высочайшее повелѣніе, изданное въ прошломъ году, объ отдачѣ въ солдаты студентовъ, которыхъ администрація признаетъ виновными въ отказѣ „скопомъ“ отъ предложенія академическихъ занятій. Такое произвольное зачисленіе въ солдатчину лучшихъ элементовъ студенчества, до извѣстной степени соли русской интеллигенціи, безъ различія состоянія, здоровья и семейнаго положенія, притомъ безъ гласнаго суда, было до сихъ поръ мыслимо только, какъ эпизодъ эпохи крѣпостнаго права. А между тѣмъ жертвою этого варварскаго „закона“ явились уже болѣе 200 молодыхъ человѣкъ. Этимъ актомъ азіатчины Николай II открылъ внутреннюю политику XX вѣка.

И вотъ въ 1-ый годъ новаго вѣка, въ день 40-лѣтія 19 февраля студенты Харьковскаго университета пытаются поднять голосъ протеста противъ самодержавнаго режима. И когда, возмущенные арестомъ *148* студентовъ, ихъ товарищи устраиваютъ вечеромъ на Театральной площади массовую демонстрацію, къ нимъ на поддержку являются многія сотни *рабочихъ*, число которыхъ несомнѣнно было бы еще больше, если бы не была задержана администраціей значительная часть прокламацій, обращенныхъ къ рабочимъ по поводу 40-лѣтія освобожденія крестьянъ. Если еще Лассаль, развивая свою идею четвертаго сословія въ области соціальнаго движенія, указывалъ на воплощеніе въ рабочемъ движеніи *союза труда и науки*, то своеобразную, но яркую иллюстрацію того же союза въ области политической борьбы мы видѣли 19-го февраля на Театральной площади.

Мы нисколько не скрываемъ отъ себя того факта, что рабочее движеніе въ Харьковѣ далеко еще отъ высокаго уровня развитія. Вѣдь и появленіе въ Харьковѣ болѣе или менѣе многочисленнаго заводскаго раб. населенія — дѣло лишь нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Мы прекрасно знаемъ, что еще много работы нужно для того, чтобы помочь харьковской рабочей массѣ подняться на надлежащую высоту пониманія своихъ задачъ и путей къ ихъ осуществленію. Но это не мѣшаетъ намъ видѣть въ событіяхъ 19 февраля доказательство того, что эта работа не только *необходима*, но и *возможна*. Именно эта необходимость и возможность побуждаетъ насъ обратиться къ передовымъ элементамъ Харьковскаго общества. У рабочаго класса есть несомнѣнно глубже захватывающая цѣль — *полная соціальная эманципація*. И мы, какъ Комитетъ Россійск. Соціальдемократич. Раб. Партіи, конечно, видимъ свою задачу въ поддержкѣ организаціи рабочаго класса и его борьбы за классовое освобожденіе. Но при наличныхъ русскихъ политическихъ условіяхъ задачи рабочаго класса, *какого бы характера онѣ ни были*, неизбѣжно приводятъ къ борьбѣ за *политическую свободу*. Въ этой своей борьбѣ рабочій классъ встрѣчается, какъ цѣнный союзникъ, съ политически-зрѣлыми слоями русскаго общества. Вотъ почему участіе рабочихъ придаетъ яркую соціально политическую окраску харьковскимъ событіямъ 19 февр. этого года.

Героя классическаго миѳа, Антея, было легко побѣдить, если только оторвать его отъ соприкосновенія съ землей. Стоя же на твердой почвѣ, Антей былъ непобѣдимъ. Ставши на почву рабочаго движенія, какъ на *твердую почву движенія массы*, русская политическая революція будетъ *непобѣдима*. Еслибы событіе 1-го марта 1881 года, 20-лѣтіе котораго истекаетъ на дняхъ, застало русское революціонное движеніе стоящимъ на указанной твердой почвѣ, то оно не закончилось бы такимъ печальнымъ финаломъ.

Помогайте же всѣ, въ чьей груди горитъ священный огонь свободы, всѣ, кто страстно хочетъ видѣть скоро Россію освобожденной отъ позора царскаго самодержавія, помогайте вспахивать эту почву, помогайте, чѣмъ можете: активнымъ участіемъ, всяческимъ содѣйствіемъ, денежными средствами. Помогайте поддерживать ростъ активной борьбы, помогайте поддерживать здоровье и силы выбитыхъ изъ строя жертвъ царскаго режима. Помогайте приближенію того счастливаго момента, когда надъ истерзанной русской землей взойдетъ заря свободы!“

Харьковскій Комитетъ
Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи.
Февраль 1901 года.

КЪ ФЕВРАЛЬСКИМЪ И МАРТОВСКИМЪ СОБЫТІЯМЪ.

ПЕРВАЯ ВОЛНА.

И самое море въ бурю знаетъ моменты сравнительнаго затишья, когда волны поднимаются менѣе грозно, а мѣстами смѣняются пѣнистой зыбью. Но еще мигъ — и буря реветъ съ новой силой, за волной налетаетъ волна, водяныя горы подымаютъ свои кипящія пѣной вершины все выше и выше...

Такой моментъ временнаго и сравнительнаго затишья наступилъ, повидимому, въ разыгравшейся на нашей родинѣ революціонной бурѣ. Послѣ 11-го (24) марта, дня демонстрацій въ Кіевѣ, Казани и Томскѣ, первая революціонная волна начинаетъ какъ бы отливать. Готовившіяся къ тому же дню демонстраціи въ Петербургѣ и Москвѣ не состоялись (о причинахъ неудачи см. ниже наши корреспонденціи). Въ Харьковѣ была сдѣлана 15 (28) марта лишь попытка демонстраціи на вокзалѣ. Но всѣ приходящія съ родины вѣсти говорятъ за то, что за первой волной не замедлитъ налетѣть вторая, быть можетъ, еще болѣе грозная.

Характерный симптомъ — изъ главныхъ центровъ Россіи борьба распространяется все дальше и дальше, захватывая даже „мѣста не столь отдаленныя“ и „отдаленнѣйшія мѣста“, Томскъ и Иркутскъ. Броженіе умовъ столь сильно и повсемѣстно, что волна протеста изъ университетскихъ и фабричныхъ городовъ докатывается до такихъ заброшенныхъ угловъ, какъ Житоміръ, гдѣ 200 гимназистовъ устроили уличную демонстрацію. Протестуютъ гимназисты и въ Одессѣ, въ Петербургѣ забастовала одна гимназія, въ Харьковѣ строптивымъ духомъ заражены и гимназистки, протестуютъ и семинаристы (въ Рязани и Иркутскѣ). „Was die Alten singen, das zwitschern die Jungen“ (о чемъ поютъ родители, о томъ чирикаютъ дѣти), говоритъ нѣмецкая пословица. Неоперившееся еще юношество, грядущее поколѣніе живетъ чувствами дѣйствующаго поколѣнія, по своему отражая господствующее настроеніе.

ПРОБУЖДЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

Старшее поколѣніе интеллигенціи, либеральное „общество“ продолжаетъ свою кампанію петицій и протестовъ. Въ послѣдніе дни даже наша либеральная пресса или то, что отъ нея осталось, начинаетъ говорить болѣе или менѣе членораздѣльными звуками...

Медленно, убійственно медленно реагировало общество на правительственныя насилія. Сдача въ солдаты болѣе 200 студентовъ не вызвала съ его стороны никакихъ *публичныхъ* признаковъ протеста. Прокламація „Кто виноватъ?“ по заслугамъ бичуетъ трусость общества въ то время. „Вѣрноподданнѣйшее прошеніе“, составленное Милюковымъ, является первымъ отзвукомъ со стороны „отцовъ“. Мы даемъ ему оцѣнку ниже.

Наконецъ бойня 4 марта развязала языкъ широкимъ слоямъ общества.

5 марта появляется протестъ писателей. Хотя этотъ протестъ, какъ указано нами ниже, есть въ сущности только крикъ боли и ничего политическаго въ себѣ не заключаетъ, но онъ послужилъ какъ бы сигналомъ къ все болѣе и болѣе смѣлымъ протестамъ. Какъ намъ пишутъ изъ Петербурга, онъ во множествѣ списковъ былъ очень широко распространенъ въ обществѣ. Но ни одна газета не рѣшилась его напечатать! Онъ увидѣлъ свѣтъ въ печатномъ видѣ только благодаря типографіи Петерб. Ком. нашей Партіи.

Вслѣдъ за протестомъ писателей появляется петиція 94-хъ (графа Гейдена и др.) къ министру внутр. дѣлъ, которая, наряду съ протестомъ противъ бойни, выставляетъ требованія отмѣны „врем. правилъ“ и „суда надъ виновниками избіенія 4 марта, кто бы они ни были“. Одновременно издается исходящій изъ либеральныхъ круговъ протестъ „Къ обществу“, требующій суда

надъ Клейгельсомъ (см. ниже).

9 марта Комитетъ Союза Взаимопомощи русскихъ писателей обращается съ „ходатайствомъ" къ министру внутр. дѣлъ „объ ускореніи давно поставленнаго на очередь пересмотра узаконеній о печати и, въ ожиданіи его результатовъ, о снятіи запрета, препятствующаго обсужденію въ печати вопроса о причинахъ студенч. волненій". Къ сожалѣнію, мотивировка этого „ходатайства" насквозь проникнута исконнымъ духомъ вѣрноподданнаго либерализма. „По глубокому убѣжденію членовъ Союза, февральскія и мартовскія событія *не имѣли бы мѣста или, по крайней мѣрѣ, не получили бы такого развитія* (курсивъ нашъ), если бы печать не вынуждена была молчать въ то время, какъ заговорила сама жизнь..." Итакъ, свобода печати является, такъ сказать, гарантіей благочинія и общественнаго спокойствія, а не орудіемъ борьбы противъ варварскаго благочинія царской Россіи! Это напоминаетъ либеральныя ходатайства о конституціи въ разгарѣ террористической борьбы Народной Воли, въ которыхъ указывалось, что „содѣйствіе общества" въ управленіи необходимо для „искорененія крамолы". Однако *эта* вѣрноподданническая мотивировка имѣла, по крайней мѣрѣ, реальный смыслъ: при конституціи *террористическая* „крамола" несомнѣнно прекратилась бы сама собою, какъ о томъ всегда заявлялъ Исполнит. Комитетъ Народн. Воли. Но неужели свобода печати при самодержавіи можетъ помѣшать современной „крамолѣ", массовой борьбѣ противъ самодержавія, а съ другой стороны — звѣрской расправѣ самодержавныхъ палачей надъ смѣлыми борцами? И нужно ли еще говорить о томъ, что *при самодержавіи свобода печати немыслима*, какъ немыслимы какія бы то ни было другія свободы?...

Самодержавное правительство не замедлило разъяснить союзу писателей, что даже вѣрноподданнѣйшее ходатайство о свободѣ печати есть проступокъ противъ установленныхъ порядковъ: союзъ былъ закрытъ, по распоряженію министра внутр. дѣлъ, приказомъ отъ 12 марта за подписью Клейгельса. Самодержавіе послѣдовательно—пусть же будутъ послѣдовательны и его враги, *всѣ* его враги!

Отмѣтимъ еще запросъ Фаминцына въ засѣданіи академіи наукъ отъ 14-го марта,—совмѣстимо ли званіе академика съ дѣятельностью попечителя петерб. округа Сонина, который стоялъ во главѣ „особаго совѣщанія", сдававшаго студентовъ въ солдаты. Фаминцынъ высказывается, разумѣется, за то, что „дѣятельность академика Сонина въ качествѣ попечителя не соотвѣтствуетъ ни достоинству академіи, ни званію ординарнаго академика". Рѣшеніе академіи еще не извѣстно.

Наконецъ, помимо другихъ петицій и протестовъ, имѣются свѣдѣнія (правда, еще не провѣренныя) о петиціи съ требованіемъ „доступа народа къ государю", покрытой 15.000 подписей, въ томъ числѣ и изъ промышленныхъ и купеческихъ круговъ.

Словомъ, общество несомнѣнно проснулось. Его первые шаги очень робки и неувѣренны, но—вѣдь оно такъ долго спало непробуднымъ, казалось, сномъ! Оно только-только встряхивается и начинаетъ расправлять свои окоченѣвшіе отъ долгаго сна члены. Борьба студентовъ и рабочихъ разбудила его, она же будетъ поддерживать его бодрость.

Мы знаемъ, что наши либералы сильны только активной борьбой, которую ведутъ противъ самодержавія революціонеры. Но они могутъ оказать освободительной борьбѣ немаловажныя вспомогательныя услуги—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пользоваться революціонной борьбой не какъ просительскимъ аргументомъ для вѣрноподданныхъ ходатайствъ, а какъ почвой для *аттаки на самодержавіе* своими— либеральными—средствами.

„УСТУПКИ" И СУХАЯ ГИЛЬОТИНА.

Тѣмъ временемъ правительство идетъ по торной дорожкѣ лицемѣрныхъ, менѣе чѣмъ грошевыхъ уступокъ и очень искренней... *усиленной репрессіи*.

Въ прошломъ №-рѣ мы говорили, что революціонеры были застигнуты врасплохъ разыгравшейся бурей. До извѣстной степени это вѣрно и по отношенію къ правительству. Тяжелыя колеса самодержавной машины довольно исправно давили всякое сопротивленіе въ столицѣ, въ центрѣ; но ихъ дѣйствіе замедлялось и слабѣло въ провинціи, на периферіи, даже во второй столицѣ —Москвѣ: передаточный механизмъ не

получалъ достаточно сильнаго толчка и, вопреки грознымъ циркулярамъ Сипягина, дѣйствовалъ неувѣренно и вяло. Нашелся только одинъ *Клейгельсъ*. Въ Москвѣ царскій намѣстникъ Сергѣй обратилъ всю свою энергію на охрану своей драгоцѣнной особы, на *оборону*. Въ Кіевѣ ген.-губ. Драгоміровъ, испугавшись петербургской бойни 4 марта, отказался пустить въ ходъ казацкую опричину; губерн. Треповъ „пожималъ руки" студентамъ, протестующимъ противъ полицейскихъ и солдатск. звѣрствъ надъ отрѣзанной отъ демонстрантовъ частью толпы, давая обѣщанія все разобрать, выпустилъ арестованныхъ, а угроза стрѣлять не была приведена въ исполненіе...

Вообще самодержавная машина при всей своей свирѣпой силѣ разсчитана гораздо больше на „предупрежденіе", чѣмъ на „пресѣченіе" грозныхъ народныхъ волненій. *Такія волненія уже однимъ своимъ взрывомъ обнаруживаютъ разстройство всей машины* — и, усиливая его, парализуютъ двигательную силу и особенно передаточный механизмъ машины. Вотъ почему ни одно правительство такъ сильно не боится массовыхъ волненій, какъ правительство самодержавнаго царя. Вотъ почему оно при каждомъ революціонномъ взрывѣ быстро теряетъ голову и лицемѣрно идетъ на уступки—съ задней мыслью отнять правой рукой то, что оно дало лѣвой и усилить мѣры „предупрежденія", какъ только уляжется буря и машина снова будетъ налажена.

Такъ дѣйствуетъ правительство и теперь, послѣ того какъ оно успѣло оправиться отъ страха. Съ одной стороны, лицемѣрныя уступки — пріостановка дѣйствія „врем. правилъ" и назначеніе генерала Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія, а съ другой—*небывалые даже въ Россіи массовые аресты и высылки*.

Посмотримъ сначала на „уступки". Извѣстно, что „времен. правила" перестали примѣняться послѣ покушенія на Боголѣпова: не успѣло заглохнуть эхо выстрѣла 14 февраля, какъ 19 февраля начались массовыя демонстраціи въ Петербургѣ и Харьковѣ, а 23—25 февр.— въ Москвѣ. Въ виду революціоннаго оборота событій правительству естественно было не до „времен. правилъ". *Не могло* оно примѣнять ихъ и послѣ бойни 4 марта, вызвавшей взрывъ негодованія со стороны всѣхъ тѣхъ, въ комъ жива хоть искра простой человѣчности. Вѣдь, по выраженію одного либеральнаго протеста, *„все общество отвернулось отъ проводъ тѣла Боголѣпова"*, происходившихъ 5 (17) марта, на слѣд. день послѣ бойни, а профес. Инст. Путей Сообщ. Бѣлелюбскій закончилъ свою „всепокорнѣйшую рѣчь" — письмо къ палачу Клейгельсу заявленіемъ, что Инст. Пут. Сооб. „никогда не рѣшится примѣнить къ своимъ воспитанникамъ вышеупомянутыхъ („временныхъ") правилъ". Къ тому же все вниманіе правительства было поглощено „предупрежденіемъ" демонстрацій, готовившихся къ 11 (24) марта въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ. Но — „врем. правила" все еще не отмѣнены, и до сихъ поръ ничего не слышно хотя бы объ открытіи слѣдствія (а и вѣстно, чѣмъ такія слѣдствія кончаются!) надъ „виновниками избіенія 4 марта", а тѣмъ менѣе о судѣ надъ ними, какъ того требуетъ петиція 94-хъ (графа Гейдена и др.). Царь заранѣе отвѣтилъ на эту петицію— *благодарностью палачу Клейгельсу!..*

Этого мало: не возвращены даже изъ казармъ жертвы пріостановленныхъ „врем. правилъ"—а межъ тѣмъ приходятъ все новыя вѣсти о самоубійствахъ студентовъ-солдатъ и разстрѣлянъ еще одинъ студентъ-солдатъ, Подгорецкій, по рѣшенію палачей военнаго суда!..

А другая „уступка"—назначеніе генерала Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія? Любопытно, что правительство „для успокоенія умовъ" не нашло ничего лучшаго, какъ замѣстить Боголѣпова бывшимъ военнымъ министромъ, будто бы профессорская среда, какъ ни развращена она университетскимъ режимомъ 80-хъ и 90-хъ годовъ, сплошь состоитъ изъ Боголѣповыхъ, Сониныхъ, Вельяминовыхъ-Зерновыхъ и Фортинскихъ. Однако, говорятъ, что назначеніе 80-лѣтняго генерала въ вершители судебъ студенчества на кого-то подѣйствовало умиротворительно — вспоминаютъ про роль Ванновскаго какъ предсѣдателя комиссіи по изслѣдованію причинъ студенческихъ волненій 1899 г., а забываютъ, что результатомъ этой комиссіи съ ея „либеральнымъ" предсѣдателемъ явились... „врем. правила"! Или, быть можетъ, царскій рескриптъ

Ванновскому способенъ настроить на довѣрчивый ладъ? Неужели найдутся люди безъ памяти и совѣсти, которыхъ растрогаетъ циничное обращеніе „къ родителямъ" со стороны того самаго царя, который только-что благодарилъ палача ихъ же дѣтей, убійцу Клейгельса?.. И можетъ ли кто-нибудь удовлетвориться тѣмъ, что Боголѣповъ не замѣщенъ Грингмутомъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей"?..

Таковы „уступки", которыми правительство надѣется успокоить умы „вѣрноподданныхъ". А вотъ свирѣпыя мѣры „предупрежденія": студентовъ не отдаютъ больше въ солдаты, но ихъ и всѣхъ „подозрительныхъ" массами арестовываютъ и высылаютъ. Тюрьмы переполнены „подозрительными", какъ въ худшія времена бѣлаго террора. Изъ Москвы, какъ намъ пишутъ, выслано 400 чел., изъ Одессы 120 (остальные въ тюрьмѣ), высылаютъ массами изъ Питера (высланы между прочимъ *всѣ* Рождественки) и Харькова. Далѣе, высылаютъ „на родину" тысячи рабочихъ изъ Екатеринослава и Ростова на Дону, опасаясь волненій изъ-за безработицы. Такъ дѣйствовали древніе азіатскіе завоеватели, искоренявшіе бунтовской духъ покоренныхъ народовъ насильственнымъ переселеніемъ уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни. Такъ поступалъ Иванъ Грозный съ псковичами и новогородцами... Какъ назвать эту систему массовыхъ арестовъ и высылокъ, если не бѣлымъ террором, хотя и безкровнымъ, если не „сухой гильотиной"?

Безшумно и чисто работаетъ эта гильотина, но цѣлесообразно ли, съ точки зрѣнія палачей, работаетъ она? — Вотъ вопросъ, на который дастъ *первый* отвѣтъ *Первое Мая* (новаго или стараго стиля), а затѣмъ, каковъ бы ни былъ этотъ первый отвѣтъ, послѣдуютъ другіе отвѣты, которые навсегда отучатъ царское правительство отъ системы лицемѣрныхъ, оскорбительныхъ „уступокъ" и сухой гильотины...

Въ современной Россіи нельзя ни перебить, ни выслать всѣхъ враговъ самодержавія. Революціонный „потокъ", о которомъ поетъ одна изъ многочисленныхъ рожденныхъ въ борьбѣ пѣсенъ, *) смоетъ на своемъ пути всѣ преграды, и сила, и гнѣвъ его воленъ будутъ расти вмѣстѣ съ преградами:

Ему путь преграждалъ налетѣвшій обвалъ,
Но не смялъ онъ порыва свободы—
Закативши свою молодую струю,
Побѣждая упорно преграды,
Не смолкаетъ потокъ въ непокорномъ бою
И не проситъ у камня пощады.
Онъ высоко возникъ—съ бѣлоснѣжныхъ высотъ
Онъ несетъ вдохновенную пѣну,
За струею струя неизмѣнно идетъ
Взбунтовавшимся струямъ на смѣну:
Онъ журчитъ, и бурлитъ, и кипящей волной
Подмываетъ преграды тѣснины—
Онъ живучъ, и могучъ и упорной борьбой
Онъ достигнетъ простора долины.

*) Издана въ Петербургѣ.

ЕЩЕ О БОЙНѢ 4-го МАРТА.

Сообщеніе очевидца.

Въ воскресенье 4 марта уже съ утра стали притекать къ Казанскому собору огромныя толпы студентовъ, курсистокъ, рабочихъ и массы интеллигенціи, среди которой было много писателей, юристовъ и др. Къ 12 ч. весь соборъ, вся площадь передъ нимъ, весь Невскій отъ угла Садовой до Полицейскаго моста были залиты народомъ, численность котораго была, по меньшей мѣрѣ, тысячъ десять. Полиція почти совершенно отсутствовала. Та незамѣтная часть ея, которая была тутъ, а также и градонач. Клейгельсъ, появлявшійся по временамъ, ни разу (вопреки увѣреніямъ правит. сообщенія) не обращались къ публикѣ съ просьбой разойтись. Около 12 ч. одинъ студентъ сталъ вслухъ читать передъ собравшейся публикой прокламацію, разъяснявшую причину демонстраціи и смыслъ и значеніе протеста. Въ то же время подобныя прокламаціи стали ходить по рукамъ. Конецъ чтенія былъ покрытъ громогласными „ура"!

Не успѣли утихнуть послѣдніе звуки его, какъ изъ воротъ нѣсколькихъ близъ лежащихъ домовъ выскочили отряды казаковъ и жандармеріи, а изъ боковыхъ улицъ появилась полиція. Врѣзавшись галопомъ въ толпу, онѣмѣвшую отъ неожиданности и невыразимаго негодованія, казаки мигомъ отдѣлили стоявшихъ передъ соборомъ отъ бывшихъ на паперти и за колоннадой. Въ состояніи оцѣпенѣнія публика находилась однако не долго. Посыпавшіеся на нее градомъ удары заставили ее оглянуться. Какъ молнія влетая въ безоружную толпу и топча своими лошадьми все встрѣчавшееся на пути, казаки наносили удары нагайками направо и налѣво. Отъ ударовъ люди корчились, пригибались къ землѣ, падали, обливаясь кровью, но ревностные и, кстати сказать, **заранѣе подпоенные** исполнители начальственныхъ приказаній нисколько не смущались и продолжали свое страшное дѣло. Истоптавъ копытами лошадей упавшихъ подъ ударами изъ только-что искромсанной толпы, они налетали на другую толпу, и ихъ нагайки встрѣчали новое мясо, новую кровь... Въ то же время на паперти собора происходило слѣдующее. Подвигаясь на лошадяхъ вдоль нижнихъ ступеней, казаки, дошедшіе до какого-то звѣрскаго остервенѣнія, рубили нагайками прямо по головамъ. Несмотря на то, что лошади на лѣстницу не шли, казаки умудрялись довольно глубоко запустить въ толпу свои „каньчуки", такъ какъ публика густо усѣивала паперть и двинуться было некуда, — спереди казаки, сзади стѣна, а изъ всѣхъ дверей собора была открыта только одна съ лѣвой стороны, въ которую съ трудомъ одновременно входитъ два человѣка. И у „Правит. Вѣстника" хватило безстыдной наглости и цинизма увѣрять, что студенты, врываясь въ это время и въ такомъ состояніи въ соборъ, спокойно закуривали папиросы!..

Часть обезумѣвшей отъ боли, ярости и негодованія толпы бросилась, наконецъ, искать какихъ-либо предметовъ для самозащиты, разрушила близъ находящуюся рѣшетку и съ желѣзными прутьями въ рукахъ кинулась на своихъ мучителей. Въ этотъ моментъ одинъ изъ толпы бросилъ какимъ-то тяжелымъ предметомъ и попалъ въ голову казацкаго офицера, который, обливаясь кровью, упалъ съ лошади. Тотчасъ же послѣ этого врѣзались въ толпу на паперти, и тутъ уже звѣрскимъ инстинктамъ былъ данъ полный ходъ. Не разбирали ни пола, ни возраста, ни общественнаго положенія, ни даже, наконецъ, въ опьяненіи ярости, ни своихъ, ни чужихъ. Такъ, сильно избитъ нагайками офицеръ; тяжело раненъ ударомъ полицейской шашки казакъ. Не поддается описанію все, что здѣсь творилось, но отдѣльныя картинки поражаютъ своей безчеловѣчной жестокостью. Вотъ группа казаковъ вырываетъ изъ толпы студента, обрушивается на него съ нагайками и бьетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не падаетъ; оправившись, студентъ встаетъ и отбѣгаетъ въ другую сторону, но тутъ его подхватываютъ полицейскіе и бьютъ своими шашками, пока въ конецъ обезсиленный онъ не встаетъ уже больше. Вотъ городовые вытаскиваютъ за косу курсистку, избиваютъ ее до полусмерти шашками и, когда она безъ чувствъ падаетъ на землю, одинъ изъ полицейскихъ волочитъ ее по землѣ, кидаетъ на извощика и увозитъ. Вотъ одна дѣвушка съ буквально отсѣченной шашкой щекой и съ кровавымъ рубцомъ отъ нагайки на другой—ищетъ, какъ бы ей вырваться изъ этого ада. Вотъ студентъ, сильно избитый на паперти нагайками, сталкивается оттуда казаками съ такой силой, что онъ прямо врѣзывается лицомъ въ чугунную рѣшетку Екатерининскаго канала.

Да, картинокъ этихъ такъ много, что онѣ казались бы тяжелымъ сномъ, злымъ кошмаромъ, если бы боль въ спинѣ отъ ударовъ нагайки не убѣждала въ дѣйствительности. Напрасны были протесты все вновь прибывающей публики; ничего не могли сдѣлать убѣжденія военныхъ и даже генераловъ, — приказы прямого начальства продолжали исполняться по-прежнему. Били студентовъ, били курсистокъ, били писателей, били чиновниковъ, били всѣхъ,—и били нещадно. Избиваемыхъ отправляли группами по различнымъ участкамъ.

Въ то время, когда у Казанскаго собора происходили всѣ эти неистовства, на другомъ концѣ Невскаго проспекта совершалось другое дѣло. Изъ разныхъ концовъ города къ Нарвской заставѣ стали собираться **рабочіе** (главнымъ образомъ изъ Обуховскаго и другихъ близъ лежащихъ заводовъ) съ цѣлью присоединиться къ демонстраціи. Но не успѣли они пройти нѣкоторое разстояніе, какъ были окружены жандармами, казаками,—и съ этимъ народомъ церемониться уже совершенно не стали: **отданъ былъ приказъ стрѣлять и раз-**

дался залпъ *). **Число убитыхъ и раненыхъ тщательно скрывается полиціей.** Рабочіе Путиловскаго завода также хотѣли присоединиться къ демонстрантамъ, но заводъ былъ заблаговременно оцѣпленъ войсками и никого не выпускали. Весь день до поздней ночи Невскій кишѣлъ народомъ, несмотря на усиленныя старанія конныхъ полицейскихъ и казаковъ нагайками разогнать народъ, — уходили съ одного мѣста и собирались въ другомъ.

Кровавая расправа не ограничилась однако этимъ днемъ, а происходила и въ слѣд. дни. Такъ, 5 марта на группу курсистокъ и студентовъ, остановившихся на улицѣ поговорить о свиданіи съ сидящими въ мѣстѣ заключенія, налетѣлъ отрядъ казаковъ, причемъ **одна 18-ти лѣтняя курсистка** не успѣла отбѣжать въ сторону, **была сшиблена съ ногъ и весь отрядъ проѣхалъ по ней.** Ее удалось привести въ чувство только на слѣдующій день; **всѣ ребра у ней перебиты,** и въ живыхъ она наврядъ ли останется. Вечеромъ 4 марта и утромъ 5 арестованныхъ развозили изъ участковъ по другимъ мѣстамъ заключенія.

Вотъ полученныя пока цифры заключенныхъ: въ пересыльной тюрьмѣ—280; въ Спасской части—330; въ Литовскомъ уч.—258; въ Крестѣ—150; въ Предварительномъ—20; въ друг. мѣстахъ—15; итого—1053 чел. Но несомнѣнно, что дѣйствительное число арестованныхъ значительно больше этого. Въ числѣ заключенныхъ находятся также и тяжело избитые писатели: Анненскій, Струве и Туганъ-Барановскій.

Остальные итоги 4 марта слѣдующіе: 6 чел. (4 студ. и 2 курсистки), тяжело побитыхъ, безвѣстно пропали; трое тяжело ранены. Общее же число раненыхъ мужчинъ 66, женщ. 55...

Общее настроеніе теперь какъ среди учащейся молодежи, такъ и вообще въ публикѣ, какое-то отчаянное. Двое студентовъ застрѣлились, не будучи въ состояніи вынести весь гнетъ послѣднихъ событій. Повсюду царитъ невыразимая паника. Если гдѣ-либо останавливается нѣсколько студентовъ поговорить, мигомъ начинаетъ собираться публика и съ трепетомъ ждетъ появленія нагайки. Если по улицамъ проходитъ отрядъ полицейскихъ, прохожіе слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ и всякій мысленно спрашиваетъ себя, куда они идутъ, не будутъ ли они опять кого нибудь бить. Въ коммерческихъ дѣлахъ замѣчается застой. Что дальше будетъ—неизвѣстно, но въ воздухѣ виситъ что-то тяжелое...

*) Это извѣстіе не подтверждается другими нашими корреспондентами. Ред.

Палачи и лжецы.

Шайка правительствующихъ палачей въ своемъ „сообщеніи" о бойнѣ 4-го марта нагло извратила факты и взводила клеветы на свои жертвы—между прочимъ съ цѣлью — совершенно не удавшеюся—натравить на нихъ народную массу. Въ отвѣтъ на это въ Петербургѣ появился протестъ „Къ обществу", исходящій отъ вполнѣ благонамѣренныхъ лицъ, очевидцевъ бойни:

„Мы, лица, бывшіе очевидцами звѣрскихъ дѣйствій полиціи 4-го марта у Каз. собора, настоящимъ нашимъ заявленіемъ утверждаемъ, что правительственное сообщеніе о поведеніи публики и учащейся молодежи въ день 4-го марта—завѣдомо *лживо* и нагло искажаетъ факты.—Первое, что глубоко возмущаетъ насъ въ сообщеніи правительства о трагедіи у собора—это намѣреніе авторовъ сообщенія оклеветать студентовъ, приписавъ имъ поступки, возмущающіе религіозное чувство. Мы изумлены этой дикой и гнусной выходкой, явно разсчитанной на то, чтобы возбудить общество противъ студентовъ и поставить ихъ какъ бы внѣ закона. Клеветническое указаніе на то, что студенты, стоя въ соборѣ, не сняли шапокъ, курили табакъ, ударили по лицу сторожа и оскорбляли священнослужителя, можно принять только какъ желаніе озлобить противъ студентовъ публику. Общество должно понимать, что подобное желаніе равносильно приглашенію темной массы къ избіенію студентовъ. — Правительственное сообщеніе въ этой его части всецѣло и съ горячимъ негодованіемъ опровергается лицами, бывшими въ церкви; среди этихъ лицъ мы находимъ между прочимъ такихъ, какъ профессоръ Петрушевскій, бывшій воспитатель императора, и генер.-лейтенантъ Васмундъ. Оба рѣшительно отвергаютъ обвиненіе студентовъ въ кощунствѣ, говоря, что, когда, гонимые ударами кулаковъ и нагаекъ, студенты вбѣжали въ церковь, они тотчасъ же сняли фуражки, курить же подъ ударами, разумѣется, было невозможно.—Далѣе мы утверждаемъ, что въ день 4-го марта до 12 часовъ дня полиція присутствовала на Невскомъ въ меньшемъ противъ обычнаго количествѣ, что она не препятствовала публикѣ собираться въ толпу передъ соборомъ и что она не пригласила толпу разойтись. Въ то же время мы утверждаемъ, что полиція и казаки съ утра были спрятаны во дворахъ частныхъ зданій, и такимъ образомъ говоримъ, что Клейгельсъ устроилъ учащейся молодежи ловушку... Мы утверждаемъ со словъ казаковъ, принимавшихъ участіе въ бойнѣ 4-го марта, что наканунѣ офицеры внушали рядовымъ, что студенты хотятъ убить императора, и что нужно ихъ, студентовъ, самихъ бить безъ пощады; мы настаиваемъ на этомъ фактѣ, мы утверждаемъ, что въ день 4-го марта полиціи и казакамъ давали водки, чтобы возбудить ихъ. Эти мѣры привели къ тому, что пьяная, озвѣрѣвшая отъ сопротивленія дружина Клейгельса выхватывала изъ толпы перваго, кто попадался ей подъ руку, и, свваливъ на землю, била его. Рѣшительно заявляемъ, вопреки правительственному сообщенію, что первые начали драку не студенты, а казаки. Они, появившись на площади, по молчаливому знаку Клейгельса тотчасъ же спѣшились и начали бить толпу направо и налѣво нагайками и кулаками, ничѣмъ не предупредивъ ее о своихъ намѣреніяхъ, ни слова не сказавъ, безъ разбора избивая всѣхъ подрядъ и сопротивлявшихся и убѣждавшихъ не сопротивляться. Такъ на глазахъ члена государственнаго совѣта князя Вяземскаго были избиты литераторы Пѣшехоновъ и Анненскій, несмотря на попытки князя остановить пьяную орду. Казаки хватали женщинъ за волосы и хлестали нагайками, причемъ **одной курсисткѣ Бестужевскихъ курсовъ былъ пробитъ черепъ.** Какая-то старушка была смята лошадьми и, говорятъ, умерла отъ увѣчій и потрясенія...

P. S. Общество должно рѣшительно и единодушно протестовать всѣми средствами противъ полицейскаго террора и избіенія своихъ дѣтей. Оно нравственно обязано требовать отмѣны „временныхъ правилъ", которыя такъ раздражаютъ студентовъ; требовать строгаго разслѣдованія событія 4-го марта и безпристрастнаго опроса всѣхъ потерпѣвшихъ отъ кулаковъ и нагаекъ; требовать суда надъ Клейгельсомъ, какъ человѣкомъ, совершившимъ преступленіе съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ."

* * *

Другое обстоятельное опроверженіе „правит. сообщенія", изданное „группой студентовъ", заканчивается слѣд. знаменательными словами:

„Мы, какъ очевидцы, постарались представить событіе 4-го марта въ его истинномъ свѣтѣ и освѣтить тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ своей борьбѣ противъ студентовъ путемъ печати.

Ложь, клевета, искаженія—все пущено въ ходъ всемогущимъ правительствомъ, чтобы дискредитировать въ глазахъ общества связаннаго немногочисленнаго врага — студентовъ. Но этимъ правительство дискредитировало только себя.

Мы знаемъ, что языкъ его лживъ и слово правды не сходило и сойти не можетъ съ его устъ. Ничто не отниметъ того общаго сочувствія, которое борьба студентовъ встрѣчаетъ всюду — не отняли его нагайки, не отнимутъ его ложь и клевета. Это сочувствіе основано на пониманіи, что студенты въ своей сферѣ борются противъ того, что одинаково гнететъ всѣхъ: будь онъ рабочій или интеллигентъ, бѣдный или богатый—*противъ царскаго произвола.*

И до тѣхъ поръ, пока на знамени студентовъ будутъ находиться слова: *„долой царскій произволъ"*—все честное, что есть на Руси, будетъ на ихъ сторонѣ".

* * *

Отмѣтимъ также прокламацію Организац. Комитета Лѣсного Института: „По поводу правительств. извращенія" (издана 7 марта). Приводимъ ея заключительныя слова:

„Оно (правит.) хорошо понимаетъ, что Казанская демонстрація—поступокъ сознательный, но боится проникновенія этого сознанія въ умы обывателей, ясно понимая, что *развитое сознаніе вырветъ власть изъ его рукъ и передастъ ее обществу.* Бѣдное, сознательно обма-

ныкаемое правительствомъ общество! Проснешься ли ты?"

* * *

Изъ частнаго письма:

Достовѣрно извѣстно, что полицейскіе, переодѣтые студентами, 4 марта произвели въ соборѣ возмутительное кощунство съ цѣлью возбудить народъ противъ студентовъ: одинъ держалъ священника за рукавъ, другой далъ пощечину сторожу, протестовавшему противъ безчинства, третій курилъ и шумѣлъ въ храмѣ. Намъ извѣстно также, что во время свалки у Казанскаго собора **нѣкоторыхъ курситокъ сѣкли, обнаживъ тѣло.** Между прочимъ сообщеніе объ этомъ фактѣ имѣется въ письмѣ профессора Бѣлелюбскаго (Инстит. Путей Сообщ.) къ петерб. градоначальнику.

* * *

Намъ пишутъ изъ Петербурга:

Однимъ изъ очевидцевъ бойни 4-го марта былъ **князь Вяземскій**. Членъ государственнаго совѣта, присутствовавшій при проведеніи законовъ, въ общей совокупности создающихъ и поддерживающихъ существующій политич. режимъ, и, быть можетъ, подавшій свой голосъ за нихъ, смущенъ былъ самъ, когда лицомъ къ лицу столкнулся съ частнымъ проявленіемъ самодержавія, съ такимъ звѣрскимъ цинизмомъ развернувшагося на Казанской площади. Онъ пытался остановить побоище, обращался къ Клейгельсу съ этой просьбой, ѣздилъ съ заявленіемъ къ Сипягину, къ царю, но нигдѣ онъ не былъ принятъ, и добился только Высочайшаго „строгаго выговора за вмѣшательство въ распоряженія полиціи", (см. „Россія" 17-го марта) и высылки изъ предѣловъ Россійскаго государства.

Не отказано во вниманіи и професс. **Бѣлелюбскому** (за его крайне сдержанное письмо къ Клейгельсу): „начальникъ города" пригласилъ его и вручилъ ему... заграничный паспортъ.

Арестованные постепенно выпускаются изъ тюремъ и высылаются изъ столицъ и университетскихъ городовъ до рѣшенія дѣла.

Письмо курсистки изъ тюрьмы.

Петербургъ, 18 (31) марта.

Сидятъ по всѣмъ тюрьмамъ около 1500 чел., только по этому числу можно догадаться, сколько было всего народу на демонстраціи 4 (17-го марта). Семь часовъ толпа арестованныхъ стояла въ казанской части въ лужѣ и только въ 8 часовъ вечера повели насъ съ конвоемъ въ Спасскую часть мимо Маріинской площади. Насъ провожала толпа сочувствующихъ: въ насъ бросали цвѣтами, насъ провожали криками „ура". Знаешь, эти крики заставляли подступать слезы къ горлу... Конные жандармы заѣзжали на тротуаръ и давили толпу. Продержали въ Спасской части двое сутокъ. Сырость, грязь, нары такія, что спать тошно. На слѣдующій день около воротъ стояла толпа; ее разгоняли, а она снова собиралась. Часть насъ курсистокъ (150 чел.) въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ повезли въ пересыльную тюрьму, въ 2 часа ночи. На протяженіи Садовой и Невскаго провожала насъ толпа, кричали, махали шапками. Даже извощики махали шапками. Публика ѣхала цѣлыми кортежами за нами.

На слѣд. день была демонстрація у Малаго Театра.

Насъ везли уже въ 4 ч. ночи, такъ что не было публики. Передъ всѣми частями арестованныхъ встрѣчала такая же сочувствующая публика.

Всѣ растерялись, не знаютъ, что дѣлать, и называютъ тюрьму высшимъ учебн. заведеніемъ...

Сижу въ пересыльной тюрьмѣ. Насъ взято 800 ч.,—300 курсистокъ, а остальные студенты и посторонніе люди: доктора, литераторы и т. д. Нашихъ медичекъ 80 ч. Въ нашей камерѣ 20 чел., все очень славные люди. Насъ ежедневно заваливаютъ ѣдой, конфетами, апельсинами, цвѣтами... Со всѣми камерами свободное сообщеніе, только со студентами сообщеніе черезъ водопроводъ и телеграфъ— просто веревка, протянутая изъ верхняго этажа книзу, а на ней спускается и поднимается все до пироговъ и цвѣтовъ включительно. Переправляемъ даже и квасъ.

Былъ допросъ самый поверхностный, допросъ велъ жанд. офицеръ, потомъ будетъ допрашивать прокуроръ. Думаю, что выпшлютъ на годъ.

Теперь только и толковъ что о заключенныхъ, отъ совершенно неизвѣстныхъ людей мы получаемъ припасы и даже бѣлье...

Жертвы Клейгельса.

Имена нѣкоторыхъ убитыхъ 4 марта.
Доновъ, студ. Лѣсн. Инст.
Петерсонъ, студ. Техн. Ин.
Башкотовъ, студ. Горн. Инст.
Тимофѣевскій, студ. Мед. Ак. и еще одинъ изъ Мед. Ад.
Боковъ и Могилевскій, ст. Лѣсн. Ин.
58 студ. Лѣсн. Инст. тяжело ранены, **въ предмѣстьяхъ убито много рабочихъ.**

Это только незначительная часть всего списка пострадавшихъ!..

Клейгельсъ и Николай II.

16-тилѣтн. дѣвушку *Жераръ* 2 казака вытащили за волосы на площадь, били ее нагайкой, кулаками, ногами, пока она не упала въ обморокъ. А генералъ Клейгельсъ смотрѣлъ на это, покуривая папиросу. Студентъ съ разсѣченнымъ нагайкой лицомъ подошелъ къ Клейгельсу, умоляя окончить рѣзню. „Какого чорта лѣзете Вы ко мнѣ, никто не былъ побитъ!..."

Царь выразилъ Клейгельсу большую благодарность за его энергію и за тѣ мѣры, которыя онъ принялъ, чтобы положить конецъ революціи...

Конецъ? Наоборотъ, *начало!* А царь своей благодарностью петербургскому Малютѣ Скуратову навлекаетъ на свою слабую голову и, что еще важнѣе, на самый принципъ царизма прямую отвѣтственность за всѣ злодѣянія пьяной казацкой опричины. Неужели никто изъ министровъ не растолкуетъ царю, что ему, Ѳедору Ивановичу, не годится играть роль Ивана Грознаго и что Россія начала 20-го вѣка — не Московія 16-го вѣка?..

ПОСЛѢ БОЙНИ.

Демонстрація, готовившаяся въ Петербургѣ къ 11 (24) марта, не состоялась. Объясняется это не чрезвычайными военными мѣрами правительства (смотри „послѣднія вѣсти" въ 6-мъ № нашего Листка), а недостаточной подготовленностью революціонныхъ организацій и, по частному собщенію, недостаткомъ единодушія: собраніе студенческихъ делегатовъ высказалось противъ демонстраціи.

Какъ мы уже писали, на политическую демонстрацію 11 марта звали петербургскихъ рабочихъ объединенныя группы „Соціалистъ" и „Раб. Знамя".

Вотъ текстъ ихъ прокламаціи:

КО ВСѢМЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ РАБОЧИМЪ.

За стачку, за желаніе облегчить свою трудовую жизнь, добиться, чтобы и насъ признали за людей, насъ бьютъ, арестуютъ, сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ. Довольно! Въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани, по всей Польшѣ, по всей Россіи рабочіе начинаютъ понимать свои права... Рабочіе собраніемъ на улицѣ, демонстраціей, громко и открыто заявляютъ о своемъ недовольствѣ.

Товарищи, волнуются не одни рабочіе. Студентовъ за сходку сдаютъ въ солдаты, ихъ за собранія на улицѣ бьютъ и убиваютъ, ихъ тоже десятками и сотнями арестуютъ, сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ!

4 го Марта нѣсколько тысячъ студентовъ собрались въ Казанскомъ соборѣ и безоружные были избиты нагайками казаковъ и шашками городовыхъ, нѣсколько десятковъ тысячъ посторонней публики и рабочихъ поддержали недовольныхъ.

Нѣсколько человѣкъ убитыхъ, много людей ранено.

Убиты и ранены старики, женщины и дѣти.

Товарищи-рабочіе! Мы зовемъ васъ на демонстрацію, зовемъ почтить память убитыхъ на Казанской площади, зовемъ доказать, что петербургскій рабочій народъ не позволитъ полиціи, казакамъ и жандармамъ убивать женщинъ, бить безоружныхъ людей.

Мы требуемъ освобожденія арестованныхъ, права сходокъ, права стачекъ, права собраній, свободы слова, печати, свободы совѣсти, свободы личности!

Долой полицію!
Долой казаковъ!
Долой жандармовъ!

Просимъ товарищей обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Воскресеніе 11 марта часовъ въ 8 утра отправляться въ городъ небольшими группами человѣка въ 2-3.

2) Избѣгать скопленія народа особенно на на мостахъ и переходахъ.

3) Ровно въ 12 часовъ (съ выстрѣломъ

пушки) всѣмъ собраться на Казанской площади и оттуда тѣсной толпой пройтись по Невскому къ Николаевскому вокзалу.

4) Отъ казаковъ и полиціи не бѣжать.

Мартъ 1901 г.

Соединенный Комитетъ рабочей организаціи „Соціалистъ“ и „Рабочее Знамя“.

„Комитетъ Рабочей Организаціи“, входящій въ составъ Петербургскаго Комитета нашей Партіи, съ своей стороны издалъ 9 марта 9-й № „Рабочаго Листка“, въ которомъ еще только подтовлялась почва для демонстраціи, безъ немедленнаго призыва къ ней. „Рабоч. Листокъ“ подробно разъясняетъ причины господствующей безработицы какъ одного изъ проявленій капиталистическаго строя и указываетъ на политиское безправіе русскихъ рабочихъ, мѣшающее имъ вообще бороться за улучшеніе жизни и тѣмъ самымъ ухудшающее и ихъ положеніе во время безработицы. Въ заключеніе какъ средство борьбы рекомендуется сейчасъ не стачка, а уличная демонстрація: „Теперь насъ давитъ безработица, намъ трудно теперь выдержать стачку; намъ не на что жить во время ея: мы и такъ издержались. Теперь стачка и не страшна капиталистамъ, она имъ на руку. Но у насъ есть другой способъ бороться и заявлять свои требованія. Мы можемъ всѣ выйти на улицу, пройти по главнымъ улицамъ города многотысячной толпой съ пѣніемъ рабочихъ гимновъ. На нашихъ флагахъ мы можемъ написать наши требованія: „8-часовой раб. день, свобода стачекъ, союзовъ, собраній —политическая свобода“. Эти требованія мы выставимъ затѣмъ, чтобъ у насъ былъ *хлѣбъ* и *работа*. Готовьтесь, товарищи! Рабочая организація подсчитываетъ свои силы. Быть можетъ, скоро уже раздастся ея призывъ къ демонстраціи...“

—

Въ письмѣ отъ 19 марта (1 апрѣля) намъ пишутъ:

„Въ Питерѣ теперь во всѣхъ домахъ, въ воздухѣ чувствуется такая напряженность, такое тяжелое настроеніе: у кого родные, у кого знакомые арестованы, убиты; и все это ложится тяжелой печатью на каждаго. Теперь ужъ всѣхъ арестованныхъ освободили и почти всѣхъ высылаютъ на родину (за исключеніемъ фабричныхъ и университетскихъ городовъ).

Почти всѣ заведенія закрыты. Даже одна гимназія забастовала.

Въ настоящее время циркулируютъ петиціи къ Мин. Вн. Дѣл, заключающія протестъ противъ звѣрскаго поведенія полиціи“.

—

Полученный нами текстъ этой петиціи, требующей отмѣны „временныхъ правилъ“ и суда надъ виновными въ избіеніи 4-го марта, покрытъ 94 подписями, въ томъ числѣ графъ Гейденъ, предсѣдатель Импер. Вольно-Экономич. Общества, прис. повѣрен. Д. Стасовъ, академики Н. Бекетовъ и А. Шахмаровъ, проф. Лесгафтъ, Н. К. Михайловскій, И. Потапенко, Н. Рубакинъ, Смидовичъ (Вересаевъ) и много другихъ литераторовъ, подписавшихъ и извѣстный протестъ писателей, далѣе прис. повѣренные, врачи, инженеры и нѣсколько профессоровъ.

Струве и **Туганъ-Барановскій** выпущены, но имъ приказано немедленно выѣхать изъ Питера.

МОСКВА.

Демонстрація, готовившаяся къ 11-му марта, не удалась. Объ этомъ пишутъ изъ Москвы:

Въ Москвѣ образовался „Комитетъ общественнаго протеста“. Онъ выпустилъ прокламаціи съ воззваніемъ къ народу, приглашая всѣхъ на демонстрацію въ воскресеніе 1 марта. Благодаря превосходнымъ связямъ и общему возбужденію, онъ навелъ такую панику на полицейскія сферы, что тѣ приняли самыя отчаянныя мѣры. Такъ на всѣхъ заводахъ было вывѣшено объявленіе, подписанное фаб.инспекторомъ слѣд. содерж.: „Кто изъ рабочихъ выйдетъ въ воскресеніе отъ 12-5 изъ фабричнаго корпуса на улицу, тотъ увольняется съ фабрики“. Всѣ фабрики были оцѣплены войсками, всѣ заставы также. Родителямъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній были разосланы печатныя заявленія отъ имени попечителя, что кто изъ учениковъ будетъ хотя бы *зрителемъ* безпорядковъ, тотъ будетъ уволенъ изъ заведенія. Весь городъ находился какъ бы на осадномъ положеніи. Во всѣхъ дворахъ на Тверскомъ бульварѣ (и на многихъ друг. улицахъ) были засажены казаки и городовые. Движеніе было необыкновенное. Но за 2 дня до воскресенія былъ арестованъ комитетъ со всѣми принадлежностями: знаменами, литературой и т. д. Всѣ знали объ этомъ и сознательные элементы рѣшили, что манифестація не удастся, а потому не стоило и начинать.

На бульварахъ было очень сильное движеніе. Пришли около 100 техниковъ на демонстрацію(за 3 дня до воскресенья Техническое Училище рѣшило огромнымъ большинствомъ не устраивать забастовки, меньшинство тогда рѣшилось на демонстрацію). Они, какъ и другая группа, были окружены полиціей и загнаны во дворъ. Демонстраціи со стороны толпы это не вызвало. Цѣлый день стояла самая напряженная атмосфера, но за отсутствіемъ руководителей ничего не вышло.

По Москвѣ циркулирутъ петиція къ государю, которая, мягко составленная, требуетъ доступа народа къ государю. Подъ ней подписываются какъ интелигенція (врачи, адвокаты и пр.) такъ и купцы (такъ говорятъ). Собрала она, какъ передаютъ собирающіе подписи, уже до 15.000 подписей. Подобная петиція циркулируетъ и въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ Инженерное училище закрыто до осени. Импер. Московск. Техническое училище забастовало на дняхъ. Университетъ уже теперь спокоенъ: оставшіеся студенты поддались на удочку профессоровъ и рѣшили на курсовыхъ совѣщаніяхъ, бывшихъ совмѣстно съ профессорами, начать занятія, довѣряя профессорской комиссіи. Эти совѣщанія съ профессорами еще не всюду на всѣхъ курсахъ закончились, но большинство уже состоялось. Въ Москвѣ теперь внѣшнее спокойствіе.

Въ другомъ письмѣ отъ 16 (29) марта сообщаютъ:

Въ Москвѣ теперь остались по тюрьмамъ только одиночки, обвиняемые уже не по студенческимъ дѣламъ. Студентовъ отсылаютъ домой на поруки къ родителямъ. Приговоръ состоялся о 495 студентахъ, остальныхъ освободили отъ суда: I. 23—уволены безъ прошенія, II. 87—по прошенію, III. 223—объявленъ выговоръ съ предупрежденіемъ, что если они упорно не будутъ подчиняться университетскимъ правиламъ, то ихъ обяжутъ подпиской, а въ случаѣ ихъ отказа дать подписку—уволятъ какъ по прошенію; IV. 65—выговоръ съ предупрежденіемъ; V. 45—выговоръ отъ правленія; VI. 52—выговоръ отъ инспекціи. *Ни одного солдата*—полная побѣда!

Юрьевскій университетъ, Горный (въ Петерб.), Бестуж. курсы, Медиц. Акад., Женск. Мед. Инст., Технол., Инст. Пут. Сообщ. закрыты.

Улицы опять обезлюдѣли. Тишина теперь въ Москвѣ, только охранное отдѣленіе и жандармское управленіе работаютъ—масса арестовъ.

ХАРЬКОВЪ.

Студентъ-технологъ **Ратнеръ**, раненый въ демонстраціи 19 февраля, **умеръ на другой день отъ ранъ** въ тюремной больницѣ. Это, какъ намъ пишутъ, вполнѣ достовѣрый фактъ.

2 марта была лекція въ Университ. Профессоръ Оболенскій предварительно сказалъ нѣсколько словъ по поводу смерти Боголѣпова и предложилъ студентамъ почтить память его вставаніемъ. Всталъ только одинъ. Професс. совсѣмъ освирѣпѣлъ и сталъ кричать: „прошу встать!“, тогда сѣлъ и тотъ студентъ, который всталъ, и профессоръ вынужденъ былъ читать лекцію, не добившись своего. Въ Харьковѣ даже гимназистки прониклись строптивымъ духомъ.

Десять дней (послѣ 1 марта) была абсолютная тишина. Теперь опять началась буря, и неизвѣстно, когда утихнетъ.

3 марта выпустили изъ тюрьмы 16 чел., а 8-го остальные 9 человѣкъ были высланы изъ Харькова такъ, что никто объ этомъ не зналъ. Всѣхъ забранныхъ въ участокъ, а потомъ въ тюрьму 19-го фев., высылаютъ теперь куда угодно, только не на родину.

Рабочіе выступаютъ теперь за студентовъ, какъ сильная хорошо подготовленная партія. Рабочій союзный совѣтъ выпустилъ прокламацію ко всѣмъ рабочимъ, приглашая всѣхъ ихъ къ дѣлу, такъ какъ теперь нельзя упускать момента. Выступаютъ самыя лучшія силы. Петербургскіе рабочіе пишутъ нашимъ рабочимъ: держитесь и пользуйтесь моментомъ; если гибнуть, такъ гибнуть за что-нибудь!..

11 марта на вокзалъ собралось около 300 студ., дѣвицъ и другой публики къ 8-часовому поѣзду, съ которымъ ожидали прибытія высланныхъ изъ Москвы.

Но въ поѣздѣ никого не оказалось. Тогда часть публики ушла, а другая осталась до 12 час. ждать слѣдующаго поѣзда. Въ это время явилась полиція, казаки, губернаторъ, полицмейстеръ. Оцѣпили студентовъ и забрали въ полицію. Тамъ ихъ переписали и выпустили, отобравъ у всѣхъ видъ на жительство. Ночью въ 12 час. были обыски и 25 студентовъ забрали въ тюрьму. Мѣстное начальство приговорило каждаго къ мѣс. тюремному заключенію, хотя они держали себя на вокзалѣ такъ спокойно, что даже не пѣли.

15 марта студенты рѣшили начать обструкцію. 18 марта Харьк. Технолог. Инстит. началъ свою обструкцію очень удачно. Онъ выставилъ требованія: 1) отмѣна „врем. правилъ", 2) возвращеніе товарищей изъ солдатъ и изъ тюремъ, 3) неприкосновенность личности, 4) допущеніе петицій.

17 марта Харьк. Ком. нашей Партіи распространилъ и расклеилъ по всѣмъ заводамъ краткую прокламацію съ призывомъ демонстрировать въ воскрес. 18 (31) утромъ передъ Николаев. соборомъ. Публики явилось много, но рабочихъ и студентовъ мало. Впрочемъ, эффектъ вышелъ неожиданный: съ ранняго утра были закрыты *всѣ церкви*, а также всѣ кабаки. Полиція, войска и казаки стояли на-готовѣ въ огромномъ количествѣ.

КАЗАНЬ.

Въ воскресенье 11-го (24) марта на главной улицѣ была **демонстрація**, внушительная для Казани. Участниковъ, правда, было немного. Больше любопытныхъ.

Арестовано 154 ч. (изъ нихъ около 40 ветеринаровъ, 17 фельдшерицъ, 2 врача, 1 приватъ-доцентъ и 2 гимназиста). Арестованные провели ночь въ сараѣ при полицейской части, хотя имъ и предлагалось ночевать въ канцеляріи. Въ общемъ обращеніе съ арестованными довольно предупредительное, такъ напр. каждому изъ нихъ разрѣшалось отправиться и побывать дома въ сопровожденіи полицейскихъ и разрѣшалось посѣщать заключенныхъ въ полиціи.

Къ студентамъ должны были присоединиться рабочіе съ Алафузовской и Крестовниковской фабрикъ (10.000-15.000 челов.), *но они были оцѣплены войсками и не могли прорваться. Были стычки и есть нѣсколько раненыхъ.*

Два дня подрядъ до демонстраціи всюду вывѣшивались прокламаціи. Каждый день масса обысковъ, но ничего не находятъ.

Временныя правила больше нигдѣ не примѣняются.

14 марта.

Университетъ оффиціально не закрытъ, но лекцій нѣтъ. Всѣхъ арестованныхъ за демонстрацію 11 марта переведутъ въ тюрьмы и хотятъ придать дѣлу серьезный оборотъ.

О той же демонстраціи сообщается въ частномъ письмѣ:

...Мы подходили къ Воскресенской ул. На прилегающихъ къ ней улицахъ было замѣтно какое-то небывалое движеніе; всюду множество народа.... Когда мы вышли на Воскр. ул., то просто поражены были представившеюся картиной: народъ, жандармы, студенты, полицейскіе и солдаты—всѣ были смѣшаны въ какую-то безформенную массу человѣческихъ существъ около университета. Шумъ, крики, ругань царили надъ этой толпой... Дѣло въ томъ, что студенты рѣшили отслужить молебенъ о здравіи раненыхъ и изувѣченныхъ товарищей въ Москвѣ, Петерб., Харьковѣ. Съ этою цѣлью они собрались у церкви, но въ церковь войти имъ не дали и окружили цѣпью жандармовъ, солдатъ и полиціи. Потомъ потащили многихъ въ часть. N вздумалъ сопротивляться и его начали бить (!!), жена его вздумала защищать его и одинъ полицейскій ударилъ ее кулакомъ въ грудь. N вытащили изъ толпы, причемъ не переставали давать ему толчки... Вечеромъ онъ пришелъ съ жандармомъ домой; послѣ неотступныхъ настойчивыхъ требованій со стороны ему позволили повидаться съ семьей. Онъ былъ страшно блѣденъ и взволнованъ, потрясенный, повидимому, до послѣдней степени.

Наконецъ онъ разсказалъ, что его били въ участкѣ, что, когда онъ не вытерпѣлъ и началъ кричать, то ему зажали ротъ шерстяными перчатками полицейскаго. Вообще, по его словамъ, со студентами обращаются крайне грубо и жестоко... Публики была такая масса, конная полиція такъ усердно ее топтала, что одного студента и даму изъ публики вынесли безъ чувствъ...

ЯРОСЛАВЛЬ.

Числа около 10 марта начались волненія въ Ярославскомъ Лицеѣ. 11-го въ зданіи лицея состоялась сходка изъ 170 ч. студентовъ. Для разсѣянія ихъ были приглашены 4 роты и вся мѣстная полиція. 77 челов. арестовано, остальные переписаны. Ждутъ дальнѣйшихъ арестовъ.

ТОМСКЪ.

Вчера, 11-го марта у насъ студенты устроили **демонстрацію**. Послѣ сходки, устроенной за городомъ (въ концѣ Никитинской улицы), студенты направились въ городъ по Почтамской и, дойдя до реальнаго училища, повернули къ базарному мосту. Здѣсь начали читать прокламаціи и благодарить публику за сочувствіе, выраженное демонстрантамъ. Въ демонстраціи принимало участіе около 300 ч. технологовъ и универсантовъ, а къ нимъ присоединилось не малое число разной публики — горожанъ. Шествіе по улицамъ сопровождалось пѣніемъ: „Медленно движется время...", „Укажи мнѣ такую обитель" и др. пѣсенъ. Демонстрація была устроена въ воскресенье, благодаря чему публика собралась въ большомъ количествѣ. Студенты воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы раздать свои гектографированныя прокламаціи. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что въ сходкѣ и демонстраціи участвовали преимущественно студенты I и II курсовъ. Съ III-го мед. фак. было лишь 4, съ IV-го столько же, съ V-го ни одного. Какъ видно, студенты старшихъ курсовъ рѣшили держать себя въ этомъ случаѣ такъ, какъ подобаетъ „убѣленнымъ опытомъ старцамъ".

Технолог. Инст. закрытъ на неопредѣленное время, въ университетѣ же занятія идутъ обычнымъ порядкомъ, должно быть—благодаря проявленному „благоразумію" старшихъ курсовъ.

Во время демонстраціи никакихъ столкновеній ни съ жандармами, ни съ полиціей не было.

Послѣ демонстраціи были аресты: полиціей забрано 15 студентовъ. Возбужденіе въ городѣ очень большое; даже гимназистки и тѣ, по своему, заражаются духомъ протеста.

ИРКУТСКЪ.

Здѣсь забастовала духовная семинарія. Требовали отставки ректора. Семинарія закрыта. Сочувствіе къ семинаристамъ очень большое. Ученики друг. средн. учебныхъ заведеній собрали для семинаристовъ 500 р.

* * *

Изъ всѣхъ университетскихъ городовъ только одна **Варшава** осталась почти что въ сторонѣ отъ общей борьбы. Тамъ забастовалъ только ветеринарный институтъ; въ университетѣ лекціи продолжаются. Почему? Потому, что поляки-патріоты и евреи-сіонисты составляютъ большинство въ университетѣ... Да будетъ стыдно полякамъ-патріотамъ и евреямъ-сіонистамъ! Не нужно, кажется, много ума, чтобы понять хоть то, что разгорѣвшаяся борьба лежитъ въ интересахъ *всѣхъ* національностей, стонущихъ подъ игомъ царскаго деспотизма... *)

Въ **Житомірѣ** 200 гимназистовъ устроил уличную демонстрацію. Всѣ они исключены изъ гимназіи.

Въ **Одессѣ** нѣсколько гимназистовъ послали протестъ; тоже уволены.

Преступленіе Боголѣпова.

Намъ сообщаютъ изъ Кіева (изъ профессорскихъ круговъ), что въ комисіи, судившей кіевскихъ студентовъ, участвовало 10 человѣкъ, изъ которыхъ 5 высказалось противъ примѣненія „временныхъ правилъ", а именно: жандармскій генералъ Новицкій, военный и гражданскій прокуроры, деканъ юридическаго факультета Романовичъ-Славатинскій и деканъ медицинскаго факультета Тихомировъ. За примѣненіе голосовали другіе пять членовъ: попечитель Вельяминовъ-Зерновъ, ректоръ Фортинскій, деканъ физико математическаго факультета Бобрецкій, деканъ филологическаго факультета Флоринскій и инспекторъ. Въ виду раздѣленія голосовъ приговоръ зависѣлъ отъ Боголѣпова,

*) По сообщенію львовской газеты отъ 15 (2) апрѣля, варшавскій университетъ наконецъ примкнулъ къ движенію: экзамены прерваны и отложены до сентября. Въ случаѣ достовѣрности этого извѣстія мы можемъ только сказать: лучше поздно, чѣмъ никогда.

который и рѣшилъ. что голосъ попечителя долженъ имѣть перевѣсъ. Такимъ образомъ Боголѣповъ является истиннымъ виновникомъ перваго примѣненія „временныхъ правилъ“... Нужно ли еще отмѣтить позорную роль университетскихъ холоповъ, изъ трусости превзошедшихъ по жестокости даже жандарма Новицкаго?

Жертвы „временныхъ правилъ“.

Кромѣ Пиратова, о разстрѣлѣ котораго сообщено въ 6 мъ № Листка. въ Кіевской же крѣпости **разстрѣлянъ еще одинъ студентъ-солдатъ Подгорѣцкій** „за оскорбленіе“ грубо обращавшихся съ нимъ офицеровъ

Въ Луцкѣ 20-го Марта **застрѣлился** бывш. студентъ (юристъ 1 го курса 20 лѣтъ) Григорій Логушенко—рядовой 48 го Охотскаго полка.

Въ Проскуровѣ 17 го марта вслѣдствіе грубаго обращенія **отравился** смѣсью карболки, сулемы и кокаина студентъ солдатъ (бывш. медикъ 3 го курса) Пирадовъ. Своевременно оказанной медицинской помощью онъ былъ спасенъ отъ смерти Теперь онъ привлекается къ военному суду за попытку... путемъ самоубійства уклониться отъ воинской повинности и за нарушеніе дисциплины!!!.

Въ Ямбургѣ **застрѣлились**: студентъ-солдатъ Проскуряковъ, его невѣста Смирнова и офицеръ.

Изъ Проскурова пишутъ: „Отношенія съ военнымъ начальствомъ весьма обостренныя и ухудшаются такими, на примѣръ, сплетнями офицеровъ: поздно вечеромъ студенты-солдаты пошли гулять по полотну желѣзной дороги, и вотъ офицеры распустили слухъ, что студенты хотѣли произвести крушеніе поѣзда“.

СОЧУВСТВІЕ КАРПОВИЧУ.

Покушеніе 14 февраля встрѣтило живое сочувствіе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ прокламаціи, изданныя въ Петербургѣ, Кіевѣ и Ригѣ.

Въ № 2-мъ „Злободневнаго листка“ (Петерб., 2 марта 1901 г., типографія „Своб. Русской Прессы“) мы читаемъ о покушеніи Карповича:

„Они, очевидно, хотѣли этого и дождались...

Карповичъ является представителемъ честной и живой нашей молодежи... жизнь сдѣлала свое дѣло, она размѣняла царя на министровъ и съ полной ясностью доказала, что самодержавіе царя есть только громкая фирма для олигархіи безотвѣтственныхъ министровъ. Теперешній нашъ самодержецъ,—чего, какой идеи можетъ онъ являться воплощеніемъ? Развѣ это не *подставной* предсѣдатель правленія бюрократическаго предпріятія? Какой это символъ? Онъ скорѣе напоминаетъ собою каучуковый штемпель съ буквами „быть по сему“ всегда готовый къ услугамъ г.г. директоровъ правленія. (Разница въ томъ, что штемпель мажутъ краской, а его муромъ)“.

А въ № 3-мъ „Злободневнаго Листка“ (5 марта) статья по поводу бойни 4 марта заканчивается словами: „Если въ отвѣтъ на вчерашнія событія послѣдуетъ еще такой же выстрѣлъ, какъ выстрѣлъ П. В. Карповича, если такая же смѣлая и молодая душа отомститъ за поруганіе человѣческой личности, за смерть товарищей, — неужели это удивитъ кого-нибудь, неужели сыщется хоть одинъ человѣкъ, который найдетъ эту отместку незаслуженной?“

* * *

Кіевская прокламація о Карповичѣ.

14 го февраля *П. Карповичъ* выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ министра нар. просв. Н. Боголѣпова въ шею. Только благодаря случайности министръ не былъ убитъ. Убійства и покушенія на жизнь высшихъ государственныхъ сановниковъ для Россіи не новость—ихъ можно насчитать десятки. Но до сихъ поръ они были направлены противъ ген.-губернаторовъ, жандармскихъ ген и т. п. Это даетъ поводъ г-мъ Пихно негодовать на то, что теперь и „кабинетные работники“ не застрахованы отъ покушеній на ихъ жизнь со стороны „злоумышленниковъ“. Но г. Боголѣповъ не былъ „мирнымъ кабинетнымъ работникомъ“, его канцелярія не была въ послѣднее время канцеляріей мин. нар. просв. Министръ, управляющій черезъ посредство ген -губернаторовъ и жандармовъ, обратившій мин. нар. просв. въ военное присутствіе, съ наглой беззастѣнчивостью сдающій больныхъ и несовершеннолѣтнихъ въ солдаты—такой министръ съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названъ военнымъ генераломъ, и къ нему съ полнымъ правомъ могутъ быть примѣнены всѣ боевыя средства, оправдываемыя военнымъ временемъ.

Генералъ-маіоръ Боголѣповъ затѣялъ войну съ русскимъ обществомъ, пусть же онъ на своей особѣ конкретно убѣдится въ неудобствахъ боевой обстановки. Пусть выстрѣлъ великаго въ своей самоотверженности Карповича откроетъ глаза и нашему правительству, съ циничной откровенностью заявляющему, что ему нѣтъ нужды считаться съ общественнымъ мнѣніемъ; пусть этотъ выстрѣлъ докажетъ ему, что нельзя безнаказанно угнетать и оплевывать лучшія чувства русскаго интеллигентнаго общества; пусть послужитъ онъ яркимъ примѣромъ того, какъ русское общество въ минуты апогея торжествующаго „негодяйства“ выдвигаетъ изъ своихъ рядовъ грозныхъ мстителей за нарушенное человѣческое достоинство.

Намъ безразличны мученія раненаго Боголѣпова, они заглушаются страданіями, испытываемыми нашими товрищами, сданными въ солдаты. Выстрѣломъ Карповича ранена вся бюрократическая система, царящая теперь въ Россіи, и наше горячее желаніе, чтобы эта рана оказалась смертельной!

Кіевскій Союзный Совѣтъ
объединенныхъ землячествъ и организацій

Кіевъ, 24 февраля.

Въ *Ригѣ* также вышла прокламація, выражающая восторженное сочувствіе Карповичу, подъ заглавіемъ: „Присяжный судъ для Карповича!“ (См. 6-й № Листка).

* * *

КТО ОНЪ? *)

Дѣдъ былъ попомъ, отецъ квартальнымъ,
А самъ—министромъ идеальнымъ,
Два года Русь онъ просвѣщалъ,
Студентовъ по Руси гонялъ.
И вотъ за подвиги такіе
Передъ лицомъ всея Россіи
Онъ громко въ шею получилъ
И тихо въ Бозѣ опочилъ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ВЪ БѢЛОСТОКѢ.

(Сообщеніе Всеобщ. Евр. Раб. Союза въ Россіи и Польшѣ).

Въ воскресенье 4 (17) марта въ Бѣлостокѣ хоронили еврейскаго щетинщика Высоцкаго, умершаго отъ чахотки. Похороны состоялись при участіи 3000 чел. еврейскихъ и польскихъ рабочихъ. Гробъ везли по главной улицѣ, онъ былъ украшенъ лентой съ надписью по-еврейски: „соціалсту-борцу за свободу“. На главной улицѣ, Николаевской, и около тюрьмы запѣли революціонныя пѣсни, евр., польск. и русскія. Въ первый разъ на улицахъ города Бѣлостока показались красныя ленты съ революціонными надписями; раздавались также возгласы: „долой самодержавіе! да здравствуетъ соціализмъ!“ и т. д. День былъ праздничный и народу на улицахъ было много; публика была поражена всѣмъ происшедшимъ. Почти вся толпа сопровождала гробъ до самаго кладбища, за нѣсколько верстъ отъ города. Тамъ были произнесены рѣчи, всѣ на евр. языкѣ. Въ одной изъ рѣчей сочувственно упоминалось объ убійствѣ Боголѣпова. На обратномъ пути тоже пѣли. Произошло маленькое столкновеніе съ полиціей. Одинъ рабочій былъ арестованъ. Вообще полиція и жандармы были сильно поражены. Впечатлѣніе, произведенное на городъ, было очень сильное, только и рѣчи, что о демонстраціи. Въ очень широкихъ кругахъ замѣчается явное сочувствіе къ рабочимъ, въ особенности возбуждена молодежь.

ОТЛУЧЕНІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Благодарственное письмо Л. Толстого.

(Нелегально издано въ Россіи и напечатано въ иностранныхъ газетахъ).

Г. Редакторъ! Не имѣя возможности лично благодарить всѣхъ тѣхъ лицъ, отъ сановниковъ до простыхъ рабочихъ, выразившихъ мнѣ какъ лично, такъ и по почтѣ и по телеграфу свое сочувствіе по поводу постановленія св. Синода отъ 20 февр. (объ отлученіи его отъ церкви. Ред.), покорнѣйше прошу Вашу уважаемую газету поблагодарить всѣхъ этихъ лицъ, при чемъ сочувствіе высказанное мнѣ я приписываю не столько значенію своей дѣятельности, сколько остроумію и благовременности постановленія св. Синода.

Л. Толстой.

* * *

Жена Л. Толстого обратилась къ Синоду съ прекрасно написаннымъ протестомъ, бичующимъ Побѣдоносцевскую братію, этихъ „отступниковъ, гордо и надменно стоящихъ во главѣ вѣрующихъ и все-таки не

*) Эти стишки изданы въ Кіевѣ.

стыдящихся противорѣчить закону любви, смиренія и милосердія и становящихся палачами религіи.."

* * *

Изъ Москвы сообщаютъ, что ТОЛСТОЙ ВЫСЛАНЪ ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ, а его сынъ подвергнутъ въ Москвѣ домашнему аресту.

Этоа— наказаніе за его „продерзостное" благодарственное письмо, за его рѣчь къ студентамъ во время московскихъ демонстрацій... за оваціи великому гражданину со стороны демонстрантовъ да за горячее сочувствіе, выраженное ему по поводу анаѳемы сунода изъ всѣхъ концовъ Россіи.

Бѣдное правительство! За всѣ эти страшныя преступленія оно не осмѣлилось вручить Толстому хотя бы заграничный паспортъ, какъ петербургскому профессору Бѣлелюбскому. Что сказала бы Европа, если бы для одного изъ величайшихъ писателей всѣхъ временъ и народовъ не нашлось мѣста въ его родной странѣ? Азіатское правительство капитулировало въ данномъ случаѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Семинаристы противъ Побѣдоносцева.

Рязанская духовная семинарія закрыта вслѣдствіе протеста семинаристовъ противъ отлученія Толстого отъ церкви. Въ своей прокламаціи они указываютъ, что такіе поступки со стороны высшаго духовенства, играющаго въ руку первоприсутствующаго святѣйшаго сунода, Побѣдоносцева, унижаютъ достоинство духовенства.

Протесты изъ среды общества.

I. КТО ВИНОВАТЪ?

Кто виноватъ въ томъ, что произволъ въ лицѣ его представителей: Побѣдоносцевыхъ, Сипягиныхъ, Боголѣповыхъ, дошелъ въ своемъ нагломъ, безстыдномъ разгулѣ до такой жестокости, какъ сдача въ солдаты 180 кіевскихъ студентовъ?..

Кто будетъ виноватъ, если та же жестокость повторится въ другихъ университетскихъ городахъ? Побѣдоносцевы? Сипягины? Боголѣповы? Студенты? Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ!...

Виновато то, что воспитало и укрѣпило тотъ произволъ, который дошелъ въ своей безшабашности до дикой жестокости.

Виноваты мы, хамы, рабы, мы— русское общество; мы, умѣвшіе только молчать и трепетать. Мы безропотно обходимся безъ того, безъ чего немыслимо существованіе мало-мальски культурнаго общества, безъ свободы слова, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилищъ. Этой нашей безропотности подыскиваютъ унизительное для насъ оправданіе: мы не дозрѣли до всего этого и молчимъ потому, что не чувствуемъ лишеніи въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ чувствуетъ культурный человѣкъ. Но нѣтъ оправданія нашему молчанію и покорности тамъ, гдѣ кричитъ и протестуетъ даже животное.

Тотъ самый произволъ, который мы же сами вскормили и укрѣпили своей подлой трусостью, шлетъ нашихъ дѣтей сотнями въ солдаты за „шумную" сходку, въ которой нѣтъ и тѣни такъ называемой „политики", караетъ ихъ такъ, какъ 60 лѣтъ тому назадъ карали „тяжкихъ политическихъ преступниковъ".

Человѣкъ, прежде чѣмъ взять щенка или котенка, оглядывается, гдѣ собака или кошка.

Побѣдоносцевы не оглядываются, имъ не съ кѣмъ считаться. Кого бояться? Общества?

Они знаютъ ему цѣну, плюютъ на него и презираютъ его.

Правы ли они? Да! Тысячу разъ да! Мы, хамы, лакеи, рабы—мы заслужили все это. Мы заслужили и то, что наши дѣти могутъ намъ бросить въ лицо кличку рабовъ, дѣтоубійцъ, бросить намъ свое проклятіе за ихъ загубленныя молодыя жизни,—они будутъ правы.

Мать.

24 янв. 1901. СПБ.

Изданіе „Группы Университантовъ".

II. Вѣрноподданнѣйшее прошеніе.

Помѣщая здѣсь это прошеніе, мы не можемъ не отмѣтить, что наши либералы ничего не забыли и ничему не научились. Мы не сомнѣваемся въ искреннихъ и „благихъ намѣреніяхъ" авторовъ этого прошенія. Желая добра своей родинѣ, они взываютъ къ сердцу своего монарха и жалуются ему на неправду, царящую въ Россіи. Такъ нѣкогда писали либералы Александру II; царь-освободитель на поляхъ ихъ записки сдѣлалъ „высочайшую помѣтку": „Вздоръ! непомѣрная наглость! надо начать съ того, чтобы ихъ самихъ обуздать". Попытался обратиться къ государю личнымъ письмомъ Серно-Соловьевичъ. Царь удовлетворилъ его ходатайство, лишивъ его всѣхъ правъ состоянія и сославши въ Сибирь. Такъ откликался на голосъ вѣрноподданныхъ царь, проводившій либеральныя реформы... Теперь съ подобнымъ вѣрноподданнѣйшимъ прошеніемъ обращаются къ царю, отдающему лучшую часть молодежи въ солдаты... Хотятъ убѣдить неограниченнаго деспота, олицетворяющаго собой всю систему произвола и насилія, что его „великодушныя намѣренія обезцвѣчены и лишены реальнаго значенія" исполнителями его воли, министрами! Отвѣтъ на прошеніе не заставилъ себя долго ждать: профессоръ Милюковъ арестованъ вмѣстѣ съ текстомъ прошенія, прежде чѣмъ оно было послано. Разсѣялись-ли теперь, наконецъ, наивныя надежды этихъ вѣрноподданныхъ ходатаевъ?..

Ред.

* * *

Ваше Императорское Величество!

Мы, нижеподписавшіеся, вѣрноподанные Ваши, считаемъ своимъ патріотическимъ долгомъ обратиться къ Вамъ, Государь, съ настоящимъ вѣрноподданнѣйшимъ прошеніемъ по поводу послѣднихъ студенческихъ волненій. Мы хотимъ здѣсь выразить то, что давно наболѣло въ душѣ каждаго, живущаго сознательною жизнью русскаго человѣка.

Студенческія волненія, періодически повторяющіеяся въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, подорвали и выбили изъ строя тысячи молодыхъ людей, исполненныхъ пламеннаго стремленія къ добру и счастью родной страны.

Было бы несомнѣнно несправедливо всю отвѣтственность за эти безпорядки возлагать на самыхъ студентовъ. Причины этого явленія лежатъ гораздо глубже. Онѣ связаны со многими общими условіями нашей государственной и общественной жизни; ближайшимъ же образомъ коренятся въ неустройствахъ самой академической среды. Эти неустройства были выяснены два года тому назадъ назначенною по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества комиссіею. Но труды этой комиссіи на практикѣ не получили того значенія, на которое можно было, повидимому, разсчитывать. Общественное мнѣніе не было допущено къ ихъ обсужденію ни путемъ печати, ни какимъ либо инымъ способомъ. Дѣло пошло канцелярскимъ порядкомъ и поступило въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ рукахъ котораго великодушныя намѣренія Вашего Импер. Величества не только были обезцвѣчены, но и лишены реальнаго значенія. Вмѣсто того, чтобы принять къ точному исполненію указанія Ваши на необходимость болѣе близкаго и вліятельнаго общенія со студентами профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, Министерство уволило тѣхъ изъ нихъ, которые по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей преданности дѣлу дѣйствительно могли оказать на студентовъ глубокое нравственное вліяніе. Принимавшіе участіе въ безпорядкахъ студенты, которые должны были быть успокоены мѣрами нравственнаго воздѣйствія на нихъ, были исключены изъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а для охраны внутренняго порядка и усиленія надзора за остальными увеличенъ численный составъ инспекціи, т. е. университетской полиціи.

Временныя правила 29 іюля 1899 г. для предупрежденія новыхъ волненій выставили угрозу отдачи волнующихся студентовъ въ солдаты. Эта мѣра, теперь уже примѣненная на дѣлѣ, можетъ, конечно, подавить движеніе, по крайней мѣрѣ, на время. Но нельзя упускать изъ виду нравственнаго значенія этой мѣры: она подавляетъ, но не разубѣждаетъ; при ея помощи наиболѣе горячія головы, одушевленныя благородными стремленіями и чувствами, выбиваются изъ строя, и родители ихъ внезапно теряютъ иногда годами возлагавшіяся на нихъ надежды, а на остальныхъ она дѣйствуетъ, какъ вообще можетъ дѣйствовать страхъ и опасеніе за свое будущее. Она ихъ пригнетаетъ, заглушаетъ въ нихъ всѣ болѣе высокія идейныя побужденія и способствуетъ окончательному подчиненію наиболѣе слабыхъ изъ нихъ и безъ того господствующимъ въ нашей повседневной жизни мелкимъ, эгоистическимъ стремленіямъ.

Воспитывать при помощи такихъ мѣръ цѣлыя поколѣнія—это значитъ создавать и поддерживать ту гнетущую атмосферу

народной жизни, которая можетъ вести въ концѣ концовъ только къ упадку и разложенію.

Тяжесть этой атмосферы чувствуется не одной молодежью, но и болѣе зрѣлыми поколѣніями. Нормально ли (не только нормально, но даже *неизбѣжно!* —Ред.), чтобы въ самодержавномъ государствѣ голосъ вѣрноподданныхъ не доходилъ до государя? А между тѣмъ въ настоящее время даже подписаніе этого всеподданѣйшаго прошенія является въ глазахъ многихъ чуть ли не актомъ особаго гражданскаго мужества. Для того, чтобы лояльно и честно заявить своему Государю о своихъ нуждахъ и завѣтныхъ желаніяхъ, подданнымъ Вашимъ приходится дѣйствовать негласно и съ опаской, что полиція перехватитъ прошеніе ранѣе, нежели оно дойдетъ до Вашихъ рукъ. Многіе, вполнѣ сочувствующіе всему здѣсь высказанному, безъ сомнѣнія не рѣшатся подписать это прошеніе, опасаясь неблагопріятныхъ для себя послѣдствій.

При этихъ условіяхъ всякому живому и сознательному человѣку жизнь начинаетъ казаться несносной, повсюду распространяется гибельная апатія; интересъ къ общественной дѣятельности изсякаетъ, и во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни замѣтно чувствуется недостатокъ людей.

Положите же, Государь, великодушнымъ починомъ конецъ этому тяжелому состоянію: окажите вѣрноподданнымъ Вашимъ довѣріе и, прекративъ репрессіи, дайте возможность свободно высказаться заглушаемому теперь голосу общественнаго мнѣнія.

Студенческія волненія прекратятся сами собой, и студенты спокойно обратятся къ научнымъ занятіямъ, когда ихъ юныя души перестанетъ смущать окружающая ихъ безотрадная жизнь; когда передъ ними встанетъ перспектива принять, по выходѣ изъ высшей школы, дѣятельное, свободное и благотворное участіе въ дѣлахъ родной страны.

III. Протестъ русскихъ писателей.

Помѣщаемая въ этомъ же Листкѣ прокламація „Кто виноватъ"? характеризуетъ настроеніе „общества" въ началѣ движенія. Дальнѣйшій ходъ событій встряхнулъ, наконецъ, лучшіе элементы общества. Казацкія нагайки вызвали крикъ негодованія у всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей. Намъ думается однако, что они, говоря словами ихъ же протеста, *не* выполнили „всего лежащаго на нихъ долга предъ родиной": одинъ рефлексъ, одинъ крикъ боли не можетъ не затеряться среди тѣхъ прямыхъ вызововъ, которые теперь бросаютъ самодержавію тысячи людей въ виду вооруженной силы, жертвуя подчасъ своей жизнью. Тутъ нужно болѣе смѣлое слово, разоблачающее корень зла, слово гражданскаго протеста противъ самодержавія, требованіе политической свободы. Вспомнимъ протестъ парижскихъ журналистовъ въ 1830 г. противъ указовъ Карла Х-го, протестъ, ставшій исходнымъ пунктомъ іюльской революціи. Ред.

* * *

Печатаемъ цѣликомъ протестъ писателей:

Милостивый государь, г-нъ редакторъ!

Сегодня, 4-го марта, въ Петербургѣ около Казанскаго собора, на глазахъ многотысячной толпы было произведено систематическое и, очевидно, заранѣе предрѣшенное и обдуманное избіеніе беззащитныхъ людей. Казаки, окруживъ безоружную толпу и лишивъ ее возможности разойтись, безъ всякаго предупрежденія врѣзались въ нее, топтали ее лошадьми и увѣчили нагайками. Полицейскіе вырывали отдѣльныхъ лицъ и, накидываясь по нѣскольку человѣкъ на одного, нещадно били ихъ кулаками и шашками. Избитыя и въ конецъ обезсиленныя женщины, сами выходившія къ полиціи, подхватывались ею и тутъ же на площади предавались дальнѣйшему избіенію. Били лежачихъ, били до потери сознанія, били, быть можетъ, до смерти.

Это не слухи, неизвѣстно откуда идущіе,—это факты, которыхъ многіе изъ насъ были очевидцами. Публику, умолявшую прекратить избіеніе, гнали прочь, даже офицеровъ тащили за шиворотъ. Тѣ изъ насъ, которые просили прекратить побоище, были избиты или задержаны. Мы полны негодованія передъ подобными звѣрствами, имѣвшими недавно мѣсто, какъ намъ извѣстно, и въ другихъ городахъ. Мы полны ужаса передъ будущимъ, которое ожидаетъ страну, отданную въ полное распоряженіе кулакамъ и нагайкамъ. Наше негодованіе

и нашъ ужасъ, мы увѣрены, раздѣляютъ наши собратья по перу, которыхъ нѣтъ сейчасъ среди насъ, раздѣляетъ вся мыслящая часть русскаго общества, раздѣляютъ всѣ, въ комъ не окончательно еще подавлено чувство человѣческаго достоинства и любовь къ ближнему.

Мы, писатели, давно уже лишены возможности своевременнымъ разъясненіемъ нуждъ своей родины предотвращать подобныя событія. Мы лишены возможности словомъ продуманнаго убѣжденія освѣтить выходъ изъ настоящаго труднаго положенія, мы лишены возможности выполнить весь лежащій на насъ долгъ передъ родиной. Мы дѣлаемъ попытку хотя бы огласить фактъ.

Н. Анненскій, Александръ Ев. Богдановскій, А. Н. Богдановичъ, Софія Брагинская, Розалія Брагинская, Ал. Браудо, Вл. Бернштамъ, М. Ватсонъ, Петръ Вейнбергъ, Гл. Галина, Петръ Ге, Евгеній Ганейзеръ, Владиміръ Гессенъ, М. Горькій, Алекс. Гуковскій, Михаилъ Серг. Ермолаевъ, А. Иванчинъ-Писаревъ, Николай Карѣевъ, Августъ Каминка, А. Калмыкова, Александръ Корниловъ, Н. Котляревскій, В. Лесевичъ, Е. Лѣткова, Д. Маминъ-Сибирякъ, П. Мокіевскій, А. Мертваго, Н. Михайловскій, В. Мякотинъ, Н. Могилянскій, С. Пантелѣева, Л. Пантелѣевъ, Гр. Потанинъ, В. Поссе, А. Пѣшехоновъ, В. Розенбергъ, Н. Рубакинъ, Н. Рубакина, М. Слѣпцова, Н. Соколовъ, Генрихъ Фальборкъ, В. Чарнолусскій, Ев. Чириковъ, А. Яроцкій, Лесгафтъ.

М. Г., господинъ редакторъ!

Вчера, 4 марта, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, имѣвшихъ мѣсто на Казанской площади, наши товарищи, русскіе писатели, обратились къ Вамъ съ письмомъ, выражая свое негодованіе. Раздѣляя вполнѣ ихъ чувства и не будучи въ состояніи подписаться подъ ихъ письмомъ просто потому, что насъ не было съ ними, мы заявляемъ, что всецѣло присоединяемся къ ихъ протесту.

А. Никоновъ, Д. Рагозинъ, В. Муриновъ, Щепетильникова, К. Гренквистъ, Росикова, Гаринъ-Михайловскій, В. Кранихфельдъ, Е. Бартенева, Б. Шелеховъ, А. Лукьяновъ, П. Стебницкій, Суворовъ, Славинскій, П. Масловъ, Португаловъ, Свѣшниковъ, Горюшинъ, Хирьяковъ, Коморская, Порошинъ, В. Брюсянинъ, Каррикъ, Штейнбергъ, Сабинина, Кетрицъ, Поповъ, Черевко, Д. Карабчевскій, Линевъ-Далинъ, Чебышева-Дмитріева, Диксонъ, Шутяковъ, Сальнинъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ПРОКЛАМАЦІИ *).

I. Прокламаціи петербургскихъ студентовъ.

Товарищи! Сегодня 21 января перепечатана нами ниже прокламація Кіевскаго Союзнаго Совѣта: „Наши требованія". Въ ней каждый найдетъ истинныя причины возникновенія студенческихъ волненій вообще и кіевскаго въ частности. Мы указываемъ на кіевское особенно потому, что по офиціальнымъ свѣдѣніямъ *кіевскій университетъ вчера 20 января, въ день начала лекцій забастовалъ* впредь до удовлетворенія заявленныхъ требованій, причемъ студенты кіевскаго университета *просятъ своихъ петербургскихъ товарищей примкнуть къ движенію* и соединиться съ ними въ общемъ единодушномъ протестѣ. Они твердо увѣрены, что петербургскіе студенты не замедлятъ откликнуться на ихъ призывъ и также *смѣло и открыто*, какъ въ 1899 г., *будутъ отстаивать свои права человѣка-гражданина и студента.*

Товарищи! Въ понедѣльникъ 22 янв. въ университетѣ сходка и надо думать, что никто изъ насъ не останется равнодушнымъ къ призыву, какъ группъ петербургскихъ студентовъ, такъ и кіевскихъ товарищей.

Група Универсантовъ.

НАШИ ТРЕБОВАНІЯ.

Не успѣло оправиться студенчество послѣ трудной борьбы противъ произвола полиціи (широкою волною разлившагося по всей Россіи), не успѣли наши товарищи получить приговоръ за забастовку 1899 года, какъ опять силой обстоятельствъ студенчество вынуждено рѣшиться на борьбу за честь и свободу университета.

*) За недостаткомъ мѣста мы можемъ печатать только наиболѣе характерные документы изъ всей полученной нами крайне богатой прокламаціонной литературы, вызванной студенческимъ движеніемъ. Ред.

Ни одинъ студентъ, каково бы ни было его направленіе, не можетъ теперь остаться равнодушнымъ и приняться за прерванную работу, послѣ того какъ правительство, воспользовавшись ничтожнымъ поводомъ, поспѣшило примѣнить противъ нашихъ товарищей временныя правила объ отбываніи воинской повинности. Правительство въ борьбѣ противъ стремленій къ свободѣ академической и научной зашло слишкомъ далеко. Жертва безотраднаго положенія вещей — учащіеся одни лишь расплачиваются за неустройство университетской жизни. Положеніе высшей школы крайне ненормально. Таково общее мнѣніе ея друзей и недруговъ. Доступъ въ университетъ чрезвычайно затрудненъ, число учащихся ограничено; товарищеская связь между учащимися и стремленіе студенчества къ нравственному воздѣйствію на товарищей преслѣдуются какъ преступленіе. Аудиторіи, за немногими исключеніями, пустуютъ, — такъ мало привлекательны лекціи нынѣшнихъ профессоровъ. Отъ профессоровъ не требуется способностей и знаній, любви къ дѣлу; кафедры заняты жалкими посредственностями, людьми 20-го числа, политическая благонадежность которыхъ во всякомъ случаѣ внѣ подозрѣнія. Преподаватели эти—разрозненные, трусливые —дѣлаютъ свое мертвое дѣло, не снискивая къ себѣ никакого довѣрія и уваженія студенчества. Студенчество не считается съ профессурой, ибо нынѣ ея нѣтъ: оно знаетъ, что хозяиномъ въ университетѣ является жандармъ, что инспекція съ ея шпіонами въ глазахъ министра, попечителя и полиціи значитъ болѣе всѣхъ профессоровъ вмѣстѣ взятыхъ. Студенчество знаетъ все это и негодуетъ. Стремясь къ свободной истинѣ, къ общему образованію, русская молодежь никогда не удовлетворится казенной истиной, не зароется въ узкую спеціальность, не отвернется отъ живой жизни, не станетъ учиться изъ подъ казенной плети или палки. Студенты не превратятся всѣ въ трусливыхъ карьеристовъ.

Деспотическое правительство погасило въ высшей школѣ свѣтъ истиннаго знанія, но не удастся ему, какъ бы неограниченно оно ни было, погасить огонь безкорыстныхъ стремленій къ правдѣ и истинѣ солидарной въ своемъ протестѣ молодежи. Всѣ старанія нашего правительства въ преслѣдованіи учащейся молодежи не привели ни къ чему. Не довольствуясь мѣрами систематическаго полицейскаго насилія противъ студентовъ, вызвавшими движеніе 1899 года, оно прибѣгаетъ еще къ позорному наказанію карцеромъ. Затѣмъ въ аудиторію на сходку по чисто академическому дѣлу вторгаются войска подъ начальствомъ жандарма. Жандармъ съ высоты кафедры провозглашаетъ, что „по своему желанію можетъ употребить противъ студентовъ холодное и огнестрѣльное оружіе“. Правительство обращается наконецъ къ мѣрѣ, до которой могли додуматься только дѣятели Николаевской эпохи. Безапелляціоннымъ рѣшеніемъ министра 183 студента отданы теперь въ солдаты на разные сроки—мѣра небывалая въ исторіи университета. Въ войска идутъ пользующіеся льготами, несовершеннолѣтніе, больные; въ рядовые зачислены приписавшіеся вольноопредѣляющимися, отбывшіе воинскую повинность; рядовые эти ссылаются по категоріямъ въ болѣе или менѣе отдаленные полки и отдаются тамъ подъ особый надзоръ. Такова та безсмысленная противозаконная пытка, которая называется почему-то „отбываніемъ воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній“; независимо отъ этого, студенты, подлежащіе наказанію солдатчиной, не освобождаются отъ отвѣтственности въ обычномъ порядкѣ—передъ жандармами... „Времен. правила“, поставившія студентовъ внѣ закона, отмѣняютъ уставы судебные, воинскіе съ нарушеніемъ, въ довершеніе всего, даже основныхъ законовъ. Это ли не бѣлый терроръ?

Въ борьбѣ со студенчествомъ правительство обнаруживаетъ свою трусость передъ свѣтомъ независимой науки; нравственнымъ банкротомъ въ глазахъ цивилизованнаго міра начинаетъ оно XX вѣкъ. Въ борьбѣ съ нами оно все испробовало, кромѣ уступокъ требованіямъ здраваго смысла. Дальше идти некуда. Возмущенные до глубины души всѣми мѣрами, которыми правительство давитъ и преслѣдуетъ студенчество, мы призываемъ всю учащуюся молодежь возстать на защиту своихъ студенческихъ интересовъ, своего человѣческаго достоинства и протестовать массовой забастовкой противъ нелѣпыхъ, гнусныхъ правительственныхъ репрессій.

Мы повторяемъ требованія прошлой забастовки объ ограниченіи произвола безконтрольной и безотвѣтственной de facto полиціи, выставивъ прежде всего слѣдующія требованія:

1) Мы требуемъ отмѣны „временныхъ правилъ“.

2) Мы требуемъ отмѣны наказанія карцеромъ.

3) Мы требдемъ возвращенія всѣхъ уволенныхъ товарищей.

Кіевскій Союзный Совѣтъ
Объед. Земляч. и Организацій.

21 янв. 1901 г. СПБ.

Изданіе „Группы Университантовъ“.

II.

Свѣжи еще воспоминанія 1899 года, когда мы, 30.000 русскихъ студентовъ впервые выступили на защиту нашей личной неприкосновенности. Въ настоящій моментъ намъ снова предстоитъ рѣшить трудную диллему. Смириться ли намъ и молча проводить нашихъ товарищей подъ ружье и казарменную жизнь? Или проводить ихъ съ гражданскимъ напутствіемъ, дать имъ увѣренность, что вслѣдъ за ними готовы выступить свѣжія силы. Лучшая часть русскаго студенчества, обладающая благороднымъ сердцемъ, всегда чутко внимающая голосу совѣсти, всегда идущая навстрѣчу идеаламъ лучшаго будущаго, и на этотъ разъ дружной семьей выступитъ на защиту всѣхъ незаконно пострадавшихъ товарищей. Носители благородныхъ принциповъ и гуманныхъ помысловъ не вправѣ молчать, когда попираются священнѣйшія права гражданина, когда нарушается то, что считается основой всякаго государства, когда ниспровергается законъ!..

Разсѣять мрачныя тучи несправедливости и нарушенія человѣческихъ правъ, идеями человѣчности освѣжить воздухъ, которымъ трудно дышать, стремиться къ правовому порядку — пусть будетъ нашей завѣтнѣйшей мечтой, нашимъ единственнымъ помысломъ! Пусть многимъ изъ насъ придется пойти по слѣдамъ кіевскихъ товарищей! Но скажите, развѣ осуществленіе этихъ идей не сопровождалось всюду и всегда обильными жертвамп? и развѣ въ концѣ концовъ не завоевали право всеобщаго признанія и не водворялись на обломкахъ прежнихъ отжившихъ началъ? Исторія еще разъ покажетъ, гдѣ была правда: на нашей ли сторонѣ или на сторонѣ тѣхъ, которые признаютъ единственное право—право сильнаго. Не страшитесь, товарищи, временныхъ, скоропреходящихъ явленій, не бойтесь жертвъ, которыя намъ, быть можетъ, придется принести за благо родной страны во имя права и законности.

Наученные исторіей и вдохновляемые наукой, смѣло пойдемъ за право, во имя права!

Петербургъ, 24 января 1901 г.

Изданіе „Группы Университантовъ“.

III.

Харьковъ. Союзный Совѣтъ выпустилъ 14 янв. слѣд. прокламацію:

КЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Съ нескрываемымъ цинизмомъ бросило наше правительство въ лицо обществу извѣстіе о судьбѣ 183 кіевскихъ товарищей. Вѣрные царскіе слуги съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ и безчеловѣчіемъ обрекли лучшую часть учащейся молодежи на тяжелую военную службу за ихъ стремленіе къ человѣческимъ правамъ и борьбу за свободу личности. Эта варварская расправа не можетъ не возмутить насъ, товарищи, и не побудить къ самому энергичному и рѣзкому протесту.

С. С., какъ выразитель мнѣнія организованной части студ - ва, съ нетерпѣніемъ будетъ ждать рѣшенія возмущенныхъ товарищей и приложитъ съ своей стороны всѣ старанія, чтобы придать этому возмущенію соотвѣтствующую форму.

Надѣемся, что Харьковское студ-во, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, единодушно примкнетъ къ общестуденческому протесту.

IV.

Соціальдем. прокламація Кассы Взаимопомощи студ. СПБ. университета.

Политическая струйка, пробивавшаяся довольно робко и неувѣренно въ первомъ фазисѣ студ. волненій, съ ходомъ событій выступаетъ все рѣши-

тельнѣе и въ прокламаціи Кассы Взаимопомощи, изданной еще въ февралѣ, она принимаетъ рѣзкую *соціальдемократическую* окраску.

Прокламація начинается указаніемъ на обостряющееся противорѣчіе между поступательнымъ экономическимъ и умственнымъ развитіемъ Россіи, съ одной стороны, и ея не измѣнившимся политическими формами, „архаическимъ пережиткомъ прошлаго"—съ другой.

„Тѣмъ временемъ жизнь дѣлаетъ свое дѣло — и для поддержанія грозящей развалиться надстройки правительству приходится ставить такія ненадежныя подпорки, какъ систематическое и послѣдовательное подавленіе всякой живой мысли, всякаго честнаго слова, указывающаго на противорѣчія въ существующемъ строѣ Россіи.

Однимъ изъ частныхъ проявленій этой системы является отношеніе правительственной власти къ студенческимъ безпорядкамъ и оно можетъ служить достаточно яркой иллюстраціей для характеристики всей ситемы. Что студенческіе безпорядки являются помѣхой для правильнаго и плодотворнаго теченія университетской жизни, этого никто отрицать, разумѣется, не станетъ; но безпорядки повторяются такъ часто, стали такимъ хроническимъ зломъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, что лишь слѣпой да тенденціозно настроенный человѣкъ объяснитъ ихъ „преступной агитаціей", происками „кучки безпокойныхъ личностей". Причина ихъ коренится, очевидно, гдѣ-то много глубже, лежитъ въ нравственномъ неудовлетвореніи студенчества, являющемся слѣдствіемъ несоотвѣтствія условій, въ которыя поставлены высшія учебныя заведенія, настоятельнымъ требованіямъ, предъявленнымъ самой жизнью наукѣ, ея жрецамъ и храмамъ. Правительство въ данномъ случаѣ поступаетъ вполнѣ послѣдовательно: ровно ничего не предпринимая для устраненія коренныхъ причинъ волненій, оно прилагаетъ всѣ усилія, чтобы удержать студенчество отъ безпорядковъ помощью одного изъ главныхъ орудій деспотическаго абсолютизма, — путемъ теорроризаіи массы и суровой, безпощадной расправы съ отдѣльными личностями. Но никакія репрессіи, никакіе палліативы не въ состояніи устранить глубоко лежащія причины и *рѣшеніе университетскаго вопроса надо искать въ рѣшеніи болѣе широкаго и неотложнаго вопроса,—вопроса о расширеніи политическихъ рамокъ для русской общественной жизни. Настоятельнѣйшая необходимость ниспроверженія деспотическаго абсолютизма сознана всѣми*, кто хоть разъ задумывался надъ тяжелымъ положеніемъ общества въ Россіи; но *„насильникамъ" надо противопоставить силу;* возведшій въ принципъ насиліе уступитъ силѣ или, по крайней мѣрѣ, страху передъ новой силой.

А эта сила уже растетъ, ее выдвигаетъ сама жизнь, въ ней лежитъ залогъ лучшаго будущаго. Быстро расползается она по странѣ, охватывая ее все крѣпче и крѣпче, грозная, пока бесознательная. Но пробудите въ ней сознаніе—и *конецъ абсолютизму*, конецъ замаскированному рабству. И тѣ, кто въ одиночномъ, героическомъ, но безплодномъ протестѣ падаютъ самоотверженной жертвой неравной борьбы, могли бы найти себѣ нравственное удовлетвореніе въ подготовительной работѣ къ общему освобожденію, *въ развитіи классового самосознанія, въ организаціи рабочаго класса въ политическую партію*. И чѣмъ глубже будетъ проникать народныя массы самосознаніе, тѣмъ ближе и ближе станетъ роковой для русскаго самодержавія день политической революціи.

Касса Взаимопомощи
Студентовъ С.-Петерб. Университета.

(Принято въ общемъ собраніи большинствомъ противъ 5-ти голосовъ).

СПБ. февраль 1901 г.

Типогр. „Союза Борьбы".

АДРЕСЪ КІЕВСКАГО СОЮЗНАГО СОВѢТА ЖАНУ ЖОРЕСУ и ЖЕРО-РИШАРУ.

Уважаемые борцы за республику и освобожденіе рабочаго класса!

Внимательно слѣдя, несмотря на ухищренія русской цензуры, за Вашей возбуждающей восхищеніе борьбой за Республику и Соціализмъ, мы съ восторгомъ увидѣли, что, бичуя тьму и произволъ всюду, гдѣ бы они ни свивали себѣ гнѣзда, Вы обрушились всей силой своего таланта и на варварское русское правительство—врага, опаснаго не только для Россіи, но и для прогрессивнаго развитія всей Европы.

Двѣ Ваши статьи о Россіи, такъ хорошо характеризующія современное положеніе нашей родины вообще—и поворотъ къ соціализму въ нашемъ студенческомъ движеніи въ частности,—привели въ восхищеніе оппозиціонно-настроенныхъ студентовъ нашего университета, среди которыхъ мы распространили переводы Вашихъ статей, нелегально издавъ ихъ, къ сожалѣнію, примитивными способами.

Позвольте принести Вамъ глубокую благодарность за ту поддержку, которую намъ оказалъ Вашъ авторитетный голосъ и выразить увѣренность, что Ваша блестящая борьба противъ враговъ Республики и темныхъ силъ реакціи окажетъ немалую помощь также и дѣлу политическаго освобожденія Россіи.

Кіевскій Союзный Совѣтъ
объедин. землячеств. и организацій.

21 марта 1901 г.

Этотъ адресъ былъ помѣщенъ во французск. переводѣ въ „Petite République Socialiste", органѣ Жореса. Ред.

* * *

17 марта Кіевск. Союзн. Совѣтъ издалъ посланный имъ въ иностранныя газеты адресъ франц. профессоровъ въ отвѣтъ на ихъ открытое письмо къ кіевскимъ профессорамъ. Адресъ заканчивается словами: „Русская нація, прислушиваясь къ голосу западно-европ. науки, найдетъ, конечно, въ своемъ культурномъ развитіи живыя силы, если не внутри университета, то внѣ его, и дастъ свободу наукѣ и преподаванію."

Демонстрація въ Женевѣ.

За февральскими и мартовскими событіями въ Россіи съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ „весь просвѣщенный міръ"; иностранныя газеты были переполнены свѣдѣніями изъ Россіи. Само собой разумѣется, что съ еще большимъ напряженіемъ за всѣмъ, что происходило въ Россіи, уже съ осени слѣдили русскіе „подданные", разбросанные по разнымъ странамъ стараго и новаго свѣта. Но сильнѣе всѣхъ, конечно, были захвачены извѣстіями о дикихъ расправахъ царскаго правительства надъ студентами и о смѣлой борьбѣ съ нимъ — наши эмигранты, насильственно оторванные отъ родины за свое стремленіе къ счастью и свободѣ народа и за ту же борьбу съ царскимъ деспотизмомъ, и чуткая учащаяся молодежь, вынужденная тѣмъ же правительствомъ искать просвѣщенія вдали отъ своей родины.

И русскія колоніи учащихся заграницей жили лихорадочной жизнью.

Волненія студентовъ въ Кіевѣ, отдача 183 студентовъ въ солдаты, новыя волненія въ разныхъ городахъ, новые студенты-солдаты, выстрѣлъ Карповича, демонстраціи 19 февраля, 4 и 11-го марта, дикая бойня у Казанскаго собора и т. д. — все это съ неотразимой силой приковывало къ себѣ вниманіе и поражало своей неожиданностью и силой быстро развивающихся событій. Вѣсти о жестокихъ мѣрахъ и расправахъ царскаго правительства надъ студентами, какъ удары бича, дѣйствовали на нервы людей, знакомыхъ съ культурной жизнью чужихъ странъ. И русскій деспотизмъ при свѣтѣ европейской культуры ярко вырисовывался во всей своей безобразной наготѣ передъ глазами даже самыхъ юныхъ и вовсе не зараженныхъ какими-либо „разрушительными" идеями людей.

А смѣлая борьба студентовъ и рабочихъ, которыхъ царскіе башибузуки исполосовывали нагайками, калѣчили и убивали на смерть, естественно вызвала къ себѣ самое горячее сочувствіе.

Въ Россіи происходила героическая борьба людей, сильныхъ только своею правотою, своимъ стремленіемъ къ свѣту и свободѣ, — борьба противъ дикаго произвола и насилій царскаго правительства, хладнокровно пустившаго вооруженныя орды на безоружныхъ студентовъ и курсистокъ. И русскія колоніи учащихся заграницей не могли и не хотѣли оставаться спокойными зрителями этой борьбы. Они искали, иногда страстно искали способа протянуть руку борющимся въ Россіи товарищамъ, принять хоть какое-либо посильное участіе въ ихъ борьбѣ.

И колоніи устраивали многочисленныя собранія, выносили на нихъ протесты противъ звѣрствъ царскаго пра-

вительства, сочувственные адреса борцамъ, собирали подписи подъ протестами, старались заставить иностранную печать и общество заговорить надлежащимъ тономъ о томъ, что происходитъ въ Россіи, и т. д. Но всего этого, чувствовалось, далеко недостаточно, когда на родинѣ люди шли подъ удары нагаекъ идубинъ, *шли на смерть*... Въ нѣсколькихъ городахъ само собой возникла мысль, чтобы открыто, передъ всѣмъ міромъ заявить представителямъ царскаго правительства заграницей свой рѣзкій протестъ по поводу дикихъ расправъ и звѣрствъ правительства въ Россіи...

23-го марта (5 апрѣля) въ Женевѣ былъ митингъ, созванный „Группой для защиты свободы мнѣнія“ съ цѣлью протестовать противъ выдачи Швейцаріей итальянскому правительству анархиста Яффеи и по поводу студенческаго движенія въ Россіи. Залъ Бонфантини, гдѣ происходилъ митингъ, былъ переполненъ народомъ, собралось до 800 человѣкъ, большей частью рабочихъ; тутъ были швейцарцы, итальянцы, нѣмцы и человѣкъ 200 русскихъ. Среди ораторовъ присутствовалъ соціалистъ Сигъ, секретарь рабочихъ для французской части Швейцаріи. Рѣчи произносились на французскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ. Свободныя рѣчи ораторовъ выражали энергичный протестъ противъ деспотизма и всякихъ насилій правительствъ и дышали горячимъ сочувствіемъ къ студентамъ въ Россіи, борющимся съ деспотизмомъ царя. И эти рѣчи имѣли для русскихъ, присутствовавшихъ на митингѣ, особое значеніе, что заставило ихъ лишній разъ и съ особой яркостью почувствовать всю позорность самодержавнаго ярма и необходимость рѣшительной борьбы съ нимъ.

Кто-то пустилъ по залѣ записку, написанную по-русски и по-французски и приглашавшую послѣ митинга идти демонстрировать передъ домомъ русскаго консула. Когда окончился митингъ, на которомъ была принята резолюція, выражающая горячее сочувствіе героизму русскихъ студентовъ и начинающемуся открытому революціонному движенію въ Россіи, значительная часть публики отправилась къ русскому консульству. Среди демонстрантовъ особенно были замѣтны русскіе и имъ принадлежала въ демонстраціи первая роль. Передъ домомъ консула демонстранты кричали: „Долой царя!“ „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ свобода!“ Часть публики бросилась къ подъѣзду дома и стала срывать русскій гербъ, этотъ символъ русскаго самодержавія. Послѣ довольно продолжительныхъ усилій двухглавый орелъ упалъ на землю и толпа при дружныхъ крикахъ „Долой самодержавіе!“ стала топтать его въ грязь. Послѣ гербъ былъ брошенъ въ Рону.

Женевская полиція явилась на мѣсто слишкомъ поздно и не могла уже открыть руки, которая нанесла публичную пощечину царскому правительству 23-го марта въ Женевѣ. Манифестанты торжествовали.

На другой день женевскія газеты оповѣстили міръ о пощечинѣ, какую получило царское правительство отъ „подданныхъ“ своей же страны.

Консулъ Прозоръ публично росписался въ полученіи этой пощечины, печатно заявивъ, что русскій государственный гербъ оскорбленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оскорблено и царское правительство. Прозоръ напалъ на женевскую полицію за то, что она не сумѣла защитить русскаго орла отъ такого поруганія.

Затѣмъ этотъ „торговый“ агентъ царскаго правительства, одной изъ главныхъ обязанностей котораго является завѣдываніе русскимъ шпіонствомъ въ Женевѣ, повелъ чисто жандармско-полицейскую „политику“. Съ увѣренностью хорошо освѣдомленнаго сыщика онъ заявилъ, что въ срываніи герба принимали участіе и швейцарцы, что слѣдовательно въ оскорбленіи царскаго правительства виновата и Швейцарія... Этимъ пріемомъ г. Прозоръ хотѣлъ сразу убить двухъ зайцевъ: во 1-хъ, заставить швейцарское правительство употребить всѣ силы на розыскъ „виновниковъ“ и во 2-хъ, сваливъ вину на иностранцевъ, ослабить впечатлѣніе отъ демонстраціи, такъ ярко обнаружившей, какія чувства питаютъ русскіе „подданные“ къ своему самодержавному правительству.

Отъ русскаго правительства послѣдовали „представленія“ швейцарскому. Буржуазная пресса Швейцаріи завыла на разные лады, обвиняя русскихъ студентовъ за то, что они своимъ поступкомъ вызываютъ дипломатическія осложненія съ Россіей. Федеральное правительство заволновалось и проявило большую готовность успокоить восточнаго деспота.

А царское правительство, по слухамъ, потребовало не больше, не меньше, какъ изгнанія изъ Швейцаріи всѣхъ русскихъ эмигрантовъ и закрытія въ Женевѣ всѣхъ русскихъ нелегальныхъ типографій.

Но это было уже слишкомъ даже для теперешняго швейцарскаго федеральнаго правительства. Въ концѣ концовъ оскорбленному правительству самодержца пришлось удовлетвориться „наказаніемъ виновниковъ“ за... нарушеніе *швейцарской* тишины и спокойствія... Федеральное правительство арестовало 11 человѣкъ, какъ участниковъ демонстраціи и вѣроятныхъ участниковъ въ срываніи герба. Ихъ продержали въ тюрьмѣ 8—9 дней и затѣмъ шестерыхъ выслали изъ предѣловъ Швейцаріи (на основаніи 70 статьи швейцарской конституціи). Въ числѣ высланныхъ оказались три эмигранта—наши товарищи Кремеръ и Бернштейнъ, и рабочій Левинсонъ, студентъ-болгаринъ Максимовъ, только-что пріѣхавшій изъ Польши 18-лѣтній юноша Эллеманъ и итальянецъ Монбелло (послѣдній высланъ за рѣчь на митингѣ противъ итальянскаго консульства).

Все время, пока арестованные за демонстрацію сидѣли въ тюрьмѣ, русская учащаяся колонія, болгары и армяне принимали въ ихъ судьбѣ самое горячее участіе. Тотчасъ же былъ образованъ особый комитетъ для помощи и защиты арестованныхъ, приглашенъ адвокатъ и затѣмъ 104 челов. заявили федеральному правительству, что они также принимали участіе въ демонстраціи передъ консульствомъ и считаютъ себя отвѣтственными за происшедшее 23 марта наравнѣ съ арестованными товарищами. 70 человѣкъ, по чему-либо не попавшие на демонстрацію, заявили свою солидарность съ демонстраціею 23 марта.

Въ отвѣтъ же на обвиненія и нападки швейцарскихъ газетъ, „отъ имени русскихъ студентовъ“ было напечатано въ газетахъ тепло написанное письмо Б. Билита (Genevois, 16 apr.).

Въ письмѣ говорилось между прочимъ по адресу швейцарской прессы:

„Мы послали въ Федеральный Совѣтъ 12 числа листъ съ подписями и адресами 104 лицъ, которые принимали участіе въ манифестаціи. Оторвавъ отъ занятій эту сотню лицъ, изгнавъ ихъ изъ Швейцаріи и тѣмъ самымъ лишивъ ихъ возможности возвратиться въ Россію, разбивъ сотню жизней, — вы, можетъ быть, удовлетворите звѣрскій апетитъ Молоха, русскаго правительства. Но если недостаточно этого количества, есть еще лица, готовыя открыто заявить о своей нравственной солидарности съ манифестантами 5 апрѣля (уже готовъ листъ съ 70 подписями и мы сможемъ доставить 200 искупительныхъ жертвъ. Царь будетъ удовлетворенъ, а мы сами понесемъ свое горе. Помимо своего желанія мы поставили васъ въ непріятное положеніе, но черезъ насъ же вы выйдете изъ него. Не бросайте же намъ въ лицо горькихъ упрековъ, которые болѣе жестоки, чѣмъ удары казацкой нагайки. Мы покинемъ вашу свободную Гельвецію съ сожалѣніемъ, но безъ дурного чувства: мы будемъ считать себя жертвами русскаго деспотизма, жертвами, которыя пострадаютъ все же безконечно меньше, чѣмъ наши несчастные братья и сестры, убитые въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. Мы уйдемъ съ гордо поднятой головой честныхъ людей, которые открыто берутъ на себя отвѣтственность за свои поступки и которые знаютъ свои обязанности по отношенію къ гостепріимному государству. Будьте же справедливы! Не судите, не выслушавъ насъ. Вы не знаете, подъ какими ужасными впечатлѣніями мы непрерывно жили все послѣднее время“.

(Le Genevois, 16 apr).

Изъ шестерыхъ, высланныхъ за демонстрацію, пятерыхъ выслали на французскую почву поблизости отъ Женевы и здѣсь они скоро убѣдились въ симпатіи къ себѣ французовъ. Изъ русской же колоніи, изъ армянъ и болгаръ въ Женевѣ трудно было найти человѣка, кто бы не пріѣхалъ къ высланнымъ и не пожалъ бы имъ руку.

Описанная нами демонстрація въ Женевѣ или вѣрнѣе, цѣлый рядъ демонстрацій противъ царскаго правительства, ясно показываетъ всѣмъ, что русскіе „подданные“ становятся наконецъ *гражданами* и не хотятъ больше нести позорнаго ярма самодержавнаго деспотизма. Таковы факты...

* * *

12 (25) арѣля всѣми рабочими и соціалистическими организаціями въ Женевѣ былъ созванъ многолюдный митингъ съ цѣлью протестовать противъ высылки федеральнымъ правительствомъ 6 человѣкъ за демонстрацію 5 апр. (23 марта). Зала Бонфантини не могла вмѣстить всѣхъ, пришедшихъ на митингъ, и нѣсколько сотъ человѣкъ остались на улицѣ. Среди собравшихся огромное большинство составляли рабочіе. Послѣ разныхъ рѣчей противъ федеральнаго правительства была вынесена слѣдующая резолюція:

Граждане, собравшіеся на общемъ собраніи 25 апрѣля, на основаніи того, что недавняя, ничѣмъ не оправданная высылка изъ страны 6 человѣкъ составляетъ стыдъ для Швейцаріи и можетъ доставить удовольствіе только ея политической полиціи и генеральному прокурору, 1) протестуютъ противъ этой высылки, 2) требуютъ уничтоженія политической полиціи, 3) поручаютъ депутатамъ-соціалистамъ протестовать въ федеральной палатѣ и 4) выражаютъ изгнаннымъ свою симпатіюпри криках: „Да здравствуетъ свобода!“.

Воззваніе

Международнаго Соціалистическаго Комитета.

Настоящій номеръ Листка кончался печатаніемъ, когда мы получили отъ брюссельскаго секретаріата воззваніе Международнаго Соціалистич. Комитета по поводу послѣднихъ событій въ Россіи. Какъ мы замѣтили въ передовой статьѣ этого №-ра, воззваніе Междунар. Комитета не заставило себя долго ждать, и оно отвѣчаетъ ожиданіямъ, высказаннымъ русскими делегатами въ своемъ обращеніи къ Комитету.

Международный соціализмъ черезъ посредство своего высшаго органа беретъ въ свои мощныя руки организацію систематическихъ протестовъ противъ царизма: дѣло русской революціи фактически становится дѣломъ борющагося пролетаріата всѣхъ странъ. Въ настоящій моментъ глаза всего соціалистическаго міра съ восторгомъ обращены на революціонную борьбу въ Россіи. Отъ Эдинбурга до Сиднея и отъ береговъ Японіи до береговъ Калифорніи — всюду, гдѣ есть сознательные пролетаріи, милліоны сердецъ бьются въ унисонъ съ сердцами русскихъ революціонеровъ. Нашъ кликъ: „долой царизмъ! да здравствуетъ русская революція!“— становится боевымъ кликомъ всемірнаго пролетаріата.

* * *

Вотъ полный текстъ воззванія:

Международный
Соціалистическій Комитетъ

Секретаріатъ:
Maison du Peuple
(Народный Домъ)
Rue Joseph Stevens
Bruxelles.

Брюссель, 21 апрѣля 1901.

КЪ РАБОЧИМЪ ПАРТІЯМЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ.

Излишне подробно разсказывать о происходящихъ нынѣ въ Россіи важныхъ событіяхъ. Наши товарищи знаютъ объ этомъ изъ общей печати и изъ помѣщенныхъ въ соціалистическихъ газетахъ сообщеній нашихъ русскихъ друзей.

Какъ писали русскіе делегаты Международному Соціалистическому Комитету, событія послѣднихъ мѣсяцевъ знаменуютъ поворотъ въ исторіи самодержавной имперіи. Въ данномъ случаѣ первоначальныя студенческія волненія стали серьезными и глубокими соціальными волненіями, отъ которыхъ сотрясается вся Россія, колеблются самыя основы господствующаго въ Россіи строя и которыя бросаютъ въ долгій и полный жертвъ, но столь бодрящій бой противъ грубой силы царизма интеллигенцію городовъ и пролетаріатъ промышленныхъ центровъ.

Тамъ, въ далекой Россіи, тысячи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, тысячи гражданъ изъ всѣхъ классовъ общества полны мужества въ виду величія предстоящей имъ задачи, какъ они полны и довѣрія къ солидарности своихъ братьевъ изъ Европы, Америки, Австраліи и Азіи, ибо они знаютъ, что, ведя борьбу противъ русскаго капитализма и царизма, они борются за освобожденіе рабочихъ — за общее дѣло соціалистическихъ рабочихъ партій всѣхъ странъ.

Во Франціи уже состоялись народныя собранія съ цѣлью познакомить общественное мнѣніе съ революціоннымъ положеніемъ Россіи; въ Бельгіи такіе митинги сейчасъ устраиваются. Можно надѣяться, что соціалистическія партіи Англіи, Германіи, Австріи, Даніи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки и всѣхъ другихъ странъ послѣдуютъ этому примѣру и такимъ образомъ международный пролетаріатъ единодушно будетъ протестовать противъ звѣрскихъ дѣйствій царизма.

Мы призываемъ (demandons) къ устройству митинговъ во всѣхъ большихъ городахъ и во всѣхъ крупныхъ рабочихъ и университетскихъ центрахъ, къ голосованію на этихъ митингахъ за резолюцію протеста и, въ случаѣ надобности, къ собиранію подписей протестующихъ. Мы вамъ предлагаемъ поставить на голосованіе во всѣхъ устраиваемыхъ вами собраніяхъ слѣдующую резолюцію:

Граждане, собравшіеся по призыву........, выражаютъ свой восторгъ (acclament) русскому пролетаріату. Они заявляютъ свою солидарность съ русскими интеллигентами и рабочими, борющимися противъ объединенной силы капитализма и царизма. Они шлютъ русскимъ революціонерамъ выраженіе своего сочувствія и ободряютъ ихъ продолжать борьбу вплоть до побѣды.

Мы просимъ васъ далѣе сообщать намъ какъ можно скорѣе обо всемъ, что будетъ сдѣлано въ этомъ направленіи, а также присылать намъ принятыя резолюціи и списки протестующихъ, для того, чтобы мы могли централизовать движеніе негодованія противъ дѣйствій ненавистнаго и варварскаго правительства.

Члены Международнаго Соціалистическаго Комитета:

Г. Гайндменъ, Дж. Кэръ-Гарди (Англія); Ауэръ, Зингеръ (Германія); В. Адлеръ, Ф. Скаретъ (Австрія); Э. Ансель, Э. Вандервельдъ (Бельгія); П. Кнудсенъ, І. Іенсенъ (Данія); П. Иглезіасъ, А.-Г. Квехидо (Испанія); Ж. Жоресъ, Э. Вальянъ (Франція); Трулстра, Г. Фанъ-Коль (Голландія); Э. Ферри, Ф. Турати (Италія); О. Крингенъ, А. Газеландъ (Норвегія); В. Еджейовскій, Войнаровская (Польша); Плехановъ, Б. Кричевскій (Россія); А. Фокэ, Фюргольцъ (Швейцарія); Цисницъ, Карльсонъ (Швеція); Э. Дицгенъ (Соедин. Штаты).

Викторъ Серви, секретарь.

Содержаніе:

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 60 сант.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

Женева 1901.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „РАБОЧАГО ДѢЛА“.

№ 8-й. ІЮЛЬ. 1901 г.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ РОССІИ.

Въ этомъ году майскій праздникъ наступалъ въ Россіи при исключительныхъ условіяхъ.

Февральскія и мартовскія событія обнаружили значительный ростъ революціоннаго сознанія среди рабочихъ. И хотя отсутствіе крѣпкой боевой организаціи помѣшало нашей партіи использовать стихійно разразившуюся бурю для рѣшительнаго натиска на самодержавіе, хотя неподготовленность нашихъ организацій къ руководству массовой политической борьбой привела къ тому, что, вмѣсто генеральной битвы, самодержавію былъ данъ рядъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ стычекъ, — но участіе рабочихъ въ бурныхъ событіяхъ, тѣмъ не менѣе, признавалось всѣми господствующимъ факторомъ и всѣмъ становилось очевиднымъ, что дальнѣйшій ходъ событій зависитъ, прежде всего, отъ пролетаріата и находящихся съ нимъ въ тѣсномъ общеніи социальдемократическихъ организацій.

Буря улеглась, наступило затишье. Но—отрадный и характерный фактъ!—упадокъ духа, наблюдавшійся въ студенческой средѣ, не коснулся соц.-дем. организацій и революціонной среды вообще. Бодро и увѣренно, съ напряженіемъ всѣхъ силъ готовились наши организаціи къ майскому празднику. До сихъ поръ, за исключеніемъ Харькова, никогда еще не удавалось привлечь русскихъ рабочихъ къ массовому участію въ майской борьбѣ за классовыя требованія и политическую свободу. Теперь это должно удаться, прошлогодняя харьковская маевка должна повториться съ большей силой во всѣхъ центрахъ соціальдем. рабочаго движенія — такъ думали, съ этой надеждой работали наши товарищи въ Россіи. Ту же надежду питали революціонеры другихъ направленій и вообще всѣ рѣшительные враги самодержавія. Классовой праздникъ пролетаріата становился днемъ общей борьбы всѣхъ революціонно настроенныхъ элементовъ, пролетаріатъ пріобрѣталъ роль передового отряда. Центръ тяжести въ общемъ сознаніи перемѣщался изъ студенческаго и обще-оппозиціоннаго движенія въ область классовой борьбы пролетаріата.

Съ другой стороны, безработица, такъ тяжело угнетающая русскихъ рабочихъ и по сей день, усиливала надежду на боевую способность пролетаріата въ данный моментъ.

Но для того, чтобы эти надежды оправдались вполнѣ, необходима была бы сплоченная общерусская партійная организація, богатая боевымъ опытомъ. Недостатокъ такой организаціи, который такъ сильно чувствовался въ разгарѣ послѣднихъ событій, отразился также, хотя и въ меньшей степени, на майскомъ праздникѣ. Россійская Соц.-дем. Раб. Партія, разбитая на отдѣльные, лишь слабо связанные другъ съ дру-

гомъ комитеты и группы, которые, за немногими исключеніями, еще ни разу не руководили массовыми политическими демонстраціями,—могла выполнить выпавшую на нее роль лишь отчасти.

Такимъ образомъ Первое Мая не оправдало всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ. Но факты безспорно показываютъ, что майскій праздникъ въ этомъ году носилъ болѣе массовой харткteръ, чѣмъ когда либо, и что комитеты нашей Партіи сдѣлали все, что они могли сдѣлать въ данныхъ условіяхъ, вопреки всѣмъ массовымъ арестамъ и другимъ правительственнымъ мѣрамъ „предупрежденія и пресѣченія". Вмѣстѣ съ тѣмъ майскій праздникъ въ этомъ году тѣснѣе, чѣмъ когда-либо объединилъ всѣ наши партійныя организаціи на общемъ дѣлѣ организаціи классоваго протеста русскаго пролетаріата противъ самодержавія.

КАКЪ ГОТОВИЛИСЬ КЪ ПЕРВОМУ МАЯ.

Еще до февральскихъ и мартовскихъ событій Союзъ Русскихъ Социальдемократовъ обратился къ комитетамъ Партіи въ Россіи съ предложеніемъ совмѣстно рѣшить вопросъ о праздновании Перваго Мая въ нынѣшнемъ году, выработать общія майскія требованія и выпустить общую майскую прокламацію. Но въ этомъ отношеніи Союзъ встрѣтилъ уже двѣ самостоятельныя инициативы со стороны нѣкоторыхъ комитетовъ и присоединился къ общему рѣшенію россійскихъ организацій.

При этомъ было рѣшено выпустить общую майскую прокламацію, которая помѣщена нами ниже, съ требованіями 8-час. раб. дня, политическихъ правъ и политической свободы и съ призывомъ къ забастовкамъ и демонстраціямъ. (Отсутствіе въ прокламаціи всякаго указанія на послѣднія событія объясняется тѣмъ, что она была составлена и принята комитетами задолго до этихъ событій. Измѣнять же или дополнять ее потомъ было бы поздно, въ виду необходимости новаго опроса комитетовъ. Кстати, лишнее доказательство въ пользу насущной необходимости Центральнаго Комитета, уполномоченнаго дѣйствовать во всѣхъ важныхъ случаяхъ отъ имени всей Партіи). Эту прокламацію комитеты взялись напечатать въ своихъ типографіяхъ въ количествѣ до 40 тыс. экз.*) Затѣмъ Союзу Русскихъ Соц.-дем. поручили написать и напечатать майскую брошюру, что онъ и исполнилъ, выпустивъ (въ 10.000 экз.) брошюру: „Первое Мая 1901 г." **)

Что касается самаго празднованія 1 Мая, то большинство комитетовъ и организацій высказалось за устройство демонстрацій, главнымъ образомъ въ виду успѣха прошлогодней майской демонстраціи въ Харьковѣ.

Наступившія затѣмъ февральскія и мартовскія событія въ общемъ не измѣнили рѣшеній комитетовъ и организацій нашей Партіи. Они только усилили значеніе этихъ рѣшеній и надежду на ихъ осуществленіе. Къ демонстраціямъ стали готовиться и тѣ комитеты, которые до того не считали ихъ возможными въ своемъ районѣ.

Союзъ Русскихъ Соціальдемократовъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отозваться на послѣднія событія и доставить комитетамъ въ Россіи необходимый агитаціонный матеріалъ. На основаніи матеріаловъ, поступавшихъ къ нему изъ Россіи въ огромномъ количествѣ, онъ издалъ особый Листокъ „Раб. Дѣла", № 6-й, съ хроникой послѣднихъ событій и съ передовицей: „Историческій Поворотъ", гдѣ формулирована задача нашей Партіи въ данный моментъ. Въ „Историческомъ Поворотѣ" указывалось „на историческое, революціонное значеніе настоящаго момента", на то, что наша Партія должна стать „авангардомъ оппозиціонныхъ силъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ", комитеты приглашались призывать рабочихъ „къ политическимъ дѣйствіямъ, къ уличному протесту противъ всякаго царскаго насилія", наконецъ, указывалось какъ „на самую настоятельную, не терпящую отлагательства, задачу — на *подготов-*

*) Часть прокламацій была напечатана типогр. „Южнаго Рабочаго" и часть типогр. „Искры".

**) Эта брошюра была издана Союзомъ по порученію слѣд. комитетовъ: Петербургскаго, Кіевскаго, Харьковскаго и Донского и соц.-дем. группъ—въ Тифлисѣ, Симферополѣ и друг. Изъ Москвы, Одессы, Иваново-Вознесенска и Екатеринослава на этотъ счетъ нами не было получено никакихъ свѣдѣній.

леніе майскаго праздника". При этомъ говорилось далѣе: „Наши партійныя организаціи должны на этотъ разъ *призывать къ участію въ майской манифестаціи не только пролетаріатъ, но и всѣ революціонныя антиправительственныя силы*, — отъ учащейся молодежи до всей массы городского „простонародья". И „въ этомъ году классовой праздникъ пролетаріата" — долженъ сдѣлаться „днемъ союза всѣхъ революціонныхъ силъ подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата".

Кромѣ того, Союзъ Р. С.-Д. издалъ прокламацію „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ", призывая ихъ на уличныя демонстраціи и къ „отвѣту на насиліе насиліемъ", и упомянутую уже майскую брошюру.

Одновременно съ этимъ Союзъ Рус. С.-Д. принялъ исключительныя мѣры, чтобы всѣ эти изданія были своевременно доставлены въ Россію и развезены тамъ по городамъ, гдѣ есть соц.-дем. организаціи.

До 18 апрѣля (1 Мая) Союзъ успѣлъ переправить въ Россію 10 тыс. экземп. прокламацій „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ", до $2^1/_2$ тыс. экземп. Листка № 6-й, около 3 тысячъ отдѣльныхъ оттисковъ статьи „Историческій Поворотъ" и около 6 тыс. экз. брошюры „Первое Мая 1901 г.". Вся эта литература до 18-го же апрѣля была доставлена въ Петербургъ, Москву, Ив.-Вознесенскъ, Кіевъ, Харьковъ, въ Ростовъ на Дону, въ Тифлисъ и др. южные и нѣкоторые поволжскіе города.

Петербургскій Комитетъ („Союзъ Борьбы") никогда раньше не рѣшался звать рабочихъ на уличныя демонстраціи. Теперь въ своихъ обращеніяхъ къ рабочимъ онъ спѣшилъ выяснить имъ значеніе послѣднихъ событій, указать на связь ихъ съ рабочимъ движеніемъ и подготовить рабочихъ къ демонстраціи. Наконецъ, 7 апр., онъ выпустилъ прокламацію „Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ и работницамъ", призывая ихъ на демонстрацію на Невскомъ проспектѣ въ первое воскресенье послѣ 1 мая нов. ст., 22 апрѣля въ 12 ч. дня. При этомъ были выставлены требованія: „Хлѣба и работы, жизни и свободы" — 8-часового рабочаго дня, свободы собраній и союзовъ, свободы слова и печати, неприкосновенности личности; политической свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился съ особымъ воззваніемъ „Къ русскому обществу", гдѣ оповѣщалъ его о предстоящей рабочей демонстраціи 22 апр. и о томъ, что рабочіе ставятъ во главѣ своихъ требованій политическую свободу (см. обѣ прокламаціи ниже).

Въ *Харьковѣ* Комитетъ звалъ рабочихъ на демонстрацію 1 мая по русск. счету вечеромъ послѣ работу.

Въ *Кіевѣ* рабочія организаціи высказались противъ демонстраціи, такъ какъ не разсчитывали на ея успѣхъ. Вмѣсто того рабочихъ призывали въ день 1-го мая по русск. счету бросать работы.

Въ *Одессѣ* Комитетъ выпустилъ свою майскую прокламацію съ требованіями, въ общемъ сходными съ тѣми, какія были выставлены въ общей майской прокламаціи. Прибавленъ только одинъ пунктъ, имѣющій особенное значеніе для разноплеменной Одессы, а именно: одесскіе рабочіе требуютъ „равноправія національностей". Комитетъ призывалъ рабочихъ 18 апрѣля бросать работу и праздновать 1 Мая.

Наши товарищи въ *Тифлисѣ, Симферополѣ* и другихъ южныхъ городахъ рѣшили праздновать 1 Мая демонстраціей.

Донской Комитетъ „отказался по нѣкоторымъ причинамъ отъ демонстраціи" 1 Мая и въ своей прокламаціи, распространенной 29 и 30 апр., призывалъ рабочихъ „не работать въ день всемірнаго рабочаго праздника".

Въ *Москвѣ* Комитетъ сильно пострадалъ отъ бывшихъ передъ тѣмъ арестовъ и не могъ взять на себя организацію открытаго празднованія 1 Мая.

Наконецъ, организація „Искры" издала прокламацію (5.000 экз.) съ призывомъ къ первомайской демонстраціи и, въ случаѣ ея неудачи, къ протесту противъ царскаго праздника (6-го мая) тушеніемъ плошекъ и т. п.

Вездѣ наши товарищи лихорадочно готовились къ празднованію 1 Мая новаго или стараго стиля и съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали первомайскихъ событій.

* * *

Царское правительство ожидало этихъ событій съ трепетомъ и готовилось къ нимъ по своему. Полиція и жандармы изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы помѣшать

распространенію майской литературы и воззваній среди рабочихъ, а тѣмъ болѣе помѣшать самому празднованію 1 Мая. Чтобы предупредить доставку литературы изъ заграницы, былъ чрезвычайно усиленъ надзоръ на границѣ, гдѣ обыскивали чуть не каждаго, пріѣзжающаго по пограничнымъ картамъ.

Какъ готовились мѣстные жандармы и полиція къ 1 Мая, даютъ наглядное представленіе помѣщенныя ниже корреспонденціи изъ Ростова на Дону и изъ Харькова.

Всѣ силы правительства были направлены къ тому, чтобы своевременно „изъять изъ обращенія" всѣхъ, кто можетъ явиться организаторомъ и руководителемъ рабочихъ въ день 1 Мая, кто можетъ принять то или иное активное участіе въ демонстраціяхъ, — вообще всѣхъ, кто выдѣляется изъ общей массы своей сознательностью и культурностью, хотя бы о послѣдней приходилось судить только по костюму. На случай же уличныхъ демонстрацій правительство готовило войска.

Полиція и жандармы усердно разыскивали всѣхъ „неблагонадежныхъ" и заносили ихъ въ свои списки. И наканунѣ самаго рабочаго праздника, подъ 1 мая по загран. счету, по всей Россіи были произведены многочисленные жандармскіе набѣги на обывателей. Такихъ многочисленныхъ обысковъ и арестовъ, произведенныхъ въ теченіе 2—3 дней, еще не бывало въ Россіи.

Въ ночь съ 15 на 16 апр. были обыски и аресты въ *Н.-Новгородѣ*, причемъ арестовано 19 чел.

Въ ночь съ 16 на 17 апр. и слѣдующіе дни были обыски и аресты въ *Кіевѣ*, причемъ обысковъ насчитываютъ до 122, а число арестованныхъ въ одной Лукьяновской тюрьмѣ увеличилось на 56 чел. Кромѣ того арестованные сидѣли въ частяхъ, и въ арестантскихъ ротахъ насчитывали 12 челов. 6 мая въ Кіевѣ были новые аресты,—взято 7 ч.

Въ ночь съ 17 на 18 апр. и слѣд. дни были аресты въ *Петербургѣ* и въ *Ростовѣ на Дону*. Въ Петербургѣ было свыше 600 обысковъ и до 300 арест., въ Ростовѣ на Д. была масса обысковъ и 25 арестовъ. Съ 18 на 19 и съ 22 на 23 были обыски и аресты въ *Екатеринославѣ*,—взято до 80 чел., въ томъ числѣ человѣкъ 40 рабочихъ.

Въ концѣ апрѣля были обыски и аресты въ *Одессѣ*,—взято до 100 чел.

Такимъ образомъ наканунѣ рабочаго праздника въ Россіи было произведено по меньшей мѣрѣ **600 арестовъ**, помимо огромнаго количества обысковъ.

Эти страшные погромы, конечно, должны были оказать свое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что аресты были и до того, особенно во время февральскихъ и мартовскихъ событій, и отъ нихъ уже сильно пострадалъ Петербургъ и Харьковъ, а особенно Москва. Отъ прошлогоднихъ арестовъ совершенно еще не оправился Екатеринославъ.

Благодаря этимъ арестамъ, произведеннымъ наканунѣ майскаго праздника, этотъ день не могъ, конечно, пройти такъ, какъ его хотѣли праздновать. Тѣмъ не менѣе мы съ радостью отмѣчаемъ, что въ *нынѣшнемъ году день 1 Мая въ Россіи былъ отпразднованъ рабочими такъ, какъ онъ еще никогда до того не праздновался.*

Майская демонстрація удалась въ Тифлисѣ, Харьковѣ (вечеромъ 1 мая) и Симферополѣ (5 мая). Неудачно прошла демонстрація въ Петербургѣ 22 апр., хотя на нее явилось до 3.000 раб., и въ Кіевѣ. Были затѣмъ частныя попытки устроить демонстраціи и въ тѣхъ городахъ, гдѣ комитеты нашей партіи не призывали къ ней рабочихъ, какъ это было въ Харьковѣ днемъ 1 мая, въ Кіевѣ 6 мая, въ Ростовѣ на Дону 1 мая и въ Александровскѣ Екатер. губ. Получились слухи о демонстраціяхъ или попыткахъ къ демонстраціямъ въ Севастополѣ и др. городахъ, но подтвержденія этихъ слуховъ мы пока не имѣемъ.

По призыву комитетовъ не работать 1 Мая бросили работу большинство рабочихъ въ Кіевѣ съ утра или послѣ обѣда, и на нѣсколькихъ заводахъ и во многихъ мастерскихъ послѣ обѣда работъ совсѣмъ не было; въ Ростовѣ бросили работу нѣсколько тысячъ челов.; въ Петербургѣ съ 1 мая началось движеніе среди рабочихъ на Выборгской сторонѣ, которое перешло потомъ въ стачки и волненія, охватившія значительную массу петербургскихъ рабочихъ.

Помѣщаемъ далѣе подробныя корреспонденціи изъ разныхъ городовъ о праздновании 1-го Мая въ нынѣшнемъ году.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Майская демонстрація 22 апр. (5 мая) на Невскомъ проспектѣ, къ которой призывалъ Петербургскій Комитетъ, не удалась.

Небывалые массовые аресты, произведенные всего за 5 дней передъ тѣмъ, выхватили много энергичныхъ и смѣлыхъ товарищей какъ изъ интеллигентной, такъ и изъ рабочей среды и вмѣстѣ съ безчисленными обысками должны были, конечно, произвести угнетающее впечатлѣніе на рабочую массу, лишенную къ тому же многихъ изъ своихъ вожаковъ-товарищей.

Холодный день съ падающимъ по временамъ снѣгомъ уже самъ по себѣ не благопріятствовалъ демонстраціи. Тѣмъ не менѣе къ условленному времени (къ 12 ч. дня) Невскій представлялъ изъ себя своеобразный видъ. Группами расхаживали по немъ рабочіе, пришедшіе съ явнымъ намѣреніемъ принять участіе въ событіяхъ дня. Слѣдуя указаніямъ воззванія, приглашавшаго на демонстрацію, они ходили взадъ и впередъ между Литейнымъ и Адмиралтействомъ. Разстояніе это настолько велико, что нигдѣ не образовывалось сплошной толпы, хотя явившихся рабочихъ было навѣрное не менѣе 3 тысячъ. Чувствовалось, что вся толпа ждала условленнаго сигнала, о которомъ говорилось въ воззваніи. Но его не послѣдовало, и настроеніе ничѣмъ не проявилось. Было два-три момента, когда, казалось, готова была образоваться сплошная толпа и послужить исходнымъ пунктомъ демонстраціи. Но раздавалось: „Господа! я васъ прошу ра ойтись", и толпа тихо расходилась. Въ это же время по Невскому стройными рядами дефилировали отряды казаковъ, улановъ и др. войскъ.

Демонстрація 22 апр. не удалась, но этимъ не окончилось празднованіе 1 мая, и всѣ надежды были перенесены на 1 мая ст. стиля. Петербургскіе рабочіе должны были такъ или иначе ознаменовать этотъ день. Для нихъ проще и понятнѣе выдѣлить именно этотъ день изъ обычныхъ будничныхъ дней, чѣмъ день заграничнаго 1 мая. И дѣйствительно, на многихъ заводахъ рабочіе не явились на работу съ утра, а на многихъ оставили работу съ полудня. Праздновалъ Семянниковскій заводъ, на Обуховскомъ заводѣ не явилось на работу 1500 чел. Не работали и на многихъ другихъ заводахъ, но точныхъ данныхъ о числѣ праздновавшихъ нѣтъ. Многіе рабочіе отправились въ Екатерингофскій паркъ, гдѣ обыкновенно бываетъ первомайское гулянье.

Съ 1 мая начались волненія на Выборгской сторонѣ. Здѣсь на бумагопрядильной фабрикѣ Чешера не работала ночная смѣна и предъявила требованія 8 час. рабочаго дня и др. Утромъ не явилась на работу и дневная смѣна. По слухамъ, рабочіе толпою въ 500 челов. отправились по фабрикамъ, требуя прекратить работу; гдѣ къ нимъ не приставали, они били камнями стекла. Къ рабочимъ Чешера присоединились чугунно-литейный и машиностроительный заводъ Леснера, Воронинская мануфактура, Сампсоніевская и др., всего 10 заводовъ и фабрикъ, выставивъ кромѣ общихъ майскихъ требованій и свои частныя требованія. Скоро появилась полиція, которая тотчасъ же приступила къ дѣйствіямъ. Рабочихъ силою тащили на работы, врываясь даже въ квартиры. Когда рабочіе стали защищаться, была вызвана пѣхота, которая пустила въ дѣло холодное оружіе (приклады и штыки*). Сопротивленіе со стороны рабочихъ было сильное. Въ одномъ домѣ (№ 9 по одному переулку) рабочіе укрѣпились и защищались сложеннымъ на дворѣ кирпичемъ. Этотъ домъ солдаты брали приступомъ. Были ли убитые, точно неизвѣстно, но крови, говорятъ, было не мало, и жестокость полиціи не знала предѣловъ. Арестовано, по слухамъ, 200 челов.**)

Забастовка продолжалась нѣсколько дней, затѣмъ понемногу начали работать. 8 мая стачки у Чешера и Леснера еще продолжались.

7 мая начались сильные безпорядки на казенномъ сталелитейномъ Обуховскомъ заводѣ. 1 мая часть рабочихъ не

*) Замѣтимъ, что пускать въ дѣло противъ безоружной толпы штыки — пріемъ болѣе варварскій, чѣмъ даже залпы. Избіеніе толпы штыками даетъ огромное количество убитыхъ и раненыхъ. Ред.

**) По другимъ свѣдѣніямъ было ранено до 30 чел., а арестовано до 1000 челов. Ред.

вышла на работу. Обыкновенно не приходившихъ въ этотъ день рабочихъ начальство не штрафовало. Но на этотъ разъ Ивановъ, исполняющій должность директора, объявилъ, что не явившіеся на работу будутъ разсчитаны. Онъ надѣялся замѣстить ихъ рабочими съ сосѣдней частной фабрики, которая за отсутствіемъ работы то и дѣло разсчитывала рабочихъ. Тогда всѣ рабочіе того отдѣленія, гдѣ работали „маевщики“ (праздновавшіе 1 мая) заявили, что они требуютъ разсчета; къ нимъ присоединилось еще другое отдѣленіе. Ивановъ призадумался и рѣшилъ разсчитывать маевщиковъ по частямъ. Было разсчитано 12 рабочихъ. Въ отвѣтъ на это въ ихъ отдѣленіи забастовала часть рабочихъ, а на другой день, 7 мая, толпа рабочихъ прошла по заводу изъ мастерской въ мастерскую и уговаривала рабочихъ бросать работу; придя въ машинное отдѣленіе, рабочіе дали гудокъ и заводъ сталъ... Съ крикомъ и свистомъ вышли рабочіе изъ завода, ругая Иванова; въ окна его квартиры полетѣли камни. Ивановъ съ грубыми ругательствами вышелъ къ толпѣ и спросилъ, чего ей надо. Рабочіе заявили три требованія: возвращеніе разсчитанныхъ товарищей, уничтоженіе незаконныхъ обязательныхъ сверхурочныхъ работъ и удаленіе помощника директора Иванова. Ивановъ, продолжая грубо ругаться, отказалъ рабочимъ въ ихъ требованіяхъ, и своимъ обращеніемъ сильно раздражилъ толпу. Рабочіе рѣшили окончательно бросить работу и двинулись къ воротамъ на улицу. Но здѣсь сторожъ, онъ же шпіонъ, не хотѣлъ ихъ пропустить. Тогда одинъ рабочій ударилъ его ножемъ и убилъ (рабочій арестов.). Толпа собралась у завода. Явившаяся вначалѣ полиція пробовала разогнать толпу, но была оттѣснена рабочими. Были вызваны войска и усилена полиція. Вновь прибывшій отрядъ конныхъ городовыхъ обнажилъ шашки и врѣзался въ толпу, избивая всѣхъ, кто попадался подъ руку. Городовые гонялись по улицѣ за рабочими, заворачивали въ переулки и били тамъ ничего не подозрѣвавшихъ прохожихъ. 200 рабоч. вбѣжали во дворъ сосѣдней картонной фабрики, заперли ворота и оттуда посыпался градъ камней на полицію и солдатъ; тѣ отступили, но потомъ взяли штурмомъ эту „крѣпость“ и бросились во дворъ. Рабочіе разбѣжались по домамъ. Христолюбивое воинство ринулось и туда и, говорятъ, оно сбрасывало рабочихъ съ лѣстницъ и вообще не стѣснялось ломать руки и ноги, водворяя спокойствіе. Въ это время были арестованы 200 раб. и тотчасъ же отправлены на пароходѣ по Невѣ въ участки.

Сопротивленіе продолжалось и толпа на улицѣ росла. Въ 6 час. вечера къ обуховцамъ присоединился заводъ Берта. Рабочіе бросили тамъ работу раньше. Паровой трамвай по Шлиссельбургскому тракту долженъ былъ остановиться. Рабочихъ сначала колотили шашками и прикладами, рабочіе защищались камнями, палками, а иногда ножами. Но вотъ вызвали пѣхоту и отданъ былъ приказъ стрѣлять. Раздались три залпа одинъ за другимъ. Стрѣляли въ упоръ боевыми зарядами. Первымъ залпомъ было убито трое: рабочіе попрятались за углы и отвѣчали камнями. Послѣ слѣдующихъ залповъ толпа бросилась вразсыпную, но ей въ догонку посылались еще отдѣльные выстрѣлы. Сколько было убито, достовѣрно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ не мало *). Въ одной больницѣ только тяжело раненыхъ лежало 10 чел. Пули попадали въ дома и убивали мирныхъ обывателей. Такъ былъ убитъ одинъ мальчикъ 13 лѣтъ и ранена въ щеку на вылетъ одна дѣвочка.

Говорятъ, на помощь къ обуховцамъ шли рабочіе съ Путиловскаго завода и изъ Колпина, но ихъ не пропустили.

8 и 9 мая на Обуховскомъ было спокойно. Вернулся изъ отпуска директоръ завода и вывѣсилъ объявленіе, чтобы рабочіе въ пятницу (11-го) выходили на работу, а въ субботу прислали бы къ нему депутацію. Рабочіе согласились на это и съ пятницы стали на работу.

Волненія на Обуховскомъ заводѣ перешли и на другіе заводы.

Бастовали рабочіе въ теченіе нѣсколькихъ дней на Семянниковскомъ заводѣ, требуя сокращенія рабочаго времени передъ праздниками.

На заводѣ Гука бастовали, требуя повышенія разцѣнокъ. Здѣсь были выбиты стекла, но стачка скоро прекратилась.

---

*) По однимъ свѣдѣніямъ убито 10 чел., ранено 20—30. Ред.

На Волынкѣ и на Путиловскомъ заводѣ администрація обратилась къ полиціи, требуя мѣръ пресѣченія. Полиція арестовала 25 челов.

Была забастовка въ мастерскихъ Николаевскаго вокзала. Рабочіе требовали введенія уничтоженныхъ здѣсь сверхурочныхъ работъ, такъ какъ обычнаго заработка въ 50 коп. въ день имъ не хватаетъ на пропитаніе *). Требованіе рабочихъ обѣщали удовлетворить и они снова стали на работу.

Въ деревнѣ Волынкѣ въ среду (?) была драка пьяныхъ. Когда появились городовые, то междоусобіе прекратилось и дравшіеся набросились на полицію, причемъ, говорятъ, были убиты два городовыхъ.

Всюду усиленные патрули жандармовъ и городовыхъ, всюду на фабрикахъ поставлена полицейская стража. Происходятъ аресты и многочисленныя высылки рабочихъ изъ Петербурга на родину. Какъ сообщаютъ, спеціальные поѣзда ежедневно увозятъ высылаемыхъ рабочихъ изъ Петербурга. Указываютъ колоссальную цифру высланныхъ за послѣднее время рабочихъ за безпорядки и безработныхъ, доходящую до 20 тыс. челов.

* * *

Всѣ эти волненія рабочихъ въ Петербургѣ, начавшіеся съ 1 мая и, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, продолжавшіеся еще на отдѣльныхъ заводахъ въ іюнѣ, ясно показываютъ, насколько усилилось недовольство рабочихъ въ Петербургѣ. Они показываютъ, что рабочіе готовы уже съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои требованія, отвѣчать на насиліе насиліемъ. Но дикій разгулъ царскихъ опричниковъ, массовые аресты наканунѣ мая лишили массу наиболѣе сознательныхъ элементовъ, оставили ее безъ руководителей. Нашъ петербургскій корреспондентъ не сообщаетъ ни объ одномъ воззваніи Петерб. Комитета за все время волненій и кровавыхъ столкновеній. Рабочая масса была предоставлена самой себѣ — и ея революціонное настроеніе ушло цѣликомъ въ стихійныя вспышки, истрачивалось по частямъ на разрозненныя стычки, безъ общаго руководящаго плана, который могъ бы сконцентрировать и удесятерить всю эту еще непочатую революціонную силу петербургскаго пролетаріата.

При этихъ условіяхъ приходится радоваться и удивляться энергіи, смѣлости и даже сравнительней умѣлости, которыя проявила рабочая масса въ своемъ отпорѣ противъ вооруженной силы.

Очевидно, наступаетъ время, когда излюбленныя звѣрскія дѣйствія правительства при „усмиреніи“ стачекъ и рабочихъ волненій вообще будутъ встрѣчать все болѣе и болѣе рѣзкій отпоръ со стороны „усмиряемыхъ“. Царское же правительство этого не видитъ или вѣрнѣе — не хочетъ видѣть. Сипягины, Клейгельсы и вся армія обмундированныхъ и переодѣтыхъ опричниковъ не обращаетъ никакого вниманія на ростъ недовольства, чувства собственнаго достоинства и сознанія своего права въ средѣ рабочей массы. Они по прежнему и хуже прежняго ищутъ спасенія въ голой, варварской силѣ, пуская для этого въ ходъ нагло *вызывающія* мѣры и пріемы. Болѣе, чѣмъ когда-либо царское правительство жаждетъ рабочей крови, стремится утопить въ крови всякую попытку массового протеста со стороны рабочихъ. На это правительство падаетъ вся вина за майскія бойни, за хладнокровно убитыхъ и раненыхъ, за всѣ загублeнныя жизни!..

Эти новыя звѣрскія преступленія самодержавнаго правительства никогда не забудутся русскими рабочими! Каждая жертва царскихъ пуль и штыковъ немолчно будетъ напоминать рабочимъ о необходимости безпощадной борьбы противъ ихъ главнаго и злѣйшаго врага, противъ самодержавія.

---

*) Неорганизованность всего движенія — слѣдствіе апрѣльскихъ погромовъ—привела и къ этому странному требованію возстановленія сверхурочныхъ работъ, между тѣмъ какъ рабочіе должны всегда добиваться ихъ отмѣны и требовать соотвѣтственнаго *повышенія платы* за урочное рабочее время.
Ред.

КІЕВЪ.

У насъ въ Кіевѣ въ ночь съ 16 на 17-ое апрѣля были аресты и обыски, продолжавшіеся и въ слѣдующіе дни. Арестовано около ста человѣкъ,—большинство интеллигентовъ, рабочихъ всего 14 человѣкъ. Жандармы усиленно искали типографію. 18 апр. много рабочихъ не работали. 19 апр. вышла печатная прокламація Комитета по поводу арестовъ, въ которой говорилось, что Комитетъ цѣлъ и продолжаетъ свою работу. 29 апр. вышла прокламація Комитета, приглашавшая рабочихъ не работать 1 Мая. Прокламація была распространена въ огромномъ количествѣ, особенно среди ремесленниковъ. 1 мая послѣ обѣда всѣ рабочіе южно-русскаго машиностроительнаго завода бросили работу, съ пѣніемъ вышли на улицу и разошлись по домамъ. Были вызваны казаки, пріѣхали Новицкій и вице-губернаторъ, но до столкновеній не дошло. Много рабочихъ не работало въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на заводѣ Греттера, на фабрикѣ Термана и другихъ. Въ одной большой типогафіи (Корчакъ-Новицкаго) работы совсѣмъ не было.

* * *

Другой корреспондентъ намъ пишетъ:

Мѣстная группа соціалистовъ-революціонеровъ и „революціонная соціальдемократическая организація — Рабочая Воля“, о которой я писалъ въ прошлый разъ (см. № 9-й „Раб. Дѣла“), попытались устроить 6-го мая на Крещатикѣ демонстрацію, которая не можетъ, къ сожалѣнію, быть признана удавшейся.

Первоначально демонстрація была назначена на 18-ое апрѣля, но тогда она не состоялась и была отложена на 6-ое мая — ближайшій праздничный день послѣ 1-го Мая. Кіевскій Соціальдемократическій Комитетъ, подчиняясь рѣшенію рабочихъ организацій, давно уже рѣшилъ не устраивать первомайской демонстраціи. Поэтому во вчерашней демонстраціи кіевскіе соціальдемократы никакого участія не принимали. Въ эти дни дѣятельность с.-д. Комитета проявилась въ изданіи и распространеніи нѣсколькихъ агитаціонныхъ листковъ, изъ которыхъ послѣдній, появившійся за день до 1-го Мая, напечатанный, къ досадѣ жандармовъ, тѣмъ же шрифтомъ, какъ и всѣ прокламаціи этого года, рекомендовалъ всѣмъ работницамъ и рабочимъ Кіева ознаменовать всемірный рабочій праздникъ однодневной забастовкой. Въ день появленія листка вагоновожатые электрической конки заявили, что не выѣдутъ, пока администрація конки не дастъ обѣщанія уменьшить работу и увеличить число служащихъ. Эти требованія были удовлетворены и вагоновожатые принялись за работу, выѣхавъ лишь 3-мя часами позднѣе обыкновеннаго. 1-го Мая работы пріостановились въ нѣкоторыхъ мастерскихъ и заводахъ — напр. на заводѣ Термана.

Демонстрація безъ участія мѣстныхъ соціальдемократовъ, очевидно, не могла разсчитывать на успѣхъ. Отчасти успѣху ея помѣшали также принятыя полиціей чрезвычайныя мѣры предупрежденія. Полиція и войска уже задолго подготовлялись къ демонстраціи. Перваго мая войска были расположены по всѣмъ частямъ города; была приведена въ движеніе даже артиллерія, отрядъ которой съ пушками продефилировалъ „на страхъ врагамъ“ по главнымъ улицамъ Кіева съ корпуснымъ командиромъ, генераломъ Будде во главѣ. А въ тотъ день, когда демонстрація дѣйствительно состоялась, 6-го мая, по Крещатику взадъ и впередъ ѣздила сотня казаковъ, городовые и околоточные цѣпью отдѣляли троттуары Крещатика отъ улицы, арестовывая демонстрантовъ, выходящихъ на середину. Такимъ образомъ было схвачено 29 человѣкъ, изъ числа которыхъ 17 были препровождены въ Дворцовый участокъ, а оттуда въ Лукьяновку. Народу было мало. Демонстрантамъ не только не удалось осуществить своего плана—пройти отъ Прорѣзной къ думѣ и обратно, но даже не удалось собраться въ большую толпу. Какъ только составлялось ядро и толпа сбѣгалась съ криками „ура!“, полиція устремлялась бѣгомъ туда же и моментально разгоняла собравшихся.

Въ общемъ демонстрація, по отзывамъ всѣхъ очевидцевъ, не производила внушительнаго впечатлѣнія; она выяснила необходимость на будущее время точнаго подсчета силъ, большей осмотрительности и обдуманности при назначеніи манифестацій.

P. S. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля

изъ Кіева былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ батальонъ Бессарабскаго полка и сотня казаковъ въ Сосницкій уѣздъ Черниговской губерніи для усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ. На этотъ разъ дѣло обошлось безъ экзекуціи.

Кіевъ, 7 мая.

—ъ.

* * *

Кіевскій Комитетъ напечаталъ 1.500 экземпляровъ „Призыва“, взятаго изъ брошюры „1-ое Мая“, изд. Союзомъ.

ХАРЬКОВЪ.

Харьковскій Комитетъ рѣшилъ отпраздновать рабочій праздникъ демонстраціей 1 мая по русскому счету. И чтобы на демонстрацію явилось какъ можно больше рабочихъ, назначилъ ее на вечеръ послѣ работы, въ 9 часовъ.

Полиція давно уже не дремала и всѣми силами старалась помѣшать всякому „нарушенію порядка“. Четыре раза предпринимала она въ Харьковѣ повальные обыски и аресты, не говоря уже о томъ, что отдѣльныхъ лицъ хватали чуть не ежедневно. Между прочимъ у одного изъ обыскиваемыхъ (Радченки) нашли прокламаціи, одного поймали при расклейкѣ прокламацій. Хватали подозрительныхъ лицъ на улицѣ и обыскивали. Сколько всего арестовали, трудно подсчитать; во всякомъ случаѣ очень много.

На заводахъ разсчитывали почти всѣхъ мало-мальски сознательныхъ рабочихъ.

Къ 1 мая въ Харьковѣ выписали пензенскій полкъ въ подкрѣпленіе мѣстному гарнизону. Изъ окрестностей выписали всѣхъ жандармовъ и полицейскихъ и вообще „приняли всѣ мѣры“. Дошло до того, что 30 апрѣля полицейскіе среди бѣла дня ходили изъ дома въ домъ и подрядъ всѣхъ обыскивали. Это, конечно, привлекало толпу любопытныхъ, причемъ не обходилось и безъ стычекъ. 1 мая заперли всѣ монопольки, разставили по городу войска и ждали.

Еще 19 февр. были расклеены объявленія губернатора, направленныя противъ уличныхъ безпорядковъ. Рабочіе ихъ срывали и на ихъ мѣсто наклеивали другія, призывающія къ демонстраціямъ.

Къ 1 мая по городу нѣсколько разъ клеили и разбрасывали прокламаціи. Были они также розданы по всѣмъ заводамъ. Вообще рабочіе и съ своей стороны не дремали. Листки, приглашавшіе на демонстрацію, были разбросаны также въ университетѣ, технологическомъ и ветеринарномъ институтахъ.

1 мая падалъ дождь; это повергало публику въ уныніе, тѣмъ болѣе, что всѣ почти заводы вышли на работу. Не работали только нѣкоторыя мелкія мастерскія (сапожныя и портняжныя) и отдѣльныя лица изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Казалось, день пройдетъ спокойно.

Съ утра въ назначенныхъ мѣстахъ кромѣ шпіоновъ и полиціи, да нѣсколькихъ интеллигентовъ изъ радикаловъ —никого, рабочихъ ни души. Потомъ на Сумской ул. появилась группа рабочихъ-ремесленниковъ и была неудачная попытка устроить демонстрацію. *)

Къ полудню улица нѣсколько оживилась. Ѣздили разные превосходительства: жандарм. полковникъ на заводъ Пильстрема, полицеймейстеръ на конную. Прошли слухи, что на Ивановкѣ драка. Вѣрно ли это, не знаю. Къ вечеру вся полиція, казаки и жандармы вышли изъ центра города и отправились на окраины. Такимъ образомъ къ вечеру Сумская осталась почти совершенно безъ полицейскаго прикрытія.

Въ 9 час. вечера на Сумской было очень мало публики, такъ что, если бы не десятка два полицейскихъ, стоявшихъ у театра, то улица имѣла бы самый обыденный видъ. Черезъ полчаса публики на троттуарахъ какъ будто немного прибавилось, и затѣмъ на верху Сумской появилась толпа исключитель-

*) Объ этой именно попыткѣ сообщалось въ частномъ письмѣ, опубликованномъ въ гектографированныхъ лондонскихъ бюллетеняхъ, что въ „демонстраціи“ приняли участіе „человѣкъ 30 подмастерьевъ (отъ 18-20 лѣтъ)... Кричали: „8-мичасовой рабочій день! Да здравствуетъ свобода!“, высоко держали красный платокъ; но все это представляло жалкое и удручающее зрѣлище...“ О *вечерней* же демонстраціи, назначенной Комитетомъ, авторъ упомянутаго частнаго письма, очевидно, еще не зналъ, когда отправлялъ свое письмо. *Ред.*

но изъ рабочихъ и съ пѣніемъ „Дубинушки“ и съ краснымъ знаменемъ двинулась внизъ къ Николаевской площади. Къ толпѣ примкули рабочіе, бывшіе на улицѣ, и публика изъ Университетскаго сада. Надо замѣтить, что къ вечеру погода улучшилась. Въ какихъ-нибудь четверть часа толпа выросла до значительныхъ размѣровъ. Вся улица была запружена. Толпа шла внизъ и продолжала пѣть. Такъ дошли до Николаевск. площади и простояли здѣсь 1/4 часа. Кричали: „Да здравствуетъ свобода!“ „Долой царя!“ „Долой самодержавіе!“ и т. д. Говорятъ, была произнесена и рѣчь. Полиція была, очевидно, не приготовлена, потому что пріѣхалъ только полицеймейстеръ и то лишь тогда, когда стали расходиться. Полицеймейстеръ сталъ просить публику разойтись. Толпа повернула и пошла вверхъ по Сумской. Кто-то сказалъ, что въ Университетскомъ саду оцѣпили рабочихъ. Толпа бросилась туда. Но садъ въ это время заперли.

Полиціи прибывало. Появилась сотня казаковъ, за ними еще и еще. Но никого не брали, пока что все окончилось мирно. Публика постепенно разошлась.

Общую толпу участвовавшихъ въ демонстраціи опредѣляютъ въ 1.000-1.500 чел., причемъ рабочіе составляли не больше половины общаго количества. Понятно, что такая демонстрація не можетъ считаться вполнѣ удавшейся, если припомнить, что въ прошломъ году въ майской демонстраціи въ Харьковѣ участвовало до 10 тыс. рабочихъ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.

Грозныя февральскія и мартовскія событія, напомнившія царизму о не столь уже отдаленномъ его концѣ, быстро разнеслись по лицу всей земли русской, захвативъ и нашъ городъ. Вѣсти эти произвели во всѣхъ слояхъ общества крайне сильное впечатлѣніе. Онѣ всколыхнули всѣхъ, заинтересовали и поселили въ сердцахъ однихъ безпредѣльную радость и непоколебимую увѣренность въ приближающемся торжествѣ праваго дѣла, наведя этимъ самымъ паническій ужасъ на другихъ. Безспорно, такого общественнаго оживленія, такого сильнаго подъема духа — не бывало за послѣднія двадцать лѣтъ дикой реакціи. Даже безсловесные рабы прикащичьяго и мелкобуржуазнаго міра, не рѣшавшіеся раньше пикнуть, набирались храбрости и дерзали читать прокламаціи, циркулировавшія въ массовомъ количествѣ даже въ „высшихъ сферахъ“. Подростки и старики переписывали „письмо писателей“ и охотно распространяли его между знакомыми.

Что касается рабочей среды, то на нее извѣстія изъ столицъ произвели дѣйствіе масла, подливаемаго въ тлѣющій огонь, который скоро, очень скоро вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Донской Комитетъ Росс. С.-Д. Р. П. отозвался на событія двумя прокламаціями, которыя были приняты рабочими сочувственно (см. № 9-й „Раб. Дѣла“.—Ред.). Въ виду настроенія рабочихъ власти начали употреблять невѣроятныя усилія, чтобы задушить проблески пробуждающагося протеста. Уже при выходѣ мартовскихъ прокламацій полицеймейстеръ просилъ по телеграфу у наказного атамана (генер.-губерн.) разрѣшеніе употребить въ дѣйствіе войска, хотя надобности въ этомъ не было никакой. Въ первыхъ числахъ апрѣля въ Новочеркасскѣ начались совѣщанія областной и ростовской жандармеріи съ представителями администраціи. Результатомъ ихъ было опубликованіе въ Ростовѣ обязательнаго постановленія наказн. атам. о воспрещеніи сходокъ, собраній, ношенія оружія, — съ угрозой употребить войска при первомъ удобномъ случаѣ. Мѣстный гарнизонъ былъ усиленъ 150 конными казаками. Наконецъ, 12 апрѣля въ Ростовѣ собрался совѣтъ нечестивыхъ, состоявшій изъ жандармовъ, чиновъ полиціи и мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. При этомъ трогательномъ единеніи полицейскаго кулака, жандармскаго сыска и эксплуататорской мошны не хватало только долгогриваго попа съ его фарисейскими нравоученіями. Страхъ этихъ господъ былъ такъ великъ, что одинъ заводчикъ предложилъ съ перепугу не работать 1-го мая и дать свободу рабочимъ: „лишь бы только ихъ не трогали“... Въ заключеніе фабриканты и заводчики рѣшили принять на службу провокаторовъ и, кромѣ того, указать жандармеріи всѣхъ сознательныхъ рабочихъ, которыхъ рѣшено было арестовать на двѣ недѣли, дабы тѣмъ предупредить появленіе прокламацій. Про-

кламаціи ожидались 18 апр., а потому постановлено аресты производить 16 и 17-го въ надеждѣ двухъ зайцевъ убить: захватить и революціонеровъ, и приготовленную литературу.

Вслѣдъ за совѣщаніемъ началось составленіе гнусно вымышленнаго списка, при чемъ въ него попала масса лицъ, главнымъ образомъ неугодныхъ почему-либо мастерамъ, явившимся старательными пособниками жандармеріи. Но всѣ эти приготовленія не помѣшали дѣятельности Донского Комитета. 16-го утромъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ появились майскія прокламаціи и брошюра „1-ое мая", изданная Союзомъ Русск. Соц.-дем. Прокламаціи произвели сильное впечатлѣніе, и потому, какъ говорятъ, жандармерія побоялась арестовать всѣхъ намѣченныхъ ею лицъ, дабы массовыми арестами не подтолкнуть народъ къ немедленному возмущенію. Рѣшено было ограничиться наиболѣе подозрительными лицами. Въ ночь на 18 апрѣля арестовано 25 челов. (списокъ см. ниже).

Кромѣ того, произведена масса обысковъ. Это еще усилило лихорадочное ожиданіе майскихъ событій. Клевреты жандармеріи и сами жандармы дрожали напередъ. По городу были разставлены усиленные наряды полиціи.

Въ безсильномъ неистовствѣ жандармы доходили до типичныхъ русскихъ курьезовъ. Такъ, на станціи Ростовъ-Пристань разыгрался такой казусъ. Какой-то мелкій служащій ссорился съ желѣзнодорожнымъ чиномъ. Нѣкто Волковицкій, почтенный буржуазный мужъ, лѣтъ подъ 50, имѣющій въ городѣ домъ и угольный складъ, вмѣшался въ ссору и сказалъ желѣзнодорожнику приблизительно слѣдующее: „Чего ругаешься? Вѣдь извѣстно, что вы народъ грабите! Это 200 человѣкъ знаютъ, и всѣ они хоть завтра могутъ прійти и подтвердить, что вы постоянными переборами обираете народъ." Присутствовавшій здѣсь жандармъ, услыхавъ слова: „народъ грабите", „200 человѣкъ прійдетъ"—моментально сообразилъ, что въ устахъ Волковицкаго сидитъ русская революція и сдѣлалъ доносъ на Волковицкаго и служащаго, за котораго тотъ вступился. Обоихъ схватили, произвели у нихъ обыскъ и держали въ тюрьмѣ до 3 мая, пока опасность революціи не миновала. А вотъ другой анекдотическій случай.

За день-два передъ первымъ мая уличный продавецъ подсолнечныхъ сѣмячекъ нашелъ прокламацію и рѣшилъ воспользоваться ею для „цигарокъ". Это увидѣлъ шпіонъ и сообщилъ по надлежащему адресу. Старика-сѣмячника приволокли сперва въ участокъ, а затѣмъ доставили на допросъ въ тюрьму. Жандармскій полковникъ допросилъ перепуганнаго старика по всѣмъ правиламъ жандармской науки, занесъ показанія въ протоколъ и далъ его подпитать сѣмячнику. „Я—неграмотный", простодушно отвѣчалъ „политическій преступникъ".

Вслѣдъ за выпущенными 16 апрѣля майскими прокламаціями въ городѣ появились анонимные гектографированные листки, очевидно, провокаторскаго издѣлія. Въ нихъ рабочіе призывались соединиться съ босяками и береговыми рабочими и начать разбивать полицейскіе участки, дома богачей и... дома терпимости. Въ выпущенныхъ 23 апр. прокламаціяхъ Донской Комитетъ предостерегалъ рабочихъ противъ этой подлой удочки. Несмотря на еще усиленный надзоръ, 27, 28, 29 и 30 апр. какая-то невидимая рука разбрасывала тысячи прокламацій по фабрикамъ, заводамъ, мастерскимъ, площадямъ, базарамъ, берегу и просто городскимъ улицамъ, и никакія шпіонско-провокаторско-полицейскія мѣры не могли открыть этихъ подрывателей гнилыхъ основъ деспотическаго правленія.

Въ прокламаціяхъ этихъ Донской Комитетъ, отказавшись по нѣкоторымъ причинамъ устроить демонстрацію, призывалъ не работать въ день всемірнаго праздника. Можно съ увѣренностью сказать, что 95 процентовъ населенія знало о появленіи прокламацій и ожидало послѣдствій. Слухъ о „бунтѣ" распространился на десятки верстъ кругомъ. О немъ говорили даже дѣти и старики. Полиція и войска были заблаговременно приготовлены. Кромѣ того, циркулируетъ слухъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ростова стоялъ полкъ вооруженныхъ казаковъ, къ которому была проведена изъ 3-го полицейскаго уч. телефонная проволока.

Но приготовленія эти оказались лишними: 1-ое мая прошло мирно, хотя нѣсколько тысячъ раб. бросило работу. Въ однѣхъ мастерскихъ не работало до 2000 чел.; не работалъ совсѣмъ

гвоздильный заводъ Ианина, хотя на немъ, послѣ выхода прокламацій 16 апр., желая задобрить рабочихъ, сократили время работы на полчаса. Вообще, вездѣ работала только часть рабочихъ, а нѣкоторыя предпріятія и совсѣмъ не работали за отказомъ рабочихъ.

Кромѣ того, были отдѣльныя попытки устроить демонстрацію. Такъ, на одной церкви рабочіе повѣсили огромнѣйшій красный флагъ съ надписями: „Свобода" и „Равенство". Въ центрѣ города нѣсколько десятковъ рабочихъ пѣли марсельезу и др. революц. пѣсни.

Хотя массовой демонстраціи не состоялось, но и эти первые шаги много значатъ и даютъ мѣстнымъ работникамъ право надѣяться, что отнынѣ каждый призывъ къ борьбѣ будетъ чутко принятъ многотысячной, ежедневно увеличивающейся аудиторіей, готовой объявить безпощадную войну за свободу. Вѣдь только одинъ годъ прошелъ, какъ наши рабочіе въ массѣ узнали о существованіи борьбы за освобожденіе раб. класса! Обозрѣвая этотъ краткій періодъ времени, буквально поражаешься колоссальнымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ нашимъ рабочимъ движеніемъ, и въ сотый разъ убѣждаешься, что рабочее движеніе — это стоглавая гидра, борьба съ которой невозможна. Жалкимъ пигмеемъ кажется царское правительство, думающее варварскими преступленіями искоренить крамолу; ибо близко уже то время когда рабочій „за каждую слезу ударомъ отомститъ".

ТИФЛИСЪ.

Празднованіе рабочими 1-го Мая (18 апр.) въ Тифлисѣ не удалось, хотя и готовились къ этому. Но уже съ ночи были приняты мѣры, чтобы помѣшать этому празднованію: вблизи желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на Артилеррійской площади, съ вечера расположился драгунскій полкъ, на Юнкерскомъ плацу — 2 сотни казаковъ, а въ самыхъ мастерскихъ—2 эскадрона жандармовъ, которые весь день 18 апр. шныряли между рабочими и станками и наблюдали за тѣмъ, чтобы всѣ работали и не разговаривали. Настроеніе у рабочихъ было напряженное, но работы не прекращались. 20 и 21 апр. въ жел. дор. мастерскихъ, на табачныхъ фабрикахъ, по улицамъ города и въ подъѣздахъ частныхъ квартиръ была разбросана масса майскихъ листковъ на русскомъ языкѣ. Полиція сбилась съ ногъ, собирая эти листки, а контора мастерскихъ, по словамъ очевидцевъ, буквально была завалена ими.

Вечеромъ 21 апр. жандармы произвели обыски въ трехъ частныхъ типографіяхъ и въ одной изъ нихъ (Мартиросіанца) нашли наборъ прокламаціи; были аресты среди наборщиковъ всѣхъ 3-хъ типографій. Всего въ этотъ вечеръ арестовано 26 наборщиковъ. Изъ всѣхъ остальныхъ типографій города были взяты только образцы шрифтовъ.

Въ этотъ же вечеръ у рабочихъ была сходка, на которой рѣшили на слѣдующій день, въ воскресенье 22 апр., выйти на базарную площадь (такъ назыв. Солдатскій базаръ) и оттуда съ поднятымъ знаменемъ и пѣніемъ пройти мимо дворца начальника края по Головинскому проспекту. Полиціи немедленно стало извѣстно это рѣшеніе, и уже съ вечера по дворамъ площади и прилегающихъ улицъ были спрятаны солдаты и полицейскіе.

22 апр. часамъ къ 11 утра на площади собралось около 500 рабочихъ съ табачныхъ фабрикъ; жел.-дор. рабочіе въ этотъ день работали до 12 час. и потому запоздали. Въ виду усиленнаго наряда полиціи, жандармовъ и шпіоновъ, мелькавшихъ среди базарной толпы, собравшіеся не нашли возможнымъ ждать долѣе и подняли красное знамя (съ портретами Лассаля, Маркса и Энгельса и съ надписью „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь" на 3-хъ языкахъ, на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ); въ то же время одинъ изъ рабочихъ, грузинъ, влѣзъ на рѣшетку сада, чтобы произнести рѣчь. Но едва показалось знамя, какъ моментально со всѣхъ сторонъ налетѣли полицейскіе и солдаты съ обнаженными шашками, а за ними казаки съ нагайками и начали направо и налѣво бить и рубить, не разбирая рабочихъ отъ покупающей и продающей на базарѣ публики. Въ нѣсколько минутъ площадь и прилегающія къ ней улицы были очищены отъ народа, лавки закрыты, а выставленный на улицахъ товаръ побитъ и поломанъ. Въ первый моментъ со стороны рабочихъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, кото-

рыми ранены приставъ и городовой; мостовая около Александровскаго сада оказалась залитой кровью; реневыхъ и избитыхъ снесли въ саперныя казармы, затѣмъ 15 человѣкъ легко раненыхъ перевели въ городскую больницу, а болѣе тяжело раненыхъ куда-то скрыли и число ихъ осталось неизвѣстнымъ. Черезъ нѣсколько дней изъ тюрьмы передали, что тамъ умеръ одинъ изъ избитыхъ на площади, студентъ-грузинъ.

Весь этотъ день войска стояли на всѣхъ площадяхъ, дворецъ былъ оцѣпленъ казаками; послѣдніе кромѣ того скакали по всѣмъ улицамъ, выискивая для себя жертвъ.

Какъ только разнеслась по городу вѣсть о „бунтѣ", обыватели высыпали изъ своихъ домовъ на улицы, главнымъ образомъ на Головинскій проспектъ и на прилегающія къ базару улицы; казаки свободно пропускали такъ назыв. „чистую" публику, но какъ только показывались въ толпѣ туземный костюмъ или блуза, на него устремлялось нѣсколько казаковъ и гнали его по улицѣ, размахивая нагайками, до тѣхъ поръ, пока преслѣдуемый не догадывался свернуть въ какой-нибудь дворъ; особенно доставалось отъ нихъ мальчикамъ-подросткамъ. Такъ продолжалось до вечера. Вечеромъ же они производили нападенія на духаны (кабачки) въ рабочихъ кварталахъ, изгоняли оттуда рабочихъ и закрывали ихъ. Всего въ этотъ день было арестовано до 50 человѣкъ, преимущественно рабочихъ.

1-го мая по русскому счету опять были разставлены вездѣ войска и казаки, но день прошелъ спокойно.

Было два знамени, изъ нихъ одно взято и виситъ у губернатора, куда публика ходитъ смотрѣть на него.

* * *

Другой корреспондентъ намъ пишетъ о той же демонстраціи:

Сообщеніе полуоффиціальной газеты „Кавказъ" о майской манифестаціи не совсѣмъ точно. Тамъ говорилось между прочимъ, что нѣкоторые обыватели помогали полиціи возстановлять порядокъ —ложь. На самомъ дѣлѣ населеніе негодовало противъ звѣрскихъ дѣйствій полиціи очень сочувственно отнеслось къ демонстрантамъ. „Обыватели", помогавшіе полиціи, это шпіоны и переодѣтые полицейскіе.

Вотъ вкратцѣ изложеніе событій.

Полиція и жандармерія, узнавъ о приготовленіяхъ рабочихъ къ празднованію 1 Мая, увеличили составъ мѣстныхъ шпіоновъ и полицейскихъ. Въ теченіе всего апрѣля производились обыски и аресты. Тифлисская тюрьма была буквально переполнена. Чтобы найти мѣсто для арестованныхъ, пришлось превратить полицейскіе участки въ временныя тюрьмы. Почти всѣ наиболѣе активные товарищи были арестованы.

Перваго Мая вся полиція была на ногахъ. Впродолженіе двухъ дней (1-2 мая) всѣ фабрики и заводы были оцѣплены солдатами, въ то время какъ казаки разъѣзжали по улицамъ. Тогда рабочіе отложили демонстрацію на 4-ое мая (22 апр.).

Утромъ этого дня рабочіе стали по одному приходить на назначенную площадь; нѣкоторые изъ нихъ одѣлись въ „господскій" костюмъ, другіе оставались, въ ожиданіи назначеннаго часа, въ сосѣднихъ трактирахъ. Было условлено начать демонстрацію въ 11 часовъ. Но уже къ 10 часамъ полиція стала прибывать въ большомъ количествѣ. Тогда изъ среды рабочихъ раздался крикъ: „начнемъ!.. не то будетъ поздно!.." Вслѣдъ затѣмъ было развернуто красное знамя и манифестанты двинулись сплошной толпой. Полиція оцѣпила толпу со всѣхъ сторонъ, а приставъ во главѣ полицейскаго отряда съ шашками на-голо бросился въ средину толпы, чтобы захватить знамя. Манифестанты ему крикнули: „Не пускайте въ ходъ оружія, мы желаемъ сдѣлать только совершенно мирную демонстрацію!" Нечего говорить, что въ отвѣтъ полиція еще больше озвѣрѣла и стала бить шашками направо и налѣво. Казаки усилили бойню своими нагайками... Тогда рабочіе попытались оказать сопротивленіе: одни защищались кинжалами, другіе палками; раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера... Было много раненыхъ (ихъ число въ точности еще неизвѣстно). Черезъ пять минутъ площадь была покрыта солдатами—грубая сила взяла верхъ.

Арестовано наканунѣ и во время демонстраціи до 150 чел., въ томъ числѣ рабочій Мамаладзе, который изъ револьвера ранилъ двухъ полицейскихъ и былъ

жестоко избитъ полиціей. По слухамъ, этотъ рабочій будетъ преданъ военному суду...

Это первая политическая демонстрація, имѣвшая мѣсто въ Тифлисѣ и на Кавказѣ вообще.

Сѣверозападный Край и Польша.

(По сообщеніямъ Заграничн. Комитета Всеобщ. Евр. Раб. Союза въ Р. и П.)

Въ началѣ апрѣля Центральный Комитетъ Всеобщаго Еврейскаго Раб. Союза въ Россіи и Польшѣ (Бунда) издалъ майское воззваніе и майскій (№ 23) номеръ „Arbeiterstimme", напечатанный на красной бумагѣ въ 5.000 экз. Въ передовицѣ этого номера рабочіе призываются праздновать день Перваго Мая, „не работать, устраивать, гдѣ возможно, собранія и демонстраціи", требуя „8-ми часового рабочаго дня, политической свободы, конституціи, равноправія для евреевъ и всѣхъ другихъ національностей". Въ статьѣ: „Свѣтлое царство, отъ мая до мая" данъ подробный обзоръ еврейскаго рабочаго движенія за текущій годъ и краткій обзоръ русскаго и польскаго рабочаго движенія.

Кромѣ того мѣстные комитеты Бунда: *Виленскій, Минскій, Бѣлостокскій, Двинскій, Витебскій* и др. издали свои майскія воззванія. „*Союзъ щетинщиковъ*" выпустилъ майскій номеръ своего органа „Wecker", недавно образовавшійся „*Ферейнъ прикащиковъ*" издалъ воззваніе „Ко всѣмъ прикащикамъ и прикащицамъ", призывая ихъ присоединиться къ рабочимъ и вмѣстѣ съ ними праздновать день 1-го мая, выражать тѣмъ свой протестъ противъ современной эксплуатаціи труда и противъ правительственнаго гнета.

Несмотря на усиленный надзоръ и всѣ мѣры, принятыя властями, уже съ начала апрѣля во всѣхъ городахъ и даже мѣстечкахъ вся эта майская литература была распространена въ огромномъ количествѣ. Кромѣ того Бундъ распространилъ въ русскомъ оригиналѣ майскую прокламацію, изданную комитетами Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Какъ всегда, наканунѣ мая было много обысковъ и арестовъ. Къ самому дню 1 мая вездѣ стояли наготовѣ войска. Въ Минскѣ войскамъ были розданы боевые патроны и было приказано не отлучаться изъ казармъ.

Несмотря на всѣ эти мѣры правительства, день 1-го мая явился грандіозной политической манифестаціей чуть ли не большей части всѣхъ (еврейскихъ) рабочихъ въ районѣ дѣятельнести Бунда.

Наиболѣе крупная и удачная демонстрація была въ *Двинскѣ*. Почти нигдѣ въ этотъ день не работали—ни въ мелкихъ мастерскихъ, ни на фабрикахъ. На спичечной фабрикѣ Закса работали только до обѣда. Уже съ утра рабочіе группами расхаживали по улицамъ, одѣтые по праздничному. Демонстрація была назначена въ 6 час. веч. на Рижской улицѣ. Но уже послѣ обѣда улицы были буквально запружены рабочими. Полицейскіе, жандармы бѣгали, какъ сумасшедшіе. На улицахъ были разставлены военные патрули. Къ 5 часамъ пополудни появились солдаты, конные и пѣшіе. Солдаты оцѣпили главныя улицы и начали арестовывать, кого попало. Они не допускали никого на Рижскую улицу. Но вотъ на Невской улицѣ раздалось громкое, оглушительное „ура!", а вслѣдъ затѣмъ звуки еврейской марсельезы. Торговцы стали запирать свои лавки. Со всѣхъ сторонъ начали раздаваться революціонные возгласы. Рабочіе толпами валили къ мѣсту демонстраціи. На Рижской ул. число демонстрантовъ доходило до 4.000 челов. То и дѣло происходили стычки съ полиціей и съ войскомъ. Передъ домомъ жандармскаго начальника было равернуто красное знамя и пущена ракета. Демонстранты прошли нѣсколько улицъ и были разсѣяны конницей. Но къ вечеру Рижская улица, оставленная солдатами, опять наполнилась рабочими. Революціонные возгласы и пѣсни оглашали воздухъ. Была произнесена рѣчь. Рабочіе опять прошли нѣсколько улицъ и только поздно вечеромъ разошлись по домамъ. Арестовано было въ теченіе этого дня свыше 200 человѣкъ. Изъ нихъ 40 приговорены къ тюремному заключенію на срокъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ.

Въ *Вильнѣ* были двѣ демонстраціи. Первая была устроена исключительно еврейскими *) рабочими въ субботу 27

---

*) По сообщенію Главнаго Комитета Соц.-Д. Царства Польскаго и Литвы, въ де-

апр.; присутствовало на ней свыше 600 человѣкъ. Рабочіе шли по направленію отъ набережной къ Большой улицѣ. День былъ хорошій, солнечный. Гуляющей публики очень много. Появленіе рабочихъ въ „Телятникѣ" (городской садъ) вызвало тревогу среди гуляющей публики и при первыхъ революціонныхъ возгласахъ демонстрантовъ она бросилась бѣжать. Явилась полиція и солдаты изъ сосѣднихъ казармъ и вырвали изъ толпы нѣсколько человѣкъ; между прочимъ арестовали двухъ студентовъ, которые не участвовали въ демонстраціи, но, услыхавъ революціонные возгласы, сняли шапки. Изъ сада рабочіе пошли по Большой и Благовѣщенской улицѣ съ криками: „Долой деспотизмъ! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуеъ 1 мая!" и т. д. Съ выхваченными изъ толпы полиція обращалась звѣрски. Арестовано 25 рабочихъ.

Вторая демонстрація была устроена 1 мая сообща польскими и еврейскими рабочими.

Были затѣмъ демонстраціи еврейскихъ рабочихъ въ день 1 мая въ Вильковышкахъ, Креславкѣ (Витебск. г.) и Гомелѣ. Праздновали 1 мая собраніями и пр., не устраивая демонстрацій, въ Минскѣ, Поневѣжѣ (Ковенск. г.), Пинскѣ и др., мѣстахъ.

Бъ Варшавѣ, Вильнѣ (вторая демонстрація), Ковнѣ и Сморгони были устроены демонстраціи совмѣстно польскими и еврейскими рабочими. О нихъ скажемъ ниже.

Всѣ демонстраціи носили вполнѣ сознательный и ярко политическій характеръ. Въ Гомелѣ демонстранты вмѣстѣ съ возгласами: „Да здравствуетъ 1 мая!" „Да здравствуетъ политическая свобода!" „Долой правительство!" кричали: „Да здравствуетъ Карповичъ!"

Въ заключеніе отмѣтимъ значительное количество еврейскихъ рабочихъ, въ этомъ году не работавшихъ 1 мая, тогда какъ раньше бросать 1 мая работу имъ не удавалось: желающихъ не работать въ этотъ день бывало обыкновенно слишкомъ мало, поэтому они не могли оставить работы, не рискуя подвергнуться сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны хозяевъ и полиціи.

монстраціи принимали участіе и польскіе рабочіе.

Сообщеніе Главнаго Комитета Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы.

Съ начала апрѣля въ разныхъ городахъ Польши и Литвы былъ усиленъ штатъ полиціи; въ Лодзь, Ченстохово, Домброво были призваны казаки; въ Варшавѣ и Лодзи полиція сдѣлала предписаніе дворникамъ усилить бдительность по ночамъ, обѣщая за каждаго пойманнаго при расклейкѣ прокламацій—5 руб. награды, а за всякую наклеенную прокламацію—угрожая оштрафовать на 10 руб. и выслать дворника изъ города. Несмотря на всѣ эти предосторожности, Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы въ послѣдніе дни апрѣля распространила въ Варшавѣ, Лодзи, Ченстоховѣ, Домбровѣ, Жирардовѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ и Ковнѣ слѣдующія свои изданія: „Рабочее Обозрѣніе" № 4 (майскій номеръ) — въ 2500 экз., воззванія Главнаго Комитета Соц.-дем. партіи Царства Польскаго и Литвы по поводу 1 мая — въ 12.000 экз. на польскомъ языкѣ и 2.000 — на нѣмецкомъ, а по поводу событій въ Россіи — 4.000 экз., воззванія и плакаты по поводу 1 мая, изданныя Литовскимъ Комитетомъ Партіи, — въ 2.000 экз., воззванія къ булочникамъ, изданныя по порученію Администраціи Союза Булочниковъ Варшавскимъ Комитетомъ Партіи, — 800 экз. и приглашенія на демонстрацію въ Варшавѣ на Маршалковскую ул. въ воскресенье 28 апр. н. с. въ 5 ч. пополудни, изданныя Варшавскимъ Комитетомъ Партіи, — въ 10.000 экз. Въ № 4 „Рабочаго Обозрѣніи" были помѣщены написанныя спеціально для этого номера письма Бебеля, Каутскаго, Вандервельда и Аксельрода и статья о русскихъ событіяхъ, въ которой говорится: „Въ день 1 мая мы обязаны протестовать противъ царизма и показать свою солидарность съ нашими братьями-русскими революціонерами". Воззваніе по поводу тѣхъ же событій кончается словами: „Да здравствуютъ борющіеся русскіе рабочіе! Да здравствуетъ политическое братство польскихъ и русскихъ рабочихъ! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ конституція!" Во всѣхъ воззваніяхъ выставлено требованіе демократической конституціи и національной автономіи.

Всѣ они напечатаны въ Варшавѣ въ тайной типографіи партіи.

Варшава. Здѣсь по поводу устройства демонстраціи произошло соглашеніе между мѣстными организаціями Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы и Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза. Рѣшено было дѣйствовать солидарно и приглашать рабочихъ на демонстрацію на Маршалковскую ул. у Вѣнскаго вокзала *).

28 апр. въ 5 ч. веч. на Маршалковской улицѣ и въ Іерусалимскихъ аллеяхъ собралось около 15.000 рабочихъ. Полиція и казаки, которые съ 2 ч. дня были помѣщены во дворахъ домовъ и по командѣ разъѣзжавшаго верхомъ офицера выходили оттуда, долго не давали рабочимъ начать шествіе. Только около 8 ч. веч., когда недалеко отъ Вѣнскаго вокзала началась свалка между полиціей и казаками, съ одной стороны, и частью демонстрантовъ — съ другой, 10-12.000 рабочихъ прорвали кордонъ и двинулись по направленію къ Саксонскому саду, распѣвая „Czerwony Sztandar“ („Красное Знамя“). По пути произошли стычки съ казаками и полиціей, все же большинству удалось дойти до Королевской ул., гдѣ къ нимъ присоединилась новая группа. Здѣсь было поднято красное знамя и раздались крики: „да здравствуетъ конституція!“ Въ отвѣтъ на это съ Маршалковской и сосѣднихъ улицъ раздалось оглушительное „ура!“ Послѣ этого демонстранты стали расходиться по домамъ. Арестовано 24 польскихъ и 6 еврейскихъ рабочихъ. Полиція, помня, какую популярность она придала майской демонстраціи въ прошломъ году, арестовавъ огромную массу демонстрантовъ,—въ этомъ году воздержалась отъ такихъ арестовъ.

Въ *Лодзи*, гдѣ господствуетъ страшный экономическій кризисъ, и, вслѣдствіе этого, замѣчается крайне угнетенное состояніе массы, рабочіе рѣшили ограничиться мирной сходкой 28 апр. на главной—Петроковской улицѣ. Въ этотъ день въ 5 ч. пополудни въ назначенное мѣсто явилось около 30.000 рабочихъ и работницъ и нѣсколько часовъ прогуливались, а потомъ стали расходиться домой. Все время демонстративной прогулки казаки разъѣзжали по серединѣ улицы, а масса шпіоновъ толкалась среди демонстрантовъ, стараясь вызвать ихъ на какой-нибудь скандалъ; но рабочіе не поддались провокаціи.

Въ *Вильнѣ* въ среду 1 мая была вторая майская демонстрація, устроенная сообща польскими и еврейскими рабочими. Демонстрація была назначена на Нѣмецкой ул., гдѣ уже съ утра толпились казаки и полицейскіе. Съ обѣихъ сторонъ улицы троттуары были заняты рабочими; интеллигенціи и буржуазіи было очень мало. Рабочихъ собралось до 2.000 чел. Вся толпа направилась къ Большой ул. Видя, что толпа все растетъ и принимаетъ огромные размѣры, губернаторъ отдалъ приказъ казакамъ разсѣять толпу. Казаки бросились на троттуары и пустили въ дѣло нагайки. Демонстранты защищались палками и камнями. Въ свалкѣ 5 чел. изъ публики были сильно избиты. Одинъ казакъ, окровавленный, съ разбитымъ черепомъ, былъ увезенъ въ больницу. Было произведено много арестовъ. Демонстрація продолжалась $1^1/_2$ часа. Послѣ того 2 сотни казаковъ разъѣзжали по городу.

Въ *Ковнѣ* 1 мая около 500 рабочихъ евреевъ, поляковъ и литовцевъ, устроили демонстрацію на главной улицѣ, между мужской и женской гимназіями. Полиція не была подготовлена и просила расходиться, но рабочіе не обращали на нее вниманія, и демонстрація продолжалась 2 часа. 30 апр. стараго стиля здѣсь на улицѣ арестованы: чиновникъ Бонка Ревковскій и портнихи Піотровичъ и Бѣлопіотровичъ. У арестованныхъ найдены воззванія и брошюры „Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы“.

Въ *Сморгони* на Виленской ул. 1 мая собралось больше 1.000 рабочихъ евреевъ, русскихъ и поляковъ и пѣли рабочія пѣсни. Явился исправникъ и сталъ говорить рѣчь, увѣщевая собравшихся. Во время рѣчи онъ вынулъ шашку и пригрозилъ рабочимъ. Въ отвѣтъ на это рабочіе подняли палки. Исправникъ скрылся и вызвалъ по телеграфу казаковъ. Демонстрація же продолжалась до поздняго вечера. Казаки явились на слѣдующее утро и теперь еще разъѣз-

---

*) Къ сожалѣнію, это соглашеніе не состоялось съ Польской Социалистич. Партіей, которая приглашала на демонстрацію въ тотъ же день 28 апрѣля, но въ Уяздовскую аллею. Ред.

жают по городу и сосѣднимъ лѣсамъ, разыскивая рабочія собранія.

* *
*

Въ заключенiе отмѣчаемъ майское воззванiе Центральн. Комитета Польской Соц. Партiи „Пролетарiатъ“. Въ этомъ воззванiи новая организацiя (о ея характерѣ см. статью въ 8-мъ №-рѣ „Раб. Дѣла“) прямо отговариваетъ польскихъ рабочихъ отъ демонстрацiй, призывая ихъ только бросать работу въ день 1-го мая. По мнѣнiю „Пролетарiата“, демонстрацiи вредное средство борьбы, такъ какъ у царя „достаточно пушекъ, чтобы разогнать толпу, достаточно тюремъ, чтобы сгноить демонстрантовъ...“ Этотъ ошибочный взглядъ, рѣзко противорѣчащiй всему опыту рабочаго движенiя въ Россiи и Польшѣ, особенно поражаетъ послѣ февральскихъ и мартовскихъ событiй, показавшихъ все огромное значенiе демонстрацiй въ борьбѣ съ самодержавiемъ и весь страхъ царскаго правительства передъ демонстрацiями. „Пролетарiатъ“ противопоставляетъ демонстрацiямъ—„скрытое, но сильное“ оружiе террора: новая организацiя такимъ образомъ въ сущности совершенно пренебрегаетъ тѣмъ, что составляетъ главную и особенную силу рабочаго движенiя — его массовымъ характеромъ. Въ своемъ майскомъ воззванiи она идетъ еще дальше въ сторону исключительнаго терроризма, чѣмъ петербургскiе „соцiалисты-революцiонеры“, которые въ одномъ воззванiи ошибочно утверждаютъ, что и массовыя движенiя имѣютъ громадное значенiе только при террорѣ...“

Впрочемъ, майскiя демонстрацiи польскихъ рабочихъ въ этомъ году показали, что нецѣлесообразные совѣты новой организацiи не нашли никакого отклика, и мы увѣрены, что польское рабочее движенiе по прежнему будетъ все усиливать свой массовой характеръ и все энергичнѣе дѣйствовать массовыми средствами борьбы.

Финляндiя.

Царское правительство пока еще не успѣло въ конецъ задушить финляндскую свободу—и прабочiе въ Финляндiи могли раздновать Первое Мая на открытыхъ собранiяхъ. Въ Гельсингфорсѣ было два собранiя: говорящiе по шведски рабочiе собрались утромъ, финскiе рабочiе устроили массовое собранiе въ полдень въ домѣ финскаго рабочаго союза. Затѣмъ нѣкоторые союзы праздновали 1-е Мая вечерними увеселенiями. Были майскiя собранiя и въ нѣкоторыхъ провинцiальныхъ городахъ.

Газета рабочей партiи, издающаяся финскомъ и на шведскомъ языкахъ, на выпустила спецiальный первомайскiй номеръ.

МАЙСКIЯ ВОЗЗВАНIЯ.

I. Общепартiйное воззванiе.

Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Товарищи! помните первое мая!!
Не работайте въ день перваго мая!!

ПЕРВОЕ МАЯ
18 апрѣля.

Рабочимъ и работницамъ всей Россiи ко дню рабочаго праздника перваго мая Россiйская соцiальдемократическая рабочая партiя шлетъ братскiй привѣтъ.

Товарищи! Снова призываемъ Васъ достойно отпраздновать день 1 МАЯ. Всѣхъ, кого гнететъ капиталъ и давитъ царское правительство, всѣхъ, кто недоволенъ своимъ положенiемъ и кто созналъ необходимость бороться за лучшую долю, всѣхъ васъ зовемъ мы единодушно и рѣшительно заявить въ день 1 МАЯ протестъ противъ современнаго общественнаго и государственнаго порядка. Товарищи! Майскiй праздникъ застаетъ въ этомъ году Россiю въ самомъ разгарѣ промышленнаго кризиса и вызванной имъ безработицы. Горькимъ опытомъ мы узнали теперь, что даетъ рабочему классу современный капиталистическiй строй, при которомъ орудiя труда принадлежатъ не всѣмъ трудящимся, а небольшой кучкѣ капиталистовъ. Руководясь одной лишь погоней за барышемъ, капиталисты производятъ товары на удачу, не зная навѣрняка, найдутъ ли имъ сбытъ. И вотъ за временемъ усиленнаго производства наступаетъ заминка, фабриканты сокращаютъ производство, разсчитываютъ тысячи рабочихъ, понижая ихъ плату, ухудшая всѣ условiя труда. Все, что мы завоевали упорной борьбой въ прежнее время, теперь во время кризиса можетъ быть у насъ отнято капи-

талистами, которые хорошо знаютъ, что общій застой и безработица дѣлаютъ безполезной всякую стачку. При современномъ строѣ рабочій можетъ жить кое-какъ до тѣхъ поръ, пока его работа даетъ хозяину достаточно барыша. Если его трудъ невыгоденъ, его выбрасываютъ на улицу, какъ бросаютъ лимонъ, изъ котораго выжаты всѣ соки. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не возьметъ производство въ свои руки и, владѣя землей и орудіями труда, не организуетъ его въ интересахъ всѣхъ. Только при такомъ строѣ, при социализмѣ, исчезнетъ вопіющее противорѣчіе, что сотни тысячъ людей должны голодать и терпѣть лишенія потому, что фабриканты наготовили слишкомъ много товаровъ, а обобранные ими рабочіе не могутъ купить ихъ. Только социалистическое устройство общества, при которомъ продукты труда будутъ принадлежать тѣмъ, кто ихъ произвелъ, избавитъ насъ отъ безработицы, какъ избавитъ насъ отъ непосильнаго труда, нищенской жизни, отъ всѣхъ бѣдствій, которыя въ настоящее время выпадаютъ на долю тружениковъ. Милліоны рабочихъ заграницей и у насъ въ Россіи сознали уже необходимость соціалистическаго переустройства общества, необходимость рѣшительной борьбы противъ всего капиталистическаго строя. Идя къ этой великой цѣли, рабочіе Западной Европы собственными силами завоевали себѣ политическія права и, пользуясь ими, съ каждымъ днемъ увеличиваютъ свое значеніе въ государствѣ. Какъ первый рѣшительный шагъ на пути къ освобожденію труда рабочіе всего міра поставили требованіе: 8-ми часовой рабочій день, установленный закономъ. Повсемѣстное введеніе 8-ми часового рабочаго дня обезпечитъ работу многимъ безработнымъ и болѣе высокую плату, такъ какъ спросъ на рабочую силу увеличится; онъ позволитъ намъ не истощать себя чрезмѣрною работою и развивать свое сознаніе и организацію; онъ положитъ начало превращенію рабочаго изъ человѣка, живущаго для того, чтобы работать, въ человѣка, который работаетъ для того, чтобы жить. По рѣшенію рабочихъ партій и союзовъ всего міра день 1-го мая былъ избранъ днемъ всемірной рабочей демонстраціи за 8-ми часовой рабочій день и соціализмъ. Бросая работу и устраивая торжественныя шествія въ этотъ день, рабочій міръ бросаетъ вызовъ капитализму, протестуя противъ всѣхъ его гнусностей и открыто заявляя о своемъ намѣреніи преобразовать весь общественный строй. Повсемѣстная Майская Демонстрація служитъ также выраженіемъ братскаго союза рабочихъ всего міра, которые объявляютъ пожирающимъ другъ друга во взаимной національной враждѣ богатымъ классамъ, что интересы рабочихъ всѣхъ странъ и племенъ — одинаковы.

Русскіе работники и работницы, присоединяйтесь къ этому празднику братства, присоединяйте и свой голосъ къ хору рабочихъ всего міра, требуйте вмѣстѣ съ ними въ день 1-го МАЯ введенія 8-мичасового рабочаго дня.

Но въ великій день рабочаго праздника не забывайте и о другомъ требованіи рабочихъ—политической свободы для всего русскаго народа. Ни 8-мичасового рабочаго дня, ни какихъ либо прочныхъ улучшеній въ настоящее время, ни соціализма въ будущемъ мы не добьемся до тѣхъ поръ, пока не станемъ свободными людьми, пока не избавимся отъ самовластнаго царскаго правительства, угнетающаго весь русскій народъ. Борясь на фабрикѣ за лучшія условія труда, мы на каждомъ шагу сталкиваемся съ царскими чиновниками. Правительство запрещаетъ отдѣльнымъ фабрикантамъ дѣлать какія либо уступки рабочимъ; въ угоду всему классу капиталистовъ оно насиліемъ подавляетъ наши мирныя стачки и преслѣдуетъ ихъ участниковъ; оно разгоняетъ вооруженной силой наши собранія и приказываетъ солдатамъ стрѣлять въ своихъ же братьевъ-рабочихъ; тюрьмой и ссылкой оно караетъ за участіе въ боевыхъ союзахъ и грабитъ деньги, собранныя нашими кассами; оно свирѣпо преслѣдуетъ борцовъ за рабочее дѣло, цвѣтъ и гордость пролетаріата, его лучшихъ сыновъ. У насъ нѣтъ даже тѣхъ жалкихъ правъ, которыми уже пользуются другіе классы въ нашей странѣ: съ большимъ трудомъ намъ разрѣшаютъ открыть самую ничтожную кассу взаимопомощи, самое невинное потребительное общество. Въ этихъ обществахъ рабочіе всецѣло подчинены управленію хозяевъ и мастеровъ. Народъ умышленно держатъ въ темнотѣ, отда-

вая народныя школы подъ надзоръ поповъ и полиціи, преслѣдуя честныхъ учителей, запрещая намъ читать даже тѣ газеты, которыя разрѣшены цензурой, давя всякое живое печатное слово. Весь русскій народъ находится въ положеніи безправныхъ рабовъ подъ пятой полицейскихъ опричниковъ. Жестокими карами онъ платится за то, что не исполняетъ тѣхъ законовъ, которые изданы безъ его согласія, за то, что не можетъ отдать тѣхъ податей, которыя наложены на него самовластнымъ правительствомъ, чтобы расходовать ихъ въ интересахъ дворянъ и капиталистовъ. Въ годину бѣдствія—безработицы русскіе рабочіе, благодаря царскому правительству, попали въ гораздо худшее положеніе, чѣмъ рабочіе другихъ странъ: мы обязаны царскому правительству тѣмъ, что у насъ нѣтъ товарищескихъ союзовъ и кассъ, которые помогли бы намъ продержаться во время безработицы; благодаря нашему полному безправію, мы не можемъ ожидать помощи ни отъ ка ны, ни отъ городскихъ думъ, гдѣ по волѣ правительства правятъ одни купцы, которые уже, конечно, не подумаютъ о томъ, чтобы облегчить безработнымъ пріисканіе работы или устроить для нихъ спеціальныя общеполезныя работы, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ. Въ то время, какъ народъ бѣдствуетъ, правительство Николая II бросаетъ сотни милліоновъ на войну съ Китаемъ, не спрашивая, желаетъ ли русскій народъ тратить свою кровь и свои деньги на то, чтобы путемъ разграбленія Китая дать нажиться подрядчикамъ, инженерамъ и прочимъ хищникамъ. Товарищи! Если мы дѣйствительно хотимъ отдохнуть когда-нибудь отъ нашихъ страданій, мы должны начать рѣшительную борьбу за наше освобожденіе отъ царскаго самовластія, за освобожденіе русскаго народа. Мы должны добиваться, чтобы государство управлялось, законы издавались, налоги взимались и расходовались не по рѣшенію царя и его чиновниковъ, этихъ слугъ капиталистовъ, а по рѣшенію народныхъ представителей, избранныхъ всѣми гражданами. Мы должны добиваться политическихъ и гражданскихъ правъ: равенства всѣхъ передъ закономъ, свободы и неприкосновенности личности, свободы слова и печати, собраній, союзовъ и стачекъ, совѣсти и убѣжденій, свободы участвовать во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Этихъ правъ намъ не дастъ правительство дворянъ, жандармовъ и капиталистовъ, правительство русскаго царя. Эти права мы лишь получимъ отъ правительства, выбраннаго всѣмъ народомъ, отъ открыто и свободно выбранныхъ всей Россіей представителей народа. До сихъ поръ вы боролись подъ знаменемъ Россійской Соціальдемократ. Раб. Партіи противъ хозяйскаго гнета на фабрикѣ. Теперь Рабочая Партія зоветъ Васъ въ день *1 Мая* наряду съ требованіемъ 8-часов. раб. дня провозгласить требованіе *политической свободы, созыва выборныхъ отъ народа* для управленія государствомъ и контроля надъ министрами. Если милліоны рабочихъ повторятъ эти требованія, если ихъ услышитъ вся Россія, то на нашъ голосъ откликнутся всѣ тѣ, кто страдаетъ отъ произвола и гнета, и противъ воли милліоновъ людей не устоитъ царское правительство съ его штыками и пушками. Пусть тотъ, кто сознаѣлъ, что его гнететъ настоящій порядокъ, *1 Мая* присоединится къ Соціальдем. Партіи и вмѣстѣ съ ней провозгласитъ: *да здравствуетъ соціализмъ! да здравствуетъ 8-мичасовой рабочій день! да здравствуетъ политическая свобода!*

Товарищи! Гдѣ только можно бросайте *1 Мая* работу, выражая этимъ сочувствіе нашимъ требованіямъ. Слѣдуйте прошлогоднему примѣру харьковскихъ рабочихъ и празднуйте *1-е Мая* такъ, какъ его давно празднуютъ рабочіе въ Польшѣ и Литвѣ. Слѣдуя указаніямъ мѣстныхъ комитетовъ, устраивайте майскія собранія на главныхъ улицахъ города, и, развернувъ *красное знамя*, требуйте:

8-мичасового рабочаго дня и *политической свободы!*

Комитеты
Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.
Типографія „Южнаго Рабочаго".

II.

КО ВСѢМЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ РАБОЧИМЪ И РАБОТНИЦАМЪ.

Братья-рабочіе и работницы! Для всѣхъ наступила весна... Всѣмъ приноситъ она радость и надежду. Только для насъ, прикованныхъ къ гудящей машинѣ, нѣтъ ни весны,

ни радости, ни надежды... Безработица давитъ насъ словно тисками—и конца безработицѣ не предвидится.

Никогда еще не свирѣпствовали такъ мастера, какъ въ этомъ году. Никогда не было такихъ придирокъ и штрафовъ, никогда не дрожали такъ рабочіе, боясь потерять свой нищенскій заработокъ, и все это потому, что теперь безработица. Довольно! Больше нѣтъ силъ терпѣть безропотно и покорно! Больше нѣтъ силъ такъ жить! Не ждать же намъ спокойно, пока всѣ мы перемремъ отъ голода и непосильныхъ трудовъ... Пойдемъ, потребуемъ себѣ лучшей доли, потребуемъ себѣ человѣческой жизни, потребуемъ хлѣба и работы.

Съ наступленіемъ мая рабочіе всего міра празднуютъ весенній праздникъ. Мы, русскіе рабочіе, постепенно присоединяемся къ нимъ. Въ Варшавѣ, Лодзи, Вильнѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ и др. городахъ наши товарищи соглашаются праздновать свой праздникъ открыто. Растетъ и крѣпнетъ согласіе между рабочими, растетъ и увеличивается ихъ сила вмѣстѣ съ ростомъ сознанія. Появляются все новыя организаціи рабочія, а старыя объединяются въ одно цѣлое. Всѣ онѣ ополчаются на борьбу съ угнетателями — правительствомъ и капиталистами. Угнетатели дрожатъ, когда по улицамъ двигается шествіе рабочихъ со знаменами. Они дрожатъ предъ звуками рабочихъ пѣсенъ. Они дрожатъ передъ растущей силой проснувшихся рабочихъ и передъ ихъ справедливыми требованіями. Пойдемъ, товарищи, въ этомъ году и мы на улицу и пусть эти требованія будутъ: *хлѣба и работы!* У насъ нѣтъ хлѣба и работы, потому что насъ душатъ капиталисты, забирая себѣ выработанное нами. Однихъ они морятъ непосильной работой, другихъ выбрасываютъ за ворота. Противъ этого мы будемъ бороться. Намъ нужно, чтобы у всѣхъ была работа, но не непосильная, а работа въ мѣру. Поэтому мы требуемъ для всѣхъ: *восьмичасового рабочаго дня.* Намъ правительство запрещаетъ требовать у фабрикантовъ улучшеній. Нашу нужду правительство отъ всѣхъ скрываетъ: оно запрещаетъ и преслѣдуетъ наши рабочія газеты; безработныхъ высылаетъ въ деревню. Ему одна забота, — чтобъ все было тихо, а тамъ хоть всѣ подохни съ голоду. Когда мы сами пытаемся помочь себѣ, правительство посылаетъ въ подмогу хозяевамъ городовыхъ и казаковъ. Полицейскій кулакъ и казацкая нагайка — вотъ все, что мы видимъ отъ подлаго царскаго правительства. Такъ жить нельзя! Нашимъ трудомъ живетъ вся Россія, а съ нами обращаются какъ съ овцами, которыхъ стригутъ всѣ и пихаютъ ногами. Товарищи! Кто молчитъ и терпитъ, тотъ всегда останется рабомъ. Пусть трусы прячутся въ свои норы, — мы сумѣемъ отвоевать себѣ человѣческія права. Мы будемъ требовать у правительства: *свободы собраній и союзовъ, свободы стачекъ, свободы слова и печати, неприкосновенности личности. Мы потребуемъ политической свободы.*

Когда у насъ будетъ 8-мичасовой рабочій день и политическая свобода, — тогда мы будемъ жить по человѣчески, тогда мы будемъ свободно бороться за хлѣбъ и работу.

Братья товарищи, всѣ вы, живущіе своимъ трудомъ и страдающіе подъ гнетомъ хозяевъ и царскаго правительства и вы, не имѣющіе теперь работы, всѣ, кто бы вы ни были, откликнитесь на нашъ братскій призывъ! Бросайте свои душныя лачуги и грохочущія машины, одѣвайтесь по праздничному, собирайтесь 22-го апрѣля къ полудню на Невскій проспектъ. Здѣсь, на глазахъ у всего народа мы отпразднуемъ торжественно нашъ Рабочій Праздникъ и потребуемъ многими тысячами голосовъ *хлѣба и работы, жизни и свободы!*

Къ намъ, товарищи, подъ красныя знамена, къ намъ, всѣ честные, смѣлые и жаждущіе быть свободными люди!

Товарищи, собирайтесь 22-го апрѣля на Невскій и прогуливайтесь между Литейнымъ и Адмиралтействомъ. По данному около 12-ти часовъ сигналу быстро направляйтесь въ сторону этого сигнала.

СПБ. Союзъ Борьбы
за освобожденіе рабочаго класса.
Комитетъ Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи.

Спб., 7-е апрѣля 1901 г.

III.

КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Россія переживаетъ знаменательное время. Долго накоплявшееся въ сердцахъ чувство неудовлетворенности современнымъ государственнымъ строемъ вдругъ прорвалось наружу и широкимъ потокомъ разлилось по всѣмъ слоямъ русскаго общества. Самые „благонамѣренные" люди начинаютъ понимать, что самодержавіе преслѣдуетъ исключительно свои узкія, личныя цѣли, идущія прямо въ разрѣзъ съ счастьемъ, культурой и благомъ родины. Само самодержавіе усердно и успѣшно

работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ подорвать къ себѣ послѣднюю тѣнь довѣрія и уваженія. Правительственныя сообщенія, которымъ уже перестали вѣрить самые наивные простаки; цвѣтъ русской молодежи, сдаваемый въ солдаты; величайшій писатель, гордость Россіи, отлученный отъ церкви; кн. Вяземскій, получающій отъ царя строгій выговоръ за то, что пытался остановить противузаконность; разбойничье нападеніе полиціи на безоружную толпу; ужасный голодъ на югѣ Россіи и въ Сибири; безпомощность десятковъ и десятковъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ на мостовую вслѣдствіе кризиса, и лживыя утвержденія, что „все благополучно"; поруганный законъ, полная безгласность общества; полная неотвѣтственность царскихъ чиновниковъ и, какъ вѣнецъ всего, — послѣдній циркуляръ мин. внутрен. дѣлъ, откровенно провозглашающій безграничное самодержавіе полицейскаго кулака, передъ которымъ смиренно должны преклониться всѣ, безъ различія „званія и положенія".

Мы, русскіе рабочіе, горькимъ и долгимъ опытомъ научены, какъ мало до насъ дѣла самодержавію; надъ нами все время занесенъ самодержавный кулакъ, и онъ обрушивается на наши спины, какъ только мы пробуемъ словомъ или дѣломъ заявить, что намъ живется несладко. Для всѣхъ слоевъ русскаго общества ближайшую, насущнѣйшую нужду составляетъ политическая свобода. Въ день 1 Мая (18 апрѣля) мы ставимъ ее во главѣ нашихъ требованій и зовемъ подъ наши знамена всѣхъ, кто не хочетъ быть безправнымъ рабомъ. Демонстрація состоится въ воскресенье, 22 апрѣля, на Невскомъ въ 12 час. дня.

Комитетъ СПБ Союза Борьбы за Освоб. Раб. Класса.

СПБ. Комитетъ Рос. Соц.-д. Раб. Партіи.
Типогр. Спб. Союза Борьбы.

IV.

Россійская Соціальдемокр. Рабочая Партія.

Воззваніе къ 1-му Мая.

(Перев. съ еврейскаго).

КО ВСѢМЪ ЕВРЕЙСКИМЪ РАБОЧИМЪ И РАБОТНИЦАМЪ!

Товарищи! Опять наступаетъ 1-ое мая, день, въ который вся природа снова возвращается къ жизни послѣ зимнихъ холодовъ. 1-ое мая, великій всемірный рабочій праздникъ, первый въ этомъ столѣтіи.

Весело въ этотъ день на душѣ у каждаго рабочаго. Повседневныя заботы, мелочи обыденной жизни забываются и свѣтлая надежда на лучшее будущее наполняетъ его сердце. Въ этотъ день всемірный пролетаріатъ дѣлаетъ смотръ своей великой и могучей арміи.

Торжественно и съ достоинствомъ, бодро и спокойно, безконечною вереницею тянется рабочій народъ.

Огненныя буквы на ярко-красныхъ флагахъ выражаютъ наши требованія и стремленія. Раздаются могучіе звуки революціонныхъ пѣсенъ, воодушевляющихъ рабочую массу.

Каждый въ отдѣльности чувствуетъ и знаетъ, что онъ не болѣе какъ песчинка на берегу морскомъ, что онъ только одинъ изъ тысячъ, изъ милліоновъ сознательныхъ борцовъ, что число и сила ихъ растетъ и что недалеко то время, когда существующій капиталистическій строй съ его эксплуатаціей человѣка человѣкомъ, съ его человѣконенавистничествомъ, съ царящими въ немъ враждой и завистью, голодомъ и нищетой разлетится въ прахъ и наступитъ столь желанный соціализмъ, при которомъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни подчиненныхъ, ни властителей, при которомъ всѣ будутъ равны.

Еврейскіе рабочіе! Святой день насъ застанетъ въ моментъ борьбы, на полѣ битвы противъ нашихъ враговъ. Наша сила растетъ непрерывно, она становится все больше и грознѣе. Съ гордой надеждой, съ чувствомъ радости, съ ликованіемъ мы можемъ встрѣтить нашъ святой праздникъ.

Да, намъ нечего стыдиться передъ нашими заграничными товарищами! Мы не стоимъ на мѣстѣ, мы безпрерывно подвигаемся впередъ, мы уже больше не кланяемся, не сгибаемъ покорно шею, въ свою очередь мы несемъ камни для великаго зданія международнаго соціализма. Мы почувствовали и поняли, какъ ужасно, какъ страшно эксплуатируютъ насъ наши фабриканты и мастера, и мы подняли наши низко опущенныя головы. Мы уже больше не безсильные рабы, мы ужъ не позволяемъ ругать и бить насъ, не позволяемъ топтать насъ ногами и тянуть изъ насъ жилы за нищенскую плату, не позволяемъ урѣзывать намъ плату ни за что ни про что! Мы всецѣло проникнуты одной мыслью; „одинъ за всѣхъ, всѣ за одного". Наша теперешняя жизнь—одна непрерывная борьба, борьба, которая насъ оживляетъ и одушевляетъ, улучшаетъ наше положеніе, дѣлаетъ насъ смѣлыми и безстрашными.

Восьмичасовой рабочій день уже не за горами, мы быстро къ нему приближаемся и шагъ за шагомъ мы завоевываемъ одну позицію за другою. Мы ужъ не хотимъ больше быть вьючными животными и изнурять себя работой для того, чтобы создать богатства для нашихъ фабрикантовъ. Мы хотимъ жить, отдыхать, встрѣчаться съ людьми. Довольно мы страдали, мы хотимъ наслаждаться; довольно мы прозябали и коснѣли въ невѣжествѣ, мы хотимъ черпать полною рукою изъ сокровищъ знанія и науки, мы хотимъ читать, учиться, мы не хотимъ „жить для того, чтобы работать, а работать для того, чтобы жить".

Мы многое поняли, на многое стали мы смотрѣть другими глазами. Мы поняли также и то, что фаабриканты имѣютъ сильнаго союзника и пособника, который всегда приходитъ имъ на помощь, арестовывая и ссылая насъ за стачки, который окружаетъ насъ шпіонами и провокаторами, давитъ и душитъ насъ различными преслѣдованіями. Самодержавіе — названье ему. Царь и его низкіе слуги, чиновники, полиція, жандармерія ограничиваютъ нашу свободу на каждомъ шагу и высасываютъ нашу кровь и мозгъ изъ нашихъ костей прямыми и косвенными налогами. Мы не имѣемъ права собираться для обсужденія нашихъ интересовъ, составлять союзы и вообще объединяться Лучшіе журналы, газеты и книги запрещены и чтеніе ихъ считается преступленіемъ; наша личность ничѣмъ не обезпечена отъ произвола, массовые аресты и обыски — обычное явленіе; обращаются съ нами хуже, чѣмъ съ животными.

Всѣ рабочіе въ Россіи страдаютъ отъ нестерпимаго гнета самодержавія, на все и на всѣхъ оно наложило свою тяжелую руку, но ни въ кого оно не запускаетъ такъ глубоко своихъ когтей, какъ въ насъ, еврейскихъ рабочихъ. Мы даже не пользуемся тѣми жалкими правами, которыя предоставлены другимъ. Мы не имѣемъ права жить тамъ, гдѣ мы хотимъ; спеціальные налоги, какъ напр. на мясо, наложены на насъ; съ ногъ до головы мы опутаны ограниченіями, часто позорными. Насъ гнететъ самодержавіе и существующій строй вдвойнѣ: какъ рабочихъ и какъ евреевъ.

Мы поняли, что только кровавая борьба уничтожитъ самодержавіе и вмѣстѣ съ нимъ наши бѣдствія, и мы взялись за эту борьбу. Наше оружіе остро, хотя оно не изъ желѣза и стали, оно жгуче, хотя не изъ пороха и динамита. Это оружіе—наше единеніе, наша численность, наша рѣшимость.

Отпразднуемъ, братья и сестры, какъ подобаетъ, нашъ великій праздникъ! Пусть никто не работаетъ въ этотъ день! Пусть каждый проведетъ этотъ день среди своихъ товарищей, на большихъ собраніяхъ, гдѣ будутъ произносить рѣчи и пѣть революціонныя пѣсни. Пусть тѣ, которомъ это возможны, *открыто демонстрируютъ*, какъ это сдѣлали въ прошломъ году наши варшавскіе, виленскіе, харьковскіе, минскіе товарищи! Вмѣстѣ съ нашими заграничными товарищами, вмѣстѣ со всемірнымъ проелтаріатомъ мы открыто выражаемъ наше стремленіе добиться *8-мичасового раб. дня*, а въ дальнѣйшемъ *социлистическаго строя*. И внѣстѣ съ нашими русскими, польскими, латышскими, литовскими, финляндскими и еще и еще другими братьями-рабочими мы кричимъ дружнымъ голосомъ: *Долой дикое азіатское самодержавіе, долой врага демократіи и соціализма!*

Мы требуетъ: свободы стачекъ, собраній, союзовъ, свободы печати, слова, свободы жить, гдѣ кто хочетъ, личной неприкосновенности, конституціи и всѣхъ гражданскихъ правъ для всѣхъ, безъ различія національностей и религіи. Да здравствуетъ 1-ое мая! Да здравствуетъ международная соціальдемократія!

Центральный Комитетъ
Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза
въ Россіи и Польшѣ.

Апрѣль 1901 г.

ИЗЪ НИЖНЯГО-НОВГОРОДА.

8 апрѣля исполнилось 2 года со смерти студента Ливена (инженера) въ московской тюрьмѣ. Предполагалось собраться на Благовѣщенской площади передъ Кремлемъ (центръ города) и пройтись по главнымъ улицамъ съ вѣнками и пѣснями. Инициатива устроить демонстрацію исходила отъ мѣстной учащейся молодежи, главнымъ образомъ отъ высланныхъ студентовъ, которыхъ въ Нижнемъ послѣ мартовскихъ погромовъ скопилось около 100. Слухи о готовящейся демонстраціи циркулировали по всему городу: о ней говорили въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, начиная съ радикальной интеллигенціи и кончая золоторотцами; кстати—фактъ, что золоторотцы должны были придти на демонстрацію. Нужно сказать, что либе-

ральная публика очень неодобрительно отнеслась къ „безсмысленнымъ“ затѣямъ своихъ дѣтей и всѣми способами старалась имъ воспрепятствовать. Руководясь „охранительными“ побужденіями, одинъ изъ либеральныхъ „отцовъ“ отправился къ губернатору просить разрѣшенія устроить мѣстной интеллигенціи сходку вмѣстѣ съ инициаторами демонстраціи для обсужденія вопроса, быть или не быть демонстраціи на 8 число, представивъ ему тѣ доводы, что демонстрація все равно состоится и что сходка только можетъ повернуть вопросъ въ обратную сторону, такъ какъ многіе изъ видныхъ лицъ въ городѣ противъ демонстраціи. Разрѣшеніе было получено, причемъ полиціи и жандармеріи отданъ былъ приказъ не являться на эту сходку. Собраніе было назначено въ Соединенномъ клубѣ. Публика допускалась только по пригласительнымъ билетамъ; всѣхъ собралось около 300 человѣкъ. Съ внѣшней стороны, говорятъ, сходка носила какой-то необычайный характеръ: ни одного человѣка полиціи не было ни внутри, ни за стѣнами клуба. А передъ началомъ собранія было заявлено, что такъ какъ тутъ собрались все свои, то все происходящее здѣсь должно остаться тайной для лицъ, не присутствующихъ на этой сходкѣ. Въ числѣ присутствующихъ были представители мѣстной интеллигенціи: вся земская управа in corpore, съ предсѣдателемъ во главѣ, гласные городской думы, мѣстные присяжные повѣренные и даже управляющій контрольной палатой. Кромѣ нихъ, конечно, была вся „разночинная“ интеллигенція и мѣстная учащаяся молодежь. Всѣ видные либералы пришли на сходку съ твердымъ намѣреніемъ провалить демонстрацію. Но помимо ихъ желанія и совершенно для нихъ неожиданно собраніе приняло иной характеръ, чѣмъ предполагалось. Одинъ изъ студентовъ началъ собраніе рѣчью, въ которой коснулся всѣхъ послѣднихъ кровавыхъ событій, произвольной расправы правительства надъ студентами, и просилъ отъ лица студентовъ собравшихся представителей мѣстной интеллигенціи поддержать требованія студентовъ, ходатайствуя передъ правительствомъ. Затѣмъ была предложена петиція на имя Ванновскаго для передачи царю. Содержаніе петиціи: полная амнистія всѣмъ пострадавшимъ студентамъ, начиная съ 98 года, и отмѣна временныхъ правилъ. Послѣ рѣчи вопросъ о петиціи былъ поставленъ на обсужденіе и предложено желающимъ взять слово. На нѣсколько минутъ наступило гробовое молчаніе. Публика, которая явилась сюда обсуждать вопросъ о демонстраціи, съ желаніемъ провалить ее, была поражена оборотомъ дѣла и недоумѣвала, какъ выйти изъ такого неожиданнаго положенія. Послѣ продолжительной паузы, наконецъ, открылись дебаты: нѣсколько человѣкъ изъ радикальной публики поддержало студента, и тогда уже остальные должны были высказаться. Петиція была принята большинствомъ голосовъ, тутъ же былъ предложенъ и текстъ петиціи (заранѣе подготовленный) и начали собирать подписи. Затѣмъ было предложено думцамъ, присутствующимъ на сходкѣ, внести вопросъ о петиціи въ городскую думу, а земцамъ— въ иногороднія земскія управы; что и было принято. Дальше обсуждался вопросъ о демонстраціи. Какъ и слѣдовало ожидать, ее провалили значительнымъ большинствомъ. Но радикальная часть публики не отказалась отъ мысли устроить демонстрацію, только рѣшено было ее перенести на 18 апрѣля (1-е мая нов. ст.). Очевидно, слухи о готовящейся майской демонстраціи дошли и до полиціи; результатомъ чего были обыски и аресты съ 15 на 16 число.

ИЗЪ ЧЕРНИГОВА.

Въ настоящее время все черниговское общество сильно взволновано отдачей подъ надзоръ полиціи и высылкой изъ Чернигова двухъ наиболѣе уважаемыхъ его гражданъ: Петра Федоровича *Николаева* и Василія Михайловича *Хижнякова*. Ни тому, ни другому департаментъ полиціи не объяснилъ, на какомъ основаніи къ нимъ примѣнена эта мѣра, за какіе проступки они подвергаются наказанію.

Николаевъ кончилъ московскій университетъ по юридическ. факультету. Во время приготовленія къ магистерскому экзамену былъ привлеченъ къ дѣлу покушенія Каракозова, признанъ виновнымъ и сосланъ на каторжныя работы на 8 лѣтъ. Послѣ пятилѣтняго пребыванія за Байкаломъ отправленъ въ Якутскую область на поселеніе. Въ 1886 г. ему было разрѣшено возвратиться въ Россію. Съ того времени онъ посвятилъ

своя литературной дѣятельности—(написалъ между прочимъ книгу „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ"). Послѣдніе два года жилъ въ Черниговѣ; въ этомъ году собирался баллотироваться въ гласн. городск. думы (онъ имѣетъ въ Черниговѣ домъ). Но въ день выборовъ пришло (по телеграфу) изъ Петербурга распоряженіе объ отдачѣ его подъ гласный надзоръ на 2 года и высылкѣ изъ Чернигова и Черниг. губ. безъ права въѣзда въ университетскіе города.

Хижняковъ окончилъ кіевскій универ. и нѣкоторое время былъ учителемъ латинск. языка. Какимъ уваженіемъ и почетомъ пользовался онъ въ Черниговѣ, показываетъ слѣдующее. Каждые выборы онъ былъ избираемъ уѣзднымъ, губернскимъ и городскимъ гласнымъ. Впродолженіе 12 лѣтъ былъ черниговскимъ городскимъ головою. Былъ предсѣдателемъ губернской и земской управы. Два раза былъ избираемъ городской думой въ почетные граждане г. Чернигова — послѣдній разъ въ этомъ году. Въ 96 г. былъ вновь избранъ городскимъ головою, но не утвержденъ правительствомъ.—Въ мартѣ этого года Хижняковъ былъ въ Петербургѣ и тамъ между прочимъ подписался подъ протестомъ, обращеннымъ къ министрамъ внутр. дѣлъ и юстиціи по поводу бойни 4 марта. По поводу этой подписи въ апрѣлѣ былъ допрошенъ въ департаментѣ полиціи сынъ его—санитарный врачъ г. Петербурга. Тогда В. М. Хижняковъ письмомъ изъ Чернигова сообщилъ департаменту полиціи, что подпись эта принадлежитъ ему. Вслѣдъ за этимъ у него былъ обыскъ и, хотя ничего компрометтирующаго при этомъ найдено не было, онъ все-таки былъ отданъ на два года подъ гласный надзоръ съ высылкой изъ Черниговской губ. и запрещеніемъ жить въ университетскихъ городахъ. У другихъ лицъ, подписавшихъ протестъ, былъ произведенъ только обыскъ.

ПО ТЮРЬМАМЪ.

ДВА УБІЙСТВА.

Уголовная хроника царскаго правительства обогатилась двумя новыми злодѣяніями.

Въ *Лодзи*, по сообщенію Центральнаго Комитета Бунда, забитъ въ участкѣ до смерти еврейскій рабочій *Пакула*, арестованный 9 мая по одному только доносу хозяина-пекаря. Четыре дня не давали ему ни пищи, ни питья, не принимали также и пищу, которую приносилъ ему старикъ-отецъ. А когда П. на пятый день, не выдержавъ мукъ голода, постучалъ въ дверь своей каморки, то къ нему ворвались полицейскіе и стали безпощадно его бить. Сосѣди по заключенію передавали, что сначала они слышали нечеловѣческій крикъ и стонъ, которые все болѣе ослабѣвали и наконецъ совсѣмъ затихли: рабочій былъ убитъ... Царскіе палачи съ участіемъ раввина пытались скрыть отъ отца смерть сына. Жандармскій начальникъ отвѣтилъ старику на его разспросы: „До 12-ти лѣтъ сынъ принадлежитъ тебѣ, а потомъ — намъ, и ты не имѣешь права спрашивать, что съ нимъ сдѣлали!.." Похороны убитаго происходили ночью, гробъ сопровождали казаки и переодѣтые городовые... Словомъ, убійцы приняли всѣ мѣры, чтобы скрыть слѣды своего звѣрскаго преступленія. Вдобавокъ полиція распространяетъ слухи, что покойникъ повѣсился...

Центр. Комитетъ Бунда заканчиваетъ свое сообщеніе словами: „Подобные факты случались и раньше и рѣшительно нѣтъ никакихъ гарантій противъ ихъ повторенія въ будущемъ..."

Слова эти оправдались скорѣе, чѣмъ можно было думать. Одновременно царскіе опричники совершили другое убійство въ застѣнкѣ же. Мы говоримъ о загубленномъ въ *Митавѣ* гимназистѣ *Крейерѣ*. Этотъ 16-ти лѣтній мальчикъ, правда, убилъ себя самъ, но до этого довели его царскіе опричники и они же виноваты въ смертельномъ исходѣ нанесенной имъ себѣ раны.

Крейеръ, ученикъ VII класса, былъ арестованъ 15 марта за знакомство съ „неблагонадежными". Уликъ противъ него не было накакихъ. И вотъ жандармы и тюремщики пустили въ ходъ мѣры устрашенія и безчеловѣчное обращеніе, чтобы вынудить у арестованнаго показанія. Въ концѣ апрѣля на допросѣ Крейеру дали выпить какое-то возбуждающее средство и онъ въ невмѣняемомъ состояніи далъ „нужныя" показанія!.. Когда онъ очнулся и понялъ, что оговорилъ другихъ, онъ разбилъ въ камерѣ стекло и распоролъ себѣ животъ. Тюремщики дали ему истечь кровью. Его мать только на слѣдующій день, 2 мая, узнала о случившемся и только еще черезъ день она добилась

разрѣшенія взять умирающаго сына домой... Жандармы еще два раза допрашивали раненаго 2 мая и заставили его подписаться подъ протоколомъ... 10 мая Крейеръ скончался.

Главные виновники смерти Крейера — жанд. полковникъ Кладо и тюремщикъ Газе. О послѣднемъ наши латышскіе товарищи сообщаютъ, что онъ уже въ 1889 г. собственными руками задушилъ арестованнаго рабочаго. Царское правительство умѣетъ цѣнить такихъ слугъ: послѣ убійства Крейера этотъ палачъ можетъ разсчитывать на новое повышеніе по службѣ...

Похороны замученнаго юноши носили характеръ демонстраціи. За гробомъ несли вѣнки съ надписями: отъ латышскихъ, еврейскихъ и польсихъ соціальдемократовъ и отъ заграничной латышской группы.

ГОЛОДНЫЙ БУНТЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМѢ.

Массовые аресты послѣднихъ мѣсяцевъ по всей Россіи являлись главнымъ образомъ мѣрой „предупрежденія“ и, стало быть, производились безъ всякихъ основаній, по однимъ подозрѣніямъ, на авось, или же безъ достаточныхъ уликъ даже съ точки зрѣнія жандармеріи. Такъ обстояло дѣло и въ Кіевѣ. Но царскій произволъ имѣетъ свою особую логику: если человѣкъ арестованъ безъ всякихъ основаній, то нужно у него вынудить показанія и для этого подвергнуть его новой, еще болѣе жестокой произвольной мѣрѣ—вплоть до физическихъ пытокъ, какъ въ дѣлѣ рабочаго Пакулы и гимназиста Крейера.

Кіевскій жандармъ Новицкій въ теченіе цѣлаго мѣсяца лишалъ заключенныхъ прогулки и не начиналъ допросовъ. Онъ думалъ этимъ инквизиторскимъ пріемомъ добиться показаній, но добился онъ дружнаго сопротивленія со стороны арестованныхъ, которые, 6 іюня, въ числѣ 35 человѣкъ прибѣгли къ самому крайнему для узниковъ средству борьбы — къ голодовкѣ. „Послѣ трехдневной голодовки“, пишетъ въ своей прокламаціи отъ 14 (27) іюня Кіевскій Комитетъ нашей Партіи, „нѣсколько человѣкъ свалились въ постель, а одинъ совершенно больной былъ отправленъ въ больницу. На четвертый день къ голодающимъ присоединились отбывающіе наказаніе за демонстрацію 11 марта. Въ наказаніе за голодовку 6 чел. были отправлены въ исправит. арестантское отдѣленіе (гдѣ безъ суда и слѣдствія содержатся арестованные за демонстрацію 6 мая, преимущественно рабочіе) и Старокіевскій участокъ.“ Тогда голодающіе предъявили къ пріѣхавшему въ тюрьму губернатору Трепову новое требованіе—возвращенія увезенныхъ 6 чел. „Увѣщанія“ прокурора и губернатора не имѣли никакого дѣйствія. Еще черезъ день, послѣ четырехдневной голодовки, Новицкій, по настоянію губернатора, боявшагося послѣдствій голоднаго бунта, долженъ былъ удовлетворить всѣ требованія заключенныхъ.

Указавъ на успѣхъ борьбы въ застѣнкѣ, на безсиліе жандармовъ водворить „порядокъ“ даже въ тюрьмѣ, прокламація Кіевскаго Комитета обращается къ товарищамъ съ слѣд. словами: „Нѣтъ ничего невозможнаго для тѣхъ, кто знаетъ, что единеніе и настойчивость—сила, противъ которой не устоятъ ни замки, ни рѣшетки, ни генералы, ни стража...“

Голодный бунтъ въ кіевской тюрьмѣ радуетъ насъ, помимо своего успѣха, еще и потому, что онъ является новымъ и очень характернымъ признакомъ обостренія революціонной борьбы. Только въ моменты общаго подъема революціонной волны арестованные, противъ которыхъ нѣтъ никакихъ уликъ, могутъ рѣшиться на такое крайнее средство борьбы и дѣйствовать такъ дружно. Усиливается жандармскій произволъ, но вмѣстѣ съ нимъ и сильнѣе его ростетъ побѣдоносный духъ революціоннаго сопротивленія.

МАЙСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Въ двѣнадцатый разъ международный пролетаріатъ праздновалъ Первое Мая съ тѣмъ же духомъ братскаго единенія и боевой рѣшимости противъ существующаго строя, какъ до сихъ поръ. И въ этомъ году рабочій праздникъ продолжалъ захватывать новые слои пролетаріата и новыя мѣстности. Увеличилось число не работающихъ Первое Мая и число демонстрантовъ.

Намъ пришлось бы повторять въ сущности наши прежнія описанія майскаго праздника заграницей, если бы мы дали его обзоръ по отдѣльнымъ странамъ. За недостаткомъ мѣста отмѣчаемъ только важнѣйшую и для насъ наиболѣе отрадную особенность международнаго праздника въ этомъ году—протесты пролетаріевъ всѣхъ странъ противъ царизма.

Воззваніе Международнаго Соціалистическаго Комитета по поводу послѣднихъ событій въ Россіи (см. № 7-ой Листка) всюду нашло самый горячій откликъ. Передъ Первымъ Мая брюссельскій секретаріатъ этого Комитета (Ансель, Вандервельдъ и Серви) обратился къ рабочимъ всѣхъ странъ съ воззваніемъ, гдѣ онъ, обозрѣвая положеніе всѣхъ странъ, говоритъ о Россіи: „Царизмъ отнимаетъ автономію у Финляндіи, душитъ голосъ мыслителей и ученыхъ, превращаетъ университеты въ казармы, заключаетъ въ тюрьму молодежь, ссылаетъ въ Сибирь и избиваетъ на улицахъ борющихся рабочихъ, доводитъ до голодной смерти крестьянское населеніе...“ Центральный Комитетъ германской соціальдемократіи, какъ и комитеты соціалист. партій другихъ странъ, приглашали рабочихъ на первомайскихъ собраніяхъ протестовать также противъ царскаго деспотизма. И нѣмецкіе рабочіе съ восторгомъ послѣдовали этому приглашенію, протестуя вмѣстѣ съ сознательными рабочими всѣхъ другихъ странъ противъ „общаго врага демократіи и соціализма“.

Въ Бернѣ во время демонстраціи между другими знаменами развѣвалось также знамя съ надписью: „Долой царскій деспотизмъ! Да здравствуетъ русская революція!“ Союзный Совѣтъ Швейцаріи, давно уже трусливо угождающій реакціоннымъ правительствамъ разныхъ странъ, вмѣшался въ дѣло — очевидно, по требованію царскаго правительства. Онъ выразилъ свое „сожалѣніе“ по поводу того, что полиція не помѣшала демонстративному протесту бернскихъ рабочихъ противъ царизма и высказалъ „ожиданіе“, что бернское правительство „позаботится“ о томъ, чтобы „подобныя происшествія не повторялись“. Эта выходка Союзнаго Совѣта вызвала энергичный протестъ нашихъ швейцарскихъ товарищей какъ въ бернскомъ кантональномъ совѣтѣ, такъ и въ печати. Бернская соціальд. газета зло издѣвалась надъ буржуазными правителями Швейцаріи, которые столь же позорно, какъ и безполезно пресмыкаются у ногъ петербургскаго деспота: на основаніи конституціи, никакая власть не можетъ помѣшать „повторенію подобныхъ происшествій“. Такимъ образомъ вмѣшательство общешвейцарскаго — точнѣе, царскаго правительства только усилило сочувствіе швейцарскаго пролетаріата къ революціонной борьбѣ въ Россіи.

Однимъ словомъ, сознательные рабочіе всѣхъ странъ на этотъ разъ, наряду съ обычнымъ майскимъ протестомъ противъ существующаго строя, единодушно выступали противъ царскаго самодержавія и привѣтствовали послѣднія событія въ Россіи какъ „начало конца“ деспотизма, какъ зарю близкаго освобожденія русскаго народа.

Хроника революціонной борьбы.

Предмайскіе аресты.

Петербургъ. Въ ночь съ 17-го на 18 апрѣля въ Петербургѣ были произведены массовые обыски и аресты. Обысковъ было сдѣлано свыше 600; число арестованныхъ—300 чел. съ лишнимъ. Полнаго списка составить въ настоящее время еще нельзя. О рабочихъ, которыхъ арестовано очень много, мы имѣемъ пока лишь немного свѣдѣній.

Даемъ списокъ 107 арестованныхъ и 102 лицъ, у которыхъ были обыски.

Арестованы: Аругиновъ, студ. горн. Аронштейнъ, курс.-лесг. Беренштамъ В. В., пом. прис. пов. Беренштамъ М. В., прис. пов. Берингеръ, художн. Бернадскій, учен. лѣсн. Березинъ, лѣсн. Бобикъ, рабочій. Богдановъ. Богдановичъ А. И., секретарь „Мира Божьяго“. Брамсонъ. Бронштейнъ Ф., курс.-лесг. Вагнеръ, служ. на электр. ст. Верещагинъ, техн. Виллинокая Пасся, бѣлошвейка. Витеженецъ, инжен. Вржосекъ, С. К., пом. прис. пов. Ветреминецкій. Ганфманъ, пом. прис. пов. Гердъ Ю. Годаскинъ, ст. техн. Гороховъ, раб. Горнъ. Горюшинъ, секретарь „Жизни“. Грекова, рожд. Грекова, бест. Грецкій, статистикъ. Грибакинъ, чертежн. Гурвичъ В. Давыдова. Дерюгинъ, ассистентъ. Довгелло, рожд. Ермолаевъ М. С., ред. „Жизни“. Замова, касс. на пароходѣ. Захаровъ, наборщикъ. Зайцевъ, лѣсн.

Зайцевъ, техн., и его жена. Звѣревъ, горн. Зубелевичъ. Иванская, курс. Каждaнская, курс. Калашникова В. И. Коломейцева, мед. Карповъ, раб. Карфункель, д-ръ. Квицоридзе, писат. Кельхъ, ст. пут. сообщ. Киршнеръ. Козьмина, курс. Корниловъ А. А., литерат. Кузнецова, учит. Купріанова, Л. П. Локашъ, раб. Лекастъ, студ. унив. Лурье, инж. Лыгинъ. Маркова, библiот. Мaставрико, студ. мед. Медвѣдевъ. Медведева, рожд. Миклашевскій В. Миклашевскій М. П., литерат. Миронова, мед. Муратовъ, лѣсн. Муриновы, мужъ и жена, литерат. Мякотинъ В. А., литерат. Орловъ, лѣсн. Орлова. Осиповъ, раб. Павлинова. Павловъ, рабоч. Перцова. Петровъ (въ Н.-Новгородѣ). Полозниковъ, горн. Полянскій, раб. Поссе В. А., ред. „Жизни". Посталенко. Сабинина М. В., писат. Сахаровъ, горнякъ. Савинковъ Б. В., лит. Селюкъ, студ., арест. за предсѣдательство на *разрѣшенной* сходкѣ. Семеновъ, лѣсн. Скорута, горн. Скоповъ, раб. Слабина. Слѣпянъ, химикъ. Смирновъ, раб. Соколинъ, ст. техн. Сутковая, лесгафт. Тагѣевъ, ст. техн. Тарарыковъ, ст. ун. Токаревъ, лѣсн. Тихомiровъ, раб. Топоркова Ю. Г. Федорова, служ. на Р.-У. ж. д. Файнъ. Хавскій. Хижняковъ, врачъ. Хижнякова. Хоменко, студ. мед. Чистякова. Чуринъ, горн. Цапко. Цевманъ. Элланская, рожд.

Подвергнуты домашнему аресту: Венгеровъ С. А. Лесгафтъ П. Ф., профес. Пичахчи И. Я., врачъ. Родичевъ Ѳ. И., прис. пов., земскій дѣятель.

Фамилiи тѣхъ, у кого былъ обыскъ: Анненковъ, П. С. Алексѣевъ Д. Г. Бальмонтъ, поэтъ. Барій, д-ръ. Берингеръ, художн. Бабошинъ, лаборантъ. Бенуа. Беренштамъ О. П. Бончъ-Осмоловскій. Бражникова. Брамская. Брагинскіе Р. А. и С. Л. Бунге, пом. прис. пов. Ватсонъ И. В. Воронцовъ В. П. Вайнштейнъ. Вейнбергъ П. И., писат. Винбергъ. Гарюшинъ С. А. Гершуни, пом. дирек. зав. Гершунинъ, типогр. Глаголевъ, издатель. Глинка В. Л. Гольдштейнъ, М. Ю. Григорьева. Гуковскій. А. И. Гуровичъ М. И., издатель „Начала". Дельяновъ. Диксонъ К. И. Зябицкій, директ. маслоб. завода. Звягинцева. Звѣревъ, ассистентъ. Иванова, учит. Ильинъ, унив. Іоновъ В. А., статист. Калмыкова А. М. Караваевъ, статистикъ. Канцель, жена двинск. врача. Каминскій. Каррикъ В. В. Кирхнеръ. Кожевникова, фельдшер. Кранихфельдъ В. П. Каравичева. Крылова. Левицкій, горн. Левитинъ. Левитина. Леонтовичъ Ю. В. Лесевичъ В. В. Маркова, фельдш. Марголины, три сестры. Метальниковъ, лаборантъ. Метельниковъ, статист. Миклашевскій, С. П., Морозова. Могилянскій Н. М. Мундблиттъ. Мякотины. А. А. и В. А. Назарьева, учит. Никоновъ А. А., литерат. Обнинскій. Овчинниковъ, литерат. Осинскій, пом. прис. пов. Панкратьевъ, писат. Пантелѣевъ Л. Пантелѣевъ С., издатель. Пальчикъ И. Поваркинъ, адвок. Поварныхъ. Полубояринова. Пѣшехоновъ А. В. Ракитинъ, инжен. Рубакины Н. А. и К. И. Розенталь. Рудаковъ, санит. вр. Русаковъ, пом. прис. пов. Румянцевъ Н. П. Серебрякова, курс. Смидовичъ В. В. (Вересаевъ). Соколовъ. Стебницкій П. Я. Томилина. Тотаміанцъ, писат. Траутенбергъ, акуш. Ульманъ, инжен., завѣд. электр. ст. Уржумцева, З. В., учит. Фальборкъ Г. А., литерат. Френкель З. Г., санит. врачъ. Чернолусскій В. И. Чуринъ, студ. Чистякова. Шарый В., д-ръ. Щепотьевъ, писатель. Хирьяковъ А. И. Хижняковы В. В. и В. В. Яковлевъ, статист. Яснопольскій.

До начала іюня было освобождено всего 14 челов.

15 мая намъ писали: „Происходятъ высылки даже безъ допросовъ, а просто „по усмотрѣнію". Третьяго дня призвали въ охранное отдѣленіе массу лицъ изъ недавно освобожденныхъ и изъ обысканныхъ съ 17 на 18 апр. и объявили имъ о высылкѣ изъ Питера съ запрещеніемъ жить въ Москвѣ, университетск. городахъ и во множествѣ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ высылаются на 3 года —Никоновъ, Поссе и Ермолаевъ; на 2 года — Муриновы, Гуровичъ и профес. Лесгафтъ *); затѣмъ высылаются Короваевъ, петерб. статист. Родичевъ и многіе другіе. Это, говорятъ, „первая партія". За ней послѣдуютъ и другія. Предстоятъ по всей видимости еще многочисленныя высылки. Призвали напр. секретаря Вол.-Экон. Общ., смирнѣйшаго и невиннѣйшаго Кулябко-Карецкаго (у него во время массовыхъ арестовъ даже обыска не было) и объявили ему о высылкѣ изъ Петербурга на 2 года также съ запрещеніемъ жить въ унив. горо-

*) По слухамъ, благодаря ходатайству вел. князя Конст. Константиновича, проф. Лесгафтъ оставленъ въ Петербургѣ. Ред.

дахъ и проч. Вообще упрощенное производство доведено до крайнихъ предѣловъ. Ермолаевъ, Поссе и многіе другіе просидѣли въ тюрьмѣ по 3 недѣли и затѣмъ освобождены, а теперь высылаются, не будучи даже призванными къ допросу, такъ что они до сихъ поръ не знаютъ, въ чемъ ихъ собственно обвиняютъ! Проф. Лесгафту объявлена высылка также безъ допроса и безъ объясненія причинъ, словомъ безъ всего, что хоть сколько-нибудь могло гарантировать „права" россійскаго обывателя. И этотъ фактъ заставляетъ много о себѣ говорить. Всѣмъ высылаемымъ дали 2 недѣли сроку. Одно пріятно: несмотря на свирѣпствующія правительственныя репрессіи, рѣшительно нигдѣ не замѣчается подавленности и упадка духа".

Милюковъ, Мякотинъ, и Влад. Беренштамъ выпущены изъ тюрьмы и должны выѣхать изъ столицы.

7 іюня пишутъ: „На дняхъ были аресты. Начались 1 іюня; арестовано 15-20 челов. Извѣстны фамиліи: Кирилловъ, технологъ. Фогельмакъ. Куніанцъ (провиз. изъ Баку, куда былъ высланъ за демонстрацію 4 марта). Голикова, бестуж. (раньше была въ Берлинѣ). Устиновичъ и др.

Сюда привезенъ изъ провинціи гимназистъ Кершнеръ.

Петербургъ, 18 мая.

Горькій сидитъ въ Нижнемъ-Новг. въ тюрьмѣ. Онъ серьезно боленъ, о чемъ проскользнуло даже въ газеты. За такого знаменитаго писателя, какъ онъ, хлопочутъ его многочисленные поклонники и поклонницы даже въ высшемъ мірѣ, чтобы его выпустили, по крайней мѣрѣ хотя бы на поруки, но и это рѣшительно не удается. Нижегородскій прокуроръ Уткинъ возводитъ на него такіе грѣхи, что Сипягинъ рветъ и мечетъ. Кому-то удалось замолвить слово за Горькаго самому Николаю II, но въ одномъ случаѣ Николай промолчалъ, а въ другомъ отвѣтилъ, что онъ предоставляетъ Сипягину поступить по усмотрѣнію.

Кіевъ, 18 апр. Въ ночь съ 16 на 17-ое апрѣля произведены были у насъ массовые обыски и аресты. По словамъ полицейскихъ произ. 122 обыска. Число арест. выяснить даже сегодня трудно, тѣмъ болѣе, что и вчерашней ночью обыски и аресты продолжались. Извѣстно, что въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ вчера было 12 рабочихъ, фамиліи которыхъ пока неизвѣстны; по участкамъ и въ городской полиціи сидитъ, вѣроятно, тоже немало народа; такъ напр. прошлой ночью (съ 17-го на 18-ое) одинъ журналистъ видѣлъ, какъ казаки вели въ тѣ же арест. роты толпу—вѣроятно, рабочихъ. Къ сегодняшнему дню въ Лукьяновской тюрьмѣ прибавилось 56 политическихъ заключенныхъ — всѣ интеллигенты. Извѣстны слѣдующія фамиліи сидящихъ въ Лукьяновкѣ: Войноровичъ С., Штернбергъ З., Маршакъ В., Теплицкій В., Метельскій 1-й, Метельскій 2-ой, Павлюць 1-й, Павлюць 2-ой, Ковенскій, Лингартъ, Фидровскій и Ляскоронскій, студенты. Скаржинскій Л. и Гурскій, быв. студенты. Шишковъ, Викеръ Д., Филицъ Д., Леонтьевъ Б., Леонтьевъ А., Коварскій И. и Троцкій, политехники. Владимировъ М. Спекторъ Н. Веремьевъ А-ръ. Нейманъ К., освоб. Андреевъ Н. освоб. 20 апр. Евсѣевъ А. Тубянскій, врачъ. Чередиенко. Михаловскій. Хорошиловъ. Лесманъ Н. Козьминъ, инжен. Лещинскій. Луначарскій Н. Катауровъ, оконч. студ. Винтеръ Р. Липманъ, журналистъ. Полянинъ. Липманъ, юрьев. студ. Тичиковъ. Василенко и Мошинскій, окончившіе курсъ юрид. наук., освоб. Меркуловъ. Логвинскій. Бобровскій. Іосифовъ. Берманъ. Сашинскій.

Женщины: Старожевская, б. курс. Крючковичъ, учен. зубовр. шк. Дымшицъ. Паперно, загранични. студентка. Полякова К. Айзенбергъ, акушерка. Осадчая, учен. акуш. курс. Айзенбергъ, дантистка. Викеръ Розалія. Леонтьева, Авд. Рерихъ. Полякова. Рабиновичъ. Валланъ. Силинская.

Позже нам писали изъ Кіева:

Сегодня въ арестантскихъ ротахъ сидятъ 14 чел., все рабочіе. Въ томъ числѣ: два Голуба, два Блуштейна, два брата—кожевники, четыре закройщика отъ Лукашевича, одинъ изъ Офицерск. Эконом. Общ., одинъ наборщикъ, одинъ дамскій портной.

Сегодня ночью арестованы на Паньковской у угла Тарасовской студентъ и дѣвица и внизу Фунд. за Анатомич. театромъ два студента. Вчера съ вокзала привезли двухъ студентовъ.

30 апр. арестованъ Варшавскій, политехникъ. За расклейку прокламацій арестованы: Никитинъ и Агафоновъ, политехники, и Плеске, чертежникъ.

За демонстрацію 6 мая: Соколовъ, студ. мед. 5 курса, Костіева, быв. курс., Свѣтъ, учен. зубовр. шк., Лемзе и Захарьина.

Сидятъ въ Старокіевскомъ участкѣ: Виленскій, студ., и Родерманъ, рабочій.

Въ ночь съ 5 на 6 мая арестовано на Подолѣ 7 человѣкъ, изъ нихъ: 3 ученицы фельдш. школы, хозяйка и хозяинъ квартиры.

Екатеринославъ. Въ ночь съ 18 на 19 апрѣля арестовано до 80 чел., среди нихъ много женщинъ; рабочихъ чел. 40. Приводимъ фамиліи 24 арестованныхъ: Браиловская, уч. зубовр. школы. Бундюковъ и Воропаевъ, инжинеры. Воропаева, Добица, Коляевъ и Кулябко, служащіе въ управл. ж. д. Зелинскій, 15-лѣт. мальчикъ, освобожденъ. Команецкій и Сандомирскій, инженеръ Кунина и Рискинъ, акушерки. Кушнеръ, экстр. освоб. Левина, модистка. Нарушицкій, статистикъ. Нарушицкая, Панова, освоб. Позинъ и Стрижакъ, студ.-горн. Соколовская, курс. Соколовъ. Фольгинъ, частн. повѣр. Шейнъ съ женой. 22/23 апр. арестованъ Адамовичъ Евгенія.

Харьковъ.

Въ апр. и маѣ арестов.: Серебряковъ, студ. Харченко, статист. Млодзинскій, студ. Монашкинъ. Раб.: Ломовъ, Гешдъ, Колесниковъ, Булатниковъ, Булыгинъ, Мухинъ, Кучеренко, Смирновъ, Герасимовъ, Глуховъ, Синчуковъ, Снѣгиревъ, Филатовъ, Кудряшевъ, Рашкина, Рудаковъ, Шатеръ, Даниловъ, Устименко Исаакъ Винцъ, Карасина, Карасикъ.

Ростовъ. Въ ночь съ 17 на 18 апр. были арестованы: интеллигенты—А. Браиловскій, М. Венгеровъ, В. Вендтъ, Волковицкій, М. Воскресенскій, Я. Драбкинъ, Я. Житомірскій, Ф. Захаровъ, А. Локкерманъ, Минкинъ, А. Мочаловъ, Паскевскій (на 2 дня), А. Самойловичъ; рабочіе: Алексѣевъ, Журавленко, Ивановъ, Кабановъ, Катрановъ, Копыловъ, Кушниковъ, Локтіоновъ, Мальцевъ, Николашинъ, Столяровъ, Якоби. За исключеніемъ сидящихъ Браиловскаго и Венгерова, всѣ выпущены между 2-мъ и 14-мъ мая. Кромѣ того была масса обысковъ.

Нижній-Новгородъ. съ 17 на 18 апр. были арестованы: Горькій-Пѣшковъ. Скиталецъ-Петровъ Марковниковъ 1-й, Марковниковъ 2-й, Марковникова, Израйлевичъ Леопольдъ (гимн.) Соколова (гимн.). Израелевичъ Софья. Свердловъ (гимназистъ). Германъ, студ. Корсакъ. Войткевичъ, химикъ изъ земск. упр. (ар. 15 апр.). Кильчевскій, оконч. универ Яровицкій.

Кромѣ того было много обысковъ среди рабочихъ и арестовано 6 рабочихъ и 1 работница.—фамиліи неизвѣстны.

Кишиневъ. Передъ 1-ымъ Мая арест. 8 чел; 6 изъ нихъ выпущены. Сидятъ еще Яневичъ и Вассеръ.

Митава. 1 мая арест. около 10 рабочихъ при разбрасываніи прокламацій.

Горькій, по послѣднимъ извѣстіямъ, выпущенъ на поруки.

Аресты съ января по мартъ.

Петербургъ.

Списокъ заключенныхъ въ СПБ. тюрьмахъ къ началу 1901 г.

Въ Домѣ предварительнаго заключ.

Губенко Пав., раб. съ 900/10. Грижебовскій Ад., раб. 900/12. Грижебовскій Каз., раб. 900/1. Гутовскій Викен. 900/4. Домрачевъ Сергѣй 900/4. Друскина Сара, изъ Вильны Дубровина Марфа, лесг. 900/12. Зенковичъ Варв. 900/12. Калнинъ Эмил., лесг. 900/12. Клячко, пров. 900/8. Клячко, его жена 900/4. Карфункель Осипъ, студ. 900/9. Кудиновъ Ал., раб. 900/9. Леви Хая изъ Вильны. Липская изъ Вильны. Львовъ Серг. студ. 900/3. Митрохинъ Дан. раб. 1901/1. Масалитинова лесг. 900/12. Малиновскій Осипъ, раб. 1900/1. Мельчарскій Ромуальдъ 900/6. Немзеръ Давидъ изъ Вильны, Николаевъ Григ. 900/10. Плотникъ Янъ, раб. 900/1. Сладкопѣвцевъ Алекс. 900/4. Сверчевскій Ал-дръ 900/4. Старостинъ Илья, раб. 900/10. Изъ Вильны: Сольцъ студ., Стоцинъ Гильда, Ципкинъ Изр., Эпштейнъ Изр. Соркинъ М., раб. 900/8.

Выпущены въ декабрѣ—февралѣ:

Бурыкинъ Сем., Васильевъ Абр., Егоровъ Ив., Кузинъ Дмитр., Іофъ Ал-др., Хозяковичъ Эмма., Федоровичъ Фл., Сладкопѣвцевъ Михаилъ. Сладкопѣвцевъ Алексѣй.

Въ больницѣ Николая Чудотворца:

Кудрявцевъ Ал. 900/4. Колотовъ Дан. студ. 900/4. Палыцкій Іос. изъ Вильны.

Петропавловская крѣпость:

Изъ Вильны: Бернштейнъ Аким., Гельманъ. Зеликсонъ 900/11. Лешко изъ Вильны. Менкесъ Вольфъ 900/11. Сладкопѣвцевъ Мих. 900/4. Толмачевъ Петръ раб. 900/4. Романовъ Фед. 900/4.

Выборгская тюрьма.

Гильбихъ Фед., Петринскій Іос., Словакъ. Харитоненко Степ., Эрихъ Антонъ.

Арестованы въ ночь съ 28 на 29 января:

Милюковъ П. Н., Орѣховъ М. Д., Боголюбова Анна, лесг., Калачевская Ек. лесг., Петрова Тат. раб., Старкова Раиса лесг., Титова Ал-дра, бест., Шам-

бровская Гал. лесг., Шепетова Анна акуш., Фессалоницкая Ант. стен., Гордонъ Ева, жена пров. Техн.: Бройдо Маркъ, Кларкъ, Гамсонъ Анатъ, Самойловъ Дав., Черданцевъ Влад.; Электрот.: Мавромати, Спирид. Лѣсн.: Рерихъ, Богдановъ, Петрашкевичъ Стан. Унив.: Клейнбортъ Лев. Горн.: Людекенъ. Раб.: Петровы Ник. и Ал-др. Строгановъ Андр., Фридъ техн., Андреевъ Петр. раб. Потрасовъ Яковъ, Деличъ Спир., раб. Шебеко Мих. раб., Шигаровъ Дм. раб., Колесниковъ Анат. раб., Волковъ Вас. раб. Коньковъ Вас. раб., Волнистовъ Ив. раб., Павловъ раб., Осиповъ Вас. раб., Щепетовъ Петръ лѣсн., Красильниковъ Ник. раб., Сергѣевъ Фед. раб., Ивановъ Порфирій раб.

Арестованы съ 10 на 11 февраля:

Фурманъ Марта, учит. Уварова, бест. Митинскій Ал-др., проф., Г. И.

У насъ въ Петербургѣ обнаруженъ шпіонъ: называлъ себя **Жаровымъ**; по паспорту — онъ Митрофанъ Яковлевъ **Жабко**, а на его родинѣ, въ Воронежѣ, его знаютъ за М. Я. Жабкова. Онъ 22 лѣтъ, средняго, скорѣе малаго роста, волосы черные, глаза сѣрые, лобъ очень маленькій, напоминаетъ еврейскій типъ: его отецъ выкрестъ. Былъ слесаремъ въ Харьковѣ, Воронежѣ; въ Петербургѣ втирался въ знакомство со студентами, говоря о своемъ стремленіи къ образованію: его учили и онъ получалъ даровые обѣды. Побывавъ въ Дерптѣ, теперь уѣхалъ въ Воронежъ, говоря, что Воронежъ для него—золотое дно. Думаетъ о поѣздкѣ,—командировкѣ въ Таганрогъ.

Москва.

Извѣстны слѣдующія фамиліи арестованныхъ въ разное время въ Москвѣ, въ томъ числѣ и сидящихъ отдѣльно студентовъ и курсистокъ, взятыхъ во время послѣднихъ безпорядковъ: Алексѣевъ, раб. Андреевъ, раб. Бочкаревъ, Бубновъ, Ванѣевъ. Волошкевичъ, Зоновъ, раб., Камтельцевъ, раб. Никитинъ, раб., Машицкій, Луначарскій П. В. врачъ, Луначарская С. Н., Филиппова Л. В., Нѣмчинова С. А., Либрехтъ А. І., Слизаровъ М. Т. врач., Ульянова М. И., Островскій стат., Шредеръ жен. врачъ, А. И. Савельевъ, М. Н. Соломонъ, Г. А. Соломонъ, Рязановъ, врач., Высоцкій врач. Андреевъ Н. В., Андреева С. Н., Блумъ, Якуловъ, Зелинская, Гомелля, Дунаева С. Н., Владимірская. Студенты: Я. Граціановъ, Парковъ, Квашнинъ, Самаринъ, Ѳ. И. Кривобоковъ, Ильковичъ, Давидовскій, Черносвитовъ, Иваненковъ, Дунаевъ, Шмидтъ, Бакунинъ, Бобровскій, Глинка А. С., Мукосѣевъ Л. Н., Сысхинъ, Пятакинъ, Мойсеевы Б. и С., Кирѣевъ, Гусевъ. Курситски: Мазуренко, Масичъ, Шантарина, Данилова, Шапина, Марциновская, Биценко, Карпинская, Жилевичъ, Леонтьева, Носкова, Залѣсская, Журавлева, Гринева, Ярошевская, Жаботинская, Пѣсничевская, Бушъ, Люстигъ, Шедро, Комарова, Рогозина, Будиновъ, ст., Пархоменко, Байкова, Волкова, Коршунъ ст., Зальбергъ, медикъ 5., Радичъ, юр. 3 к. Коссовскій, Васильевъ, Соколовъ, Розенбергъ, ст. изъ Берлина.

Заключенные въ тюрьмахъ московскихъ:

Изъ Ковно и Гродно: Шмуль Блюменфельдъ щетинщикъ (3-й разъ), Альте Зильберштейнъ, Мордхель Закъ, Зальманъ (или Берцигъ) портной, Мейеръ портной (2-ой разъ), Вульфъ Рудинштейнъ.

50-70 человѣкъ изъ Екатеринослава, извѣстны слѣдующія фамиліи: Лолоянцъ, земскій статистикъ (мужъ и жена), Лукъянчикова (б. ссыльная), Рахиль Шинкаревская работница, Д. С. Кулагинъ инт., Ф. А. Рахмановъ ж. д. служ. П. О. Тихомировъ, С. И. Рабиновичъ, акуш., М. Г. Цхакая, Е. Крушель, студ. техн. Около 50 чел. изъ Вильно, фамиліи пока неизвѣстны.

22 марта въ Москвѣ были произведены аресты среди фармацевтовъ, служащихъ въ здѣшнихъ аптекахъ, за попытку устроить стачку. Было произведено много обысковъ, обыскивали даже въ помѣщеніи высочайше утв. Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Арестовано 16 чел. Изъ нихъ извѣстны фамиліи: Нахимовичъ (какъ говорятъ, арест. по доносу провизора Гейлига — господина, неоднократно занимавшагося этимъ благороднымъ дѣломъ). Цинкинъ (тоже говорятъ, по доносу аптекаря Кельчевскаго; сидитъ въ одиночкѣ). Прянишниковъ. Прозоровъ.

Харьковъ. Въ ночь съ 14 на 15 марта арестованы: Цинкинъ, врачъ. Козловскій, Берлинъ и Зубковскій, студенты. Коршунъ, лаборантъ (вып.). Дьяковъ, служ. въ совѣтѣ съѣзда горнопром. Габель, курсистка. Рабочіе: 6 чел. въ ж.-

д. маст. и 14 чел. на паровозо-строит. заводѣ. Изъ нихъ извѣстны фамиліи: Давыдовъ, Гречка, Степаненко, Толстоперстовъ, Волошка и Григорьевъ.

Тифлисъ. 10 марта арест. въ поѣздѣ Ипполитъ Франчески.

Ростовъ. Въ началѣ марта были обыски. Арест. Е Быстрицкая, работница.

Одесса. Полученъ приговоръ (подписанъ 24 января 1901 г.) по дѣлу лицъ, арестов. въ апр. 1900 г. и позже.

Поля Шрифтейликъ (модистка, рецидивистка)—6 мѣс. тюрьмы въ Одессѣ и 3 г. надзора. С. Горовицъ (акушерка, рецидив.)—6 мѣс. тюрьмы и 3 г. надз. Ройтманъ—2 г. надзора въ Одессѣ. Ландесъ — 1 г. надзора въ Одессѣ. Баргъ (акушерка)—2 г. надзора внѣ промышленныхъ и университ. городовъ. Маша Тумерманъ (рецидив.)—3 г. такого же надзора. Гринбергъ—3 года такого же надзора. Эстринъ—2 г. надзора. Исаакъ Корнблюмъ (привлекается въ 3-й разъ)—1 г. надзора въ чертѣ еврейск. осѣдлости.

Черниговъ. Въ серединѣ янв. арест. раб. Логиновъ и отвезенъ въ Харьковъ. Поднадзорный рабочій Василій Семеновъ перевезенъ по приказанію изъ Петербурга изъ Чернигова въ Мглинъ.

Гомель. Въ ночь съ 28 на 29 декаб. 1900 г. арестов. 22 челов.: Ашпизъ Ш., студ. (рецид.). Вольфсонъ Ш. (рецид.)—выпущ. въ фев. 1901. Гезенцвейгъ Н.—вып. въ февр. Гуревичъ Мордухъ — вып. въ фев. Драбкинъ А., поднадзорн. солдатъ (рецид.). Кантеръ М.—вып. въ апр. Маршовъ М. Файнштейнъ Х., раб. Хайкинъ, раб. Цейтлинъ Соломонъ, ок. юрид. факульт. Шадовскій И. (рецид.). Янковскій—всѣ отправлены въ Вилейскую тюрьму. Боградъ Д., работница поднадз.—вып. въ фев. Іоффе Раиса — вып. въ мартѣ—сидѣли въ гомельской тюрьмѣ. Далѣе: Рабинкова Р.—вып. въ фев. Забѣлишинскій, раб. Гольдина Д., поднадз. работница. Глобусъ Раиса—всѣ отправлены въ Москву; кромѣ того еще 4 чел., которые въ тотъ же день освобождены. Было также очень много обысковъ.

Въ ночь съ 30 на 31 дек. 1900 года арест. въ мѣст. *Вѣткѣ* близъ Гомеля 7 чел.: Козакевичъ А. Рейзинъ. Гершгорнъ. Ратнеръ (привезенъ изъ Полтавы). Фейгина Ева—выпущ. въ мартѣ. Беринъ, раб.; одинъ раб., фамилія неизвѣстна. Всѣ отправлены въ Москву.

Въ ночь съ 14 на 15 апр. арест. 14 челов. интел. и раб.: Клебановъ, инт. Огородникъ, конторщ. Левинсонъ, студ. Гинзбургъ, студ. (вып.). Рабочіе: Хейменъ, Каценельсонъ, Кантеревъ, Левъ, Раскинъ, Клевскій, Римерманъ, Ароновъ, Шапиро и Певзнеръ.

Арест. за майскую демонстрацію 16 чел. Работницы: Эпштейнъ, Р. Сорина, Э. Сорина, Элькинъ, Инзельбургъ, Малиновская. Рабочіе: Козачекъ, Крылевскій, Круткинъ, Пуховицкій, Альтерманъ, Гиндринъ. Павелъ Митрофановъ; фамиліи остальн. неизвѣстны.

22 апр. арест. Ш. Вольфсонъ (3-й р.) и К. Іоффе (отвезена въ Витебскъ, гдѣ освобождена).

4 мая арест. Залменъ Ароновъ, столяръ.

Съ 28 дек. 1900 по 4 мая 1901 арест. всего 62 чел.

Вильно. По дѣлу о нападеніи на полицейскій участокъ еврейскихъ рабочихъ съ цѣлью освобожденія товарищей, арестованныхъ за распространеніе евр. воззванія (24 мая 1900) осуждены 39 чел. Нѣсколько чел. пригов. къ ссылкѣ въ Сибирь на 4 и 5 лѣтъ, многіе къ тюремному заключенію; остальные отданы подъ надзоръ полиціи. Въ общемъ, не считая надзора и высылки изъ города, рабочіе получили по этому дѣлу 10 лѣтъ тюрьмы и 40 л. Сибири.

Арест. при типографіи „Бунда" въ Бобруйскѣ слесарь Ш.-Михель Каплинскій и его жена пригов. къ 4 г. надз., столяръ Сорока и его жена къ 3 г. надз.

Минскъ.

Объявлены уже нѣкотрые приговоры по „Бундовскому" процессу (въ связи съ арестами 26 іюля 1898 г.): Борисъ Фрумкинъ и его сестра (акушерка), арест. въ Лодзи, приговорены: первый къ 2-мъ годамъ надзора по выбору, вторая къ 1 г. надз.

Дальнѣйшіе приговоры по первому процессу „Бунда": арест. въ Минскѣ учитель евр. начальнаго училища Финъ 1 г. надз., жена его освоб. отъ наказанія; Фрумкинъ, техникъ, освоб. отъ наказанія; чиновникъ Румянцевъ—2 г. надз.; Слуцкины, братъ и сестра,—первый 2 г., вторая 1 г. надз.; Жислонъ 1 г. надз.; А Мытниковичъ (ар. въ іюнѣ 98, около 2 лѣтъ предв. заключ.)—2 г. надз.

Приговоры по виленск. и двинскому дѣлу (въ связи съ арестами 29 января

с/г.): Аделя Ляссъ портниха, Исаакъ Дзевенишскій, Іосифъ Ленскій, учитель, Цемахъ Булкинъ, Яковъ Пескинъ, Шмуэль Блюменфельдъ, Эстеръ Сахарова, акуш. и еще одинъ изъ Двинска—всѣ по 3 года Восточн. Сибири; Тойба Аркузская—2 г. Вост. Сибири, Маша Вальденбергъ—1 г. Вост. Сибири. — Баневуръ купецъ (арест. въ іюлѣ 98 г., провелъ больше $1^1/_2$ г. въ предв. заключ.) —4 года Вост. Сибири.

Варшава. Арест. въ фев. переплетч. Вайнбергъ — *90-лѣтній старикъ* — умеръ въ Цитадели. Его дочь сидитъ въ тюрьмѣ Павіакъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ февралѣ текущаго года въ Яренскѣ, Вологодской губерніи, умеръ политическій ссыльный Андрей Бѣлякъ. Покойный былъ въ полномъ смыслѣ слова жертвой бездушной жестокости русскаго правительства. Бѣлякъ былъ арестованъ въ 1894 или 1895 году съ транспортомъ „нелегальныхъ" литовскихъ книгъ. *) который онъ перевозилъ (какъ контрабандистъ) черезъ русскую границу (въ Ковенской губерніи). Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія Б. былъ освобожденъ и жилъ на свободѣ до приговора. Узнавши, что ему грозитъ ссылка на пять лѣтъ въ Вологодскую губернію, онъ рѣшилъ бѣжать въ Америку (гдѣ уже раньше жилъ нѣсколько лѣтъ). Онъ благополучно добрался до Гамбурга и сѣлъ на океанскій пароходъ, но по дорогѣ такъ сильно простудился, что его сейчасъ же по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ отправили въ больницу. Здѣсь ему отрѣзали одну ногу, другая же была такъ слаба, что онъ не могъ ходить даже при помощи костылей. Тогда онъ рѣшилъ, что ему, безпомощному калѣкѣ, нѣтъ смысла оставаться въ Америкѣ и нужно возвратиться въ Россію, гдѣ, думалъ онъ, его уже не сошлютъ, такъ какъ онъ вѣдь даже ходить не можетъ. Но едва онъ вернулся, какъ машина царскаго „правосудія" захватила его и онъ былъ по этапу отправленъ въ Вологду. Привезли его въ Вологду настолько больнымъ, что принуждены были помѣстить его въ больницу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, *зимой*, его отправили этапомъ въ самый худшій изъ городовъ Вологодской губерніи, въ Яренскъ, куда этапъ идетъ полтора мѣсяца (отъ Вологды до Яренска больше 700 верстъ, причемъ желѣзной дороги нѣтъ). Понятно, что Бѣляка привезли едва живымъ и опять прямо въ больницу. Едва онъ немного оправился, какъ его изъ больницы выписали, и онъ очутился одинъ (до прошлаго года въ Яренскѣ почти не было политическихъ ссыльныхъ, а если было, то не на долго), съ $2^1/_2$ рублями казеннаго пособія въ мѣсяцъ при страшно грубомъ отношеніи полиціи. Бѣлякъ заболѣлъ чахоткой. Противъ полиціи Бѣлякъ былъ настолько озлобленъ, что не хотѣлъ отъ нея брать даже пособія, предпочитая умереть голодной смертью. Только лѣтомъ 1900 года, когда въ Яренскъ пріѣхало много ссыльныхъ, удалось устроить жизнь Бѣляка сноснѣе: благодаря хлопотамъ товарищей, онъ былъ помѣщенъ въ больницу, гдѣ его часто навѣщали и гдѣ не могло уже быть того грубаго обращенія, какое бывало раньше. И Бѣляку были дороги эти заботы и участіе товарищей, дороже, чѣмъ внѣшнія удобства.

Эта ужасная мученическая жизнь не сломила Бѣляка нравственно: онъ остался такимъ же ожесточеннымъ врагомъ царскаго деспотизма какъ прежде, — вѣрнѣе, онъ сталъ еще болѣе ожесточеннымъ его врагомъ.

Хоронили его не враги, а друзья, умѣвшіе понять его мученическую жизнь... И чѣмъ больше будетъ такихъ друзей, тѣмъ скорѣе погибнетъ все то, что замучило Бѣляка и столько другихъ жертвъ деспотизма.

Апрѣль 1901 г.

*) Извѣстно, что русское правительство даже литовскіе молитвенники считаетъ запрещенными книгами, если они напечатаны латинскимъ шрифтомъ.

Отчетъ Кассира Союза Русскихъ Социальдемократовъ.

Отъ 25 ноября 1900 по 25 іюня 1901 *).

Приходъ.

Остатокъ отъ прежняго счета 194 ф. 91 с.; за лит. изъ Южной Россіи 10.—;

*) Въ предыдущемъ отчетѣ ошибка: сумма, полученная изъ Женевы за лит., заключаетъ въ себѣ также сумму въ 37.50, полученную изъ Фрейбурга на лит. и за лит.

Л. и М. *за* лит. 10.—; Л. и М. *на* лит. 25.—; изъ Москвы на трансп. 530.—; Ф. на лит. для Москвы 212.—; Петерб. Ком. Партiи 318.—; на конспир. расх.: отъ З. 13.75, отъ Б. 2.50; отъ В. 6.25; Ж. М. И. 82.15; отъ „Впередъ" 247.50; „Впередъ" и „Einigkeit" 173.25; за литер. изъ Берна 26.10; чер. N. О. Я. 27.50; Д. Д. Д. 53.—; членскiй взносъ 2.—; за лит. изъ Парижа 12.70; париж. группа 21.—; за нѣм. лит. изъ Берна 1.75; изъ Россiи 107.—; отъ Жен. Сиб. Кассы для кiевск. арест. по листкамъ №№ 2, 3, 5, 8, 12—53.20; отъ Красн. Креста имени Лаврова 50.—; отъ „Начало" 55.—; Z. изъ Лугано 19.40; изъ Болгарiи за лит. 1.—; возвр. долга 73.—; на раб. литер. изъ Женевы 6.35; отъ Жен. Сиб. Кассы за печатанiе прогр. и билет. 7.—. Winterthur для арест. 4.—; за литер. 1.25; отъ группы „Начало" 50.—; за литер. 2.—; пожертвов. 1.—; изъ О—ра 39.75; „Впередъ" и „Einigkeit" 56.25; изъ Саратова 119.25; изъ Катакомбъ 34.45; изъ Берна за лит. 37.85; В. К. Ф. 11.25; Д. Е. К. 45.96; Кiевскiй Комитетъ Партiи 132.50; Петерб. Комитетъ Партiи 927. 50; „Впередъ" и „Einigkeit" 71.95; за литерат. отъ „Впередъ" 17.10; А. 8.—; Винтертуръ 5.—; Дармштадтъ 33.86, изъ Нью-Iорка 100.30; отъ „Начало" 25.—; Z. 18.—; за портр. 4.50; за лит. для Россiи 20.75; Женева за лит. 5.65; отъ одной русской читальни 18.14; Вѣна 26.25; Цюрихъ 36.—; за нѣм. лит. 1.40; Л. и О. 16.—; собрано въ Бернѣ 2.—; за лит. изъ Берна 7.—; Гейдельбергъ 49.25; Цюрихъ 27.—; Л—на изъ Россiи 34.45; „Впередъ" и „Einigkeit" 143.50; за литер. изъ Берлина 7.10; Ж. М. И. 66.25; пожертвов. 10.—; изъ Женевы за лит. 18.20; для ссыльн. стачечн. собрано подъ „Новый Годъ" 80.—; за Р. Д. изъ Лейпцига 3.65; Женева 95.25; Петерб. за лит. 397.50; изъ Петерб. отъ частн. лица 500.—; изъ Петерб. на транспор. 315.—; Р—и 92.25; отъ К. на литер. и трансп. 530.—; член. взносы 8.—; за лит. изъ Брюсселя 5.30; чл. взн. 8.—; Лiонъ 14.20; спецiальная цѣль 100.—; Монпелье 30.—; Льежъ 20.—; Рефератъ въ Брюсселѣ 9.10; А. и И. 5.—; отъ „Бунда" за лит. 106.—; за печат. и достав. Листка Кр. Креста № 5—238.50; за лит. изъ Берлина 2.85; отъ „Бунда" за лит. 186.80; изъ Бобруйска чер. „Бундъ" за „Раб. Дѣло" 26.50; В. К. Ф. 27.60; за лит. изъ Берна 40.15; рефер. въ Бернѣ 19.40; Я. N. В. 12.30; за лит. 16.60; за бумагу отъ „Бунда" 251.40; для ссыльн. отъ Женев. Сиб. Кассы 50.—; М—ская студ. касса 117.—; Рефер. въ Женевѣ 33.30; пожертв. 6.84; за нѣм. лит.—.50; за лит. 10.—; за марки 5.—; изъ Вѣны въ стачечн. фондъ 11.15; на лит. 10.—; Цюрихъ 27.60; Харьковъ за лит. 79.50; Вѣна на лит. 12.10; за лит. изъ Женевы 8.30; за литер. изъ Ц. 6.—; Бернъ 124.65; за лит. изъ Берна 63.40; Ф. Е. 31.30; изъ Петерб. чер. Г. 132.20; отъ К. чер. К. 20.—; за лит. изъ Парижа 27.35; чл. взн. 6.—; кружк. взносы изъ Парижа 1.40; Парижъ 158.72; за литер. изъ Женевы 26.20; за марки 7.50; „Борьба" 14.28; изъ Halle 6.25; Цюрихъ за лит. 40.40; членск. взн. 2.—; за литер. изъ Парижа 7.25; отъ Харьков. Комит. Партiи 164.30; изъ Тифлиса 318.—; изъ Новороссiйска 66.25; П. В. 26.50; % изъ банка 3.97; —ъ за лит. 7.95; Лейпцигъ 58.43; Лейпцигъ за портр. 38.75; „Впередъ" и „Einigkeit" 150.90; „Впередъ" и „Ein." за лит. 21.34; возвратъ конспир. расходовъ 22.75; отъ „Бунда" за бумагу 100.—; остатокъ расх. на трансп. 20.—; отъ Нью-Iоркскаго Студ. Общества 314. 15; изъ Кетена для ссыльн. стач. 11. 10; Дармштадтъ для ссыльн. стач. 35. —; отъ Д. на раб. лит. 10.—; отъ библiотеки въ Cöthen'ѣ 7.—; за лит. 80.64; за лит. изъ Clarens 3.50; Гейдельбергъ 43.09; изъ Италiи 50 лир. и отъ О. 10 лир. и 6 рублей; Вѣна 11.27; Clerens 41.50; за марки: изъ Берна 101.—, Митвейда 6.—, Цюриха 35—.; В. К. Ф. 18. 40; за лит. изъ Берна 61.55; А. П. Р. 60.74; за бум. отъ „Бунда" 197.85; отъ „Бунда" за лит. 26.50; отъ кр. „Начало" 350.—; член. взн. 16.—; Парижъ 1.50; Болгарiя за лит. 5.—; Лiонъ 27.—; изъ пространства 130.—; M-me Debroukère (въ долгъ) 1.000; nous sommes tenus de rembourser cette somme au commencement du mois d'octobre courant; М. И. изъ Петерб. 400.—; изъ Петерб. 160.—; заемъ 1.000 —; на трансп. отъ Ак. 266.—; Мюнхенъ 386.30; отъ рабоч. за лит. 1.—; Льежъ для ссыльн. стач. 37.—; изъ пространства на петерб. движ. 133.—; Льежъ 60.—; изъ Льежа на собранiи 50.— и экстр. сборъ 17.—; Парижъ 130.—; Л. И. 135.—; Ар. 94.75; Кiевскiй Комит. Партiи 134.69; изъ К. 125.—; на конспир. расходы: отъ К. 12.50, М. 134.68; пол. возвр. 37.75; изъ К. экстр. сбор. 25.—; за лит. изъ Берлина 18.75; „Впередъ"

250.—: на „движеніе“ изъ Мюнхена 100.—; Льежъ 97.—; экст. сб. въ Женевѣ 36.50; Montreux 5.—; за лит. изъ Италіи 4.62; экст. сб. въ Италіи 6.—; за лит. изъ Лозанны 25.85; экст. сбор. въ Лозаннѣ 38.70; взносы изъ Лозанны 17.73; Гейдельбергъ 8.75; изъ Петерб. 132.50; за лит. 125.80; Парижъ 230.—, въ томъ числѣ отъ бессарабца 100.—; Мюнхенъ на „движ.“ 308.—; изъ Ильменау 4.—; экстр. сб.: Цюрихъ 28.25, Ліонъ 20.— и Женева 2.—; изъ Ліона 10.50; отъ стар. народовольца 100.—; отъ нѣмецк. друга 12.50; изъ Назарета 132.50; Петерб. Комит. Партіи 580.43; экст. сб. 128.75; изъ города Ф. для пострадавшихъ во время февр. и мартов. событій 149.62; изъ М. 9.12; за литер. 1.—; за картины 14.37; „Впередъ“ и „Einigkeit“ 13.43; „Впер.“ и „Ein.“ за лит. 13.43; за лит. изъ Берна 52.60; за марки изъ Берна 9.30; I. A. M. 37.21; чл. взн. 2.—; Л. чер. К. 2.85; за лит. изъ Парижа 3.65; сборъ Б. К. въ Парижѣ, въ концѣ апрѣля: Jaurès et Gérault Richard par B. K. (Жоресъ и Жеро-Ришаръ) 500.—; deux amis de Gérault-R. (отъ двухъ друзей Жеро-Р.) 150.—; Бессарабецъ 100.—; Edouard Vaillant (Э. Вальянъ) 20.—; супруги Пет. 150.—; читатель „Наканунѣ“ 50.—. За лит. отъ Bellais 50 фр.

Всего **19.450 фр. 51 с.**

Расходъ.

Типогр. расходы (кварт., наборъ, печат., брошюровка и т. п.) 5.338.86; почтовые расх. 572.46; телеграммы 130.53; транспортировка 6.963.76; разсыл. лит. 100.44; посылка денегъ 35.65; разные 155.24; печать 2.10; расх. по редакціи 900.—; билеты для сборовъ 12.—; мимеогр. бум. 25.—; въ долгъ Н. 70.—; сотруднику 50.—; „Бунду“ слѣдующую ему часть изъ Вѣнск. и Винтертурск. денегъ 15.12; долгъ В—цу 200.—; складъ 136.25; кіевскимъ арестов. 103.20; стач., сослан. въ Сибирь 213.10; чужая лит. 48.45; конспир. расх. 985.—; картины 456.25; расходы по администраціи 1.202.75; поѣздки 1.033 фр. 47 с.

Всего **18.749 фр. 63 с.**

Приходъ 19.450 фр. 51 с.
Расходъ 18.749 фр. 63 с.
Осталось въ кассѣ 700 фр. 88 с.

Отчетъ Кассира Заграничнаго Комит. Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ.

(Отъ 1 іюля 1900 до мая 1901 г.).

По случаю пожара счеты потеряны за время отъ 1 іюля до 20 сентября 1900.

Получены были кассиромъ: 100 кр. изъ Швеціи, 500 мар. отъ Берлинскаго Holz-Arbeiter-Verband, 50.40 отъ Лондонскаго отдѣленія „Бунда“, изъ Парижа 40 фр. и 7.05, изъ Цюриха 35.10; Лозанны 8.— все на стачку щетинщиковъ. 100 фр. отъ Нью-Іоркскаго Russischer Revolutionärer Unterstüzungsverein, 50 фр. отъ Цюр. Сиб. Кассы, 30 ф. для арестованнаго М., изъ Дармштадта 19.70 и т. д. Всѣ деньги для стачечниковъ и арестованныхъ были отосланы въ Россію. Всего за это время въ кассу поступило (вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежняго счета) 2.746 ф. 07 с., израсходовано же 2.345 фр.

Приходъ.

Получено отъ 1-го іюля до 20 сент. 1900 г. 2.746 ф. 07 с.; потерянный манускриптъ 150.—; собрано въ Парижѣ 35.65; за литер.: изъ Брюсселя 6.—; изъ Лондонск. Отдѣл. Бунда 20.—; изъ Парижа 4.95; отъ Г. изъ Лидса 5.—; отъ одного южно-русскаго города 5.90; изъ Женевы 14.75; Берна 63.10; Берлина 29.62; отъ I. 3.—; Митавы 13.25; Ковна 172.65; Лейпцига 1.—; отъ друзей 1.000.—; изъ Америки отъ Russ. Revol. Unterst. Verein 175.—; Л. 5.—; Ліонъ 9.80; отъ П. 221.20; Винтертуръ 2.—; Мюнхенъ 42.—; отъ Р. (5 шведск. кронъ) 5.25; отъ евр. библ. въ Cöthen'ѣ 5.—; Гейдельбергъ 18.47; П. Б. Аксельродъ 4.—; Дармштадтъ 54.18; отъ Гомел. Комит. Бунда 92.75; изъ О. 26.75; балъ въ Бернѣ 77.85; рефер. въ Бернѣ 55.20; Б. 7.95; Е. Ф. Ч. 20.—; за бумагу 1.—; на раб. лит. изъ Женевы 4.55; пожертвовано въ Женевѣ (1, 2, 1, 2, 1, 3)=10.—; отъ Париж. соц.-дем. группы 9.60; Д. Е. Ц. 41.96; отъ одной русской читальни 6.16; рефер. въ Женевѣ 54.45; балъ въ Женевѣ 97.25; для Варшавск. Комитета Бунда 119.25; К. К. 20.20; В. В. 30.—; B. N. Я. 52.95; N. O. Я. 42.25; отъ Л—а 2.—; В. 1.—; отъ Д—ра 2.—; отъ разн. лицъ 3.70; отъ М—ой студ. кассы 117.—; за поздрав. карточки 2.56; долгъ

25.—; на литер. 10.—; Цюр. К. 72.—; Цюрихъ 37.68; балъ въ Цюрихѣ 42.—; рефер. въ Цюрихѣ 22.—; Вѣна 13.12; изъ Вѣны на лит. 12.10; балъ въ Бернѣ 166.20; В. Е. Ф. 131.27; вечеринка въ Парижѣ 68.25; другая вечеринка въ Парижѣ 68.03; отъ кр. Einigkeit 338.07; за картину - -.85; отъ кр. „Борьба“ 9.52; отъ кр. „Freiheit“ 100.—; отъ него же на шрифтъ 100.—; изъ Вѣны 11.28; отъ Нью-Іоркскаго Отд. Бунда 324.45; Д. Д. Д. 25.—; N. Д. 5.—; А. П. Р. 119.20; G. G. 43.50; К. Б. Ф. 17.20; В. К. Ф. 114.51; отъ Лонд. Отд. Бунда 100.80; Женева (пари) 3.50; за марки 57.25, отъ кр. Впередъ и Einigkeit 529.52. Итого 8.278.52.

На стачки получено:

Въ стачечн. фондъ отъ G. G. 27.20; изъ Winterthur'а отъ Allg. Arbeiterbildungs Verein 20.—; изъ Берна 147.55; отъ Einigkeit и Впередъ 126.69; изъ Женевы 30.50; отъ М. 123.14; ? —.50; ? 1.—; Брюссель 16.50; Парижъ 52.—; изъ Парижа чер. Крич. 29.—; Лозанна 7.50; Дармштадтъ 34.47; Италія 33.10; Clarens 13.—; Цюрихъ 12.65. Итого 674.80.

Для арестованныхъ и сосланныхъ:

Отъ Париж. Сиб. Кассы чер. К. 53.10; отъ А. для Варшавскихъ арест. 10.—; отъ Цюрихск. Сиб. кассы 464.—; отъ Бернск. Сиб. кассы 182.50; отъ Женев. Отд. Кр. Кр. 330.—; оттуда же для эмиг. 50.—; отъ Лозанн. отд. Кр. Кр. 40.—; оттуда же для эмигр. 50.—; отъ Парижск. Сиб. Кассы 67.—; N изъ Парижа чер. П. и К. 10.— отъ Russ. Emigrant. Unterstüz. Verein въ Лондонѣ 59.20; отъ Ньюіоркск. отд. Бунда для евр. Кр. Кр. 162.23; оттуда же для Цюрих. Сиб. Кассы 162.22. Итого 1640.25

Въ общемъ поступило **10.593.57**

Израсходовано **10.387.20**

Осталось **206.37**

Расходъ.

Израсходовано отъ 1-го іюля до 20 сент. 1900 2345.—; типографскіе расходы (наборъ, пичатаніе, квартира, новый матеріалъ...) 3558.71; бумага 548,60; почтовые расходы 214.27; поѣздки 149.25; телеграммы 51.60; Центральному Комит. Бунда 637.85; чужая литер. 90.49; Варшавскому Комит. Бунда 199.50; разсылка литер 69.80; литерат. работа 135.—; вѣнокъ на гробъ Либкнехта 37.50; разные 46.58; конспиративный расходъ 50.—; транспортировка 102.75; печати 8.25. Всего 8.245.15

На стачки израсходовано:

Лодзинскому Комит. Бунда 87.50; Союзу Щетинщиковъ 478.80; почтовые расх. 8.83. Всего 575.13.

На сосланныхъ и арестованныхъ:

Для сосланныхъ Могил. губ. чер. П. 74.90; чер. М. для Сибири 146.30; чер. Центр. Комит. для арест. Гомеля, Витебска, Вильны, Варшавы и сосланныхъ въ Сибирь и Могил. губ. 1180.42; эмигранту 150.—; литерат. для сосланныхъ 5.30; почтов. расх. 10.— Всего 1566,92.

Общій расходъ **10.387.20.**

Послѣдніе аресты въ Петербургѣ:

Арест. въ ночь на 17 (30) іюня: Пономаревъ, конч. техн. Покровскій, врачъ. Хесинъ, врачъ. Черкесова, ф—рица. Любинская, служ. въ банкѣ. Надель, Занчевичъ, Логачева и др. Взято много рабочихъ, въ томъ числѣ всѣ выборные депутаты на Обуховскомъ заводѣ, несмотря на то, что директоръ завода ручался за ихъ неприкосновенность.

СОДЕРЖАНІЕ: Первое Мая въ Россіи: обзоръ и корреспонденціи изъ Петербурга, Кіева, Харькова, Ростова, Тифлиса, Сѣверо-западнаго Края и Польши. Первое Мая въ Финляндіи.—Изъ Нижняго-Новгорода и Чернигова.—По тюрьмамъ.—Майскій праздникъ заграницей.—Хроника арестовъ.—Некрологъ.—Отчеты.—Послѣдніе аресты въ Петербургѣ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 60 сант.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.
Женева 1901.